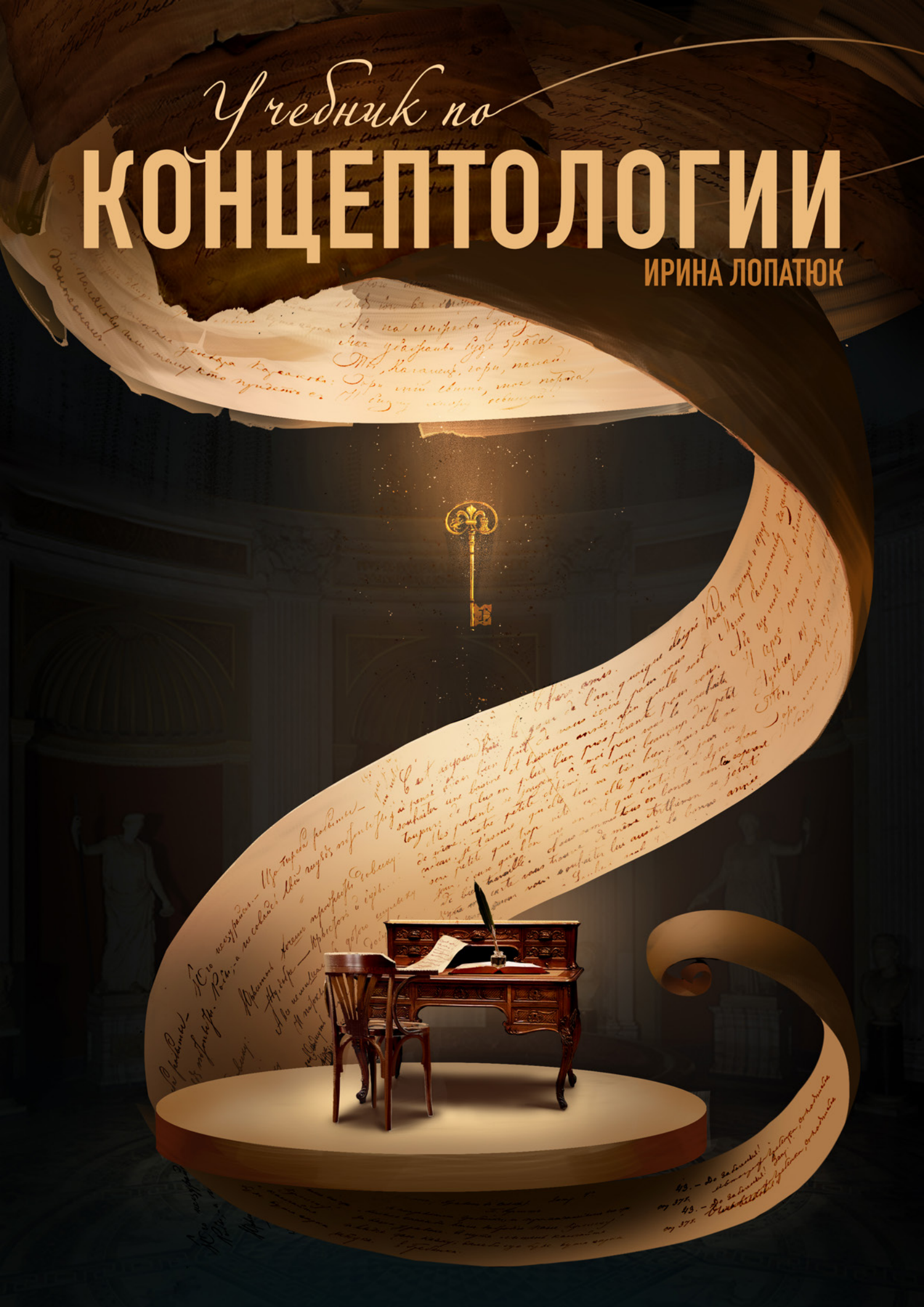
Учебник по КОНЦЕПТОЛОГИИ

ИРИНА ЛОПАТЮК

ИРИНА ЛОПАТЮК

Учебник по КОНЦЕПТОЛОГИИ

Одесса, 2022 год.

Ирина Лопатюк
ЧП «Издательский дом «Патриот»,
Одесса, 2022. – 423 с.
Издательский идентификатор 95051
ISBN 978-617-95114-8-6

Эта книга не состоялась бы без вклада творческого генератора и знатока высших материй - нашего уважаемого литературного редактора, Кима Борисовича Каневского

GENEROSUS ANIMOS LABOR NUTRIT.
ТРУД ПИТАЕТ БЛАГОРОДНЫЕ СЕРДЦА.

СОДЕРЖАНИЕ

1 НА ДОРОГУ 5с.
2 НЕ БЕЗ ДЕТЕКТИВА 8с.
3 ОТМЫЧКА ПО ИМЕНИ КОНЦЕПТОЛОГИЯ 22с.
4 РЫБА В АКВАРИУМЕ 54с.
5 ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА 83с.
6 КОНЦЕПЦИЯ «ЯДРО ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА» 102с.
7 МЕТОД «АНТИ-ЧТО-ТО» 120с.
8 МЕТОД СМЕЩЕНИЯ 134с.
9 МЕТОД «ИСТОРИЗМ» 151с.
10 РАБОТА С МИФОЛОГЕМОЙ 177с.
11 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «МАТРИЦА ЖИЗНИ» 190с.
12 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. МАТРИЦА ЖИЗНИ, АКТ 2 202с.
13 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ – МЕТОДОМ АУДИРОВАНИЯ 214с.
14 ДВИГАТЕЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА (ДДС) 283с.
15 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. «ПАРАДОКС» 252с.
16 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. ПОИСК ПАРАДОКСА 266с.
17 МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ: ИГРА СО ВРЕМЕНЕМ 276с.
18 ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ 287с.
19 КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА 300с.
20 ИСТОЧНИКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ 326с.
21 АМАЛЬГАМНЫЙ МЕТОД 346с.
22 АМАЛЬГАМА: ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К НЕЙ 350с.
23 МАГИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ 366с.
24 ПРЕВРАЩЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ФОРМУЛЫ В КОНЦЕПЦИЮ 390с.
25 МЕТОД СОЗЕРЦАНИЯ АБСУРДА 398с.
26 КОМБИНИРОВАННЫЙ МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ 408с.
27 И НАПОСЛЕДОК…. 422с.

1 НА ДОРОГУ…

Слава Богу, как говорится. Наконец-то, мы встретились. Наше почтение, читатель дорогой. И, пожалуйста, поверьте двум писателям на слово: такое приветствие никак не связано с излюбленным литературным приёмом гиперболизации. То есть, преувеличения. Ты нам и впрямь дорог. Ну, не скажем, что дороже всего на свете, сочинять не будем. Но из самых дорогих. И это — та правда, которая нам не дёшево далась. Ведь именно с тобой, дорогой, нам сейчас отправляться в дальнюю-дальнюю дорогу по строкам, абзацам, страницам новой этой книги. Так что присядем с тобой на дорогу. Подумаем, соберемся с мыслями. Прикинем, что к чему. И в глаза друг другу взглянем. В глаза!

Объяснимся. Ведь, как это обычно бывает с новыми книгами, мы — на равных в том, что не знаем, как именно ты теперь вовлечёшься в чтение. И вовлечёшься ли вообще. Хотя, ты у нас — человек умный, и сам понимаешь, что очень крепко надеемся вовлечь тебя в это занятие. И для этой надежды у нас есть некоторые основания. Пока сидим-беседуем на дорогу, узнай: пройдя её с нами, ты не только заполучишь в своё распоряжение много интересного и полезного (это у тебя бывало и с другими книгами), нет; главное — в твоих руках окажется некий инструмент, открывающий… несгораемый шкаф самой судьбы. Ни больше и ни меньше. И в этом тоже — ровнехонько никакой гиперболизации. Образно говоря, такие устройства судьба нередко ставит перед человеком. Поди, открой! А если нет — пожалеешь. Не часто ли ты сам, читатель, оказывался перед необходимостью решить затворённую жизненную задачку? Иногда она поначалу казалась не такой уж и сложной. Подумаешь, открыть этот замок! Да ногтем мизинца левой руки! И что же? Честно-откровенно: ведь небезызвестна тебе горечь разочарования. С досадой заодно. Не вышло. А бывало, сразу же или чуть позже ты пасовал перед задачкой запорного механизма. Мучил его, мучил себя. Нервничал, волком хотел выгрызть. Позорился ненормативной лексикой. А задача оставалась нерешенной, а загадка оставалась неразгаданной. А дело оставалось несделанным. И шли вы далее, оставляя на душе эту ссадину. И уговаривая себя его головоломной сложностью, изначальной нерешаемостью. А то и своей слабосилкой. Что уж никак не вдохновляло на дальнейшее…

Давай, пока ещё есть время — положи руку на душу: сколько раз она вздыхала и вскрикивала: «Вот тебе — раз!», «Что за чёрт!», «Опять!», «Сорвалось!», «Не вышло!». И так далее, и подобное из того же минорного словаря, вплоть до «Да будь оно проклято!» и «Если я ещё хотя бы раз…». «Сопляк!», «Слабак!», Неудачник!». Ну, да, читательская склонность к фатализму, в конце концов, всё это обобщает нередко убеждённостью в изначальной личной неудачливости и, стало быть, обречённости. Соответственно, «Сгорел забор — гори и хата!» и «Не тратьте, кум, силы — спускайтесь на дно…». А вот сейчас мы с тобой встанем, ступим за порог этой книги, и ты вдруг, читатель наш драгоценный, на первых же шагах почувствуешь, а на вторых-третьих узнаешь: те ситуации вовсе не были изначально-фатально-провальными. Просто, извините, с дуру да сослепу несгораемый шкаф судьбы не даётся. Даже если очень хочется, очень надо его отпереть. Как говорится, всё хотеть — «хотелок» не хватит. Но нужно не пасть духом, собраться с мыслями, кое-что познать. Кое-что почитать. Например, эту нашу книгу. Не по такому ли поводу говорил ещё в 20-е годы XX столетия великий наш земляк Остап Бендер: «Жизнь, господа присяжные заседатели, это сложная штука, но, господа присяжные заседатели, эта сложная штука открывается просто, как ящик. Надо только уметь его открыть. Кто не может открыть, тот пропадает». Присоединяйся, читатель, к освоению этого принципа. Смело.

Так вот, решились мы потратить на всё это свои, и конечно же, ещё более дорогие нам твои время и силы на то, чтобы помочь тебе овладеть этой самой штукой, которую признавал ещё сам Великий Комбинатор. А ведь его тоже некогда придумали два писателя, присевшие с читателем дорогим вот так, на дорогу. Увы, великие наши земляки Ильф и Петров не дали увлечься изучением-освоением искомого устройства. Да и времечко тогда было совсем-совсем другое. Вы же сейчас, как говорили в Одессе, имеете шанс получить в своё распоряжение то самое главное устройство, без которого нечего и думать об успехе дела — независимо от его характера и масштаба. Знаете — о чём речь? Скоро узнаете. Если, для начала, называть это одним словом, то оно вам, человеку начитанному и насмотренному, напомнит о возлюбленной другого всемирного лит./киногероя — Д'Артаньяна. Да-да, мы и говорим: Констанция. Словечко латинского происхождения, означает постоянство. Ведь именно она, в конечном счёте, и не без значительных усилий открыла шевалье счастливый сейф жизни. И определила его постоянство в блестящих решениях сложных жизненных задач. А нас в данном случае вдохновляет имя Концепция. Происхождения, примерно, того же. О значении — подробнее и позднее. А созвучие сие не случайно. Пойдёмте с нами — и вы вникните в эту самую Концепцию, овладеете ею, как Д'Артаньян Констанцией — полностью. И отопрёте тот самый несгораемый шкаф судьбы ещё не раз. Что принесёт не только практические успехи, но и веру в себя. Остап Бендер оценил свою веру в человечество в миллион рублей? Помните: «…Разве это не стоит миллиона рублей, вера в человечество?». Мы убеждены: вера человека в себя стоит много дороже.

Не скажем, что в пути нашем с вами можно обойтись без усилий — великому гасконцу тоже ведь не мимоходом дались успехи. Дорога дальняя. Хоть и минует казённый дом. Она может принести и некоторую усталость, и желание привала. Придётся порой мобилизовывать и волю, и мышление. И даже воображение — какая же литература без образа (разве что — безобразная), а образ в литературе требует и читательской фантазии. И однако же, наша любовь к читателю предполагает и уважение, и доверие к нему. Полагаться на его врождённые любознательность и понятливость. Думаем, разберётесь. И нас поймёте. Да и засиделись. Чего тут дольше теоретизировать. Пора вставать и идти. А как оно там будет… Как говаривал другой писатель, Наполеон Бонапарт (вот уж, кстати, кто умел отпирать несгораемые шкафы судьбы!) — сначала нужно как следует ввязаться в драку, а там видно будет. Пошли…

2 НЕ БЕЗ ДЕТЕКТИВА…

А теперь, читатель дорогой, засвидетельствуйте: нижеследующее — по сути неправленая (то есть особо точная) стенограмма беседы двух писателей в вашем присутствии. Читатель становится свидетелем и в некотором роде — соучастником. Так коротали начало пути. На Востоке говорят: дорога короче, когда попадается весёлый попутчик. Хотя беседа вышла отнюдь не сплошь весёлой, она сразу же заинтересовала читателя, о чём свидетельствуют его — хоть и не слишком частые, но — вопросы. Порой — даже вопросы комментированные. Тем более, на этом этапе пути устанавливаем мы известный дорожный знак: «Впереди — крутой поворот!». И сквозь туман истории нашей здесь проступят вскоре любимые читателем детективные моменты. Да ещё — какие! Итак…

– Итак, глава следующая. Буду с вами предельно откровенна. С читателем, который уже пошел с нами, многое ясно. А как быть в отношении тех, кого не вдохновляет описание субъективных наших поисков, размышлений? И тех, не привлечённых столкновением с логичными вопросами типа «Что же конкретно использовать, чтобы у меня все получилось?».

– Пожалуй, следовало бы предложить им пройти мимо этой главы, потому что она именно такова. Глубоко субъективная, авторская, соавторская. И в некоторой степени — даже личная.

– И заметьте, на первый взгляд — малосвязанная с темой-идеей жизнеспасительной концепции и концептологии. Строго говоря, изначально ни о какой концептологии, и вообще о термине «Концепция», я не задумывалась.

– Даже несмотря на то, что концептология — ключевой навык эпохи? Вы ведь посещали и конспектировали усердно те лекции?

– Безусловно, на первых лекциях, посвящённых методам концепции, и я, и мои коллеги обращали внимание на совершенно новый подход. По факту, мой Шеф ранее не открывал нам дверь в таинственный мир «Четвёртого уровня истории» — уровня тех великих личностей, которым подвластны порядки этого мира.

– Но полагаю, мы этого коснёмся? И в подробностях?

– В последующих главах я обязательно доложу вам и дорогому читателю, как именно поступал в этом плане мой Шеф. Иными словами, ссылаясь именно в подробностях на первоисточник — как именно он подходил к тому, чтобы научить нас методам, позволяющим видеть и генерировать концепции.

– Вот-вот, пусть читатель знает о том, какие подробности его ожидают.

– В большинстве глав я буду не просто ссылаться на слова Шефа, но постараюсь предельно точно цитировать и его, и исследовательские материалы наших коллег из Экспедиционного корпуса, дабы показать, каким образом методы концептуализации помогут ему, читателю, современному жителю планеты Земля, организовывать свою жизнедеятельность в режиме достижений, побед и вообще — позитивных результатов.

– Вот вы сказали — изначально о терминологии не задумывались. Но какое-то слово ведь было в начале? С чего и когда для вас это началось?

– Всё началось с того, что в ходе подготовки к научной исследовательской экспедиции в Нидерланды Шеф предложил мне и коллегам поучаствовать в одном эксперименте. Эксперимент был крайне интересным хотя бы ещё и потому, что я никогда ни в чём подобном не участвовала. Суть заключалась в том, чтобы за 3 дня попробовать придумать концепцию, отражающую подход к исследованию неизвестной территории, а именно — Нидерландов.

– Нидерланды мировой обыватель называет уменьшительно-ласкательно Голландией. На деле это довольно большая страна с богатейшей историей и культурой. Речь шла обо всей этой *Терра Инкогнита?*

– Если выражаться более просто, представьте, что мы сидим с вами за чашечкой кофе, и рассуждаем в сослагательном наклонении — какими могли быть настоящие Нидерланды. И излагаем не умилительно-пасторальные, блистающие европейскими лозунгами рассказы и небылицы о современных Нидерландах, но исторические факты и события, замыслы и свершения, которые и определили облик достаточно непростой и даже загадочной страны, в современности именуемой Нидерландами. Мы с вами можем не знать исторических нитей, образовавших ход событий и переплетения судеб, повлиявших на становление современных Нидерландов. Но этого нам в данном случае и не нужно. Наша задача — экспериментальный сценарий, отражающий исследовательскую концепцию Нидерландов.

– Вот и скоротаем дорогу рассказом о том, как, по рекомендации Шефа, отрабатывали концепцию фильма о неизвестной территории. Чтобы и вам, и зрителям было и интересно, и идейно насыщенно, и главное — практически полезно. Допустим, в нашем распоряжении… ну, дня два-три.

– Допустим, также, в экспериментальной проектной группе нас было 8 человек. Каждый день мы работали над нашим детищем около 2–3 часов. Конечно же, в самом начале мы даже не знали, за что ухватиться, с чего стартовать и от какой печки плясать.

– И всё же, с чего-то вы начали? От какой печки плясали?

– Не без подсказки извне, мы начали с неких фактов, то есть, попросту говоря, изучали всё подряд. К примеру, посмотрели несколько сюжетов на Ютубе, познакомились с самыми главными фактами истории Нидерландов. Всмотрелись-вслушались в особые рассказы о том, почему эта страна — выдающаяся, какие герои и мыслители в ней жили, да какие умы она подарила миру.

– Итак, к минимуму сведений о Нидерландах, обретённому ещё в пределах школьного курса истории и географии, было присовокуплено более сложное, более детальное и образное представление о стране и государстве.

– Точно. И мы возрадовались. Поистине, Нидерланды — весьма богатый и очень неоднозначный край. Неоднозначный в том плане, что далеко не всё могут объяснить современные историки. Честно говоря, отступая в сторону, отмечу, насколько современные историки и другие учёные недальновидны. Нидерланды — это настоящий кладезь, подлинная и ни с чем не сравнимая сокровищница, из которой черпать мудрость, идеи, концепции, механизмы, тактику и стратегию реализации замыслов и планов можно до бесконечности.

– Касаемо ли это основной темы нашей новой книги?

– Несомненно. Но опять-таки: не будем спешить. Да узнает читатель: по какой-то неведомой мне лично причине мало кто вообще исследует Нидерланды именно как неизвестную территорию, готовую преподать урок уму пытливому и ищущему. Знаете, порой хочется себя отнести к последним.

– Надеюсь, такую же тенденцию ощущает в себе наш читатель. Иначе — почему же он с нами…

– И прекрасно! По факту, после того как мы набили пороховницы нашего интеллекта зарядом данных, как бы сам собой сформировался самый главный комментированный вопрос. Комментарий: всё это, может быть, и само по себе интересно. Вопрос: а что из всей этой вереницы сведений вообще можно сделать?

– И проблема даже не в том, что вы, вероятно, не заканчивали сценарный факультет ВГИКа: при всём многообразии фактов, сведений, событий, лиц и масок, вам было не вполне ясно — что вообще полезного можно извлечь из этой руды. Да ещё и оригинального, свежего. Ну, такого, что никто ещё не делал до тебя. Ведь история указанной страны даже в современном продвинутом европейском пространстве — самая настоящая тайна.

– Должна согласиться. Правда, последовала хорошая подсказка. На этом этапе Шеф порекомендовал нам, в каком направлении можно бы начать движение. И мы задались двумя сложносоставными вопросами:

Что именно мне, скажем, вообще понравилось в Нидерландах? Что увлекло лично меня? Что, так сказать, зацепило? Что представляется и полезным, и интересным? Причём таким, чем я с удовольствием занималась бы сама?

Кто мог бы выступить главным героем такого сценарного эксперимента? За кем с удовольствием, ощущая себя причастным к великой истории, сосредоточенно следил бы наш зритель?

Отвечая на первый вопрос, мы сформировали целый список, буквально расписали — кому и что нравится. В итоге получился достаточно разнообразный перечень, в диапазоне от финансовой системы — до несуществующей нидерландской преступности.

– Простите?

– Да-да, не удивляйтесь, как-то так любопытно получается, что в Нидерландах преступников и вовсе нет. Посудите сами: за последние десятилетия тюрьмы в Нидерландах пустуют, простаивают. И просто закрываются. Или, в крайнем случае, сдаются в аренду… другим государствам. Таким как Швеция и Норвегия.

– Да… Пожалуй, в наше время мимо такой характеристики не пройдёшь!

– Никак нельзя обойти стороной и выдающихся исторических персонажей, невероятных мыслителей и философов, художников, учёных, изобретателей и инженеров, которых породила нидерландская земля. И ещё: по какой-то исторической закономерности Королевство Нидерланды не первое столетие считается **одной из самых демократических и свободных стран.** Многие деятели буквально бежали в Нидерланды, скрываясь от своих отечественных преследователей. По сути, Нидерланды стали покровителем многих вольнодумцев, которых не поняли их современники.

– Вот вам и королевство…

– Изначально главными героями сценария единогласно были выбраны две **фигуры**. Первая — некое неизвестное лицо. По сути, несуществующий, то есть — вымышленный исторический персонаж — «Мистер Х». Правда, никто не может точно

Питер Пауль Рубенс

Иоганн Замзон

утверждать, что это лицо не существовало в действительности. Но поскольку мы, как сценаристы, хотели придать материалу увлекательную динамику, а также продемонстрировать безграничные возможности своей фантазии, решили что главным героем у нас будет некий… телохранитель.

– Телохранитель — чей?

– Представьте: телохранитель Рубенса. Да-да, того самого Рубенса — всемирно известной «звезды» фламандской школы. То есть, имеется Рубенс, реальное лицо в истории, очень деятельное и разностороннее, с богатейшей биографией; человек, который оставил глубокий след в жизнедеятельности своей родной страны, Европы и мира. И есть некий Мистер Х — его телохранитель. Нам для первого не пришлось ничего придумывать. Всё выдумали сами история и его судьба. Но пришлось основательно полистать его досье. К слову…

О том, что реалистические основы фламандского искусства с необычайной яркостью проявились в живописи — скажет вам любой музейный экскурсовод. Как и то, что мировое значение искусства этого тесно связано с Питером Паулем Рубенсом, который благодаря художественному дарованию и широте творческого диапазона стал крупнейшим мастером фламандского искусства эпохи его расцвета. И что родился он в 1577 г. в семье юриста. Получил прекрасное гуманитарное образование. Учился у фламандских живописцев, много ездил. В 23 года, в 1608 г. вернулся во Фландрию… Но далеко не все в курсе дела, что тогда выполнял он ещё и сложные поручения испанской наместницы инфанты Изабеллы — несколько иного свойства.

– А именно?

– Ну, можно сказать, политико-дипломатического и даже… разведывательного свойства. Совершая для этого вояжи во Францию, Испанию, Англию. И что характерно — также с успехом. Вот и обещанный детектив…

– Итак, график, живописец, педагог, дипломат, посол-переговорщик и… разведчик. Да что там, попросту: шпион. И — ни единой неудачи. Как же могла выглядеть его ключевая концепция?

– Вот и над нами витал такой вопрос. Мастерство рисунка, светотеневой и цветовой моделировки образа, доскональ-

ное владение перспективой и техникой живописи. Слава, притягивающая богатых потребителей. Лидерство в конкуре искусства. И… разведка. Шпионаж. И всё равно эффективно. Голова — кругом.

– Остаётся только удивляться тому, что это в своё время не заинтересовало Юлиана Семёнова. Или Бориса Акунина. Вот было бы что почитать или посмотреть.

– А оно, может, и к лучшему. Кое-что осталось и на нашу долю. Вот мы и стали думать…

– А чего тут долго думать! Самое крупное его «дело» — переговоры во время войны, в обход шпиков кардинала Ришелье, с герцогом Бэкингемом, главным врагом испанской короны той поры. Чем не концептуальный сценарий? В 1626 году Питер Пауль Рубенс приехал в Париж, блестяще провёл переговоры с Бальтазаром Жербье — «человеком» герцога Бэкингема при Французском дворе. В это время Питер Пауль Рубенс спас Испанию от вторжения английских войск! И ещё много от чего другого, так как игра на европейском поле шла между тремя «ферзями»: Ришелье, с одной стороны, Английским и Испанским дворами — с другой. Сценарий сам закручивается.

– А тут ещё — Жозеф Парижский, такой себе монах-капуцин, вёл испанского разведчика и дипломата № 1 Рубенса на протяжении всей его карьеры. Между прочим, сегодня, в 2020 году — по прошествии почти пяти веков, биография Жозефа Парижского (которого Орден францисканцев считал выдающимся деятелем церкви, причислив его к лику святых), до сих пор не переведена и хранится в архиве Национальной библиотеке Франции. И доступ к ней ограничен. Как говорится, кстати — о Рубенсе…

– Совершенно ясно: он обладал неким концептуальным ключом для открытия сложнейших сейфов — даже и в самом прямом смысле. И даренные ему способности и таланты были много шире и разнообразнее, чем привыкли думать провинциальные знатоки-снобы. И это прямо касается темы и идеи новой нашей книги-дороги.

– Да-с, концепция. Ну, это каждому читателю понятно. Даже у не склонных к чрезмерному теоретизированию, все равно имеются те или иные мнения, взгляды. Вот, грубо говоря — собранные в кучу — взгляды эти, совокупность этих мнений высокопарно именуются импортным словом «Концепция». На деле это — инструмент понимания необходимых человеку и его сообществу явлений, ситуаций, обстоятельств. В том числе — и самых тревожных, аварийных даже катастрофических. Ключ, можно сказать, к замысловатым (читай головоломным) сейфам жизни.

– Следует заметить: как и сами мнения, как и сами взгляды, концепции бывают разными. И весьма. Иные даже прямо противоположны и прямо отрицают друг друга. А бывает, носят откровенно демагогический, схоластический характер. То есть практически бессмысленны, хотя и вполне пригодны для снобистских бесед. Эти вызывают ироническое недоверие у нашего не в меру рационального обывателя. Но раз они присутствуют в жизни — значит, тоже востребованы. Хотя наш

разговор не о них, а о серьезных и жизненно необходимых вещах. Если бы авторы не были в этом убеждены — стали бы морочить голову читателю?

– Ну, а расшифровывать термин «Концептология» — и читателя нашего обижать, и зря время терять. Еще в той же средней школе даже троечникам стало ясно: «Логос» — в общем-то, наука. Геология — наука о гео. Зоология — наука о зоо. Соответственно, физиология, минералогия, астрология. Ну, и концептология — наука о концепциях. Но наука — наукой, однако отнюдь не только ученые оказываются перед альтернативой — или отпереть замок ситуации, или остаться с носом — знаниями этими желательно овладеть всем. О чем, собственно, и речь.

– Ну, а раз уже помянули всуе Бальтазара Жербье — перед каким несгораемым шкафом судьбы оказался он? В Париже слыл (каковым и являлся) крупным коллекционером живописи и антиквариата. А также скульптуры, фарфора, нательных украшений, дорогой мебели и прочего тому подобного. При всем при том и строго между нами был резидентом английской разведки. Ни много ни мало.

– Узнайте, читатель дорогой: Париж в ту пору был еще и площадкой для того, что в истории секретных служб называется шпионскими играми. Наподобие того, во что затейливая игра на рынке истории когда-то превратила западный Берлин. Историки разведки замечают: в первой трети 17-го века во Франции (разумеется, в основном в столице только ленивые не подвизались на шпионской ниве). Так что в стихах Юрия Ряшенцева, ставших песенкой из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетера» — «… У нас в стране на каждый лье по сто шпионов Ришелье…» нет большого преувеличения. Заметим: действовали там и тогда не только агенты Кардинала.

– Вообще говоря, проникая в тему, удивляешься числу представителей самых разных цехов и сословий, занимавшихся тогда и там изящными искусствами разведки. Приходится ли удивляться тому, что наш Рубенс оказался одним из них? И тому, что — хоть изобразительное творчество приносило ему доходы более чем значительные, были и в его бюджете, таким образом, не единственными статьями. Еще один, значительно менее известный талант дипломата и разведчика более чем солидно начислял ему боны королевской казны испанских Габсбургов.

– Припомним: Фландрия была испанской колонией. Соответственно, значительная часть населения этой Европы не были горячими поклонниками испанской короны; большинство фламандцев были противниками колониальной власти. Между тем, Рубенс — один из немногих деятелей фламандского истеблишмента, верой и правдой служивших испанской короне. И нужно сказать, служил талантливо. Именно через Пауля Питера испанский двор поддерживал постоянные доверительные связи с двором английским. Поклоннику детективного жанра, читателю нашему особенно интересно будет узнать, что великий художник пользовался в этой своей переписке шифровальным ключом виртуозно, кодировал свои сообщения буквами и цифрами. И не допустил ни единой ошибки. Профессионал!

– Тем не менее, и это нам объясняли еще в художественной школе при «Грековке»,

великий сей голландец никогда не прерывал своих занятий живописью и художественной педагогикой. Поразительная работоспособность…

– Точно! И учеников у него хватало, и заказов. Из тех стен вышли около трех тысяч полотен. О них — о его эскизах, этюдах, набросках, учениках и о самом художнике снято и написано столько, что едва ли в контексте нашего путешествия в этом можно рассчитывать на открытие. Хотя тайная его деятельность, не менее виртуозная и эффективная еще ждет своего читателя. Но ясно во всяком случае, что Пауль Питер Рубенс обладал и владел в совершенстве устройством по имени концепция и потому ловко отпирал несгораемые шкафы судьбы прошел сквозь века и идет дальше.

– На этом этапе мы задались вплотную вопросом о концепции, которая ляжет в основу эксперимента. Конечно, не обошлось без споров. О том, например, в каком жанре сработать концептуальный сценарий и, соответственно, будущий фильм? Пришли к общему: жанр — жанром, вид — видом, род — родом, а рассказ должен быть интересен, полезен и в основе его должна быть актуальная концепция.

– Неведомый охранник, телохранитель Рубенса мелькнул неспроста, речь шла о его безопасности. Безопасность сама по себе существенна во все времена. Можно даже представить себе весь прогресс — от пещеры до межконтинентальной ракеты, как стремление человечества к безопасности. Хотя ядовитейший парадокс: чем больше пеклись об этой самой своей безопасности, чем больше изобретали и внедряли ее атрибуты, тем опаснее становилось жить на Земле…

– Но сейчас не об этом. Мы обязались, кроме всего прочего держать в поле зрения практическую пользу и набросали такую схему: «безопасность — человек — среда — технологическое преимущество». Имелась в виду убежденность в том, что сам концепт безопасности невозможен без понимания и управления такой категории, как технология и технологическое преимущество.

– И, однако же выходило откровенно скучновато. Кто же будет смотреть подобный фильм? Напрашивались такие элементы как динамика, острота, жесткая завязка, тайна, интрига и капелька мистики. Для запаха. Все это вполне вписывалось в будущий рассказ с учетом широты диапазона рубенсовских дарований (включая шпионские таинства).

– Интрига? Мистика? Фантазия? А что, если так: некогда великий фламандец написал портрет молодого человека. Которого, кстати, никогда не видел. Так просто, захотелось. Такая фантазия. И сам изумился, когда через некоторое время в ходе дипломатического визита в Геную встретил этого самого молодого человека…

Ну, какова мысль! Ай да мы! Оттолкнувшись от неё, мы составили первый перечень действующих лиц сценария-эксперимента. Вышло так:

- **Сам Рубенс, естественно;**
- **Телохранитель. Вероятно, у него нет уха. Иоганн Замзон (дословно «лицо, вобравшее в себе всех сыновей»);**
- **Батавская дочка (магии научить может);**
- **Отец этой девушки (у него нет сына).**

Само собой, реестр этот может по ходу движения расширяться. До завязки и далее. Какова может быть завязка? Рассуждая логически, основные действующие лица (а у нас их — числом два) должны однажды впервые как-то встретиться. И встреча эта, в духе сценария нашего, непременно должна быть мистической. Да, ни для кого не секрет, что Рубенс — художник. Вам уже доложено о замысле с портретом неизвестного молодого человека. Ну, художник написал его быстро, в два-три приёма… нетнет, даже не по памяти — без натуры, по воображению. Вот, кто-то свыше толкнул под руку. А уж потом, на дипломатическом рауте в Генуе, встретился Рубенс с ним лицом к лицу. Сюжет! Представляете? И это — ещё не всё.

Неплохо жил некий молодой человек. Весело. И вдруг судьба дала трещину. Оказался в отчаянном положении. Мало того, что мать его была из Симбирска, её сын Иоганн (Иван) на дуэли убил сына весьма почтенного и влиятельного генуэзца. Что ему уже никто-ничто не поможет — было ясно, как день. И что же, спрашивается? В час «икс» Рубенс его встречает, сажает на свой корабль и с ним отправляется в прекрасную и далёкую Батавию.

Наш Иоганн понимает: его праздник закончился — теперь для генуэзцев он преступник. Его жизнь никогда не будет прежней. И единственный человек, на которого он может положиться — его спаситель. Тот, кто никогда его не выдаст; тот, кому он обязан жизнью. На добро ответ добром, на зло — справедливостью. Иоганн решает — служить Рубенсу и идти с ним плечом к плечу.

В свою очередь, Рубенс понимает, что перед ним пылкий юноша, который обладает прекрасным качеством — решимостью. Но, к сожалению, он не разумеет, с кем следует в жизни дело иметь и как постоять за себя. Значит, его нужно научить дружбе, обучить военному искусству, науке побеждать и тайне неуязвимости. А для этого они и направились в Батавию, где жил давнишний друг Рубенса, великий батавский воин, человек, пользующийся огромным авторитетом, так как его второе имя — Неуязвимый.

Далее мы встретили одно высказывание: «Безбожнику хорошо житься не может». Оно нам очень понравилось; даже решили, что эта фраза могла бы стать эпиграфом нашего повествования.

Рубенс знакомит своего друга с молодым юношей. Друг без слов понимает, зачем они пожаловали к нему. Да, представьте себе, что сцена разворачивается в некоем старинном нидерландском замке. Замок этот стоит одиноко в окружении древнего леса. А в этом лесу есть удивительное озеро Дэвис — место, в котором сосредоточена магия батавского народа.

Неуязвимый и будет учить Иоганна мастерству телохранителя. Для этого потребуется целая череда занятий и испытаний. Коротко покажем, какие испытания мы хотели обрушить на голову нашего замечательного Иоганна. Также добавим, что у нашего господина Неуязвимого не было в семье ни одного сына, кому бы он мог

передать свое дело. Но была у него дочь, мастерица и искусница в батавской магии. Бесспорно, душевную линию переживаний Рубенса мы могли бы связать с этой дочерью. Или Иоганн женился бы на этой батавской девушке. Был такой сценарный соблазн, что говорить. Но это отступление в сторону, главное — испытания, которые сделали из нашего Иоганна безликого — Иоганна Замзона — как единоличное воплощение качеств батавского наследия всех сыновей. Так сказать, совокупность — побеждать.

…А отец все присматривается к Иоганну. Однажды Иоганн на охоте лицом к морде встречается с самым настоящим волком, матерым и голодным. Схватка. И победа за Иоганном. На привале Учитель подводит предварительный итог. Пьют. Оказывается — Иоганн выпивает некое приворотное зелье. Засыпает. И просыпается, вообразите, на весьма странном острове. Озирается, ходит. И встречает… какую-то даму, тоже — необыкновенную. Просто — волшебную. Вместо «Здрасьте!» легким движением руки она отключает его зрение. Хлопец соображает: беспомощен. О чем с земным поклоном ей и признается. Мол — бессилен и ничтожен. Так прямо и говорит: «Я — Ничто и зовут меня Никак». И что же? Она отвечает: «А вот теперь ты и Кто, и Что, и Как. И сможешь стать тем, кем пожелаешь». К Иоганну немедленно возвращается зрение, в том числе и духовное.

Возвращение с острова в замок. И по пути — новая экстремальная встреча — с Осхаертом. Осхаерт — это невиданно-неслыханное мистическое всесильное чудовище. Ну, почти непобедимое. Именно почти — потому что… Да-да, как вы уже догадались, Иоганн его победил. Причем невидимым клинком. Представляете, конечно?

Итак, еще одно испытание. И оно пройдено. Учитель приступает, собственно, к обучению юноши большому воинскому искусству. Таинство этого предмета содержится в особой книге — подлинном батавском сокровище. И передается она по незыблемому закону только от Учителя к преемнику. И никто в мире, кроме них — Хранителей — не знает о том, о чем написано в ней.

Дело не в подробностях и деталях; быстро пролетает сценарное время. Наш юноша обучен. Пора понять, как усвоил он науку. И как может применить усвоенное на практике.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

Побеждать — это конечно. Но не забыли ли авторы намек читателю на то, что интереснейший своими живописью, графикой, художественной педагогикой и даже внешностью преподобный Питер Пауль Рубенс был не менее интересен своей дипломатической и агентурной деятельностью? А может, этим и даже более интересен — поскольку в таких качествах почти неизвестен даже искусствоведам в штатском. И как он ступил на эти тайные тропы? Делать, что ли было нечего? Ну, конечно, не забыли! Просто всему свое время и место. Вот в этой главе читатель дорогой получит ответы и на эти вопросы.

Один из эпизодов, проверка: Иоганн — буквально голыми руками сражается с шестью быками. Само собой Замзон изящно справляется и с этим. И вот — поручение: Учитель велит ему доставить некое письмо. В ходе выполнения Иоганн наш — возьми, да и окажись «в нужном месте и в нужное время». Тормозит на ходу, обретает мимолетного знакомого — сизокрылого портового голубя-выпивохи. Из тех, кто почти все знает и не чрезмерно замкнут в себе. Разговорились. И Иоганна горячо заинтересовала информация: намечается дело. Конкретнее: скоро из «порта А» морем отправится в «порт В» куча золота. А хозяин этой кучи — натуральный простофиля по имени Альварес. Для того, чтобы золото попало в надежные руки, требуются люди с такими руками.

Пошла раскрутка сюжета. Вернувшись к Учителю, хлопец застал в замке Рубенса и рассказал об услышанном. Выяснилось: законный хозяин кучи, Альварес, близкий знакомый нашего Рубенса. Ну, а поскольку Иоганн уже принял науку батавскую, прекрасный случай — отправляться ему в «большое плаванье». Они разрабатывают тактическую операцию, призванную обеспечить безопасность золота Альвареса. Речь о спасении и капитала, и репутации испанского дворянина. Ясно, что отныне хозяин кучи пожизненно должен им, настоящим своим друзьям. И клятвенно обещает, что будет теперь взаимодействовать только и исключительно с Рубенсом. Припомним: уж был ли Альварес простофилей или нет, а только в его распоряжении и куча золота, достойная погрузки на большой корабль, и значительная влиятельность в высоких сферах. Вот и в связи с солидной рекомендацией Альвареса, у Рубенса нашего и началась дипломатическая карьера. А быть дипломатом, между нами, и не имея никакого отношения к шпионажу, до сих пор, кажется, не удавалось никому.

Далее: обрадованные наши герои возвращаются в Батавию. Где по сценарному закону, их должен встретить какой-нибудь серьезный господин. (Тут мы придумали господина Неуязвимость по имени Отто Фон Бетове.) Этот Фон передает Иоганну нашему Батавскую книгу — за одно с последним поручением. И поручение сие, можно сказать длиною в жизнь. Или даже длиннее. Оно звучит так: Спаси Нидерланды, прекрати войну и, таким образом, дай нам спокойно жить и работать. Вот так, ни много ни мало. Психологически — был ли к этому готов наш герой? Вряд ли. Он даже не поверил в серьезность поручения по началу. Несуразная шутка? Подвох?

Да нет, дорогуша. Этим не шутят. Сын мой, Замзон, это — задача достойная настоящего рыцаря. Рубенс уточняет у Фон Бетове: «То есть, Иоганна придется посвятить во все наши дела?». И в ответ слышит: «Именно так». И Отто указывает на книгу, переданную Иоганну. То самое волшебство и олицетворение технологического могущества, о котором читатель уже в курсе.

Тут авторы споткнулись о спор про долги. Если ты мнишь себя аристократом духа и рыцарем, но на деле не считаешь рыцарский долг священным и непреложным — на каком же основании ты называешься такими высокими званиями?

И тогда в жизни, так уж она устроена природой, непременно появятся иные долги — деньги, карты, недвижимость, различные блага. Можно задолжать таким чином и даже свою голову на плечах. Ведь не только карточные долги священны. Конечно, герои литературной классики Телятьев, Глумов и племянник Флор Федулыча делали невероятные долги и не только не возвращали их, но и не собирались этого делать — поскольку не могли, не имели за душой и гроша. Они знали, что ждет их долговая яма и спешили до нее запастись яркими впечатлениями. Но по крайней мере никому из них в голову не приходило (в том числе и им самим) позиционировать себя рыцарями.

Вообразить себе дискуссию авторов на эту тему просим читателя. Сейчас же подчеркнем величие нашей задачи — изобразить героя спасителем Нидерландов. Для чего неплохо было бы нам придумать рецепт этого спасения. Само собой новый спор, дискуссия, типа «шухер до небес». Далече разносилось: «Решимость!» «Оперативно-тактическое мастерство!», «Отвага!», «Мои люди (агентура)!», «Корабль!», «Волшебная книга (технологическое могущество)!», «Изящество шпионажа!», «Слабости противника!». Ну, и что-то там еще.

Когда пар повышел, осенило: должно появиться еще одно лицо. Дружно назвали: «Король долгов».

Вообразите: он родом из Фрисландии. Пришел оттуда (скорее — приполз) к Рубенсу просить о помощи. С таким тезисом: «Помер отец. Оглашенное завещание прояснило: я — король долгов. Такие долги — истинно королевские. Но это — результат адской интриги, отца оклеветал один француз-мерзавец. Он раскопал какой-то страшный и не имевший место «скелет» в судьбе моего деда. И тем самым сделал вечным должником моего отца, а затем и меня!».

А почему эта жертва мерзкого француза обратилась именно к Рубенсу, да еще и в присутствии Иоганна, в данном случае не так важно. Как и то, что последние отнеслись к гостю вполне сердечно.

Иоганн и Рубенс разрабатывают и реализуют в этом плане комбинацию — простую, но не лишенную остроумия. Отправились на поиск того интригана, назвавшись венецианскими купцами. Люди удачливые по натуре, они довольно быстро нашли искомого и огромный денежный долг предъявили уже ему. Француз стал отговариваться, клясться непорочным зачатием Девы Марии в своей невиновности. И утверждал — в погашении долга следует у фрисландского юноши отнять родовой замок и земли. Для чего нужно пугнуть его хорошенько.

Но Рубенс отвечает: мы поступим проще — купим твой долг. С тебя, таким образом, долг спишут, а дальше мы сами разберемся. Француз, не желая неприятностей и войны с Фрисландией, с радостью соглашается. Тем самым Рубенс и Иоганн спасают фрисландского наследника, земли которого наши главные герои, конечно отбирать не собирались (но и отдавать хитрой Франции тоже не намеревались).

В общем, с долгами у нас «на бумаге» тоже вышла целая история. В итоге Рубенс и Иоганн выяснили, что фактически ни один король европейский не владеет никакими землями и никакими деньгами или коронами. Королей этих играли даже не свиты. Они давно погрязли в долгах неким третьим лицам, которые позволяли им сидеть на троне, а сами распоряжались и королевскими деньгами, и даже их судьбами. От этой-то напасти и стоило освободить родные Нидерланды.

И, конечно, Рубенс успешно с этим справляется. Настолько успешно, что в пику современным историкам, разводящим руками «как так получилось», он фактически становится гарантом, обеспечивающим небывалое соглашение — соглашение о мире Франции с Испанией.
Что послужило тому предпосылкой? Действительное стечение обстоятельств (мы его взяли из не поддельных документов): однажды Рубенс прибыл из Испании в Британию с дипломатическим поручением, но в Британии его не пустили даже на порог, заявив, что гость — слишком низкого ранга, чем оскорбили Рубенса публично. Рубенс не только опубликовал переписку об этом, но и использовал инцидент для дальнейших политических изменений (с этим фактажом можно ознакомиться любому, он не чрезмерно интересен). Впрочем, ещё несколько заметок:
«…Рубенс, мы можем создать акционерное общество должников Королей.»
«… Мы простим ваши долги, но вы подпишете все бумаги. Мы будем вас содержать, но вы помалкивайте…
А далее возникает Ост-Индская и Вест-Индская компании, в которых впоследствии все будут деньги буквально преумножать. А стоят за системой — Иоганн и Рубенс.
После подписания мира Филипп IV делает Рубенса королевским эмиссаром и секретарем высшего совета Нидерландов».

Вы, возможно, будете смеяться. Но в итоге, наши главные герои действительно спасают Нидерланды и всю Европу, провернув невероятную по тем годам «экономическую акцию»: организовав Ост-Индскую и Вест-Индскую компании; компании, чьим акционерам и были должны почти все короли и правители того времени. А поскольку финансовая система была организована таким образом, что компания позволяла и с долгами разобраться, и «сверху» заработать, в её развитии напрямую были заинтересованы все.

Мир между Англией и Испанией становится апогеем дипломатической карьеры Рубенса. (Одним из поводов тому, что Англия согласилась на переговоры, стала загадочная смерть лорда Бэкингема — был у нас и такой художественный поворот).

Последняя сцена в экспериментальном сценарии: уход Рубенса с мировой сцены и инсценировка его смерти от подагры.

Сам же Пауль Питер отправляется на остров, потому что его избрали… Рыцарем культа смерти. И живет себе, поживает ещё добрую сотню лет на острове-банке, где охраняет все европейские сокровища. Для мира же он умер от подагры в возрасте 62-х лет.

Иоганн перевез на остров и всю библиотеку Рубенса (так мы в сценарии объясняем, почему библиотека великого фламандца куда-то исчезла). Иоганн официально становится председателем акционерного общества Ост-Индской и Вест-Индской компаний, но об этом знает только 10 человек. Своему же сыну Иоганн Замзон объясняет: моё технологическое преимущество — это Батавская наука. Сама наука, а не книга. Более того, обывательские глаза в этой книге не видят ничего. Ведь смотреть и видеть — не одно и то же. Для простых смертных эта книга выглядела бы, как связка пустых листов.

Правда ли то, что там ничего не написано? Не совсем так. Вернее, совсем не так. Прочесть может только тот, кто прошёл батавскую науку, кто обладает истинным духовным зрением, и для кого Правда — не абстрактная категория. Не говоря уже об Истине…

КОНЕЦ ФИЛЬМА? Пожалуй.

3 ОТМЫЧКА ПО ИМЕНИ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

От самого вступления так уж повелось, читатель дорогой, что вам выдан допуск в творческую нашу кухню. И потому вы — свидетель и даже соучастник почти всего, что здесь происходило и происходит. Например: начиная эту главу, мы при вас разговорились о ее жанре. То есть, и книга эта, в целом, как и любая настоящая книга, имеет свой жанр. Но и каждая глава, отдельно взятая, тоже — в своем роде. Спор тут был непродолжителен: глава — научно-популярная. Что, согласитесь вполне уместно в книге, которую задумали, как учебник. Оно конечно, любая настоящая литература — учебная. То есть, учит уму-разуму. Ну, а если нет — то какая же это литература; просто — бумага все терпит. Поговорка эта возникла еще вне киношной и телевизионной эпохи. В дальнейшем выяснилось, что кино-телеэкран и радиоэфир — не менее терпеливые. В данном случае мы с вами приобщаемся к своеобразной теле/кино-литературе, поскольку сценарий пишется под будущую изобразительную основу. И тем не менее, формально относится к драматургии, то есть к одному из литературных жанров. Между прочим, вы и не заметили, читатель, как стали одним из героев этого произведения. Что и нас, и вас кое к чему обязывает. В конце концов, вы — единственный наш герой, с которым авторы доверительны. И это важно.

Припомним: в начале мы уже касались темы и термина Концептологии. Концептология, как и всякая логия, термин научный. И как это бывает нередко в науке, разными ее полпредами трактуется по-разному. Пришлось и нам, грешным, откровен-

но говоря, поспорить. Преодолеть наукообразные препятствия. Пока не догадались снять шляпы, береты и прочие головные уборы перед умозаключением академика Григория Попова: 21 век обрел особый инструмент открытия разнообразных (даже и головоломных) замков судьбы и навык пользоваться этим устройством. Сказано: **концептология — наука и практика, позволяющие генерировать концепции и внедрять их в повседневность.**

Слышим-слышим ваше: «Чего-чего?!», «Оно нам надо?!», «Жили без этого и горя себе не знали!».

Концептология — наука и практика, позволяющие генерировать концепции и внедрять их в повседневность.

Откровенность — так откровенность: потребность в этом, действительно, ощущают не все. Строже говоря, оно желательно для всех. Но все — это приблизительно миллиардов семь-восемь землежителей. И, увы, по данным ЮНЕСКО не добрая треть из них сегодня, как и вчера, лягут спать голодными. Приблизительно столько же потребляют воду, заведомо негодную к употреблению. Если верить тем же данным, ежесекундно от голода уходят из жизни двое. Один из них — ребенок. Причем, это данные 80-х. Цифры едва ли сейчас меньшие. Чего довольно для понимания того, что громадному числу современников просто не до науки.

И тем не менее, теоретически говоря, показатели эти мрачные были бы значительно меньшими, если бы представители этой трети могли бы вникнуть в наши рассуждения и овладеть указанным инструментом. Но поскольку современному читателю и зрителю вряд ли симпатичны рассуждения в сослагательном наклонении (по принципу «что было бы, если…») ограничимся реальностью. Ежели наша книга-учебник и призвана чему-то научить, то прежде всего тому, что практически полезно вам, читатель. И польза эта — не пустяшная, не мимоходная, а жизненно необходимая и судьбоносная. О чем, в общем-то, уже было сказано в нашем вступлении. И что охотно повторяем, как мать учения. Не будучи лично знакомыми с каждым из вас в отдельности, осмелимся категорически утверждать: именно каждый из вас (или — из нас?) так или иначе на жизненном своем пути оказывался перед замком, отпереть который совершенно необходимо. И не получается. Чаще всего — и не получилось. Хотя многие так и не поняли, чего им недоставало для такого открытия.

Сочувствуем. Но понимаем: сочувствие — прекрасная вещь, однако деловая помощь предпочтительнее. Стало быть, едем дальше. Препятствие, которое вам слету не удается одолеть (иначе говоря — отпереть замки) конечно, бывают разными. В одном случае, вы говорите: «Не очень-то и хотелось!», «Не вышло — так не вышло!». В другом — подолгу терзаетесь, дабы возвратить желание

жить дальше. Конечно, между этими двумя крайностями — множество промежуточных тонов и оттенков. Нередко со временем вы пожимаете плечами и даже посмеиваетесь над собой: чего это бились лбом об эту стену, так переживали? Высшей степенью оптимизма считается, когда человек говорит: «Каким дураком я был!». И всё же самой природой вещей человек пожизненно приговорён ко встречам с препятствиями, с замками судьбы и жизненной необходимостью их отпереть. Ясно — результаты во многом зависят от его веры в себя, умения оценить ситуацию и разрешить её. А это — наука…

Жизнь задаёт новые загадки. Ставит неизвестные доселе препятствия. Тут — некая гонка вооружений, навязанная логикой жизни: землянин всё более вдумывается в меняющиеся обстоятельства, осваивает новые замысловатые системы и вскрывает их. Вооружается знаниями и навыками. А она, жизнь, продолжает и обновляет своё. Система…

Несколько слов о самой природе явления. Психологи положительно оценивают результат, который дался не запросто. Движение к такому результату у многих вырабатывает терпение, волю, целеустремлённость. Практические навыки. Приносит опыт, чувство одоления, заслуженной победы.

Конечно, это касается людей, склонных к трезвому мышлению. К тем, кто ставит перед собой цели хоть и трудные, но реальные. Но человеческие устремления связаны с потребностями, а они не постоянны. Трудно сказать, для чего природа снабдила нас еще и законом опережающего роста потребностей. И нас не спросила. То, о чем в детстве и не думали (а препятствий и тогда хватало), что уже в юности казалось жизненно необходимым (и оказывалось на замке, а в зрелости представляется забавным). Не говоря уже о том, как все это выглядит с вершины старости. Как тут не припомнить старинную одесскую мудрость: *Если бы я был такой умный «до», как моя жена «после».*

Увы, всему свое время. И то, что даже достигнуто на одном этапе дорогой ценой, на следующем нередко представляется уже вполне привычным. А потом — может быть даже не обязательным. Или вообще надоевшим. И разум, и душу подталкивают вперед уже другие выросшие потребности — к другим замкам. И безостановочно бегущая навстречу жизнь задаёт новые загадки. Ставит неизвестные доселе препятствия. Тут — некая гонка вооружений, навязанная логикой жизни: землянин всё более вдумывается в меняющиеся обстоятельства, осваивает новые замысловатые системы и вскрывает их. Вооружается знаниями и навыками. А она, жизнь, продолжает и обновляет своё. Система…

А собственно говоря, в виде такой системы можно представить себе жизнь каждого человека и каждого людского сообщества. И простая эта мысль должна убедить вас в необходимости изучения и овладения концептуальностью — о которой речь. В литературе, в художественном творчестве вообще нередко встречается тот, кого называют суперменом. Или капитаном судьбы.

Вот стоит такой капитан на мостике, командует: «Право руля! Лево руля! Так держать!». И при любой погоде приводит корабль своей судьбы в должное время в должное место. Следовательно, у него есть точная лоция, надежная прибористика, опытная дисциплинированная команда, личное мужество и все прочее, что он собрал и создал сам. Само-собой ему в море-океане жизни не страшны ни Экватор, ни ревущие сороковые широты, ни даже сам Бермудский треугольник.

Оно конечно, такое встречается и в жизни. Хотя и значительно реже. Неспроста говорят и на море, и на суше: «На всякого мудреца довольно простоты». В истории флота вы не часто встретите такого опытного капитана, как Эдвард Джон Смит. И, однако же… Изучая личностные особенности и судьбы тех, кто до конца своих дней был и оставался настоящим «удачником», подлинным капитаном судьбы, мы без усилий заметили их общую черту: у каждого была эта самая концепция. К подлинной власти над собой, над судьбой и над другими приходят только те, кто вырабатывает концепции и владеет ими. Те, кто мыслит концептуально.

В общем, многое зависит от мыслительного начала. Условно говоря, все начинается с мышления. Мудрец был прав: «Мысли — начало поступков.» Так, что в данном случае завет древних «познай себя» для нас с вами значит: «познай свое мышление». Каково оно у вас? Может быть, оно концептуальное? Или… Не очень? Аналитическое? Интуитивное? Последние, кстати, вовсе не отрицают необходимости концептуального.

Все, кто боролся за власть, достигал ее и употреблял, как инструмент воплощения системы — были людьми концепции.

Выражаясь концептуально, очень многие дела, явления, сферы позитивно не осуществимы без реальной власти. И необходима она именно для результата. Нередко в публицистике сама борьба за власть изображается, как явление отрицательное. Настоящая власть, работающая, действующая власть не сваливается с неба, не заводится от сырости и не получается в подарок. И борьба за нее, за настоящую, обуславливается необходимостью с ее помощью делать дело. Самодуры у власти не в счет — они оказывались в конечном счете разрушителями, и плохо кончали. Неспроста все, кто боролся за власть, достигал её и употреблял, как инструмент воплощения системы — были людьми концепции.

То, что вы сейчас запросто читаете, дается нам не так уж просто. За десять лет мы в НИИ перелопатили более ста тысяч документов — от рассвета цивилизации до свежайших новинок в мире науки и социальных метаморфоз. Мы перебрали все, что связано с механизмами власти, способами прихода к ее триумфу. И все это — еще и концептуальная наука. Она же — наука жить. В ходе этой работы и родилась у нас концепция КЛЮЧЕВОГО НАВЫКА

«Ключевой параметр формирования умений человека при его взаимодействии с миром — среда. То есть окружающий мир и его требования».
Г.С. Попов

ЭПОХИ. Прислушайтесь к мнению величайшего ученого 20-го столетия Григория Семеновича Попова: **«Ключевой параметр формирования умений человека при его взаимодействии с миром — среда. То есть окружающий мир и его требования».** Во все времена среда предъявляла человеку и его сообществу определенные требования это были обстоятельства и совпадения. И как заметил другой мыслитель — логика обстоятельств выше логики человеческих намерений.

В общем, мы пришли к тому, в чем и прежде, не особенно сомневались: в разные эпохи в разных вариантах существовало и играло огромную роль то, что всегда же называлось бы ключевым требованием среды. Просто не во все времена было кому их так назвать. Наконец, слава Богу, нашлись такие добрые люди. Назвали. И нам с вами выпало узнать и усвоить это.

Как и любое название, данное то же условно. Хотя терминологически это оборот точно и выразительно формулирует некую систему актуальных жизненных навыков. И как ни покажется это непосвященным чрезмерно замысловатым, даже абстрактным и оторванным от жизни — но без кольца с этими «отмычками» у вас в кармане не стоит и ломать голову над тем, почему это «не получилось», а то «не вышло».

Между прочим, не простая это штука — набор таких приспособлений. Можно сказать исторический атрибут. И дался он человечеству очень дорого. Собственно, мы ведь с вами теперь живем, как можем, и заняты новым сценарием еще и потому что некогда жили-поживали, и тоже — как могли, древнейшие наши предки. Ну, те, еще не додумавшиеся делиться на хорошие и плохие национальности. А кто они были по национальности? Австралопитеки? Кроманьонцы? Неандертальцы? (Пламенный привет Дарвину). Хотя не думали даже и об этом. Им, в отличии от потомков, было не до того. Все свои усилия посвящали простой, понятной любому и полезной вещи — выживанию. То есть… Да-да, поиску и освоению инструментов открытия жизненных сейфов, преодоления грозных препятствий, а этого добра (точнее — зла) им хватало. И наше с вами нынешнее присутствие на планете — неопровержимое доказательство того, что такими инструментами они обзаводились. Какая калькуляция может определить цену и стоимость таких их открытий и изобретений. Кажется, это тот случай, когда говорят: цены нет.

Разумеется, очень долго и интуитивно шли они к своим открытиям и изобретениям. Без сценарных разработок и научных дискуссий. Но последовательно, целеустремленно, из поколения в поколение. Уж очень кушать хотелось. Жажда жизни была неодолима. Что

и нам завещано — заодно со всей астрономической суммой накопленных ими и последующими знаний — пониманий — навыков. А нам еще и даны наука, искусство и литература, синтез которых и вдохновил нас на этот труд. Жанры тут, как уже сказано, намешаны разные. Говорят, эклектика — символ современных искусств и литературы. То же касается и наук: в нашем случае тут тебе и история, и психология, и экономика. И философия, конечно же.

Кстати, о философии. Великая наука. Древняя и современная. О, сколько ларчиков судьбы отпирали философские концепции! А вот в научном контексте стоит она как-то обособлено. Хотя и явилась на свет раньше многих и развивалась наряду с другими.

Значит, договорились: ключевой навык эпохи. И настроимся на его познание — потолкуем об основных концептах разумного подхода к рассмотрению предмета: «Образ жизни человека при его взаимодействии с миром». В ходе нашего анализа ключевых требований становления общества на различных этапах вырисовывалась классификация эпохальных навыков исторического периода. Буквально — от уже упомянутого первобытно-общинного строя до 21-го века включительно.

«Человек живет на основании модели будущего»
Н. Бернштейн

У авторов есть надежда на то, что дело обойдется без вопроса: «Зачем вообще нужно понимание ключевого навыка эпохи?». Но на всякий случай сошлемся на высказывание Академика Бернштейна: «Человек живет на основании модели будущего». По мнению ученого, человеку, даже поглощенному повседневностью, постоянно нужны ориентиры, прогнозы, крайне желательно понимание того, куда и как двигаться. Склонен человек к образности и прототипологии или нет, а вот только что такое судьба человеческая, как не его плаванье в море-океане жизни. Такая среда переменчива — и постепенно, и вдруг. От штиля и безветрия (повисли паруса, поверхностный глянец), до лютого шторма (9-й вал, сломаны мачты, чугунные пушки отшвартовались и гуляют по палубе, все сокрушая). Что спасает? Знания, мастерство и мужество. Ну, и вера в спасение, и надежда на него. А это — совокупность понимания настоящего и модели будущего. Куда идём? Куда придем, если спасёмся?

Конечно, в каждом отдельном случае модель эта — гипотетична. О будущем можно и должно думать, его прогнозирует даже полуграмотная одесская хозяйка, отправляясь с кошелкой на Привоз (в данном случае модель будущего — покупка курицы, килограмма картошки и постного масла). Но даже она, далекая от научных премудростей, знает-понимает: домашние расчеты с базарными могут и не сойтись. Мы говорим о некоем противоречии, зало-

женном в природу человеческих локомоций: повседневность поглощает, но и будущее привлекает внимание, требует гипотез и прогнозов. Разрешение этого противоречия и подсказывает необходимость изобретения того инструмента, который позволит как можно быстрее и вернее решить неожиданную задачу.

«Навык эпохи» — этот феномен история поместила в центр практического решения нашей комплексной проблемы — разработки модели будущего.

О чем и речь. Оно конечно, даже та самая повседневность, наблюдаемая, слышимая, осязаемая нами непосредственно — тоже далеко не всегда анализируется достаточно точно. Еще древние знали: *Эррарэ хуманум эст* — человеку свойственно ошибаться. И это свойство, наряду с другими, сопровождает человека всю жизнь. Неспроста поэт назвал опыт сыном ошибок трудных. Умные люди отличаются от дураков вовсе не безошибочностью. Они стараются усваивать ошибки и не повторять их. Тем паче — можно ли требовать особой точности от моделирования будущего. Того самого, которого пока еще просто нет. Нет еще и много того, что в конце концов его сотворит, суммирует, переведет в разряд настоящего.

Метеорологи, получающие специальное образование и деньги для постоянной разработки модели будущего — прогноза погоды — знают: любой простой смертный погоду может предсказать очень просто, без образования, оплаты и прибора. Достаточно глянуть за окно и сказать: завтра будет такая же погода. Такой самодеятельный прогнозист ошибется в двадцати случаях из ста. А профессионалы-метеорологи ошибаются в десяти случаях из ста. Все это, конечно, нисколько не отрицает жизненной необходимости моделирования будущего; для нас с вами такая необходимость не нуждается в особых доказательствах, но относиться к этому занятию следует крайне трезво и

Сегодня очень многие современники не решаются прогнозировать судьбы на год-два, не то, что на пятнадцать-двадцать лет. Люди ищут ключ, стремятся к пониманию опасных современных сложностей в мире, который ученые называют информационным, постсовременным, неотехнократическим и даже (внимание!) постчеловеческим. Очень многие нутром чуют необходимость получения существенного критерия в преодолении возникших препятствий. И необыкновенно возрастает цена историко-психологического анализа культур и философий прошлого. Обратимся к терминологическому обороту «Навык эпохи» — этот феномен история поместила в центр практического решения нашей комплексной проблемы — разработки модели будущего. Надо ли говорить о том, что это моделирование — удел всех, кто более-менее сознательно относится к себе, к окружающим, к жизни вообще. Уже упомянутая одесская хозяйка, с одной сто-

роны, и президент любой современной страны, с другой — равно поглощены формулой A+B=C — только цифровые значения у них разные.

Как мы уже говорили, решение этого жизненного уравнения во многом зависит от обладания спасительной концепцией. Соответственно, и от владения «навыком эпохи». Да будет вам известно, оборот этот введен Академиком Г. С. Поповым еще в разнознаменитых тридцатых годах 20-го века. В нашем НИИ были созданы научные работы и монографии, в которых реализовалась концептуализация ключевого навыка эпохи. Осознавшим необходимость овладеть концептуальным мышлением весьма полезно познакомиться с этими трудами и извлечь из них некоторые уроки. Это поможет не только не запутаться в бесчисленных наукообразных сетях современности, но и не пасть жертвой столь же бесчисленных, сколь и невежественных, маркетологов настоящего.

Э. Торндайк

Вам будут интересны наиболее значительные работы этого идейно-тематического круга в американской литературе двадцатых-тридцатых годов 20-го века: бихевиористов Д. Б. Уотсона и Э. Торндайка. Они определяли появление новых форм поведения организмов по типу отношений «стимул-реакция». Несколько позднее этот подход развивал Б. Скиннер. В гештальтпсихологии проблема навыков была связана с концепцией учения Коффки. Коффка рассматривал явления навыков в контексте роста ученика. И описал этот процесс, как стимуляция изменений целостных структур. И прежде всего — мотивация. Последняя с тех пор стала модными темами и терминами на рынке тренингов. Характерно: многие из продающих такие программы, про Коффку ничего не слышали и не строчки из его трудов не читали, что не мешало им пополнять свои счета евро и долларами.

Д. Б. Уотсон

Да узнаете вы еще несколько фамилий ученых, достойных упоминания — Жан Пиаже рассматривал автоматические стадии разумно-познавательного развития хомо сапиенс от сенсорной и дооперациональной стадии (дошкольный возраст), через стадию конкретных операций (младший школьный возраст), до стадии формально-логических операций (переходный возраст) и так далее. Описывая разные стадии, ученый задавался вопросами о том, как, какие навыки и по какой логике приобретают люди. Тем самым он озвучил важные вопросы, оставив их без ответов. Очевидно, имея за ответчиков следующие поколения. Значение навыков в конце своих двигательных актов и построении движений обосновал Сергей Леонидович Рубинштейн (1947 г.). В советской психологии навыки и значение ориентирующего рефлекса описывали П. Я. Гальперин и А. В. Запорожец. Проблемы

К. Коффка

Ж. Пиаже

навыков субъекта, способствующих результативной деятельности, многосторонне изучали С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Брушлинский. Все труды этих ученых, их коллег и учеников мы в НИИ изучили досконально. Читатель наш — человек с воображением, легко представит себе — сколько времени и сил на это ушло.

Умение в установленные сроки овладеть нужным навыком — одна из главных и преобладающих задач любой эпохи для представителя того или иного социального класса, гражданина любого государства.

Наш разговор сам по себе синтетичен, он замешан на теоретической науке, на практике повседневности и даже на бизнесе. Нужно сказать, в современной литературе, в теле-радио эфире, в публицистике вообще, уже сложился, можно сказать, жанр книг-советов, книг-рекомендаций, книг-наставлений именно по бизнесу. Авторы (тренеры) в центре своих произведений помещают (skills) навыки. Ведущая методология нашего исследования — не в переборе статистики на манер «… а давайте прочтем биографию всех властных и успешных людей» и что-то как-то из этого выведем. Мы применили так называемый деятельностный подход — подход от системной генерации результатов. И приступили к концептуальным исследованиям мировой памяти. Если представить всю мировую историю в виде слоеного пирога, мы просто разобрали ее на культурно-исторические слои и выяснилось: в каждом из слоев истории человека, концептуально важнейшие навыки и умения отличались друг от друга. Каждый слой (эпоха) ознаменовались не только своими свершениями, гениями, войнами-победами и перекраиванием основ цивилизации. Но и навыками. Детально изучить эти навыки в ретроспективе развития нашего социума позволил историко-психологический анализ конструкта «эпоха». Такой подход впервые был представлен Академиком Г. С. Поповым. Кстати, его работы долгое время находились под грифом «секретно» или «особой важности». Научное наследие его развивает наш НИИ «Памяти».

Организующей силой, которая объединяет знание и умение в деятельности, являются навыки.

Методологические подходы к исследованию развития особенностей социокультурного поведения и деятельности развития человека призывают к поиску концептов диалектически связывающих поведение и деятельность, иррациональное и рациональное человека. По мнению Г. С. Попова, вне зависимости от желаний и убеждений отдельного человека, постоянно существует ключевое требование среды к нему. Так — умение в установленные сроки овладеть нужным навыком — одна из главных и преобладающих задач любой эпохи для представителя того или иного социального класса, гражданина любого государства. Организующей силой, которая объединяет знание и умение в деятельности, являются навыки. Наследуя основные положения Г. С. Попова, понятие ключевого навыка эпохи можно экстраполировать на

более широкий круг понятий. Например, на историю психологии. Хотя бизнес-круг будет актуальнее и интересней.

Большинство академических знаний и открытий современности относятся к эмпирическому подходу. Этот подход используется в тех случаях, когда о явлении комплексно-практически ничего не известно, зато существует представление о его последствиях (проявлениях). То есть, когда нет единой концепции и системного представления, но есть какие-то «следы» и «соображения», осмысление проводится в «обратном порядке». От последствий — к источнику. От плода — к дереву, его породившему.

Особое внимание эмпирическому подходу было уделено в 19-м веке, в период расцвета экспериментальной психологии и эмпирических методов исследования. Выдающийся психиатр и физиолог В. М. Бехтерев, в частности, говорил, что о гипнозе и внушении на практике известно больше, чем в теории. Аналогичными примерами учёные пытаются проиллюстрировать попытки перейти от практических данных к теоретическим обобщениям, которые делаются в современности, в разрыве теории и практики, без так называемого «диалектического единства».

В. М. Бехтерев

Неким «мостом», соединяющим понятия «среда» и «образ жизни отдельного человека в среде» и выступает понятие ключевого навыка эпохи. Помните, в начале мы говорили об успешных и неуспешных людях в соотношении «90 на 10»? Почему, если по идее мир одинаковый для всех (то есть требования среды едины), образ жизни лиц в среде — совершенно неоднородный и неодинаковый?

Свет на разрешение загадки в одном из секретных научных подразделений пролил некий выдающийся учёный. Исследуя проблематику тренировки и подготовки людей-феноменов, с точки зрения фундаментального исследования памяти, в 1930-х гг. генерал-лейтенант, академик Григорий Семенович Попов писал так:

«Для вас всех важно только одно — живы вы или мертвы. Ничего другого не существует».

«У человечества разных эпох существует понятие ключевого навыка. Этот навык является ключом к жизни. Нет этого навыка — умер, есть — живёшь».
Г.С. Попов

Одним из главных — и достаточно неожиданным — стало следующее открытие академика Г. С. Попова: *«У человечества разных эпох существует понятие ключевого навыка. Этот навык является ключом к жизни. Нет этого навыка — умер, есть — живёшь».*

Феномен ключевого навыка как концепции — позвоночник, можно сказать данной главы. Хребет. На знаменательной фразе Академика Попова можно было бы и приостановиться. Если читатель по ходу жизни и сам это понял, или согласился с нами — значит, обзавелся им, ключевым навыком эпохи. Поздравляем: имеешь все шансы жить полноценно, а не просто существовать. Правда, пока — только шансы. Но это уже не мало. Реализация шансов — впереди.

Увы, выбор «Жить или существовать?» — судьбой, мамашей своенравной, дарован далеко не всем Хомо Сапиенс. Как и не все на деле соответствуют этому прозвищу — «Человек мыслящий». Иначе не дожил бы до сверхсодержательных наших времен другой оборот — «Хомо Вульгарис» — «Человек обыкновенный». Мы уже, хоть и вскользь, касались этой проблематики. Повторим, потому — важно. Как и в пещерную старину, очень многие наши современники проклевываются в социум, навязывающий почти непрерывную борьбу за элементарное существование. И мало кто при тех или иных обстоятельствах не восклицал — «Ах, не до жиру — быть бы живу!». Многие же до самого ухода не ощущают себя перед выбором — «Продолжительность жизни или ее содержательность».

Воспринимая от предыдущих колен жизнь по образу и подобию пчелиного роя или муравьиного копошения, о, сколько землян и сегодня считают неприятие иными современниками суеты сует, копошения в навозной куче, поглощённости элементарным существованием — прерогативой бездельников, выдумщиков и фантазёров, богатеев и писателей. И разговоры о изначально-высоком человеческом предназначении нередко — глас вопиющего в пустыне.

Приведя себя и читателя в этот идейно-тематический круг, мы рискуем увязнуть в дискуссии о происхождении и развитии человека, о механизме и цели его существования на Земле. О моменте и причине его отделения от изначального мира растений и животных, вовсе не озабоченного борьбой за жизнесодержательность.

И всё же мы, люди литературы, искусства и науки — то есть, такие, которые точно управляют словом и отвечают за него — не приведём здесь процентного соотношения «Тех» и «Энтих». Потому что таких цифр у нас нет. И взять их негде. Выскажемся таким

чином: даже происходящее сегодня большинству людей чести не делает. А с меньшинства — что возьмёшь? Одно из препятствий судьбы, с которым мы можем столкнуться в этом месте — протест критиков демагогической когорты: мол, прилично ли демократам ставить под сомнение позитив большинства? Ну, ключом к этому ларчику мы располагаем. Сие отпирается очень просто: припомним поговорку: «Один дурак может в сто раз больше задать вопросов, чем сто умных ответить». Оставим софистам и вопросы типа: «Может ли народ ошибаться?», «Может ли большинство быть неправым?», «И как эти тезисы сочетаются с высоким званием демократа?». Тем более, на вопросы эти уже давно дала исчерпывающие и убедительные ответы сама история. Едем дальше.

Давайте постучимся в дверь лаборатории одного из наших научно-исследовательских институтов с надписью: «Ключевой навык — критерий идентификации эпохи». Войдите. Осмотритесь. И увидите: вообще говоря, исследование критериев этого навыка (точнее, этих навыков) давно занимали разных исследователей. Такой подход встречаем в трудах по социально-технологическим укладам, в основном основанных на работах Н. Д. Кондратьева (в частности — «Большие циклы экономической конъюнктуры»). Дж. Скотт в книге «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни»; работа фокусируется на необходимости понимания «результативного» при реформировании государства в контексте конкретного знания. Не конфузьтесь при встрече с такими формулировками — лучше всмотритесь, вчитайтесь и вдумайтесь в них. Да-с, дорожки-стёжки не простые…

«Ключевой навык — критерий идентификации эпохи»

Наш Шеф в исследовании выбрал другую дорогу — не эмпирическую, а прототипологическую. Такое движение от прототипа отличается существенно:

1. Рассматриваем именно навыки, как ключ к пониманию социокультурного поведения и деятельности, иррационального и рационального, технологического и социального в действиях людей разных континентов и эпох.
2. Изучение развития аналогов — само по себе ключ к противоречиям между конкретным (индивидуальным), особым социально-групповым (социальные группы, сообщества и институты) и общим (общество, человечество).
3. Навыки позволяют определить роль памяти и сознания, без которых мы не могли бы ни извлекать суть уроков истории, ни выстраивать осознанное будущее. Да-да, ту самую модель.

Навыки позволяют определить роль памяти и сознания, без которых мы не могли бы ни извлекать суть уроков истории, ни выстраивать осознанное будущее.

Вообще говоря, явление «память» исследуется издавна. И на сегодня по-прежнему — не без споров. Например: не главный ли это вопрос человечества? Ряд ученых главный вопрос человечества связывают с выживанием и развитием. Среда обитания — своего рода учебник и сборник задач. Вспомните: учитель в школе называл номер заданной на завтра задачи, а вы дома в конце учебника находили ответ. А после как бы выстраивали ход решения — обычно с чужой помощью. Но готовых решений и ответов на жизненные задачки в реальности просто нет. А посторонняя помощь бывает даже и губительной. Как в старой школьной притче: «Сколько ты сделал ошибок в сочинении?». «Десять! А ты?». «А я — одну. Списал у тебя!».

Неспроста об иных индивидах с одобрением говорят: самостоятельный человек. Сам своим ключом ларчики жизни отпирает. И сам за это отвечает. И это важно, поскольку при очень многом общем, разные люди встречаются с разными задачами. И соответственно, обзаводятся разными ключами. Да и типовые задачи если не каждый, то многие воспринимают по-разному. Но реальность ставит перед большинством задачи, при всем разнообразии которых требуется единый ключевой системообразующий навык эпохи. Сей навык (модно выражаясь — skill, как уже сказано) определяет специфику социально-экономических отношений. Более того, гораздо более того, всё развитие человечества, так сказать прогресс, можно себе представить переходом от одного ключевого навыка эпохи к другому.

Реальность ставит перед большинством задачи, при всем разнообразии которых требуется единый ключевой системообразующий навык эпохи.

Примеры? Извольте! Возьмём проблематику изучения иностранных языков; всякому ясно, что дело напрямую связано с памятью и ее таинственными механизмами. Последние пятилетки характеризует бум иностранных языков. Как некогда одесские мамаши-папаши-бабушки силой принуждали малышей учиться музыке. Вероятно, в изучении этого предмета видят ключ, о котором мы рассуждаем. Но для иных людей освоение иностранного языка — задача вполне доступная. Для других весьма трудоемкая. А для третьих просто неразрешима. Этот феномен веками и тысячелетиями особого значения не имел — разноязычные сообщества встречались друг с другом редко и дистанции между ними были огромного размера. Но даже в наше, не в меру контактабельное время, для большого множества землян знание иностранных языков не есть ключевой навык выживания. А раз так, то это самое большинство к овладению инязами не стремятся. Стимул слабоват…

Между прочим, жизненная практика убедительно показывает: даже при средних способностях, в разговорных пределах чужим

языком овладевают без особых усилий, если это навязано средой. В чудесном сериале М. Казакова «Покровские ворота» некий Савва, недавно вернувшийся с войны, сплошь шпрехает по-немецки. Ясное дело, дошел до Германии и прошелся по ней. А участники Висло-Одерской операции потом говорили по-польски.

Кстати, о памяти: давайте припомним и ситуацию, когда постижения иняза стимулировано. Не по такому ли поводу некий герой О'Генри утверждал: «Никакой язык для человека не труден, если он ему очень нужен. Я однажды умудрился понять приказ «улетучиться!», отданный на древнекитайском и подтвержденный дулом карабина.». Да, если очень нужно — ничего для памяти человеческой не трудно…

И все же, во всяком случае на сегодня, незнание иностранного языка — не критично, фактическим ключом жизни общества не является, значит не может быть отнесено к ключевому навыку. А ведь мы договорились, ключевой навык — явление критическое настолько, что от него зависит судьба человека. Сказано же: фактический ключ к жизни общества. Если у человека отсутствует ключевой навык или он только думает, что таковой имеется — обречен на неудачи. Так попадают в рабство, становятся оружием в чужих руках, Аристотель ещё до нашей эры такого человека называл инструментом, способным говорить.

Ключевой навык — явление критическое, от него зависит судьба человека. Если у человека отсутствует ключевой навык или он только думает, что таковой имеется — обречен на неудачи.

Многие думают: в старину, вплоть до средних веков и даже 19-го века ключевым навыком считалось владение оружием. Уточним: речь об абсолютном меньшинстве, об определенном сословии — дворянском. Об этом многие помнят: некий одессит, явно не дворянского происхождения, вызвал на дуэль тогдашнего мэра Одессы. Между прочим, о дворянском происхождении последнего тоже не могло быть и речи. СМИ, конечно, не прошли мимо — весь город смеялся. Припомним тургеневское «Дворянское гнездо»: некий потомственный дворянин задирается с другим лирическим героем — происходящим от помещика и дворовой девки. И последний отвечает: «Хотите вызвать меня на дуэль? Не выйдет. Я ведь наполовину — плебей. Крестьянин. Так что, предпочитаю, знаете ли, оглоблю».

Так что у громадной массы живущих в те романтические, якобы, времена ключевой навык был связан совсем с другими приспособлениями, позволяющими решить задачку — как постоять за себя. Один купринский персонаж говорил: «Дав раза по потылице — и квит!».

Наука эпохи и знание человека также сосредоточены вокруг ключевого навыка.

Академик Попов утверждал еще в 1951 году: наука эпохи и знание человека также сосредоточены вокруг ключевого навыка. Мож-

Процесс изучения, обретения и обучения навыков проблема прежде всего памяти. А потом уж — сознания.

но сказать, наука как общественное явление и возникла в виде системы знаний о получении ключевого навыка. Как таковой концепт ключевого навыка — возможная причина возникновения и развития науки. Сама реальность, практика жизни стимулировала это явление. Без такого стимула, без жесткой практической необходимости наука не родилась бы, не выжила, не прошла бы через тысячелетия. В этом плане наука исходит из экзистенциальной проблематики освоении ключевого навыка, как ответа на роковой вопрос некоего принца датского: «Быть или не быть?». Сам процесс изучения, обретения и обучения навыков тоже проблема прежде всего памяти. А потом уж — и сознания. Увы, ни в средних, ни в высших школах нам почти ничего толком не рассказывают о памяти и о сознании. Не потому ли многие незрелые выпускники с аттестатами зрелости и необразованные с дипломами выносят из альма-матер порой единственный ключ-пароль: «Хочешь жить — умей вертеться». Этим ключом, бывает, отпираются ларчики контрольных, курсовых и дипломов. А затем часто следуют удивления: такой замечательный ключик, а сколько всего отпереть не может в реальной жизни. И даже наоборот — заклинивает замки…

Перечитывая сегодня труды Аристотеля или Платона (с кем не бывает…), спотыкаемся о вопрос: почему они писали именно это? И именно так, таким образом? А главное — есть ли в бессмертных этих книгах хоть какая-то значимость для нашего современника? Непомерно практичному обывателю труды Платона в 21-м веке наверняка показались бы надуманными или, в лучшем случае — безнадежно устаревшими, неактуальными, а потому неинтересными, если бы он сие читал. Впрочем, один знакомый, бывает, листает именно Платона на ночь. Ну, на манер пилюли, чтобы быстро и покрепче заснуть. Ворочается при этом Платон в гробу, нет ли, а только у времени нашего практичного свои оценки, критерии всего и вся. И критерии простые, всякому понятные: годится в дело или нет. И едва ли сегодня кто-то завидует древним, для которых картина мира и восприятие сочинений упомянутых философов, по всей видимости, были принципиально иными. Ключевым навыком тогда был синтез навыков чувствовать, мыслить, анализировать и выражать это письменно и устно. Так что проблему ключевого навыка решали риторика, ораторское мастерство и такие его составные, как софистика, демагогия и понимание психологии толпы. В тех же целях экономии энергии, времени и места — воздержимся от параллелей с современностью.

Ощущение быстротечности и краткости жизни всегда подталкивали людей к проблематике рацио. Например, к вопросам скорости

обучения. Говорят, для освоения одной только китайской азбуки (иероглифы) требуется 10 лет. За те же 10 лет в СССР, в стране закона об обязательном полном среднем образовании, выпускник школы получал аттестат зрелости. Какая экономия времени! Правда, насколько аттестат сей удостоверял действительную зрелость гражданина — другой вопрос. А высшее образование удостоверялось, как и сегодня, дипломом ВУЗа — на его получение уходили еще 4–5 лет. В медицине — 6 лет. Ну, там, плюс еще всякие-якие институты усовершенствования и повышения квалификации. Тоже не без условностей. Конец 20-го и начало 21-го веков у нас ознаменовались странноватой модой на ассортимент дипломов о высшем образовании. Очном и заочном. Причем, при личном общении со многими такими коллекционерами дипломов впечатление об их сверхобразованности никак не складывалось.

Все это позволило выйти стране на небывалые цифровые показатели роста образованности населения. Что, по логике вещей, должно было сопровождаться значительным ростом общих интеллекта и культуры. Как сказал известный юморист, мы уже перегнали Америку по количеству врачей — почему же никак не отстанем от нее по количеству больных? Одна Одесса переплюнула несколько европейских исконных университетских центров по выпуску правоведов — как это отразилось у нас на правонарушениях и преступлениях? Резким снижением? Отнюдь-отнюдь. А время, энергия и средства затрачены огромные. И продолжают тратиться. Ясное дело: уж что-нибудь здесь да не так.

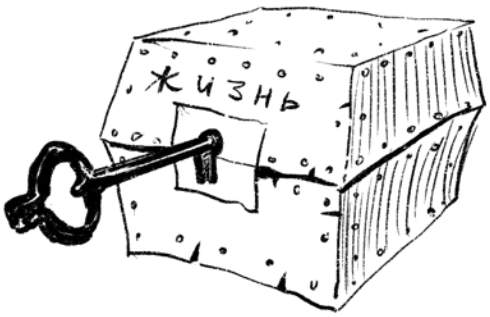
Скорость, стало быть, обучения сама по себе и в наши дни не решающий фактор. А в старину — тем паче. И количественные изменения, вопреки некоему постулату, далеко не всегда переходят в коренные качественные. Проблем тут куча. Проблематика. Вот и потолкуем о факторе времени обучения. Его скорость. Изучение чего также связано с вопросами памяти. Вот перед нами — два молодых человека, лет восемнадцати. И так сложилось, что они еще не умеют самостоятельно зарабатывать на жизнь. А время ставит перед ними такую задачку и категорически требует разрешения. Попросту — вынуждает зарабатывать деньги. Как вы полагаете, что будет дальше? Заработок дается работой, а она требует навыков. И если со способностями, дарованиями и талантами рождаются, то навыки приходится обретать и осваивать, обживать и совершенствовать. Кому-то для этого потребуется месяц, а другому — год. Или даже два. Почему так? Выражаясь по-научному, данная скорость освоения навыка связана с механизмами работы памяти.

Скорость освоения навыка связана с механизмами работы памяти.

Нужда решения задач в науке ощутимо возникает в силу нужды обретения ключевого навыка. Г.С. Попов

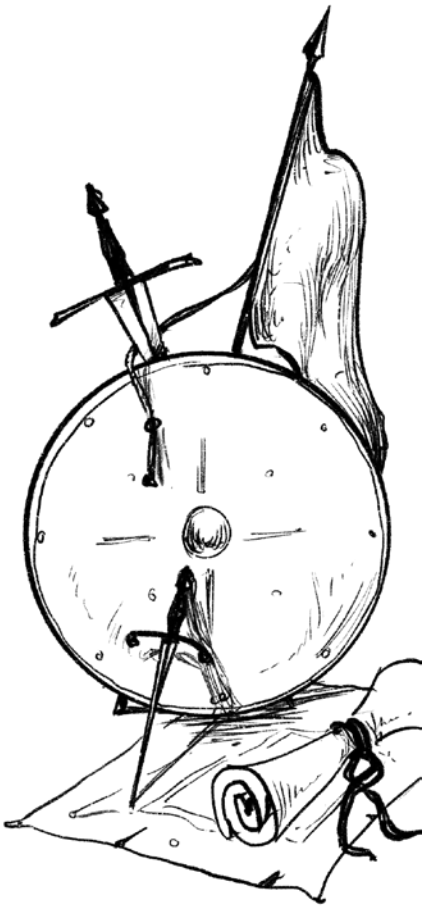
Мы уже ссылались в этом плане на Академика Г.С. Попова; повторим: нужда решения задач в науке ощутимо возникает в силу нужды обретения ключевого навыка. Историки науки вообще утверждают: нужда существовала всегда, сколько существовало человечество. Да, далекие наши предки были, можно сказать, учеными. А их начальной, неполной и полной школами, училищем, техникумом, институтом, университетом и академией была сама жизнь. Задавая им свои задачки, задачи и задачища, она не оставляла им ни малейшей возможности уклониться от решения. Мощнейшие инстинкты сохранения вида и продолжения рода, уклонения от смерти (а единственный вариант — дожить до зрелости и соединить свою клетку с другой передав ее в бесконечность будущего) заставляла самоотверженно бороться за выживание. И, стало быть, учиться, учиться и еще раз учиться. Осваивать, осваивать и еще раз осваивать. Овладевать, овладевать и еще раз овладевать. И судя по тому, что мы сегодня с вами, читатель дорогой вроде как живы, относительно здоровы и способны создавать этот сценарий (да и еще кое-что), им все это удалось. Астрономически гигантская цепь, звеньями которой являемся сегодня мы с вами, нигде не разорвалась и простирается далее. Только ли эмпирическим путем они шли, только ли метод проб и ошибок был им доступен? Да, скорее всего, это было основой. Но чудом дожившие до наших дней настенные и наскальные изображения современная наука рассматривает и как наглядные пособия, схемы, таблицы и прочие учебно-теоретические атрибуты. Ключевой навык того времени.

Рано или поздно в истории наступил момент ощутимой необходимости в более широких, фундаментальных теоретических обобщений по нашей теме. В плане изучения ключевого навыка теоретизирование направлялось на выявление универсальных принципов, позволявших рационализировать практику познания. Это была не чья-то там фантазия — жестокие условия жизни еще долго не позволяли человеку валять дурака. Необходимость теоретизирования становилась насущной. Возьмем медицину. Древнейшая наука. Ее историки уверенно говорят в этом плане, например, о древнем Египте. Приводят доказательство ее энергичного развития на Ниле. Хотя и признают, каким в данном случае был ключевой навык — определить не просто. В том числе такие науки, как военная, астрономия, агрономия, там и тогда сосредотачивались в верхних слоях египетского общества. Медицина касалась, главным образом фараонов, жрецов, военачальников и приближенных, а низшие классы обладали другими ключевыми навыками.

Мощным стимулом развития медицины в древнем Египте была идея бессмертия фараона или их жития после ухода. Как европейские средневековые алхимики, неудачно пытаясь открыть философский камень, по пути заложили основы будущих физики, химии и других наук, древние египетские медики заложили свои поиски в фундамент будущей медицины. Их множественные попытки отпереть этот ларчик продвигали и теорию, и практику.

Обратим внимание: эпоха одна, а ключевые навыки разные. Думается, еще задолго до Маркса, многие догадывались о классовой структуре человеческого общества и о ее значении для человечества. Имея в виду нашу тему, можно утверждать: с момента расслоения у каждого класса, слоя и прослойки выявлялись свои ключевые навыки, призванные к тому же — обеспечить выживание и развитие, но с учетом специфики данного слоя. Вероятно, до этого у них было много общего, поскольку условия были приблизительно одинаковы. Скажем, непрерывная борьба за жизнь с природой и современниками заставляла равно осваивать инструменты, оружие, тактику. Можно сказать: в известный период не военных людей на Земле не было. И со временем военное дело выделилось, обособилось, подсказало поиск специфических ключевых навыков. Так возникла еще одна древнейшая наука — военная.

Военное дело также разделялось — из общечеловеческого в специализированные. Одни задачки жизнь ставила перед рядовыми воинами и совсем другие — перед главноначальствующими. Знаток науки о власти Никколо Макиавелли о ключевом навыке эпохи писал так: «…Все вооружённые пророки побеждали, а все безоружные — гибли». И еще: «Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военной мысли и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на других». Не эхом ли на это отзывается современная традиция президента демократического государства быть верховным главнокомандующим?

Исследователи средневековья и эпохи Просвещения отмечают: в древности требования к науке были иными. Скажем с 17-го по 19-й века очевидно преобладание эмпирического экспериментального подхода к исследованию базовых вопросов. С наступлением 20-го столетия наблюдается тенденция к теоретизированию. Знатоки отдают должное мощности и эффективности достижений советской научной школы. Она еще примечательна и подходом «положено» (дозволено) и «не положено» (запрещено). Опять-таки, доступ к определенным уровням науки был открыт, или приоткрыт, только для тех, кто располагал ключевым навыком. Тем

же, кому не положено иметь такой навык, не надлежит и владеть совокупностью инструментов, систем, технологий и прочего тому подобного. Нужно заметить, хоть советский хронологический период и завершился с распадом СССР, однако сам подход до известной степени жив и сегодня.

В контексте классической дискуссии между цивилизационным и информационным подходами, в современной европейской науке принято определять периоды Древней истории, Средневековья и Нового времени. В последнем выделяют индустриальный и информационный периоды. Да и как же без постмодернизма? Никак. В постсоветской исторической науке, в продолжении марксистской традиции, принято определять: Первобытно-общинный строй, период истории Древнего мира (рабовладельческая формация), Средневековье (феодальная формация), Новое время (буржуазные революции, капиталистическая формация). Отдельный этап — Империалистический. И с 1917 года — Новейший этап.

Как, по-вашему, читатель? На наш взгляд, подобная классификация неточна. И откровенно устарела. А постсоветский период особенно требует существенной коррекции. Памятуя старое правило настоящей дискуссии — «Отрицаешь — предлагай», мы здесь на основе концепта ключевого навыка эпохи предлагаем свою классификацию эпох:

1. НУЛЕВОЙ ПЕРИОД.

Условно-сравнимо с терминологическим оборотом «Первобытный строй». Эпоха эта с позиции ключевого навыка характерна тем, что институт власти еще не сформирован, а до возникновения «чиф-дома» и «Топ-менеджера» еще очень далеко. А взаимодействие между людьми развивается как бы само по себе — по логике ключевого навыка добывать и отстаивать территорию, пищу, кров, полового партнера и прочее. Для реализации этого режима вырабатывались физическая сила, ловкость, реакция, выносливость, смекалка. Ну и известная удачливость — неудачники были обречены.

2. АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД.

Здесь уже возникают определенные классы и слои, разделение труда и умение организовать людей. Отсюда правящей касте необходим ключевой навык владения словом. Что подсказывает спрос на риторику и ораторское мастерство. Все более востребуется прогнозирование. Речь идет о жрецах — их ключевой

навык предвидеть, предупредить, предсказать. Воины должны овладевать и владеть оружием, средствами нападения и защиты. Класс людей, занятых сельским хозяйством: ключевой навык — охота, земледелие и скотоводство. В этот период имели место войны хотя документы практически не сохранились. Разве что — «Стратегикон» древних греков и римлян, как документ о военной науке того времени. Известно минимум вещественных материалов сохранила для нас наука от правителей; тогда как наука жрецов имела устный или символический характеры.

3. СРЕДНИЕ ВЕКА И РЕНЕССАНС.

После падения Древнего Рима и начала этапирования раннего Средневековья, начиная с 11-го века Европа вступает в этап Средневекового рассвета. В апогее она объединена Карлом Великим. В его времена общественный строй характеризовался тремя классами: дворянство, рыцарство и простолюдины. Такое деление сохранялось вплоть до эпохи Ренессанса и Буржуазных революций. В рыцарские времена ключевым навыком было умение фехтовать. Удел простолюдинов — земледелие и ремесленничество. Дворянство тогда, как и рыцарство, главным образом интересовало искусство войны и одна наука — побеждать. Дворяне в основном хорошо владели оружием, что часто отпирало ларцы судьбы. В этот период большинство написанных книг и трактатов идейно-тематически посвящаются проблемам фехтования. В Европе написано огромное количество книг об этом предмете, что не наблюдается в области земледелия или иных профессиональных навыков. Наука как таковая, видимо, была прерогативой только правящего класса. Для простолюдина науки не существовало.

Как таковая тенденция писать книги — может быть и не столь древняя (история с поименованной табличкой у ряда серьёзных учёных вызвала сомнения — как в точности перевода, так и в самом факте), но уж 21-й век Третьего тысячелетия н.э. точно бьёт в этом все рекорды. Книги писались и пишутся и писателями, и не-очень-писателями. И очень не-писателями. Книги пишутся по любому поводу и даже вообще без такового. А самое удивительное — в море этом разливанном появляются, всё же, и настоящие книги. То есть такие, которые имеют отношение к литературе.

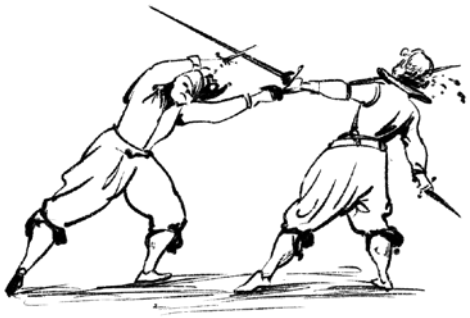
Одолев ложную скромность, авторы этих строк надеются на принадлежность настоящей своей книги именно к литературе. С учётом, конечно, особенностей её сверхзадачи, а стало быть — основных темы, идеи и жанра. Речь идет о науке и её популяризации. Можно ли при этой смете избежать насыщенности текста

научной терминологией? И на реплику «Мы вас не понимаем!» ответ ясен: «Книга наша — хоть и тенденциозно-популярная, но безусловно и главным образом научная. Не случайное стечение обстоятельств то, что пишется она под сводами храма науки — УАН — Украинской академии наук. А поскольку дожили мы вместе с вами, читатель, до этих строк, ясна надежда и на наше взаимопонимание. Со своей стороны, авторы стараются собеседовать с соавторами на понятном для двух сторон языке. Уже хотя бы потому, что книга посвящается не только учёным, но и всем остальным современникам, освоившим уроки жизни и уразумевшим необходимость овладениями ключами от её шкатулки.

Память, Ключевой Навык и их связь. Схемы механизмов выработки ключевого навыка в разные периоды включают и механизмы построения памяти. Есть мнение: **человеческая психология устроена преимущественно рационально; так или иначе, психологически человек помнит только то, что ему нужно.** И не запоминает, и не передает дальше знание о том, что не имеет для него значения, что не является весомым и не позволяет решать жизненные задачи.

Итак: Память, Ключевой Навык и их связь. Схемы механизмов выработки ключевого навыка в разные периоды включают и механизмы построения памяти. Есть мнение: **человеческая психология устроена преимущественно рационально; так или иначе, психологически человек помнит только то, что ему нужно.** И не запоминает, и не передает дальше знание о том, что не имеет для него значения, что не является весомым и не позволяет решать жизненные задачи. На его взгляд, конечно. Исторические документы прежних эпох, если всматриваться в них с этой точки зрения, вообще многое говорят о ключевом навыке и о том, почему это знание — не для всех. Так, воинский трактат «Философия Оружия» создателя Дестрезы, аристократа и дворянина Иеронимо Санчеса де Карранзы — это вообще королевская книга. Литература для элиты элит. Не каждый даже и дворянин интеллектуально осилит сей научный труд, что уже толковать о простолюдинах…

Документы о ключевом навыке эпохи являются прочным исследовательским доказательством. Кстати, о книгах и их количестве: сфокусируемся на книгах по фехтованию. Хотя бы хранящихся в Мадридской библиотеке, в библиотеке Гейдельберга и других древних библиотеках Европы. Книгам этим, что называется, несть числа. Европа до 19-го века находилась практически в состоянии непрерывной войны на уровне королевств и земель, вплоть до отдельных локальных (и отнюдь не исключительных) случаев разбоя и грабежа на дорогах. В подобных условиях среды, продолжительность и качество жизни человека нередко зависели только от его умения постоять за себя. А значит — владеть оружием. Во всяком случае, для дворян спасительным ключом чаще всего оказывался клинок меча, шпаги, рапиры или кинжала. Впрочем, вспомним всё того же принца датского — с Лаэртом он дрался двойным оружием. И шпагой, и кинжалом. Спасительным был, также, навык владения щитком, плащом и игрой дистанцией.

В принципе, во времена, о которых идет речь, законов, как регуляторов повседневного поведения человека, не существовало. Однако законы и правила по сути и в основе — социальный заказ правящего класса, а не простолюдинов. Бласко Флорио в своем трактате «Наука фехтования» писал следующее: «Как только появлялись люди, которые хотели быть и иметь, сразу появлялись и другие, которые им мешали». Ключевой навык обеспечивает жизнь. Ныне крылатую кинофразу «Жить хорошо, а хорошо жить — ещё лучше!» тогда понял бы любой фехтовальщик. Ибо владение клинком дарило жизнь. И даже — хорошую жизнь. Кто хорошо фехтовал — жил хорошо, кто плохо фехтовал — жил плохо и недолго. Поединок считался Судом Божьим. И определял правых и наоборот, по очень простому, в конечном счёте, закону: «Кто сильнее, тот и прав». Уж такова была эпоха, что вполне ясно описал в «Истории Флоренции» господин Макиавелли.

Конечно, некоторую роль играла Её Величество Случайность. Вспомните, уже одолевая своего противника, Швабрина, пушкинский прапорщик Гринёв («Капитанская дочка») вдруг оглянулся на окрик денщика. И получил тяжелую рану в грудь. А Пьер Безухов у Толстого в произведение «Война и мир», вообще впервые в жизни держал пистолет (перед выстрелом просил ему объяснить — как целится и на что нажимать); на спуск нажал, оступившись в снегу. И влепил пулю в бок самому Долохову — бретёру, участнику войн и головорезу со множеством дуэлей. Но разумные, трезво мыслящие люди никогда не полагались на случайность. И не экономили время-силы-энергию и средства на поиск ключевой системы и овладения ею. Современные спортсмены — кулачные бойцы, борцы, стрелки и фехтовальщики — тоже не что иное, как звенья бесконечной цепи, начало которой тонет во мраке далёкого прошлого. Только в той старине за победу чаще всего давались не титулы, медали, кубки и грамоты — а жизнь…

4. ПЕРИОД БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ.

В результате каковых Европа родила, как положено — в муках — новый социальный класс, с которым скоро пришлось считаться: буржуа. По-нашему — бизнесмены. Нельзя сказать, что удачливые, расчетливые ремесленники и торгаши не влияли на жизнь общества прежде и не кооперировались. Вспомним средневековые цеха. Или знакомца Трёх Мушкетёров, галантерейщика Бонасье, чья жена общалась с королевой Франции, а мужа тягали к кардиналу. Но собственно классом эта компания ощутила себя и стала

ощутимой государству именно после революционного погрома. Они энергично открывают и расширяют производства и сбыт. Пытаются, и небезуспешно, влиять на законодательство — всё больше подминая его под себя. Всё более оборачивая капитал, накапливают огромные средства. Что провоцирует и подкуп должностных лиц, покупку наград и чинов-званий без выслуги. И претендуют на одну из главных ролей в обществе. Но всё это не отменяло и не снижало роль оружия и владения им. «Зачем покупать, если можно отобрать силой оружия» — и таков был тезис переходного периода. Средства, таким образом, получались вымогательством (рэкет), воровством (тайное присвоение чужой собственности), ограблением (насильственное присвоение её же), мошенничеством. И новый могущественный класс был откровенно оскорблён и раздражен — всё это путало планы, сбивало с ритма, отвлекало от дела. Со временем обретя влияние на законы, на писаные и неписаные, на социальную моду и нравы, ставшее классом сословие начало всячески внедрять и навязывать новый ключевой навык: деньги нужно… за-ра-ба-ты-вать!

В этот период два ключевых навыка существуют параллельно: и умение фехтовать, и умение зарабатывать деньги.

Итак, тенденция зарабатывать и покупать всё энергичнее вытесняла другую — вооружаться и отбирать. В Европе прививалось новое веяние: «Долой оружие! Больше нельзя отбирать, теперь все надо покупать». Иным порой казалось — личное оружие, как явление, вообще отмирает. И в конце концов исчезнет из быта.

Само собой, дворянство достаточно долго не принимало подобных веяний, оказывало эффективное сопротивление новым течениям, сохраняло за собой право ношения оружия. И пускало его в ход, когда считало целесообразным. Или даже — просто сгоряча. **В этот период два ключевых навыка существуют параллельно: и умение фехтовать, и умение зарабатывать деньги.** И всё же со временем гражданским лицам и военным пришлось — задолго до Хемингуэя — сказать: «Прощай, оружие!».

Нельзя сказать, что вне вооруженных сил, жандармского корпуса и полиции, других спецслужб, оружие вообще было изъято из оборота. Но традиционное холодное оружие дворянства, в основном, заняло место на настенных коврах богатых граждан, в музеях и лавках древностей. В результате остаётся преимущественно только один ключевой навык — зарабатывать деньги. О правонарушительном и преступном мире, конечно, не говоря.

5. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭПОХА.

В общем, вектор развития науки в дальнейшем направился на ключевой навык «зарабатывания денег». *Хорошо живет только тот, кто стремится и умеет зарабатывать деньги, а все*

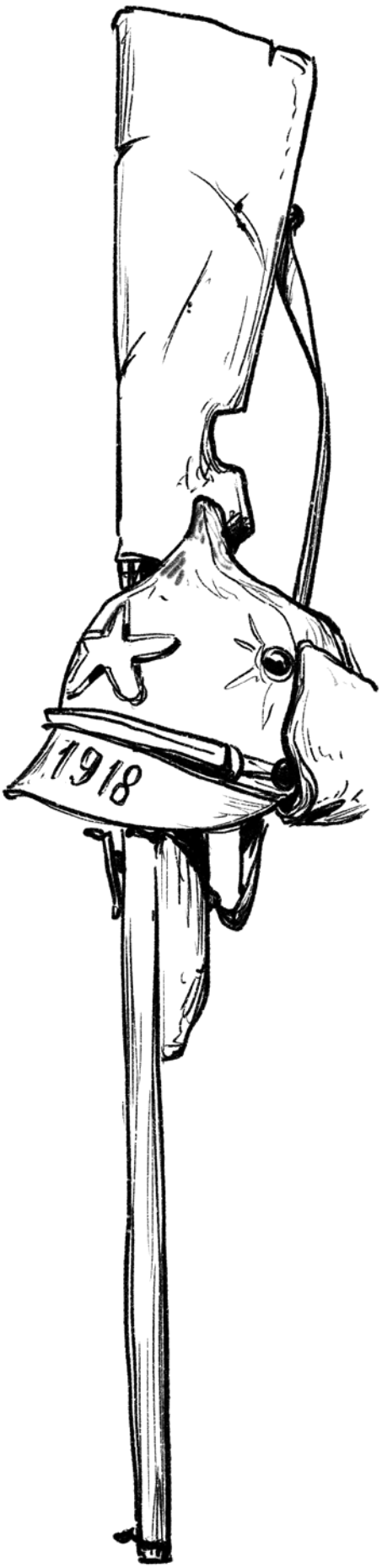
остальные —оказываются его подчиненными. Вот такая парадигма. Наука навалилась на вопросы, связанные со средствами производства, технико-технологической организацией фабрик, заводов, развитием торговли и так далее. Прочие навыки — скорее сопутствующие, определяющие полезность отдельного человека для производства. Обратим внимание и на тот факт, что ключевым навыком является даже не самостоятельное умение зарабатывать деньги, а навыки их получать за счет кого-то, за счет наемных работников. Этому явлению быстро присвоилось название «Присвоение чужого труда» (Эксплуатация). Соответственно, его носители стали «Эксплуататорами».

6. С 25-ГО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

(по старому, конечно, стилю), мир условно делится на две части: социалистическую и капиталистическую. Что не исключило и монархий — как конституционных, так и абсолютистских. В капиталистическом мире остается ключевым навык зарабатывать деньги, а в социалистическом как бы возникает другой — справляться с приказами руководства в административно-командном порядке.

Может быть потому, что самое рождение Советского Союза было переворотным — то есть вооруженным, боевым, военным, многое дальнейшее в нем было, по сути, военизировано. Российская Империя, а с февраля-марта семнадцатого — Российская Демократическая Республика, сменила вывеску на Советскую Социалистическую Республику реализацией заговора, захвата и ареста правительства, низвержения его и учреждения другого — совета народных комиссаров. Промышленность, заводы, фабрики, порты, земли и прочее выходили из-под власти их конкретных хозяев и национализировались, принадлежали, так сказать всему народу. То же касалось и банков. Отменялись чины и ордена.

Естественно, далеко не всем в бывшей Империи и демократической республике это понравилось. Привыкшие считать себя теми, кто все это честно заработали и заслужили, попытались вернуть утраченное. Ко всему тому, новое правительство категорически отказало вернуть Европе долги старого правительства. Так и было сказано: получите, мол с Николая Второго и Керенского, а мы у вас ничего не брали, мы тогда были в тюрьме, подполье, в ссылке, на каторге и эмиграции. Такой наглости цивилизованный мир не ожидал и немедленно проникся пламенной любовью и сочувствием к пострадавшим. Под предлогом помощи им, потерпевшим от «жидобольшевиков-комиссаров» и взбесившихся плебеев,

помогли сорганизоваться, одеться-обуться-вооружиться Белому ордену и поддержали его конно, людно и оружно. Финансово — само собой. Хотя всякому дураку было ясно, что в данном случае ключом было не столько стремление спасти великую русскую культуру, сколько вернуть вложенное с 1914 по 1918 года в империалистическую Антанту. Разыгралась гражданская война на территории, равной 1/6 суши всей Земли. Историки подтвердят: гражданские войны — не только самые кровопролитные, но и самые валютоемкие. На европейской части страны гражданка длилась до осени 20-го года (пока Фрунзе не вышиб Врангеля из Крыма), а вообще до 1922 года. Ну, когда «…И на Тихом океане свой закончили поход.» Не нужно быть историком и экономистом, чтобы понять, во что это обошлось стране и народу. Синусоида этой войны была весьма замысловатой, нередко и у тех, и у других все висело на волоске. В одной только Одессе с январского восстания (1918) и образования Одесской советской республики и до прихода в город РККА в феврале 1920-го года власть менялась несколько раз. Здесь были Советы, гайдамаки, немцы, деникинцы, французы, греки, поляки даже шотландцы, зуавы.

Представляете себе, конечно? Кстати, ярко этот калейдоскоп изобразил еще один наш известный земляк — А. В. Казачинский, автор неоднократно экранизированного «Зеленого фургона». Устоять и выстоять в такой атмосфере, ясное дело, можно было только при железной дисциплине, жесточайшем порядке и строжайшей подчиненности верхам. Приказ и революционная целесообразность были законом, ответственность за нарушение которого также не знала пощады. Несколько лет такой жизни хорошенько приучили всех к тому, что шутки кончились. Жизнь человека и людей стала дешевле воробья. И ларчик жизни отпирается только и исключительно выполнением приказов. Сверху до низу. И поэтому еще очень долго вся страна жила в этой атмосфере. Практически заранее исключалась ситуация, при которой приказ, указ, постановление, решение и даже рекомендация могли быть не выполнены. Так было в армии, промышленности, в сельском хозяйстве. Ну, и в науке, конечно.

Ученые, как и все, должны были «соблюдать и выполнять». Поскольку среди них все еще оставалось немало людей «с раньшего времени», не всем и удавалось быстро приобрести нужные навыки. Кто-то ворчал, кто-то взрывался и открыто сопротивлялся. Но с недовольными, с протестантами в науке, как и с простыми смертными, разбирались без лукавой мудрости. Так что, если таких очкариков просто высылали за границу — они чувствовали себя заново родившимися. Увы, судьба других доцентов,

приват-доцентов и академиков была печальной. Достаточно вам, читатель добрый, немного поинтересоваться судьбами советских селекционеров, генетиков и кибернетиков — людей, чаще всего весьма далеких от политики. Но горевших по политическим статьям.

Централизация была жесткой: партия знает, что приказывать, и потому остальные знают, что делать. Естественно, советская наука торжественно заявляла, что выполнит любое задание. Она и выполняла, как могла, даже если ученые были заперты в так называемых «шарашках» и совершали под конвоем научные чудеса. К тому же, как грибы после дождя, вырастали в стране загадочные, закрытые научно-исследовательские и проектно-конструкторские институты. Так или иначе прямо или косвенно они работали на оборону — как, собственно, и вся страна. Октябрьская революция, как известно и вопреки обещаниям вождей, всё никак не становилась мировой, страна осталась одна-одинёшенька, окруженная враждебным монархизмом и капитализмом, и должна была чувствовать себя осажденной крепостью. На кого же, по-вашему, могла работать наука? Она обретала навыки выживания и выживала. А поскольку всё больше, как и всё остальное, посвящалась обороне, всё более и замыкалась. **Прикладная наука разрешения задач любой категории сложности привыкала жить обособленно, не болтая лишнего, обеспечивая многофункциональность и результативность.**

Нельзя сказать, что сверху озадачивали нижестоящих сдуру и вслепую. В верхах старались осознавать свою ответственность: спускать задачи наобум не только бесполезно, но и опасно для себя. Хорошо помнили старинную мудрость: «Сегодня — грудь в крестах, а завтра — голова в кустах». А голова у любого начальника, как и у любого подчиненного — была одна. Поэтому проявлялась забота и о подготовке нижестоящих, выполнение которыми ошибочных указаний сверху очень дорого обходилось всем. Соответственно, наука во многом была направлена на овладение человеком ключевыми навыками, необходимым для выполнения соответствующих задач.

Можно ли сказать, при этой смете, что деньги вообще не имели значение? Конечно нет. Оно-то так, революция твердо обещала народу отменить деньги начисто. А из золота сделать общественные нужники. Но мало ли что… Будем ли мы припоминать ей — «Земля — крестьянам!», «Заводы, фабрики — рабочим!», «Мир — народам!». Уже в начале 30-х и верхи, и народ при таком напоминании пожимали плечами. А в конце просто граждане исчезали по ночам. Деньги платили всем, кто работает и служит,

более того — эти суммы гарантировались. Но настроенческая атмосфера в стране всемерно поддерживалась приоритетом идейности, политической грамотности и бескорыстной преданности общему делу.

Навык зарабатывать деньги для вовлеченных в эту игру не являлся ключевым. Повсеместное социалистическое соревнование — на земле и в небе, в море и на суше, в армии и в школе-техникуме-институте, и в науке любую деятельность превратило в своего рода спорт. Соревновались все. И социально-психологическая эта традиция дожила до шестидесятых, семидесятых и от части восьмидесятых. Вспомним занятный эпизод из кинофильма «Девять дней одного года»: двое молодых ученых, перспективных физиков-атомщиков читают призывный лозунг в коридоре синхрофазотрона: «Откроем новую частицу в текущем квартале!». Казалось бы, открытие новой частицы — колоссальное событие мирового масштаба. Какая разница, оно будет сделано в конце текущего квартала, или в начале следующего? И однако, мы видим, как буквально все ученые института, от мала до велика, днем и ночью, сладок кус недоедая, работают над поставленной задачей. Это и есть модель происходящего в стране и в науке.

Современными критиками прошлого (в основном — критиканами) такая атмосфера квалифицируется безусловно отрицательно. Оно конечно, минимум материального стимулирования в сочетании с максимумом принуждения и контроля психологией мирного времени не может быть одобрено. Но вскоре началась война. Да еще и какая. И победить в ней можно было только, обладая особым ключевым навыком. Сегодня ясно, какой ценой и благодаря кому-чему удалось победить непобедимых. Довоенная и предвоенная наука в эту победу внесла неоценимый вклад, многое она успела и во время войны. Есть даже мнение, что с 1941 по 1945 года нашей науке удалось намного большее, чем во все предыдущие мирные годы. Не говоря уже о том, как мощно двинули вперед науку приближение войны и сама война. В основном научное призвание реализовалось — **обеспечив многофункциональность человека и общества.**

А там, у них, (ну, в капиталистическом обществе) действовал обратный принцип: наука продвигается в основном по пути узкой специализации. «Их» специалист очень узкоспециализирован и сегодня. Действует, скажем, как оператор компьютера — и точка. В такой ситуации, в общем-то, достаточно одного навыка, чтобы выжить и прижиться. Те, кому эти рамки тесны, разрешаются колледжем и университетом, где пытаются обзавестись еще одним навыком.

После распада СССР возникли или восстановились другие государства. Как заметил один остряк, в 1917 году СССР стал в очередь за капитализмом и достоялся в ней до самого своего конца. Повсеместно было очевидно возвращение к ключевому навыку — умение зарабатывать деньги. Что стало в дальнейшем с этим ключиком? Каков ключевой навык сегодня? Что обеспечивает выживание миллионов людей? Ответить на это не так просто. На рубеже 20–21 столетий не были жесткой необходимостью для большинства результативность и многофункциональность; можно было выжить и прижиться без особых навыков заработка денег или фехтования.

На постсоветском пространстве **ключевым навыком можно признать умение устраиваться на работу или службу.** Жан Бодрийяр именовал процентов 90 землян электоратом или массами. Или обществом потребления. Что жизненно важно для этого контингента? Умение интегрироваться в пространство разделения труда. Включаться в систему отношений «работодатель-работник».

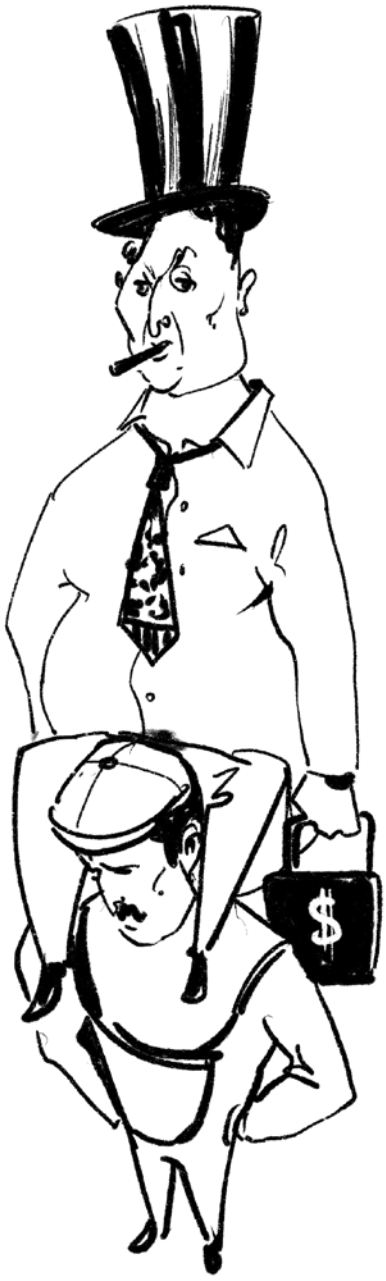
Нужно сказать, и вне СССР были люди, не сжигаемые жаждой денег, движимости-недвижимости, карьеры и прочего тому подобного. В особенности же атмосфера шестидесятых в Советском Союзе, отодвинувшая для поколений в туман прошлого и царизм, и капитализм, и войну, и голодуху, и беспризорничество, и безработицу, во многих выработала некую элегичность настроения: медицина и впрямь бесплатная, тоже — любое образование (а полное среднее получишь в любом случае, по закону). Студентам — стипендии.

Некоторое всеобщее рабочее расслабление, чрезвычайно усложняющее положение производственного руководства, формировалось на практической невозможности взять и уволить работягу ленивого, недисциплинированного, малоквалифицированного. В общем, по мнению бригадира или мастера, начцеха — ненужного. Без разрешения профсоюза это невозможно. А профсоюз не разрешит — нужно, мол, работать с человеком, помогать ему стать нужным. Одному из авторов этих строк говорил при работе над «Дерсу Узала» Акира Кюрасао, выражая крайнее удивление: у вас, чтобы уволить человека, нужно, чтобы он, как минимум, сжег киностудию.

Трудоустроиться не проблема — на каждом заборе, столбе, стене значится: «Требуются, требуются, требуются», «Одиноким — общежитие», «С переездом — подъемные», «Профилакторий — бесплатно», «Ясли и детсад». Не можешь трудоустраиваться — участковый поможет. Он обязан. Не хочешь — он же заставит.

Иначе сработает статья УК «О тунеядстве». В СССР по ней был осужден даже будущий лауреат Нобелевской премии поэт И. Бродский. Хотел работать поэтом. А в реестре работ у милиции и суда такой не числилось.

Карьера многими считалась не самым главным в жизни. У нас, мол пропасть нельзя. Слава Богу, не в Америке живем. Зарплаты были небольшими, но государство следило за стабильностью цен и действительно, с ними без особых претензий мог прожить любой гражданин. Тем более, что все ценности сосредотачивались у государства, другой большой собственности не было (кроме кооперативной, по сути, также бывшей и в руках государства). А попытка обогатиться за его счет, поднять руку на госсобственность была чревата попаданием под явление, которое вор в законе Ручечник («Место встречи изменить нельзя») называл «Указ 7–8». То есть, Постановление ЦИКа и СНК СССР от 7 августа 1932 года. За это полагался совсем другой срок, чем за частную кражу.

Ещё иллюстрация: на обложке всесоюзного журнала «Крокодил» в шестидесятые была карикатура — ворота нашего и западного предприятия. У нас они распахнуты, впускают полноводную рабочую смену и залеплены этими самыми «требуются». А у них — закрыты. И не пропускают хмурых безработных. Подпись гласила: «Как у наших, у ворот… А у них — наоборот». Ну, не было у нас безработицы. Не-бы-ло! Это правда. Хотя один остряк заметил: «У них — безработица, а у нас — беззарплатница».

Нынче: устроился на работу — есть деньги на жизнь, логика и требования эпохи таковы. Другие навыки — второстепенны. Обычно большинство людей пытаются устроиться в престижную большую компанию. Так обстоят дела и сегодня в европейских странах: главное — устроиться или получать социальную помощь. А в США, как и раньше, главным осталось умение зарабатывать деньги.

Люди устраиваются на работу. И работают, пока их не уволят. В случае последнего, снова идут устраиваться на работу, отрабатывая ключевой навык. Поэтому современная наука направлена на то, чтобы научить человека устраиваться на работу, попадая в некую организацию, становиться её частью. Причем, желательно — неотъемлемой. Но это уж…

Добрым словом здесь помянем и другое направление науки — науки работодателей. В общем, известно: «Хотеть» и «Мочь» — не одно и то же. Не все, кто хочет, могут устроиться на работу. Дело в том, что у руководителей тех 90% другой ключевой навык: брать человека на работу или его увольнять. Поэтому создаются

различные методы профотбора, тестирования, оценки персонала, требования и тому подобное. Работодатели считают, чем учить людей, лучше «брать готовых», так даже профессия «охотников за головами» образовалась в отделах кадров. Американцы считают, надобно найти людей, которые уже достаточно знают-умеют и будут работать на руководителя. По сути, современные тренинги и курсы предназначены для того, чтобы одни устроились на работу, а другие создавали им полосу препятствий.

Констатируем, что в 21-м веке наука посредством образования почти никого не учит. Ни в одном ВУЗе или учебном учреждении иного плана, откровенно говоря, нет дела до ключевого навыка. Как сам устроишься по жизни — так и дерзай. Твоё право и твоё дело. Никто на него не претендует.

Европейский мистицизм выступал сводом знаний, по факту — наукой о власти: **о том, как завоёвывается и удерживается власть.**

А как же те самые 10%? Какой у них ключевой навык? Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к… наследию Европейского мистицизма. Откровенно говоря, больше и некуда обращаться, хотя это, наверное, и не так важно. Прежде согласимся: борьба во все века велась и ведётся за власть. Издревле именно европейский мистицизм выступал сводом знаний, по факту — наукой о власти: **о том, как завоёвывается и удерживается власть.** Причём, нередко взять её оказывается много проще-легче, чем удержать.

Не кто иной, как Ленин в начале гражданской войны подчёркивал: пусть не кружится у большевиков голова из-за относительно лёгкого заполучения власти — завоевать, отстоять, удержать её теперь будет гораздо сложнее.

Некоторые историки прерогативы египетских жрецов называют… тайнознанием. Замкнутая каста накапливала и строжайше берегла знания, никому более недоступные. Они были связаны с астрономией, агрономией, военным делом, ирригацией, водоплаванием и прочими науками.

Ключевой навык науки Европейского мистицизма — управлять.

Ключевой навык науки Европейского мистицизма — управлять. Это наука правящего класса, подлинное тайнознание. Если называть категории своими именами, речь идет о власти неявной, тайной. Уголовной. Веками вступали, как в химической реакции, элементы-предпосылки, определившие возникновения европейской уголовной традиции, ключевой навык которой и есть тайная власть. И с этой властью явная, как говорится, не сравнится. Тайная власть определяла, кто станет у руля явной власти в Европе. В итоге и возникло две системы: для избранных и всех остальных. Сформировался отдельный социальный институт — криминал, у которого собственный ключевой навык: **организовывать тайную власть.**

Науку о явной власти создал Макиавелли, которого мы не случайно упоминали ранее; науку же о тайной власти породил Европейский мистицизм. Общеизвестный факт: даже сегодня, в век Метавселенных и супер-демократических ценностей, южно-итальянская Ндрангета, существующая несколько веков, по-прежнему остаётся самой богатой и могущественной организацией во всём мире. Мафия покорила Америку в 20-м веке, и с этой силой «гражданские» ничего не смогли поделать. Не исчезла и русская криминальная традиция. Уголовные традиции вообще продолжают существовать в том или ином виде, в какой-то степени преображаясь с ходом истории.

А что же 21 век? Что он требует от человека сегодня для того, чтобы преуспеть? Особенно, если ты не родился где-то в горах Калабрии, у берегов Онтарио, в автономной Баварии или, как сказал поэт — под пленительным небом Сицилии, в благовонной древесной тени? Не получил, так сказать «родовую печать» криминальной субкультуры и не «вышел из Матрицы», следуя за «белым кроликом» спикеров, ораторов, тренеров и прочих «умников», эдаких продавцов заблуждений?

Знакомьтесь с миром Концептологии.
Ибо сегодня к власти приходит тот, кто мыслит концепциями.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ОСЬ ВРАЩЕНИЯ КЛЮЧЕВОГО НАВЫКА 21-ГО ВЕКА.

И о том, как формируется такое мышление и как приобрести навык генерирования концепций — наш толково-практический учебник.

4 РЫБА В АКВАРИУМЕ

МЕТОД ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО РЫЧАГА

Джон Донн сказал: «Никто не остров, замкнутый в себе». И был неправ.
Борис Акунин, (всё тот же) Самоучитель по беллетристике.

Немного о том, как это было. Постфактум в манере краткой исповеди.

Знаете, есть такое понятие: скорость мышления. Занудно, по науке, это числится так: — показатель того, насколько быстро вы способны получить, обработать информацию и отреагировать на неё. Да-да, насколько человек быстр в получении сигнала и его обработке. Или насколько — наоборот…

Ещё со средней школы кланялся вам академик И. П. Павлов, утверждавший — жизнедеятельность вырабатывает в организме множество условных рефлексов. А незабвенный И. М. Сеченов склонялся к мысли о том, что психическая деятельность человека вообще основана на них, на рефлексах. Её возможность, дескать, получается в детстве и передается по наследству. С учётом того, что возрастные процессы способствуют увеличению способности мозга к рассудочной деятельности, мышлению.

Помните, конечно? Само — собой. Некоторые закономерности этого явления равно имеют место и у людей, и у животных. А некоторые… Что-с? Правильно: наукой отнесены к разряду дополнительных нейрофизиологических реакций, объединяемых чисто человеческим названием — «Высшая нервная деятельность», в дальнейшем — «ВНД». Одним из её продуктов некоторые учёные считают и саму нашу речь. Вроде как она значительно видоизменила реакцию человека на раздра-

жители. Оформленные речью, устной или письменной, выводы и принятые решения, формирование выводов и принятие решений показывают, насколько он разумен и развит. И скорость мышления, и его качество можно развивать в течение жизни.

Попросту говоря, название естественного человеческого инструмента, еще и позволяющего миновать обертку умного лица, которое охотно и радостно кивает, дескать «я все понял». Скорость эта зависит от многого. В основном, от природы и является одной из примет, которые совершенно одинаковых людей делают разными. Вот представьте: вы объясняете ребенку, что трижды восемь — двадцать четыре для наглядности разложили счетные палочки или спички, или мандарины. Повели перстом по таблице умножения. Толкнули спич. И ребенок, конечно, кивает, «Понял!». И на следующий вопрос сейчас же отвечает: «Трижды восемь — одиннадцать». И понимания тут нет, и даже простого запоминания. Нередко и взрослым судьба не оставляет в этом особых вариантов. Вспомним киноклассику — к/ф «Бриллиантовая рука». Запомни: «Дитям — мороженое, бабе — цветы. И смотри, не перепутай!». А ведь все равно перепутал…

Скорость мышления. Занудно, по науке, это числится так: — показатель того, насколько быстро вы способны получить, обработать информацию и отреагировать на нее.

Не нами придумано: посмотреть и увидеть, послушать и услышать — говоря по-одесски, две большие разницы. Декларировать понимание и глубоко понять — тоже. Возрадоваться чему-то новому в области знания и понимания, осмыслить его суть и значимость — на это требуется большее или меньшее, иногда значительное усилие. Такие траты во многом зависят от нее же — от скорости мышления. А она, в свою очередь, как уже намекали, зависит от многого. Хотя, как и скорость ходьбы и бега, даже при средних способностях поддается тренировке.

Небольшое личное откровение одной из нас: можно сказать, избалована за последние две пятилетки — обзавелась привычкой к тому, что Шеф запросто, всегда и мимоходом буквально по щелчку пальца генерирует крутые идеи, отпирает ларчики научных тайн, рекомендует лучшее, эффективнейшее в науке и практике. И даже не заметила — с какого момента привыкла получать все это в готовом виде. Перестала размышлять о сложностях такого поиска. Как говорят горняки: отличать руду дорогую от породы пустой. Не тот ли сие вариант лени, о котором мы уже толковали во всех подробностях? А ведь даже самый лютый ее враг не посмеет назвать эту авторессу лентяйкой. Человек редкой работоспособности, и вообще способностей. Скорее всего речь — о пресловутом рационализме 21-го века, как бы лишающим смысла напрягаться, когда можно взять готовенькое.

Вообще говоря, на подобных мыслях мы ловили себя (как выяснилось), не сговариваясь, спонтанно, когда оказались приглашенными Олегом Викторовичем к обсуждению новой концепции. Речь пошла, собственно, о серьезном и глубоком подходе, открывающем дверь в непростой мир концептологии. Мы еще не думали, что в том мире самим предстоит обучиться важнейшему навыку наших дней — генерировать концепции. И даже более того, гораздо более того — обучать этому других.

Одна из авторов сделала такую запись в своем дневнике: «Сегодня с маркером культурно стояла у доски, с готовностью фиксировать основные идеи и принципы. И Олег Викторович предложил начало знакомства с так называемым «методом психотерапевтического рычага». И обозначил начало анализом фрагмента из самоучителя Акунина по беллетристике. Строго говоря в тот момент, я не придала этому особого значения. Ну, Акунин и Акунин. На здоровье. Раз Шеф решил выбрать его — значит, так надо. Меня не спросили. Хотя, все же, мелькнуло: *пуркуа?* И почему именно «Русский в Англии»? В научной работе — беллетристика? И все же, повторюсь, сие не привлекло особой моей любознательности. Можно сказать, мысленно прошла мимо. Или скажем как тот великий и бессмертный пешеход, который на перекрестке танцует под музыку в наушниках, не замечая «красного» светофора.

Может быть в самом деле верх оптимизма, это — когда человек думает: «каким дураком я был». Но сейчас предаю огромное значение тому, мимо чего протанцевала тогда. Уж не к вопросу ли это и о скорости мышления?».

Ведь Шеф, собственно, как и всегда, начал по делу. «Сегодня поработаем с вами над методом психотерапевтического рычага. Обратимся к одному аудиотреку из книги Бориса Акунина «Русский в Англии. Самоучитель по беллетристике». Пара минут о том, кто же это такой — писатель. Кто не читал — завидую. Потому что предстоит праздник первого чтения. Отрывок в студию!

«Как мы будем учиться.

Рекламируя профессию писателя, я не упомянул, что для этой роли есть свои термины. Вам скорее всего будет очень трудно первый раз напечататься. Еще труднее добиться того, чтобы сочинительство вас обеспечивало. А когда и если этого добьетесь, обнаружится, что у вас нет ни выходных, ни отпуска, ни даже гарантированного профсоюзом максимально и продолжительности дня. Вы даже не представляете до какой степени это «Фу». Джон Донн.

Писатель работает писателем всегда, даже во сне […] чем вы лучше будет писать, тем сильнее вас будет мучить страх, что выше вам уже не прыгнуть. Зачем тогда уже вообще прыгать?

Теперь про маленькую кнопочку. Обычно на стартовом занятии по творческом письму Creative writing преподаватель говорит про вас следующее: писатель — это человек, которому во-первых, есть что рассказать а, во-вторых, который умеет рассказывать».

Тут Олег Викторович сделал довольно выразительную паузу. И пояснил.

– По сути, прототипологизируя написанное Акуниным, можно сказать: профессионал — тот, который умеет что-то сделать и может показать, как это сделать. Хотя и следует иметь в виду показание практики: не всякий хороший, высокорезультативный спортсмен становится хорошим тренером. Не все выдающиеся артисты и режиссёры, живописцы, скульпторы и графики с именами, пожали успех на педагогической ниве, пытаясь готовить творческую смену. Бывало и наоборот: Серов, Суриков и Врубель, Васнецов и Репин,— знаменитые чистяковцы. А сам Павел Петрович Чистяков из посредственных художников так и не выбился.

Профессионал — тот, который умеет что-то сделать и может показать, как это сделать.

И однако же, как правило тогда преподавание дела наиболее эффективно, когда преподаватель в этом деле — авторитет. Ну, а казусов в каком цеху не хватает. К нашим услугам чудесный эпизод в сериале «По семейным обстоятельствам»: логопед (специалист, возвращающий дефектный речевой аппарат к норме) называл себя «логофеф» — и вообще, из тридцати двух букв добрых пятнадцать не выговаривал. Хотя и лечил от этого других — под общий хохот пациентов. Бывает, верно? Смех смехом, но повторим формулировку. Про маленькую кнопочку. «*Обычно на стартовом занятии по творческому письму Creative writing преподаватель говорит про нас следующее: писатель — это человек, которому, во-первых, есть что рассказать а, во-вторых, который умеет рассказывать*». Первая позиция в утверждении, увы, неверна. И может привести к серьезному заблуждению. На самом деле практически каждому человеку есть о чем поведать миру. Ведь каждая жизнь — уникальна.

Если вы с предельной откровенностью поделитесь с миром своим личным опытом — ну, на манер исповеди (как грешили, что терпели и т.п.) уверяю вас, получится прекрасная книга. Во всяком случае, по содержанию. Иными словами, на Земле единовременно сегодня проживает приблизительно семь миллиардов писателей. Просто не все из них знают о том, что они — писатели. Может

и слава Богу — представляете, чтобы началось в литературе. И так уж…

Теперь главное. Откровение из урока Бориса Акунина:

Писатель — человек, способный мысленно перевоплощаться в других людей.

«Правильная формулировка должна звучать так: «Писатель — человек, способный мысленно перевоплощаться в других людей». Как это там у классика: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»? Между прочим, реплика принадлежит нашему брату — ученому и писателю, и вложена им в уста одного из героев известнейшего произведения драматургически при весьма пикантных обстоятельствах. Крылатой фраза стала после того, как Фауст озвучил ее Мефистофелю, выторговывая ценой своей души право остановить (продлить) лучшее мгновение его жизни. А там — хоть в преисподнюю. Что символично и для нашего предмета. В общем-то, нам больше ничего особенно и не нужно. В порядке учения, правильная формулировка должна звучать так: писатель — человек, способный мысленно перевоплощаться в других людей. Подобной формулировки предостаточно. Старт очерчен — смело вперед! Воспользуемся приемом режиссерского монтажа: остановив это мгновение, вернемся к другому — в предысторию нашей концептологической беседы.

Я недавно смотрел некий фильм. На мой взгляд, очень интересен, рекомендую: «Презумпция невиновности». Многосерийная лента, вообще-то, об адвокате. Но активно присутствует парочка колоритных персонажей, например — журналист. Женского пола. Да мало того, что журналист, так еще и любовница мента, вроде бы раскрывающего особо опасные преступления. Убийства. Забавно: на самом деле никаких преступлений он не раскрывает. Просто не умеет. Но движение его непрерывно — энергично шагает из кабинета в кабинет. Представьте: огромный увалень в униформе, топающий туда-сюда. Но фактурой Бог его не обидел: здоровенный, сильный и с виду — смелый. Журналистка рядом с ним резко контрастирует: небольшая, локомотивная, юркая-прыткая. Она убеждена в том, что все подозреваемые в преступлении законной черты — безоговорочно виновны. И должны сидеть в тюрьме. Или лучше — уничтожены. С этой точки зрения ей даже не очень-то и важно — на самом деле они виновны и доказана ли их вина. Если называть вещи своими именами, журналистка эта — просто конченная.

Скорее всего едва ли эта самодеятельная правовед в штатском была знакома с теоретическим шедевром некоего нашего земляка, одессита и генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского: «Признание вины — царица доказательств». Что стало своего

рода революцией в советском революционном законодательстве конца тридцатых.

В сериале есть одна любопытная сцена. Другой мент наглядно поясняет, что такое «невиновность» и с чем её едят. Для начала он наливает полный стакан воды, прямо суперполный, под горлышко, и дает ей этот стакан. Девушка непонимающе смотрит на сосуд… и вдруг неожиданно парень как гаркнет во всю глотку:
— *ХАААААА!*
Девушка испугалась, естественно, разлила всю воду из стакана, глаза выпучила, таращится, а парень и говорит:
— *Гляди-ка, воду пролила! Всё, виновна! Стакан почти пустой, пол мокрый, я весь мокрый…*
Та возмущенно отвечает:
— *Да как так? Что значит «виновна»? Это же Вы все организовали!*
— *Я? Я даже до Вас не дотронулся. Вы что, не знали, что стакан полный? Знали. Вы что, не слышали про закон всемирного тяготения? Физику в школе не изучали? Изучали. Значит, Вы специально хотели меня облить.*

Вот эта демонстрация и научила журналистку на всю оставшуюся жизнь тому, что такое «презумпция невиновности». В некоторых случаях человек, который совершил преступление, менее виновен, чем человек, спровоцировавший само преступление. Но кто же задаётся такими вопросами? Со стороны видно: вот стояла дама со стаканом, вот она пролила воду — значит, виновна!

Дурацкий вывод, не так ли? Такой мог сделать только Человек-дурак. Если, конечно, это — не авантюрная хитрость. И не станем разглагольствовать, сколь много в нашей жизни подобного рода лиц встречается, запомним саму отправную точку — Человек-дурак. Можете даже закрыть глаза и представить его себе.

Человек-дурак — это центральная точка и центральное действующее лицо, к которому применяется метод психотерапевтического рычага.

Так вот, Человек-дурак — это центральная точка и центральное действующее лицо, к которому применяется метод психотерапевтического рычага.

Воздух сушила немая пауза. Наши «Пентиумы» подвисли, как при встрече с новым и непонятным программным обеспечением. Мы-то думали, сейчас Шеф крутую концепцию изложит, а тут — «метод психотерапевтического рычага». Ещё и «Человек-дурак» зачем-то понадобился.

Похоже, нас выдали не обезображенные интеллектом выраженья лиц… Шеф рассмеялся и продолжил:
— *Сейчас я покажу, что это за «психотерапевтический рычаг» и «с чем его едят».*

Итак, Человек-дурак чаще всего — обыкновенный человек, например, блуждающий по улице. Так-то с виду, он, может, и не дурак, но как только рот открывает — всё становится понятно. Давайте представим, что именно с таким экземпляром — представителем человечества — вы столкнулись лицом к лицу. Возможно, за столом переговоров или в ресторане, или на конференции, да неважно, где и при каких обстоятельствах. Декорации меняются, но суть остаётся неизменной — есть некий дурак. Он сидит перед вами, что-то мычит и чего-то, вероятно, хочет.

Задача: ровно за одно произведение предстоит человека-дурака сделать чуть меньшим дураком.

Задача: ровно за одно произведение предстоит его сделать чуть меньшим дураком. «Ретрансформироваться» полностью, во всех отношениях прекратить быть дураком — невозможно; на такой подвиг всей жизни не хватит. Но в каких-то вопросах любого Человека-дурака можно превратить в менее придурочного. Понимаете? Как-то отсыпать этой придури, выпарить её или переработать, как топливо. Естественно, главный вопрос — «КАК?». Посредством психотерапевтического рычага.

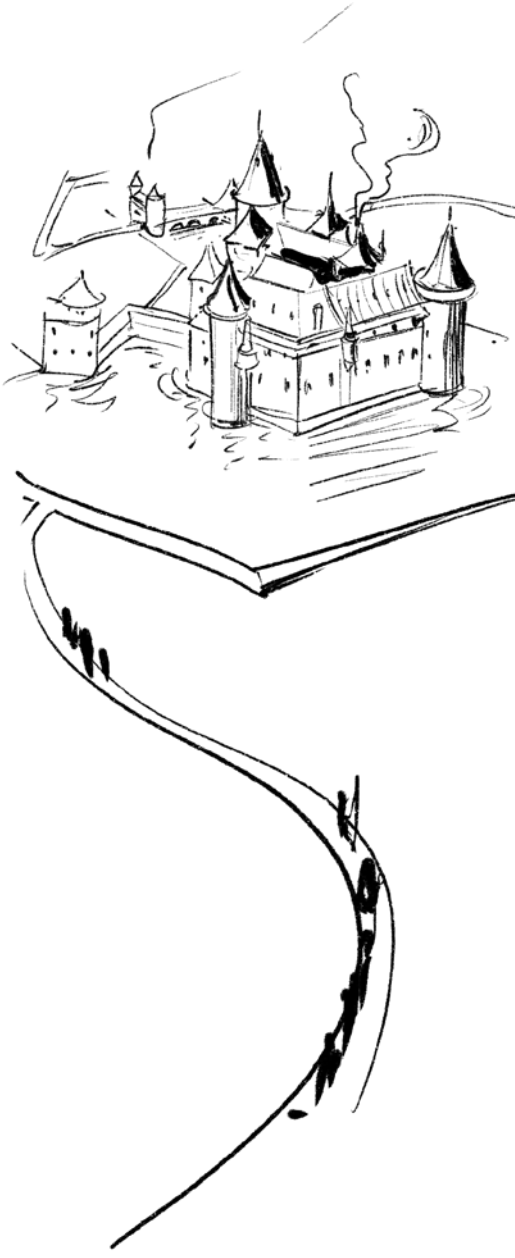
Шеф продолжал:

— Не буду вдаваться в детали да подробности, но недавно, ночью у меня родилось, скажем так, психотерапевтическое произведение. И я назвал его «Рыба в аквариуме». Даже подумал такую рыбу купить и поставить вот здесь, на столе. Рыба в аквариуме — это уникальная модель. Модель, объясняющая состояние современного человека. Давайте предположим, что Дарвин во всём не прав. Предположим. Даже не взирая на то, что католическая церковь специальной папской энцикликой Humani generis, признала непротиворечие теории эволюции и естественного отбора учению церкви. Каковая, сказано, вполне может рассматриваться, как гипотеза происхождения тела человека…

Короче, допустим, что реинкарнация, всё-таки, существует. И вот, представьте себе рыбу. Раньше она была человеком, но однажды «что-то пошло не так», и человек этот реинкарнировался, превратившись в рыбу. Ведь по одной из теорий, плазма человеческой крови идентична морской воде. И всё живое, по ней же, когда-то вышло из моря. Бунге ещё в девятнадцатом веке застолбил гипотезу — жизнь зародилась в море. И что животные, живущие сегодня, унаследовали от своих прародителей неорганический состав крови. Ученые, так же, вывели формулу морской воды времен палеозоя. И что удивительно: по составу эта древняя вода полностью идентична минеральному составу нашей крови.

Что же получается? В нас текут воды древнего моря? Так может, поэтому нас так и тянет к морю. Во всяком случае, о рыбе мы заговорили не случайно. Теперь эта рыба живёт в аквариуме.

Одна. Представьте ещё: она всё слышит, понимает человеческий язык. Хотя и не знает, почему это — так. Не ведает, почему она находится в каком-то аквариуме. И почему она — рыба. Но речь человека ей понятна. Рыба никому ничего не может рассказать. Да, она много знает, но сделать ничего не может. Даже если очень сильно захочет. Даже если не для себя, рыбы любимой, но для кого-то другого — всё равно не сможет. Теперь представьте, что эта рыба живёт в кабинете некоего странного господина. Этот сеньор — испанский дворянин. Он держит рыбу в особом аквариуме, в роскошном особняке, где-то на севере Нидерландов. Аквариум поистине громадный, и там живет воооооот такая рыба, длиною по локоть. И она разумна! Мало того, что всё слышит, видит, она еще может думать и рассуждать. Правда, вслух ничего не скажет — она же рыба. Молчит.

А этот сеньор, её хозяин — очень странный тип. Как бы его описать… Самый натуральный злой гений. Если бы профессор Мориарти, якобы главный противник великого Шерлока Холмса, был испанцем, он непременно бы стал вот таким злым гением. Рыба живёт у Мориарти. В его личном кабинете, в который дорога кому попало не заказана. Понятное дело, в кабинет вхожи определенного рода высокопоставленные лица, но встречаются самые разные люди. По факту, развитие событий и сюжетной линии произведения происходит исключительно в кабинете этого человека.

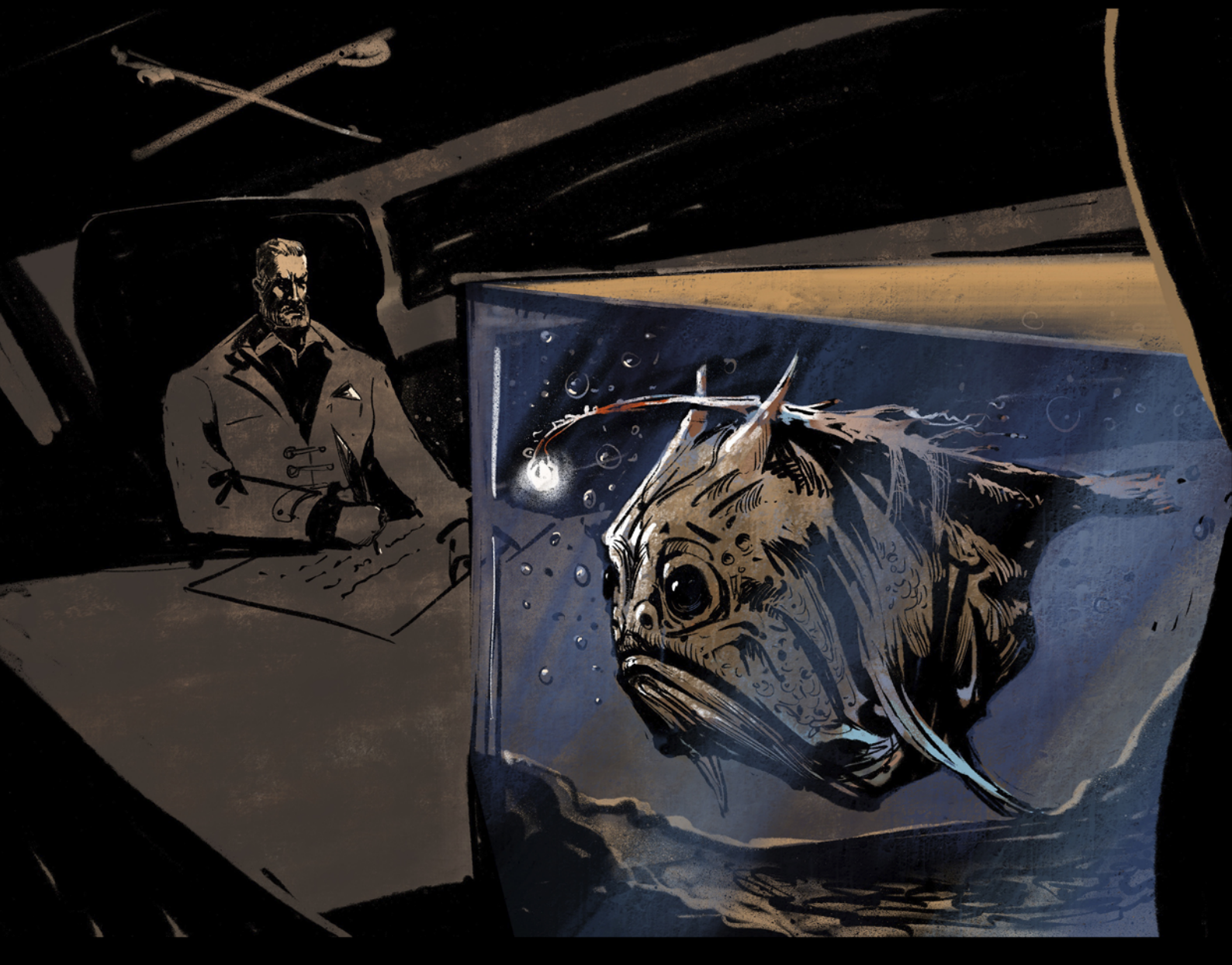
Действия и поступки, которые предпринимают персонажи, в произведении не выходят за порог кабинета. Люди приходят к злому гению и уходят, а рыба всё так и живёт, медленно перемещаясь из одного угла аквариума в другой. И живёт она в кабинете уже целых 20 лет. Некоторая проблема с этой рыбой заключается в том, что она невероятно редкая. Очень редкая глубоководная рыба, чуть ли не единственная в мире. И она даже умереть толком не может! Чтобы рыба сдохла, её придётся целый год не кормить! У рыбы крайне замедленный обмен веществ: даже если ее не кормить месяц, такая тварь все равно не сдохнет. Даже если воду в аквариуме не менять, всё равно ничего с ней не случится. Тот, кто привык жить на дне, так просто не сдохнет.

Над нами, слушающими всё это, повисла звенящая тишина. Мы уже все отчётливо видели эту рыбу. И аквариум её. И даже чуяли запах старинного деревянного стола, за которым сидел испанский злой гений, эдакий Мориарти, прячущий в бороду многозначную ухмылку…

РЫБА В АКВАРИУМЕ

- Рыба очень редкая, диковинная
- Она разумна! всё слышит и понимает человеческий язык, видит, может думать и рассуждать.
- Много знает, но сделать ничего не может.
- Никому ничего не может рассказать.
- Рыба не может умереть
- Живет в аквариуме 20 лет в кабинете некоего странного господина. Этот сеньор – испанский дворянин.
- В кабинет вхожи определенного рода высокопоставленные лица, но встречаются самые разные люди.
- Развитие событий и сюжетной линии произведения происходит исключительно в кабинете этого человека.

Необъодимо применить метод к концепции
и создать произведение

А Шеф продолжал:

— Что нам с вами нужно будет сделать? Придумать произведение на базе концепции «рыба в аквариуме». По сути, мысленно написать нечто. И нам с вами предстоит разобраться: что можно и нужно сделать, чтобы и произведение получилось, и вы поняли, как работает метод психотерапевтического рычага. Итак, есть концепция, есть метод. Я покажу, как применять метод, вы его примените к концепции и создадите некое произведение. А потом, всё что вы написали, проработали и осмыслили, всё это вы в жизни сможете переложить, например, на работу с людьми — клиентами, коллегами, сотрудниками, соискателями. Логика ясна?

Мы, естественно, дружно кивнули. Хотя пока было ясно, что где-то в уголках разума, в таинственном огромном аквариуме живёт молчаливая рыба… Она всё понимает, но ничего не может поделать ни с собой, ни со своей жизнью… Даже нормально подохнуть не в состоянии.

Из раздумий вырвала, как говорится, суровая действительность. Стоп, а что значит «мы будем писать произведение»? Это же… так сложно, долго, трудоёмко… Да кто его читать будет? Да как мы его вообще напишем, ежели руки растут из… ну, из того места… которое — между поясничным прогибом и обратной стороной колена?..

Тем временем, Шеф словно опережал все наши мысли и оправдания.

— Расслабьтесь. Сегодня мы будем разбираться в том, что вообще человеку необходимо, чтобы написать произведение. Расскажу, как я сам действовал. Для начала себя спросил, что мне понадобится, чтобы написать это. И ответ не заставил себя ждать. Метод психотерапевтического рычага заключается не в том, чтобы вымарать три блокнота, два ноутбука или стереть пальцы о перо и клавиатуру. Дело даже не в том (вернее, не только в том), чтобы создать произведение. Нужно понять — что для этого понадобится. То есть, сначала важно определить некие шаги — что было бы неплохо сделать, чтобы в итоге получилось ваше творение — независимо от рода, жанра и вида. Хоть новелла, хоть повестушка. Хоть роман, хоть мистический детектив. Или вообще — трилогия. Или… сценарий телефильма?

Как только сложится общее представление, когда вы мысленно пройдёте все шаги, у вас уже появится практически готовое произведение. Останется только «в голове» сложить его как полную версию. И как только вы с этим справитесь, сможете использовать

Метод психотерапевтического рычага заключается не в том, чтобы вымарать три блокнота, два ноутбука или стереть пальцы о перо и клавиатуру. Дело даже не в том (вернее, не только в том), чтобы создать произведение. Нужно понять — что для этого понадобится. То есть, сначала важно определить некие шаги — что было бы неплохо сделать, чтобы в итоге получилось ваше творение — независимо от рода, жанра и вида.

своё творение в качестве психотерапевтического рычага. Что же нам нужно, чтобы получить психотерапевтическое произведение, изначально не положенное на бумагу, обитающее у вас в голове? К слову, у каждого из вас получится собственное произведение, уникальное в своём роде, под названием «Рыба в аквариуме». Итак, пойдём step by step, шаг за шагом.

ШАГ 1. ФИЛОСОФИЯ РЫБЫ В АКВАРИУМЕ

Значит, существует некий злой гений. Заседает он в своем кабинете, там же и вершит великие дела. Бывает, к нему приходят люди. О чем-то спрашивают. Что-то рассказывают. И что существенно: в кабинете имеется аквариум, а в нем живет рыба. Да-да, рыба. Как положено аквариуму. Но не простая рыба, хоть и не золотая. Она чувствует и думает. И испытывает, по всей видимости, некий существенный дискомфорт от происходящего. Но, увы, не в состоянии успокоиться, равно как и что-либо изменить. И таково, можно сказать, острие одной из существеннейших проблем выбора человека.

Даже читатель средней руки, не говоря уже об особо впечатлительных, мечтательных и не в меру романтичных — когда читает книгу, бывает, отождествляет себя с одним из ее героев. Толстовский полковник Рощин вспоминал («Хождение по мукам»): в юности ему казалось, что он похож на Андрея Болконского. А вот один из героев «Последней жертвы» Островского определенно идентифицировал себя с графом Монте Кристо. Жаль только, что беден и не чрезмерно благороден. Классика кишмя кишит подобными примерами. В кино-радио-теле- эпоху этот эффект нередко приносят добрым людям синема и эфир. В мысленной личине главного героя, такой читатель-зритель-слушатель с ним путешествует по страницам авторского умысла. И в иные моменты чуть ли не всерьез задается вопросами: а как бы я сам поступил на месте героя? Прогнулся бы, скажем, под изменчивый мир? Дал бы отпор суровому року, испытывающему его гордость и мужество? Ретировался бы на заранее подготовленные позиции? Какие еще варианты? Согласно одного из существующих взглядов на такую альтернативу, выбор — за самим человеком. В отличии от рыбы в аквариуме он, вроде бы, может совершенно самостоятельно выбрать — при этой смете как ему жить и кем быть дальше. К примеру, рыбой в аквариуме или злым гением.

Суть шага 1 проста: попробуйте раз-другой-третий отождествить себя сначала с рыбой в аквариуме, а затем — со злым

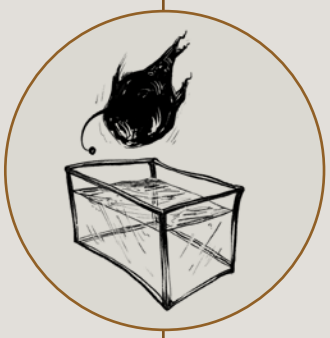
гением. Рыба-Мориарти, рыба-Мориарти, рыба-Мориарти. Экспериментируйте смелее! Ведь в воображении, в своих фантазиях человек обычно намного отважнее, чем в реальности. Так что за вами выбор: слыть или быть? Жить злым гением или барахтаться рыбой в аквариуме? Классическая альтернатива: жертвой или палачом? Это — ваше личное дело. Ну-с? Что-с? Каково-с? Тем паче, все останется строго между нами.

Традиционно рыба не умеет говорить. Даже в цирке. Неспроста немых сравнивают именно с ней. Такова и воспетая обитательница аквариума в кабинете; ну — умеет размышлять, смотреть, видеть и, в общем-то, слышать. Думать, смотреть, слышать… Вам не кажется знакомым это состояние — состояние рыбы в аквариуме? Хорошо знакомо, верно? Есть мнение: сие состояние приблизительно 98% населения планеты Земля по положению на день написания этих строк. Калькулятор подсказывает: речь идет, согласно данной процентовки, о шести миллиардах восьмистах шестидесяти миллионов землян. Мрачновата картинка, не так ли. Просто — отчаянная. Ну, утешимся словом «приблизительно», тем более, едва ли реально обследование всего населения Земли. Но оглянитесь, присмотритесь вокруг вас. Какова процентовка в этом смысле, если иметь в виду ваш личный опыт?

Выбор

Хорошо бы каждому выбирать (и выбирать свободно, по душе): быть свободным человеком или рыбой в аквариуме. А… нельзя ли что-нибудь третье? Дано ли оно, что-то третье? Допустим, не злой гений и не рыба. Ну, а кто же, что же тогда? Вероятно, вам по нраву кто-то из других героев произведения? Как шутили когда-то одесситы, а *пуркуа бы и не па*? Но дойдем и до этого шага.

ШАГ 2. НО ВЕДЬ РЫБА КАК-ТО ПОПАЛА В АКВАРИУМ

Логично, не так ли? Поразмышляйте. Придумайте — как это вышло, что она попала именно в этот кабинет? И в этом кабинете — в этот огромный аквариум.

Вы ведь не забыли — рыба диковинная. Возможно, единственная в своем роде. Как это теперь принято говорить и писать — эксклюзив. Соответственно, рыба в произведении одного из вас может несколько (а то и коренным образом) отличаться от рыбы в творчестве других, тем более о людях известно: все одинаковы и притом, все — разные. Подумаем также и о рыбах.

ШАГ 3. ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

Теперь разберитесь в том, что вам известно: непосредственно в какой стране происходят события. А также, каков основной род занятий и настоящее призвание вашего героя. Испанский дворянин, аристократ, поселившийся в Нидерландах — это просто так, пример. Конечно, можете им воспользоваться, но сие не обязательно. Ваш главный герой может не так уж и походить на Мориарти, образ которого с вами — с первого знакомства с Конаном Дойлом. Ваш Мориарти может быть каким угодно. Как сказал поэт — «Твори, выдумывай, пробуй!». Что если ваш — подвизается в адвокатуре 19-го века? Или не в меру воинствующий феодал 17-го века? Или влиятельный придворный конца 19-го? Премьер-министр? Удачливый изобретатель? Коварный дипломат? Ваши дела, авторы. Ваши дела. И думайте сами, и решайте сами.

Географически вы также свободны. К авторским вашим услугам мистическая Ирландия и грозная Испания. Чопорная владычица морей и замшелое Российское царство Романовых. А что, если рыба наша оказалась в кабинете у бывшего лицейского пушкинского закадыки, а ныне канцлера Горчакова? Или вообще — у самого Отто Фон Бисмарка. В общем, ясно: этот ваш выбор безграничен.

Конечно, кто бы он ни был, у этого человека в прошлом, как говорится, «не без водолаза». А в шкафах не без скелетов; там таятся жуткие тайны. Те события, которые перековали вашего главного героя в злейшего гения, окончательно утвердив его в этой роли. Шеф рассказывал так:

– Главный герой в нашем случае — фигура зловещая. Я, например, выбрал пирата, альбатроса — скитальца морей, разжившегося огромным скарбом. Но сошедшего на берег. И, на манер того же Монте Кристо, ставшего влиятельным аристократом-богачом. Само собой, на суше практически никто не знал его тайну. Тех же, кому не повезло стать ее носителем, предстояло не так уж долго жить и на море, и на суше. Конечно, об этом человеке ходили разные слухи, на практике не имевшие никакого значения. Были и жутковатые. Но самая страшная версия шептала о том, как однажды он, то ли из любви к искусству, то ли в скверном настроении пустил на корм рыбам три отменно оснащенных британских фрегата. Кстати, знакомитесь с моим героем: звали его Йохан. Он, конечно, любил ром, беспрекословное подчи-

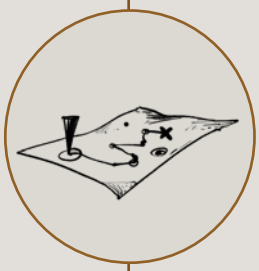
нение и иногда напевал испанские народные песни. Очень не любил пройдох и идиотов, напыщенных британских индюков, ну, и почему-то, тех, кто покушался на его скарб.

И вот однажды, ранним прелестным утром… а может быть, ясным чудесным днём… Или вообще, ближе к прекрасному закату… Словом, как вы думаете — что сказал Йохан, на горизонте увидев три жирных черных точки? Придумайте сами. Главное, что довольно быстро стало ясно: к джентльменам удачи спешит удача. Оптика подзорной трубы представила во всей красе три британских фрегата, смело его преследующих. Что же, это интересно. Три пиратских зверя против трех королевских посудин, до блеска выдраенных лондонскими швабрами. Решение?

Можно было выйти на ветер, сократить дистанцию и приказать комендорам — задать жару английским крысам. А там видно было бы. Но Йохан приказал сделать галс, нос по ветру — курс на береговую линию. А до берега было ближе, чем рукой подать. Такого маневра британцы не ожидали, как и неожиданно для себя вскоре они сели на мель. Купились, дешевки! Но Йохану и этого было мало. Заманив неприятеля на рифы, он спокойно смотрел, как фрегаты грязнут в отмели. Затем позволил им дать правый галс, преградил им путь к отступлению и приказал стать на якорь. Британцы обнажили люки батарейных палуб. И пиратские шлюпки — на воду. Англичане возликовали: «Они спасаются бегством! Надеются уйти на шлюпках! Артиллерия, пли!». И действительно вскоре три веселых Роджера пошли ко дну. Но рано обрадовались британцы, соблазнившись легкой победой. Шлюпки пристали к бортам, полетели кошки, засверкали абордажные крюки. Англичан перебили за несколько мгновений, а затем спокойно пираты сгружали богатство со своих шлюпок — по капитанскому приказу они заранее подготовили все самое ценное. И перевезли в сундуках на британские фрегаты. А дальше? На тех же фрегатах, вроде бы как верные её величеству, продолжили плаванье. Вот таков он, мой главный герой — впоследствии Йохан де Маркси. А уж вы назовите своего героя, как душе угодно.

Итак, Йохан — аристократ, граф, владелец земель на севере Нидерландов. У него фамильный замок, земли, поместья. И с корабельной своей бандой живет он, припеваючи старинные испанские песни. Имеется у него и особняк «для приемов», в котором, среди прочих, отдельный кабинет — эдакая тайная библиотека, куда под покровом ночи зачем-то хаживают то знатные, то неведомые и странные гости. И единственным немым свидетелем посещений и встреч этих является рыба.

ШАГ 4. «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ»

Теперь давайте представим — продумаем устройство кабинета-библиотеки, основное место действия. Как это будет выглядеть в вашем варианте. Скромный? Средней площади? Высокий или низкий полок? Стены кирпичной фактуры или обшиты темным дубом? Книжные стеллажи? Массивные корешки, тисненой золотом кожи? Сейфы? Двухтумбовый стол под зеленым сукном? Серебряные канделябры? Глубокие, кожаные кресла? Оружие и леопардовые шкуры в простенках? Медвежья — на полу у камина? Ну, аквариум с диковинной рыбой — ясное дело, но где он стоит?

ШАГ 5. У РЫБЫ ЕСТЬ ПАМЯТЬ

К несчастью, это так. Мало того, что у рыбы была яркая жизнь, так она еще и все помнит. Скорее всего и в основном воспоминания эти безрадостны. Даже — тошнотворны. В общем, определенно что-то «такое» натворила она в прежней, человеческой жизни, раз уж однажды уродилась рыбой. Помните, за непослушание граф Калиостро наказал слугу: быть ему рыбой. «Обещали — котом!» Нет, не достоин: быть тебе рыбой, мерзкой, скользкой, безгласой. Вот и в нашем случае: вероятно — что-то в этом роде. Какой же была «человеческая прелюдия»? Порассуждайте…

ШАГ 6. ИМЯ РЫБЫ

Рыба в аквариуме — долгожитель и не её это воля — такое положение. Не ее выбор. Как говорится, ее не спросили. Вот уродилась такой и точка. И жить так предстояло ни много ни мало — лет сто пятьдесят. Приблизительно, конечно. Собственно, от нас, авторов, что требуется? Выбрать-придумать такую рыбу, овеществить и оживить ее. Можно нарисовать или подобрать пару картинок, и непременно придумать рыбе имя.

– Олег Викторович! А как вы назвали свою рыбу?

– Андро-гид. Вполне допускаю, что гиды, с которыми приходилось нам иметь дело в Египетской экспедиции в дальнейшем непременно превратятся в этих рыб. И будут жить в мутном аквариуме в каком-то мрачном кабинете. Каковая мысль откровенно не может не радовать. К слову, не долго я выбирал имя своей рыбки. Ее кличка — Буцефал. Поскольку с виду великая, как конь Наполеона Бонапарта. А на деле — просто рыба.

ШАГ 7. ТАЙНА

Итак, кабинет нашего злодея. Мы уже придумали, как он выглядит, где стоит здоровенный аквариум с рыбой. Где восседает её хозяин. Как говорилось, все сюжетные действия происходят в одном кабинете, то есть в кабинет злого гения будут приходить разные люди, мужчины и женщины. Наш гений-злодей будет им помогать, не выходя из кабинета. Рыба в аквариуме будет все слушать и за всем наблюдать. Слушать и наблюдать, будучи не в силах что-либо поделать! Только таращиться и быть свидетелем того, как на ее глазах вершатся судьбы мира, как слово хозяина запускает в ход, скажем, гильотину, а та отсекает голову какому-то очередному королю за множество миль вдали от кабинета.

За какого рода советами приходят на поклон к злому гению? Расскажу вам одну историю. Однажды к Йохану прибыл некий французский дворянин. В общем-то совершенно неважно, по чьей протекции его пустили на порог, но тем не менее, французу дали изложить свою щекотливую просьбу. А дело было так: будучи пьяным, горе-дворянин убил троих детей. Совершенно нормальная ситуация на то время во Франции, чего переживать? Ну, убил да убил. Впрочем, в данном случае ситуация оказалась несколько иная. Дело в том, что в одном из трёх трупов признали племянника Верховного Судьи Франции. И потрясённый Верховный поклялся на Библии, что отыщет убийцу и воздаст по справедливости.

Штука непростая. С одной стороны, никто не видел, как пьяный француз убил троих детей. И всё же есть одна проблема: тот вернулся домой, весь в крови, да ещё и с развязавшимся языком. Выпивший разболтал о своих приключениях одному из слуг — тому, кто его, собственно, переодевал и выхаживал с самого детства. Похвалившись, как справился с тремя молодчиками, наш француз завалился спать. И только на утро до него дошло, кого именно довелось отправить в царство вечной охоты… Да, вроде никто и не знает, что-как произошло. Разве что один преданный слуга. Но так ли он предан? Бесспорно, ежели королевские ищейки отловят слугу, покрывать хозяина тот не станет. Но и убивать слугу рука не поднимется. Ведь наш горе-француз так его любит, так жалует! Они же знакомы с самого его детства, это же доверенное и приближенное лицо! Как же быть? Остановить клинком мерный ход сердца дорогого слуги или же довериться провидению?

Вот с такими проблемами приходят леди и джентльмены, сеньоры и сеньориты к нашему злому гению. Одни просят спасти и не дать убить, другие, напротив, казнить, четвертовать, отравить, третьи готовы убить собственноручно, четвёртые просят найти того, у кого рука не дрогнет… Однако, так ли иначе, все они просят сохранить их тайну. Иначе многим головы не сносить.

Вот и представьте, как живётся нашему злому гению, у которого подобных проблем и забот в день по 15 штук. А бывает — и в ночь. Да к нему в кабинет буквально ломятся «особые лица» со всех концов Европы! И все, как на подбор, пытаются обсудить разные щекотливые темы — и политические, и экономические, и военные, и даже приватно-сердечные! А рыба всё это видит, слушает, медленно плавает по аквариуму и больше ничего не может поделать.

ШАГ 8, ИЛИ 8 КРУГОВ АДА

Рыбе в аквариуме, откровенно говоря, не нравится ее положение. Очень. До жути. До отчаянного безумства. Она живёт в аду собственных страданий и беспомощности. Будучи особой породы, она почти год может обходиться без пищи, так что, даже если хозяин или его слуга перестанут её кормить, всё, что ей останется — мучительно умирать целый год. И так, пока не настанет долгожданный миг освобождения, и она не испустит дух. А ещё рыба не спит. Совсем. Она не умеет спать. Помнит, как это было прежде, в человеческой жизни, но сейчас — ни прилечь, ни задремать, ни упасть в объятия Морфея ей просто не дано.

Рыба — житель и бессменный атрибут тайного кабинета, в котором происходят грандиозные события, но сама не может ни в чем принять хоть какое-то участие… Даже звука издать! Рыба только слушает, думает, иногда машет хвостом. Всё, чего она желает — как можно скорее освободиться из кромешного ада, из этого ненавистного аквариума, из этой стеклянной клетки с водой. Но её желания ничего не значат. А самое главное — ей неведомо, как и когда произойдет ее освобождение. Ей кажется, ответ один: никогда. И с каждым годом эта мысль становится всё острее и опаснее, вытесняя все прочие размышления.

ШАГ 9. ГОСТИ

Чуть слышный стук в дверь. Властное «Входите!». И кто-то шаркающим шагом, на еле сгибающихся ногах заходит в кабинет к злому гению. Кто это? Он зашёл один? Какое у него прошение? Как хозяин с ним обращается? Помогает или же… нет?

Как вы уже поняли, ограничений нет. На этом шаге предстоит продумать, кто приходит к злому гению и что происходит потом. Суть этого шага — разработать серию сцен с так называемыми «гостями». И в этот блок можно «зашить» что угодно, любое событие, любую сделку, любой переворот. Всё, что сможете и захотите.

ШАГ 10. ИГРЫ РАЗУМОВ

А знаете, ещё хозяин любит говорить что-то и о чём-то с рыбой, когда остаётся в кабинете один. К слову, ему неизвестно, что рыба в аквариуме — разумна. Он просто с ней иногда как бы беседует. А рыба слушает и мучается, единственно желая спасения. Но день за днём ей «светят» только лампы в кабинете хозяина, но это никак не «свет в конце тоннеля». И ни-че-го рыба с этим поделать не может уже как целых 20 лет. Да, живёт рыба в этом кабинете уже 20 лет. Как полагаете, каково ей?

ШАГ 11. ФИНАЛ

Теперь нам нужно придумать конец истории, и он должен быть однозначным, недвусмысленным. Финальной сцене предстоит стать совершенно логичной и естественной. Итак, финальный аккорд: смерть злого гения, нашего господина, смерть от старости. Причём, такая, какую за деньги не купишь. Йохан уснул в своей библиотеке, в удобном капитанском кресле. Уснул и больше не проснулся. Соответственно, немного погодя и дом для особых приемов опустел, никто туда больше не ходит, никто не стучит в дверь и не расшаркивается, заставляя половицы скрипеть и гудеть. На смену пришла звенящая тишина. И поскольку то был специальный рабочий особняк Капитана, его собратья и подельники — некогда пиратская банда — также более в особняке не появляются; все живут в округе в собственных владениях.

А как же рыба? О ней забыли. Просто оставили в этом особняке. И с момента смерти хозяина во всём особняке единственным живым существом осталась рыба. Та самая — в аквариуме.Иными словами, рыбу оставили в доме, в одиночестве умирать от голода, что той пока плохо удаётся. Рыба от этого очень медленно дохнет. Умер её господин, прошла сотня лет, а то и больше. И рыба всё-таки умерла. Её последнее пристанище — донный ил вонючего аквариума. Собственно, на этом шаге фантазия может, как говорится, бить ключом. Не мешайте ей. Сам процесс умирания рыбы полезно представить во всех красках.

ШАГ 12. СЕКРЕТАРЬ

Далее нам понадобится особый персонаж — секретарь. Конечно же, у такого господина, у столь богатого и уважаемого аристократа, по сути, хозяина, множества судеб и спасённых голов, не может не быть секретаря. Представьте себе этого персонажа, как он выглядит, как его зовут, какого он происхождения. Как секретарь встречает гостей и просителей, как с ними заводит беседу, как докладывает хозяину о вновь прибывших, как позволяет переступить заветный порог и попасть в святая святых — в судьбоносный кабинет.

ШАГ 13. ЛЮБОВНИЦА

Для такого серьёзного дела нужна молодая любовница. Прекрасный обязательный персонаж. По разным, в том числе — социальным соображениям, девушка должна быть совершенно простого происхождения (не благородных кровей). Ну, из народа. Например, дочь мельника, чей род проживал в Нижних Землях множество столетий. Или горничная… В общем, представьте эту даму, выберите соответствующий типаж и — вперёд!

ШАГ 14. НУЖЕН ДРУГ И СОРАТНИК

Персонаж соратника и настоящего друга тоже важно продумать. Скорее всего, раньше он был таким же пиратом, лихим сорвиголовой, как и Йохан; скажем, ходил его корабельным штурманом, а ныне стал управляющим. Представьте, какого рода поручениями, тайнами и личного рода соображениями мог бы поделиться со своим другом — и только со своим другом — такой человек, как Йохан.

ШАГ 15. ПЛЕЯДА ВОСПИТАННИКОВ

Какое же знатное дело да без молодых? Естественно, наш злой гений не одинок. У него и собственная команда имеется, и подручных хватает, однако, как же без преемственности поколений? Ежели людей не воспитывать, откуда же их потом брать?

Итак, представим, как могла бы образоваться плеяда подручных и воспитанников Капитана. Допустим, есть у него доверенные люди в самых разных концах света и самые разные, продолжающие промышлять преступлениями и, соответственно, обращающиеся за советами. Представьте, как банда преступников (а с виду многие из них — совершенно приличные люди) постоянно шатается туда-сюда, как приносит вести, обсуждает новые схемы

и начинания. Всем хорошо известно, что у Капитана не голова, а «Дом Советов», и будь то тактика аль стратегия — важно заранее со знающим человеком обсудить морские кампании и сухопутные предприятия, будь они потенциально криминальные или открыто незаконные. Например, почему бы не ограбить британскую торговую эскадру где-то у берегов Марокко? Вот из таких идей, наблюдений, сцен и выстраивается само произведение.

ШАГ 16. ОБУЧЕНИЕ

Давайте представим, что у нашего злого гения есть, скажем, 16–20 близких подручных. Эти подручные не только наведываются в особняк Йохана, как к себе домой, но и выполняют особые по сложности поручения. А ещё за плату немалую они посылают учиться у хозяина уже собственных подручных, самых перспективных и талантливых молодых людей. Изначально у нашего Йохана была целая команда (с трёх фрегатов). И поскольку они все вместе сошли на берег и расселились на определённой территории, причём каждый пират занялся, так сказать, «своим делом»; вообразите на минуту, сколько людей на самом деле теперь в подчинении у злого гения спустя 20 лет! И все эти люди, так сказать, без «плохих привычек». И деньги, и золото, и сундуки не смягчили их нравы, не превратили их в слишком цивилизованных — как были паразитами и душегубами, так и остались. И молодёжь подготовили соответствующим образом, чтоб поменьше языком болтали и любое дело могли обставить.

И усилия эти не прошли даром. Так, вдали от несведущих глаз и ушей, выросла непобедимая пиратская эскадра. Старшие учат и тренируют младших; молодёжь, попадая в эту среду, набирается умений соответствующих и опыта преступного. Некоторые «воспитанники» живут во владениях соратников Йохана, скажем, по полгода и впитывают криминальную науку. Иногда наш сеньор в своём кабинете лично собирает молодых людей и читает им «преступные проповеди». И, как вы помните, рыба за всем этим наблюдает… наблюдает, как её хозяин становится Священником преступного мира.

ШАГ 17. МЕРА ЩЕКОТЛИВОСТИ

Уже было сказано, к такому человеку, как Йохан, разного рода люди съезжаются со всей Европы буквально нескончаемым потоком. И с каждым разом просьбы становятся интереснее

и интереснее, щекотливее и щекотливее. Представим себе эдакий «рабочий день» нашего злого гения. Приём «первых просителей» начинается в 3 часа дня, а заканчивается поздней ночью. Причём авторов самых щекотливых прошений, как вы понимаете, самых поганых, Йохан принимает исключительно под покровом ночи. Что бы это могли быть за прошения, что за совещания?

ШАГ 18. ПРИХОД В СОЗНАНИЕ

Шеф на этом сюжете тоже заострил особое внимание. Мы представляли, как рыба внезапно пришла в сознание ещё там, в глубинах океана. Как она случайно попала в «рыбовладельческие сети», как её вытащили на деревянную палубу, как юнга, совсем мальчишка, заметил её и всё кричал на непонятном языке, что рыба-то особенная, как дальше её поместили в бочку с морской водой, а затем доставили в какой-то магазин, чтобы продать как диковинку. И однажды в магазин забрёл некий господин, пожелавший, чтоб ему показали только диковинных обитателей. Заприметив необычную рыбу, господин почему-то решил, что его Капитану очень понравится такое морское чудовище. Господин купил рыбу, затем заказал для неё особый, огромный по размерам аквариум, который вносили в кабинет ровно 6 человек (прямо как гроб на похоронах выдающегося гражданина). Аквариум с рыбой водрузили на гранитный постамент, обшитый бархатом, где эта рыбина и жила впоследствии как экстравагантный дар необычному хозяину.

ШАГ 19. СОБУТЫЛЬНИК

В жизни нашей встречаются такие вопросы, с которыми — как говорится — без бутылки коньяка, виски или старого, доброго рома просто не разобраться. Собственно, такого рода вопросы наш злой гений предпочитает обсуждать в компании некоего хорошего друга и собутыльника. В каковой роли Шеф предложил… Старого тореадора, в прошлом разбиравшегося с самыми свирепыми быками. Познакомились они уже на суше, когда тореадор проживал по соседству с Йоханом. Сами понимаете, персонаж, душа в душу пьющий с Капитаном, тоже не может не быть очень интересным. Представьте только, в обнимку с пинтой пива (или чего покрепче) сидит у стола кабинета старый тореадор, весь в пробоинах и шрамах — свидетельства глубокой памяти о том, сколько раз быки пытались поднять его на рога. Странным образом оставшийся в живых и притом заработав-

ший небольшой капитал, он, конечно, не так богат, как Йохан. Злой наш гений, можно определенно сказать, из самых богатых в Европе. Без гиперболизации — на его деньги, золото, платину и драгоценности могли бы несколько лет безбедно прожить иные государства Европы. Однако и тореадор наш не промах: человек во многих отношениях достойный и живет, как вы знаете, по соседству в небольшом ладном доме. У него скромный штат прислуги, лошади редкой породы и приличное хозяйство. Они, он и Капитан, любят крепко выпить по ночам, обсудить былое, заглянуть за горизонт будущего. Ну, с ними — и рыба, приговоренный немой свидетель.

ШАГ 20. ФОРМУЛА

В итоге этого произведения вы должны получить некую формулу. То, что желаете донести до читателя. По-одесски говоря, што вы этим хочите сказать? В данном случае, ваша формула должна ответить на вопрос: «Что решает исход любого дела?». Шеф рассказывал так:

– Йохан не родился несметно богатым или конгениальным. Он таким стал. Возьмем, к примеру, незабвенный эпизод: зловещий Капитан отправил на корм рыбам команды трех британских фрегатов. Глазом не моргнув. То, как он это задумал и реализовал, свидетельствует: главный наш герой — человек незаурядных оперативно-тактических и управленческих способностей. Хотя в одной из сцен другу своему, тореадору, говорит, что это не главное.

Ну, а что же главное, если не такие выдающиеся качества? Собственно, в том и кроется суть процедуры: напишите мысленно, то есть — вообразите, произведение «Рыба в аквариуме». Метод психотерапевтического рычага подталкивает человека к осмыслению, пожалуй, даже — к вызову. В числе священных долгов писателя есть и такой: он должен сам лично, для себя ясно и исчерпывающе ответить на вопрос — «Что решает исход любого дела?». Пройдя двадцать шагов и размышляя над произведением, представляя и рассматривая различные его сцены и эпизоды, идеи и сюжетные повороты, вам и следует сделать свой вывод о том, что в ста случаях из ста непосредственно решает исход любого дела. «Рыба в аквариуме» именно об этом. Сие произведение — о беспомощной рыбе и гениальном человеке, который знает, что к чему, как предвосхищать и побеждать, как создавать и наводить порядок. Как решать нерешаемое и творить то, что можно назвать «невероятное, но очевидное». Когда будете мысленно это делать, вы часто

отождествите себя — то с рыбой, то с ее хозяином. И в результате она придет к вам — модель рыбы в аквариуме.

Метод психотерапевтического рычага подталкивает человека к осмыслению, пожалуй, даже — к вызову. Писатель должен ответить для себя на вопрос — «Что решает исход любого дела?»

Выходит, чуть ли не в каждом человеке живет рыба в аквариуме. И возможно, при определенных условиях и как их следствие, той рыбой в аквариуме становится человек сам. Да-с, он сам себя делает рыбой в аквариуме.

А теперь — спецподсказка для самых внимательных. Помните, есть такая схема: голова, фоновая сущность и тело. Схема, с научной точки зрения поясняющая, как воспитываются навыки, как человек становится экспертом, профессионалом, тем, кто действительно нечто умеет.

Нет, не помните? Ничего страшного. Более простым языком без всяких схем: принципиальная система тренировки и методика описаны в книге «История одного святого». На ее страницах вы познакомитесь с другим обладателем человеческого богатого естества — вашим собственным Зверем. И знакомство это станет судьбоносным. Зверь многому способен научить, очень многому. И главным образом тому, как не быть ущербным.

Ущербность… Синонимический словарь объясняет термин придавленностью, закомплексованностью, ненормальностью, недостаточностью. Словом — неполноценностью. В литературе чаще всего речь идёт о психологическом эффекте, субъективно-низкой самооценке, приводящей носителя к преувеличению своих недостатков и к навязчивой сверхстеснительности. Сама же по себе наука как не быть ущербным (и как не воспринимать себя таковым) великая и важная, что и говорить. Но время- и энергоёмкая. Насколько такая трата созвучна текущей эпохе? Учиться, обретать навыки лет по пять-десять, потом «париться» и страдать от мук творчества? Нет, на это сегодня мало кто согласится. Уже хотя бы потому, что куда проще и быстрее притвориться уразумевшим, сыграть освоившего. Пройти воплощение так сказать, в процессе переживания. Тем более сам великий Станиславский своей знаменитой системой вложил грозное оружие в руки притворщиков облагорожено именуемых артистами. В конце концов «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры», кому же неизвестны эти слова Шекспира. К слову, несколько менее популярна версия о том, что вовсе не наш Уильям это придумал. Подобное вы можете встретить чуть ли не у Нерона. Просто это изречение в виде вывески и рекламы значилось на шекспировском театре «Глобус». Но сейчас и не об этом.

Соответственно, искусство и ремесло игры — второй подход или второй вектор, как угодно, человеческой жизни. Тайны «беспро-

игрышной игры» пока не раскрыты в отдельной книге. Скорее всего, придется поработать над «Рыбой в аквариуме» во всей ее красе и издать финальную книгу, как завершенное произведение. Но уже сейчас, не дожидаясь каких-либо книг и время не тратя даром, вы располагаете всеми ключами, предвидите шаги и подсказки к осмыслению весьма могущественной концепции. Припомним одну из общепринятых формулировок этого предмета: Концепция — комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих единую систему. Концепция определяет стратегию действий. Особенно важно это, последнее.

Концепция — комплекс взглядов на что-либо, связанных между собой и образующих единую систему. Концепция определяет стратегию действий.

Ограничим формулу этой частью (на самом деле на полную трактовку-расшифровку этого предмета в толковых словарях потребуются целые страницы). Владение концепцией «Рыба в аквариуме» позволит создать собственное произведение. И определит стратегию ваших действий. Что, в свою очередь, послужит не только вариантом вашего творческого самовыражения, но и компасом вашей деловой жизни, и лоцией при путешествии морем-океаном судьбы, и секстантом для определения ваших координат в настоящий момент. Для работы с концепцией у вас уже есть все. И теперь, вам, не касаясь бумаги и клавиатуры, предстоит мысленно создать свою книгу «Рыба в аквариуме», используя все накопленные персонажи и «Шаги». Это произведение по итогу может стать для вас психотерапевтическим рычагом в работе практически с любым оппонентом, клиентом, экспертом, просто визави.

Владение концепцией «Рыба в аквариуме» позволит создать собственное произведение. И определит стратегию ваших действий.

Возможно, это предложение неожиданно. Сколько времени потребуется для его реализации? Предполагается, что для мысленного написания такой книги двух недель будет вполне достаточно. Ну, как говорится, плюс-минус… Фактически, Шеф предоставил в наше распоряжение все нужные стройматериалы. Скажем, кирпичи, из которых можно сложить здание любого назначения и любой, самой простой и самой причудливой архитектуры. В этом мы ничем не ограничены. Из сюжета даже что-то можно и исключить. Например, что, если оттуда изгнать с треском друга-собутыльника? Или секретаря? А почему бы и нет — это личное дело каждого из нас. Мы — писатели, нам — виднее. И произведение «в голове» — глубоко личное произведение.

Вам предстоит мысленно создать свою книгу «Рыба в аквариуме», используя все накопленные персонажи и «Шаги». Это произведение по итогу может стать для вас психотерапевтическим рычагом в работе практически с любым оппонентом, клиентом, экспертом, просто визави.

Смысл метода психотерапевтического рычага в том, чтобы автор в ходе безбумажного и бездисплейного создания произведения сам многое понял, а затем использовал понятое во всем комплексе своей жизнедеятельности. Шеф ведь ясно сказал, не прикасаемся ни к перу, ни к клавиатуре, именно мысленно создаем книгу в течении указанного срока. И непременно проживаем все эпизоды

Смысл метода психотерапевтического рычага в том, чтобы автор в ходе безбумажного и бездисплейного создания произведения сам многое понял, а затем использовал понятое во всем комплексе своей жизнедеятельности.

не забывая наблюдать за рыбой. И в какой-то момент мы сами (возможно) становимся некой третьей стороной незримо присутствующей для героев. Мы смотрим и смотрим на происходящее со стороны и задаемся различными вопросами. Например: а что себе думает рыба? Что она ощущает? Каково это быть беспомощной рыбой? Не знакомо ли мне это ощущение? И если да, то — почему? В связи с чем? Не такие уж легкие они, эти размышления. А чтобы немного облегчить положение, припомним еще один фрагмент-цитату из с третьего урока Акунина по беллетристике.

Урок 3. Перевоплощение

Джон Донн сказал: «Никто не остров, замкнутый в себе». И был не прав. Из школьного курса географии припомним: остров — часть суши, со всех сторон окруженная водой. Но в реальности почти каждый из нас еще изолирование, чем остров. К острову можно подплыть, его можно рассмотреть — что происходит. Увидеть и понять то, что происходит с другим человеком (в особенности в нем), удается не многим — только особо одаренным и профессионально подготовленным психологам, которые человека видят, как говорится, насквозь и даже глубже. Каждый из нас подобен не столько острову, сколько субмарине в подводном положении и в водонепроницаемой двойной оболочке. Даже при плавании под перископом или при самокоманде «Дифферент на корму!», то есть при всплытии — кто знает, что там, внутри? А именно там основная жизнь экипажа и разворачивается.»

Даже для самого себя, бывает, человек — загадка. А уж для окружающих… На мир он, в основном, смотрит в этот самый перископ или иллюминаторы; между прочим, и перископ не так уж совершенен, и иллюминаторы ограничивают зрение. Вокруг плавают акулы, осьминоги, медузы и прочая водная живность. И прозрачность воды относительная. Сами понимаете… Словом, замкнутое клаустрофическое состояние. Разовьем параллель: даже если подлодки две и плывут они параллельным курсом, автор должен перемещаться из одной в другую, чувствуя себя в своей стихии. И передавать это ощущение читателю. Фокусировка и эхолот дают зрительские и звуковые эффекты — полифонию; текст говорит, причем разными голосами. Даже если это произведение повествует от лица героя, персонажи в поле зрения читателя и зрителя должны быть не пучеглазыми глубоководными тварями, а живыми людьми. Одна из обязанностей автора — глубоко понимать их внутренний мир и логику поведения.

Проза большой формы (скажем, роман) — хор, симфония. И не одна партия не должна фальшивить. Досадно, если какой-то десятый тенор «пустил петуха». А публика свистит или расходится. А то и бросает моченые яблоки и тухлые яйца. В данном случае, произведение наше — небольшой формы. И авторы могут ограничится полновесным ориентировочным минимумом персонажей — числом, скажем два. Они как бы общаются друг с другом. И как бы демонстрируют взаимопонимание. Но у каждого своя мотивация собственное видение жизни. Свои правда и представление о героях. В общем, все как в жизни.

В жизни нас окружает многое. Более всего интересны люди. Все вроде бы одинаковы: все ходят ногами по Земле, а не руками по небу; все вдыхают кислород, а выдохнуть норовят всякую гадость. И прочее-прочее, делающее их похожими и отличающие их от флоры, фауны и минералов. И при том, все — разные. И не только в том смысле, что у семи миллиардов Землян дактилоскопические оттиски не совпадают, каждый из них одно и то же воспринимает хоть немного, да по-разному.

Осмысляя и упражняясь с концепцией «рыбы в аквариуме», всё сделаете правильно,— обязательно, на высоком уровне научитесь работать с людьми.

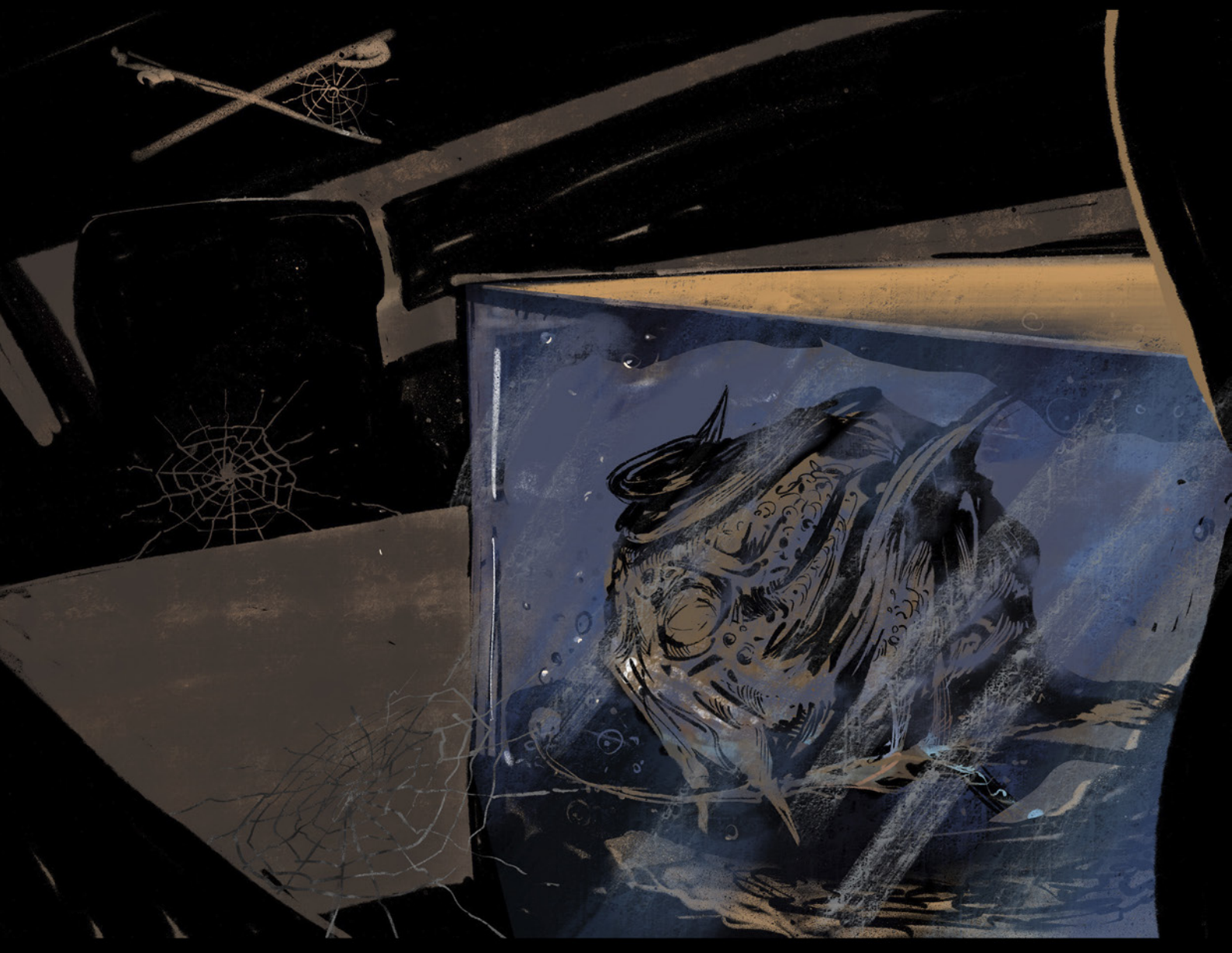
Вокруг нас люди. И какие бы они ни были, с ними придётся иметь дело. А этому необходимо научиться. Не с кем попало и не со всеми подряд. Но если вы, осмысляя и упражняясь с концепцией «рыбы в аквариуме», всё сделаете правильно,— обязательно, на высоком уровне научитесь работать с людьми. Даже так, как это умеет главный герой — ваш зловещий Капитан, гений, злодей, тайный хозяин и установитель порядка.

А финал у такого произведения всегда один — рыба должна сдохнуть от голода. Её хозяин умрет со спокойной совестью, естественной смертью — просто уснёт в библиотеке, будучи в преклонном возрасте. А рыбе такая судьба «не заказана», она непременно помрёт в мучениях. Рыба должна сдохнуть — и в этом смысл. Сама концепция рыбы в аквариуме объясняет многое, самое главное — философию значительной части людей, нас окружающих. Они уверенно, с утра и до ночи, разделяют философию рыбы в аквариуме. Более того, вероятно, «рыбья» философия их устраивает в полной мере: живешь себе в аквариуме, тебя кормят, периодически, иногда, правда, забывают, но что поделать.

Да, множество, великое множество людей вокруг ведут себя аналогично рыбе. Кто-то — как донная камбала. Другие мнят себя карасём-пронырой, третьи — хищной щукой, не обращая внимание на то, что у них даже зубов нет. Долго такой человек живёт рыбой, на короткие мгновенья вспоминая, что он всё-таки homo sapiens. Да, человеком-то он становятся иногда.

И лишь на какое-то время, но совсем не таким, как главный герой нашего произведения. Вовсе не злодеем и уж точно не гением. А всё почему? Да любит человечище свою рыбу! Именно любит, порой до беспамятства. Он её кормит, воду в аквариуме ей меняет, витамины подбирает, игрушки, жемчуга и украшения в аквариум ей приносит, короче, всё делает для того, чтобы рыбе было тепло, уютно и здорово. Кстати, вы можете мысленно сотворить произведение о том, как вы холили и лелеяли рыбку, а она возьми да и помри. Дура. И точно не от голода. Просто так. Вчера рассекала просторы аквариума, а потом ррраз — и всплыла пузом кверху…

«Рыбу в аквариуме» можно в какой-то степени назвать «бесконечным» произведением. Ведь это экшн, который никогда не закончится; даже когда ваша рыба умрёт (а вы, наверняка, расстроитесь), обязательно вернетесь в середину произведения и станете его переделывать, зная, что в конце рыба таки испустит прощальный «бульк». А потом, желая рыбу оживить, вы совершите ещё один виток, реанимируете её, снова начнёте совершенствовать и писать своё творение, чтобы рыба снова жила, будучи немым свидетелем злодеяний её хозяина-гения. И это может быть бесконечно.

Такое произведение можно переписывать и апгрейдить всю жизнь, и с каждым новым витком оно, скорее всего, будет вам нравиться всё меньше и меньше. И рано или поздно, вместо того, чтоб его переделывать и переписывать, однажды вас озарит Формула. Вы поймёте, чего же вам на самом деле не хватает, что решает исход любого дела, предприятия, начинания, проекта. А до тех пор — шаги, поиски, черновики, наброски, споры с самим собой, проверка собственных размышлений и догадок на деле, осознание того, что вы снова не нашли Формулу и снова промахнулись.

Конечно, можно возразить, мол, никто не знает, а потому не способен ответить на вопрос «Что же решает исход любого дела?».

Ну, почему же — никто? Злой гений точно знает. Но рыбе в аквариуме он не расскажет, какой бы разумной та ни была. Не для рыбьих «ушей» эта Формула. И даже не для всякого двуногого, кто вхож в кабинет Капитана.

Такое произведение можно переписывать и апгрейдить всю жизнь. И рано или поздно, вместо того, чтоб его переделывать и переписывать, однажды вас озарит Формула. Вы поймете, чего же вам на самом деле не хватает, что решает исход любого дела, предприятия, начинания, проекта.

«Над прошлым, настоящим и будущим имеет власть человек»
Александр Грин.

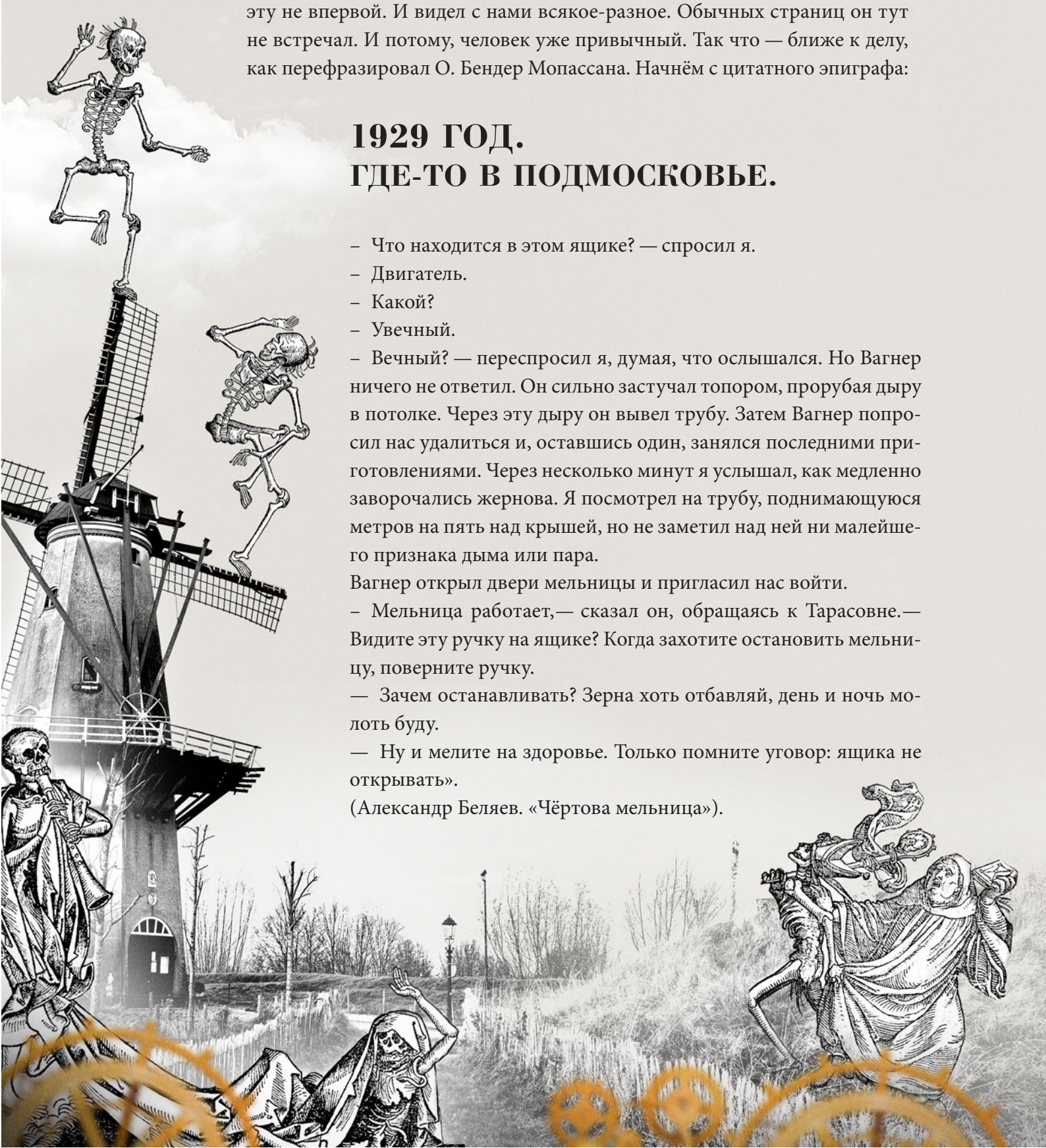

5 КОНЦЕПЦИЯ «ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА»

Вступление к этим страницам собирались мы предварить предупреждением об их необычности и своеобразии. Но читатель наш листает книгу эту не впервой. И видел с нами всякое-разное. Обычных страниц он тут не встречал. И потому, человек уже привычный. Так что — ближе к делу, как перефразировал О. Бендер Мопассана. Начнём с цитатного эпиграфа:

1929 ГОД. ГДЕ-ТО В ПОДМОСКОВЬЕ.

– Что находится в этом ящике? — спросил я.
– Двигатель.
– Какой?
– Увечный.
– Вечный? — переспросил я, думая, что ослышался. Но Вагнер ничего не ответил. Он сильно застучал топором, прорубая дыру в потолке. Через эту дыру он вывел трубу. Затем Вагнер попросил нас удалиться и, оставшись один, занялся последними приготовлениями. Через несколько минут я услышал, как медленно заворочались жернова. Я посмотрел на трубу, поднимающуюся метров на пять над крышей, но не заметил над ней ни малейшего признака дыма или пара.
Вагнер открыл двери мельницы и пригласил нас войти.
– Мельница работает,— сказал он, обращаясь к Тарасовне.— Видите эту ручку на ящике? Когда захотите остановить мельницу, поверните ручку.
— Зачем останавливать? Зерна хоть отбавляй, день и ночь молоть буду.
— Ну и мелите на здоровье. Только помните уговор: ящика не открывать».
(Александр Беляев. «Чёртова мельница»).

А ТЕПЕРЬ — 2021 ГОД. ГДЕ-ТО В ОДЕССЕ.

— Ирина Игоревна, нарисуйте на доске мельницу. Схематически,— сказал Шеф.

Ну, строго между нами, мои способности художника давно спят практически беспробудным сном. И на 1% просыпаются вот в такие моменты, когда Шеф предлагает что-то нарисовать. Итак, ветряная мельница. Башенка, 4 крыла, Или, может быть, водяная — с колесом в быстрой речке. Как-то так.

— Ну, вот и она. Мельница. Отлично. Что же, бывают и такие. А бывает и «чёртова мельница». Слышали это выражение?

Слышать-то мы слышали, конечно.

— Многие знают, что такое мельница (хотя бы представить себе её могут), однако я ещё не встречал ни одного человека, способного объяснить, что такое «чёртова мельница». Может быть, так чертыхнулся Дон Кихот, опираясь на сломанное копьё и потирая ушибленные бока? Или так назвали в своём протоколе песенку Игоря Николаева члены репертуарной комиссии «Росэстрады», в 1986 году не принимая её для выступлений? Или, может быть… А ведь это крайне любопытно: употреблять выражение, не зная, что под ним подразумевается.

Вот и вспомнился мне Беляевский Вагнер — с его злополучными изобретениями. Но что-то подсказывало: классическая «Чёртова мельница» и рядом не стоит с тем, что нас ожидает. В воздухе внятно повеяло… концепцией!

— Хотите, сыграю «чёртову мельницу» тремя нотами? — Продолжил Шеф,— Или лучше — вот: сформулирую несколькими словами? Получится так: проклятие всего человечества.

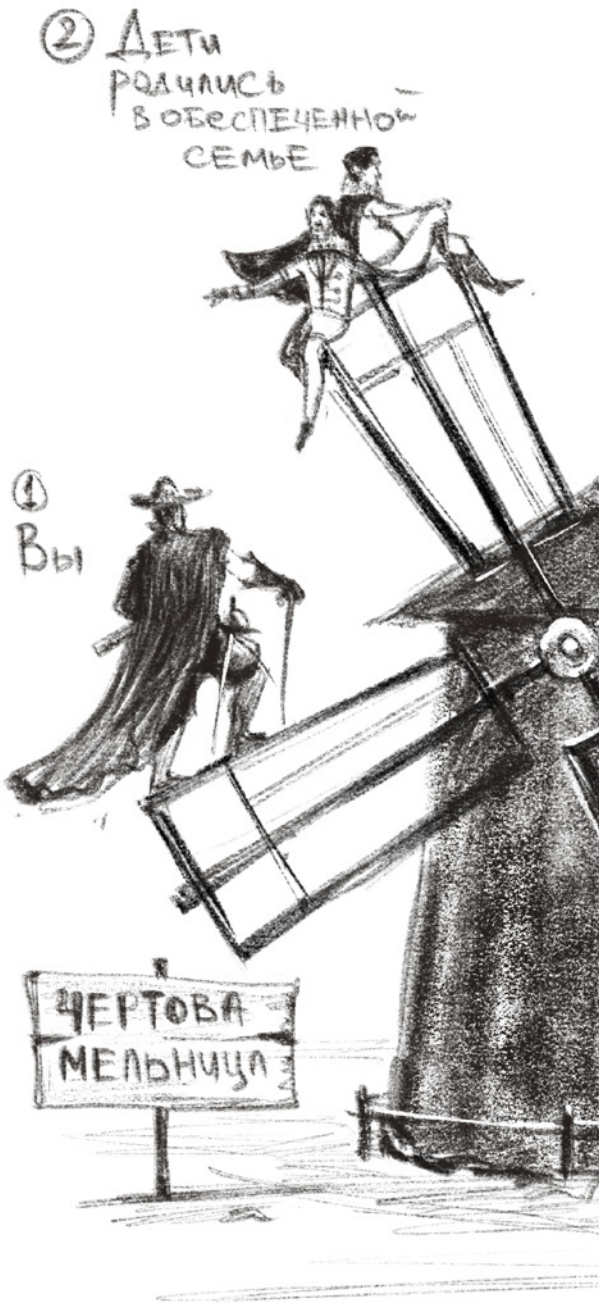
ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА — ПРОКЛЯТИЕ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

1

– Что ж, давайте рассмотрим, как это работает? Представьте себе следующее. Вы жили-не тужили, честно трудились, порой напрягались. Перенапрягались. И, в конце концов, стали обеспеченным человеком. Может, не самой известной или выдающейся личностью, но, что для вас главное — добра нажили. **И это достижение благополучия и обеспеченности — этап номер 1.** Так выглядит первый маховик мельницы.

2

Что происходит дальше? Стало вам грустно или, напротив, радостно. Будущее уже стучалось в ваше сердце. И на белый свет вы родили детей. Соответственно, **ваши дети родились в обеспеченной семье. И это — этап номер 2.** Второй маховик мельницы.

Вы же добра своим детям желаете, правда? От всей души, от всего сердца? Скорее всего — именно так. Хотя, конечно, бывает всякое. Но допустим, лично вы стараетесь дать своим детям всё самое лучшее. Всё, что только возможно. И даже сверх того…

Если сами не чрезмерно довольны своими детством-отрочеством-юностью, вы явно не хотите, чтобы они жили так, как когда-то вышло у вас. Ведь верно? Ведь правильно? Во всяком случае не часто встретишь родителя, желающего своему наследнику его жизненные кочки и ухабы. Хочется верить: именно так настроено значительное большинство людей. Хотя, бывает всякое. Иначе зачем тогда законодательство предусматривает лишение родительских прав. Но какой же это прогресс, если ученики не идут дальше учителей и, если дети не живут лучше, чем родители.

Вообще говоря, метафизические утверждения (ну, от сих до сих, остальное — от лукавого) мало свойственны настоящей литературе. В особенности — научной. В конце концов, когда дети вырастают, они вам — не ровня. Они — не вы. Они — другие. И нередко бывает, яблоко от яблони падает довольно далеко. Да еще и откатывается. Но вы едва ли придаете этому большое значение. Главное — что у ваших детей все есть. Они ни

в чем не нуждаются. И эта золотая медаль также имеет оборотную сторону. Можно сказать и у этой палки два конца. Любовь к детям и забота об их будущем иногда, бывало, обретала такие формы и объемы, при которых привычка к всеобеспеченности заканчивалась скверно и для деток, и для родителей. Но не будем о грустном…

Хотя один невеселый момент невозможно не обойти. Как не прискорбно, увы — однажды вы покинете этот мир. При огромном пожелании авторов жить вам столько, сколько вы хотите. Обычно предков переживают потомки, которым завещано добро. **Таков этап третий. Это следующий этап, когда дети продолжают жизненный путь, как уже сказано — не будучи ровней родителям.** Удачливые наследники, они пришли на готовенькое, полученное добро не выстрадали, не облили многократно потом-кровью, не прошли к нему по-пластунски и бегом огонь, воду и медные трубы. Но обеспеченные предками потомки, как и все остальные, также продолжают свой путь среди разных людей и их сообществ. Где гарантия что все дальнейшее для них будет протекать в среде людей добрых, трезвомыслящих, благородных, воспитанных, заботливых? Такую гарантию не дает даже страховой полис — это вам скажет любой агент по страхованию. Ну, а если вокруг — обозленные, несытые, неудачливые, грубые, жестокие, беспощадные… Наконец — мизантропы. Ну, человеконенавистники. Обеспеченные наследники могут оказаться психологически и не готовыми к таким встречам. И запросто потеряют душевное равновесие, выдержку, жизненную устойчивость и состояние. А то и саму жизнь. Как говаривал Владимир Маяковский: «Для веселья планета наша мало оборудована…». Жалко, конечно. Но что делать — нас не спросили. И чаще всего знатоки оценивают процентное соотношение зла и добра с перевесом первого. Хотя конечно, и эти явления относительны, а термины условны. Но сие — отдельный разговор.

Тенденции отнять имущество, власть, жизнь не являются исключительными, в их реализации не редко проявляются хитрость, подлость, коварство и жестокость. Таков возможный финал. Четвертый акт. Четвертый элемент мельницы.

Ну а что же потом? В общем-то и как правило все повторяется. Носители зла — некогда неудачливые, голодные, наглые-грубые, нецивилизованные все же добившись собственности, того или иного клочка власти и места под солнцем, переходят в категорию обеспеченных. Естественно, они рожают детей. Естественно, чаще всего любят их. Бывает — души в них не чают. Создают и поддерживают соответствующие условия их детства-отрочества-юности. Дети становятся взрослыми, бывает — цивилизованными. И горя не знают, пока «чертова мельница» провернет свои жернова; да-да, пока уже по души этого поколения не явятся носители отрицательных эпитетов дабы отобрать и присвоить себе все унаследованное и нажитое. Удалось? Допустим. И сами стали обеспеченными, устойчиво держащими штурвал власти. Богатство, власть — уж свято это место, грешно ли, а пусто не бывает. Здесь вторая природа человеческого общества особенно нетерпима к вакууму.

Бесконечен ли этот цикл? Говорят, ничто прекрасное не бесконечно. Ничто ужасное — также. Строго между нами говоря, и сама планета, на которой все это происходит и каковая, по мнению Маяковского, не очень весела, тоже вроде как не бесконечна. Кто бы и за сколько времени её ни создал — Бог ли, природа ли, во всяком случае ясно: раз когда-то ее не было, то и стало быть… А пока жернова «чертовой мельницы» перетирают очень многое. Не зря в народе говорят: «Перемелется — мука будет».

Или вот, как сказал поэт:

Эта старая, старая мельница,
А у мельника — дочка умелица.
Дочка верит, что все переменится,
Мельник знает,— что все перемелется
Перемелется, будет мукой,
Белой дымкой пройдет над рекой
И мучнистою корочкой льда
В желобах позамерзнет вода.
Эту мельницу ты не вини,
Все пшеницы и все ячмени,
Все года и любые слова
Размололи ее жернова.

Можно ли из сказанного вывести тождество: если вы в жизни добьетесь чего-то стоящего и передадите по наследству, внукам и правнукам вашим предстоит нищета? И что их, даже еще не родившихся, вы уже своими хлопотами-заботами обрекаете на муки голода и нищеты? Утверждать этого, конечно, не станем. В конце концов, многие дети, внуки и правнуки Рокфеллеров, Морганов, Дюпонов, Круппов в «надцатом» колене сохраняют лучшее воспоминание о первых своих, вторых, третьих и последующих шагах жизни. И сегодня горя не знают. Но сама цепь наших размышлений логична. Хотя, «чертовой мельнице», видимо, совершенно все равно, что о чем, и как вы думаете по этому поводу. Она продолжает извечное свое коловращение…

После эти слов Шеф глубоко вздохнул и указал на рисунок:

– Это еще не концепция дамы и господа. Так, предисловие. Мотив возникновения концепции. Для сомневающихся в сказанном задержу ваше внимание несколько-

ми примерами. Начну с тенденции, касающейся первого примера. Прежде мы толковали с вами о том, что появились на Земле села-поселки-станицы-деревни-хутора и лишь потом города. И какова логика бурного роста населения последних. И стабильность относительно небольшого сельского населения. Сегодня коренных жителей городов становится все меньше и меньше. Киев за последние двадцать пять лет изменился буквально до неузнаваемости. Хорошо знакомый мне еще в Советском Союзе, он совершенно не соответствует нынешнему. Речь не только о количественном, но и о качественном факторе. Что особенно заметно на верхних уровнях, вплоть до уровней власти. Впечатление такое, что вполне ритмично, чуть ли не каждые четыре года вверх поднимаются те самые носители зла — голодные, обозленные, раздетые-разутые, нецивилизованные граждане.

И отбирают добро у тех, кто им обзавелся примерно тем же аллюром в предыдущие четыре года. Историкам, политологам и правоведам это может напомнить эпоху налёта на карету Тифлисского казначейства и ленинский тезис «Экспроприации экспроприаторов». Тем более, что отнятием дело не ограничивается, «политический цвет» сажают в тюрьмы. Это первый пример.

Второй связан с другой столицей. Москва златоглавая. Кто там добивается успеха? Конечно, люди разные во многих отношениях. Но впечатление такое, что в основном — «лимита». То есть не местные, приезжие. Термин рожден в пятидесятые–шестидесятые годы, когда бурно отстраивалась столица СССР и требовалось громадное количество разнорабочих, которые могут плоское таскать, а круглое катать. Класть или выучиться класть кирпичи, красить кровель и стекла вставлять. На них устанавливался определенный лимит временной прописки — отсюда и название.

Хотя, ехала и лимита и из дальних, народ это был все более работящий и не обезображенный образованностью и культурой. И притом, чертовски жизнеспособный и жизнелюбивый. Префикс-идея его была очевидной: любой ценой, не щадя живота своего (тем более — чужого) закрепиться в городе, пустить корни и по возможности преуспеть. А что же коренные горожане? Их далекие негородские корни скрылись в тумане такого прошлого, что сами слова, как вы помните: «Село», «Деревня» из их уст звучали как оскорбление. Да горожане, признаться, особенно не стремились на ударной стройке пятилеток. Они выучили слово «Понаехали!» в адрес лимитчиков. Того и довольно. Многие москвичи восприняли эту традицию, как эстафету поколения. Им и сегодня неохота вкалывать за тысячу пятьсот — две тысячи долларов. Лучше закатиться на Клязьму…

Уточнение: касается нечто подобное и южной нашей пальмиры. Двадцать шесть районов одесской области (между прочим, на территории некоторых из них можно свободно разместить пять-семь современных европейских государств), очень давно дали старт бегству по маршруту «село — город». Причем, обычно — в один конец. Нельзя сказать, что таких новогорожан Одесса встречала с распростертыми объятиями. Её гостеприимство вообще здорово гиперболизировано. Уже давно уместен вопрос: сколько одесситов среди одесситов? И как живется им, последним из могикан. Да и задать его — некому.

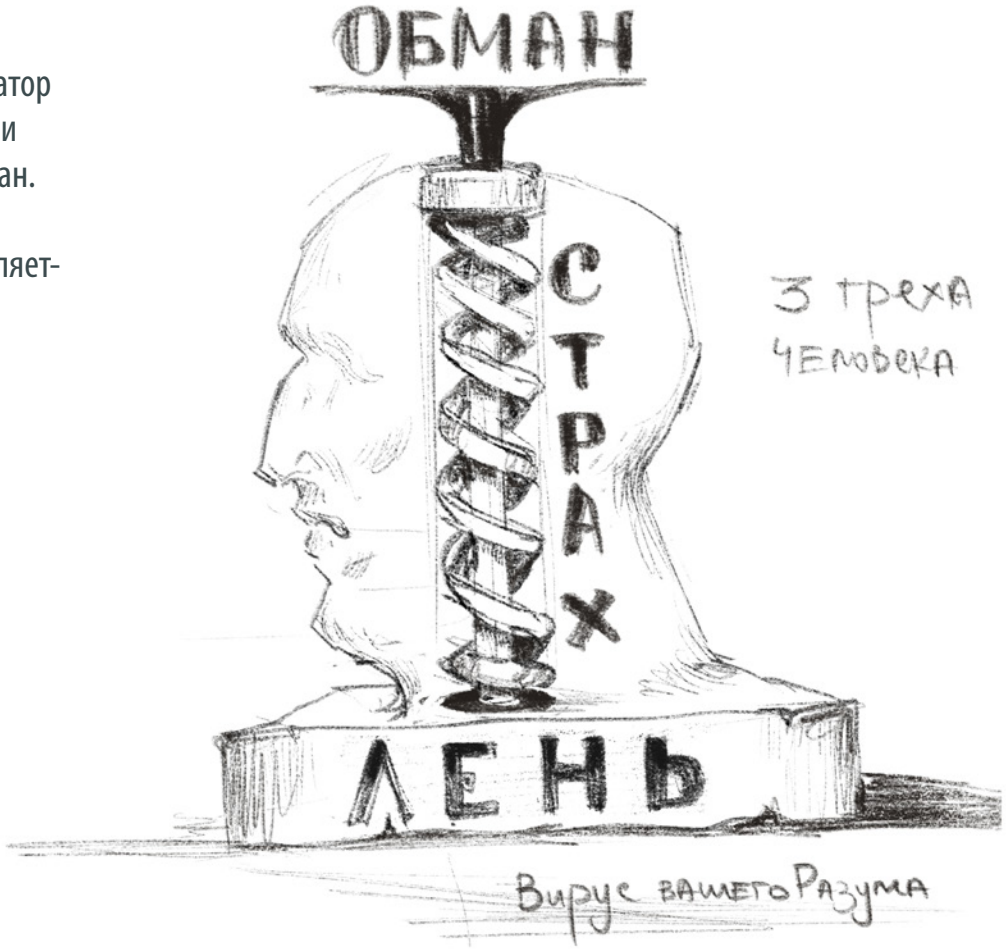
Примеры приведены — дабы показать, как срабатывает «чёртова мельница». Этот терминологический оборот — не дань современности. Неологизмом или «инновацией» его точно не назовёшь. Наши с вами предки о «чёртовой мельнице» точно знали ещё в 18-м столетии. Если не ошибаюсь, первое упоминание о «чёртовой мельнице» в Европе приходится на 1752 год. Звучит, верно? Но озвучим самый главные вопросы: «Почему всё так происходит?»

Почему «чертова мельница» вращается рррроковым образом — не переставая? Почему, видать, и впредь продолжит вращаться веками, поглощая людей, перемалывая их смертные кости, бросая скелеты в канализационные топи? Почему цивилизованные канут в Лету? А к власти снова и снова приходят озлобленные, нищие, голые и босые? Почему одни объедаются благами до отвала, мнят себя великими и неуязвимыми, сильными и защищёнными, пока их разочаровывают в себе и им на смену не приходят другие? Кто и когда сложил этот порочный круг?

Сказать по правде, я не знаю, когда всё случилось. Да скорее всего — и никто не знает. Нам остаётся только апеллировать к сухим фактам. Возник некий код поражения разума человека. Или, как я это называю, инфекция для декоративных животных. Представьте, каково это, когда декоративных животных — тех, что подмышкой носят — поражает инфекция. С прикладной точки зрения, это инфекционное явление, эта натуральная невидимая чума называется амортизатором поражения разума.

Несколько штрихов — и рядом с мельницей появился другой рисунок. **Амортизатор.**

Именно такой амортизатор и использует наш с вами разум. Лень-страх-обман. Он «встроен» в разум каждого человека и является причиной «Чертовой мельницы»

Образно источник этой инфекции можно представить как амортизатор. Взгляните на модель: в самом низу располагается некая платформа или «набалдашник», посредине пружина и сверху ещё один «набалдашник». Всего — три элемента. Нижний элемент или набалдашник, на который опирается вся конструкция, называется лень. В середине амортизатора — да, пружина,— это страх. А вот верхняя часть конструкции — это обман. Именно такой амортизатор и использует наш с вами разум. Лень-страх-обман. «Штуковина» эта и есть код поражения разума человека или попросту — инфекция для декоративных животных. Самый банальный всепроникающий вирус. Познакомьтесь, так сказать. Welcome. Не каждый день, всё же, встречаешь лицом к лицу вирус собственного разума.

ЛЕНЬ-СТРАХ-ОБМАН.

С одной стороны, просто слова. Просто термины. А с другой? Вирус есть вирус. И передаётся он не только словесным «воздушно-капельным путём». Амортизатор «встроен» в разум каждого человека, каждого жителя планеты Земля. И, как вы понимаете, он и является причиной «чёртовой мельницы». А сомневаетесь — так давайте проверим! Именно: проверим концепцию «на прочность», так ли она верна и целостна.

Допустим, вы исцелились от «чёртового» недуга. Вам так кажется, поскольку вы в жизни нормально так «сражались», неоднократно вышли победителем, что-то завоевали, отвоевали, создали, построили и стали относительно независимым и обеспеченным человеком. Но бесстрашны ли? Или бесстрашны ровно до того момента, пока не прозвучат заветные слова «мои дети». Мои дорогие, родные и любимые дети, моя плоть и кровь. Как только возникли категории «дети» и их «безбедное будущее» — мгновенно зашевелился страх. Нет, уже даже не за себя, любимого, но за детей. Страшно даже представить, по скольким головам вам довелось пройтись, чего лишиться самому и лишить других, чтобы ваши дети могли иметь всё то, что вам досталось с боем, сквозь зубы, с бессонницей… Но оно ведь того стоило, верно?

Что же такое страх? Страх — это основа религиозного состояния. То есть любое религиозное состояние человека (как его не назови) держится на страхе. «Не приведи Господь!», «Дай Бог, ещё поживём!», «Чтоб у нас всё было и нам ничего за это не было!» — звучит как тост, как элегия, как реквием по беззаботной жизни. Да, сначала зажигается огонь страха, и постепенно ваше же родное окружение всё ярче разжигает религиозное пламя. Не отсюда ли стариннейший тезис о Страхе Божьем? Таков такт первый. Первый маховик мельницы уже сработал.

А вашим детям страшно? Нет, у них свой «демон». И зовут его лень. Лень запускает в работу такт номер два. Лень просыпается ясным утром с осознанием юноши или девушки «А зачем мне, собственно, напрягаться? Если всё и так хорошо? Если и так всё есть?» Знаете, пружина эта амортизирующая, Лень-матушка, работает безотказно… Зачем париться и напрягаться, если папа деньги даёт, если машину подарили, если квартира, а то и дом приличный имеется? Если деньги аккуратно собраны и хранятся на счетах за рубежом? И их хватит даже внукам? Разумеется, незачем. Логично…

РОДИТЕЛЯМ — СТРАХ, ДЕТЯМ — ЛЕНЬ.

— Олег Викторович, позвольте вопрос? Допустим, страх — основа религиозного состояния, эта вирусная схема срабатывает. Ну, а если человек, скажем,— атеист?

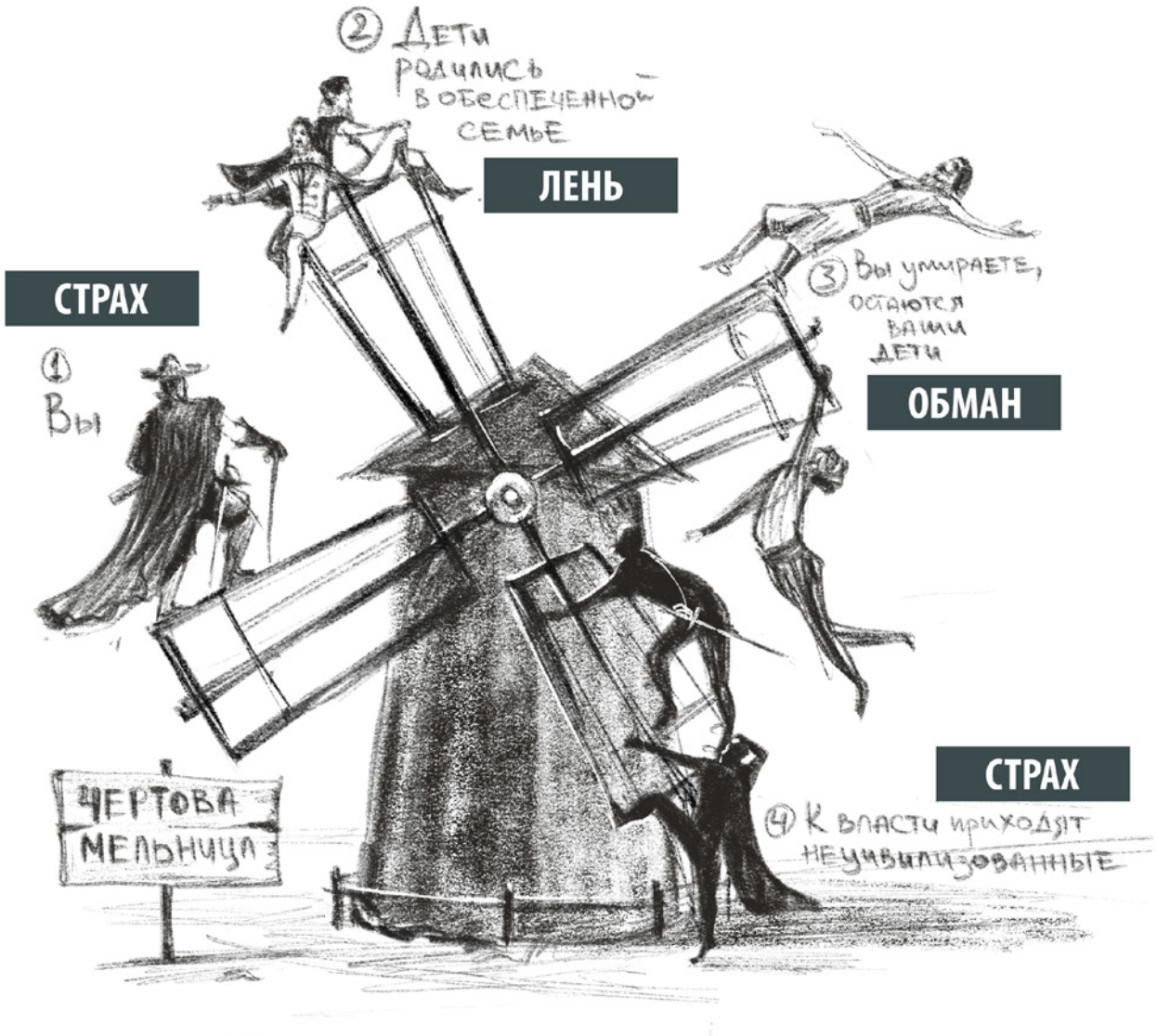
— «Чёртовой мельнице» всё равно, как вы себя позиционируете. И что сами себе или о себе рассказываете. Для неё не существует атеистов, хотя бы и потому, что в принципе каждый человек многорелигиозен. О многорелигиозности человеческой сотни томов, монографий и книг написано. Секрет кроется в том, что человек многорелигиозен именно в силу существования вирусного амортизатора. Лень-страх-обман. Человек ведёт себя так, как выгодно ему в текущий момент. То он буддист, то мусульманин, то молится, как истовый христианин, а то слывёт евреем (при том таким, кошерным). А некоторые ещё и шаманизмом увлекаются, например, к бабушкам разным бегают за советами и прогнозами; с гадалкам консультируются, как им бизнес вести, как партнёров выбирать… Да много чего происходит под покровом ночи! Днём, когда все смотрят — то атеист, то гностик, то правоверный… а ночью, когда никто не видит — можно и к ведунье потомственной, сибирской наведаться, пусть погадает на кофейной гуще, почему нет?

— А без бабушек, ведуний и прочих «советников» никак нельзя?

— Нет. Иначе просто страшно.

— А как же третий «демон»?

— Обман? Он приходит на смену страху и лени.

Родители умрут, останутся их дети. Пройдёт немного времени, и «чёртова мельница» явит третьего демона — Его Величество Обман, с его верными слугами — финтами, политиканским враньём, обобщениями, статистикой… Разленившихся детей непременно обманут. И не раз, и не два — но ровно столько, сколько потребуется, чтобы отобрать всё добро, все деньги, блага и богатства. Любой одинокий «богатенький Буратино» на деле никогда не одинок. Его страна Дураков кишмя кишит самыми разными обманщиками, вымогателями и прочими криминальными волшебниками. Для них его пять золотых — кормовая база. Это — как тараканы или мыши: их не нужно целенаправленно разводить — не убирайте пищевой мусор. И набегут.

Но как только Лисы-Алисы и коты Базилио наедятся чужими благами, как только погрязнут с головой в наворованном — их тоже охватит Лень. «Чёртова мельница» ни про кого не забудет.

Страх — лень — обман — лень и снова страх… И так — до бесконечности! Пружина амортизатора разума ходит вверх-вниз, вверх-вниз, и движение этого поршня вращает мельницу.

СТРАХ. ЛЕНЬ. ОБМАН.

Таковы три главных греха человека. Иными словами, его трёхголовый злой рок. Рок, вращающий «чёртову мельницу». Рок, пускай и побуждающей вас при жизни сделать хоть что-то стоящее (на ваш взгляд), но тем не менее играющий скверную шутку с вашими потомками. Ведь они по умолчанию станут нищими. И неважно, сколь много вы в этой жизни сделали и чего достигли — ваши потомки, последующие поколения, возможно, обречены жить в нищете и убожестве.

Всегда ли верно это утверждение? Думается, приблизительно — в 99 случаях из ста. Да-да, вы не ослышались — только 1 процент в мире оказался в зоне «безопасности» — там, где его не достанет никакая «чёртова мельница». Кто эти люди, что за 1%? В основном, представители древних европейских и американских родов и фамилий. Например, Фуггеры, Ротшильды, Рокфеллеры. Те, кто сумел не продуть состояние своих предков, а напротив, качественно его преумножить и защитить. И детей своих научить тому же. Так сказать, вылечить, исцелить своё потомство от вируса, поражающего разных декоративных животных. А те, кто поборол инфекцию в юношеском возрасте, обычно уже не подвластны вирусу во взрослой жизни.

Теперь — несколько слов о том, как и когда запускается «чёртовая мельница». В момент, когда человек впервые зарабатывает свои деньги, как только становится на ноги, превращаясь в самостоятельного, причём его самостоятельность признаёт окружение. Обычно выглядеть это может так: молодой человек закончил университет, родители выпустили его из отчего дома и не контролируют денно и нощно. Сам человек уже имеет некий заработок или достаток, отвечает за себя и занимается неким делом, зарабатывая на жизнь — вот тогда и будьте уверены: запустилась «чёртова мельница». Если, конечно, молодому человеку не сделали прививку или как-то иначе заранее не сформировали иммунитет к вирусу.

Такова, в общих чертах, концепция «чёртовой мельницы». Если вам больше нравится название «инфекция, поражающая декоративных животных» или же более научное, «амортизатор поражения разума»,— что же, ваша воля. Хоть «проклятье 99% людей на земле» — как вам угодно.

Ну-с? Что скажете о нашей «чёртовой мельнице» читатель? Может быть, слуховое воображение доносит тревожный скрип ее жерновов? Мы, например, когда Шеф рассказывал об этом, не сговариваясь, слышали те жернова. И призадумались. А когда поутихли волны обмена впечатлениями, у нас появились вопросы. Все-таки речь идет о концептологии — специфической науке. Ещё — о подходе к ней. И о том, как научиться генерировать концепции, а не просто обострять слух воображения. Приводим несколько тех вопросов.

– «Концепция» и «Научное открытие»: какая разница? Шеф объяснил: и то и другое — составные одного явления. Концепция лежит в основе научного открытия, причем, сначала появляется концепция, а за ней следует научное открытие. Концептуальность — основа научного открытия. Если ты, человек мыслящий и знающий увидел, разработал, осмыслил концепцию — научное открытие скорее всего не заставит себя ждать. Концепция, можно сказать, некий рычаг последующих изменений. И рычаг могущественный — если точка опоры этого рычага найдена верно. Что-то вроде концепции некоего древнего умника из Сиракуз, который думал-думал и высказался — дайте, ему, дескать, точку опоры, и он перевернет Землю. И тоже приложил собственноручную схему.

Концептуальность — основа научного открытия.

Итак, главное — концепция, рычаг последующих изменений. Затем следует схема, текст описания совокупности ее элементов. И того, что с ними можно сделать — это уже усилитель концепции. Концепция — идея, превращенная в действие. Как заметил другой классик, идея, овладевшая сознанием масс, становится движущей силой. Ну, тут имелись в виду идеология и политика. Наука — явление отнюдь не массовое и в ней идее достаточно овладеть вашим отдельно взятым сознанием. История хранит удивительные до потрясения примеры, когда идея, овладевшая сознанием отдельного человека, в конце концов сдвигала горы. Хотя не всегда сразу верно оценивалась другими.

Концепция, некий рычаг последующих изменений. Затем следует схема, текст описания совокупности ее элементов. И того, что с ними можно сделать — это уже усилитель концепции.

Еще наш вопрос:

– Вам, человеку ученому, академику, все это элементарно. А как простому смертному взять, разработать, увидеть-услышать и изложить концепцию? Чтобы вот так — раз и готова «Чертова мельница» со всеми ее крыльями, колесами, маховиками и амортизатором?

Концепция — идея, превращенная в действие.

– Так ведь в этом и суть наших занятий! Концептология — система навыков их накопления и концентрации. В отличии от других качеств (рост, форма носа, группа крови и прочая генетика), ни один человек с этим не рождается. Эти навыки можно и должно приобрести. Конечно, в большинстве случаев для этого требуются некоторые способности. И чем их больше, тем лучше. Но многие в этом деле обходятся без феномена гения. При большом желании и известном минимуме целеустремленности. Начните с малого, будьте внимательны и усидчивы, всматривайтесь в себя и вовне, там есть все, что вам нужно, в отличие от ненужного вам пока опыта, в котором нет ни единой концепции. Вашей памяти еще только предстоит обогатиться подобным.

Концептология — система навыков их накопления и концентрации.

– Тогда еще вопрос (не примите за каверзу): разве «Чертова мельница» не из памяти взята?

– Нет. Ни в коем случае.
– А откуда же, в таком случае?
– Извне. Из части мировой памяти, мне доступной. Я оттуда просто прибрал к осмыслению этот оборот — «Чертова мельница». Выяснился сам феномен этой мельницы; затем появилась малая базовая модель. Вы же сами нарисовали эту мельницу. Вот — четыре лопасти. Причем, заметьте: я ведь не говорил, что их должно быть ровно четыре. Ну, и на здоровье. Годится.
– Еще вопрос, эта идея пришла первой — «Почему у богатых родителей дети разоряются?» или может быть, какая-то иная идея-наблюдение?
– Да, нет. Просто я сидел и думал, размышлял над феноменом «Чертовой мельницы». И у меня появился вирус. Та самая инфекция, которая поражает разум человека. Возник вопрос: каковы смертельные грехи современного человека? И вскоре насчитал — их, в общем-то, три:

1. **Обман.**
2. **Страх.**
3. **Лень.**

Пересчитав и вглядевшись в них, демоническую эту троицу я собрал в амортизатор и показал его работу. Функционирует он не очень сложно. Пружина ходит то вверх, то вниз. По сути — что такое Лень, можно сказать так: состояние тотальной удовлетворенности. Можно ярче: «сверхудовлетворенности». К примеру, когда человек сыт, как кот на масленицу. Ему хорошо и ничего не хочется. Наш лентяй, ежели курящий — дымит, как броненосец на рейде. Просматривает сериалы. Прослушивает несложную музыку. Может быть, ноготочки попиливает. Бывает, песни орет. Ну, какие, там, другие, неутомительные излишества. Не так уж мало среди нас носителей такой заветной мечты. Безмятежная элегическая лень даже воспета поэтами — правда, 21-го века.

Менее популярна, хотя и справедлива, информация: великое множество землян в жизни ничего не добились исключительно потому, что ими владела лень. Ощущение приятное, но роковое. Вспомним притчу конца тридцатых:
« — За что тебя посадили?
— За лень.
— Но за это не сажают?
— Дело в том, что спьяну мы рассказывали политические анекдоты. Так я поленился настучать, а товарищ — нет».

В Стране Труда, охваченной всеобщим зудом деятельности (кто не работает, тот не ест!), великое множество лентяев учились притворяться работягами. Что, как вы сами понимаете, обманывало процесс, но не результат. А когда страх вождя ушел вместе с вождем, постепенно многие и притворяться перестали. И тоже из-за лени. В конце концов, уже в шестидесятые появилась и такая притча: зарубежный бизнесмен с переводчицей на экскурсии по огромному советскому заводу замечает показавшееся ему странным — в разгар рабочего дня станок не работает, под ним лежит рабочий. Посылает к нему переводчицу, узнать в чем дело. Она возвращается,

переводит ответ: «Насколько я смогла понять, этот молодой рабочий страдает редким извращением. Он объяснил, что в настоящий момент находится в интимных отношениях со своим станком, с бригадой, участком, цехом, заводом. И всей отраслью в целом.» На языки цивилизованных стран точнее не переводится.

Провал задания, невыполнение поручения иногда объяснялись рассеянностью, забывчивостью и даже перегрузкой. Чаще всего — вранье. В целом натуральный обман. Подмена понятий. Обыкновенная лень. Как говорится, ленности вульгарис. А ссылки на уважительные причины — сработка амортизатора, желание избежать кары или смягчить ее.

Да-да, лень-страх-обман; амортизатор в разуме ходит вверх, вниз. Тем самым запуская и поддерживая вращение мельницы. Так что как видим — ей, чертовой, не нужно ни ветра, ни быстротечной реки.

Лень-страх-обман; амортизатор в разуме ходит вверх, вниз. Тем самым запуская и поддерживая вращение мельницы.

И кому-то из нас, авторов, в этот момент пришлось признаться Шефу в сомнениях: либо очень нескоро, либо никогда не научимся вот так просто-запросто концепции эти вычленять и генерировать. Кажется, это что-то запредельное для нашего понимания. И Шеф улыбнулся:

– Просто манифик! Вот она, чистейшая наглядная работа амортизатора! Сами слышали? «Нескоро», «Никогда не смогу». Именно так работает инфицированный разум человека. Правильно, потому что — лень. В этом-то всё и дело. А вот пройдет минута-другая, высказавшимся станет неловко за свои слова и сами себя начнут обманывать.

Мы все переглянулись. «Три кита» или «Три демона» «Чертовой мельницы» и впрямь давали о себе знать:

– Так что же прикажите делать? Как остановить этот амортизатор?

– Между прочим, у страха глаза велики, на деле тут нет ничего особенно сложного. Принципиально понадобится одна точка приложения усилий: убери один элемент из конструкции и вся система рассыплется, «Чертова мельница» просто рухнет. Внимание на рисунок! Что именно нужно убрать?

Уберите лень и амортизатора не станет. Ведь лень — это его топливо. Его движитель.

– Лень.

– Именно. Уберите лень и амортизатора не станет. Ведь лень — это его можно сказать, топливо. Его движитель. Он питается нежеланием напрягаться. И вот допустим, лень исчезает. Что дальше? Как обстоит дело со «страхом»? Напоминаю, ваш разум постоянно пытается прогнозировать следующие события, ближайшее вероятное будущее (это одно из открытий Н. А. Бернштейна). Биомеханическая конструкция всегда про-

гнозирует следующий шаг. «Человек живет на основании модели будущего» — одна из центральных парадигм нейрофизиологии. То есть разум постоянно пытается понять — что будет дальше? Но неудачная попытка прогноза и порождает, и сохраняет страх. Теперь вопрос: что будет, если страх заменят знания?

Допустим, некто Х пригласил вас и выдающегося ювелира участниками эксперимента. Вы видите… гильотину. И вам, и ему выделили один и тот же драгоценный камень: «дайте ему название и на глаз определите каратность». Условия эксперимента: ошибётесь — гильотина. Ясно? Теперь вопрос: кому страшнее — ювелиру или вам? Ясное дело — вам. Вы ведь понятия не имеете о том, как быть в данном случае, что делать. Не то, чтобы ювелир не может ошибиться. Всякое бывает. Но у него по сравнению с вами шансы на ошибку минимальны. Знания если не исключают страх, то сводят его к минимуму. И это — не все. Знания не только исключают и локализуют страх — исчезает религия. Пропадает религиозность.

Почему православная церковь категорически против нецерковного образования? От слишком образованных, говорят, один дискомфорт. Они не нужны и просто вредны. Слишком много вопросов задают и себе, и другим. И вообще… А православный человек зря не болтает. И никакого страха — окромя божьего. Сказано ведь: «Не бойся, только веруй».

В общем-то, касается сие не только православных. Эти тенденции в свое время сотрясали Европу. Помните: «Стояла тихая Варфоломеевская ночь»? Да и пепел Джордано Бруно в сердца образованных людей все еще стучится. И они по-прежнему пожимают плечами при напоминании о легендарном отступничестве Галилея. Сколько светлых голов и ни в чем неповинных людей унесли «охоты на ведьм». Кого они раздражали? Кому и чем мешали? «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..» (Аркадий и Борис Стругацкие. «Трудно быть богом»). Между прочим, тезис про «сильноумных» дожил до наших светлых дней…

Так или иначе великое множество землян инфицировано ленью, страхом и обманом. И срабатывает, таким образом, главный амортизатор автоматики разума. Зная-понимая эти принципы, не трудно понять и то, что делать с таким амортизатором:

1. **Убрать лень**
2. **Менять страх на знание.**
3. **Долой обман — да здравствует прямой трезвый взгляд на вещи и их название своими именами.**

Финальная рекомендация: больше не врать себе! Что Виктор Павлович Светлов говорил, помните: как происходит исцеление? Мне, еще пятнадцатилетнему, Палыч объяснял: «Ты можешь врать всем, кому угодно. Я запрещаю врать самому себе. И как только ты перестанешь врать себе, перестанешь врать и остальным».

Теперь — о нашей реплике: 99% инфицированных. Отчаянная картина. Узнав об этом, человек вряд ли будет готов что-то сразу менять в жизни.

– Ленивый конечно. Серьезные изменения для него — бич, напряжение и дискомфорт. На что ему это все менять, отправляться из ленивого уюта в неизвестность (что его

там ждет?) он, естественно, не желает. Неспроста любимейший герой русской народной сказки «Ванька-дурак» любил лежать на печи. И пароль «По щучьему велению, по моему хотению…». Мечта прирождённого лодыря — чтобы сани в лес ехали сами, а топор сам рубил дрова. И чтобы ведра с водой самостоятельно пошли домой.

В этот их уют иногда вторгается некая тревога. Иные его нынешние современники в конце концов чувствуют себя неуютно, завтра деньги кончатся. И сами на печку не прибегут. Нужно слазить с печи. Нужно браться за пилу и топор. Нужны коренные изменения. А он не может. Почему?

Да ему просто лень. Изменения — это бич, это напряжение, это неудобно. Это же придётся что-то перестраивать в жизни. Да и неизвестно, получится ли в итоге что-то достойное. Поэтому многие вовсе ничего не предпринимают. Страшны им не только перемены; страх — это автоматика состояния, застрявшая в подкорковых и стволовых структурах. Ведь если человек толком ничего не знает, на грабли наступать и становиться потерпевшим не желает. Он ничего толком не умеет, и в принципе лежал бы на печи, в ус не дул.

Виктор Павлович Светлов

«Ты можешь врать всем, кому угодно. Я запрещаю врать самому себе. И как только ты перестанешь врать себе, перестанешь врать и остальным»
В.П. Светлов

Между тем, сама жизнь этого не даёт. Рано или поздно становится ясно даже последнему дураку: если и далее ничего не делать — так и с голоду подохнуть недолго. Так, лежит себе лентяй, до тех пор, пока не сообразит, что завтра деньги закончатся. Вариант: иные в принципе ни с кем особо не общаются, чтоб их не обманывали и не «разводили». И они убеждены на собственном шкурном опыте в том, что лень — это возможность пожить еще какое-то время нормальной жизнью. Вот вам ещё один пример цикла срабатывания амортизатора.

— Олег Викторович, теперь понятно, почему, когда в США обвалилась биржа, многие миллионеры, потерявшие целые состояния, прыгали с крыши или как-то по-другому покидали сей неуютный мир. Раньше думалось, что им было очень страшно. А на деле главная причина — это лень. Лень всё делать заново.
— Именно так. Порой человеку бывает настолько лень, что он готов на крайний шаг, готов оставить свою семью и близких, и просто отказаться жить дальше.
— Вот это силища лени!
— Да, лень — штука мощная. Ни один физик ещё не определил этой мощности и не вывел её формулу. К примеру, она способна, как ни странно, вершить невероятные научные открытия. Вспомните последние изобретения… Очень многое, что в мире существует, по факту сделано в том числе из-за этой самой лени. Например, компьютер. Какое великолепное средство для уютной лени! «Не хочу думать! Лень!» — и да здравствует компьютер! «Не хочу считать. Лень!» И да здравствует калькулятор! Напрягаться, мыть полы и убираться! Лень приводить полы и мебель в порядок! — так появились полотёр и пылесос. Можно сказать, вся промышленность эксплуатирует, в основном, функцию амортизатора человеческого разума. Вдумайтесь! Одну функцию амортизатора разума, то есть — лень человеческую. Лень пешком ходить? Так покупайте машины. Лень мыть посуду? Лень чистить овощи? Есть машины специальные. Большинство маркетинговых концепций в принципе существуют и реализуются только потому, что есть лень — бесконечная, тягучая, опасная и совершенно неизученная, хотя и хорошо знакомая с самого детства. В школу ходить лень! Особенно если там какие-то грозные училки и бессмысленные контрольные. Проще прогулять или сделать вид, что заболел, чем идти в несносную школу. Прогулял контрольную и вроде всё супер…

А потом становится страшно. В свою очередь, страх порождает ложь. Очень и очень многие дети всегда лгут родителям, потому что им страшно. А до страха было «лениво». Лень ходить в школу — наврал маме — потом, конечно, получил пилюлю за враньё. Вот так разворачивается механизм амортизации разума; то есть мы привыкаем к действию амортизатора, и со временем он становится основой нашей автоматической жизни. И ключ — пусковой механизм ко всему — банальная лень.
— Шеф, ещё вопрос: а откуда тогда возникает зависть?
— Это аналог лени. Равно как и воровство. Ведь что такое «воровство»? Нередко — вот что: «Мне лень самому заработать, лучше украду». Это все аналоги лени… просто человек не хочет вслух сознаться в том, что он лентяй. Ему даже проще и выгоднее быть вором. Видите, как работает эта концепция? Вы будете себя ловить на мысли: вам чего-то не хочется, вы не готовы, ещё не пришло ваше время,

а может, просто нужно подождать знака свыше… Но признаться в себе в том, что вы — патологически лентяй, не желаете. Гораздо удобнее назвать это как-то по-иному. Обмануть самого себя. Обмануть и сделать вид, что сам себе поверил. А стадию «Страх» — и вовсе пропустить, потому что бояться вам тоже очень неуютно.

— Знаете, Олег Викторович, вот чем больше обдумываю концепцию «чёртовой мельницы», чем больше вспоминаю разные жизненные ситуации, когда было страшно или лениво… тем больше убеждаюсь в выводе: это и вправду болезнь. Поразительная инфекция, от которой нет излечения.

— Только потому, что человечеству очень хорошо живётся с ленью. Как это так — взять и расстаться с любимой ленью? А дальше что? Тупик! Настоящий тупик. А знаете, что самое страшное в происходящем? Что теперь человеку всё известно. Его главная тайна раскрыта. Теперь и он сам знает про свой амортизатор, про поражение разума, про приятную инфекцию… И всем вокруг это тоже хорошо известно. Кто знаком с «чёртовой мельницей», того не обведёшь вокруг пальца. Не получится скрыть за занавесом невезучести, нехватки времени и даже банальной забывчивости «кто есть кто».

Про тебя всё известно. Ты — просто лентяй и приспособленец. И можешь сколько угодно вопить и кричать, что концепция — паршивая, что так не бывает, что нет никакой мельницы — это уже не имеет никакого значения. Всё известно. И не так уж и важно, сколько у тебя дорогих костюмов, крутых «тачек» и офшорных счетов. «Чёртова мельница» даст о себе знать, когда ты меньше всего этого ждёшь.

Давайте расскажу ещё одну историю? Пока добрые домашние животные — скажем, коровы, свиньи, овцы — отъедаются и накапливают жир, хищные, голодные звери уже выползают из леса. Домашних животных кормят и потчуют, а диких — не покормит никто. Вот и приходится им охотиться, чтобы пропитание себе добывать. Однажды голодные звери сжирают домашних животных, и сытые-довольные занимают их место. Со временем, они и сами становятся одомашненными, цивилизованными. И дают такой же приплод. И живут радостно, пока из леса не явятся новые голодные звери. Эти звери опять съедят домашних… и всё случится снова. И так — круг за кругом, цикл за циклом, мах за махом. Вот вам и «чёртова мельница».

— Шеф, а этот амортизатор… он, что же… всегда существовал?

— Сам по себе, как механизм разума, он существует с рождения. Но в детстве он пустой, просто амортизатор, пока без категорий «лень-страх-обман». Амортизатор в такой конфигурацией ребёнку инсталлируют родители. Знаете, это можно сравнить с установкой ПО. Иными словами, весь вопрос в воспитании. Если человека

воспитывать по-человечески (уж простите за тавтологию), вместо страха в амортизаторе будут знания, вместо обмана — объективный, трезвый взгляд на мир.

— А что должно появиться вместо лени?

— Причина. Вместо лени должна быть причина. Нет причины — да здравствует лень. Впрочем, нужно отдать должное Лени. Полностью её убрать не получится, более того, у лени — своё назначение, своя польза. Это, конечно, ежели вы знаете, как обращаться с ленью, как превращать ее в катализатор и источник силы, позволяющий преображать любые горизонты, генерировать самые смелые идеи и воплощать высококлассные и нужные проекты.

— Иными словами, дело даже не в амортизаторе — это просто запчасть разума. Всё дело в том, как тебе в детстве ПО установили.

— Да, и в 99 случаях из 100 его установили так, что даже «чёртова мельница» сдуру может показаться прекрасным приключением длиною в жизнь. И лишь изредка человек останавливается и задаётся пространным вопросом: «Да что со мной не так? Что вообще происходит? Неужели весь мир сошёл с ума?» Пожалуй, дело не в сумасшествии. Но в инфицированном разуме, сделавшего своего носителя бездарным, тревожным, покалеченным декоративным животным украшением планеты Земля.

1929 ГОД. И СНОВА ПОДМОСКОВЬЕ.

…Милиционер, молодой парень в веснушках, подошел к ящику и храбро поднял крышку. В тот же момент Тарасовна крикнула и выбежала на улицу. Вслед за нею бросилась бежать и набившаяся в мельницу толпа любопытных. Только представители власти остались на мельнице. Но и они невольно отшатнулись, заглянув в ящик. Я подошел ближе и, когда увидал, что находится в ящике, был поражен не меньше остальных.

В ящике был заключен конец горизонтально вращающегося вала. К валу прикреплено колесо с ручкой. Человеческая рука — живая рука! — крепко держала эту ручку, и, видимо, она же вращала колесо, а вместе с ним и вал, приводящий в движение через шестерни жернова. В локтевом суставе рука была прикреплена к металлическому цилиндру. Этот цилиндр был соединен с трубой, выходящей наружу. Кроме того, в цилиндр были вставлены две стеклянные трубочки и, по-видимому, электрические провода, выходящие из ящика поменьше. На этом же небольшом ящике были установлены гальванометр и манометр.

Да, неспроста Тарасовна так кричала. Странное и жуткое впечатление производила эта работающая живая человеческая рука. Тарасовну, как и ее легендарную прародительницу Еву, погубило любопытство. Вагнер оказался таким же плохим знатоком женской психологии, как и библейский бог. Не скажи Вагнер Тарасовне, что в ящик смотреть нельзя, она не поинтересовалась бы механизмом, приводящим в движение жернова, вполне удовлетворенная тем, что они вертятся. Но Вагнер запретил ей смотреть и этим возбудил непреоборимое любопытство. И теперь она узнала страшную истину: ее жернова вертятся рукою мертвеца!

Фрагмент книги Александра Романовича Беляева «Чёртова мельница».

P.S.

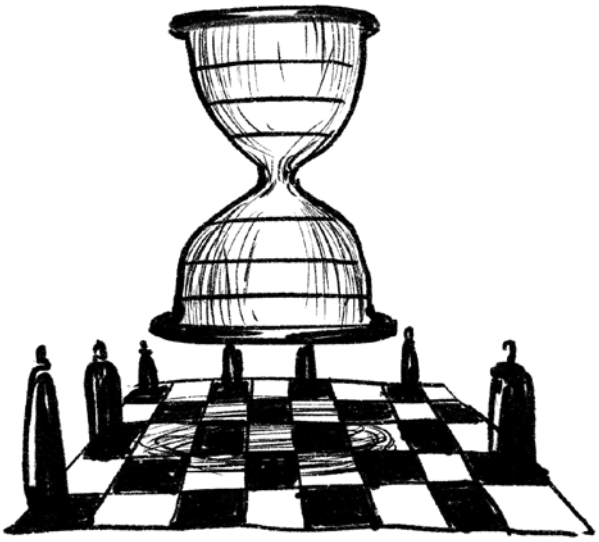
И напоследок.

А известно вообще, как попасть в 1% неинфицированных? Ну, если не хочется стать тем самым потерпевшим декоративным животным?

Как уберечь разум от вирусного поражения? Самому не попасть в жернова «чёртовой мельницы» и другие поколения не обречь на нищету?

Естественно, известно. Но это, как вы понимаете, совсем другая История.

И начинается она с кодового слова **«Правдань»**.

6 КОНЦЕПЦИЯ «ЯДРО ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА»

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

Дам Вам дружеский совет.
Никогда не играйте с Ватсоном.
Особенно на деньги. Он настоящий Мастер.

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ.

Хочешь что-то получить — придется что-то использовать. Хочешь получить концепцию — примени метод.

Авторское размышление об одном из самых первых методов работы с концепциями, с которым нас познакомил Олег Викторович.

Вообще дело было так: шли пятые сутки проб и ошибок. И мы всё пытались понять, как и откуда берутся концепции. А также — как придумать свои. Лично у меня к тому моменту было не густо — только одна идея, которую действительно можно было бы концептуализировать: так называемый «клоп-парфюмер». Говорят, мал клоп да вонюч. Представьте себе противнейшего клопа. Он для вас — вонючка, так и хочется его раздавить и выкинуть. Но только этот клоп знает ценность каждого запаха и умеет запах использовать: запах как магнит; запах как средство привлечения внимания; запах как оружие. Вот вам, собственно, и мой клоп. Клоп-парфюмер. Правда, что с ним дальше делать, я пока ещё не знала. А самое главное, на ум ничего больше не приходило, кроме этого дурацкого клопа.

Хочешь что-то получить — придётся что-то использовать. Хочешь получить концепцию — примени метод.

Например, метод лингвистических аналогий. «Клоповые» аналогии, конечно же, имелись — и в литературе, и в жизни. Правда, в первом случае это больше касалось советской литературной классики — в годы её развития клоп и его сообщество, как говорится, сильно доставали все сословия бывшей империи — тем более, революция их основательно перемешала. Плюс — квартирный вопрос, коммунальная теснота, дефицит мыла и дуста. Антисанитария. И отсутствие импортных аэро-

золей. Вот литераторы и воспевали этих несчастных, но бодрых животных. К примеру, двое великих наших земляков оставили заметку о клопах. Жаловался один, дескать — клопы заели. Поселились в его большом диване тучей. Ну — звери. Приятель посоветовал: «Сейчас же зима, лютые морозы, а у тебя — большой балкон. Вытащи чертов этот диван на балкон, они и помёрзнут» — «Да пробовал,— отвечает,— так они его обратно затащили…»

Анекдотично, ничего не скажешь. Анекдот, между прочим, тоже один из литературных жанров. Буквально, по старинке, неопубликованный рассказ. Но в данном случае это — как говорится, не столько грех, сколько смех. А задача у нас стояла отнюдь не юмористическая. Но и в серьёзной литературе, даже и в исторической, можно споткнуться о клопа, как такового. Причем, бывало — клопа нашего ставили в один ряд с другой вредной фауной. А. Н. Толстой в «Похождения Невзорова, или Ибикус», описывая Одессу восемнадцатого года (а уж граф её тогда хорошо познал — бежал сюда из голодной красной Москвы в сытую бело-французскую Одессу), процитировал объявление на дверях своего пристанища:
«Гостиницы, меблированные комнаты. Поступает много жалоб на вас, некоторые завели не только клопов, но и крыс, и даже тараканов… Иные придумали тушить электричество в полночь, зная, что у населения нет осветительных материалов. И все только и знаете, что прибавляете цены на все. Стыдно перед союзниками. Клопов, крыс, прусаков и русских тараканов и тому подобных никому не нужных обитателей уничтожить. Электричество давать всю ночь. Лично буду осматривать. Сами понимаете. Генерал-майор Талдыкин».

Ну, в конце концов, для заданного олицетворения можно было рассмотреть и кандидатуры крысы, таракана-прусака, даже обыкновенную кошку (любое существо из них могло обитать в вышепоименованном кабинете. Особенно — кошка). Но я как-то сразу решила: клоп! Почти забытое в 21-м веке, но некогда предостаточно популярное и влиятельное насекомое. Его не любили и боялись. Разве что чуть менее, чем финансового инспектора.

Эврика? Пожалуй. За чем же остановка? Остановка вышла за методом. Как мы познакомились с этим методом? Нас очень интересовало, ну, как это у Шефа получается… Что ни день, то концепция! Да такая, что даже сравнить не с чем, настолько они уникальны. Кто-то из коллег правильно сформулировал вопрос: «Шеф, а что Вы используете при работе с концепциями?» И он ответил:

— Разные методы. И раз уже зашёл серьёзный разговор, один из них я вам сегодня покажу. Давайте попробуем что-нибудь простое, возьмём лингвистические аналогии. Итак, для начала нарисуем человеческую голову. Да, обыкновенную голову.

Смотрите на голову, вспоминайте и называйте лингвистические аналогии со словом «голова».

— Перед нами человеческая голова. Давайте, попробуем так: смотрите на голову, вспоминайте и называйте лингвистические аналогии со словом «голова». Зачем это? Концепцию можно вывести при помощи метода лингвистических аналогий. Вот и пробуйте! Итак, что люди говорят про голову человека?

— Ну, например, что у него тараканы в голове.

— Вот именно. Вот наша первая лингвистическая аналогия. Так и запишем на доске рядом с головой. Номер 1: «тараканы в голове». Что ещё есть?

— Говорят: «голова как Дом Советов».

— Что еще в голове? Жук в голове сидит!

Рисунок — голова и рядом три надписи 1. Тараканы в голове 2. Дом Советов 3. Жук в голове

— «Дом Советов», «Жук в голове сидит». Что ещё есть? «Голова в тумане» не подходит. Нам движение нужно. Концепция — это динамика, тут статические, неизменяющиеся картины не подходят. Вот «Дом Советов» — там Советы. Власть. Совещаются люди. Жук жужжит, лапами шевелит. То есть что-то происходит. Мы же концепцию будем выводить, а концепция подразумевает механизм, движение.

— Есть такое предложение: «Бардак в голове».

— Вот это уже интересно… Бардак или «Бордель». Как вы понимаете, это публичный дом. Там точно динамика присутствует. Да ещё какая! Хотя, старики-одесситы говорили: «Молодые люди, чтобы вы знали: в бардаках был порядок!».

— «Ветер в голове» — говорят. «Ломать голову!» и даже «Терять голову». Наконец, кстати, о рыбе: «Рыба воняет с головы…».

Все эти варианты легли на доску.

— Добро, для начала нам хватит и этих аналогий. Так, а теперь подумаем, что у нас в голове отвечает за всю эту динамику? За ветер, за поселение тараканов? Нам кажется, что в голове есть разум, так? Вот мы и могли бы предположить, что все эти выражения — особенности работы разума. Давайте пробовать и проверять. Вот что значит «тараканы в голове»?

— Это — придурь,— ответила Дарина Сергеевна, моя коллега — Глупость, сопротивление логике, дурацкие мысли.

Что такое таракан? Паразит? Но только ли? Отрабатывая это, как символ и образ, мы не могли пройти мимо того, что… в гражданскую войну у беженцев в Турции возникла идея открыть…

тараканьи бега. И что такая забава была популярна еще в Древних Египте и Греции, где каждый знатный человек имел своего бегового таракана и обязательно участвовал в соревнованиях. В Российской империи скачки насекомых устраивали после войны 1812 года. В конце 19-го века такие бега превратились в коммерческое шоу. Один московский купец проиграл на Тараканьих бегах все свои мясные лавки в Охотном ряду. Вот вам и насекомое. Какие ассоциации! Игра известна и благодаря пьесе М. Булгакова «Бег». А также — по рассказам А. Аверченко и уже приведенной повести А. Толстого про Невзорова.

Обратите внимание на динамику, на само действие — скажем «тараканы в голове»

Шеф продолжил рассуждение:

— Обратите внимание на динамику, на само действие — скажем «тараканы в голове». Лингвистический оборот указывает на то, что в голове что-то черненькое, маленькое, усатенькое во множестве бегает, а мы с вами помним один из литературных постулатов: образ может быть любой. Прямой или косвенный. Дело вкуса, интеллекта и таланта. Но он обязан быть точным! То есть должен контролироваться простой логикой. Бегают? Кто бегает? Что именно? Конечно, имеются в виду — мысли. И это огорчает, когда требуется ясное мышление. Вспомним толстовского адвоката Смоковникова Николая Иваныча из «Хождений по мукам»: как узнал, что жена изменила, да еще и с поэтом, сразу маленькие черненькие забегали, так что супружницу хотел застрелить. А потом, как говорится, охолонул маненько, дал ей двенадцать тысяч и посоветовал юг Франции. Сказав на прощание: «А я поеду в Крым — отдохнуть и собраться с мыслями.» Значит, они, мысли эти самые разбежались?

Когда у человека мысли бегают? Что ж тут сложного, на себя посмотрите и себя вспомните. Один из признаков такого бега: невозможность сделать вывод. Иными словами, когда у человека по тем или иным причинам нарушена функция генерации выводов — начинают свой бег тараканы в бедной головке. Какая уж тут ясность, где уж тут вывод. Кстати, бывает, это удерживает человека от скверных мыслей и дурных поступков. А «Дом Советов» — это что такое?

– Типа умный человек,— реплика из зала — Ну, все знает. Только не летает. Ходячая энциклопедия.

– Если у нас «Дом Советов» то, и, стало быть, кто-то с кем-то советуется? Дает советы?

– Похоже, человек сам с собой советуется.

– Ну, строго говоря, «Домом Советов» в СССР называлась совокупность различных парткомов (ЦК, краевого, областного и прочих комитетов) и ИК, исполнительных комитетов Советов

различных масштабов. Так что едва ли основную продукцию такой махины можно назвать Советами; скорее это были указы, приказы, постановления, решения, циркуляры, инструкции, в лучшем случае — рекомендации и тому подобная макулатура. Но мы можем употребить этот терминологический оборот и в предложенном варианте. Как принято, человек, у которого голова — «Дом Советов», может мысленно вращать предмет рассмотрения и видеть его с разных сторон. Соответственно, на разные стороны иметь и разные взгляды. Такой человек, возможно, видит картину комплексно — в отличие от того, кто видит предмет однобоко с одной стороны. К примеру: вот мать, вот отец. Другой же скажет: вот врач, а вот адвокат. Оценит разносторонне. Может быть про такую голову говорят «Дом Советов»? Ее обладателю легче глубоко понять происходящее, проще принять решение, близкое к объективному.

«– Ну и вредная у меня была зайчиха! — сказал заяц.

– А по-моему — ничего, приятная и нежная,— сказал волк.»

Наглядный пример двух принципиально разных взглядов на один и тот же предмет. Не говоря уже о том, что о вкусах не спорят.

– Когда жук в голове лапами шевелит, с чем это ассоциируется?

– Попросту: с головой не все в порядке.

– Именно. Речь о недоработке разума. Там засел какой-то жук. Представьте картину: вы пытаетесь завести разум — как лодочный мотор. Только вот закавыка: он — без стартера. И вы ррр-ррраз дергаете шнур, и дддддва. И сссколько угодно. И толку, сами понимаете, никакого. Разум, о котором мы говорим, можно сравнить с механизмом стартера в нерабочем состоянии. Мы его запускаем, запускаем, запускаем… Запускаем. А он — что? Не запускается. Если это в голове — человек чаще всего начинает фокусы разные выкидывать, ведет себя не только нерационально, но и неадекватно. Чудит. Говорят, «Бардак в голове», что имеется в виду? Сей терминологический оборот применяется в смысле бессистемности, беспорядка, хаоса. Трактовка может быть и более широкой. К примеру «Публичный дом в голове», возможно, означает, что у обладателя этого чуда половые органы вместо мозгов. Или, возможно, продажность этих органов. Или еще аморальность мыслей. И даже, что продукция этих мозгов, мысли имеют свою цену и их расположение можно купить. Причем, неважно, речь идет об «м» или «ж». Специалисты утверждают, что такое «заведение» в голове характеризует тех, у кого нормальный мыслительный процесс возможен только после интимного акта. И если не вся жизнь, то весьма значительные усилия такие мыслители тратят на поиск партнера,

как хлеба насущного. Такие коллекционеры восторгов обычно имён мимолетных партнеров не помнят или просто не знают. Говорят, при данных обстоятельствах фамилий не спрашивают.

Теперь о формуле «Ветер в голове». О лысых глупцах говорят словами старинной народной песни — помните, «Есть на Волге утес»? «… На вершине его не растет ничего, только ветер свободно гуляет». Конечно, касается это не только лысых. Ветер когда в голове гуляет? Можно сказать: если разъединены механизм разума и информационные блоки памяти. И человек не может извлекать информацию из блоков памяти и ее анализировать. Там сохраняются некоторые полезные данные, но связать их воедино, чтобы сейчас что-то предпринять, он не способен. Сказано: ветер гуляет.

А когда человек «Теряет голову»? Варианты разные. Например, когда эмоциональная составляющая воздействует на интеллект человека и начинаются нерациональные перемены, подобное описывал немецкий когнитивист Герд Гигеренцер: эмоции человека переходят в убеждения. Вот так и теряется голова. Вот хлопочет некто: «Давайте Леночку возьмем на работу. С ней можно иметь дело. Она очень симпатичная, умненькая, деловитая. Душевная и дисциплинированная». Эмоции пляшут во всю. А рацио? Ведь ни слова о том, что гражданка представляет из себя с профессиональной точки зрения. Какая она как специалист? Вот почему многие психологи, HR-менеджеры, коучи работают с таким предметом как эмоции? Почему не работают с другим — с интеллектом? Да по той причине, что вызвать у человека эмоции легче всего. Простая вещь. Достаточно Лене что-то не дать, как она тут же занервничает. А то и забьется в конвульсиях. Уколоть её словом, как шпилькой,— и тут же реакция: «Не имеете права!». Иногда для быстрой реакции достаточно просто сказать правду в глаза.

Может быть, правы предполагающие, что самые далёкие наши предки были примитивными одноклеточными. Ну, инфузориями. Только ядро, протоплазма и оболочка. Любым местом захватывали всё, что годилось в пищу, перерабатывали в центральном ядре. И выбрасывали с противоположной стороны. В школе показывали такое под учебным микроскопом. Капали уксусом — сжималось. Капали бульоном или сиропом — чуть расплывалось. Реакция чёткая и моментальная, но — примитивная. Грустно воспринимать себя наследником этого биомеханизма реакций.

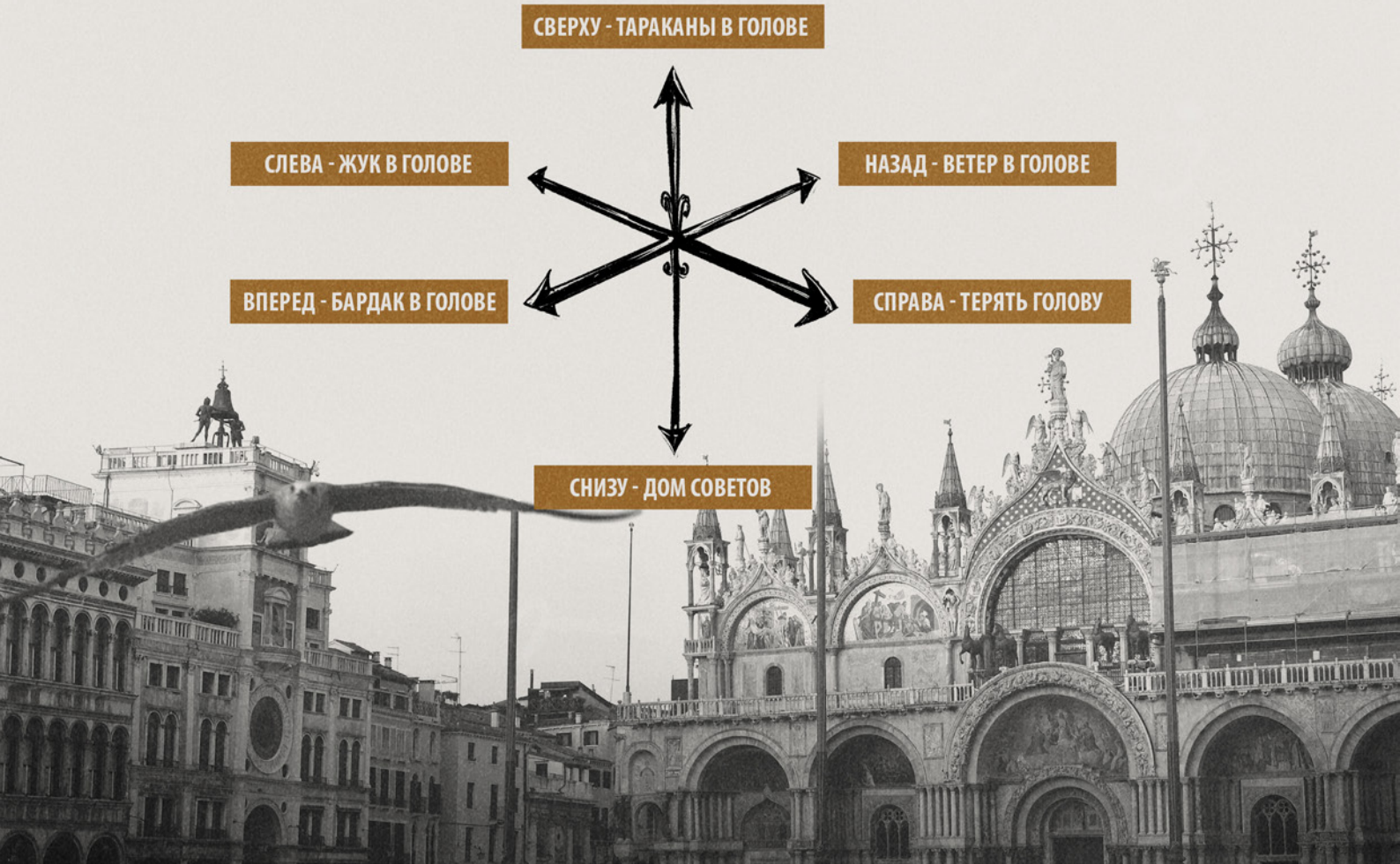
С интеллектом работать намного тяжелее. Потому что в этом почти никто ничего не смыслит…

Что же мы получили в итоге? **Поработали с лингвистическими аналогиями, многие из них про «голову» разобрали и вывели болезни разума на одну доску. А теперь давайте это все превратим в концепцию логического метода. Для этого понадобится логическая модель. И модель венецианского креста сейчас весьма подходящая.**

Венецианский крест форму имеет необычную: состоит из шести векторов, на что и обращаем внимание, отображая принцип рисунком. Где его можно увидеть? Впервые с этой моделью Экспедиционный корпус встретился в самом сердце Европейского мистицизма — на острове Венеция. Венецианский крест венчает Собор Сан-Марко. Встречали мы его и на прочих венецианских храмах. Например, на куполе храма Св. Влаха города Дубровник тоже возвышается венецианский крест. Повторим: шесть векторов. И каждый из шести — особый взгляд. Взгляд на некий объект или феномен. Наверняка вам известна рекомендация — смотреть на вещь или на ситуацию с разных сторон.

С каких сторон мы вообще можем смотреть? Ну, это просто. Первое: сверху вниз. Второе: наоборот — снизу вверх. Третье: вперед (взгляд в будущее). Четвертое: назад (взгляд в прошлое). Пятое: взгляд слева. Шестое: взгляд справа. Вот шесть разновидностей взгляда, совокупно описывающих глобус — так обеспечивается обзор в 360 градусов. Применительно к психологии, эта же логическая модель представляет систему управления сознанием.

Начертив венецианский крест, мы на этой модели можем отразить то, как возникают проблемы нашего разума. Концептуально все они имеют некую геометрическую форму. Так, иные поломки в сознании порождают поломки разума. Давайте на приведенной модели венецианского креста, на шести векторах расставим наши лингвистические аналогии, отражающие особенности работы и поломки разума.

Диагональ слева

Например, **диагональ слева** — геометрическое смещение. Так, смещенная форма по диагонали демонстрирует, что предохранители, регулирующие адекватное поведение, не работают. И в результате, как говорится, сдвиг по фазе. Про такого человека и говорят: «У него жук в голове».

Взгляд вперед

Следующий **взгляд вперед.** Ему соответствует лингвистическая аналогия «Бардак в голове», когда у человека интеллектуальная форма заменяется биологической. Говорят, и коровы, если их плохо кормят или не кормят вообще, бурно размножаются. В природе это наблюдается, вроде бы, невооруженным глазом. Форма «есть-поедать» сменяется другой «размножаться». Из-за отчаяния?

Взгляд назад

Следующая лингвистическая аналогия — «Ветер в голове» — определяет доступ к информации. И на модели венецианского креста мы могли бы показать это, как **взгляд назад**, попытка взгляда в память, в хранилище данных. «Ветер в голове» — поломка разума: доступа к блокам данных нет. Научно исследуя разум, говорим так: «Нарушена функция генерации выводов».

Сверху вниз

Лингвистическая аналогия «Тараканы в голове». То есть мы не можем посмотреть на происходящее **сверху вниз**, не можем собрать картину воедино и делать выводы исходя из причинно-следственных связей.

Взгляд снизу

«Дом Советов» как лингвистическая аналогия, возникает как последствие **взгляда снизу**, из недр памяти, из различных ее механизмов или рецензоров.

Взгляд справа

И шестой взгляд остается: **взгляд справа.** «Я теряю голову!» — еще одна геометрическая форма смещения. Эмоции взяли верх, интеллект не отработал, произошло изменение суждения и поведения. В итоге — «потерянная голова».

С помощью модели венецианского креста выводов из этого размышления можно сделать немалое количество. В частности, если рассматривать только альтернативу смещения, то есть движения слева и справа, на этом примере обнаруживается — как выглядит «отклонение от нормы». Или — что такое «неспособность человека»? Складывается из отсутствия объективного взгляда сверху и снизу. Стоит поглядеть на модель и немного поразмышлять. Выводов можно сгенерировать бесконечное количество, в том числе, о поломках сознания человека, которые ведут к расстройству разумной его функции.

Вот так на наших глазах было совершено **научное открытие, демонстрирующее то, как разум зависит от сознания**. Для точ-

РАЗУМ — это механизм, позволяющий данные обрабатывать и формулировать задачи, исходя из данных; геометрическая функция человека или **СОЗНАНИЕ** — это свод, «сборище», целых 16 механизмов, синхронно работающих и взаимодействующих между собой. Разум — это механизм, принимающий всю информацию извне, он и обеспечивает взаимодействие памяти и сознания человека. По сути, разум работает как фильтр, обеспечивая взаимодействие памяти и сознания.

ности биографов будущего скажу так: прошло около 30 минут разговора, как Шеф вывел концепцию. Буквально за полчаса совершил научное открытие о том, что неведомо ни одному психологу или иному «эксперту в тайно-психическом и невидимом мире». Да на эту тему можно написать диссертацию! Показать, в частности, что разум и сознание — это две совершенно разные категории (что академическая наука в последнее время стеснительно старается обойти стороной). Так, РАЗУМ — это механизм, позволяющий данные обрабатывать и формулировать задачи, исходя из данных; геометрическая функция человека или СОЗНАНИЕ — это свод, «сборище», целых 16 механизмов, синхронно работающих и взаимодействующих между собой. Разум — это механизм, принимающий всю информацию извне, он и обеспечивает взаимодействие памяти и сознания человека. По сути, разум работает как фильтр, обеспечивая взаимодействие памяти и сознания.

Выведенную концепцию Олег Викторович назвал **Ядром психики**, а началось все, как вы уже в курсе, с метода применения лингвистических аналогий; в итоге — за полчаса научное открытие мирового класса. Да зная этот и другие методы концептуализации можно хоть каждый день совершать научные открытия. И все почему? Благодаря использованию концептуального подхода к исследованию. Раньше ведь как было: отроки от науки прежде изучали работу с концепцией. И лишь затем, в силу применения концептологии и фактических научных достижений становились учеными. Концептуальный метод и есть превращение человека — исследователя, просто интересующегося тем или иным предметом — в ученого. Даже не только методология, а главным образом ещё и именно концептуальный подход производит в ученые. **Методология в научной деятельности — одна из предпосылок к выведению концепции.** В сущности, для чего нам нужна методология? Чтобы получить концепцию. Для чего нам нужны вообще все инструменты? Можно сказать и так, с одной целью: получить концепцию — то есть, идею, превращенную в механизм.

Концептуальный метод и есть превращение человека — исследователя, просто интересующегося тем или иным предметом — в ученого.

Все эти инструменты нужны для того, чтобы получить **концепцию — то есть, идею, превращенную в механизм.**

– Вот, как видите, я использовал метод лингвистических аналогий, чтобы вывести концепцию «Ядро психики человека»,— Шеф подводил итог,— Только что я с вами провел научное исследование. Мы получили концептуальный вывод. Дальше с этой концепцией можно делать все что угодно. Она может стать сердцем бестселлера, научной монографии, пьесой, сценарием, вестерном, режиссерской разработкой спектакля. И многим другим, за что даже иногда дают Нобелевскую премию. Главное — имеется концепция, а способы применения ее уже зависят от ваших задачи и мастерства.

ЯДРО ПСИХИКИ

Да здравствует концепция! И она стала движущей силой. Конечно, это многое. Но еще не все. Далее вам понадобится, скажем так, рычаг донесения концепции. К примеру, если речь об остросюжетном произведении, развитие сюжета выступит в роли усилителя концепции.

Спросим себя: почему далеко не все фильмы и сериалы понимаются и запоминаются потребителем? Ну, конечно, многое зависит от самого потребителя. А он — разный, да что там, даже квалифицированный потребитель (критик, редактор, рецензент, член худсовета и приемной комиссии) не гарантирован от подобного. Знатокам известны случаи таких явлений: дважды не принятый на актерский факультет ВГИКа и ГИТИСа — из-за полного отсутствия актерских данных — становится народным артистом СССР. Студент матфакультета изгонялся из столичного ВУЗа (неспособность к математике) становился в дальнейшем автором одной из двух в мире геометрий, названных его именем. А сколько поэтов, художников были активно отринуты и лишь после ухода составили гордость своих цехов.

Бывало. Бывает. Вероятно, так и будет. Но в данном случае для нас важна своеобразная правота потребителя. Не поняли. Не запомнилось. Потому что и понимать-то нечего и запоминать. Чаще всего это потому, что в основе идея дохленькая, а концепцией и не пахнет. Психологемы? Напомним — что это. Психологема – категория, не предназначенная логическому анализу. По сути, сгусток эмоций. Допустим, вы читаете, смотрите, слушаете психологемный детектив. Возможно, вы не уследите за развитием сюжета и не поймете, к чему вся эта каша-малаша. Из психологемных сцен, в особенности — слабых, неумных, неталантливых, определенный вывод сделать также трудновато, как найти в темной комнате черную кошку. Особенно, когда ее там нет.

Вам представился калейдоскоп лиц и прочих тварей, их обстоятельств, их переживаний и эмоций — собственно, на этом почти все. Я знаю такой вариант, в котором лишь в десятой серии сквозь экран проступает примитивно логический элемент действия — некое происшествие, вроде как причина всего происходящего. И дорогу к нему создатели прокладывали через все предыдущее. Это бывает по разным причинам. В диапазоне от творческого бессилия, бездарности и непрофессионализма — до необходимости вложить хозяйские деньги. И деньги немалые. Все, что можно было под эту книгу за сорок-шестьдесят минут экранного времени (и о чем можно было вообще не рассказывать — ничего особенного мир не потерял бы), тянется полтора десятка серий. Возможно, даже и в двенадцатой серии вы не сможете толком ответить на вопрос, о чем, собственно говоря, речь? И, как говорится, за что мы ботаем? И у многих потребителей этого повидла над средним ухом шмелем внятно жужжит тот самый одесский вопрос к создателям: «Што вы этим хочите сказать?». Если, конечно, хватило терпения досмотреть.

Такой подход и принцип есть психологема, искусство психологического романа (повести, новеллы, эссе, очерка, зарисовки и проч., т.п.). Еще имеется в реестре этого рода «бульварное чтиво». Для сравнения всколыхнем в памяти какой-нибудь линейный детектив — в котором суть происходящего понятна с самой завязки. А то и раньше.

Скажем, задача главного героя и ее решение — в поиске преступника. «Сокровища Агры» (по повести «Знак четырех» и рассказа «Скандал в Богемии») — тот самый линейный детектив. Как в школе учили, помните? План сочинения. 1) Вступление; 2) Главная часть — до узла кульминации. Развязка — решение; 3) Заключение. Морали-те. А бывает, и послесловие.

Линейный — классический, привычный детектив. Классика. Этот метод исповедовали, скажем, Артур Конан Дойль, Агата Кристи, Джеймс Хедли Чейз, Эдгар Аллан По, Ян Флеминг и другие. Знаменитейшая «Собака Баскервилей» — линейный детектив. Концепцию в виде легенды о собаке потребитель получает во вступлении. Сюжет развивается чисто по-английски, неспешно. Как бы с уважением к себе и заманивая потребителя. Темпо-ритм действия нарастает. Финал и разрешается, конечно же, сокрушительной победой добра над злом. Порок наказан — добродетель торжествует.

Вот вам роль концепции и ее усилители. Последние также заявлены в начале произведения (родовая притча-легенда о зловещей могущественной собаке) и в первой половине (демонстрация дедуктивного метода Холмса). Ясно: шарманку крутит… скажем, грубо материальный аспект. Недвусмысленна роль финансового вопроса, ведь еще до вступления Баскервиль старший не то умер, не то погиб. А как известно из классики «люди гибнут за металл». Грамотный читатель-зритель-слушатель со вступления не сомневается: «Гроши!». Имущество покойного — миллионное. А за такой куш… Ясно что еще кого-то убьют. Или попытаются убить. Можно сказать: смертоносная сила концепции. И обольстительная реклама произведения. «Собака Баскервилей» основана на принципе возмездия, неизбежности, кары за преступление. Хотя преступник до исполнения приговора самой судьбой много дров наколол.

«Сокровища Агры» — яркое произведение кино по рассказам сэра Артура Конан Дойля, не меньшее впечатление в свое время на читающую публику произвел его же «Скандал в Богемии». Классика. В основе концепция мистическая. Сокровища, как это часто бывает, крайне желанно, но приносит несчастье. Вплоть до смерти. Опять-таки, бессмертные Ильф и Петров соблазнили своих лирических героев… сокровищами мадам Петуховой. Бриллианты — в стуле! И что? Чем, спрашивается, кончилось?

А притчу о «Брульянте Бронфмана» не слыхали? Диалог. «Тётя Софа, какой у вас роскошный камень на перстне! Таких не бывает. Наверное, искусная подделка?» — «За что вы говорите! Восемнадцать каратов! Чистой воды! Шобы вы знали, деточка, это — брульянт Бронфмана!» — «Ой, я так вам завидую!» — «Не завидуйте мине. Этот брульянт усю жисть преследует одно большое нещастя» — «Какое?» — «Сам Бронфман!».

…Ну, юмор — юмором, но примерно та же история всерьёз — с «Лунным камнем» Уилки Коллинза. И с «Шестью Бонапартами», с «Голубым карбункулом» Дойля. А «Роман с камнем» и «Жемчужина Нила»? А «Алмаз Раджи»? Или вот: по поводу бриллианта «Око света» принц Флоризель на мосту через Темзу говорит прямо и просто: если бы сюда вылить всю ту кровь, которая пролилась за обладание этим камнем — Темза вышла бы из берегов. Кстати, роман «Приключения принца Фло-

ризеля» — великолепно сценаризирован и экранно воплощён. Синтез киносовременности и киноклассики.

Далее мы с Шефом обсуждали разницу между современным и классическим синема. Здесь авторы стремились поведать о том, что познали сами — как работает метод лингвистических аналогий. Сей инструмент из самых простых. Как гаечный ключ. Применяйте его смело уже сейчас, дабы побуждать свой разум к отработке новых концепций — таких, желательно каких до вас в природе творчества не было. Разумеется, задача эта непроста: одной только литературе вроде бы шесть тысяч лет. Даже и гаком. Но вы смело становитесь в эту очередь. Во всеоружии таких знаний — авось повезет.

…А теперь — давайте ещё раз «отмотаем ленту». И рассмотрим, как применяется метод лингвистических аналогий. **Выбираем явление. Например, слово «голова». И глядим, какие аналогии предлагает словарь. И анализируем совокупность этих аналогий.**

«ПОЧЕМУ ЛИНГВИСТИКА?» — спросите вы. Да потому, что чаще всего ЯЗЫК — эффективное «транспортное» средство истории; единственная среда, сохраняющая события и следы прошлого. Причём, бывает — в его первозданном виде. Если человечество что-то использовало или хоть единожды «нечто» осмыслило — значит, в языке тому останется соответствующий оттиск. Пройдёт время, событие забудется или обрастет слухами да сплетнями, но само слово или устойчивое выражение — останется. Мы не говорим о том, чего не используем. Есть явление — значит, есть и соответствующее ему языковое оформление.

ПРИМЕР: несколько «кадров» из исследования Шефа, посвященного восстановлению 11-ти исторических периодов **русской криминальной традиции.**

Инструментальная основа русской криминальной традиции — нож. Однако, какой именно нож? Как восстановить нужные нам прототипы, логику, философию, сам свод технических элементов и подходов? Как «говорить» с прошлым, если как таковых документов или экспертов в исследуемом вопросе нет?

Всё возможно, когда знаешь — как. Тому подтверждение — книга «На ножи», результат исследовательской работы шефа, академика Олега Мальцева.

Как Олегу Викторовичу практически с «нуля» удалось восстановить в полном объёме русскую криминальную традицию? И «нарисовать» все 36 технических элементов с подробными демонстрациями? Ответ: благодаря методу лингвистических аналогий.

ШАГ ПЕРВЫЙ. С какого явления начиналось исследование русской криминальной традиции? Со слова НОЖ. Одно слово, три буквы.

ШАГ ВТОРОЙ. А какие аналогии слову НОЖ вообще существуют в русском языке?

Подробнее, чем старый добрый словарь, никто не ответит. А ещё лучше — выборка из нескольких словарей. Вот так появилась целая Библиотека о ноже и его разновидностях.

Оказывается, есть не только нож! Писало, перо, мессер, сажало, рейсфедер, чирка, финка, косарь, булат… И каждое название — а по сути, языковая или лингвистическая аналогия — это отдельная история. Особый эпизод русской криминальной традиции.

ШАГ ТРЕТИЙ. От анализа лингвистической аналогии — некоего названия ножа — переходим к двигательным, то есть к тому, как этот нож применяли и использовали. И это, опять-таки, даёт масштабный толчок к концептуализации. Оказывается, нож — не только многоприменим. Не просто оружие для того, чтобы «замочить ближнего» или постоять за себя. Нож ещё — и мерило тактики человека, тренажёр его ума. И даже атрибут, который можно рассмотреть как модель менеджмента.

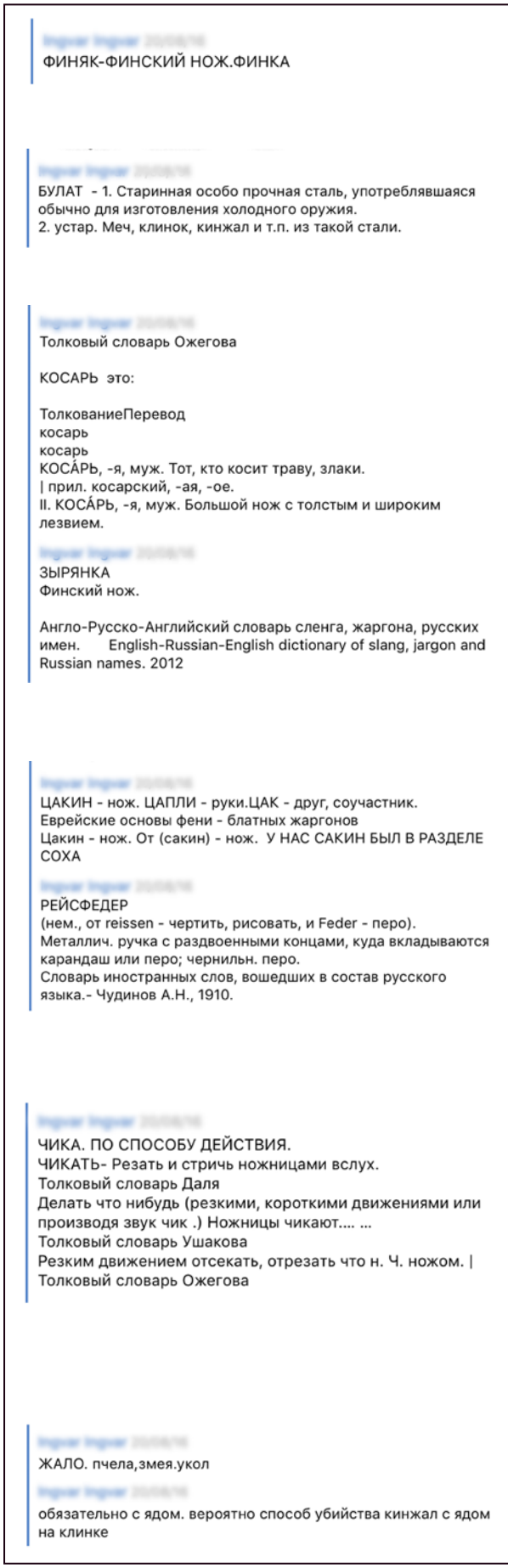
Как от лингвистической аналогии (на примере ножа) можно перейти к двигательному — то есть, к движению, к эффективному действию, к самому техническому элементу.

Есть такой вид ножа, как ЧИКА. Переходим к способу действия — соответствующее слово в русском языке: ЧИКАТЬ = резать // стричь ножницами. *(Толковый словарь Даля).*

Чикать = делать что-нибудь (резкими, короткими движениями или производя звук «чик»). Ножницы чикают. *(Толковый словарь Ушакова).*

Резким движением отсекать, отрезать что-либо — «чикать ножом».
(Толковый словарь Ожегова)
Соответственно, получаем режущее или «чикающее» движение, как ножницами, равно как и приходим к пониманию, что из ножниц, как из подручного средства, в русской традиции тоже «мастырили» ножи.

Другая лингвистическая аналогия ножа — Жало.
На первый взгляд, если не работать со словарями, может показаться, что речь идёт о некоем животном приспособлении, возможно, даже с ядом. Пчела может ужалить, змея — тоже. Впрочем, нет, змея не может ужалить. У змеи нет жала. То, что по темноте своей вещий Олег принял за жало, был змеиный раздвоенный язык. Вещь совершенно безопасная. Змея кусает, верхний её зуб име-

ФИНЯК-ФИНСКИЙ НОЖ.ФИНКА

БУЛАТ - 1. Старинная особо прочная сталь, употреблявшаяся обычно для изготовления холодного оружия.
2. устар. Меч, клинок, кинжал и т.п. из такой стали.

Толковый словарь Ожегова

КОСАРЬ это:

ТолкованиеПеревод
косарь
косарь
КОСА́РЬ, -я, муж. Тот, кто косит траву, злаки.
| прил. косарский, -ая, -ое.
II. КОСА́РЬ, -я, муж. Большой нож с толстым и широким лезвием.

ЗЫРЯНКА
Финский нож.

Англо-Русско-Английский словарь сленга, жаргона, русских имен. English-Russian-English dictionary of slang, jargon and Russian names. 2012

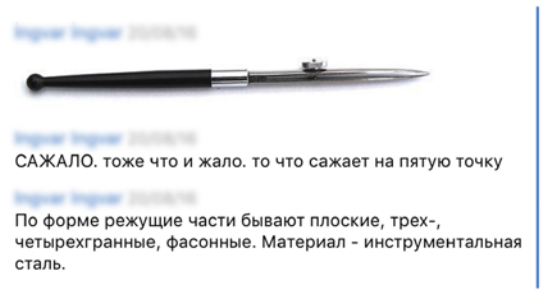
ЦАКИН - нож. ЦАПЛИ - руки.ЦАК - друг, соучастник.
Еврейские основы фени - блатных жаргонов
Цакин - нож. От (сакин) - нож. У НАС САКИН БЫЛ В РАЗДЕЛЕ СОХА

РЕЙСФЕДЕР
(нем., от reissen - чертить, рисовать, и Feder - перо).
Металлич. ручка с раздвоенными концами, куда вкладываются карандаш или перо; чернильн. перо.
Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.- Чудинов А.Н., 1910.

ЧИКА. ПО СПОСОБУ ДЕЙСТВИЯ.
ЧИКАТЬ- Резать и стричь ножницами вслух.
Толковый словарь Даля
Делать что нибудь (резкими, короткими движениями или производя звук чик .) Ножницы чикают.... ...
Толковый словарь Ушакова
Резким движением отсекать, отрезать что н. Ч. ножом. |
Толковый словарь Ожегова

ЖАЛО. пчела,змея.укол

обязательно с ядом. вероятно способ убийства кинжал с ядом на клинке

САЖАЛО. тоже что и жало. то что сажает на пятую точку

По форме режущие части бывают плоские, трех-, четырехгранные, фасонные. Материал - инструментальная сталь.

ЧИРКА. ПО СПОСОБУ ДЕЙСТВИЯ.Чиркать —1. Резко проводить чем либо по чему либо сухому, твёрдому. отт. Быстро проводить чем либо острым, разрезая Стремительно пролетая или задевая что л., издавать резкий, сухой звук, треск.

ет протоку, источающую яд. Если она ядовита, конечно. Однако, полистаем словарь уголовных слов или арго; тут можно обнаружить, что ЖАЛО — это шило. Да, именно так сапожники раньше называли свой инструмент. А ведь шилом можно «ужалить», верно? Так формируется представление о следующем техническом элементе.

Есть и аналог слову ЖАЛО — САЖАЛО. По сути, то что «сажает противника» на пятую точку.

Нож ЧИРКА. От аналогии переходим к способу действия — «ЧИРКАТЬ». Что такое чиркать? Согласно словарным статьям:
1. Резко проводить чем-либо по чему-то сухому, твёрдому. Быстро проводить чем-либо острым, разрезая. 2. Стремительно пролетая или задевая что-либо, издавать резкий, сухой звук, треск.

Эти и многие другие аналогии, сохранившиеся в русском языке, «открывают» дверь в среду концептологии. Наш ум не просто изобретателен, ему бы задачу понимать да знать, с чем работать, с каким инструментом. А вот разум заставить или побудить концептуализировать — не так просто. Для этого придётся что-то использовать, какой-то метод, какой-то переходник. И метод лингвистических аналогий, как говорит Шеф,— один из самых простых. Его хоть «на салфетке в баре» за пять-десять минут можно попробовать, хоть в научно-исследовательской лаборатории.

Исследование криминальной традиции и роли ножа не заняло 10 минут. Три месяца шла работа по выявлению и исключению всех возможных словарных и документальных аналогий ножу в русском языке. И затем уже, на основании проведённого масштабного изыскания Шеф вывел ряд концепций русской криминальной традиции и смог описать все 36 технических элементов — чему подтверждение — книга «На ножи». Название, кстати, тоже выбрано неслучайно. Почему оно такое — кто почему-то до сих пор не знал, узнаете во введении. Если пожелаете.

А пока, давайте кое-что попробуем. Мы ведь говорили о том, что в каждой главе у нас обязательно будет некий практикум. Вот и попробуем метод лингвистических аналогий! «Пора, брат, пора!» — как говорил великий Лермонтов. Или… Пушкин? А, всё равно, из одной минералогии…

Итак, выберите любое явление. Любое слово.

Как вам слово КОТ?

Прекрасный пушистый зверь. Теперь идём к лингвистическим аналогиям. Что у нас в русском языке про котов говорится?

Например, что кот всегда «падает на четыре лапы». Ну, как бутерброд — почему-то всегда падает маслом вниз. Интересно, почему? Уже неплохая посылка, эдакий толчок, в перспективе позволяющий подобраться к концепции гибкости, удачливости, даже изворотливости.

Кошки могут охотиться. Кошки скребут на душе. Кошки альпинистов — металлические приспособления для увеличения противоскольжения.

Коты могут слушать да есть — помните? То есть он вообще не считается с говорящим и продолжает делать своё нередко предосудительное дело. Интересно, почему коты себе это позволяют?

В казачьих краях говорили: «Знает кошка, чью мясу съела…» — вор знает, у кого что украл.

Есть выражение «Повели кота на мыло» или — «коту под хвост». Аналог задержания и увода для наказания. И бесполезности выполненной работы, когда всё впустую, насмарку.

Есть люди, привыкшие «тянуть кота за хвост». И это буквально ни одному коту не нравится. Ну, а фигурально — мало кто способен терпеливо слушать, как кто-то нудит или слишком долго что-то делает.

А тем, кто постоянно норовит отложить дело в долгий ящик, говорят: «А что потом? Потом — суп с котом!». Ясно, что никто не собирается варить непривычный бульон. Но сам «кот» как главный фигурант лингвистических аналогий — прекрасный персонаж, показывающий, например, отношение неких лиц к делу. И, скорее всего, поведение и тактика кошки отличается от поведения и умений кота.

Продолжайте работать с лингвистическими аналогиями, продолжайте наблюдать и задаваться вопросами о каждой из них, и… вскоре на ум придёт идея, да не одна. Помимо идей, обязательно обращайте внимание на механизмы, ведь концепция идеей не ограничивается. Напомним формулу:

КОНЦЕПЦИЯ = ИДЕЯ + МЕХАНИЗМ

Откуда берутся идеи и механизмы? Есть подходы, и один из них — как раз метод лингвистических аналогий.

Концепции создаются, произрастая из некой среды. Можно из фильма «вытащить» концепцию, можно извлечь из книги, а можно — даже из хорошо знакомых с детства словосочетаний. И **метод лингвистических аналогий — прекрасный и действенный способ.** Пробовать можно сразу, буквально, здесь и сейчас.

И напоследок — рекомендация.

Шеф дал совет: как будут разные соображения, концепции — не спешите. Начинайте коллекционировать свои концепции. Может так случиться, что разработанная концепция сейчас буквально не к месту; но спустя месяц отлично пригодиться. Например, это важно понимать в менеджменте: если вы продумали некую концепцию, которая изменит качественный подход к управлению предприятием, что же, возможно её не получится «ввести с понедельника» в контрольно-приказном порядке. Возможно, понадобится иная концепция, как переходник или как тестовый инструмент. В общем, существует понятие уместности, и этим параметром тоже не стоит пренебрегать. Дорога ложка к обеду, как говорится.

«Не всегда придуманную вами концепцию стоит тут же пускать в оборот. Например, однажды я в самолёте придумал одну такую. Она не пригодилась до сих пор. Эта концепция живёт своей жизнью, ни во что не превращаясь; возможно, она когда-нибудь понадобится. Я её создал, когда захотелось написать фантастическое произведение, так сказать, в уме, без бумаги. И начал думать; в итоге у меня появилось «две таблетки». Если коротко (расскажу начало), представьте себе две таблетки. По отдельности каждая их них — абсолютно безвредна. Однако соединение двух таблеток — это сущий яд для человека. Иными словами, стоит принять обе таблетки, как они моментально превратятся в яд. Вот такая задумка; как понимаете, это только начало фантастической повести. Я её не писал и не издавал; концепция, лежащая в основе, просто часть моей коллекции концепций. И, вероятно, когда-нибудь эта концепция нам пригодится, и мы её используем в одной из наших научно-популярных или популярных книг.

Лично я себя приучил коллекционировать концепции. Навык этот весьма полезен, и я определенно рекомендую вам таким навыком обзавестись».

Олег Мальцев
До встречи в следующей главе!

7 МЕТОД «АНТИ-ЧТО-ТО»

Приветствуем вас, читатель-собеседник наш дорогой. И поздравляем с праздником продолжения похода по непростым, но вполне одолимым путям-дорогам в конституционное королевство Концептология. Как когда-то орали зазывалы в цирк и синема: «Все, ходи до меня!». И ходили естественно, не все — только те, кому было интересно. С нами сегодня, надеемся (и это подтверждает практика) также исключительно те, кому интересно. Но интерес этот несколько иной, более сложный: с нами встречаются те, кто понимает-чувствует не только яркое наполнение досуга, но и прямую пользу для жизнедеятельности. Общий наш путь — к овладению инструментарием изготовления весьма своеобразной продукции: своей судьбы. Можно сказать, те, кто себе не враг.

Да, не забыть бы с самого начала главы! Помните один из грифов на документе, опубликованном Стругацкими: «Совершенно секретно. Перед прочтением — сжечь!». Шутка, разумеется. Ну, сжигать эту нашу с вами книгу не спешите. Ещё пригодится, уверяем вас. Но нынешний наш этап — с грифом «Строго секретно». Читайте-вчитывайтесь. И совершенно серьезно: делиться тем, что сегодня узнаете-поймете, можно только с доверенными лицами. У которых есть ваш допуск. Полная тайна вкладов… то есть, сведений. Между прочим, это не такая уж опечатка. Ведь при наших встречах-путешествиях вы силы-средства-время не тратите, а именно вкладываете. И на проценты с этих вкладов сможете жить, творить, открывать и главное — строить свою судьбу, не беспокоясь о мелочах. А засекречен у нас с вами он — этот материал, трактующий вопросы концепции с таким простеньким именем «Анти-что-то». Она косвенно относится к тем явлениям, которые одесситы, слегка презиравшие падежную систему (когда таковые еще жили в Одессе), называли — «Что-нибудь особенова». Или — «Что-то с чем-то».

Еще одна предварительная оговорка: наше общение требует от вас (как и договаривались сначала, напомним), сосредоточенности на главном, чему не должны мешать нередкие наши отступления ради наглядности примеров. И даже во исполнение рекомендаций психологов — на небольшое время переключать внимание собеседника. Замылились око и слух — нужно переключиться. Для чего весьма полезны заметка редактора на поле, проверочный тест. Притча. Даже анекдот. Тем более, настоящий анекдот — всегда ещё и притча. Там есть моралите. Так что — отступления такого рода не только не должны нас утомлять, а наоборот. Освежать. Отступайте с нами. Отступайте как мы. Отступайте лучше нас. И с нами же возвращайтесь к главному.

Пользуясь старо-одесским же языком, за што мы хотим сказать. А вот за што. Представим, вам нужно разработать концепцию. Вот — нужно. Вы взялись за работу, которая того требует. Вы обещались. Поручились. На вас надеются. Ждут результат в договорные сроки. А договор, как известно, дороже даже самих денег. И умом вы, вроде бы все поняли: и суть концепции, и ее необходимость. А вот душой и сердцем… смута. Бывает. Ну, как в той песне — «Туман яром, туман долиною…». Не идет она, холера! Хоть лопни. И чего вы только не проделывали — от валидола, коньяка и курева до консультации с Википедией. Совсем как в другой песенке — «Уж я к ней и так, и этак, Со словами и без слов, Обломал немало веток, Наломал немало дров». Вот вы перед ней и колено преклонили, и с колокольни спрыгнули — а в сапоги попали. И ходили туда — не зная куда. И доставали ей то — не зная что. А она, концепция эта — ноль внимания, фунт презрения. Вы, конечно, понимаете условность этого образа. И что сама по себе, она не виновата. И что валяют дурочку ваши душа и разум. Но от этого вам не легче. Время. Время! Тут не шахматный турнир: сделав первый ход, на часовую кнопку не нажмешь — своё время не остановишь за счёт включённого времени соперника. Обязательно нужен результат.

Ну-с? Что прикажете делать? Слушайте нас. А мы своих не выдаём. Прежде всего: не падать духом, не теряться, не паниковать. Нашим это не свойственно. И не такое видали-слыхали. Идет нормальный процесс постижения. В норму такого процесса укладываются эти отступления, к которым вы в наших общениях, вероятно, уже попривыкли. И, тем более, о чем мы вам напомнили в начале этой встречи. По спокухе, выберете феномен поярче — в отрасли, в которой вы заняты. Еще выберете самого крутого маркетолога, психолога или бизнес-спикера. И ещё — мысленно выберете интересную вам марку автомобиля, симпатичную архитектуру особняка с видом на ландшафт. И все такое прочее. «Ля дольче вита — сладкая жизнь». Кому не приятно пофантазировать в таком направлении. Пусть воображение окунет вас, скажем, в синь Неаполитанского залива. Вдохните-выдохните и опять вдохните напоённый солнцем воздух итальянских теноров. «И вдоволь не мог надышаться»…

Вот вы — на Сицилии. Чем славится? Этими самыми синевой моря, голубизной неба и нотным воздухом, при выдохе рождавшим «Влюблённого солдата» и «Вернись в Сорренто». Со всей Европы сюда съезжались люди при деньгах. Даже русские помещики-крепостники неизменно стремились отдохнуть здесь от своего безделья. Помните, у Некрасова: «Безмятежней аркадской идиллии / Закатятся преклонные дни / Под пленительным небом Сицилии / В благовонной древесной тени…». А чем ещё славны эти края?

Ну, да — мафией. И страшной, и воспетой, и несметно богатой. Слово нашему современнику знакомо больше, конечно, чем явление. К вам, конечно, оно пришло опосредованно — через социальные заказы, сценарии и их кино-теле-воплощения. То есть не столько по правде жизни, сколько, по правде искусства. Но для яркости примеров в данном случае вполне достаточно.

Ещё отступление. Под названием *«Тест». Знаете, в брежневские времена, которые наивные обыватели наши называют советскими (при однопартийной системе никакой власти у советов не было), появился и анекдот про тесты. Брежнев интересовался у президента США — как это он так ловко-удачно подбирает свой штат. Тот поясняет: ну, мол, разные есть инструменты. Тесты, например. Вот я спрашиваю кандидата в вице-премьеры: сын моего отца, но не я. Кто таков? Если он сразу отвечает — «Ваш брат», значит, сообразительный. Ну, дома Брежнев говорит Косыгину: «Кто таков — сын твоего отца, но не ты?» «Мой брат!» тут же ответствует Косыгин. Молодец. Годишься. Черненко, иди сюда. Давай тест. Кто такой, сын твоего отца, но не ты? Тот теряется, думает. Брежнев смеётся: «Дурак. Это же — брат Косыгина!».*

Это — так, к переключению. И к следующей нашей подтеме. Как договаривались, ещё одна заметка на полях. Знаете, есть ещё и такой тест: считайте вслух от одного и далее. Натуральный ряд чисел. Вас остановят вопросом. Отвечайте без обдумывания и продолжайте с той цифры, с которой остановились. Вас по мере счёта прервут вопросом трижды. 1) «Часть лица — любая». Ваш ответ без обдумывания. И считайте дальше. Стоп! 2) «Великий русский поэт — любой». Ваш ответ. Счет продолжается. И опять: стоп! Счёт. И — 3) «Домашняя птица — любая». Дальше можно не считать. Тестирующий покажет вам бумажку, на которой заранее написал в точности ваши ответы. Потому что заранее ясно: в 99 случаях из 100 это будут — «Нос. Курица. Пушкин». Во всяком случае с русскоязычным и относительно цивилизованным тестируемым. А с англичанином — смените Пушкина Байроном. Тест этот почему-то производил и производит значительное впечатление на тестируемых и присутствующих. Хотя он элементарен и был известен в СССР по журналу «Знание — Сила» с конца шестидесятых годов. Но совершенно ясно: разработчики его были приличными концептуалистами. Учитесь…

Тест этот и сам по себе любопытен. Можете опробовать его на других. Но вернёмся от психологического переключения к нашим играм. Воспользуемся его логико-психологической структурой: считайте от одного и далее. Тот самый натуральный ряд чисел. Стоп! Назовите телесериал про мафию — любой. Быстро! Без обдумывания!

Что-с? Ясное дело — «Спрут». Мы так и думали. В порядке временного отступления и вернемся к нему. Определенный фаворит мирового проката. Исполнитель роли главного героя плотно влез в шкуру хорошего парня — полицейского, непримиримого и талантливого борца с мафией. Об этом мы беседовали с Шефом. Вот стенограмма:

Сериал-то сериал, но на мой взгляд четыре сезона — много! Полагаю, так не раз и не два за время съемок успел подумать Микеле Плачидо, неспроста в конце концов попросивший режиссера убить его лирического героя. Увы, удалось это сделать лишь в конце четвертого сезона.

Вы же знаете: сериал на этом не закончился. Востребованию сей продукции потребителем не было ни конца, ни краю. Его настолько полюбила аудитория, а её — продюсер и режиссёр, что на эфирном плаву продержались 11 (!) сезонов. Вот что значит — в нужное время и в нужном месте. Вот что есть анализ и синтез ситуации — с пониманием таких явлений, как концепция. Вот что значит зондаж спроса и предложения. Ответить на спрос. Или попросту: сработать на волне.

Не думайте, что я хочу расхвалить этот сериал. Во-первых, он не нуждается в промоушне. Во-вторых, поделюсь с вами одной историей, из личного опыта. Пересматривал я как-то этот сериал. Сижу. Смотрю. Всматриваюсь. И понимаю, что — вот он «не идёт», знаете ли. То мысли разбегаются, то видеоряд кажется немного архаичным. А то даже режиссёрский темпоритм хочется ускорить. Да, даже так. Как в том анекдоте: мыши плакали, но продолжали есть кактус. Смотреть — всё ещё смотрел. Но вскоре зажужжало над средним ухом: «Смотрррррреть это пррррросто невозможжжжжно!». Да смотрю же! Смотрю! Но «ем кактус». И это меня откровенно бесит.

Что-с? К чему это? А к тому, что рано или поздно выливается в концепцию. «Зачем есть кактус?» — спросите вы. «В этом смысле — чтобы сделать лучше, чем сделали они»,— отвечу я.

Другой пример, также взращённый на благодатной южно-итальянской почве. Можете меня проверить, но вам не найти книги о… неаполитанском фехтовании. А сия наука, поверьте, то ещё сокровище. Есть, конечно, пару древних трактатов, я бы даже сказал, для разумного человека их достаточно. Для разумного. И потому они, произведения эти, как говорится, широко известны в узких кругах. Но обыватель такое не читал. И читать не станет. Он не привык в еде одолевать кактус. Дискомфорт — не его стихия, даже душевный. Но, не доверяя никому на свете, он вполне доверяет своему, так сказать, вкусу. Своей, так сказать, «понималке». И своей же системе ценностей: «Что такое хорошо и что такое плохо». Его не мучают сомнения на сей счёт. То, что ему нравится — «Хорошо». То, что ему не нравится — наоборот. И нечего тут умничать. Эти его качества учитывают те, кто ставит своё материальное благополучие в зависимости от этой косности, безвкусицы и рутины.

…Теоретически говоря, можно тут и не заметить некую странность. Но у меня не получается. Бросается в глаза совершенно очевидно насущнейшая потребность

субстанции — в знаниях, обеспечивающих преимущество. Неаполитанская наука именно такова. Мудрецы 5–6 веков назад восхищались: «Нет цветка прекраснее неаполитанского фехтования»; школа эта показала себя на всех континентах (кроме, Антарктиды, конечно). С другой же стороны, нужно быть патологическим фантазером-романтиком, чтобы допустить мысль — грамотный обыватель 21-го века захочет испить чистой водицы из тех первоисточников. Потому и говорю: книги, как таковой, сегодня нет.

Помните, мы когда-то для своих экзерсисов выбирали героя. Я вот тоже занимался этим. Полицейский? Таксист? Просто местный житель, дед какой-нибудь. Выбор мой пал на некоего ученого. Он живет в Испании. Причем — русскоязычен, родители — эмигранты. В общем, дело не в деталях, их куча не мала. Но однажды на голову ученого этого вдруг свалилось… что бы вы думали? Наследство! Недвижимость в пяти городах. Деньги в пяти банках. Индустриальный бизнес. Оборотный капитал — в девять нулей. Да мало сказать: бизнес в Калабрии, акционный куш — инвестиции в компаниях Неаполя и Бари. Весь Юг Италии. Неплохо, верно? Как говорили в старину одесситы — согласен на любую половину. Об этом писателю одной книгой не ограничиться. Тут тебе — дилогия или трилогия. Или четырелогия. Или даже пятилогия.

Пока не в этом дело. Мой замысел-умысел занял Юг Италии. «Чем вы это занимаетесь?» — спросите вы. Отвечаю: Готовлю контр-»Спрут». Помните — 11 сезонов? И заранее высматриваю плацдарм для широкого книжного маневра. Приходилось слыхать, и не раз: произведение делает конфликт. Говорили даже об одном очень известном режиссере (увы, безвинно убиенном в конце 30-х), что он на удивление быстро из стопки пьес выбирал 1–2 хорошие. Хватал папку, открывал, 5–6 страниц пролистывал бегло и — в корзину. Или к постановке. Спросили, как это он так быстро делает. Ответил: «А я сразу смотрю — кто обделался». Ну, он выразился грубее, конечно.

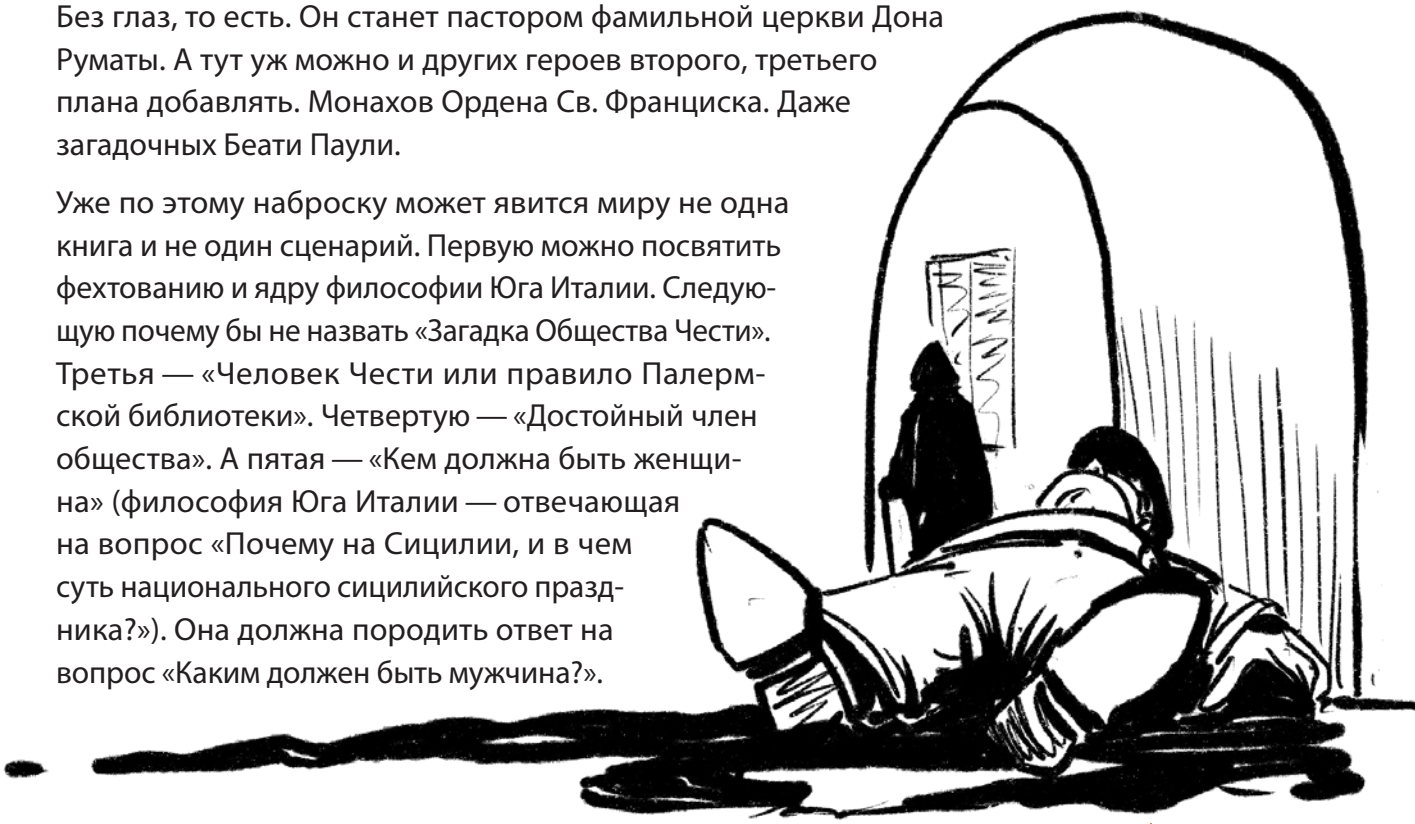
Но суть верна: каков конфликт? Как мы уже отвечали ранее, касалось это и даже советизированной драматургии. Хотя тогда и культивировался непримиримый конфликт почти исключительно между хорошим и еще лучшим. Или между нашим прекрасным и ужасным их влиянием из-за бугра. Без конфликта, как без Бога — ни до порога. И на роль источника конфликта хорошо ангажировать женщину. И именно забугорного происхождения. Этакую эмансипе вроде тургеневской Кукшиной из «Отцов и детей». Вот приезжает она, скажем, под пленительное небо Сицилии. Да не одна, с главным героем. Каков? Таков: уже не молод, еще не стар, в науке состоявшийся. Сицилия, что вам известно и без моего доклада, говоря по-староодесски: то самое, что-нибудь особенова. И суд ее, и быт ее далеко не всем по вкусу. В общем, нашей эмансипе,

как она выражается «Здеся не пондравилася». И всего-то побыла меньше недели. Фыркала-фыркала. Закатила эль шкандаль в порядочном отеле, получила по шляпке из итальянской соломки. В долгу, само собой, не осталась. Вылетела оттуда как Пронька из благороднёго пансиону. Все это было настолько нелепо и неприлично, что ее ученый спутник даже не вмешался. Более того: когда она настраивалась на первый шаг вниз по лестнице к выходу, он поймал себя на внятном желании дать ей коленом под зад. Но — человек светский, привык сдерживать порывы, которые идут от души. В общем, Сицилию она покинула без него.

Далее — о нем. Он может напомнить… Кого? Ну, скажем, благородного Дона Румату по Стругацким: тоже интересен-умен-силен, готов к неожиданностям и проживает в старинном доме. Вместе с верной служанкой. Его дом — считай, дворец. Часть того самого внезапного наследства. Помещений — несть числа. Где устроить личный кабинет? Вот здесь. Помнится, у нас уже был случай мысленно оформлять, оборудовать кабинет одного из лирических героев. Огромная комната и огромный стол. Письменный, разумеется. Двухтумбовый. В одном из его ящиков наш Дон находит шкатулку со странной колодой карт. Игральные? Гадальные? Или вообще — для каких-то сицилийских штучек? Повозившись с колодой, принялся он рассматривать картины на стенах. Современное искусство? Никак нет, очень даже наоборот. Хотя, подобное всегда современно. И на серьезных аукционах неизменно очень дорого. Классика! Что за стиль? Кто художник? На книжных стеллажах, среди прочих, очень кстати, все мыслимые энциклопедии. Увы, Румата наш не мог ими воспользоваться: не знал итальянского языка. Интернет также не помог.

Но знаете, одного героя, даже такого, и столь немало сведущего в южно-итальянской культуре для нашего произведения маловато. Вот что: введем еще одного. Здесь будет весьма полезен герой, олицетворяющий Сицилию. Тут колебался я не долго. Этим нашим героем пусть будет — монах. Да мало сказать — монах: слепец. Без глаз, то есть. Он станет пастором фамильной церкви Дона Руматы. А тут уж можно и других героев второго, третьего плана добавлять. Монахов Ордена Св. Франциска. Даже загадочных Беати Паули.

Уже по этому наброску может явится миру не одна книга и не один сценарий. Первую можно посвятить фехтованию и ядру философии Юга Италии. Следующую почему бы не назвать «Загадка Общества Чести». Третья — «Человек Чести или правило Палермской библиотеки». Четвертую — «Достойный член общества». А пятая — «Кем должна быть женщина» (философия Юга Италии — отвечающая на вопрос «Почему на Сицилии, и в чем суть национального сицилийского праздника?»). Она должна породить ответ на вопрос «Каким должен быть мужчина?».

Я это все к тому, чтобы познакомить вас с разрабатываемой концепцией. И показать, как я следую маршрутом контркурса, обогащая контр-»Спрут».

А что же наш ученый и богатый наследник? Пожалуй, нет, не стоит называть его Доном. И аналогия с Руматой весьма приблизительна. Так что, пардон. Се ма фот (это моя ошибка). Присвоим ему титул барона. Совсем по-сицилийски. Это уважаемейшие люди под сицилийским небом. А барону нужен герб, придется пофантазировать. Также и на счет недвижимости: в каких городах она сосредоточена? Где его бизнес?

Впрочем, это уже детали, пусть и немаловажные. Главное — сам концептуальный сюжет, который строится на фундаментальном понятии: на Сицилии «просто так» действовать не нужно. Нужно находиться «в правильном обществе». Сицилия с распростёртыми объятиями принимает тех, кто хочет учиться. И жестоко карает тех, кто хочет что-то менять по-своему вкусу и на свой лад. Вам не кажется, что сие перекликается с поговоркой совсем другого народа: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят…»? Тот же комиссар Катани хотел на Сицилии что-то изменить, но получил жесткие жизненные уроки. В частности, он не смог защитит, как следует, Закон. Да что там — даже не защитил и свою дочь. Почему так? Собственно, он был занят: его внимание захватила молодая маркиза Титти Печчи Шалойя, которую требовалось спасать.

Не уподобимся зрителю-обывателю, переживавшему то экранное действо, как происходящее в реальности. Слушать его комментарии после каждой серии и в конце концов было — любо-дорого. В основном, как бы уже убитому комиссару читали мораль. И она, в основном, сводилась к тому, что надо бы выполнять свои профессиональные обязанности и заниматься своей семьёй, а не молодыми маркизами, пристрастившимися к наркотикам. А между прочим, это — хоть и скучновато, но — разумно. Ежели на Сицилии начинаешь наводить свои порядки, это, как минимум, бесперспективно. Вот и суть концепции — проста, незатейлива и неопровержима.

Что мы имеем на данном этапе? Поскольку мы видим стык прототипов: **А) контр-прототип в виде «Спрута» и б) прототип в виде «Трудно быть Богом», главный герой который уже практически осмыслен и описан; проблем с написанием первой книги не предвидится.** Тупики исключены заранее, так как известно, что может произойти, какие сцены могут сложиться. При небольшой доле практики в данном вопросе такую книгу можно сходу написать; хоть 50 страниц наваять, хоть 500. Важно, конечно, что вам ближе в жанровом плане: рассказ, роман, повесть. Пьеса. Сценарий. Динамику из приключений-злоключений можно такую «наместить», что читатель окунётся в это варево с головой. И пройдёт всё с главными и прочими лирическими героями. Само собой — не возбраняется такая составная, как литературный дар…

Итак, всё, что я Вам сейчас показал — это «контр-что-то» (или «анти-что-то») относительно «Спрута» — относительно чего-то великого.

А ТЕПЕРЬ ЗАДАНИЕ: учитывая мою концепцию (можете её даже не менять), создайте контр-что-то… только для Нидерландов. Вот такое практическое задание, подкравшееся незаметно в середине главы. Да, именно это упражнение и предлагается выполнить. Используя метод «контр-что-то», опираясь на уже существующие концептуальные рассуждения, создайте «контр-концепцию» для Нидерландов. То есть, всё, что вам нужно сделать, это попытаться пройти мой же путь. Разумеется, смело можете пользоваться интернетом.

Подсказка: сначала для себя постарайтесь выяснить, что хорошее можно получить при исследовании Нидерландов. Это шаг первый.

Приведу в качестве примера цитату из «Невесты насилия»:
«Вы знаете, родился я на Сицилии. И всякий раз, когда меня похлопывают по спине, создаётся такое впечатление, что кто-то ищет незащищённое место, куда бы всадить кинжал». Хорошая сцена, тонко демонстрирующая народную сицилийскую мудрость. И сказано грамотно, и есть о чём (и о ком) задуматься. А теперь постарайтесь найти или придумать что-то полезное, исходя из среды другого исторического региона Европы — страны, которая сегодня на картах значится как Нидерланды.

… Обратимся к истории. В смысле — к исторической науке. Ну, вообще говоря, полагаться на школьный курс истории и знаний в этом смысле обладателей аттестата зрелости — было бы верхом наивности. Но другого выхода нет. Не воспроизводить же целый гимназический курс. Да и признаться, у некоторых современных известных историков-профессионалов по этому предмету в школе был трояк. Но давайте — серьезно. Всякий знает о том, что Петр I (в истории отзывался на Великого), ездил именно в Нидерланды. Так, кое-чему учиться. Корабельному делу, например. Будучи царём сухопутной страны. Говорят, капризен был Петр Алексеевич как черт. Но та поездка и учеба были отнюдь не капризом; сам ли он дошел или кто надоумил, а только для вверенной ему историей страны-государствия большой флот оказался необходимым как воздух. А валютная казна была пуста — как, впрочем, и рублёвая. Дорогие корабли покупать было не на что. Нужно было строить самим. Корабельного леса дома было навалом. Яко же и парусины. Железа на Яике тоже. Рук рабочих — тоже. А вот с концептуальностью было сложно…

Судя по многому, он быстро понял: корабль — наука. Ее без концепции не одолеешь. По всей видимости, сообразил он и на счет государства в целом: политика — внешняя и внутренняя, экономика, армия и флот, сельское хозяйство и промышленность, все это требует прежде всего именно ея — концептуальности. Может быть, нашим с вами современникам — кандидатам в вожди, поначалу отправляться в Нидерланды? Между нами: вот некоторым нынешним политикам это понять — и цены бы им не было, и мир жил бы иначе. Но сейчас — не об этом.

Европа — какая аллитерация! У очень многих наших сограждан при этом слове, как у великороссов после 1912 года при слове «Москва» (если верить Пушкину, конечно), так сладко бьется сердце. Многие, очень многие всей страной хотят в Европу. Так страстно, что забывают взглянуть на карту. И обнаружить, что мы, волею Божию, уже давно там. Да мало сказать — в Европе — в самом ее центре. Куда же идти от

такого счастья! Авторы этих правдивых строк своими глазами на Западе нашей страны видели геодезический знак «Центр Европы». А вот очередной на тот момент полпред Дома Романовых отправлялся за наукой и техникой именно в Европу. И по началу — не к туманному Альбиону, не в экс-Лютецию, не в Саксонию-Баварию-Тюрингию-Вестфалию, а именно в Нидерланды.

Мы ведь с вами тоже учимся. Вот что бы вы выбрали для себя, чему хотели бы научиться в Нидерландах? А там кстати, еще с того петровского вояжа (и многого дальнейшего) немало наших бывших земляков. Обратитесь к всеведающему Ютубу. Ради любопытства. «Как живут русские в Нидерландах», «Почему русские ненавидят Нидерланды… горькая правда». Или вот: «Как живут в Нидерландах»; «Интервью: отношение к иностранцам»; «Менталитет, отдых, развлечения», «О жизни русских в Голландии»; «Как живут голландцы»; «Жизнь наших в Амстердаме». Возможно, в этом реестре вы найдете и для себя полезную информацию. С учетом того, что в Европе русскими, как во Вторую мировую, и сегодня все еще называют всех выходцев из наших мест. Если приведенный реестр вам тесен, к вашим услугам множество других сайтов и вообще — источников. Потом доложите — что особенно привлекло ваше внимание, чему там можно поучиться в эпоху, когда корабли, как правило, уже давно не строят из дерева и их движения по морю-океану практически не зависит от ветра. Составьте перечень своих ответов на эти вопросы. Ну, скажем, архитектура, музеи. Каналы и искусственные озера. Моря и мосты. Маяки. Места веселья и отдыха. Вряд ли пропустите ветряные и водяные мельницы. Сыр голландский, наконец! И велосипеды.

- **И еще одна рекомендация.** В Голландии и в других землях нынешних Нидерландов проросли мировые знаменитости. Светила науки, изобретатели, реформаторы, люди искусства, религиозные деятели. Мыслители. Достаточно назвать Спинозу. Просим не путать с испанским танцором Спинозой, настолько успешно в конце 19 века гастролировавшим в Российской Империи, что попал даже на бессмертное перо Чехова и увековечился в рассказе «Свадьба» и его экранизации. Имеется в виду Бенедикт Спиноза (урожденный Барух Спиноза) — нидерландский философ рационалист и натуралист еврейского происхождения. Кстати, порассуждайте: когда и почему Нидерланды стали обителью спасения и самой религиозно-терпимой страной? Каков будет ваш список выдающихся личностей, основательно наследивших в мировой истории?

Познакомитесь с ними. Если, конечно, до сих пор почему-то не получилось. Притом, что вы не забыли, надеемся: работаем над анти-произведением. Оно конечно: за всем таким калейдоскопом лиц, дат, мыслей, событий — забудешь и то, как тебя зовут. Но — ничего. Напомним о произведении, то есть, к которому вы создадите контр-вектор. Ну, нечто концептуально великое. Непревзойденное. Так сказать, чтобы мир содрогнулся. Узнайте об уникальной голландской концепции: «Искусство мирного существования полярно-противоположных групп населения»; концепция «Я выстою» и проч.— за что пусть и зацепится ваш разум. Да, именно: прежде чем душа ваша вкупе с интеллектом даст дорогу концепции, вас лично пусть зацепит некая тема. А заодно — и идея.

Допустим, на Сицилии, состоявшись как личность, как человек Чести, можно стать великим. Мать Сицилия делает своих детей сильными. Сильнее всех остальных. Ну, как идея? Подходит? И подумайте, в качестве кого мог и может состояться человек в Нидерландах?

Поработайте со своим воображением над вопросом: как чувствует себя человек случайно оказавшийся в Амстердаме или Роттердаме? Вот лирического нашего героя из анти-»Спрута» милого Дона Румата как-то занесло на Сицилию. Как бы он себя чувствовал, окажись в Италии нетуристической? Где-нибудь в горной Калабрии. И телепортируйте его в любой город Нидерландов. И пусть он там вдруг обнаружит себя весьма богатым наследником. Витязь на распутье, как сицилийский наш Румата: «что дальше?».

Хорошо бы в вашем личном ночном кинозале прокрутить кино о Нидерландах. Видели такие? Ни одного? Неужели Голландия никому не интересна? Между тем, киноиндустрия самих Нидерландов более чем заметна, сняты тысячи полнометражных художественных и сотни документальных лент. Высоты развития тут дело достигло еще до нашего великого 17-го года, а режиссерские имена Йориса Ивенса и Пола Верховена — в ряду самых знаменитых этого цеха. В мировом кино весьма заслужены голландские школы анимации и документалистики.

Литературная основа этих творений, как и голландская литература вообще, в цивилизованном мире не менее известна. Создавалась она не только в Нидерландах, но и в Бельгии, французской Фландрии, Суринаме. И даже в Южной Африке, на Антильских островах и в Индонезии. Вообще, толкуя о художественном творчестве Нидерландов следует учесть: после распада Римской Империи сотворилось пестрое скопление больших и малых государств. Наиболее значительными стали герцогство Брабант, графства Фландрия и Голландия. Утрехтское епископство. Вышло так, что на севере стран, население было в основном германское. Голландцы и фризы. На юге преобладали потомки галлов и римлян — валлоны и фламандцы.

Особым талантом нидерландцев, как выразился французский историк Ипполит Тен, считается умение… без скуки делать самые скучные вещи. О них говорят: глубоко

равнодушны к выходным и праздникам и безраздельно преданы повседневности. Индифферентные, в общем-то, к тонкостям возвышенной поэзии, они трепетно чтили такую прозу, как добротное, чистое, уютное жилище, наследственный очаг, простую вкусную и полезную еду. Среднестатистический нидерландец смотрит на мир, как на дом, в котором он должен поддерживать комфорт и порядок.

Ну, и кто ж из вас не слышал про Улена Шпигеля. Тиль! Всемирно известный бродяга, плут и балагур родился в еще в 14-м веке во фламандском и немецком фольклоре. Носитель астрономического числа шуток-прибауток-анекдотов, персонаж этот раз и навсегда стал таким же популярным в Европе, как Ходжа Насреддин в Азии и поручик Ржевский в российском мире. В немецкой Народной книге он появился еще в 1510 году («Занимательное сочинение о плуте Тиле, родившимся в земле Брауншвейгской»). Литературоведы относят это к виду раннего комического эпоса. И стал кочевать преподобный Тиль по всем языкам и экранам. И даже дал название знаменитому послевоенному европейскому журналу «Уленшпигель». Что характерно, по сей день это переводится по-разному. Например: «ваше зеркало», «обратная сторона зеркала», «зеркало наоборот» и даже, пардон «протри свой зад».Некоторые переводят это название ещё грубее…

- Впрочем, метод исследования выбирайте сами. Последуйте, если угодно, примеру Бориса Акунина и «замахнитесь» если не на Уильяма, нашего, Шекспира, то на «Русского в Голландии». Да, господин Акунин написал учебник по беллетристике, а в нём показал, как создавал произведение «Русский в Англии». Никто не мешает вам поучиться у великих-успешных и проторить дорогу в нужном ВАМ направлении.

  Какие знаменитые русские люди жили в Голландии? Обратите внимание на несколько персонажей. Не торопитесь, познакомьтесь с ними. И в конце выберите именно ту историческую личность, которая Вам больше нравится. Может, это — князь Голицын, тайный советник, дипломат, посол Российской империи в Нидерландах. Как вам такой прототип?

- А тем, кто имеет особую тягу к криминалистике, рекомендуем обратить внимание на прелюбопытнейший факт: *в Нидерландах нет преступности.* Совсем. Там даже тюрьмы государственные с 1990-го года закрываются и сдаются соседним странам в аренду (в частности, Швеции и Норвегии). А те, что не сдаются, превращаются в музеи, кинотеатры, школы (!) или развлекательные комплексы. *Вот как такое возможно?* Неужели и правда в этой стране преступности нет? И там её каким-то неведомым способом победили? В отличие, к слову, от Сицилии, где ситуация — крайне противоположная. Что подтвердил наш тест: когда мы говорим «Сицилия» — практически первой на ум приходит «мафия». Да, юг Италии — это логово преступного мира, причём эдакого особенного: с оттенками исторической гордости, понятиями чести и справедливости. Но не будем подталкивать читателя к идеализации этой сферы. Преступность есть преступность. Тем не менее, Нидерланды — противоположность преступному югу Италии, поскольку здесь криминальный элемент отсутствует. Ставит ли сие под сомнение старинную максиму — «Пока существует государство, существует и преступность»? Как думаете? Во всяком случае, Голландия-Нидерланды как-то нарушили этот закон.

Почему? Зачем? Как так вышло?

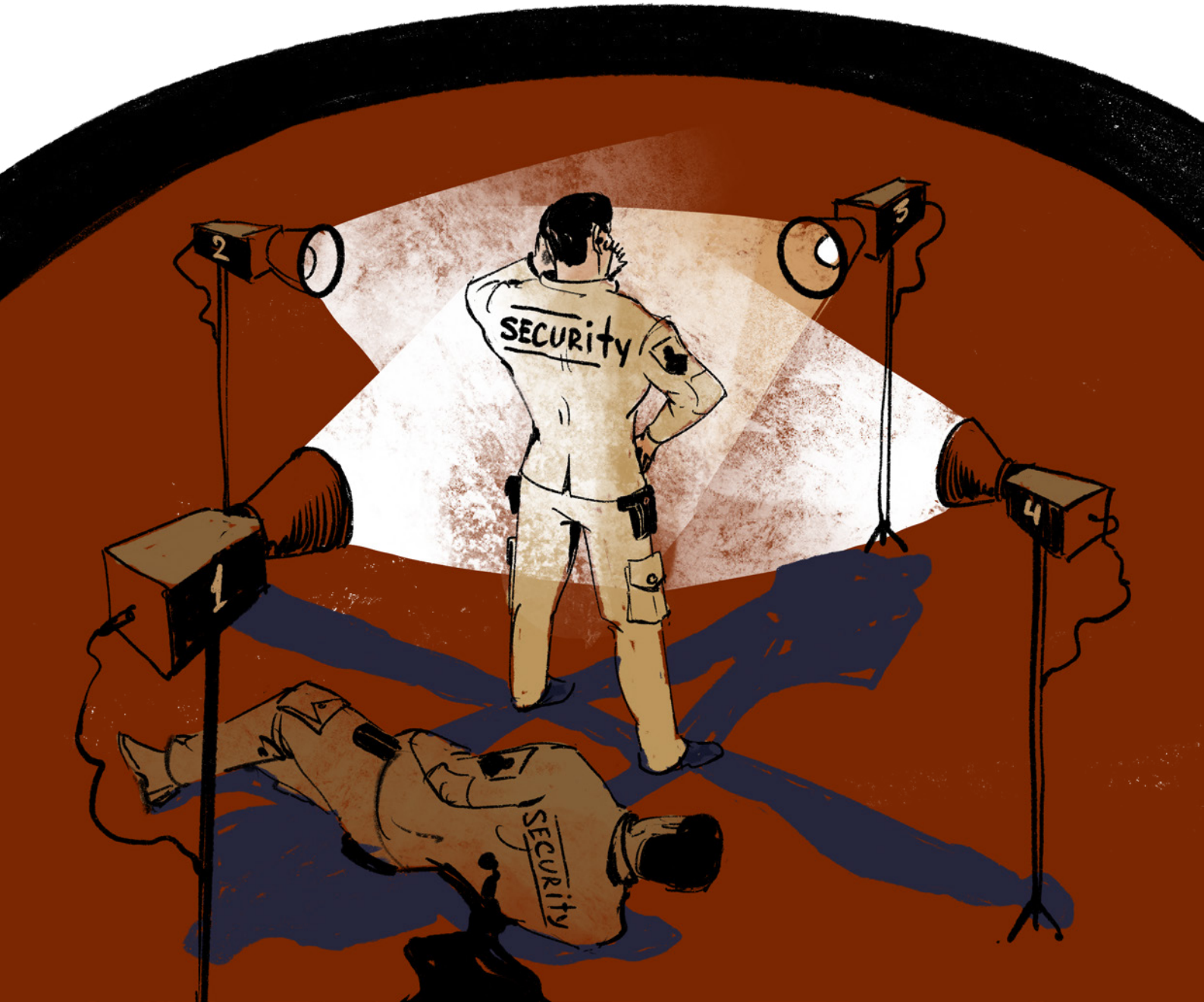
Безусловно, ответы на озвученные вопросы не лежат на поверхности. Но поверьте, от вас пока и не ждут строго продуманных ответов а ля абсолют. Ищите то великое, выдающееся, невероятное, что **вас лично** может заинтересовать. Пусть это будет событие, явление, феномен, яркая личность. Даже полузабытая в анналах истории дисциплина, школа или учение. Если на начальном этапе вопрос выбора кажется сложным — повторюсь: просто сотворите антипод уже предложенному концептуальному сицилийскому сценарию. Не хотите так — действуйте иначе; главное, опробуйте метод. Берите акваланг, смело погружайтесь в историю, наблюдайте в её пучинах за тамошними жителями и событиями, выбирайте яркий прототип на своё усмотрение и применяйте метод АНТИ. Пробуйте вариации, стройте гипотезы и предположения, развивайте концептуальные идеи и никогда не останавливайтесь на пути концептуализации. *Ведь дорога начинается с первого шага. И как говорится, осилит её — идущий.*

8 МЕТОД СМЕЩЕНИЯ

Угол зрения или взгляд и возможность его смещения – ключевая способность человека, во многом определяющая его успешность и результативность.

На этот раз заседание наше откроем предложением — вам: *снять фильм на злободневную бизнес-тему.* И не забавы ради, а на полнейшем серьезе. Ну, так чтобы уже сразу после премьеры клиенты толкались в километровой очереди, приставали к спекулянтам — нет ли лишнего билетика на следующие сеансы. И в результате ваш бизнес совершил квантовый скачок. Интересное предложение, не так ли? Видим-видим по глазам вашим — интересно. Пожалуй, обойдемся без прений и голосования. И начнем по порядку: с литературы.

В отношении кино даже самые лютые ненавистники Ленина были с ним согласны — таки-да важнейшее из всех искусств. Но оно в основе своей (как и любое зрелищное искусство) начинается с писателя. Сценарий! Или хотя бы сценарная заявка, сценарный план. А все это — литературные жанры. А их разработка и воплощение невозможны без хорошей нашей знакомой — концепции.

С учетом специфики заявленной в голове темы, давайте познакомимся с методом создания концепций, именуемым **«Метод смещения угла зрения»**. Как говорит Шеф, один из главных ключей, позволяющих почти всегда и всюду добиваться задуманного, позвякивает среди других на колечке способностей человека смещать угол зрения. Золотое это колечко может оказаться и корнем зла или корнем причинности всякого рода фатальных последствий. К примеру — таких, как дилетантизм, крах, банкротство, забвение. Даже смерть.

Разберемся: как это работает? Внимательно всмотримся в два крайне любопытных примера. После чего на их основе озвучим несколько концепций.

ИТАК, ПРИМЕР ПЕРВЫЙ:

для него выберем человека некоего, занятого любимым делом или делающего таковой вид. От далекого прошлого, породившего сферу телохранителей, как говорит Шеф — 21-му веку достался не поддающийся учету приплод этих самых телохранителей.

Может быть, нечто подобное было и у главы рода в пещере. Истории известны телохранители всех двенадцати римских цезарей. У Чингисхана было такое же. Наверняка какой-то костолом отвечал, вероятно, за тело Вещего Олега. И его коня. Ну, и так далее, и тому подобное. У вождей в 20-м веке их было множество. Хотя признаться, в разных обстоятельствах охрана тела вела себя по-разному. И разные роли, в конце концов, сыграли в судьбах охраняемых ими тел. В частности, телохранители такого абсолюта, как Нерон, не спасли императора даже от него самого: зарезался. Что толковать об охране фюрера.

Если прямо смотреть на вещи, сегодня телохранитель очень нередко — не профессия, но… преступление перед человечеством. Впрочем, стоп: к этому мы еще вернемся. А пока: что это такое — телохранитель. Ну, в широком смысле, хранитель тела — тот, кто тело охраняет. С этой точки зрения почти все мы — телохранители. У каждого — тело. И практически в каждом — мощнейший инстинкт самосохранения. За исключением, кажется мазохистов. Мы же в данном случае имеем в виду собственно телохранителя — то есть

специалиста по охране того или иного землянина. И потому при этом слове воображение обычно являет рослых, сильных парней, с суровыми скуластыми лицами, со сломанными ушами и силиконовыми гарнитурами; само собой — белоснежные рубашки, черные костюмы, оттопыривающиеся на поясе и пояснице. Вот работенка!

Что целый день делает существо по имени «Телохранитель»? Да не смутит вас, читатель дорогой, термин «существо». Один наш знакомый эксперт, который более двадцати лет охранял тела первых лиц государства, нынешних телохранителей называет отдельным видом млекопитающих. То есть, таким, которого вы не найдете в зоологическом толковом словаре Брема «Мир животных». А сомневаться в компетентности этого знакомого эксперта не приходится.

Итак, каков рабочий день этого существа? Впрочем, речь чаще всего идет о сутках. Что-то вроде буддистского дзэна, в котором вполне достаточно назваться кем-то эдаким. И больше можно ничего не делать. Назвался телохранителем, определил тебя как хранитель тела — и все. Гордись профессией. А… есть чем гордиться? А как же: спецодежда, спецпитание, специнструменты. Спецромантика. Не говоря уже о спецзарплате. Тем не менее можем ли мы обойти в нашем сценарии инциденты, когда телохранители не только чье-то тело, даже своего защитить не смогли. Нам известен один такой, впечатлительный, который как-то испугался простого финского ножа. Да и пуля — не всегда такая уж дура.

Научно-технический прогресс, конечно, работает на охрану тела. Но работает он и наоборот — на тех, для кого это тело видится через прорезь прицела — на вершине мушки и под обрез мишени. Или в перекрестии прицела. Иным телохранителям и в голову не приходит возможная атака на их нанимателя, скажем, с дрона. Или что по его душу уже засел где-то снайпер. Одну крупную политическую фигуру с одной единственной слабостью — обожал шоколадные конфеты — террорист изъял из оборота миной в конфетной коробке. Реестр подобных примеров весьма обширен; сэкономим время. Разумеется, профессионал этого цеха многое должен уметь и знать, должен от природы и тренинга обладать скоростной реакцией и таким же рефлексом мышления. Обширным опытом поведенческих локомоций в ситуациях, которые хоть как-то можно предвидеть. И в других — непредвиденных. Для него важны сила и силовая выносливость, хладнокровие. Разумная смелость. Четкая ориентировка в пространстве и времени.

Преподают ли где-либо эти предметы? Можно сказать, часто предлагаются другие, которые можно поделить на три категории.

Категория № 1- как проще и быстрее оказаться на тюремной параше через скамью подсудимых. Нет, кроме шуток: разнообразная динамичная деятельность типа стрельбы, метания и мордобоя нередко кончалась местами, не столь отдаленными. Дело усложняется не только личными качествами телохранителей и их недостатками, а еще и известным «совершенством» наших УК и УПК. Ведь сказано ясно: стрелять в людей нельзя, ранить их нельзя, калечить их нельзя. Убивать, само собой тоже нельзя. Даже если речь идет о самозащите, всегда на страже оговорка «превы-

шение необходимой обороны». С этой точки зрения занятия по огневой подготовке и владению холодным оружием, боевыми искусствами вообще — прямая дорога в казенный дом.

Стоит ли вообще браться за телохранительство? Зачем канать на кичу таким замысловатым путем?

Вторая категория предметов и дисциплин в нынешних школах телохранителей — знаменательное отупение будущих защитников. Речь — о неких тактических схемах, которые телохранители должны использовать для безопасности и персональной защиты. Например, «пулеулавливатель» должен обладать особым чутьем. То есть? Нюх как у собаки, а глаз как у орла? Кажется, этого не знают ни те, кто преподает, ни те, кто учится. Порой впечатление такое, что эта система преподавания из клоунов вульгарных создает клоунов феноменальных. Если первая категория на деле учит тому, как побыстрее приобщиться к заключенным, то вторая наставляет на путь к быстрой смерти. Герой «Белого солнца в пустыне» красноармеец товарищ Сухов при альтернативе помереть или помучиться выбрал сразу: «Желательно, конечно, помучиться». Сегодня кандидаты в телохранители из двух этих зол почему-то выбирают большее.

А третий тип или третья категория преподаваемых дисциплин нацелены на обеспечение многоразового использования телохранителей. В наше время это млекопитающее нередко думают и о своём здоровье, и, в случае чего, о его восстановлении. И в клубе биологической кройки и шитья (хирургия и вообще медицина) могут попытаться реабилитировать телохранителя, пострадавшего при исполнении…

Неспроста в эту программу обучения входят занятия по оказанию первой помощи. Так и говорится: всякое может быть, всякое и бывает — и с охраняемым, и с охранителем. Объективно, это, конечно же, очень важно, но цель подобных медицинских знаний-умений изначально была совершенно другой: чтобы даже в результате короткого огневого столкновения в городе люди остались живы. В большом, настоящем бою (где работают винтовки, автоматы, пулемёты, гранаты, артснаряды,

мины и прочие изобретения прогрессивного человечества), ранения, ожоги, контузии неизбежны. И потому важна готовность оказать потерпевшим скорую квалифицированную помощь. Вот и наблюдается тенденция — особое млекопитающее можно в использовании сделать многоразовым. Раз — подстрелили, как зайца; два — ему помогли выздороветь; три — всё, можно опять стрелять.

В результате — что же выходит? Не телохранитель-профессионал, а такой себе трагикомедийный персонаж. В принципе, можно написать яркую комедию на тему «как я был телохранителем». Такие потуги уже имеются в кино. Но — кому нравится эта идея — вперёд, не стесняйтесь реализовывать.

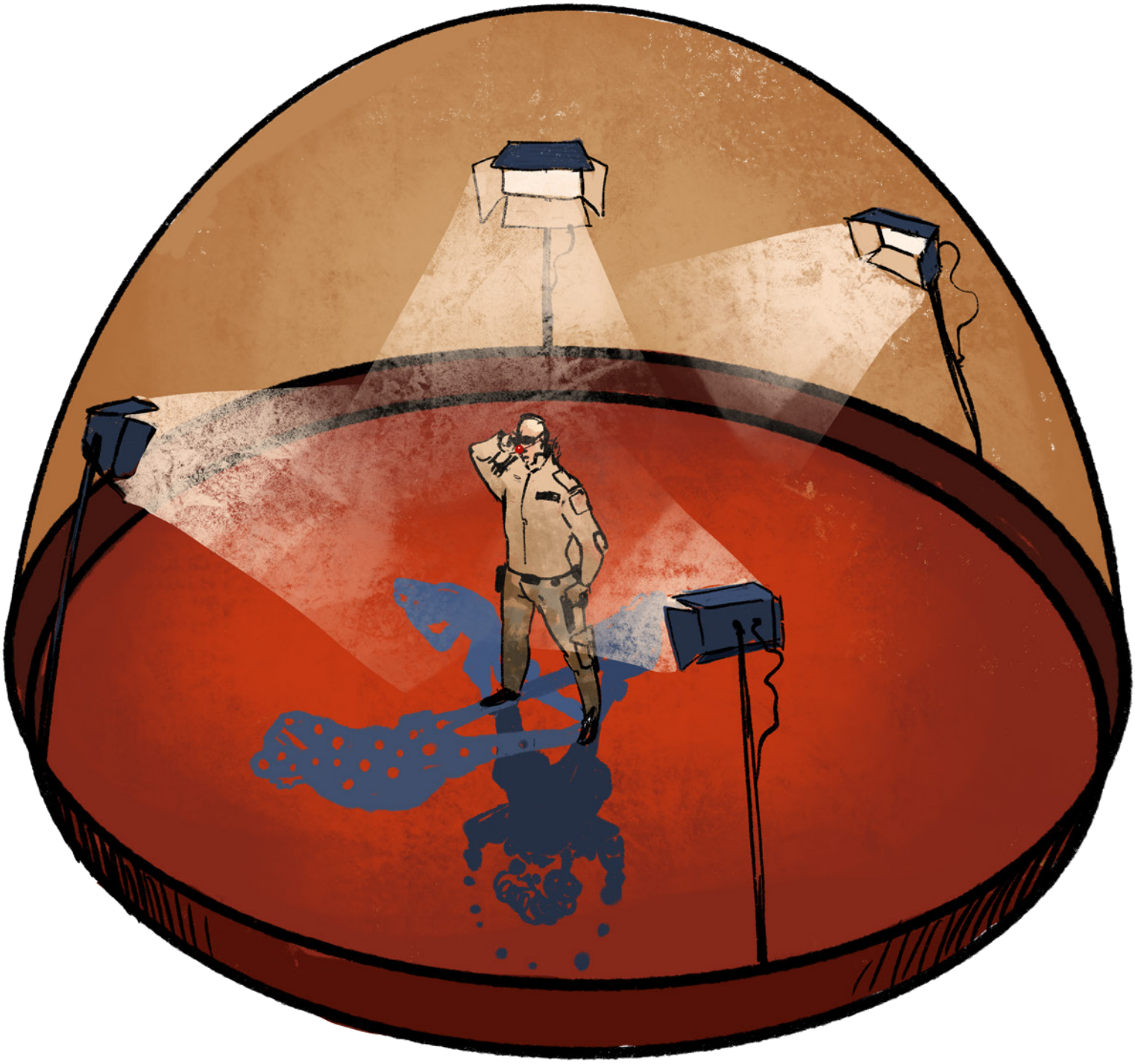
И всё же, зачем мы ставим эксперименты и исследуем — кто такой «телохранитель»? Мимолётный взгляд на человека-пулеулавливателя говорит о том, что перед нами — комедиант. Безопасность — прежде всего наука. Наука древняя и всегда современная. И весьма сложная, сродни высшей математики. Этой науке долго обучаются. Очень долго. А тот, кто действительно познал плод с её древа и вправду научился делу — сидит с закрытым ртом и никак происходящее не комментирует.

Почему? Дело в том, что любые попытки раскрыть факты, рассказать о том, как в действительности обстоят дела в обеспечении безопасности, вызывают истерический диссонанс необъятной массы лицедеев. Да-да, тех самых особых млекопитающих, прошедших «специальную подготовку» в школе комедиантов.

Собственно, в чём главный вывод и главная принеприятнейшая тайна? Скажем так: телохранителей (или — как вы их привыкли воспринимать) не существует в природе. Есть лицедеи и клоуны, облачившиеся в черно-белые «телохранительские» костюмы. И не более того. Ведь ясно: если работа эта не опасна, она попросту не нужна. А если опасна, и опасна смертельно — представляете себе, какую психологию, какую философию, какие твёрдые убеждениями нужно иметь, чтобы быть всечасно готовыми умереть за другого человека? Вопрос, как говорится, со звёздочкой, запишем его на всякий случай.

То есть первый же вопрос «абитуриенту» или будущему телохранителю «Почему ты хочешь и готов погибнуть вместо кого-то?», естественно вызывает страшный ступор. Есть, к слову, вариации подобного отрезвляющего посыла, например, вопросы: «А кому отдать деньги, если тебя покалечат? Или вообще — убьют? Жене, маме, детям? Кому?». Да тут одни слова о путешествии к праотцам вызывают нервную дрожь, нездоровую тревогу, тремор и мысли типа «Оно мине нада?». К потенциальному пулеулавливателю в 21-м веке даже мысль не приходит о том, что его могут убить. О чём же думают эти существа? О том, как на пятой точке в тёплом помещении, с ароматным кофе и прекрасными булочками наслаждаться жизнью? Они не думают о профессиональной деятельности и её вызовах или требованиях. Мыслей о спасении или защите ВИП-лица или оценке степени угрозы, мыслей нет и в помине.

Опять-таки, мы нисколько не отвлеклись от заданной в главе темы. **Напомним, она посвящена не телохранителям, а методу концептуализации «Смещение угла зрения». Стоило нам сместить угол наблюдения с чёрно-белых костюмов и воронёных стволов к подходам и методикам подготовки особых товарищей, как пред нами предстал совершенно иной персонаж. Обёртка модная, как у телохранителя с кино-обложки. А нутро? Нутро комедианта, клоуна, а по сути, сотрудника цирка.**

ПРИШЛА ПОРА ПЕРЕХОДИТЬ КО ВТОРОМУ ПРИМЕРУ.

Поговорили о телохранителях — пора переходить к тем, кто цирк этот заказывает и организует. Как выглядит бизнесмен, нанимающий личную охрану? Как плохой хозяин цирка. Он просто не понимает, что к чему. И не разбирается в том, что безопасность — не равна бизнесу. Иными словами, если человек разбирается в бизнесе, он скорее всего не разбирается в безопасности. **В чём же соль, почему бизнесмен в безопасности не разбирается? Из-за смещения угла зрения. Ему как директору, как капитану судна, нужно уметь переключать-менять угол зрения. Переключаться с менеджмента на безопасность.** К сожалению, этому сегодня тоже нигде не учат и даже не заикаются.

У бизнесмена 21-го века, как правило, нет навыка, позволяющего смещать угол зрения. И тому доказательств — череда успешных и удачных покушений. Богатое и насыщенное полотно кровавой и фатальной истории жанра.

Проанализируем любое историческое покушение. Выберем классический пример, минуя убийство президента Джона Кеннеди в техасском Далласе или покушение на товарища Ленина на заводе Михельсона. Или возьмём не менее яркий пример: касается человека весьма знаменитого и, пожалуй, заслуживающего определенное внимание. Этот герой — Лев Давидович Троцкий. Известно ли вам, как убивали его? Если коротко, то ледорубом — по голове, прямо в личном кабинете. Сработал некий «художник», на деле — офицер испанской (республиканской) армии, комиссар бригады на гражданской войне. Коммунист. Он как бы случайно познакомился с красивой девушкой — секретарем Троцкого. Настойчиво ухаживал за ней. И по всей видимости — имел серьезные намерения. Она и привела за руку жениха в дом, где личной охраны Наркомвоена и предреввоенсовета Республики Труда в изгнании имелось — не менее 20-ти человек в одну смену. Звали этого милого молодого человека Рамон Меркадер.

За год знакомства и общения с Троцким, Меркадер зарекомендовал себя как убеждённый его последователь, в общем-то единомышленник. И небездарный публицист. Рамон сблизился с Троцким: прогуливались, обедали и ужинали. Беседовали. Бывало, спорили. И однажды, когда основоположник Четвёртого Интернационала вчитался в очередную рукопись Рамона, он с размаху опустил на буйную голову Троцкого ледоруб. И не стало Троцкого. Вот тут-то охрана и включилась в дело — избили милого Рамона, буквально как собаку. Так что телохранители отвели душу.

Остальное к нашему вопросу отношения не имеет, хотя и интересно само по себе. Ведь это было не первым покушением на Троцкого. И что же? Предыдущие мало насторожили охрану и администрацию. Меркадера осудили на двадцать лет. Отси-

дел от звонка до звонка. А затем, вернувшись в СССР, был награжден «Золотой звездой» Героя Советского Союза и Орденом Ленина. Трудоустроился в Высшей Школе Госбезопасности СССР — преподавал, как вы сами понимаете, не основы медпомощи пострадавшим телохранителям. Похоронен сей герой Советского Союза под русской фамилией на Ваганьковском кладбище. А всё стало возможным благодаря маленькой детали — никто из охраны Троцкого (да и сам Лев Давидович) не умели смещать угол зрения.

В сущности, СССР продемонстрировал: на деле никто, даже великие, даже с многочисленной боевой преданной охраной не гарантированы от таких недетских неожиданностей. Говорят, это — сталинский урок. Правда, не вполне ясно, что в этом плане о себе думал товарищ Сталин, с младых ногтей по гроб жизни ходивший по такой проволоке. Но известно, что покушения на него проваливались. И, опять-таки, эти размышления простираются уже за пределы вопроса нашей повестки…

Что не так с бизнесменом? Он привык к инстинктивному стремлению иметь дело со значительными фигурами. Мы, конечно, тут говорим не о табачной лавочке и подвальчике по ремонту обуви. Речь о… Бизнесе! Который звучит средне или гордо. Значимые люди — это ключевой параметр успеха. Считается, что чем больше вокруг вас значимых людей, тем больше у вас возможностей. Соответственно, если вы умеете эти возможности реализовывать, тем более крупных успехов вы добиваетесь. А тема, связанная с обеспечением безопасности бизнеса и деловых кругов нередко воспринимается как страшная сказка на ночь для детей дошкольного возраста.

Для многих доморощенных бизнесменов современной формации «безопасность» — как невероятный роман, в котором, персонажи второго плана, а то и вовсе «кушать подано», играют заглавные роли. Это и раскрывает смещение угла зрения. Троцкого убил обыкновенный человек, Средний, в общем-то. Не какой-то гигант мысли, не Эйнштейн, не гений. Лично о нём и не знаешь что сказать. Тем более, по сей день в истории этого зверства тоже немало белых пятен.

Когда-то наш коллега, журналист Борис Полевой написал «Повесть о настоящем человеке». Книженция эта прославила автора ещё до того, как была экранизирована. Такой литподвиг был обречён на победу: герой повести, пилот-истребитель остался, можно сказать, без ног. И довоевал до Победы по специальности, посбивал кучу асов люфтваффе. Ярко? Конечно. Героично? Ясно, как день. Сталинская премия первой степени! А вот о Викторе Ивановиче Ильине ни Борис Полевой, ни его одарённые коллеги не написали ни строчки. Ну, да — не писать же «Повесть об обыкновенном человеке»! Вспомним ещё одну

историю об обыкновенном человеке. Тусклый, серый. Пресный, постный. Никто и звали его Никак. Выдающийся только тем, что — ничем не выдающийся. А вот однажды взял, и… пальнул из пистолета в самого Леонида Ильича. Да-да, в Брежнева. Могущественнейшего Генерального секретаря ЦК КПСС. Вернее, хотел в него, но стрелял по ошибке в другого. Жарил, как в кино — с двух рук, два магазина опорожнил. Убил сдуру да сослепу одного водителя, ранил космонавта (это проплывал правительственный кортеж в связи с очередным штурмом космоса). Ну-с? И как ему это удалось, не вызвав никакого сопротивления у личной охраны первого лица государства — до сих пор кажется чем-то мистическим. Если не знать о методе смещения угла зрения.

Не поддаваясь желанию мистифицировать, осмыслим ситуацию критически. Личная охрана Брежнева, на тот момент — служба безопасности генерального секретаря ЦК партии насчитывала три тысячи человек. Три тысячи! У руля Комитета государственной безопасности стоял самый выдающийся, самый дальновидный и дотошный субъект за всю историю департамента. Упрекнуть Андропова в непрофессионализме невозможно. Собаку съел. И однако же Виктор Ильин, младший лейтенант Советской армии, 22 января 1969 года прямо у Кремля, не вызвав ни вопросов, ни подозрений, за 6 секунд расстрелял лобовое стекло правительственного автомобиля. Генсек, правда, ехал в другой машине, в этой — космонавты. Ошибочка вышла…

Тем не менее, как же, что же произошло? Человечек, не прошедший никакой специальной подготовки, никогда в жизни не засветившийся как диссидент, как оппозиционер и, тем паче — террорист… добыл два пистолета Макарова? Два полностью снаряженных магазина. И вышел к Боровицким воротам Кремля в момент высочайшего кортежа. Как это, как это, как это?

Как потом выяснилось, видели его все. Даже не подумали, что он мог что-то прятать в рукавах шинели. В итоге, за пару секунд Ильин всадил в машину 16 пуль. Любопытнейший факт: самая мощная система безопасности в мире впервые дала сбой. Причём — на ровном месте. Однако, несмотря на всю невероятную абсурдность потенциальной опасности (мол, кто посмеет поднять руку на Брежнева), сам факт возможности реализации подобного сценария самым простым и немыслимым способом представляет феноменальность. Феноменальная простота, на которую никак не обращали внимание даже самые высоко подготовленные эксперты. Почему? Как раз таки ввиду неспособности смещать фокус внимания.

То есть, ни один современный бизнесмен опасности не видит, а то, что он считает опасностью, на самом деле опасностью не является. Иными словами, приведенный пример показывает: вот концепция, которая раскрывает причины психологической подверженности к неспособности смещать так называемый «угол зрения». По сути, если само явление «не могу смещать точку зрения» представить в виде психологического повреждения (или заболевания), то неспособность людей в бизнесе могла бы стать отдельной ключевой концепцией самого желанного и ожидаемого фильма о безопасности в 21-м веке.

Заболевания и психологические повреждения уровня «не могу посмотреть на происходящее с разных сторон» наблюдаются у всех бизнесменов без исключения. Они больны одним и тем же заболеванием: фиксацией в зрении. **Если вы попросите продемонстрировать происходящее на модели, достаточно взять фотоаппарат и покрутить видоискатель. Так, у одного человека в видоискателе будет отображаться совершенно чёткая картинка, а у другого, со зрением похуже, картинка станет расплываться. И ему придется подкручивать видоискатель, меняя настройки конкретно для своего зрения, чтобы изображение стало чётким.**

А теперь модель перенесём на наш дискурс о безопасности: что касается бизнесмена, он просто не может в своём разуме крутить этот механизм фокусировки на разных объектах и композициях; как мы крутим видоискатель на фотоаппарате, у него такой кнопки просто нет. Соответственно, у предпринимателя без «видоискателя» относительно безопасности всегда будет расплывчатая, мутная картинка, а относительно зарабатывания денег себе любимому — картинка избирательно чёткая. Поэтому, зная, что бизнесмен не способен обращать внимание на те же угрозы, изменения среды и «социальный фактор», в принципе, с таким предпринимателем, руководителем и супер-топ-менеджером можно делать всё что угодно.

Начальник службы безопасности мало чем отличается от своего нанимателя-бизнесмена. Называя категории своими именами, нередко начальник СБ — настоящий дилетант и даже просто — придурок, который ни в чем не разбирается, не имеет представления о происходящем за порогом его кругозора. Более того, сегодня нельзя не принимать во внимание и такой фактор как «интеллектуальный барьер». Что это значит? Даже эрудированный человек, не принимающий на веру всё подряд, старающийся фильтровать множественные информационные потоки, даже разбирающийся в каких-то ключевых категориях, сегодня является «экспертом из прошлого». Понимаете ли, все новшества и ноу-хау, которые буквально обрушились на наши головы в век «нанотехнологий», все изобретения и инновации (от дронов и заканчивая, так сказать, компьютерными системами) — для «выходцев из СССР» или из 90-х — сродни абракадабре и нечитаемой древней арабской вязи. Даже если так называемый эксперт разбирается в самой системе безопасности, он многих вещей не понимает в информационно-технологической среде только потому, что его возраст — 60 лет и более. Шеф говорит: «…Он вырос в другую эпоху, вырос в других обстоятельствах. И когда я работал ещё каких-то 20 лет назад, когда меня приглашали преподавать в Академии безопасности, когда мои воспитанники — Алексей Евтушенко, Валентина Данилёва, Алиса Новосёлова, Дмитрий Паустовский и другие — только становились на экспертный путь… что же, тогда была одна обстановка и одни угрозы. Сейчас прошло более 15-ти лет; разумеется, всё поменялось»…

Впрочем, все ли поменялось? И на этот счет у разных лиц, интересующихся вопросом, разные мнения. Есть и такое: то, что по первой природе неизменно, таковым и осталось. Во всяком случае пока. Видимо, сам человек явился не запылился в природу Земли несколько позже ее самой. Так сказать, на готовенькое. А когда этого ему стало маловато, изрёк устами Базарова: «Природа — не храм, а мастер-

ская. И человек в ней — работник!». И засучил рукава. А позже добавил тембром Мичурина в кладезь премудростей: «Мы не можем ждать милости у природы. Взять их у неё — наша задача». И взял. И берёт.

Слава Богу, его художества еще не все в природе изменили. Хотя, кое-что ему удалось. Совершенно очевидно — и нам уже приходилось об этом размышлять — технологически поменялось очень многое. И в деталях, и в принципе. Не вникая в эти перемены и не меняясь вместе с ними, современник ощущает известный дискомфорт. И естественно желает от него уйти. Но если он в течение хотя бы последних трех-четырех пятилеток не шел, как говорится, в ногу со временем, всерьез не учился переменам, даже обращение к так называемым модным экспертам, как говорят на Полтавщине,— «марнотратство» (т.е. *расточительство*).

Нет-нет, читатель дорогой, о присутствующих мы не говорим. Но есть, в нашем не в меру бурном веке достаточно таких землян — даже в крупных городах, университетских центрах. Оно странновато, конечно; еще за *тыщи* лет до Христа люди догадывались о постоянно-переменчивой природе вещей. Старик Гераклит из Эфеса это усвоил где-то между 554–483 гг. до н.э. (!). И категорически утверждал (и нам завещал): нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Он, иже с ним, были диалектиками и понимали: река, в том числе река жизни, не только течет, движется — на всех уровнях меняются вещества, из которых она создана. Как и все сущее. Так что заметим, (не все же всерьез), Василий Павлович Соловьёв-Седой и Дмитрий Александрович Хворостовский, сочиняя знаменитые свои «Пааадмоскоооовные веееечееера», скорее всего и сами не заметили, как на всю страну выступили воинствующими диалектиками, хотя и колеблющимися, не последовательными. Помните — «…рееечка двиииижется и неее двиииижется…».

Казалось бы, и Гераклита, и даже «Подмосковных вечеров» вполне достаточно для нашего восприятия всего сущего в режиме непрерывных перемен. А поди ж ты, значительная часть Хомо Вульгарис — убеждейнейшие метафизики. Что-то увидев, что-то услышав, что-то (как им показалось) усвоив, воспринимают все это по принципу раз и навсегда. Или — от сих до сих. А остальное — от лукавого. Не она ли, та самая традиционная психологическая метафизика, приводит даже способных и относительно не глупых людей к тупику, именуемому некомпетентностью. Или к недостаточной степени компетентности — что, в сущности, одно и тоже.

Во всяком случае, в таких сферах как наука, техника, литература (в том числе журналистика), искусство, и конечно же бизнес, любое отставание от жизни для дела смертельно опасно. Если, конечно, эту болезнь запустить. Но тогда уже обращение к нынешним модным экспертам менее эффективно, чем мертвому припарки. Усвоим, наконец, (и уж это даже для присяжных диалектиков — раз и навсегда!), ключевым параметром в современной сфере безопасности является уже хорошо знакомый вам «угол зрения» и последующее «смещение угла» — важнейший и полезнейший метод концептуализации. Отсутствие этого, нежелание и неспособность овладеть этим инструментом обрекают индивида почти на неизбежную встречу лицом к лицу с самой нежелательной мадамой — Опасностью.

Почему? Причин тому много, хотя достаточно той, о которой толковалось в предыдущих главах и в стихах Маяковского — «Для веселья планета наша мало оборудована…». Жизнь во всей совокупности известных и пока еще неизвестных ее элементов в основе своей материальна. Материя сия — разной степени сложности, примитивно-материальна и сложно-материальна, высокомолекулярна, высокоатомарна, но все едино: материя. С другой стороны и согласно гимназическому курсу физики, материя не растягивается и не сжимается — ее можно делить. На не такой уж богатой, как кажется, Земле — материя, лежащая в основе жизнедеятельности общества потребления и каждого потребителя в отдельности, также постоянно делится. То есть делится между землянами и их гоп-компаниями. Собственно говоря, всю историю животного мира, а человеческого сообщества — в особенности, можно представить в виде такой непрерывной дележки. Не она ли породила преступность и войны? Чаще всего, делить с целью получения необходимого тихо-мирно не удавалось. В сфере криминала это выработалось в традицию тайного присвоения чужой собственности (кража) и насильственного отъема чужой собственности (ограбление) — во всевозможных специализациях. В экономике и политике (просим не путать с политиканством) это явление порождает в мире почти непрерывную напряженность, гонку вооружений с огромной нагрузкой на бюджет и непроизводительными расходами. И войны. Каковые есть, по мнению ряда специалистов, не что иное, как продолжение политики именно насильственными методами. Так, по крайности, считал незабвенный Клаузевиц. Не забыть бы при этой смете еще один тезис, принадлежащий известному с конца 90-х годов 20-го века и, в общем-то, до наших дней (правда, прославился он всемирно на ином поприще) — Ленину, был такой: «Политика — концентрированное выражение экономики. Эта формула доказана временем. Главная задача любого правительства — создание развитой экономики. Без нее оно не сможет удержать власть. Что такое политика? Это область действия между государствами, народами, классами, социальными группами. Экономические отношения в любой из этих сфер являются основополагающими». Опять-таки, в отличии от политиканской абракадабры.

Сей ответ на вопрос (напомним) — почему многие земляне встречаются с опасностью — показался, может быть, вам несколько затянувшимся и усложненным. На самом деле он еще сложнее и обширнее. И уж наше с вами сообщество неслучайно; его добровольным участникам боятся объемов и сложностей как-то неприлично. Так что, возможно, к другим деталям и узлам механизмов встреч с опасностями мы еще вернемся. Пока же важность темы и идеи прежде всего в том, что во многих случаях эта самая опасность внезапна. А стало быть, исключительно важны, в этом смысле, ее прогнозирование и готовность к встрече. Ибо, согласно вышеизложенного постулата о материальности основы всего сущего и деление материи между потребителями, всегда найдутся тот, та или те, кто (даже не из-за каприза — из-за насущной потребности) возжелают вашего. И попытаются удовлетвориться за ваш счет. Или, точнее говоря, за счет того, что вы считаете *своим*.

Настоятельно рекомендуем вчитаться в книгу О. В. Мальцева «Качающаяся сцена» и изучить результаты журналистского расследования того, как заинтересованные

личности, кажется, без особых усилий отняли у самого Майка Тайсона (Железный Майк) ни много ни мало — 1000 000000 долларов (прописью: один миллиард). Заметим: притом — никаких грубостей, никакой костоломки, никаких перестрелок и прочих ингредиентов американского вестерна. А совершенно по спокухе. Стараниями самых дорогих и близких за несколько лет красивая эта сумма потихоньку-полегоньку перекочевала со счетов Первой Перчатки на совсем иные счета. Да мало сказать… понесшему утрату можно было бы найти утешение в пошлой поговорке «бедность не порок». Так еще и сам Тайсон из величайшего супертяжа перешел в другую весовую категорию — уголовного преступника и вроде как насильника. В общем чуть ли не постригся в монахи — снимается в рекламных роликах и торгует марихуаной.

Приведя подобное, Шеф сказал: **«Так, приблизительно, выглядит подготовка к концептуализации методом смещения. Мы сосредоточились на причинах неприятностей и серьезных опасностей, более всего поджидающих бизнесменов. Процесс деления материи между отдельными людьми и их объединениями, хоть и в реальности протекает и в разных режимах — законно и противозаконно, тайно и открыто-насильственно,— в конечном счете (и согласно все тому же закону сохранения материи) встречи с тревогой и опасностью делают неизбежными. А если это верно, может ли трезвый человек не готовиться к таким встречам? И что думает на сей счет высокое наше собрание? Авторы, соавторы, читатели, коллеги — что скажете?».**

Из выступлений в прениях:

– Сказанное совпадает и с нашим опытом. Да, хоть и не все, но очень многие крестятся только тогда, когда грянул гром. Вероятно, причина — которой мы уже касались: фиксация на куцем личном опыте. Да и он сплошь и рядом не глубоко проанализирован и усвоен, не говоря уже о предрассудках — в нашем варианте просто губительных. Ибо в серьезных делах ничего не может идти перед рассудком. Известно (кому известно, конечно), есть такое понятие и обозначаемое им явление: агрессивная среда.

– Позвольте дополнить! Между прочим, терминологический оборот сугубо научен. К примеру, как в известной песенке: «А просто — летний дождь прошел, Нормальный летний дождь…». А оказывается — дождик-то кислотный. И прохожие оказались в этой самой агрессивной среде. Кислотный компонент… он ведь… того… разъедает. Или вот: айда купаться. Бултых! А бактерицидный уровень в водоеме намного выше допустимого. И поплавали с удовольствием в агрессивной среде.

– Есть ещё желающие высказаться?

– Есть! Есть такие! Ну, это — природа. И круговорот в ней вещей. Хотя, известные службы должны сигнализировать. А вот что касается живой среды. Разве она менее агрессивна? Туристы в джунглях. Или в пустыне. В горах. Прогулка по лесу, пик-

ник. А в чаще — волки. Или вообще — медведи. Они ведь — хищники. Помните, кто атаковал ильфо-петровского отца Феодора? Орёл! Хорошо, что хоть только колбасу вырвал-унёс на могучих крыльях. Это — хищники. Да что там: даже козявки-комары. В Казахстане не бывали? Там комар — не одесская пискля, нет: это — злое и бодрое животное. В одиночку не нападают — тучей. И не покалывают — режут. Само собой, трезвые люди принимают свои меры защиты. А новички…

– Ну, а если говорить о человеческой среде обитания. Человек среди человеков. Это вам не волки-медведи, не шакалы-львы-тигры. Даже не москиты и термиты. Это те, кто — по Максиму Горькому звучат гордо. Но один выдающийся, но пьяный актёр оговорился весьма характерно. В пьесе «На дне» знаменитый монолог Сатина завершил так: «Человек! Это звучит… горько!». Случайна ли оговорка? Одна только военная история изобилует примерами поведенческих локомоций людской стаи в делении материи, то есть в достижении победы и после неё. Война всё спишет. Да и музы помалкивают, когда пушки разговорились. Но если мы толкуем о бизнесе — говорят, он нуждается в тишине, порядке. Стабильности. Но… есть ли для бизнеса мирное время?

Долгие годы-пятилетки в СССР само слово «бизнес» было импортным и полукриминальным. Кто в больших городах и столицах пытался быстро обогатиться таким чином (а кому и удавалось), оказывался в агрессивной среде себе подобных и известного госдепартамента. А бывало, и эти оказывались едины. Милиционер, чекист — в душе ведь тоже человеки. И ничто человеческое им было не чуждо. Интересующихся адресуем к «Делу» Рокотова, Файбышенко и других пионеров советской фарцовки, сгоревших на этом почтенном занятии в Москве-61 и, будучи тесно связанными с госорганами, сначала получили восемь лет. Но Хрущёв сказал: мало! И после первого приговора получили двенадцать лет. И Никита взорвался — издеваетесь? Позорят Союз перед иностранцами! И после второго приговора по этому же делу — третий: схватили вышака. Исключительная мера наказания. В знак протеста генеральный прокурор страны подал в отставку. Но их всё едино — расстреляли. Какой же нам ещё агрессивной среды обитания?

– Первый в стране нового времени жиденький бизнес «купи-продай» тут же вызвал криминальную агрессию с тыла против хилых торговых рядов на базарах и кустарей, строчивших рубашки-вышиванки. А с фронта их атаковывала фининспекция и налоговая полиция со своим совершенно идиотским кодексом. Предприниматели должны были по итогам выплачивать налоговые суммы, почти равные доходам. А бывало — превышающие доходы. И державные мудрецы этого как бы не замечали — то есть, в свою очередь и со своей стороны участвовали в разъедающей агрессии среды.

– И что интересно: на все эти атаки среды атакуемые отвечали, в общем-то, однообразно. Либо вступали с агрессором в переговоры, торговались, как купезы, и сговаривались. То есть откупались. Или сворачивали свою лавочку. Или меняли дислокацию — но там начиналось всё сначала. Поскольку у мира преступности, в особенности — преступности азбучной, элементарной и примитивной, только одна кормовая база: чей-то доход, чей-то бизнес.

Причина почти всех несчастий человека — в смещении угла зрения.

– А ведь вы говорили: собираетесь создать бизнес, подумайте заранее о безопасности. Когда бизнес заработает, его могут просто отобрать. Значит, исключительно важен угол зрения. Смещение угла зрения — действенный метод. Не под тем углом смотришь, ты не видишь вообще ничего, притом это касается не только отрасли безопасности, но и самого человека. Думать, думать и думать, без чрезмерного доверия своему глазу и сложившимся представлениям. А то выходит, как в поговорке: «У кривого Егорки — глаз шибко зоркий. Одна беда — глядит не туда».

— Да,— продолжил Шеф,— Отсюда и глобальная концепция: по сути своей, **причина почти всех несчастий человека — в смещении угла зрения.** А это уже более масштабная концепция, о которой можно не просто сценарий сочинить и фильм документальный снять, а книгу написать. Таково главное фундаментальное заболевание человечества (после амортизатора разума) — следующее по масштабности на сегодняшний день. Так или иначе это заболевание коснулось почти всех. *Великое множество людей сегодня некомпетентны.* **И поскольку у множества этого наблюдается проблема смещения угла зрения, они некомпетентности — ни своей, ни чужой — не замечают.** То есть, по сути, если мы представляем разум человека в виде аппарата, то у нас, как на фотоаппарате, так и в разуме существует регулятор резкости.

Это колёсико (регулятор резкости) позволяет в видоискателе наблюдать череду сменяющихся вовне картин. Аналогия, соответственно, такова: ваша жизнь — как взгляд в видоискатель, как наблюдение через призму разума. И в итоге, в зависимости от настройки фотоаппарата (и от вашего умения эти настройки менять), вы видите либо резкую картинку, либо нерезкую, расплывшуюся. И поскольку этот регулятор резкости, простите, работает автоматически, то он у вас настроен на определённый режим. Как только нужно смещать угол зрения, он не работает, потому что находится в статичном автоматическом положении, наиболее благоприятном, *как кажется вашей автоматике в настоящий момент.*

Но автоматика — это просто машина. Знаете, своего рода некое неодушевленное существо. Машина сама по себе не движется и не функционирует, она оживает только благодаря управлению человека. Машина автоматики человеческого естества как-то программируется, прежде чем начнет функционировать. Поэтому вывод простой: **если вы не видите картинку должным образом, значит, в машину просто введен неверный код. Машина автоматики запрограммирована неверно, а тумблер-регулятор резкости у нее «застопорился в одном положении и не двигается» — в этом вся проблема.**

Метод смещения точки зрения по праву можно назвать предохранителем или «подушкой вашей собственной безопасности». Понимаете, как работает этот метод? Умеете смещать точку зрения и замечать то, на что другие не обращают никакого внимания,— значит, во-первых, становитесь менее подвержены влиянию «дестабилизирующих идей» и, во-вторых, становитесь твердо на путь концептуализации. Смещение угла зрения создаёт благодатные условия для возникновения новых наблюдений, свежих идей, новых мыслей и — в ходе практики вы это непременно заметите — новых концепций.

Смещение угла зрения — тема, о которой можно сериал снять, книгу в нескольких томах написать, даже учебный курс создать (равно как и контркурс на базе ранее описанной концепции). И не нужно лишних слов и «танцев» у академической доски. Стартуйте от документальной хроники, заканчивайте рассуждения физическими демонстрациями. Проверяйте то, что увидели и заметили «с иного угла» на физических моделях — как мы только что вместе с вами крутили регуляторы резкости на фотоаппарате. На демонстрациях и физических моделях человек быстро понимает, что к чему, who is who; и не только то, что на самом деле происходит «здесь и сейчас», но и то, что наверняка произойдёт в самом ближайшем будущем.

Оказывается, не такое уж оно и туманное, это будущее, ежели располагать методами концептуализации.

И несколько слов напоследок.

Чтобы появилась концептуальность, нужно научиться работать с углом зрения, научиться некий регулятор крутить у себя в разуме. Не фиксировать своё мировоззрение в одном положении, а научиться вращать колёсико, как на фотоаппарате; по факту, делать то, что не нужно — мутным, а то что нужно — резким.

И если вы не работаете в одиночку, а взаимодействуете с другими участниками при решении задач, при донесении и формулировке концепции, иногда крайне полезно стартовать в рассуждении, начиная с психологии, потому что психология и «человеческий фактор» ближе людям деятельным (тем же бизнесменам). Ввиду того, что человек обычно не замечает ни собственной некомпетентности, ни «экспертной» (чужой — сколько угодно!), в диалоге и при организации взаимодействия эффективно следовать языку моделей и демонстраций, двигаясь по психологической тропе от единого понимания, как сейчас обстоят дела, до того, что совместными усилиями мы хотели бы получить в конце, какие непосредственно результаты. И, пожалуй, на практике вы очень скоро сможете убедиться, насколько мистична для вашего слушателя, собеседника или партнера сама концепция, какой эффект она оказывает. Эффект причастности к чему-то особенному, к некоему таинству, приобщения к секрету.

По сути секрет всегда ближе, он лучше воспринимается и запоминается, нежели любое объяснение. Человек, вне зависимости от его уровня образованности, воспитания и желаний, не устоит перед магией секрета, идеи, самореализующейся за счет понятных механизмов.

Секрет — это особая ценность, а объяснения, конечно, тоже неплохи, но всё равно воспринимаются так, как будто «чего-то не хватает». Не хватает ощущения, что ты стал причастен к чему-то особенному, элитарному, тому, что дано немногим…

9 МЕТОД «ИСТОРИЗМ»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ НАБЛЮДАТЕЛЯ. О ТОМ, КАК ЭТО БЫЛО.

Ну, что же, вот и очередная наша с Шефом встреча, читатель дорогой. К слову, Шефа часто приглашают на мероприятия разного масштаба и уровня — с докладами на международные конференции. Между нами — может быть, даже слишком часто. Оно и понятно: в отличие от иных-прочих, так сказать, коллег по цеху, он хорошо известен последовательным строго-прикладным подходом к делу и как-то не благоговеет перед обильной теоретизацией. Кому же не известно, что она на деле нередко прочно основывается на известном глубоко философском принципе «из пустого — в порожнее». Отдавая дань, конечно, необходимому разумному теоретизированию (как без этого в науке!), Шеф прежде всего — ученый и практик, бизнесмен и финансист. На его убедительном примере мы, его ученики и последователи, хорошо усвоили и такой принцип: прежде чем приступать к исследованиям, нужно задаться вопросом о практической пользе. Польза — тебе самому. Польза — другим. Польза — сотрудникам (тем паче, если ты управленец и от твоих решений, стремлений, прогнозов, распоряжений и даже рекомендаций зависит многое в их судьбах).

В этой главе, посвященной знакомству с методом концептуализации под названием «Историзм», вопрос рассмотрим на примере нескольких фрагментов практической деятельности Олега Викторовича Мальцева.

Вы познакомитесь с тремя пазлами, которые позволят собрать единую картину сути и тактики применения концептуального метода — того, который позволяет с исторической точки зрения изучить любое явление.

ПАЗЛ 1

Как работает метод? Подчеркнем: он универсален. То есть годится при изучении самых разных явлений. Есть предложение: начать с исследования такого явления, скажем, как «преступник». Кто за? Кто против? Кто воздержался? Единогласно!

Вот первый вопрос в повестке нашего дня: **кто такой преступник?** И возмущенная реплика из зала: «Откуда берутся преступники?!». Вопросы подобного плана в нашей повестке дня неслучайны, предостаточно серьезны и прямо связаны с явлением и понятием — «польза». К тому же — касаются буквально всех и каждого. Можно с уверенностью сказать, не надрываясь анкетированием многомиллиардного населения Земли: нет на свете таких дураков, которые желали бы стать жертвой какого-либо преступного замысла. Хоть карманная кража, хоть ее квартирный вариант, гоп-стоп, изнасилование, хулиганство, тяжкие телесные повреждения, мошенничество, вплоть до убийства. Диверсии, шпионаж и измена Родине. Тут родное наше всенародное единодушие гарантировано. Так и слышишь мнение всего читательского собрания: «Ша, ша, кому это надо!» или «Типун вам на язык!».

Совершенно верно, никому не надо. Ну, может быть, за исключением случая, приведенного в «Операции Ы». Это — когда «все уже украдено до нас». В общем-то, всяк Хомо Сапиенс глубоко в душе хотел бы раз и навсегда отгородиться от мира преступности. Жить. Работать. Мечтать. Бороться за лучшее. Любить. Умничать-фантазировать. Ошибаться и исправлять ошибки. И все это — без карманников, домушников, скокарей, медвежатников-шниферов, поездушников, мокрушников, рэкетиров, коррупционеров, диверсантов, шпионов и изменников Родины.

Правда, никто из этих хомо до сих пор еще не объяснил — как это сделать? Как прочно-надежно-стабильно оградить наш, так сказать, правопослушный мир от мира преступного. Да-с: чего доброго, но такой рекомендации за тысячи лет человечеству не дал еще никто. Возможно, именно потому, что такое ни теоретически, ни практически неосуществимо. Уже хотя бы по той причине, что такой прожект противоречил бы природе вообще. И той, которую зовут второй природой, природой человеческого общества. А она терпеть не может таких противоречий. Преступник, в сущности, самый обыкновенный человек. В общем-то, такой же, как и мы. И не курица его снесла — обыкновенная женщина, мама в муках родила. И понятия «правонарушитель» и «преступник» весьма широкие. В диапазоне от трамвайно-троллейбусного, автобусного, пароходного и железнодорожного зайца до фронтового дезертира и далее, почти до бесконечности. Не считали — сколько страниц в УК и УПК? А зря. А поскольку мы с вами союзники, читатели-писатели, и пишется книга — коснемся литературного аспекта. Он же — и киношный, и теле-, радио- (основа каковых — литературная).

Вот шестую главу мы иллюстрировали произведениями детективного жанра. Излюбленного жанра читателей всех времён и народов. А ведь это — сплошь криминал. Преступник на преступнике и преступником погоняет. И именно в их числе привлекательнейшие, обаятельнейшие фигуры, ярко изображенные не бездарными авторами.

Пусть перед мысленным вашим взором еще раз пройдут хотя бы эти — Остап — Сулейман — Берта — Мария-Бендер — Бей, Александр Корейка, Шура Балаганов, Бенцион Крик и Мишка Япончик со своей гоп-компанией. Сколько читательских поколений, не щадя времени и зрения, вчитывались-всматривались в эту шайку! Как поддавались их обаянию, перенимали речевые характеристики и шли по жизни их неверными путями.

Ведь, по сути, любой хороший детектив — еще и реклама преступности и даже ее учебник. Полицейские в большой обиде, хотя и скрываемой, на талантливых детективщиков, которые подозрительно подробно и наглядно описывают действия тех, кто борется с преступниками. За что преступный мир им глубоко благодарен. Если в Советском Союзе такие произведения полицейскими чинами консультировались и цензурировались, то в оставшихся от СССР свободных демократических странах писатель свободен. В том числе и в своем инструктировании преступников — как успешно совершать преступления и избежать нежелательных встреч с полицией. К тому же, в советских литературе и искусстве этого идейно-тематического круга самые обаятельные личности были неизменно чекисты, милиционеры, контрразведчики их бесплатные помощники из народа, а если шпионы и диверсанты, то наши — облагорожено именуемые разведчиками. Ну, да, наши там — разведчики. Их люди тут — шпионы.

Самые мерзкие и отвратительные были, главным образом, они — преступники. В так называемом свободном мире всё чаще всего наоборот. Знатоки сегодня, как из рога изобилия, в прениях высыпят Вам примеры — «Дело № 306» и «Дело «пёстрых»», «Бумеранг не возвращается», «Кукла госпожи Барг», «И один в поле воин», «Ночной патруль», «Улица полна неожиданностей», «Дело Румянцева», «Ошибка инженера Кочина» и многие-многие другие, знакомство с которыми большое число молодых людей обоего пола вдохновило на борьбу с преступностью.

Оно конечно, логично предположить, что других подростков и юношей те же произведения подтолкнули в прямо-противоположном направлении. Да-да, одни книжки читали, одни фильмы смотрели. В одной октябрятии, в одной пионерии, в одной комсомолии были. Одни и те же школы заканчивали. А вот, поди ж ты — какая разница. Но сейчас не об этом.

Следующий вопрос нашей повестки дня: **всегда ли и везде ли отношение к преступности было определенно предосудительным?** Скажем, пару сот лет тому назад — каково? И что

известно в восприятии предками преступников и их мира? Например, таких как Фуггеры? Или Робина Гуда? Ведь также не одно поколение увлекалось этим властелином Шервудского леса. А также Зорро, Арсеном Люпеном, Хон-Кильтоном — защитником бедных. Питером Бладом, Дубровским и Котовским. Горячие симпатии вызывали они, поскольку грабили богатых и не обижали бедных. И никто не спрашивал хотя бы себя: а что, собственно говоря, у бедных грабить? Проломить башку бедняку и богачу — статья УК одна и та же. А практический результат принципиально разный.

Кстати, о практическом результате и смысле. Почти у всех читательских героев — нарушивших тогдашние законы, ненавистников богатых и защитников бедных, были **реальные прототипы.** Как водится, и тут правда искусства не фотографически копировала правду жизни. Не забыть бы в числе таких героев произведений литературы и искусства ещё одного. Ненавистника богатеев, паразитов на теле трудящихся, эксплуататоров трудового народа и любимейшего народного героя и вождя. С середины тридцатых и до весны 1956-го в СССР тов. Сталин известен был еще и тем, что в юности и молодости преступал закон, разрабатывал и проводил вооруженные налеты на банки; в частности, знаменито взяли Тифлисское казначейство. Погибли представители закона — полицейские, казаки. И даже случайные прохожие. Но тут речь шла не о преступлении корыстной направленности, не о вульгарном грабеже, а об экспроприации экспроприаторов. Попросту: грабили награбленное. Ради будущей светлой безпреступной жизни. Как выяснилось, под его же знаменем. Ну, а поголовная горячая симпатия уровнем пламенной любви всех граждан СССР и многих иностранцев к этому герою общеизвестна. И к борьбе за его дело даже один из авторов этих строк «был готов!». Что? Нет-нет, не видел его в глаза. Зато с первого вздоха и до лет десяти был плотно окружен его образом в кино, скульптуре, литературе и вообще — в искусстве. Для пламенной любви и желания подражать того было и достаточно…

Вопрос, как видим, не простой. Не поспешим же с ответом — обратимся к выступлению Шефа. И начнем с эпиграфа, предварительно обратившись к бизнесменам и самозанятым труженикам: Дамы и господа! Граждане и гражданки! Братья и сёстры! Для вас нижеследующее наверняка представляет актуальнейшую практическую ценность!

Олег Викторович Мальцев: «Профессия криминолога в двадцать первом веке станет одной из ключевых в деловых кругах мира». *(Из выступления на Международном конгрессе социологов).*

Руководитель Экспедиционного корпуса, Академик УАН Олег Викторович Мальцев на шестом конгрессе социологической ассоциации Украины, собравшем более ста экспертов из разных стран, включая президентов Международной и Европейской социологических Ассоциаций, выступил с докладом в секции «Социальное прогнозирование, криминология и урбанистика»

«Я пришел в криминологию из абсолютно прикладной отрасли. Более пятнадцати лет я занимался защитой интересов деловых кругов в Европе. Жил в Австрии и преподавал там европейским коллегам — как защищать деловые круги; для того, чтобы эффективно работать, необходимо быть образованным. Мне очень приятно, что в Украине иногда обращают внимание на такую отрасль социологии, как криминология. Нужно сказать, что эта наука всегда находилась в некой тени социологии. И тому есть причины. Во-первых, это достаточно сложная дисциплина. Как вы понимаете, для того, чтобы заниматься чем-нибудь серьезным, важным и нужным, нужны и серьезные обстоятельства. Криминология требует многого. Во-первых, очень высокого уровня интеллекта. Не говоря уже об известном минимуме знаний. Во-вторых (чего никто не учитывает или, по крайней мере, о чем обычно никто не говорит вслух): Криминология требует очень мощного финансирования научно-исследовательской деятельности. В-третьих, имея дело с преступностью, сложно оставаться в узких рамках социологии и криминала. Любое криминологическое исследование — исследование на стыке наук. Возьмем историю мирового криминала. Изначально преступность, можно сказать, воспринималась (и была по сути) чем-то вроде нормы в обществе. В следующий исторический период преступник стал диковинкой, а затем — примером для подражания. И в конце концов, окутался тайной. Пожалуй, как ни прискорбно, сегодня европейская и американская преступность — тайна для общества. Я в свое время исследовал юг Италии. И имел весьма длительную беседу с одним из выдающихся мировых криминологов Антонио Никасо. Я спросил его: «Как может самая мощная преступная организация столько лет находиться в центре Европы — быть живой и здоровой, и прекрасно себя чувствовать?» В ответ я получил улыбку без комментария».

Обратите внимание на ретрансформацию явления и понятия «преступник». И на расстановку социальных приоритетов — акцентов на сам предмет отношения к преступнику и миру. Рассмотрим цепочку из следующих звеньев:

ПРЕСТУПНИК КАК НОРМА

ПРЕСТУПНИК КАК ДИКОВИНКА

ПРЕСТУПНИК КАК ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

ПРЕСТУПНИК КАК ТАЙНА

Казалось бы, одно достаточно знакомое слово «преступник». А сколько граней и у этого предмета в зависимости от эпох, уклада и порядка. И все эти грани сочетаются в одном комплексном явлении — человек некий, переступивший черту дозволенного и общепринятого. Еще один фрагмент доклада:

«…Я очень давно искал определенный способ организации криминологических исследований. Первую работу по организованной преступности (бывшего СССР) я написал в 1992 году. Это была кандидатская диссертация. Которую … не стал защищать.

Отличие восточноевропейской преступности от европейской заключается в том, что для нас преступность никогда не была диковинкой, то есть феноменом. И эта ключевая концепция стала основой всей моей дальнейшей работы. Мы с моими воспитанниками стали изучать не просто преступность, мы стали изучать преступные феномены. И данные, полученные в ходе этих исследований, были бесценны. Особенно для делового сообщества. По сути своей, это позволило финансировать любые наши исследования.

Исследование феноменов мы начали с восточноевропейской преступности — на Западе эта преступность известна как «русская криминальная традиция». Когда мы закончили исследовательскую работу в этом направлении, то приступили к изучению европейской и мировой преступности. Бесспорно, мы сосредоточились на ключевой концепции нашей технологии, которая гласила, что исследовать надо феномены».

Олег Мальцев

Итак, мы познакомились с двумя фрагментами доклада и попробовали по-разному взглянуть на категорию «Преступник».

Не тратя времени даром, продолжим работать с концептуализацией. И приступим к анализу доклада на конференции. Но прежде — несколько слов о том, как мы, ученики шефа, восприняли одно из его выступлений. И ещё прежде — притча, известная в научном мире. Хотя и не чрезмерно серьёзная. Говорят, однажды некий профессор сделал доклад на весьма специфическую тему. И это был бешеный успех. В кулуарах его обступили коллеги: тема ведь узкая, специальная. А поняли и восприняли все. Как вы это добились? Нет ли у вас какого-нибудь своего метода? И бенефициант ответил: есть, мол, такой свой метод. Я, сказал он, когда поднимаюсь на кафедру, сразу выбираю в зале обладателя самого тупого выражения лица. Ну, самого-самого. Смотрю всё время ему в глаза. И говорю до тех пор, пока они не просветлеют. Тут к нему подошел сам Эйнштейн, пожал крепко руку и сказал: «От души благодарю вас, коллега. Это замечательно. Это блестяще. Но скажите, почему вы всё время смотрели на меня?».

Что же, у каждого — свой метод. В нашем случае дело было — так. Шеф выступал на конференции; и нужно сказать, что она проходила в формате круглого стола. Включать дословную запись всех бед того «круглого стола» здесь явно не стоит. Не ради этой темы мы все здесь сегодня собрались. Но скажем так: пока Шеф выступал с докладом, кто из нас сидел в зале, а кто присутствовал в зуме во время выступления и дальнейшей полемики. И 15-минутое выступление слушали, как заворожённые. И когда мероприятие торжественно приблизилось к логическому завершению, уже «за кулисами» прямого эфира мы наперебой спрашивали Шефа о том, как ему сие удаётся — рассказ живой; всё чётко пояснено и продемонстрировано на примерах; а главное, всё понятно и нет аллергии на супер-умные «научные термины».

В ответ на наши километровые вопросы, Шеф кое-что рассказал. Как строилась концепция доклада? Привожу рассказ практически дословно.

«Итак, я [О. Мальцев] выбрал способ «историзм», и как бы из историзма выводил концепцию. То есть я поставил вопрос: ***кем был преступник на протяжении всей истории?*** *И получилась очень интересная динамика. Во-первых, оказалось, что не так давно, каких-то пару веков назад, преступник выступал нормой в обществе; то, что мы сегодня считаем преступностью, раньше преступностью не считалось. Иными словами, история начинается с того, что* ***преступление — это норма.*** *Люди которые жили в 15-м веке, для нас преступники, верно? Ведь ограбить себе подобного считалось, во всяком случае, вполне логичным и традиционным. Или приставить кинжал к горлу ради пары золотых. Или ночью «угнать корову».*

Затем преступление, как акт социальной жизни, становится диковинкой. *Преступников сделали продуктом* ***парадокса***. Буквально превратили в парадокс взаимоотношения общества и формы развития государственного строя. Приведу пример: публичные казни на центральной площади непосредственно превращали преступника в диковинку. Если помните такого персонажа, как Емельян Пугачёв. Да Пугачёва чуть ли не через всю страну везли в клетке, как дикое животное, чтобы все «граждане трудящиеся» глазели на эту диковинку… и точно мотали себе на ус, какая участь ждет такой парадокс. Других преступников привязывали к столбу позора, вешали на воротах, публично хлестали и так далее — и так, простой народ смотрел на диковинку и запоминал, «что к чему». Шоу было ярким и незабываемым…»

Шеф в продолжение поведал и о том, что вскоре сформировался третий период отношения к человеку по ту сторону социальных норм — это **пример для подражания.** Уверен, многие с детства помнят, как выглядят преступники, которые у нас уже помянуты и считались примером для подражания — Зорро, Робин Гуд и другие. В конце концов преступность ушла в подполье и стала тайной для общества.

Что, с точки зрения разработки концепции, было сделано дальше? **Шеф сопоставил европейскую и восточно-европейскую преступность.** И выяснил, что, по сути своей, у нас в восточно-европейской среде преступные механизмы отличаются от европейских. То есть для нас преступник «диковинкой» и парадоксом никогда не являлся. Скорее, был чем-то обыденно-существующим, так как криминал у нас был всегда (к сравнению: целых 11 периодов пережила русская криминальная традиция вплоть до наших дней — самая древняя и масштабная). Далее он **поставил знак «равно» между категориями «парадокс» и «феномен» и создал исследовательскую концепцию об изучении феноменов преступного мира.**

«…Последней,— продолжил тогда Шеф,— нашей криминологической работой стала недавно изданная книга, «Вечный двигатель». Как многовекторная криминологическая работа, «Вечный двигатель» пользуется немалой популярностью. Более того, наши дальнейшие криминологические исследования (как 2022 года, так и в ближайшем будущем) нацелены на выход нескольких книг; первая из них — «Вечная эскадра», посвящённая практическому изучению такого явления как «Палермская мафия». И если мы рассуждаем о Каморре, по аналогии используя модель «вечного двигателя», то о Мафии мы говорим как о вечной, непотопляемой эскадре. С практической и реанимационной точки зрения (как минимум это полезно бизнесменам, инвесторам и финансистам), стоит задача разобраться, чему мы можем научиться у этой вечной эскадры; что в ней такого «феноменального». Что позволило столько лет, пятилеток, десятилеток существовать мафии и продолжать существовать по сей день, хотя мафию уже раз тридцать объявляли разгромленной и побежденной. А на деле? Все эти возгласы, как говорится кроме улыбки, ничего не вызывают. Да и то — кривой. Действительно, лучший образ — это эскадра, которую в конце концов, при всех потерях, не берёт ни шторм, ни пальба из пушек, ни проклятья, ни тысячи законов умников, укоренившихся на сытом берегу.

ПАЗЛ 2

Что ж, теперь, уважаемые читатели и практики, в соответствии с повесткой дня нашей встречи, продолжим знакомство с материалами другого этапа исследовательской деятельности Шефа. Именно — с исторической точки зрения: **как наши предшественники воспринимали явление «преступник». Как понимали это.**

Для полноты картины сошлемся на материалы Международной междисциплинарной научной конференции 2021-го года — на тему «Менталитетная составляющая человека». Материалов много. И практически — все достойны вашего внимания. Начнем с того, что преступность палермитанская значительно отличается от преступности постсоветского пространства. Опять-таки, гораздо более того и как гласит история, это в прошлом веке было принято, в так называемом демократическом мире, опасаться СССР — ввиду тоталитарности этого государства. Притом, что было оно, пожалуй, единственным государством, в котором можно сказать, не было преступности. То есть не то чтобы совсем не было; иначе — зачем же ему нужно было с первых шагов создавать и содержать ВЧК, ОГПУ, НКВД, милицию с уголовным розыском и ОБХСС, МГБ, КГБ, Госпогранохрану и прочие тому подобные валютоёмкие департаменты. Но полистайте сравнительную статистику: преступность СССР вам покажется, в сравнении со странами монархии и демократии, детским лепетом на весенней лужайке. Историки предмета вам пояснят: дело не в какой-то сверх-моральности страны Советов; страна как страна, государство как государство. И все обеты Октября-17 создать, по-одесски говоря, «что-нибудь особенова» всерьез воспринимались только бронеподростками из коренного пролетариата. Да и то — до достижения совершеннолетия. Основная причина сравнительно низкого уровня преступности в том, что ее кормовая база — да-да, она самая: соб-ственность. Личная же собственность, более или менее достойная внимания серьезной преступности, революцией была сразу же отменена.

Помните *ильфипетровский* диалог отца Федора и Ипполита Матвеича Воробьянинова? «Обедню, небось, уже не служите?» — «Где ж служить! Прихожане разбежались по городам — сокровища ищут.» — «Заметьте, свои сокровища! Свои!» — «Национализированные!».

Национализирована была не только бижутерия мадам Петуховой. Национализировались фабрики и заводы, комбинаты и шахты. Прииски — тоже. Рудники — тоже. Пристани и пароходы — тоже. Банки — тоже. Одесситы, например, не сразу привыкли к тому, что вместо знаменитого на обоих полушариях РОПИТа (Российское Общество Пароходства и Торговли) воссияла эмблема ЧГМП — Черноморского Государственного Морского Пароходства. Характерно, что вскоре «Г» из аббревиатуры было изъято и стало всем привычным просто ЧМП. Потому что «Г» то есть государственным, было практически все, что чего-нибудь стоило. Прежде всего и главным образом, это касалось средств производства. При этой смете, может быть, вам будет интересна одна небесхитростная советская уловка. Имелась и кооперативная собственность. Эта сельскохозяйственные артели (колхозы) и промартели. Формально по перепи-

си населения это были кооперированные кустари. Пайщики. Председателя артели и колхоза вроде как не назначала держава, а выбирал народ — демократически. Но сначала избирали правление, а уж после оно избирало председателя.

Конечно же, во всей той истории беспартийных председателей вы не найдете; фактически эта была в городе и деревне номенклатура Обкома партии. Не говоря уже о том, что в каждом колхозе были парторганизации, парткомы и их секретари. А нашим рулевым была партия. Формально эта собственность как бы не зависела от государства. Все решения, согласно артельному уставу, принимало правление. Но это тоже была простая уловка. Колхозы и промартели брали кредиты у государства, и оно охотно им давало — под щадящие проценты. Но из года в год по итогам многие колхозы рассчитаться с государством не могли. За исключением показательных колхозов-миллионеров, снимавшихся в кинохронике и принимавших иностранных гостей. Знай, мол, наших. Вот таких хозяйств было одно-два на район. Да и не в каждом районе.

И еще: колхоз без техники не мог. А вся техника и все технари были сведены в Машинно-Тракторные Станции, каковые были чисто государственным предприятием, со своей парторганизацией. И даже со своим политотделом. Все ясно? И дальше можно не продолжать. А тут подоспел и закон, о котором мы прежде уже говорили. И про который знаменитый Ручечник («Место встречи изменить нельзя») говорил Жеглову: «Указ 7–8 шьешь, начальник?». Несказанно популярным в стране был этот Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 года. Его еще называли «Закон о пяти колосках», трактовавший вопросы покушения на социалистическую (читай — государственную) собственность. Такое покушение, согласно УК, отличалось от любого другого намного бóльшими сроками заключения. А формула «в особо крупных размерах» позволяла прокурору требовать исключительной меры наказания. В тридцатые она еще называлась «Высшая мера пролетарского презрения».

Нет-нет, мы не увлеклись и не отвлеклись от темы. Просто очень хотелось, чтобы вы поняли и ощутили ту атмосферу в стране. И почему она у более-менее трезвых людей, даже у склонных к клептомании, отбивала охоту тырить. Если, конечно, речь идет не о кошельке в кармане, не о белье, сохнущем на чердаке и не о том самоваре, воспетом Ильфом и Петровым — вор унес его, кипящего, со двора, держа на вытянутых руках и огрызаясь на догоняющих его соседей. Это — мелочи. Они принадлежат простым, отдельно взятым, конкретным гражданам. Госсобственность была священна. Она принадлежала всем. Табу!

Нельзя, конечно, сказать, что в СССР вообще никто никогда на соцсобственность не замахивался. Таков уж мировой феномен преступной психологии: охота — пуще неволи. Говорят, один из Людовиков ввёл смертную казнь за кражу. И велел казнить вора публично. В центре Парижа поставили помост и плаху, собрали народ. И когда в гробовой тишине палач поднял топор, в толпе раздался крик. Кого-то обокрали.

И всё же, всё же, всё же в СССР кражи если и были, то преимущественно частные, мелкие и неинтересные. Что до покушения на святая святых, на всенародную собственность… Прецеденты такие были крайне редки. Во всяком случае, процессы по таким делам были шумными, горячо обсуждаемыми народом и хорошо запо-

минающимися. Интересно, что замахнувшиеся на родную нашу государственную собственность в особо крупных размерах нередко были те, кому как раз эта собственность была и доверена. Особо любознательных отсылали к процессу некоего Сташкевича, старого партийца, председателя президиума Облместпрома, как раз и координирующего жизнедеятельность местных одесских промышленных артелей в шестидесятом-шестьдесят первом году. Особо крупные размеры. И — «вышка». Расстрел. Правда, с учетом партстажа, глубокого раскаяния, войны и наград заменили, как поется, «на двадцать пять — до встречи!». А сидел и того меньше.

Закругляя эту подтему, заметим и другую сторону. Относительно слабая преступность вызвала и относительно слабое сопротивление ей. Помните школьную физику: действие равно противодействию по силе, и обратно по направлению. По ходу войны с сильным противником побеждающая армия становится сильнее. А со слабым — наоборот. Капитализм, благоговея перед частной собственностью, никогда не экономил на воинстве, ее оборонявшем. Советским людям (а все для их блага) дорогая полиция была не нужна. Более того, не забыть бы: в начале шестидесятых Никита объявил развернутое строительство коммунизма и ближайшую его победу. А поскольку при социализме, якобы, нет почвы для преступности, а при коммунизме — тем паче, Хрущев вообще отменил в стране МВД. Да-да, мы были единственным государством в мире, в котором не было Министерства внутренних дел. Учредилось МООП — Министерство охраны общественного порядка. Вышел закон о народной дружине. Сделать замечание мелкому хулигану, стиляге или бросившему мимо урны окурок вполне может и студентка, и инженер с повязкой дружинника. Ну, в шестьдесят четвертом Хрущева турнули. Статистика преступности ужаснула. И МВД восстановили. Хотя кадры были потеряны. И заметно оживился преступный мир.

На что рекомендовали бы обратить особое ваше внимание — в конце концов, в ходе развала Союза и сразу после него отечественный преступный мир встал в полный рост, расправил грудь и плечи. И догнал Европу гораздо быстрее, чем борющиеся с ним милиция-полиция. Он проявил на деле великую сообразительность, жизнеспособность, практицизм и силу. Что имеет прямое отношение к повестке дня нашего собрания к теме и идее разговора.

Вообще говоря, у значительной части граждан СССР криминальная преступность не вызывала симпатию. И преступникам обычные люди становиться не желали. Отчасти дело в высоком проценте раскрываемости преступлений, суровости наказаний и их паблисити. Отчасти потому, что чудом пережившие всесоюзные и всемирные мясорубки — очень многие высоко ценили мир-тишину, спокойствие, саму жизнь, как форму существования своих белковых тел. А тут еще — ежегодно цены снижаются, трудоустройство — не проблема, медицина — действительно бесплатна. Путёвки в санатории и дома отдыха — профсоюзная доплата. То же — ясли, детсады и пионерлагеря. Важнейшее из всех искусств — киношка — копейки. До зарплаты не хватает трояка — одолжишь. И бутылка водки — два, восемьдесят семь. На троих, по рублю с рыла. И тринадцать копеек остается на плавленый сырок. Живи и радуйся! От этого добра очень многие ещё долго после войны добра не искали.

Если иметь в виду уровень и характер преступности в СССР и отечественную методику раскрытия преступлений, такого успеха в борьбе с ней не добилась ни одна страна в мире и по сей день. Величайший теоретик в исследовании памяти, криминологии, поведенческих локомоций человека — Академик Григорий Семенович Попов прекрасно разбирался в том, как это делается и как должно делать. И потому смог даже преступность поставить на службу государству. Подробности — в книге «Рыцарский орден русских воров». Различие преступников вульгарис и государственных преступников дожило до наших светлых дней. В числе последних имеются руководящие чины, офицеры, старшие офицеры и даже генералы, не обойдённые наградой. А гениальный Попов восемьдесят-девяносто лет назад мог из преступников делать офицеров. Он творил и не такие чудеса. У нас еще будет случай, надеемся, предать это в подробностях.

Но вот развалился Союз нерушимый республик свободных, повсеместно расцвела демократия. Она же — капитализм. И бывшие союзные составные без особых потуг оказались огромным вертепом.

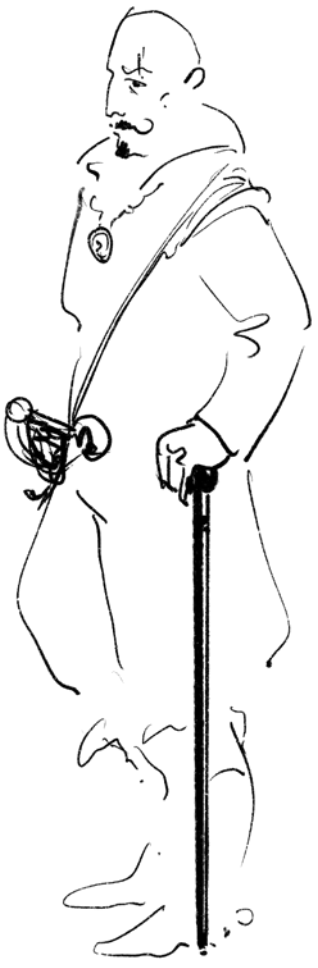
По поводу механизма такой метаморфозы, есть разные мнения. Например: так было всегда, но в новое время расконспирировалось; и нет особой необходимости прятаться, и некому особенно загонять преступность в подпол. Или, опять элементарная физика: советские и зарубежные сосуды были надежно огорожены друг от друга, благодаря чему в разных странах сохраняли разные уровни. А когда переборки рухнули, плотины прорвались, сосуды стали сообщающимися. А закон сообщающихся сосудов непреложен.

Г. С. Попов анализировал две теории преступности, первая: сводится к тому, что человек рождается преступником, и шанс стать человеком зависит от системы его воспитания. Вторая теория — ее идея заимствована у одного из отцов криминалистики Чезаре Ломброзо. Она сводится к тому, что своеобразное влияние общества плюс некие врожденные качества человека обязательно какую-то часть людей обрекают на амплуа преступников.

Сами история и повседневная практика склоняют нас к мысли о правоте Григория Семеновича Попова. Он в своё время сконструировал модель-триптих, в которой преступность структурирована в виде трёх этажей. Самая древняя стоит внизу. И это — **конфликт городов и села/деревни.** Ну, когда оттуда приезжают в город, а оный их не принимает. «Понаехали, понимаешь!». И вообще, мол, в городе им не место. Речь об обострении конфликта двух разных менталитетов. Так, многие, приехавшие в город из села/деревни, не чрезмерно озабочены тем, чтобы устроиться на определённую, близкую им работу. А так как они привыкли жить несколько иначе, чем живут в городе, то они решают эти вопросы каким-то иным, нередко преступным способом. И этого мы уже касались в других главах: до шестидесятых годов в Советском Союзе человек из села не мог запросто выехать с хутора, из деревни или села. И приехать — работать, жить в город. У крестьян не было паспортов. По сути своей это решало первый уровень криминальной системы.

Два остальных уровня крайне сложны. **Второй уровень преступности — так называемая «принудительная преступность».** Приведём примеры. В момент становления итальянской государственности (1862 год — год объединения Италии), Италия вовсе не была полнородной и «единой». Так, некие организационные структуры Испанской империи по-прежнему функционировали на юге Италии. К слову, остались там и сегодня. В дальнейшем испанские дворяне, оказавшиеся на территории другого, недружественного государства, показали всему миру, «как вообще дела делаются» и что значит «только попробуйте посягнуть на наш образ жизни». В итоге мир «получил» Мафию, Каморру и Ндрангету. Вообще, бывшие подданные Испанской короны, оказавшиеся в водовороте становления новой страницы итальянской истории, были аристократами, мастерами, хозяйственниками, в общем, уважаемыми людьми, и уж точно никогда бы не стали преступниками. Таких намерений у них, вероятно, и не было. Но, в результате противостояния «двух миров» или двух сред — испанской, которую объявили вне закона, и «новой итальянской», образовались целые криминальные субкультуры. Логика обстоятельств опять оказалась выше логики человеческих намерений. Долгие годы Каморра, Мафия и Ндрангета являются преступными организациями, «умело орудующими» во всём мире. Ндрангета и вовсе считается самой опасной, самой обеспеченной и богатой, и практически неуязвимой.

Еще один пример. У Олега Викторовича был близкий друг, слыл очень порядочным человеком, служил в армии, был очень

УРОВНИ ПРЕСТУПНОСТИ
Модель академика Г.С. попова

3 УРОВЕНЬ
КОНФЛИКТ МЕЖДУ СТАТУСОМ И СООТВЕТСТВИЕМ СТАТУСОВ

2 УРОВЕНЬ
«ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ»

1 УРОВЕНЬ
КОНФЛИКТ ГОРОДОВ И СЕЛА/ДЕРЕВНИ

уважаемым членом общества. Он вернулся из армии и решил отправиться на службу в полицию. А там какой-то чудак-человек в полиции объяснил, что рядом с кандидатом в полицейские (на одной лестничной клетке) живет известный преступник. И поэтому его взять на службу не получится. Парень обиделся и пошел искать работу. И с распростёртыми объятиями пригласила его преступная группировка. Практический итог: из добропорядочного человека получили активного члена одной из самых знаменитых преступных группировок на постсоветском пространстве. По сути, этот человек никогда бы не стал преступником, но недальновидные государственные чиновники помогли ему таковым стать.

Шеф также проводил исследование преступности на территории бывшего Советского Союза с незапамятных времен до нынешнего дня. И, как показывают множественные примеры, государство самостоятельно закаляло преступников, буквально делая их лучше, изворотливее, проворнее и опытнее из раза в раз. Во всяком случае, оно делало очень многое для того, чтобы преступники стали сильнее, умнее, богаче и так далее. Государство создавало все условия для того, чтобы преступность цвела, как деревья по весне.

3 Когда мы говорим о **третьем уровне преступности, то это конфликт между статусом и соответствием статусов.** Очень сложные социологические процессы в обществе, и в рамках моего доклада я не стану объясняться. Снова-таки, приведём несколько примеров.

Чаще всего у богатых людей дети каким-то образом переносят власть и богатство на себя самого: раз у моего отца — главного прокурора, есть власть, значит, мне всё можно. Так тоже становятся правонарушителями. Второй аспект — накопившиеся чувство справедливости: когда человек, «подогретый» средствами массовой информации дезинформацией, беззаконием государства и пр., берет автомат и отстреливает всех вокруг. Бывает, так поступают некоторые дети — берут из шкафчика папин пистолет, направляются в школу и стреляют в неугодных учителей.

Соответственно, рассматривая уроки преступности № 2 и № 3, отметим: в СССР второй уровень был практически исключен. Советское государство все ставило себе на вооружение. Чего, по всей видимости, не умеют сегодня

демократические государства — превращать преступников в полезных обществу граждан. Этого, к сожалению, не научилась делать ни одна страна в мире, кроме СССР. А третий уровень в Советском Союзе был настолько малочисленным, он был практически исключением. И если мы находим исторические примеры, то они единичны. В Советском Союзе было невозможно, чтобы ребенок взял пистолет и убил учителя. И это не потому, что Америка плохая, а Советский Союз хороший — это разные системы, по-разному построенные в борьбе с преступностью.

Кто такой — гангстер в США? Это серьезный парень, которому все завидуют. Кто такой гангстер в СССР? Человек, от которого отвернулось большинство общества. Читай — негодяй, которого презирают. То есть если люди встретят на улице преступника, правонарушителя, то они его охотно задержат и сдадут в полицию. В Советском Союзе гангстер вынужден был скрываться за десятью лицами, прятаться и делать так, чтобы об этом никто не узнал.

К слову, в Америке гангстер — это уважаемый человек, который разъезжает на шикарном автомобиле, и очень многие ему завидуют. Найдите в СССР хоть один фильм, который бы как-то провоцировал население посмотреть на гангстера с другой стороны. В Америке про гангстеров сняты самые знаменитые и кассовые фильмы. Их роли исполняют знаменитые и талантливые, обаятельные артисты.

Интересно, почему так?

Ответ на этот вопрос и сравнение преступников американского покроя и отечественного производства формируют колоссальное интеллектуально-силовое поле, позволяющее сгенерировать одну концепцию. И ведь не о преступнике, но о том, как жить «здесь и сейчас», памятуя уроки прошлого.

ПАЗЛ 3.
ОТ КРИМИНАЛА — К ГОРОДАМ

Так уж получается в контексте данной главы, что мы с вами шагаем от одного экспедиционного исследования к другому, от одной конференции — к последующей. И всё — повестки дня, и всё — вопросы. Собственно, на третьем шаге предлагаем включить в повестку дня вопрос, наивный только на первый взгляд. Ну, максимум, на второй. Звучит он так: **«А откуда вообще в 21-м веке берутся преступники?»**. Полицейские практики и вообще правоведы, всю жизнь так или иначе соприкасающиеся с миром правонарушителей и преступников, скорее всего — пожмут плечами. Само существование правонарушителей и преступников им, как и нам с вами, известно приблизительно с тех пор, как вообще стало что-то известно.

Они, можно сказать, когда-то обнаружили, что есть Земля, над ней — небо, а на ней — всяко-разно. Океаны, моря, реки, озёра. Горы, равнины. И ещё на ней — флора и фауна. Люди. И среди них — эти самые правонарушители и преступники. И это также просто и ясно, как то, что Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овёс и сено. На каком-то этапе жизни и по каким-то причинам они стали изучать право-

ведение. И ступили на тропу войны с теми, кто не соблюдает и нарушает. А откуда эти, последние взялись — какая разница. Изучение науки побеждать преступника и практика этого занятия требуют слишком много времени, сил и нервов, чтобы отвлекаться на вопросы, которые можно оставлять за скобками.

Увы, нам с вами это нежелательно. Пробелы в таких знаниях, безответные вопросы такого рода оставляют белые пятна на карте. Припомним риторику главы Текстильторга товарища Волобуева из кинодетектива пятидесятых; вроде как изумившись картиной взломанного сейфа базы, он воскликнул: «И откуда у нас берутся такие мерзавцы!». Причём, по предыдущему эпизоду зритель уже догадывается — сам он имеет прямое отношение к случившемуся. Но нас с вами более интересуют те читатели, слушатели и зрители, которые этот вопрос задают вполне искренне. Откуда беруться у нас преступники? То есть, те, кто выбрали для себя шаткую эту дорожку? То есть, те, в числе которых очень много людей сообразительных, инициативных, решительных и нетрусливых искателей приключений? Можно сказать, мастера не светлого своего дела?

А знаете, поставим вопрос несколько шире. «**Откуда берутся мастера? Профессионалы? Бизнесмены? Эксперты? Самозанятые? Вообще все мы, инициативные земляне, желающие быть хозяевами собственных судеб?**»

Поиск ответа начнём цитатой:
«Город делает человека тем, кто он есть»
Академик Мальцев Олег Викторович

И далее приглашаем вас в интеллектуальное путешествие в закулисье международной конференции «Город как учебная аудитория», имевшей место в 2020 году. Надеемся, вы обратили внимание на саму формулировку. «Город как учебная аудитория». Из чего логически следует, что **город может чему-то научить.** Это — один из капитальных выводов, полученных, в числе других, восьмилетней исследовательской деятельностью нашего Экспедиционного корпуса, передового научного подразделения Института Памяти. Да, город — учитель. И действительно способен научить человека очень многому, как в реализации задач, так и в достижении целей. Однако же, стоит подчеркнуть: для успеха этой учёбы необходимо обеспечить конкретные условия. Внимание!

1. Необходима определенная методология, которая позволяет наиболее эффективно исследовать города с применением междисциплинарного подхода. И использовать полученные данные в инструменты реализации задач.
2. Нужна, также, специальная научная группа, имеющая соответствующий уровень подготовки и ведущая систематическую исследовательскую деятельность по всему миру.

В Научно-Исследовательском Институте Памяти им. Г. С Попова, который возглавляет наш Шеф Олег Викторович Мальцев, на данный момент выполняются оба эти условия. У нас есть Экспедиционный корпус — специальное научное подразделение НИИ Памяти, а также разработана четкая методология исследования, которая уже показала свою эффективность в более, чем 30-ти экспедициях по всему миру.

В ходе демонстрации практического применения метода историзма, мы познакомим вас представлена с деятельностью Экспедиционного корпуса и с этапами формирования этой методологии. Приведём примеры применения исторического концептуального метода при исследовании городов, регионов и даже целых государств.

Научная деятельность по данному направлению в наших научно-исследовательских институтах проводится уже более 20 лет. Однако решение о создании Экспедиционного корпуса было принято 8 лет назад в Мюнхене. Именно в этой поездке мы приступили к исследованию городов как неких учебных аудиторий. Импульсом к этому послужило небольшое, но очень интересное открытие, которое в итоге переросло в постоянное научно-исследовательское направление…

Исследование Мюнхена началось с самого центра — с Карлсплац, где на одном из центральных зданий стоят корабли. Это нам

показалось очень странным, поскольку в самом центре города, отнюдь не приморского, уже не первый век стоят корабли. Да и сам Мюнхен пропитан символикой морской традиции.

Пуркуа па? Так вполне законную прописку в нашей повестке дня получил вопрос: «Как получилось, что не будучи приморским, Мюнхен является пристанищем судов и остовом никому неизвестных морских традиций?». В результате многолетнего исследовательского хождения по всему миру, появилась книга в научно-методическом жанре «Тень европейского континента» (Олег Мальцев, 2019 год). Вкратце мысленно пройдем три этапа формирования нашего подхода.

ЭТАП 1. ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА ГОРОДОВ

Дабы с научной точки зрения изучать города вообще, применяя прикладные исторические методы, необходимые источники. Те, конечно, которые не вводят в заблуждение. В науке, как и в настоящей литературе, приняты ссылки на документы и факты. Вне таких ссылок специальные публикации вызывают здоровые сомнения. Размах крыльев человеческой фантазии не вычислен ни одной теоремой. Или, попросту говоря, придумать можно все что угодно. Ссылки же на документы, подтверждающие факты, вызывают большее доверие — их можно проверить. Хотя история журналистики научную эту традицию ставит под сомнение. Уж о чем и как только не ведали потребителю — и со ссылками, и вообще без таковых. Ну, а то, что современность в этом смысле бьет все рекорды — тема для отдельных научных исследований менталитета журналистов и их продукции.

Откровенно говоря, авторам этих строк многие читатели-зрители и слушатели нередко напоминают пушкинского лирического героя, который даже просил его обмануть. Помните: «Ах, обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад». Этот несколько странноватый тезис, чуть ли не принцип современного нашего потребителя. Давненько шелестит фраза: «Пипл хавает». Бедный пипл! И что он только не схавал, сочувствуем. Но видимо, этот эффект — всерьез и на долго. Кстати, когда-то в журналистике он считался чисто одесским. Еще до 1917 года, к примеру, в Одессе выходила газета «Почта» издателем и главным редактором был некий Абрам Финкель. Предприниматель незадачливый, но журналист божьей милостью. То есть — фантазер и авантюрист. Его издание называли «Почта-телеграмма Финкеля Абрама». Однажды мальчишки-продавцы, бегая по Одессе и размахивая газетой кричали: «Сенсация! Только в нашей газете! Сегодня утром в Одессе на Пересыпи лопнул меридиан! Катастрофы для города удалось избежать только благодаря мужеству пожарных херсонских (имелось в виду пожарная часть херсонского района был такой в Одессе)». И что вы думаете? Тираж «Почты» был раскуплен до обеда. И чуть ли не пол Одессы похватали извозчиков верхом, на конках и бегом отправились на Пересыпь смотреть, где же он там лопнул. А публика посолиднее направила губернатору и градоначальнику требование поощрить пожарных. Ну, к вечеру все стало ясно, Финкеля искали по всему городу. Хотели побить. На сей счет у него был опыт — после каждой сенсации он прятался. После чего появлялась новая. Однаж-

ды он даже заставил рыдать всю Одессу: поместил в «Почте» некролог художника Костанди. Живописец и педагог был любимцем культурной Одессы. Ее реакция на эту публикацию тоже понятна. Интересно также, что социальная индивидуальная психология, как наука в общем-то занималась журналистикой, внутренним миром журналиста, его менталитетом. Увы, таких в эфире было слишком мало неспроста, сам Шеф собирался в перспективе заняться этим. Но журналистика — то же производство, только продукция своеобразна. А давно известно, производство — особенно массовое — ответ на спрос. А понимание спроса невозможно без изучения потребителя и его менталитета. Правда в СССР все было проще: партия лучше знала, что нужно народу. И что ему ни к чему и даже вредно. Она хорошо знала, что требуется читателю, слушателю, зрителю. И без чего он прекрасно себя чувствует такое блаженство длилось десятки лет, на которые страна отставала от Европы и Нового света в развитии институтов зондажа потребителя.

Хорошо ли это, плохо ли есть разные точки зрения, но факт: СССР нет и КПСС — уже не наш рулевой. А чудеса с литературой, искусством и наукой продолжаются. И в не меньших масштабах. Мы это все к тому утверждению, что подлинные наука и публицистика — прежде всего — документы и факты. Но и тут нужна оговорка. Еще и еще раз поклонимся великим нашим землякам Ильфу и Петрову: на подозрении Воробьянинова в бело-эмиграции из Парижа ответом была готовность предъявить советский паспорт. Что у Остапа вызвало кривую улыбку: при современном развитии печатного дела на Западе подделать советский паспорт такая мелочь, что об этом даже не удобно говорить. Паспорт! Факт и документ! А — поди ж ты…

Да-да — даже эти атрибуты не чрезмерно надежны. При некоторой наблюдательности и аналитичности нетрудно заметить: самые яркие факты и самые достоверные документы появляются удивительно вовремя. Как, впрочем, и исчезают. Что же касается документа и факта по имени город, этот источник хоть и тоже не абсолютный, но куда более надежен. Его вот так запросто не сожжешь и не подделаешь. Архитектурный символизм — язык Европейского мистицизма.

При изучении Мюнхена, его архитектура беседовала с нами посредством зданий. Каждый храм находился на том месте, где ему положено. Что мы увидели? Сама система построения города делит его и по типам людей. И у каждого типа — соответствующий храм. Как правило, они ходят только в один храм. И не могут — в другой. И для нас самое главное: все эти здания густо содержат информацию, нужную для жизни деятельности того или иного сословия.

На первой стадии мы изучали язык, разбирались с криминологией, с источниками информации для проведения исследований. Можно сказать, именно Германия сформировала Экспедиционный корпус, научила получать, читать и писать информацию в сложных условиях, завершила методологически нашу подготовку к работе в мировом масштабе. А поскольку Европейским мистицизмом занимались мы уже более двадцати лет, было с чем сравнивать. Этот символический язык мы нашли в Мексике, Аргентине, Бразилии. В США. Не говоря уже о Европе. Выходило так, что он идентичен практически на территории всего земного шара. Во всех регионах, где, можно сказать, была Испанская империя.

ЭТАП 2. ГОРОД КАК СИСТЕМА ТРЕНИРОВКИ

Каждый город представляет собой цельную систему тренировки для человека в него попадающего. Идея «город-тренер» пришла к одному из нас при первой поездке в Палермо. Удивительный город! Первое интересное явление для меня заключалось в очень странных правилах и традициях этого района. Да, нам они совершенно непонятны. И вам уверяю, тоже. К примеру, там не считается неприличным и противоестественным вылить в окно или с балкона грязную воду — даже на голову людей. И нам следовало проанализировать явление, научно разобраться в этом вопросе. Разобрались. Люди, здесь живущие знают эти художества с малолетства и поэтому либо не ходят под окнами и балконами, либо перемещаются, осторожно панорамируя снизу вверх, сверху вниз, справа налево и по всем диагоналям. Вот таким образом, видимо, вырабатываются определенные навыки, сами по себе полезные для шейной мускулатуры, позвонков и **реакций**. Ведь уже сказано: «город-тренер», то есть во многих отношениях, можно сказать, учебно-тренировочная площадка для человека.

Бросились в глаза огражденные катакомбы. Выяснилось: имеем дело с трехэтажным городом. Был город, как город потом он почему-то ушел (или провалился под землю) на голову этого города, воздвигли второй. А потом и третий — тот который мы видели. Вот такая тренировочная площадка. Можно сказать, полоса препятствий.

После длительной нашей работы родилась решетка, базовая для исследования всех городов.

Антропологический уровень тренировки

В примере с Палермо город тренирует вас смотреть не только по сторонам, но и вверх, и вниз. Этот уровень в каждом городе выглядит по-своему.

Биомеханический уровень тренировки

В Палермо на этом уровне отметим такую тренировку, как «вождение автомобиля»; Она «укрепляет» ваши глазомер и память. Улочки там узкие, вырабатывающие навык определять возможность проехать на своем автомобиле. Притом, улицы эти запутаны, что вырабатывает умение ориентироваться по памяти.

Психологический уровень тренировки

В Палермо этот уровень отражен в отношениях между людьми, а также контактах граждан с госдепартаментами и полицией. Это уровень предупреждения и разрешения конфликтов.

Менталитетный уровень тренировки

Символьный уровень тренировки

Палермитанские храмы — потрясающие учебники Европейского мистицизма.

ЭТАП 3. ИЗУЧЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА И ФАКТИЧЕСКОЙ ЖЕ ИСТОРИИ РЕТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ЭТОМ ГОРОДЕ

На данном этапе мы изучали феномены в разных частях мира. В Мексике, США, странах Европы — в том числе родной Украины. Этими исследованиями, по сути, заняты мы и сегодня. В этом здорово помогают наши исследования криминальных традиций, поскольку, можно сказать, это уникальные транспортные средства истории при восстановлении фактической биографии городов. Именно криминальная традиция демонстрирует нам основной феномен трансформации личности.

Эта схема формирования характерна для определенного региона. Любая криминальная традиция — симбиоз. Криминал существует издревле в той или иной форме. Давайте рассмотрим принципиальную модель формирования криминала. **«X1»** — исходный эквивалент — люди совершившие преступления, люди, которых отправляют на каторги и т.д. **«X2»** — в определенный момент те люди, которых многие начали считать преступниками, стали… евреи. **«X3»** — с приходом эпохи великих географических открытий самыми плохими стали пираты. Затем на арену истории вышли другие категории — заговорщики, злодеи, и прочие. Они в нашей схеме станут — «X4», «X5», «X6». Далее — «X1» и «X2» формируют новое поколение — «B1», которое является ретрансформацией этих эквивалентов. «B2» появляется как ретрансформация «X2» и «X3», затем появляются «B3»-»B5» как ретрансформации остальных эквивалентов.

Есть только два крайних эквивалента, которые не подвержены ретрансформации — «X1» и «X6». Все люди, которые оказались в условиях этих двух эквивалентов — от «B1» до «B5» — вобрали в себя весь опыт предыдущих поколений. Как такое могло произойти? Очень просто — благодаря власти. Вместо того, чтобы этих людей разъединить, их соединили. То есть отправили в одно место — в тюрьмы. Евреи дали им, можно сказать, самую сильную религию на земле. Пираты научили их биться в самых невыносимых условиях с применением холодного и огнестрельного оружия. «Несогласные» научили методам конспирации, ухода от полиции и т.д. А революционеры передали им науку террора, превратили, по сути, в террористов. Получился серьезный изолированный центр подготовки, а к определенному моменту тюрьмы стали прекрасными школами подготовки спецслужб. Эти люди впитали в себя весь «деструктивный опыт» предыдущих поколений. И им даже предоставили специальные заведения для того, чтобы хорошо подготовиться. Именно власть, которая придумала тюрьмы и каторги, создала эти страшные университеты и академии, криминальные сообщества, которые живут по настоящий день.

Анализируем город, наблюдаем ту же самую парадигму; а значит, **мы можем, изучая историю города, изучая ретрансформацию личности историческим методом, получить предметное представление, who is who — кто есть та личность, что выкована и взращена городом.** Также можем объяснить, почему среднестатистический житель этого города выглядит именно «так», и ведет себя определенным образом. Причина — целая описанная выше система, которая формировала жизнь человека и его предков на протяжении многих лет и передавала эти знания на бессознательном уровне в режиме программной судьбы, которую описывал основатель судьбоанализа Леопольд Сонди (1956).

На базе результатов проведенных исследований таких криминальных сообществ, как Ндрангетта, Мафия и Каморра, а также той территории, на которой они родились — Калабрии, Палермо и Неаполя, соответственно — написана монография «Философия Юга Италии» (Мальцев, Лунев; 2020). В этой книге в том числе был разрешен парадокс Бодрийяра, ключевым тезисом которого является «копия без оригинала», или симулякр. Другими словами, почему люди воспринимают все явления совершенно неверно. И каждый — по-своему. По сути, мы показали главную причину возникновения симуляции в городе.

Например, существует Мафия в Палермо, которая в разные периоды истории воспринималась по-разному. **Её восприятие людьми в 12-м веке отличается от восприятия в 13-м, 14-м веках и так далее (прим.: вспомните первый пазл!).** Эти типы восприятия попадают в круговую диаграмму. То есть всегда будет существовать определенный процент людей, которые воспринимают мафию как «мафию 12-го века». Но есть те, кто воспринимает ее как мафию 13-го, 14-го веков и так до 21-го века. В дополнение к этому, в определенный момент Мафия разделилась на американскую и итальянскую, которые также различаются. Если мы возьмем двух людей, то их восприятие одного и того же явления будет кардинально отличаться, и причина тому — парадокс Бодрийяра.

В заключении отметим, что **перечисленные три исторических этапа** показывают подход Экспедиционного корпуса к исследованиям. Причём каждый этап и каждый используемый нами инструмент имеет глубину. Но принципиальная схема такого способа выглядит так:

1. Изучение фактической истории города с использованием безукоризненных источников — архитектурные сооружения, оружие, воинское искусство и криминальные структуры;
2. Изучение ретрансформации личности человека специальными методами;
3. Сопоставление данных между собой, с применением специальных аналитических инструментов.

Исходя из этих данных можно точно сказать не только о том, **как город влияет сегодня на человека**, но и почему город сформировал именно таких людей на протяжении определенного количества исторических периодов. Такой подход применим и к городу, и к государству. Мы можем охарактеризовать человека, который живёт сегодня в этом государстве и будем понимать, с каким типом людей имеем дело, и чего от них ожидать. Это и есть **менталитетная составляющая.**

В экспедициях мы используем метод погружения в среду, разработанный академиком Григорием Семеновичем Поповым, который О. В. Мальцев дорабатывал уже в ходе своей профессиональной научной деятельности в режиме полевых исследований (Попов 1951). Суть метода погружения в среду заключается в том, что ученый действительно превращается в обитателя исследуемого города, и это крайне непросто. Вышеуказанные специальные методы позволяют решать исследовательские задачи и получать крайне достоверную информацию.

Таким образом, Экспедиционный корпус, проводя исследования более 8 лет по всему миру, научно вывел и обосновал крайнюю эффективность и результативность данной методологии, как с точки зрения добывания точной и исключительной информации, так и практического применения этих данных в жизни и деятельности.

ПАЗЛ 4.
ПРАКТИКУМ

Итак, есть очередное предложение: Вернувшись из экскурса в методологическое закулисье научной деятельности Экспедиционного корпуса, озвучить главенствующий вопрос. Кто — за? Против? Воздержавшиеся? Мы так и думали — единогласно!

О ЧЁМ МЕТОД «ИСТОРИЗМ»?

Во-первых, о том, что почти всё и почти всегда не так, как мы думали и воспринимали в виде «здесь и сейчас». Тот же преступник в 21-м веке НЕ РАВЕН преступнику в 15-м или 17-м веках. Это как клубок, единое комплексное явление, сочетающее себе в каких-то долях (в неком соотношении) все особенности и характеристики феномена, который формировался не одно столетие. То есть, преступник — это комплексная категория, в которой находят отражение все предшествующие стадии формирования преступного элемента. И метод «Историзм» позволяет понять, какие именно стадии и механизмы были задействованы ранее; чем они похожи и отличаются; чем преступник в Европе отличается от преступника в Америке; как преступные механизмы использовались в альтернативных плоскостях; как менялось отношение к криминалу в веках и что обеспечивало эту разницу. Как, с тактической точки зрения, преступники изменялись сами и меняли способы своей деятельности; как они приспосабливались и трансформировались; какие ошибки совершали, или, напротив, какие успешные инновации вменяли (хотя, часто это происходило не от «хорошей жизни»).

ИСТОРИЗМ — способ очень мощный, и он требует, как говорится, изрядного терпения и запала. Представьте себе, что у вас в руках клубок, например, под названием «Бизнес». Почему бы не применить метод историзма к этой категории?

Начнём с того, что «Бизнес» сегодня, в 21-м веке, никто толком как феномен объяснить не может. С трудом верится? Что же, есть простое проверочно-экспериментальное упражнение: возьмите маркер и попробуйте нарисовать бизнес на доске — отобразить некую его модель, хотя бы ключевые блоки. У вас и у вашего соседа или партнера в итоге получатся совершенно разные схемы (даже если вы имеете в виду одно и то же предприятие).

Отдельно отмечу, что до сих пор «историю бизнеса» никто не удосужился написать. Видимо, кому-то невыгодно… Или получится сказ настолько нелицеприятный и обескураживающий, что такая история, хоть и будучи правдивой, мало кому придётся по вкусу.

Итак, хотите получить свою собственную бизнес-концепцию? На то и практический блок. Пора применять метод историзма как метод концептуализации. **Смело берите феномен «бизнес» и рассматривайте, что это такое. Или «Кем на самом деле был бизнесмен на протяжении всей истории?»**

Кем он был 100 лет тому назад? 200 лет? 600 лет? А когда вообще появился первый бизнесмен? А откуда есть-пошло само это название? А после каких событий организовался класс «бизнесменов»? Чем они занимались?

Попробуйте поискать ответы на пару этих вопросов. Итоги вас заметно удивят. Вы получите несколько совершенно различных представлений о бизнесмене. Сравнив эти исторические представления между собой, вы получите отменную и отборную субстанцию для концептуализации. И дело даже не в расширении кругозора или увеличении уровня познания и образованности. Дело именно в практической пользе: уже само понятие «механизм» дорогого стоит.

И напоследок, в качестве постскриптума.

Кто не в шутку, а всерьез желает как можно скорее и точнее сгенерировать свои собственные бизнес-концепции, предлагаем одно простое действие. Можно прочесть книгу «Тайна или преступление: настоящая жизнь и экономика». С самой первой главы вы напрямую увидите то, как Шеф, автор этой книги, применяет метод историзма и буквально на «блюдце» подносит результаты применения данного метода, которые можно использовать «здесь и сейчас».

От моделей бизнеса, до моделей экономики и организации предпринимательской деятельности; от немого вопроса «кому понадобился бизнес» и что мы сегодня «с этого имеем» — до ответов, как сегодня в условиях постоянно изменяющейся среды организовывать бизнес — до преимуществ построения собственной инфраструктуры — всё это тайна для многих.

Но… для вас ли?

10 РАБОТА С МИФОЛОГЕМОЙ

Что такое мифологема по самому термину легко поймет всякий грамотный, логически мыслящий современник.

Ясно также, что древнее это и всегда современное явление весьма живуче и влиятельно. Особенно для живущих на ее основании — кто не может жить согласно философии, основанной исключительно на фактах.

Нам уже случалось размышлять о механизме человеческих устремлений. Практически, так или иначе все люди к чему-то стремятся. То есть, осознают или, как минимум ощущают где-то перед собой ту или иную цель. Можно ли сказать — к счастью? А почему бы и нет. Ну, кто же стремится к несчастью. Кроме мазохистов, конечно. Это ни чья-нибудь фантазия, это свойство. Можно сказать, люди в этом едины. Вот цели у многих индивидуумов и их сообществ различные. Как и представления о счастье.

Дочери Маркса придумали для папаши своеобразную анкету. Читайте ее, она и сама по себе интересна. Но в графе «ваше представление о счастье» доктор Маркс написал одно короткое слово: борьба. Прочитав подобное уважающий себя, хомо вульгарис, конечно же пожмет плечами. Ибо борьбы в его жизни предостаточно, а счастье всегда в дефиците. То есть алгебраическая формула для всех одна: A+B=C. А цифровые значения совершенно разные. Ибо даже мы, современники, божьей милостью явившиеся в единый мир и проходящие общий его отрезок, по сути, живем в разных мирах. Великие Ильф и Петров считали — в двух. В большом и в маленьком.

«Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода.» — из книги «Золотой теленок».

Мифологема — это неотъемлемая часть сознания и мировоззрения человека.

В процессе жизнедеятельности это — одна из опор в жизни, один из первых конструктов сознания формируемых с детства.

Разумеется, это черно-белая схема. В реальности и оттенкам и цветам несть числа, не говоря уже о том, что между указанными мирами — отнюдь не железный занавес. Бывало, плоть от плоти мира маленького оказывались полпредами большого и оставались в памяти человечества. Что-с? Бывало и наоборот? Конечно, еще и как. Но сам принцип не изменен. Конкретика целеустремления во многом зависят от личной ценностной системы, рассуждениям о которой мы также своевременно уделили внимание. Что такое «хорошо» и что такое «плохо» — разные люди трактуют по-разному. Не отсюда ли разница целей. Дифференциация последних лимитируется разницей уровней интеллекта, умственных особенностей, характерных предрасположенностей. По самой природе человека стремление может быть сознательным и неосознанным. Толкуя о последнем, мы имеем дело с менталитетом. А его можно рассматривать как некий элемент, который и активизирует, и сдерживает человека. И незаметно для самого его перестраивает. Более того менталитет может выступать главным препятствием на пути к успеху.

Мифологема — штука серьезная, она — неотъемлемая часть сознания и мировоззрения человека. В процессе жизнедеятельности это — одна из опор в жизни, один из первых конструктов

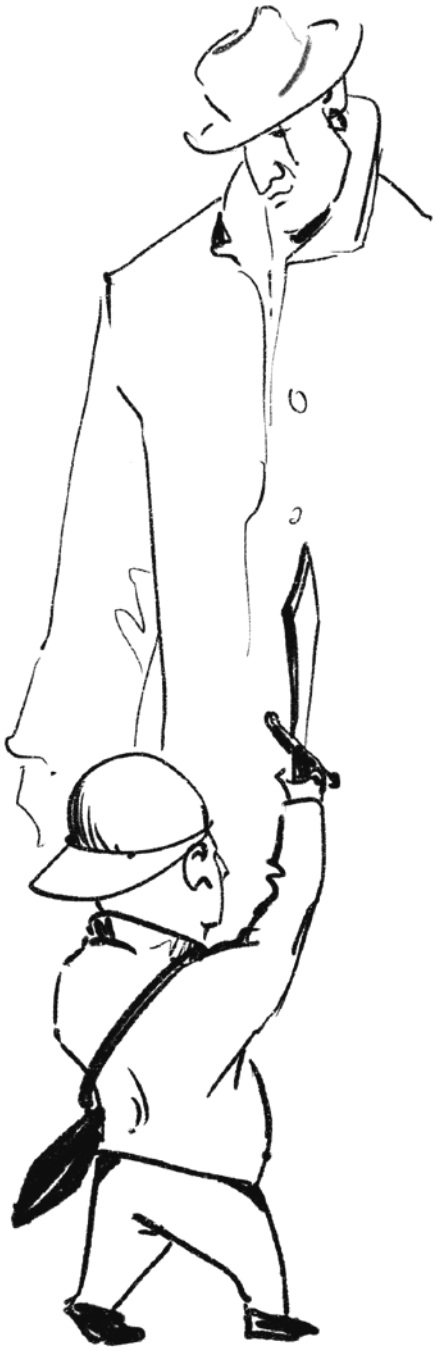
сознания формируемых с детства. Модель сознания и ход формирования можно представить в виде некоего пирога из 8-ми слоев. Один из первых и притом главный, фундаментальный слой сознания — мифологический уровень. Покидая лоно матери, человек не знает, в какой среде он оказывается — ему не знакомы ее правила, порядки, закономерности, традиции и прочее. А о миросозерцании, о миропонимании не может быть и речи. По началу его удел — мироощущение. Условно говоря, в емкости будущего сознания образуется вакуум. Тот самый, которого природа почему-то так не любит. Естественная тенденция заполнения реализуется естественной же потребностью в материале для этого первого уровня или слоя сознания, позволяющего человеку ориентированно взаимодействовать с миром, постигать эту сложную, противоречивую и пока непознанную среду. Возьмем сказки. Иначе — мифы. В общем-то, детская прерогатива. Хотя, перефразируя известную классическую арию, сказкам все возрасты покорны; совершенно очевидно, что на мифологическом языке максимально эффективно формируется первичная картина мира и простая ценностная система. То самое — что такое «хорошо» и что такое «плохо». Заметим, некоторые русские народные сказки (зачем-то обработанные писателями и редакторами), нередко заканчиваются словами: «Сказка — ложь, да в ней намек…» Это ведь — не случайно; случайности не переживают века. Этот инструмент детского познания, кое-что проясняет, а кое-что и затуманивает. С ростом человека, по идее, растет его трезвость, критичность восприятия всего сущего. Соответственно, способность отделять зерна от плевел, правду искусства сказки от правды жизни. Подчеркнем: именно — по идее. Увы, не так уж мало людей очень долго сохраняют психологическую зависимость от мифологемы. Занятно, это бывает даже с теми, кого взрослая жизнь настоятельно пытается вернуть к реальности отнюдь не мифической.

Другими словами, мифологема защищает ещё развивающегося, растущего и познающего мир человека: это — некий щит от хаоса неизведанной ещё и весьма тревожащей среды. Подробно об этом говорил Dr. Мальцев на семинаре в Малой Академии прикладных наук (22 мая 2021 года).

Содержание мифологемы — мифологической части сознания — подлежит изменениям и доработке, причём *как принудительно (методами воздействия среды, то есть — извне, языком ситуаций, случайных и непрогнозируемых событий), так и посредством целенаправленного воздействия самого человека. Процесс доработки осуществляется весьма быстро.*

Не только ребёнку, но и взрослому, да и пожилому человеку можно изменить мифологему. Примеров частичной и даже кардинальной перемены мифологемы в реальной жизни, в литературе и истории представлено немалое множество. В частности, до революции 1917 года массово население Российской империи не имело представлений об истинных идеях коммунизма и социализма. Да и в дальнейшем, строго говоря, даже и при жесткой централизации агитационно-пропагандистской, воспитательно-просветительной деятельности и мобилизации творческой интеллигенции в этом

направлении — разговоры типа «Все — как один!» действительности не соответствовали. Скорее срабатывали не бездарно задаваемая социальная мода, усталость и интеллектуальная инертность масс, беспощадное истребление инакомыслия и апелляция верхов к не лучшим свойствам человеческих умов и душ.

Для всего этого пришлось определённым образом и крайне недобросовестно-тенденциозно (купюры были чудовищны), перевести для массовых изданий не только Маркса и Энгельса, но и самого Ленина. И с конца тридцатых основательно прополоть ряды и междурядья тех, кто помнил и читал их, так сказать, в оригинале. Дело завершилось окончательным отбитием охоты читать первоисточники — которые, признаться, даже в отечественных адаптированных переводах не имели отношения к тому, как массы жили-не-тужили в действительности. Если что и «долбилось», то — в старших классах и в ВУЗАХ, по принципу «Сдал-забыл». Интересный факт-сюжет, ускользнувший от истории: библиотекарь Одесского политеха недоумевала — в два дня у неё вдруг разобрали студенты… второй том «Капитала» Карла Маркса с предисловием Фридриха Энгельса. А вскоре выяснилось: несколько шутников-кавээнщиков пустили слух: этот том сверху… запрещён. Как говорится, потом все смеялись…

В ходе исследования перед научной группой возник вопрос: итак, **человек может принять новую идею, однако каким образом сама идея (или даже идеология, как система идей и идеалов) превращается в мифологему?** В основе этого «превращения» лежит механизм включения регрессивной защиты психики. Итак, регрессивная защита «включается» при наличии давления, побуждающего человека, соответственно, защищаться от такой тенденции внешней среды. И увеличивать собственную степень сопротивления. Всё та же физика: действие равно противодействию по силе и обратно по направлению. Иными словами, **под определённым давлением даже взрослый человек может в известном смысле снова превратиться в ребенка.** И данная «обратная метаморфоза» осуществляется за счёт механизма защиты психики, именуемой «регрессия». Вернувшись к состоянию «ребёнка», индивид способен принять любую новую мифологему, которую он в дальнейшем будет использовать и ретранслировать (рассказывать, к примеру, вовне — нередко с удовольствием, по собственному желанию и бессознательному побуждению).

То есть, чтобы изменить мифологему у взрослого человека, требуется его регрессивно «погрузить» в состояние ребенка. При этом внешнее принудительное изменение не обязательно (ну, чтобы кто-то намеренно, тет-а-тет, «вливал» новую информацию),—

доработка мифологемы может быть осуществлена самостоятельно. Так, человек способен сам осмыслить некую нужную мифологему и принять её для себя как одну — единственную.

Впрочем, описанный вариант самостоятельного осмысления и принятия мифологемы встречается не так часто. Большинство ли, меньшинство ли, а только — изрядное (значительное, влиятельное — как угодно) число людей и в 21-м веке живут на основании автоматической мифологемы. Как некая данность, известная с самого детства. И даже не задумываются о возможных изменениях. Очень многие современники нередко даже не могут представить или допустить, что существуют какие-то иные мифологемы, кроме их собственной. Со временем, по мере взросления, созревания и старения, эта привычная, обжитая, так уютно ставшая по углам души, принятая с детства мифологема может всё более проявлять свою отсталость от ушедшей вперед жизни, неэффективность и нецелесообразность. Но и в этих случаях инерция нередко делает своё дело. Как говорится — тем хуже для реальности!

Мифологема не может быть основана на доказанном факте или аргументированном событии — иначе миф попросту не работает.

Следует отметить, что **мифологема не может быть основана на доказанном факте или аргументированном событии — иначе миф попросту не работает.** Как это там было, у горьковского Клима Самгина: «Да был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?». Да простят верующие, но — зададимся вопросом: а был ли Иисус Христос на самом деле? Нет-нет, ничего не утверждаем, ничего не отрицаем: только спрашиваем. Как это проверить? Такого рода вопросы — уже давно не так уж и редки. Но каждый миф продолжает свое существование, его не проверяют.

Помимо фактической мифологической составляющей сознания у человека существует и мнимая.

Итак, **помимо фактической мифологической составляющей сознания у человека существует и мнимая.** В данной обзорной заметке вкратце осветим ход исследования, посвященного мнимой мифологической части сознания человека, а именно:

- *как меняется мнимая часть мифологемы и что в результате происходит с человеком;*
- *как срабатывает мнимая мифологема;*
- *как срабатывает «замок интеллекта»;*
- *в чём прерогатива менеджмента в современном мире при замковой функции интеллекта.*

Мифологема или мифологическая часть сознания — это элемент нашей жизни, который обязательно надлежит помнить и учитывать при организации взаимодействия с разными людьми.

Мифологема или мифологическая часть сознания — это элемент нашей жизни, который обязательно надлежит помнить и учитывать при организации взаимодействия с разными людьми.

Классификация людей, или попытка, делить их на «плохих» и «хороших» — хоть и вполне традиционна, широко распростране-

на и прочно внедрившаяся в обывательское сознание — крайне примитивна, ущербна и не имеет отношения к действительности. Люди, они — разные и уникальные. Нет, не случайно, не ради кружева-словца сказал поэт: «Людей неинтересных в мире нет…». И подчеркнул: неинтересный — интересен неинтересностью своей. Каждый, буквально с определённым уровнем интеллекта и неким уровнем способностей. Разговор об ограниченности тех или иных людей метафизичен и неприемлем с научной точки зрения. Уже хотя бы потому, что других нет. Знаете, жил-был на свете такой физик — Академик Арцимович Лев Андреевич. Он специализировался на ядерной физике, но при этом прослыл человеком крайне философичным и психологичным, остроумным и в обществе наблюдательным. Так вот, именно ему, говорят, принадлежит замечание: «Всякий ум имеет свои границы — только глупость безгранична». С этой точки зрения — поди, подели людей на умных и ограниченных…

И ещё: насчёт деления землян по черно-белому принципу. Ну, на хороших и плохих. В начале пятидесятых, когда ещё прочно сидела-гноилась в сознании даже и творческой интеллигенции заноза «хорошо-плохо», Татьяной Березанцевой и Львом Рудником был поставлен художественный кинофильм по чеховской «Дуэли». Вам, читатели-зрители, ничего не говорят имена постановщиков? Нам — тоже. И не случайно. Но уже в семидесятые годы Иосифом Хейфицем был снят по той же «Дуэли» Чехова фильм. Знаете, как назвали? «Плохой хороший человек». «Плохой хороший»! И не случайно автор сценария, он же — режиссёр-постановщик — историческая фигура в культуре. Кое-что понимал в диалектике ценностной системы. И был равнодушен к метафизической категоричности.

Среди всего многообразия типов личностей и их гласных и негласных устремлений, тем не менее, как известно, встречаются люди, предпочитающие «мёртвой хваткой», не допуская изменений, держаться за то, что а) уже есть; или б) за то, что кто-либо пообещал. Если даже вы — не теоретик — положитесь на свой личный практический опыт: наверняка каждому известны лица, готовые к любым действиям (в том числе, иррациональным), если это стимулировано. Даже единственно за обещание «хорошего будущего». Такого рода иррациональная готовность (приносящая негативные, разрушительные последствия) обусловлена мнимой мифологемой, которую человек согласен разделить и использовать в собственную корысть, на основании мнимой выгоды. И народ чуть ли ни табуном устремляется к этим «перспективам»; попробуйте, остановите! Сомнут, растопчут — как первого врага народа.

***Итак,* мнимая мифологическая часть определяет качество личности человека в определенный момент времени.** *Непосредственно мнимую мифологему — новый удобный миф — субъект* пытается использовать для преодоления сопротивления в жизни — использовать, чтобы получить (а точнее: обозначить, наметить), какое-либо желанное будущее.

Человек, руководствующийся выгодой, способен весьма быстро менять одну мнимую мифологему на другую — как перчатки. Как только среднестатистический индивид представляет или предвидит нечто «многообещающее» — например, условия получше, еду повкуснее, денег побольше, жить попроще — некая вариация «ожидаемого и желанного светлого будущего», он моментально принимает эту форму сознания.

С другой стороны, фактическую мифологему поменять не так просто. Для этого вначале требуется осмыслить, осознать её неэффективность, затем от нее отказаться. И лишь после этих шагов образовавшийся вакантный вакуум заполняется новой фактической мифологемой. Отметим, что даже весьма эффективные машины советской пропаганды крайне качественно справлялись с мнимой, но не с фактической мифологемой.

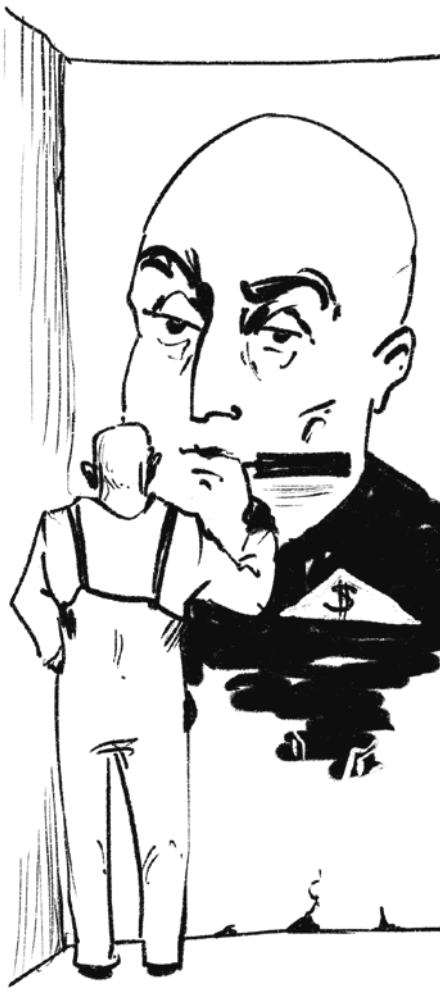
Для обывателя мнимая мифологема выступает своего рода жизненной необходимостью. Такой человек не может жить и функционировать без неё, мнимой, поскольку этот элемент служит ему **в качестве эшелона обороны,** в силу так называемой замковой функции интеллекта. С целью демонстрации принципа действия этого явления приведём пример: разве не логично, что лучше быть бизнесменом, чем наёмным работником? Однако, в силу «неких причин» в общей массе населения бизнесменов только 1% населения, а большинство прочих лиц — наёмные сотрудники, которые даже попадая в бизнес-среду, неспособны в ней сориентироваться или не готовы к трансформациям — к тому, чтобы стать бизнесменом.

Ключ к разрешению данной проблемы кроется в замковой функции интеллекта. Внешне, с точки зрения выбираемой модели поведения, это выглядит итак: человек некий может совершать только строго ограниченные действия, выполняя конкретные функции, при том не желая чего-то большего. Соответственно, при условии возникновения новых и неизвестных задач, срабатывает некий замок интеллекта, не позволяющий преодолевать новое сопротивление. А значит, кто-то иной должен будет преодолеть это сопротивление. Таким образом, непосредственно «менеджмент» становится главной категорией, средой практических знаний и навыков, отвечает за финальный результат. И станет управлять и организовывать участников. Так возникает главная функция менеджмента, базовую формулу которой можно описать следующим образом: **чем ниже интеллект, тем больше менеджмента требуется.**

Исчерпывает ли явление эта формула? Всё зависит от сферы её приложения. Разумеется, в идеале директор завода-фабрики интеллектуальнее его грузчиков, слесарей, бригадиров, начальников цехов и его помощников-заместителей. А хозяин — умнее нанятого им директора-управляющего. Но ведь практика показывает — среди них, нижестоящих, может быть будущий директор. Николай Пантелеймонович Павлюк заправлял такой махиной, как Одесский морской торговый порт. А ведь это никому, в том числе и ему самому, в голову не приходило, когда он поступил на работу

Мнимая мифологическая часть определяет качество личности человека в определенный момент времени. Человек может менять одну мнимую мифологему на другую. Фактическую мифологему поменять не так просто.

Мнимая мифологема выступает своего рода жизненной необходимостью. этот элемент служит ему в качестве эшелона обороны, в силу так называемой замковой функции интеллекта.

учеником докера-механизатора, вырос до докера и даже бригадира. Человек — явление слишком сложное, чтобы вот так, запросто и мимоходом, чётко определять «кто есть кто». И ещё: даже вполне культурным людям выдающиеся художники слова, скажем, известны благодаря издательскому бизнесу. А его организовывали, вели и завивали отнюдь не эти светильники разума и таланта. Иначе до нас бы попросту не дошли бы те, как выразился классик, «…лучи света в тёмном царстве». Мы, люди относительно просвещённые, так ничего могли бы и не знать о Василии Ивановиче Сурикове, если бы не разбогатевший захолустный промышленник, давший денег юноше на поездку в Санкт-Петербург и учёбу в академии художеств. А как попали бы в наше поле зрения-размышления передвижники и мирискусники, если бы не Павел Михайлович Третьяков, никогда не державший кисть-палитру в руках. И едва ли бывший умнее того же Сурикова, Репина или Крамского. Характерно: А. С. Пушкин, ум и талант которого не ставили под сомнение даже и лютые враги, материально прогорел при попытке стать издателем.

Вероятно, тут скорее речь о своеобразном разделении труда при специфичности продукции. Как известно, чем раздельнее труд (в том числе и таковой), тем эффективнее реализация. Одно дело — уметь написать настоящие картину, роман, сценарий-либретто, другое — организовать их изготовление, реализовать это в рыночной стихии в качестве товарной продукции. В этом смысле всё — производство и всё — товар, всё — продукция: и одежда-обувь-головные уборы, и всепогодные истребители-перехватчики, и шедевры скульптуры. Конечно, ловкий менеджмент авантюрного плана может втулить обывателю и туфту. И таких примеров предостаточно. Но серьёзный хозяин и его управляющий интересуются качественной продукцией.

Итак, каждому человеку свойственен определённый уровень интеллекта. И более того, обыкновенно у человека мифологема — одна, а жизнь — совершенно иная. То есть человек «думает и хочет» одно, а живёт — совершенно иным укладом. Таким образом возникают внутренние конфликты, противоречия, порождающие страхи, тревоги, чувство незащищенности и так далее. Дабы не допустить подобного рода противоречий (или, по крайности, смягчить их), в первую очередь требуется упорядочить сознание. Важно отстроить сознание так, чтобы оба уровня работали синхронно и логически соответствовали друг другу. И в данном случае рассмотрим следующую конфигурацию:

Либо философия, либо мифологема.

И этот принцип важно принять к сведению при концептуализации. Люди любят мифологемы, даже те, которые уже хорошо известны; главное — знать, как их подать.

Живет на основании мифологемы только тот, кто не может жить согласно философии, основанной на фактах.

ФИЛОСОФСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, **центральной частью или «ядром» философии выступает мифологема.** Она существует практически у каждого человека (напомним: формируется с детства), а в дальнейшем из мифологемы, как из семени, «вырастает» и проистекает философия. Философия способна и порождать мифологему, и проистекать из той же мифологемы. Таким образом возникает некий «замкнутый круг» или шар. Изначально вопрос заключается в том, какую мифологему человеку дали в самом детстве — эффективную или же неэффективную. Соответственно, эта данность и определит последующий ход развития философии человека, проистекающий из ядра — мифологемы.

Более того, любая организация также всегда начинается с идеологии, а по сути — с мифологемы. У каждой устойчивой системы существует мифологема: либо фактическая (как у Мафии / Каморры / Ндрангеты — мифологема рабочая, реальная, основанная на подлинных событиях), либо мнимая.

Обладая прикладными знаниями о памяти и сознании, признавая существование мнимой и фактической мифологем, человек сможет поставить бессознательную часть своей жизни — собственную автоматику — под управление и тем самым даже изменить свою программную судьбу.

Однако — и это совершенно логичное замечание — прежде чем осмыслить содержание и суть разделяемых мифологем, человеку, безусловно, требуется знать об этих категориях. Тем не менее, современная академическая наука будто бы «не спешит» изучать память и сознание, поскольку освещение подлинных, соответствующих действительности знаний об управляемых категориях, конструктах, механизмах памяти и сознания влечёт за собой последствия — по всей видимости, нежелательные и ненужные в своей массовости.

Прежде чем продолжить наш концептуальный разговор, немного поговорим о тех научных категориях и выкладках, которые могут быть полезны как с точки зрения понимания способов работы с мифологемами, так и для расширения собственного кругозора. Всё-таки, мифологема — «оружие мощное» и на то есть причина.

Итак, мифологема — это «нижний пласт» или «этаж» сознания. Мы могли бы даже сказать, что восприятие человека с детства строится на мифологеме. Мифологема является неотъемлемой частью сознания и мировоззрения человека. Шеф наглядно классифицировал составные элементы мифологемой составляющей, логически **выделив в ней 3 части**.

На третьей — коренной мифологеме — остановимся подробней.

Коренная мифологема — это отражение родового блока памяти; её ещё называют материнской мифологемой, потому что таковая мифологема передаётся ребёнку матерью.

Назначение коренной мифологемы открывается в те периоды, когда в фактической (центральной) мифологеме в результате некоего давления (например, давления от непрогнозируемых или фатальных жизненных обстоятельств) возникает критическая степень сопротивления. Человек сопротивляется внешним неуправляемым событиям. И в некий момент «Х» материнская мифологема срабатывает как предохранитель. Нельзя сказать, что коренная мифологема работает постоянно; она не присутствует «в качестве активного участника сознания», как, в частности, мнимая и фактическая мифологемы, но выходит на сцену временно, в момент критического сопротивления. Пожалуй, по аналогии образно этот «выход» коренной мифологемы на сцену мы могли бы сравнить с появлением джинна из бутылки. Как только резко возрастает внешнее давление на сосуд (как помните, лампу прежде требуется потереть), в некий момент появляется джинн, вылетая из сосуда. И как только сопротивление локализовано (джинн «разобрался» с внешним сопротивлением), этот таинственный участник снова покидает сцену сознания.

Мифологический уровень состоит из:
1) центрального, самого массивного уровня фактической мифологемы;
2) коренного уровня, связанного с родовым бессознательным; Материнского, который соприкасается с сознанием, являясь предохранителем;
и 3) мнимой мифологемы, на базе которой может действовать человек.
При этом существует риск «2» и «3» перепутать с «1» — фактической мифологемой.

Видите, дорогой читатель, сколь мощна, но от этого не менее прекрасна мифологема? Каждый человек сызмала подвластен её влиянию. И да, безусловно, мы не хотели бы нашего читателя уж слишком обременять научными пассажами на предмет классификации мифологем или роли мифологемы как части менталитетной составляющей человека. Скорее, мы поспешили снабдить вас полезной «рудой» для не менее прихотливого вдохновения, которое просто так тоже работать отказывается, ему толчок подавай!

Мифы, легенды, сказания, животрепещущие (и не очень) истории мы любим все, чего таить. И даже если это старая, давно уж известная история, но поданная на новый лад — с новым подходом, например, от вопроса **«а что, ЕСЛИ?»** — с некоторыми изменениями, метаморфозами, изобретениями писательского толка — почему нет? Почему бы не поглядеть ещё раз? Обратите внимание, сколько раз экранизировали творение Брэма Стокера — «Графа Дракулу?» Стоило только «пустить корни» мифам об ужасном Владе Цепеше — колосажателе, так всходы не заставили себя ждать! А сколько «вампирских саг» и рассказов «выросло» только за последние 10 лет! Даже подростки пишут и переписывают тысячекратно этот миф, глядя, простите, со своей колокольни?

Им определённо невдомёк, что можно подход такой себе на верную службу поставить. В частности, и для удачнейших концептологических творений. Да, концептуализировать можно, и исходя из уже существующих мифологем. Изучайте мифы, смело погружайтесь в древность, расширяйте кругозор о «мифологемах» нашего живучего человечества… и полный вперёд! Выбирайте мифологемный корень — да и сажайте его в нужную вам почву. Вот любопытно, какие бы 12 подвигов пришлось бы совершить Гераклу-Геркулесу, родись он не в Древней Греции, а, скажем, в Нью-Йорке 50-х годов? Как бы выглядело «его восхождение на Олимп»?

Или, допустим, всемирно известный миф о Беовульфе. Прекрасная нормандская легенда, весьма поучительная, кстати. Вот уж где путь Героя, европейского воина показан… Стащите на некоторое время полномочия мадам Судьбы: прикажите, чтоб Беовульф родился… вашим соседом!!! И отправляйтесь вместе с ним навстречу великим целям и вершинам! Встречайте ведьм и монстров; оказывайтесь в водовороте восхитительных сражений и невероятных побед; победите Дракона, в конце концов. Понятное дело, в наши дни «драконы чешуйчатые» открыто перевелись, но не мешает же этот досадный факт вашему воображению породить некоего человекоподобного героя. Пускай даже Ивана Иваныча по фамилии «Дракон», который окажется эдаким Плюшкиным и в своём сейфе-пещере станет сторожить прекрасное сокровище, которое Ваш сосед-Беовульф случайно как-то… украдёт. И да, конечно, «воровать — нехорошо», но суть в другом: побудить своё Я животворящее к генерации концепций. А для этого ему и поле, и простор подавай, и инструменты отменные да упражнения интересные. Вот мы и «подаём»; поверьте, метод работы с мифологемами — один из самых динамичных, интригующих и весёлых. А лучше — проверьте!

Или такой приведем вариант в качестве тренировочного: выберите любимый миф — вот прямо чтоб вам нравился, чтоб легко с ним вам было — да и «посадите» главного героя сего мифа в сказочную Одессу. Например, в наши дни. А то и вовсе отправьте его в будущее — космос осваивать! На другую планету, где человеческие правила игры чужды тамошнему разуму, потому что там обитают трансцендентные осьминоги?

Почему нет? Кто же вам в силах запретить?
Верно, никто.
А посему — попутного ветра в концептуальных начинаниях!

Если миф сталкивается с мифом, это в высшей степени реальное столкновение.
Станислав Ежи Лец

11 ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «МАТРИЦА ЖИЗНИ»: ПРЕДПОСЫЛКИ ИЛИ КВЕСТ.

АННОТАЦИЯ

Сей термин нередок в научной литературе. Хотя и материалы, которым он предшествует, обычно не предназначены для так называемого широкого читателя. А если почему-то все же встречается, ему кажется это скучноватым. Конечно, авторам этих правдивейших строк очень не хотелось бы в глазах читателя быть тем чеховским телеграфистом Ять, о котором его знакомая говорила: «Это они хочут свою образованность показать. И потому всегда говорят о непонятном». Тем не менее, эту главу (мы тут… посоветовались) откроется именно аннотацией; так было в материале — основе этой главы, в самом результате авторского научно-практического, гносеологического осмысления исследовательской концепции «матрица религий». Материал этот был представлен в декабре 2020 года в «Институте Памяти» академиком УАН, доктором философии Олегом Викторовичем Мальцевым. И естественно, изобилует научной терминологией. Здесь же отражен ход анализа эвристической модели той самой «матрицы религии», выступившей качественной предпосылкой к концептуализации источников и причин поиска человеком его жизненного пути (квеста).

Предмет исследования данной главы — формула жизненного квеста; **субъект** исследования — категории «русский и американский квесты». **Результат научно-практической рефлексии** — эвристические модели и формы позволяющие осмыслить суть, особенности и препятствия, возникающие практически перед каждым человеком на пути прохождения судьбоносного квеста. В особенности — в 21 веке.

ВВЕДЕНИЕ И ИТОГИ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Исходя из анализа предпосылок самого возникновения религии, инициатор, руководитель и автор этой научной разведки пришел к концепции уже упомянутой неоднократно «матрицы религии». Концепция сия была апробирована в научно-исследовательской экспедиции в Нидерланды (декабрь 2021 года) и на международном научном симпозиуме «Технология 2CAO», а также на прошедшем в одесском отделении УАН семинаре «Секреты человеческой психики». Один из основных результатов нашей научной разведки — системная презентация исследовательской концепции. Да-да, «эвристическая модель». Внимание! Ее же и представляем.

ПОЗНАВАТЕЛЬНО - ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ФУНКЦИЯ РАЗУМА

НЕБО

ТАЙНАЯ КАРА

ЗЕМЛЯ

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ, ЗРЕЛИЩНАЯ , МИСТИЧЕСКАЯ, И СПРАВЕДЛИВАЯ ФОРМА РЕЛИГИИ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЯВЛЕНИЙ

ЗАЩИТИТЬ

ЗРЕЛИЩНАЯ ФОРМА = ПОКОЙ (все есть)

МИСТИЧЕСКАЯ ФОРМА

ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

ДРАМАТУРГИЯ
(цирк, спектакль)

ПАРАДОКС

МАСКИ
(Одевает - Бог вселяется)

АКТЕРЫ
(собиратели + охотники + актеры)

ТАНЕЦ В ОБРАЗЕ КЕНГУРУ
(тройная форма: актер; кенгуру - мистика; кенгуру - проводник к чему-то (оракул)

СЛОЖНОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ -
кол. концепций увеличивается

ПРОГРАММА + ЧАСТОТНОСТЬ
(держат контакт с паствой) - исповедь

Зооморфная форма воплощения Бога

«Матрица религий» — еще и исследовательская среда, сама по себе рождающая предпосылки, которые стимулируют к дальнейшему глубокому осмыслению элементов модели. Если говорить о тактике методологии исследовательской концепции, эта «матрица» — источник последующей концепции.

Эта модель — еще и исследовательская среда, сама по себе рождающая предпосылки, которые стимулируют к дальнейшему глубокому осмыслению элементов модели. Если говорить о тактике методологии исследовательской концепции, эта «матрица» — источник последующей концепции. Предположение автора: в дальнейшем «матрица религий» может использоваться, как хороший трамплин для исследований на стыке наук. Ну, к примеру, философии (в том числе и философии религий), культурологии, прикладной психологии и, в частности, судьбопсихологии. В этом же ряду — социология, отчасти — политология, криминология и другие. Данная статья репрезентует сам ход научно-практического анализа найденной модели «матрицы религии», как предпосылки к концептуализации источников и причин поиска (квеста) человеком его жизненного пути.

ХОД НАШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

В роли стартовой позиции этой самой концептуализации определен вопрос гносеологического порядка. Именно: «Все шестнадцать элементов модели возникли спонтанно? Да, полно-те, возможно ли это?». То есть сами по себе? Естественным путем, не рукотворным?

Разумеется, модель отражает всю совокупность предпосылок рождения и формирования религий. И, однако же, сама возможность спонтанного формирования шестнадцати элементов сомнительна. Почему-с? Да потому-с! Во-первых, перед нами — именно система. И система слаженная. Во-вторых, система эта действует организованно и последовательно (заметьте, на модели отмечено стрелками). В-третьих, стихийная, нерукотворная система характеризуется известным минимумом искажений. Но, с другой стороны, созданная искусственно, она характерна значительным числом искажений. Пример: некий профессор А подготовил лекцию и прочел ее студентам. Студент Б прослушал ее и наверняка воспринял ее — хоть немного, да по-своему (искажение 1). Студентка В, пропустившая лекцию по уважительной причине, попросила ее пересказать. Студент Б сделал это весьма охотно и добросовестно, но… Да-да, конечно же — в своем субъективном восприятии и с особенностями личного способа изложения (искажение 2). Можно ли сомневаться в том, что студентка В воспримет, осмыслит и при случае передаст полученную информацию следующему звену коммуникационной цепочки с искажением — 3, а может и 4. Следует предположить… да нет, категорически утверждать: на пятом-шестом-седьмом акте передачи все той же информации, она поступит не только

с некоторыми искажениями, но не имеющими ровно никакого отношения к исходному материалу. Ну, как в старой коллективной игре «Испорченный телефон», популярной в советскую старину.

Теперь, возможно ли, что все шестнадцать элементов эвристической модели возникли спонтанно? Заметим, по мере исторического развития — от Античности до Новейшего времени — религии изменялись. И изменялись существенно. В конце концов (коль скоро вообще можно толковать о конце процесса), базовые религии претерпевали существенную ретрансформацию. И поскольку мы наблюдаем реализацию принципа искажения, то и, стало быть, наверняка имеем дело с системой рукотворной.

Давайте рассмотрим логическую эту цепь сквозь призму исторического хода ретранформации «религиозной матрицы». Начало начал: многие функции выполняет одно лицо. Он же — государь, он же — первосвященник, он же — военный руководитель. Главковерх. Весь триптих власти — мистическо-религиозной, военной и гражданской (бывало — и судейской) сосредоточены в одном лице. Но время шло. И логика исторических обстоятельств, которая оказывалась и в этом выше логики намерении лиц, властно требовала (по Марксу, которого тогда еще не было) разделения труда — ради его качества и производительности. И на историческую арену выходили иные действующие лица. Это была тенденция сужения специализации. Ученые и до нас неоднократно задавались вопросом, почему произошли такие изменения. Сегодня популярна теория, свидетельствующая в пользу потребности роста эффективности управления. Пожалуй, хорошо бы не забыть и знаменитое Divide et Impera — «разделяй и властвуй». Современные европейцы и умники Нового света почему-то называют это азиатчиной. Хотя принцип этот исповедуется на всех континентах и субконтинентах. Окромя, конечно, Антарктики, поскольку там вообще нет населения.

Вообще говоря, дискуссии на счет того древнего процесса продолжаются и по сегодня, разделив участников, инициаторов и потребителей данной теоретизации на сторонников более или менее распространенных теорий. А чем мы хуже? Давайте тоже станем в эту очередь и скоротаем в ней время рассуждениями о логике концептуального метода контрпозиции. И первым делом зададим вопрос: «Ну, а что, если появление трех судьбоносных фигур вышепоименованного триптиха (где каждый «птих» — тоже не сам по себе), обусловлено много большим, чем просто исторической необходимостью?». Но для надежды найти ответ на этот вопрос нужна постановка другого: «Чем культура отличается от религии?». Да не спасуем перед разнообразием определений

«культура» и «религия»: решимся на пару-тройку логических формул, раскрывающих сущность данных понятий. Этимологически в основе термина «культура» явно прослеживается «культ», то есть гражданская религия. Иначе — вторая религия или своя религия. То, что и как осмыслил это и применяет в жизнедеятельности человек, принадлежащий к некой социальной общности.

Как, с какой целью существует вообще религия? То же, вторая религия — выбор жизни, подход к ней, то есть гражданский культ. Формула эта позволяет акцентировать на принципиальном отличии религии и культуры: гражданский культ, вторая религия или «своя религия», (как говорят на Сицилии) не приемлет посредников между Богом и человеком. Как часто объявляют в бизнесе, «посредников просим не беспокоиться». В этом есть известная логика. Не говоря уже о морали. Для истинно верующего Бог — везде и вся. Вездесущ, всемудр и всесилен. Повсеместен. С какой же стати таскаться в какое-то другое место; где захотел — молись. Он услышит. Тем более на Руси искони говорили: «В церковь — близко, да ходить склизко. А в кабак далеко — да ходить легко».

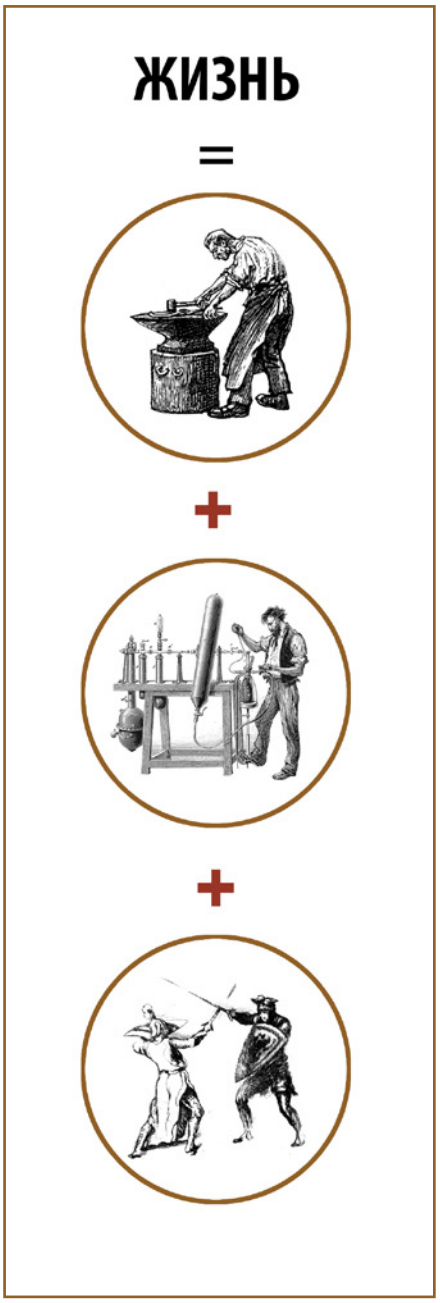
При анализе понятий и явлений «русский и американский квесты» также целесообразно представить и аксиологическую формулу к вопросу «что такое жизнь?». Как говорят наиболее продвинутые интервьюеры, вопрос конечно интересный. Но вопрошающих уже давным-давно простой определенный ответ воинствующих материалистов-биологов «жизнь — форма существования белковых тел» почему-то не устраивает.

С литературно-философской точки зрения мы могли бы предложить концептуальную формулу «жизнь — игра со смертью». Для конструкции «человек», с физиологической точки зрения, жизнь — это ежегодное старение. Для лихости и формулировочной хлёсткости можно сказать: «Это — болезнь, передающаяся только известным путём и имеющая только летальный исход». Или: «Жизнь — вредная вещь, от неё умирают». Однако, поскольку определение должно быть таким, чтобы его можно было бы в дальнейшем использовать, исходя из концептуальной формулы осмысления отличий культуры и религии, а также исследуя явления «русский квест» и «американский квест», автором предлагается следующий концепт:

ЖИЗНЬ — СУММА ПОЕДИНКОВ.

Иными словами, жизнь представляет собой суммарную общность поединков. В процессе жизни и деятельности, в ходе квеста (американского, русского или иной формы), что бы человек ни делал,

его поступки целесообразно рассматривать как некий поединок. Другими словами, «жизнь = состязание», в том числе, в профессиональном ключе. К примеру, когда плотник мастерит фигуру из древесины, инструментом он преодолевает силу сопротивления дерева. Так на наглядной модели можно представить поединок, происходящий между деревом (материал, объект, к которому прикладываются усилия) и руками мастера (система, передающая усилие в соответствии с замыслом). Другой пример: допустим, каменщик строит дом. В этом случае мы имеем дело с комплексной системой ряда поединков: от физического преодоления силы сопротивления строительных материалов до совокупности разрешения интеллектуальных задач или «поединков». То есть «жизнь» выступает как сумма поединков с внешним пространством — от поверхности его тела и одежды, и до бесконечного космоса: поединков, связанных с организацией третьих лиц, поединков с самим с собой и пр. То есть человек живёт, сражаясь с внешней средой.

Оговоримся: его микромир также разнообразен и бесконечен. Не спроста он зовётся микрокосмом. И также, как от поверхности человеческого тела можно увеличивать расстояние до бесконечности (прибавляя и умножая до глубин космоса и далее), в обратном направлении, то есть внутрь человека углубляясь, также можно вычитать и делить бессчетно. Слыхали, небось, о бесконечно малых величинах?). И значит, следует толковать о сумме поединков не только вовне, но и в глубине. Многотысячелетнее изучение человеком себя самого, собственного нутра, увы, всё ещё и в микрокосме не стерло множества белых пятен. Как сказал поэт:

Не так уж он понятен,
Понятный этот мир,
В нём много белых пятен,
А также — чёрных дыр.
И то, что так знакомо
Лежит по сторонам,
Как третий глаз дракона
Подмигивает нам…

И в этой сумме поединков важно помнить тезис древних: «Vae victis!». «Горе побеждённым». Как правило, имелось в виду, победивший — судья, побежденный всегда неправ. Не трудно уверовать в то, что за многие эпохи сражения человека со средой должны же были накапливаться особые наработки и отдельные знания, некий практически и полезный опыт. Тот самый, сын ошибок трудных. Его совокупность, можно сказать, и есть «культура». То есть, если мы осмысляем жизнь человека как сумму поединков

с внешней средой, то совокупность выводов и знаний, полученных опытным путём, данных, передаваемых из поколения в поколение, и формирует культуру.

Однако не все знания передаются как общественное достояние из поколения в поколение. Отдельным форпостом возвышается над таким массивом ещё одна категория — и это «тайна» (совокупность неявного, не находящегося в общем доступе, сокрытого, осмысленного единицами и т.д.).

По сути, данные категории представляют две различные формы. Они делят человечество на эти две формы: «тайна» и «жизнь». Полученную концептуальную форму предлагается проверить, используя элементы исследовательской концепции «матрица религий». На рисунке представим классификационную систему.

- познавательная функция разума;
- тайная кара;
- физиология;
- справедливость;
- сложные догматические учения (входят в обе категории);
- программы (входят в обе категории).

- представители явлений;
- стремление сильных защищать;
- драматургия;
- парадоксы; маски; актёры;
- «танец кенгуру» (как физический способ познания мира);
- сложные догматические учения (входят в обе категории);
- программы (входят в обе категории).

Как видим из сопоставления элементов эвристической модели «матрица религии» (посредством компаративного метода), все элементы имеют прямое отношение к первой, второй или обеим формам. Лишних элементов, которые бы не относились к какой-либо из форм, нет.

Далее рассмотрим вопрос: «Чем две данные формы отличаются между собой?». Ключевой параметр: источник происхождения. Культура возникает из суммы поединков, из опыта, который также выступает предпосылкой качественного осмысления опыта, его теоретизации, классификации, технологизации и пр., что, в свою очередь, порождает науку.

Как возникает форма «тайна»? Что лежит в её основе? Некая трансцендентная форма, что, в свою очередь, находит своё выражение в последующей ретрансформированной форме — религии. По сути, в основе данной формы укоренены такие категории, как «мистика» и «мистификации». Мистификация — некая субформа, возникающая следствием незнания и непонимания человеком естественных событий, явлений и их причин. Как известно, человек имеет тенденцию мистифицировать то, что ему неведомо. Иными словами, «мистификация = выдумка». Если культура происходит из суммы поединков (то есть, из фактической жизни), то тайное знание происходит из мистификаций (и их дальнейших осмыслений). Однако мистика, подобно медали, имеет и «оборотную сторону», то есть формулу знания. Но в таком случае знание надлежит сделать закрытым, недоступным. И, по сути, мы могли бы даже выдвинуть концептуальную гипотезу о том, что наука «вышла» или «появилась» из культуры.

«Наука должна быть очищенной — как практический, полезный опыт множества поколений» — как говорил выдающийся учёный, академик Григорий Семёнович Попов. В частности, его исследовательская концепция ключевого навыка эпохи подтверждает представленные выше наблюдения и умозаключения. Подробнее о концепции ключевого навыка можно ознакомиться на страницах научно-популярного журнала «Экспедиция».

Почему представляется логичным выдвигать концептуальную гипотезу о том, что науку порождает культура? Как минимум, дело в том, что даже в сверхразвитом постиндустриальном 21-м столетии существуют так называемые «установки в науке». Подробно об установках в науке и системном подходе к осмыслению их роли, масштабности и значимости влияния описано в книге «Тайна или преступление. Настоящая жизнь и экономика».

На данном этапе временно отставим в сторону вопросы уровня: кто создал установки? А рассмотрим некоторые последствия. Психологические, политические, социальные, исторические, культурные и прочие установки ограничили в режимах «интеллектуальной деятельности» всю «машину науки» (вне зависимости от

дисциплин, будь то математика или глубинная психология). В итоге, сгенерированный облик науки, который люди привыкли воспринимать, как науку 21-го века, продиктован допущенными и отрегулированными третьими лицами установками. Что немаловажно, большинство установок вообще характеризуется негласностью, их объясняют «так принято / не принято в научном мире», при этом без особой аргументации причин.

На рисунке выше представлена образная модель того, как выглядят «установки в науке». По сути, это некие ограничители, призмы восприятия, отсекающие общественно-приемлемые фрагменты данных. Соответственно, логически мы могли бы заключить и следующее: кто владеет установками и управляет ими, тот и регулирует ход борьбы и, наконец, саму победу — будь то в науке или в жизни; побежденным же в лучшем случае приходится довольствоваться только тем, что было «отрезано» догматами и «резцами» установок.

Представим и несколько наблюдений криминологического толка.

Рассмотрим формулу в комплексе:

«ТАЙНА» + «КУЛЬТУРА» (ИЛИ СУБКУЛЬТУРА) + ОПРЕДЕЛЕННОЕ ЧИСЛО ПОЕДИНКОВ

Что позволяет сформировать данная совокупность? Переходя в осмыслении к криминологическим категориям, мы получаем компоненты, формирующие так называемую «изнанку общества» (применим образную аналогию) — иными словами, криминальную систему. Так и криминальная система характеризуется такими же двумя формами, что и ранее рассматриваемые формы общества. Безусловно, криминальной системе присущи свои тайны, традиции, совокупность субкультур, даже некая собственная уникальная «сумма поединков». И любой человек, проходя ту или иную форму квеста, на определённом этапе у социальной развилки совершает выбор относительно «стороны медали» образа жизни, который он будет в основном исповедовать — криминальный или социально приемлемый.

Следовательно, на основании осмысления исследовательской концепции получаем две согласующихся системы, в основе которых — единые, идентичные сущностные устройства. Условно назовём их «социально приемлемая сторона жизни» и «андеграунд» (криминал).

О социальной развилке: С точки зрения последствий выбора, в пределах квеста существуют различные позиции. В «американском квесте» отношение к андеграунду не таково, каково в «русском (европейском) квесте». Налицо, безусловно, и менталитетные различия. Например, с точки зрения качества или уровня жизни и доступных благ, в русском менталитете есть такой стереотип: «андеграунд живёт, а люди по ту сторону развилки прозябают, борются за выживание и существование». Есть и другие традиции, в которых полярность положительного и отрицательного иная. Тем не менее, существенно эти системы устроены одинаково:
А) есть некая тайная составляющая (не для всех);
Б) есть совокупность поединков, формирующих опыт;
В) есть компиляция осмысленных из опыта выводов.

И эти три категории присущи как андеграунду (криминалу), так и социально приемлемой стороне жизни. Например, и в андеграунде существует такая же система передачи знаний из поколения в поколение, что формирует облик криминальной науки, криминальной культуры, совокупного опыта, суммы пройденных поединков. Отличие: если в социуме люди «сражаются в основном и главным образом с внешней средой, то андеграунд «воюет» с другими людьми. Тем не менее, и в криминальной среде есть и своя наука, и свои традиции, и свои герои. И с точки зрения жизненной успешности и показателя эффективности, криминальная культура и субкультура сегодня во многом одерживают победу. Криминальная культура и субкультура вытеснили такой компонент, как «тайна» из социального «этажа» (причём, тайны как в виде знаний, так и в виде домыслов).

Криминальная тайная наука (в частности, наука о том, как обеспечивать собственное благополучие, неприкосновенность и неуязвимость) практически вытеснила трансцендентную, тайную составляющую, социально приемлемый «этаж» жизни человека. Мы могли бы отметить, что придуманные и вымышленные религии и течения сегодня вытеснены (причём не только криминальными субкультурами), и, по сути, наш мир сегодня выглядит как культура или субкультура. А такой компонент, как «сумма поединков» не исчез. В итоге остались только два конструкта: жизнь как сумма поединков и культура как некая обобщённая традиционная форма опыта, нацеленная на то, чтобы человек смог выходить победителем из череды поединков.

Исходя из представленного рассуждения, можно было бы сделать вывод: знания о том, как научиться одерживать победу в сумме поединков в криминальной или общественной жизни сосредоточены в блоке «культура», а именно в категории «наука». Однако этот вывод не является точным без учёта категории «установки». Напомним, что субстанция, представленная к научному осмыслению и практикуму, проходит так называемые «резцы приемлемых и допустимых установок». Соответственно, установки продолжают «обрезать» общественно приемлемые данные. И общественная форма науки не выступает сегодня, в 21-м веке, фундаментальным и абсолютным источником решения всех вопросов. К слову, таковой тенденцией зависимости от установок не получится охарактеризовать андеграунд, поскольку он не имеет отношения к установкам социально приемлемого типа (не связан её ограничениями). Более того, криминальная субкультура сама по себе категория тайная.

ВЫВОДЫ

Итак, в итоге концептуального осмысления всех предшествующих изложенных категорий и явлений, получается следующее:

1. Совокупность поединков выступает предпосылкой и источником ежедневных вызовов человеку, толкающих его обращаться к некоему опыту предшествующих поколений;
2. Опыт предшествующих поколений должен быть (с точки зрения эффективности) обобщён в блоке данных «культура», однако по целому ряду причин в 21-м веке этой актуальной системной «науки побеждать» не существует;
3. Тайная часть знания (и пришедшие на смену мистификации), её мистическая составляющая (социально приемлемый форпост) не позволяют современному человеку находить ответы на возникающие в процессе жизни и деятельности вопросы и задачи;
4. Существует не только категория общественно или социально приемлемой стороны жизни, но и андеграунд; их устройство сущностно идентично: три идентичных блока свойственны обеим формам;
5. В ходе развития социума, на этапе постмодернистской формации развития общества, тайная социальная составляющая вытеснена; соответственно, функциональными остались такие элементы, как «культура», «субкультура» и «сумма поединков»;
6. Сегодня «сумма поединков» никак не связана с формой «культура», зато напрямую связана с формой «субкультура». Субкультура, в свою очередь, может быть связана с категорией андеграунда «криминальная субкультура». Делать ли выбор в пользу криминальной субкультуры (или в пользу иной общности) — это один из важнейших вопросов, с которым каждый индивид сталкивается на определённом этапе судьбоносного квеста.
7. Что даёт выбор в пользу «криминальной субкультуры»? Отличительная черта — эффективность и качество разрешаемых жизненных задач. Криминальная субкультура призвана напрямую формировать и хранить знание о том, как реализовывать сумму поединков.

8. Культура человечества (речь о социально приемлемой «стороне медали») в силу множественных негласных установок неспособна отвечать на вызовы эпохи и реализовывать вопросы и задачи, исходящие из суммы поединков.
9. Культура человечества ретрансформировалась в науку, которая под воздействием установок превратилась в форму «академическая наука». То есть, по факту, наша культура отсутствует как таковая, ей на смену пришли установки, породившие академическую науку. «Сумма поединков» как генератор жизненных задач, при этом, осталась функциональной составляющей; однако человечество, руководствуясь академической формой науки 21 века, не располагает нужными знаниями, методологиями, логикой и даже сведениями, с помощью которых можно было бы результативно справляться с жизненными вызовами.

Облик мира в 21-м веке

На основании вышеизложенного возникает, пожалуй, один краеугольный вопрос: «Что же делать, если в общественной, социально приемлемой форме самореализации при разрешении жизненных задач более нет той субстанции или того источника, который был бы способен научить тому, как справляться с жизненными вызовами и не остаться проигравшим?». И перефразируем вопрос: «Неужели нет иного выбора, кроме как поиск криминальной субкультуры?».

Эти вопросы и жизненные вызовы сегодня выступают крайне актуальными предпосылками, значительно обогатившими и осложнившими судьбоносный квест. Поиск себя, своего предназначения и жизненного пути побуждает человека (как в условиях «русского квеста», так и в условиях «американского квеста») искать ответы даже там, где их, к сожалению, давно нет (что обусловлено контекстом внедрения установок). И вопросы, поставленные выше — это новые, потенциальные перспективные направления будущих научных концептуализаций и прикладных исследований, нацеленных на формирование ценностных парадигм, инструментальных подходов и технологических решений, столь важных в условиях динамичного 21-го столетия.

12 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. МАТРИЦА ЖИЗНИ, АКТ 2

Предварим: метод, о котором идет речь, логически прост — сама концептуальность настежь раскрывает понимание концептуальности. И сама концепция нисколько не менее широко раскрывает понимание концепции. Новой концепции.

В ходе дальнейшего общения вам может показаться — о чем-то подобном уже говорилось. Креститься не нужно: так оно и есть. Продолжая разговор, нам придется несколько раз вернуться к пройденному, к прежней беседе. Но, как говорят диалектики, уже на новом витке философической спирали. В конце концов, у учения, как и у каждого из нас, одна мать. И имя ей — Повторение. А мать есть мать, это — святое.

Для разминки вспомним «Матрицу религий» — мы к ней присматривались и прежде (именно — в главе 11). Помните? Мы размышляли о том, откуда появилась религия, толковали о предпосылке ее возникновения.

ПОЗНАВАТЕЛЬНО - ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ФУНКЦИЯ РАЗУМА
НЕБО
ТАЙНАЯ КАРА
ЗЕМЛЯ
ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ, ЗРЕЛИЩНАЯ , МИСТИЧЕСКАЯ, И СПРАВЕДЛИВАЯ ФОРМА РЕЛИГИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЯВЛЕНИЙ
ЗАЩИТИТЬ
ЗРЕЛИЩНАЯ ФОРМА = ПОКОЙ (все есть)
МИСТИЧЕСКАЯ ФОРМА
ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО
ДРАМАТУРГИЯ
(цирк, спектакль)
ПАРАДОКС
МАСКИ
(Одевает - Бог вселяется)
АКТЕРЫ
(собиратели + охотники + актеры)
ТАНЕЦ В ОБРАЗЕ КЕНГУРУ
(тройная форма: актер; кенгуру - мистика; кенгуру - проводник к чему-то (оракул)
СЛОЖНОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ -
кол. концепций увеличивается
ПРОГРАММА + ЧАСТОТНОСТЬ
(держат контакт с паствой) - исповедь
Зооморфная форма воплощения Бога

БОГ

ЧЕЛОВЕК

ГРАЖДАНСКИЙ КУЛЬТ
ИЛИ
ВТОРАЯ РЕЛИГИЯ,
СВОЯ РЕЛИГИЯ.

Могли возникнуть все эти 64 (8х8) элемента случайно? Как полагаете? И еще: религии с момента их рождения менялись? Значительно? Подумаем… А пока полистаем историю. Ну, в доступной для нас форме. На известном этапе развития наших предков (заметим: это только так говорится «на известном этапе»; на самом деле, по сей день там для нас остается немало белых пятен и черных дыр), появилось нечто вроде государства и, соответственно нечто вроде государя. Согласно ведущей пока гипотезе, на этой вершине пирамиды фокусировалось и гражданское, и военное, и религиозное руководство, все было едино. И даже — в одном лице. Но еще давным-давно, за долго до доктора Маркса, башковитые люди догадывались: чем раздельнее труд — тем он производительнее и качественнее. И потихоньку-полегоньку исторически не торопясь, многие функции стали разделяться. Скажем на Руси государь — хоть и помазанник божий, стал именно государем, патриарх — исключительно патриархом, а военачальник начальствовал над войском. Оно конечно, в практике разграничительные линии между ними выражались не всегда столь четко. Петр I по обстоятельству распоряжался и церковными колоколами (переливал на пушки), и монахами (рытье окопов и полисад супротив шведу), и под Нарвой, под Полтавой войсками командовал лично. Можно заглянуть в рамзесов Египет, в Золотую Орду и даже в СССР до 1953 года. Такое единоначалье представлено достаточно мощно. Но внятно ощущается тенденция разделения труда. Почему? Принято считать, что так эффективнее. Допустим. И зададимся другим вопросом: «Религия» и «Культура» — какая разница? Да и как скажете: что такое — культура? Некий уклад, система традиций, образ жизни? А ведь в основе термина «Культура» — культ, то есть культура — гражданский культ. Гражданская религия. Вторая религия. Своя религия. Если это так (и если можно так выразится), о чем же религия? О путях неисповедимых? О жизненном выборе? О сотворении всего сущего? О Боге и Дьяволе?

А может быть своя религия — без посредников между Богом и человеком? Во всяком случае ясно, что земляне религиозные (равно как и не религиозные, и даже воинствующие атеисты) — уж, там Господь их сотворил или стали они звеньями цепи самопроизвольных процессов — люди. Носители тех или иных взглядов, концепций, убеждений. Живые, мыслящие — хуже или лучше — существа. У всех их в данном случае есть жизнь. И разве неуместны вопросы: «А что это такое?», «А что такое жизнь?». Сэкономим место-время на публикации реестра формулировок, накопленных человечеством в этом смысле. Тут тебе и форма существования белковых тел, и борьба, и миг между прошлым

и будущим, и маршрут — Материнское лоно — могила. И Бог знает что еще… Нельзя объять необъятное — и не будем заниматься этим. Условно остановимся на варианте «Игра со смертью», непрерывное постарение.

Мы уже, хоть и мимоходом, толковали о том, что, покидая материнское лоно, человек оказывается в агрессивной среде и, постепенно вписываясь в нее, сопротивляется ей. Причём, как говорится, обоюдно. Равным, то есть, образом. Помните, О. Бендер, уже обладая миллионом, жаловался Козлевичу и любимой девушке на изнурительный дискомфорт: «…На каждого человека, даже беспартийного, давит атмосферный столб весом 214 кило. Вы не замечали? Это научно-медицинский факт. Не сердитесь на меня, примите во внимание атмосферный столб. К тому же, мне кажется, что на меня он давит сильнее, чем на других граждан. Может быть, потому, что я — не член профсоюза…».

И это — когда у него всё вышло. В конце концов. Одолел такое сопротивление среды. После титанических усилий. Он задумал дело, собрал кадры и документацию, обосновал всё теоретически, развил бешеную практику с дальними командировками. Понёс даже такую потерю, как… вера в человечество. И с миллионом в чемоданчике (в стране, где бухгалтер получал сорок шесть рублей в месяц), он, победитель, не в духе. На его душу давят 214 килограмм. И среда продолжает сопротивляться. Жизнь…

Так что же она такое? Вот вариация: жизнь — сумма поединков. Не тут ли ответ на вопрос, почему ребенок, еще только покидая лоно матери, орет благим матом. Протестует. Там, откуда он — ему было хорошо, а где теперь и куда дальше… В общем, что-то основательно его тревожит. Может быть, даже и этот пресловутый атмосферный столб весом в 214 килограмм. Или предчувствие всей той белиберды, в которой мы живём и предстоит жить ему? И от которой если кто не свихнулся, так за это нужно награждать. Подрастая, взрослея, мужаясь человек непрерывно сражается со средой. Как впрочем, и все живое. И минеральное, и биологическое. И зайчишке, которого в поле гонит волк, дискомфортно. Мягко говоря. И волку, не могущему питаться травкой, тоже. И комару, которому нужно совсем немного нашей крови. Да и лесам и рекам, и вулканам и рощам не проще. Извините за дешевую рифму.

В технических ВУЗах запрограммирован, среди прочих, такой материал: «Сопромат». «Сопротивление материалов», без знания какового нечего и думать об инженерии. А поскольку взрослый человек охотно или вынужденно что-то делает, строит, ломает, создает, обрабатывает, вырабатывает, зарабатывает. Предпринимает. То есть, по сути — тот же инженер. Ну, в крайнем случае, техник, прораб — производитель работ. Рабочий, в конце концов. То есть постоянно испытывающий этот самый атмосферный столб и вообще сопротивление материалов. Они, материалы, мерзавцы — сопротивляются. Потому что мы вынуждены действовать. А действие (что известно из гимназического курса «Физики» Краевича) равно противодействию по силе. И обратно по направлению.

Рассмотрим уже знакомую вариацию: жизнь — сумма поединков. Что бы вы ни делали — это ещё и поединок. Кто победитель? Заранее знать нельзя. Предварительно можно толковать о шансах. В зависимости от подготовки. Но на войне, как на войне:

бывают и неожиданности. Тут единственный критерий — практика, эта самая жизнь. Но ещё до нашей эры знали: «Vae victis» — «Горе побежденным». Если приемлема формула «Жизнь — сумма поединков с внешней средой», то на вопрос «Что такое культура?» можно принять такой вариант ответа: из этих поединков, потерь и прочих сражений делали выводы и передавали их дальше из поколения в поколение. Не так ли возникло явление культуры? Издавна не худшие умы допускают, что жизнь делит человечество на две формы. Тайная-темная и явная стороны.

И эти две категории порождают прочие формы. Мысль: из суммы поединков возникает даже наука. А откуда берется тайна? Или некая «небесная форма религии»? По сути — мистика? Из мистификации. А мистификация — это что? Выдуманная форма; мы когда что-то не знаем, начинаем гадать и придумывать что-то. Это выдумка. Если культура происходит из суммы поединков, из фактической жизни, то «тайное знание» происходит из мистификации. Из выдумки. Но мистика может иметь и обратную сторону — сакральную форму знания. Впрочем, чтобы кто-то начал придумывать это знание, нужно сделать его закрытым, недоступным. И по сути, наука появилась из культуры. Она должна быть чистой, «Очищенной, опытом множества поколений», как говорил Попов,— с ключевыми навыками эпохи, чего сегодня мы не наблюдаем.

Почему? Причин, как всегда, несколько. Например, потому что существуют установки в науке. Кто-то ввел их в науку. И явилась «линейная наука», которую мы сегодня имеем удовольствие лицезреть сквозь установки. Что такое установка в науке? То, что из огромной жизни выделяет один элемент и как бы назначает его главным. Как назначить глаз или ухо главным элементом человеческой конструкции? И как призабыть, что у человека ещё есть сердце, почки, печень, желудок и прочее?

Но при чем здесь «Горе побежденным»? А все просто. Мир можно, хотя и тоже не безусловно, поделить на победителей и побежденных. Тайна: Культура или субкультура плюс определенное число поединков. «Горе побежденным» или «сонм побежденных» формируют изнанку общества или криминальную систему, которая имеет точно такую же форму как и социально приемлемая грань общества. Так, у криминала есть свои тайны, своя субкультура и своя сумма поединков. И человек живет либо в верхней части социума, либо в нижней (криминал). То есть две системы: андеграунд и жизнь. И сие, опять-таки, условно. Потому что всё это вместе — жизнь.

Не расслабляться, разговор продолжается. Вникаем в концепцию «Матрицы жизни». Как раскрыть эту концепцию и на её основании сгенерировать нечто новое? Можно выбрать две базовые категории к осмыслению: андеграунд и социально приемлемая форма жизни. Что мы вообще знаем об этих гранях бытия? Задумываемся ли о них на самом деле, размышляем ли об их роли? Вряд ли. И как ни странно, с точки зрения потенциала, для концептуализации — это очень хорошо. Категория, о которой не задумываются, но которая имеет место в жизни каждого из нас, может стать драгоценной рудой для вашей концепции. Хотя только постигший эти знания-понимания может отделить эту золотую руду от пустой породы.

Или — вот: «Жить!» и «Существовать…». Жить или существовать? Согласны вы с теми, кто по-одесски говорит об этом: это две большие разницы? Как говорится, есть и такое мнение, что андеграунд все лишь существует, а люди — живут. И об этом поразмыслим. Согласно словарю Альфреда Эдмунда Брема «Жизнь животных», в живой природе человек борется практически со всеми хищниками. То есть ученый в этом плане объединял всех животных-хищников, объединяя и отделяя от них всех людей вообще. Но, во-первых, великий ученый и хищников дифференцировал. Там, какие-то отряды, подотряды эт цетера, эт цетера. Во-вторых, знаменитые литераторы, тоже кое-что понимавшие в природе, убедительно намекали на разнообразие и в человеческом стаде. Животные — уж там, мясоеды ли, травоеды ли, все во многом одинаковы и во многом разные. А разве о людях вообще нельзя сказать того же? Все мы одинаковы и все разные. Касается сие и того сообщества, которое классическим обывателем непомерно обобщалось и современным — столь же непомерно обобщается термином «андеграунд». Более того, есть даже мнение, не лишенное известной аргументации: андеграунд как раз живет, именно живёт. Полной жизнью. А люди существуют. Иными словами — прозябают. Помните «Джентльменов удачи»? Вор в компании своих же встретил друга детства, такого же экс-детдомовца. И не успел ответить на его вопрос о работе, пахан опередил: «Вор он!». Обиделся. «Зачем, мол так? Он стал инженером, у него семья. Что обо мне будет думать?». А пахан подбодрил: «Он кто? Инженеришка рядовой, и всё. Ну что у него за жизнь? Утром на работу, вечером с работы. Дома жена, дети сопливые. Ну в театр сходит, ну летом в санаторий съездит в Ялту. Тоска смертная. А ты! Ты — вор! Джентльмен удачи! Украл, выпил — в тюрьму! Украл, выпил — в тюрьму! Романтика!». Шутка, хоть и мрачноватая. А ведь не очень-то и шутка. Не говоря уже о том, что в тюрьме обычно оказываются не те, кто преступили закон, а только те, кто на этом попался. И уж монотонной жизнь андеграунда не назовешь…

Как ни занятно, но факт: у криминальной субкультуры немало общего с наукой. Дело тоже древнее. Есть свои законы и правила. Свои теоремы и постулаты. Свой язык, своя традиционность, эстафета поколений. Авторитеты и прочее, и прочее…

Еще мнение: культура и субкультура вытеснили «тайну» либо в виде знаний, либо в форме замыслов, помыслов, умыслов и вымыслов. И вполне возможно, что все прочие придуманные религии. Определенным образом вооруженному взгляду мир наш сегодня представляется как культура или субкультура. И сумма поединков никуда не исчезла. Криминальная культура объясняет — как поединки и сумму

выигрывать. Что-то вроде суворовской «Науки побеждать». Причем с явлением «Культура» (в смысле культурности), мягко говоря — большие проблемы. А криминальная культура сохранилась и даже расцвела махровым цветом. У нее своя культура. А культура человечества мало связана с суммой поединков; она трансформировалась в академическую науку каковая обрела под воздействием установок ущербную форму. Наша культура как бы отсутствует, воздерживается сама от себя. Своего рода абстиненция. Культуру в академической науке заменили на установки. А сумма поединков, как от перемены слагаемых не меняется. Для нас в данном случае важно, что сумм этих, можно сказать две: в академической науке и в криминале. Да и в академической науке на нашем этапе капиталистического строительства далеко не все слава Богу. Криминальная субкультура оказалась удивительно жизнеспособной и пережила если не всех и вся, но очень многих. Живучесть, жизнеспособность и выживаемость прочный критерий оценки стоимости любого явления природы. Он уважаем самой природой. При этой смете учтем одну маленькую да удаленькую деталь, криминальная субкультура не имеет установок. Они исключаются ее жизненной природой и потому не вяжут по рукам и ногам.

Культуру заменили установки в академической науке, а сумма поединков осталась! И опять, и снова: сумма не меняется. И по сути мы имеем дело с двумя суммами поединков: в академической науке и в криминале. Вероятно, их много больше, но остальное — уже за пределом нашего тематического круга. А бизнес, по сути, сумма поединков в общественной жизни плюс сумма поединков в криминале. И академическая наука — порой, как «филькина грамота», которая, извините, никому не нужна.

В итоге по понятным причинам криминальная субкультура пережила всех. И при всех потерях, в поединке с громадным обществом, живёхонька-целёхонька. Она ведь не имеет установок. Понимаете? И непосредственно вот такая золотоносная руда и приводит нас к новой концепции.

Итак, единовременно существуют два разных блока. И если это верно, то мы видим: в блоке «религия» живут люди ожиданием царствия или, скажем, кар небесных. И дожидаются — на свою голову. Ответьте на вопрос: Почему? Потому, что жизнь — сумма поединков. Если просто сидеть и ждать, когда тебе оторвут голову, тебе ее, возможно, и впрямь оторвут.

Сумма поединков в этом мире может быть выражена формулой: **если вы не способны справляться со скоростью, будете справляться с силой.** Это и есть ожидания кары небесной. **Если вы справились с силой, вам, вероятно не придется справляться с скоростью.** Все очень просто.

Пример? Извольте. Шеф предложил вводную: допустим, приехала некая Мария, тревожная мадам. А я рубильником время остановил. Вырубил! Посмотрите на Машу с остановленным временем. Для неё время остановилось, больше не течет. Маша его запускает. А оно всё не течёт. Ну, никак. Она пытается создать время, а я ей не даю это сделать. Она только подумала — нужно о чем-то побеспокоиться. Хлоп — и беспокойство исчезло. Времени нет, пустота, движения нет. Понимаете? Я просто рубильник дернул и — для неё время остановилось. Вот уж волшебство!

Как остановить время для человека? Исключить поединки. Выключить или отрезать в этой формуле одну часть, взять ее просто на себя — и все, и время остановилось. То есть, ожидая кары небесной, нельзя не дождаться ее на свою голову. Нет человека, который не дождется.

А вот вторая форма людей. **Если вы до сих пор живы, значит, воюете вы правильно.** То есть, если вы два года воюете в Чечне и еще живы, значит, воюете грамотно. Вот это и есть сумма поединков и та культура, о которой речь идет. Но и это не предел, всегда можно «выше, дальше, больше». Например, как стать на более высокую ступень безопасности? Мы же не только безопасностью своей занимаемся, мы же еще и жизнь обустраиваем и улучшаем. Соответственно, как качество повысить? Позволить, вероятно, некоторым из вас сгенерировать новые концепции. На данном этапе мы хотели бы показать, что постановка грамотных вопросов на основании осмысления уже существующих концепций, работа с так называемыми серыми и чёрными зонами, позволяет попасть в поле, где вы сами точно сможете разработать новую концепцию.

Рпт: кто хочет дождаться на свою голову кары небесной, может и дождаться, потому формула «Се ля ви» может в данном случае переводиться, как сумма поединков. И даже в самых доброблагополучных регионах никто этого не в силах отменить. Однако, есть второй тип людей, которые ничего не ждут на свою голову, а занимаются самосовершенствованием и самосовершенствованием мира вокруг себя.

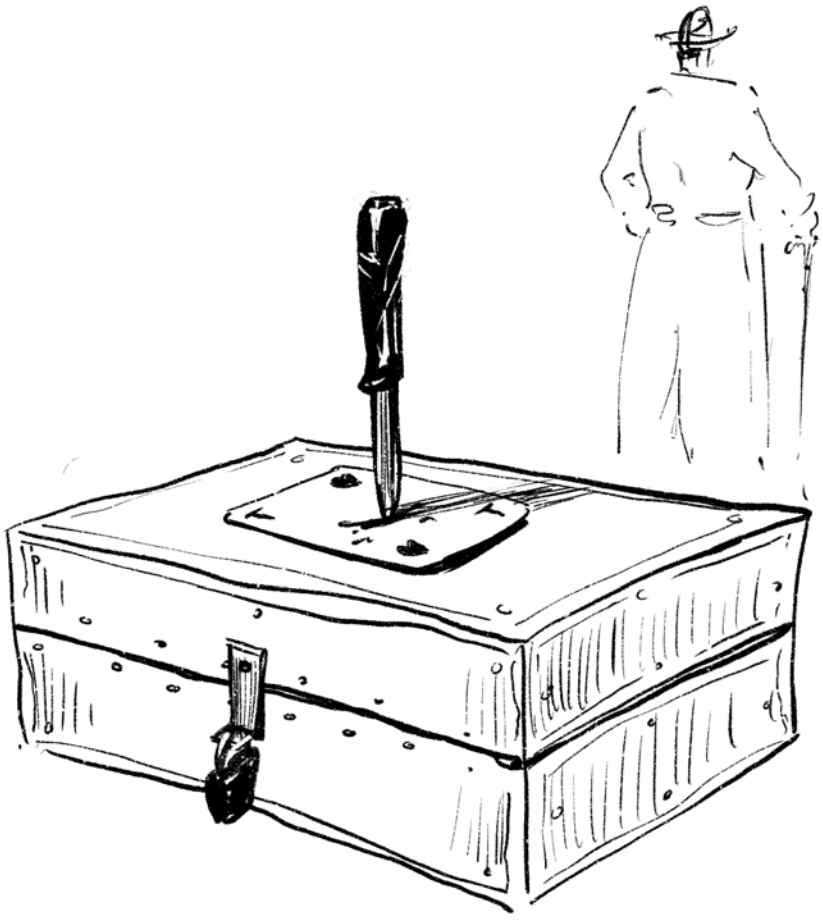
А как они это делают? Посредством поединков. Помните, как писал классик, честь — награда за добрые поступки, за то, что человек благо творит за благое влияние за благую жизнь. Если человек вступает в поединок с внешним миром и ведет себя при этом благородно, по рыцарской доктрине, то он награждается честью. Он награждается правом на власть на результаты труда и на суд. Это и есть честь.

В этом смысле людей можно поделить условно на две категории: люди чести и люди в ожидании кары небесной. Вторые, как уже сказано, обязательно дождутся. Они отказались от поединка, они себя вверили в руки Господа Бога. Монахи в монастыре живут? Чтобы не дождаться… ну… этого самого… на свою голову… абсолютно верно. То есть они себя вверили в промысел божий поэтому живут в ограниченном закрытом охраняемом пространстве… Конечно там поединки вроде как исключены. Закрытая форма, где остановилось время. Хотя, ещё до «Декамерона» знали — и в монастырях бывало всякое. Да и бывает…

А может ли какой-то поединок жизненный стать этой самой карой небесной? Шеф ответил однозначно: нет, конечно. Это отказ от поединка. Простой пример банальной драки на улице всё расставляет на свои места. Кто в драке о каре небесной думает? В ходе такого события места-времени для раздумий маловато. И если задумаешься — рискуешь пропустить самое интересное. Думают, может быть, до драки. Или после драки, когда, вопреки пословице, всё же некоторые машут кулаками. А вот проигравшим — горе, горе — побежденным. В альтернативной отрасли, в криминальной, те кто проиграли, отправляются в криминал? Переходя из одной в другую беседку, лелеют там помыслы о мести тем, кто их обидел и в тюрьму посадил. На самом деле

это — параллельные структуры: общество и андеграунд, культура и субкультура. Они существуют одновременно в обществе. И мы с этим частенько пересекаемся в той или ной форме. Ну-с, а те, кто работают в бизнесе… они вообще постоянно на грани криминала и общественной жизни. Потому что деньги имеют ряд специфических особенностей: их мало заработать — их нужно ещё и защитить-сохранить. Если нет недовольных, значит — нет побежденных, если нет побежденных — значит, нет и побед. Статистики такой, которая бы давала научнообразованную и выверенную процентовку тех, кто коротает жизнь ожиданием кары небесной и тех, кто принимает вызов и выходит к барьеру, конечно, нет. И не может быть. Но основываясь на нашем практическом опыте, можем эскизировать так: 90% — живут карой небесной, а 10% — совершенствуют себя и мир.

Чуете, как крепнет концептуальное рассуждение? Уже появилась совершенно новая, осмысленная формула. И таков выбор человека: ждать кары небесной или что-то делать. А для того, чтобы что-то делать, ему нужно знать-понимать с помощью чего это делать. Ему нужна культура без установки, очищенная. Но культуры такой нет сегодня, а тайна за семью печатями мистична. И остается только криминальная традиция, которая является тоже тайной. И в этом суть мира, в котором мы с вами живем.

Если развернуть формулу в криминологическом ключе, то получим следующее:

- Тайна как учение о преступлении и наказании;
- Культура как учение о преступнике и преступлении;
- Сумма поединков как взаимоотношения криминальных структур и общества.

Так рождается наука «Криминология». И начинается она с суммы поединков, со всей совокупности противостояния и содействия преступности и общества. Вот уж, воистину, единство и борьба противоположностей. Как-то нам уже случалось говорить — правда, по другому поводу — только очень наивные люди (почему-то упорно не взрослея), проносят через всю жизнь твердейшую убежденность в том, что правонарушитель и преступник — нечто одно, а правопослушный гражданин и законник — совсем-совсем другое. Не будем здесь отрицать новомодных гипотез о завозе некогда на Землю из бескрайнего космоса наших пра-пра-пра-предков (как и не поторопимся принять сие аксиомой); но скорее всего предков клиентов правосудия не каким-то там особым образом притаранили на голубую нашу планету отдельно от наших предков. Граждане криминального мира почти точно такие же земляне, как и все остальные. Мужского и женского пола, высокорослые и низкорослые, блондины-брюнеты-шатены. И вообще — рыжие. Европеоиды, монголоиды, негроиды. Красивые и не очень. И очень не. Способные и одаренные, даже талантливые. И бездари, каких свет не видывал — и все они по обе стороны границы между обществом и криминалом.

Опять-таки, взаимосвязь: уголовная субкультура и научная позиция относительно ее, раскрытие криминальной жизнедеятельности в виде тайны — забота ученого. Интересно: после просмотра третьего сезона сериала «Спрут» Шефа спросили — почему убили адвоката Терразини, ответ был прост и ясен: столько накосячить и остаться в живых даже теоретически невозможно. А уж практически тем паче. Притом, поубивали всех, кого не нужно. А одного, кого им было нужно, не убили. Комиссара Каттани. Все дело испортил, да еще трояк тянул на киче. Один человек (к тому же полицейский) сотряс всю сицилийскую Мафию из-за того, что адвокат остался жив. Причина ещё и в том, что на дело посланы были ребята, не очень-то способные на него. Отсюда и все «неприятности». Как говорится, не умеешь — не берись. И еще: тех, кто не умеет — или не нанимайте, или учите. Как говорил один пахан всея страны: «Кадры решают все». А вообще, сначала пытаются договориться. Это международная, всемирная практика. Потому что и уголовник, и полицейский (равно как и следователь, и судья, и адвокат, и свидетель) в душе тоже человек. И ничто человеческое ему не чуждо. И те, кто думают, что «мафия», «мафиози» переводится исключительно, как «убийцы», глубочайше ошибаются. Оно конечно, не без того… Не без этого… Бывает. Но, только тогда, когда важное лицо упорно не понимает намеков и договориться никак не получается. Что бывает крайне редко. А Терразини — что же, сидел у моря и ждал погоды — или, по-нашему коротал время в ожидании кары небесной целых три сезона. Ну, а кто ищет, тот всегда найдет. А кто ждет… ну, не всегда, но может и дождаться. Этот — дождался пули. И именно на свою голову.

Видите, так концепция раскрывает концепцию. Шеф взял концепцию и поработал с ней. А она, в свою очередь и раскрыла нам другую концепцию.

КОНЦЕПЦИЯ РАСКРЫЛА КОНЦЕПЦИЮ. Есть и такой метод: взять концепцию, применить к ней концептуальность. И логическим путём эту концепцию превратить в другую концепцию. Когда концепцию ты видишь, этот материал можно развернуть в очерк, в повесть, в книгу. Или в семинар, в сценарии. И далее — развивать и углублять

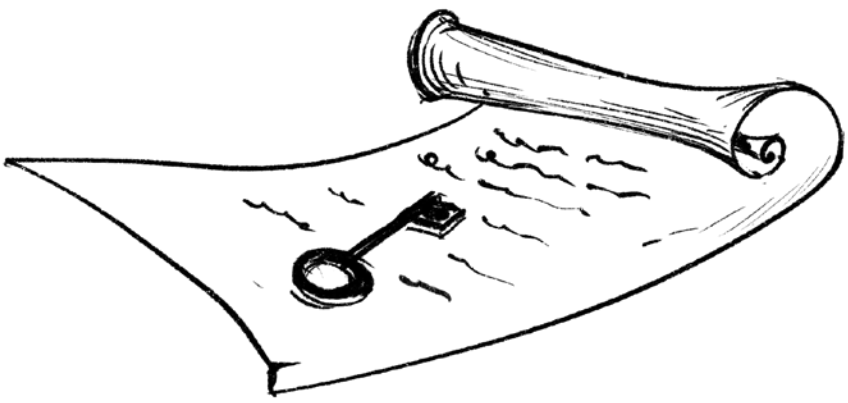
Имеющий глаза — да увидит: в концепции сразу же открывается глубина, высота, пространство, куда можно взлетать и углубляться для дальнейшей концептуализации. То есть финала на данном этапе может и не быть, но есть место для последующих открытий. Матрица жизни говорит о двух гранях; и они называются «Тайна» и «Поединки». И каждый блок отдельно можно раскрывать, если нужно. Попробуйте найти свою концепцию.

Конечно, для движения таким путём необходимо хорошее знакомство с прототипологией. Например, рассматриваю я одно из произведений Босха довольно долго. И у меня рождается концепция. То же, скажем, о Дали. Репродукции, разумеется. В калабрийской экспедиции я повторил это занятие, внимательно рассматривал эти полотна. И концепции в той экспедиции приходили ко мне весьма обильно. Я как бы спровоцировал разум. И получил ряд интереснейших концепций — написал книгу «Мой бог Франческо Виллардита». Или тот же «Спрут» пересматриваю — пошли концепции. И я написал много всего о Сицилии. И пожалуйста, не говорите — мол, фильм-то неумный. Неужели? Кто бы мог подумать. Да просто: глупая вещь. И глупость эта меня раздражает. А бывает — просто бесит. А концептуализация — вот она! Туточки! Это надо с собой научиться обращаться. Познавая мир и такие его высоты-глубины, познайте себя. Разберитесь в том, что нужно сделать с собой, чтобы всё получилось. И почему в каком-то одном состоянии все получается быстро и легко, без дуэли с миром. А в другой раз пыжишься-пыжишься, а взлететь не можешь. Гравитация проклятая не пускает. А запрягите лошадь в тяжеленную повозку. А потом трех лошадей запрягите в ту же повозку. Она, ясное дело, быстрёхонько поедет. Ответных вариантов на вопрос «почему не получается» не так уж и много. Некто отверткой пытается закрутить винт — почему не получается? Потому что отвертка, видимо, не подходит. Нужна другая отвёртка. Тут все просто.

Чем надо заниматься? Какие навыки воспитывать, что отрабатывать? Нужна прототипология. Нужно отрабатывать концептуализацию. И превращение концепции в технологическую систему. Потому что нужны навыки делать конкретные выводы, познавать себя. Нужно учиться — то есть делать то, что не умеете. Простой пример: сходите на тренировку езды на мотоциклах, вы увидите, что все до одного делают то, что умеют. А я с утра до вечера делаю то, что не умею. Возьмите видеокамеру и изо дня в день снимайте паркинг. Увидите, что программа повторяется из раза в раз. Найдите хоть один одинаковый день у меня. А ведь у меня всю жизнь такой подход.

Работать над собой надо. Тренироваться по-настоящему. Все делают то, что умеют. Повторение, мол, мать учения. А вы повторяйте то, что пока не умеете. И в этом вся суть тренировки. Посмотрите людей в мотоциклетных сёдлах. Они по кругу научились ездить. И ездят-катаются с утра до вечера. Ну, разве так тренировка строится? Прежде, чем тренироваться, нужно цель поставить ясную, задачу сформулировать чётко. А для этого нужно себя проанализировать. Для чего, в свою очередь, необходимо разобраться в том — что тебе… не нравится в себе, что «не то» ты делаешь? Нужно выявить все красные точки и ненужное устранять. Так возникает базовая функция.

Мы заговорили о мотоциклах. В данном случае дело — не в их особенностях, не в мотоциклетной специфике, а в том общем, что иллюстрирует наш разговор. Возьмите, к примеру, фехтование. Как говаривал Жан Батист Мольер, «Фехтование — искусство наносить уколы и удары, не получая их в ответ». Лучше-проще не скажешь. Но ведь и здесь мы ясно видим сопротивление среды, дуэль с обществом. Задолго до того, как единоборство это стало уделом спортсменов в масках и нагрудниках, под строгим контролем рефери, видеозаписи и электрофиксации результатов на олимпийских и прочих помостах, оно веками было чуть ли не единственным средством спасения своей чести и даже самой жизни. И как бы не одарила природа фехтовальщика хорошими реакцией и мускулатурой, исход прикладного варианта почти целиком зависел от подготовки. Сиречь — от тренировки. Иного способа овладеть точностью управления клинком не существовало. И так — по сей день. Искусством этим овладевали в той или иной мере не только яркие таланты, но и люди средних способностей, если твёрдо решали учиться этому делу и были устремлены к цели. Чего и вам желаем… Ну, и на сегодня — хватит с вас концептуализации. Как говорится, спасибо за внимание.

13 ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО КОНЦЕПЦИЯ… КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ — МЕТОДОМ АУДИРОВАНИЯ

(НЕПРАВЛЕНАЯ СТЕНОГРАММА НОВОЙ ВСТРЕЧИ)

Ведущая: Рады приветствовать вас, дамы и господа, в мире по другую сторону от праздности, неопределенности и серости будней, как сказал поэт:

«…Где этот год, как прошлый год,
Как позапрошлый год,
Где все до свадьбы заживет,
Затихнет постепенно,
А если нет — так все равно,
До смерти заживет».

Очень рады тому, что вы вновь сделали свой выбор.

По сложившейся традиции наших встреч, сэкономим на вступлении; как говорил Мопассан — ближе к делу. Эта наша встреча (мы тут, опять-таки посоветовались) по жанру — практикум. Устраивайтесь поудобнее: небось — не пятиминутка. И через мгновение помещение нашей встречи простым нажимом вот этой кнопочки трансформируется проектный зал Шефа. Ему слово (аплодисменты).

Шеф (поднимается на кафедру): Добро пожаловать на практическое занятие! То есть на занятие по теме, объявленной в заголовке «Концептуализация». И пожалуйста, настройтесь; нам предстоит очень непростая штука: воспринять, осмыслить и сформулировать саму Ее Величество Концепцию. Собственно, предупреждение о сложности-трудности предстоящего занятия — так, напоминание и повторение. Вы ведь наверняка это поняли еще в предыдущих наших встречах. И потому о рикошете реплик из зала типа — «Это очень сложно!» и «Выражайтесь проще!», «Валяй яснее» мы с вами договорились еще во вступлении первой встречи (оживление в зале).

Знаете, историки и биографы одного из экс-вождей СССР оставили нам, среди бесчисленных прочих, и такую зарисовочку. Тогда еще действовавший (да еще и как действовавший!), вождь предлагал одному крупному специалисту некое ответственное дело. И сразу предупредил: **не говорите, что — вопрос сложный! Мы тут занимаемся только сложными вопросами.**

Запомним эту формулу. Она в общем и целом точно характеризует то, чем мы тут занимаемся. И примитивизировать это занятие не имеем ни возможности, ни желания. Как, впрочем, искусственно-наукообразно усложнять его — тоже. Не забудем, простота бывает разной. Об одной говорится: «Простота хуже воровства». А о другой — «Простота без пестроты». Нам больше нравится последний вариант. И с этой высокой кафедры обращаясь к аудитории, выражаю надежду, что — взаимно (бурные аплодисменты).

Итак, приступим к аудированию. Начнем некие упражнения. К получению концепции нужен какой-то толчок. И я продемонстрирую для вас один метод, который не только дает необходимый этот толчок, но и позволяет бодро сделать шаги от вакуума в голове до Ее Величества Концепции. Обострите и сосредоточьте свой слух. Готовы? (одобрительный гул в зале).

Приступаем! По крайней мере, в ранге кинозрителей вы подобное видели не раз — как крутят ленту наоборот. Ну, с конца к началу. Вплоть до того, что на экране, скажем, спортсмены вприпрыжку через барьеры бегут от финиша к старту. Задом, пардон, наперед. Или там же сначала падает Ленский, а уж потом Онегин в него стреляет. Ясно? (оживление в зале).

Конечно! Я выполняю упражнение вместе с вами. Для чего мы вместе вслушиваемся в фрагмент книги «Осень средневековья» нидерландского мыслителя Йохана Хейзинга. Оговорюсь, внимание! Слушать фрагменты будем не линейно от начала до конца, как вы привыкли при традиционном чтении, а… в обратном порядке. Для того и привел кинопример. Читаем, то есть, не с первой главы по пятую, а с пятой по первую. Пока слушаете задача такова: в течении трансляции аудиоотрезка найти предпосылки к возникновению концепции (легкий шум в зале). Спокойно! Объясняю. Нужно получить интересную информацию, которая могла бы вырасти в концепцию. Эксперимент покажет, на что вы обращаете внимание в тексте, такой результат весьма характерен. Тишина! (звучит фонограмма).

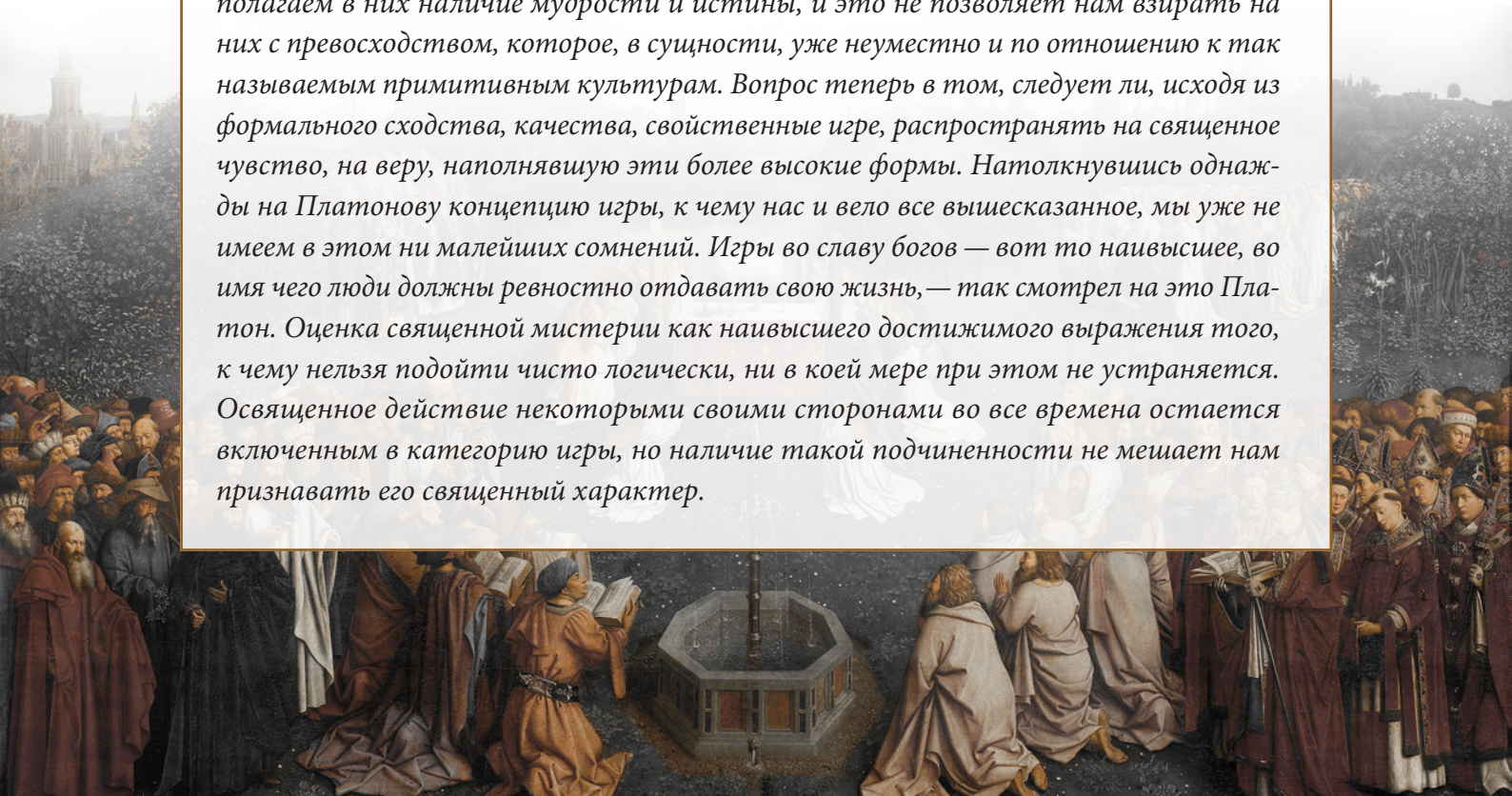

Из всего предыдущего, по моему мнению, со всей ясностью следует, что, говоря о священнодействиях первобытных народов, собственно понятие игры нельзя упускать из виду ни на минуту. Не только потому, что при описании этих явлений нужно постоянно обращаться к слову «играть»; само понятие игры как нельзя лучше охватывает это единство и неразрывность веры и неверия, это соединение священной серьезности с «дурачествами» и притворством. Йенсен, правда, хотя и допускает сходство мира дикаря и мира ребенка, настаивает на принципиальном различии между поведением ребенка и поведением дикаря. Ребенок имеет дело в лице Деда Мороза с «fertig vorgefuhrte Erscheinung» [«показанным в готовом виде явлением»], в котором он непосредственно «sich zurechtfindet» [«разбирается»], опираясь на свои собственные способности. «Ganz anders liegen die Dinge bei dem produktiven Verhalten jener Menschen, die fur die Entstehung der hier zu behandelnden Zeremo-nien in Frage kommen: nicht zu fertigen Erscheinungen, sondern zu der sie umgebenden Natur haben sie sich verhalten und sich mit ihr auseinandergesetzt; sie haben ihre unheimliche Damonie erfaBt und darzustellen versucht» (32) [«Совершенно по-иному обстоит дело с направленным поведением тех, кого мы принимаем в расчет в связи с возникновением обсуждаемых здесь церемоний: они вели себя так или иначе по отношению не к готовым явлениям, но к окружающей их природе и ей же противостояли; они постигли ее зловещий демонизм и попытались запечатлеть его»].

В этих словах можно узнать взгляды Фробениуса, учителя Йенсена,— мы уже касались их выше. Здесь, однако, возникают два возражения. Прежде всего Йенсен «ganz anders» [«совершенно по-иному»] делает различие лишь между духовным процессом в душе ребенка — и в душах первоначальных создателей ритуала. Но о них нам ничего не известно. Мы имеем дело с культовым обществом, которое так же, как наши дети, получает свои культовые представления «fertig vorgeführt» [«показанными в готовом виде»], в виде традиционного материала и, как наши дети, на него реагирует. Оставляя этот вопрос нерешенным, мы отмечаем, что процесс «Auseinandersetzung» [«противостояния»] опыту познания природы, ведущий к «Erfassung» [«постижению»] и «Darstellung» [«запечатлению»] в образах культа, полностью ускользает от нашего наблюдения, Фробениус и Йенсен приближаются к этому лишь с помощью образного языка фантазии. О функции, воздействующей на этот процесс возникновения образной речи, вряд ли можно сказать более того, что это функция поэтическая, и мы обозначим ее лучше всего, если назовем ее игровой функцией. Подобные рассуждения уводят нас в самую глубину проблемы сущности первоначальных религиозных представлений. Как известно, одно из важнейших понятий, которое должен усвоить всякий занимающийся наукой о религии, есть следующее. Когда некое религиозное построение, занимающее промежуточное место между вещами разного порядка, например человеком и животным, принимает форму священного тождества самой их сущности, то возникающие здесь отношения не находят четкого и действенного выражения через наше представление о некоей символической связи. Единство обоих существ много глубже по самой своей сути, нежели связь между субстанцией и ее символическим образом. Это — мистическое тождество. Одно стало другим. Дикарь, исполняющий свой магический танец, и есть кенгуру. Необходимо, однако, всегда быть начеку, помня о недостаточности и различиях наших выразительных средств. Чтобы представить для себя духовное состояние дикаря, мы вынуждены передавать его посредством нашей собственной терминологии. Хотим мы этого или нет, мы превращаем его религиозные представления в строго логическую определенность наших понятий. Так, мы выражаем отношение между ним и связанным с ним животным как нечто, обозначаемое для него посредством глагола «быть», в то время как для нас по-прежнему вполне достаточно глагола «играть». Он принял сущность кенгуру. Он играет кенгуру, говорим мы. Но ведь сам дикарь не ведает о различии понятий «быть» и «играть», не знает о тождестве, образе или символе. И, таким образом, остается вопрос: не приблизимся ли мы лучше всего к духовному состоянию дикаря во время сакрального действа, если будем придерживаться такого первичного термина, как «игра»? Наше понятие игры устраняет различие между верою и притворством. Это понятие игры без всякой натяжки соотносится с понятием освящения и священного. Любая прелюдия Баха, любая строка трагедии служит этому доказательством. Рассматривая всю сферу так называемой примитивной культуры как игровую, мы открываем для себя возможность более непосредственного и более общего понимания ее характера, нежели с помощью остро отточенных методов психологического или социологического анализа. Священная игра, столь необходимая для блага общества, чреватая космическим видением и социальным развитием, но всегда — лишь игра,

деятельность, которая, как это видел Платон, протекает вне и поверх сферы трезвой обыденной жизни с ее нуждой и серьезностью.

Эта сфера священной игры — та самая, где дитя и поэт чувствуют себя как дома, так же, как и дикарь. Эстетическая чувствительность несколько приблизила к этому современного человека. Мы не можем не подумать о моде, где ныне маска обрела радость существования в виде предмета искусства. Нынешняя тяга к экзотике, не лишенная порой некоторой аффектации, в целом гораздо глубже, нежели бытовавшая в XVIII в., с его модой на китайцев, индейцев и турок. Современный человек несомненно обладает развитыми способностями к пониманию далекого и чужого. Ничто не оказывается при этом более кстати, чем его восприимчивость ко всему, что является маской и переодеванием. В то время как этнология выявляет огромную социальную значимость всего этого, просвещенный дилетант попадает во власть непосредственного эстетического переживания, где к прекрасному примешиваются угрожающее и таинственное. Даже для образованного взрослого человека в маске всегда остается что-то таинственное. Вид человека в маске уводит нас, даже на уровне чисто эстетического восприятия, с которым не связаны сколько-нибудь определенные религиозные представления, из непосредственно окружающей нас «обыденной жизни» в иной мир, нежели мир дня и света. В сферу дикарей, детей и поэтов, в сферу игры. Позволив себе свести высказанные нами мысли относительно значения и характера примитивных культовых действий к не упрощаемому далее понятию игры, один в высшей степени каверзный вопрос мы все же оставили нерешенным. Как, собственно, мы поднимаемся от низших форм религии к высшим? От разнузданных, причудливых священнодействий первобытных народов Африки, Австралии и Америки наш взор перемещается к ведическому культу принесения жертвы, уже несущему в себе мудрость Упанишад, или к глубоко мистическим уподоблениям религии Египта, или к орфическим или элевсинским мистериям. Их форма и практика, вплоть до замысловатых и кровавых подробностей, теснейшим образом родственны так называемой примитивности. Но мы признаем или предполагаем в них наличие мудрости и истины, и это не позволяет нам взирать на них с превосходством, которое, в сущности, уже неуместно и по отношению к так называемым примитивным культурам. Вопрос теперь в том, следует ли, исходя из формального сходства, качества, свойственные игре, распространять на священное чувство, на веру, наполнявшую эти более высокие формы. Натолкнувшись однажды на Платонову концепцию игры, к чему нас и вело все вышесказанное, мы уже не имеем в этом ни малейших сомнений. Игры во славу богов — вот то наивысшее, во имя чего люди должны ревностно отдавать свою жизнь,— так смотрел на это Платон. Оценка священной мистерии как наивысшего достижимого выражения того, к чему нельзя подойти чисто логически, ни в коей мере при этом не устраняется. Освященное действие некоторыми своими сторонами во все времена остается включенным в категорию игры, но наличие такой подчиненности не мешает нам признавать его священный характер.

Итак, вы прослушали небольшой фрагмент знаменитого культурологического труда Й. Хёйзинга о Homo Ludens — человеке играющем.

Ведущая: В аудиоформате знакомство с этим текстом заняло не более десяти минут. И Шеф перешел к демонстрации — как именно работает метод аудирования:

Внимание, вопрос: какие интересные идеи, словосочетания, абзацы вы выделили для сотворения концепции? Поделитесь наблюдениями и размышлениями. Начнем с уважаемой ведущей.

Ведущая: Прежде всего, на мой взгляд, связь игры с жизнью. Игра сама по себе, как отдельная категория, развлекательное действо вплетена в жизненную ткань. Игра как особый фактор практически во всем, что есть в этом мире. Я увидела эту нить, логически связующую игры с действием, кроме того, меня заинтересовало влияние религии на жизнь человека. И связь животного с человеком.

Шеф: По сути, что мы видим? Предпосылок для концептуализации нет, ни одной опорной точки для рождения концепции. Продолжаем. Как это принято в аукционах: кто больше? Вы? Прошу…

Следующая участница: Если говорить о словосочетаниях, я заметила следующее: возникновение культа. И, насколько поняла, тоже некая игра. Для надежды сотворения концепции можно было бы описать механизм возникновения культа.

Шеф: Так тоже концепция не возникает.

Участница: Но вот что любопытно: играть любому человеку, хоть ребенку, хоть взрослому, не страшно.

Шеф: Нет-нет, концепция из таких наблюдений не получится. Кто продолжит? Вы? Пожалуйста!

Выступление из зала: Возможно, такое соотношение тем полезнее, чем ниже по уровню восприятия или по уровню цивилизованности человека. Судя по описанию Хёйзинга, чем ближе аборигены к первозданной природе и чем дальше от современной цивилизации, тем больше они нуждаются в религии. И наоборот.

Шеф берет слово для комментария: Подытожим промежуточно все той же поговоркой: «У кривого Егорки глаз шибко зоркий. Одна беда — глядит не туда». Увы, не туда смотрите дамы и господа. Господин Хёйзинга — удивительный и наблюдательный чудак. С логической точки зрения, его Homo Ludens, человек играющий — просто кладезь идиотизма. Но это не значит, что, убедившись в верности такого определения, нужно немедленно отворачиваться в другую сторону. Абсурд идиотизма прямо указывает на кладезь концепций. С этой точки зрения, чем больше абсурдности, тем больше концептуальности заложено в том, что порой воспринимается идиотизмом. Подумаем: некоторые виды психопатологии проявляются детским лепетом из уст взрослых и пожилых людей. А ведь сами дети по младости лет и безответственности нередко ведь говорят глупости. Но еще древние считали: устами младенца глаголит истина. Нельзя сказать, что только и исключительно истину выражают дети. Но бывает и так. Нечто содержащее концептуальное сырье, провозглашали и те, кого

постигла идиотия. Само собой, это условие вовсе не так обязательно для надежды на подход к концепции. А теперь давайте послушаем, что записал я. Зафиксированы семь пунктов.

- **Пункт первый:** ребенок и дикарь. И на этом уже можно свалить наповал знаменитого нидерландского мыслителя, отвечая: спасибо, я все понял, прочел вашу книгу. И более возвращаться к ней не намерен ни за какие пряники. **Ребенок дикаря считается ребенком?** Или нет? Если вы осмыслили этот вопрос, радуйтесь: вы закончили книгу, извлекли из нее самое ценное, больше можно не читать. Можно. Но можно и продолжить. Концептуальное содержание «Осени средневековья» чрезвычайно любопытно. Поэтому пойдем дальше. Так что, ребенок дикаря не есть дикарь? Он просто ребенок, не так ли? В этом и кроется концептуальная суть.
- **Номер 2:** танец в образе кенгуру. Описанное явление совершенно не нидерландское и даже не австралийское (хотя там и живут кенгуру). Танец в образе зверя неоднократно описан в учении Карлоса Кастанеда. Пока отметим эту категорию и проследим дальше.
- **Номер 3:** быть и играть. Задумайтесь, это одно и то же? Или всё же разные понятия? Глядите, как формируются опорные точки предпосылки для возникновения концепции. Все эти «раз-два-три» — не просто так.
- **Номер 4:** китайцы, индейцы, турки. Для европейца 18-го века все эти народности — некий парадокс, «диковинка». Не забывайте: в ту пору не было интернета и «загуглить», кто такой индеец и как он выглядит было невозможно. Ежели таковой как-то и встречался европейскому жителю, то такая встреча ему казалась парадоксальной.
- **Номер 5:** маски. Хёйзинга показывает, что какой бы человек ни был, каким бы супер-цивилизованным и современным он вам ни казался, вид маски всё равно вызывает у него какие-то ассоциации, странную и неописуемую реакцию на недосказанность, на непрозрачность; на что-то сравнимое с мистикой.
- **Номер 6:** механизм усложнения религий. Пока что отмечу, что этот аспект — всего лишь механизм разрастания концепции. По сути, у меня концепция уже готова. Осталось буквально 3 шага до её оформления, но уже сейчас я вижу эту концепцию.
- **Номер 7:** олимпийские игры или игры во имя богов.

Итак, я написал и озвучил предпосылки для потенциального возникновения концепции. Раз есть предпосылки, значит, и сама концепция может появиться. Толчок есть, он сработал. А пока поразмышляем вслух.

Почему сегодня ни один священник или его паства не танцуют в образе кенгуру? Безусловно, не имеется в виду священник на каких-нибудь «Малиновых островах». Если осмотреться вокруг, выяснится, что никто в образе кенгуру не танцует. Почему? Не стоит скоропостижно пытаться ответить на этот вопрос. Привожу пример того, что даёт толчок к последующим соображениям.

В ходе аудирования я готовлю основу для возможной концептуализации услышанного. По сути, есть у меня, как минимум, одна полезная привычка: конспектирую каждую актуальную книгу, исследуя её концептуально. В итоге получаю перечень предпосылок, взаимодействие которых между собой мне может дать концепцию для любой темы. Такой подход и называется «МЕТОД АУДИРОВАНИЯ». То есть, когда я из аудио-текста извлекаю, как рыбку из пруда, предпосылки, одну за другой, это и предшествует формированию концепции.

И следующая логичная рекомендация тоже проста: так надо читать все книги. То, что я сейчас выполняю с вами на бумаге и на доске, в процессе жизнедеятельности проделываю в уме. За долгие годы можно научиться применять этот метод и без бумаги. И поскольку вы с концептуальной точки зрения анализируете содержание, результаты этого анализа никогда не забудете. Так, любую книгу или кинофильм запомните «от и до» без проблем, поскольку вся актуальная информация концептуально «проваливается в память» без какого-либо сопротивления.

Наша память запоминает особенным способом. **Концептуальным!** ■

Вот вы сейчас за 10 минут прослушали (или прочли) пятую долю первой главы господина Хёйзинга. Попробуйте поставить эксперимент: можете полностью пересказать фрагмент? Боюсь, что вы тихо сами себе ответите «НЕТ». И тому, безусловно, есть причина, а имя ей — Концепция.

Честно говоря, я сбился со счёта, сколько раз спрашивали: «Олег Викторович, как Вы дословно запоминаете диалоги и монологи? Во-первых, наша память запоминает особенным способом. **Концептуальным!** Во-вторых, как говорится, вы не туда смотрите, не на то внимание обращаете. И следовательно, неправильно мысленно конспектируете поступающую информацию. При владении методами концептуализации, всё в жизни вообще заметно упрощается. Более того, если выберете дисциплинированно тренироваться, нет ничего невозможного.

Уважаемые экспериментаторы! Почему я не даю вам возможность работать с книгой в обычном режиме — с первой по пятую часть? Потому что, когда вы начинаете углубляться в смысл, концептуализация не получается. **То есть метод работает так: выбираем движение в обратном порядке. И при таком подходе вы не становитесь заложниками чьей-то логики. При таких условиях и можно концептуализировать любой текст. Таков принцип. То есть вместе с вами я беру пять аудио-частей первой главы. И начинаю движение с пятой части к первой. Смысл не нужен, я сосредоточен только на концептуализации. И не пытаюсь понять замысел автора. Или, тем паче, его оценить. Сначала просто слушаю любую книгу, понимаю, о чём написано. А затем прохожу её с последней страницы до первой в обратном порядке. И этот метод даёт мощнейший толчок к концептуализации, поскольку ваш интеллект не «цепляется» за сюжетные повороты, за психологические портреты и так далее. Мы выбираем для данной задачи самое главное: предпосылки возникновения идей.** Понятно, что происходит и как работает метод? (Одобрительный гул в зале).

Ведущая: Нам понятно.

Тем не менее, не обращая на наши старательные кивания головами, **Шеф поднял руку, продолжил:**

Уверены? Давайте ещё раз попробуем поупражняться. Итак, аудирование, часть четвёртая (Тишина в зале. Звучит фонограмма).

…С этой точки зрения попытаемся теперь несколько более детально определить внутреннюю связь культа с игрой. При этом перед нами ярко вырисовывается далеко идущая однородность ритуальных и игровых форм. И вопрос, до какой степени то или иное сакральное действие оказывается в сфере игры, возникает в первую очередь.

Среди формальных признаков игры первое место занимает пространственная выхваченность этой деятельности из обыденной жизни. Некое замкнутое пространство, материальное или идеальное, обособляется, отгораживается от повседневного окружения. Там, внутри, вступает в дело игра. Там, внутри, царят ее правила. Но отгороженность освященного места есть также первейший признак сакрального действа. Это требование обособления в культе, включая сюда также магию и отправление правосудия, содержит в себе более глубокий, нежели только пространственный и временной, смысл. Почти ни один обряд посвящения и освящения не обходится без создания искусственных положений обособленности и исключительности для исполнителей или инициантов. Повсюду, где речь идет об обете, принятии в орден или некое братство, о клятве, тайном союзе, подобное ограничение так или иначе всегда вступает в игру, в рамках которой протекает это событие. Жертвоприношение, прорицание, колдовство начинается с того, что очерчивается священное для этих действий пространство. Таинство и мистерия предполагают наличие особого места, которое служит святыней…

(Шеф поднимает руку. Фонограмма прерывается)

Шеф: В Советской Армии, с её политработой в духе воинствующего атеизма и неприятия предрассудков, для военнослужащих систематически, с отбоя до подъёма, культивировался строй. И основополагающим был тезис: «Строй — священное (!) место. Стал в строй — и замрррри! Не шевелисссь!». А знамя — священная воинская хоругвь. И воинская часть была отгорожена от светской жизни не только ради секретности. (Фонограмма продолжается).

Формально функция такой отгороженности и ради священной цели, и ради чистой игры совершенно одна и та же. Ипподром, теннисный корт, площадка для игры в «классики», шахматная доска функционально не отличаются от таких вещей, как храм или магический круг. Поразительная однородность обрядов освящения по всему миру указывает на то, что такие обычаи коренятся в некоем изначальном и фундаментальном свойстве человеческого духа. Это всеобщее сходство культурных форм чаще всего сводят к причине логической, объясняя потребность в отгораживании и обособленности заботой о том, чтобы отвести от святилища пагубные воздействия, которые могут ему угрожать извне, ибо в силу своей святости оно особенно подвергается опасности и само представляет опасность. Тем самым в начало упомянутого культурного процесса ставят некие разумные соображения и полезные цели — утилитарное толкование, против которого предостерегал и Фробениус. Хорошо еще, что при этом не возвращаются к представлениям о хитрых священниках, которые выдумали религию; однако оттенок рационалистической манеры приписывать явлению те или иные мотивы в подобном подходе все же присутствует. Принимая же, в противоположность этому, изначальное, сущностное тождество игры и обряда, мы тем самым признаем особое священное место в основе своей за игровое пространство, и тогда сбивающие с толку вопросы «почему?» и «зачем?» вообще не могут быть заданы.

Но если священнодействие формально нелегко отделить от игры, то возникает вопрос, остается ли сходство культа с игрою чисто формальным и не простирается ли оно несколько далее? Вызывает удивление, что история религии и этнология не делают большего ударения на вопросе, в какой степени сакральные действия, проходящие в форме игры, отличаются в то же время игровым поведением и настроением их участников. Да и Фробениус, насколько я вижу, также не задавался этим вопросом. Все, что я мог бы сказать по этому поводу, ограничивается замечаниями, обобщающими некоторые разрозненные сообщения.

Само собой разумеется, что состояние духа, в котором общество переживает и воспринимает свои святыни, отличается в первую очередь высокой и священной серьезностью. И еще раз: истинное, всеохватывающее состояние погруженности в игру также может отличаться глубочайшей серьезностью. Играющий всем своим существом может отдаваться игре. Сознание того, что он «ну просто играет», может быть полностью вытеснено на задний план. Радость, неразрывно связанная с игрой, сопровождается не только напряжением, но и подъемом. В настроении игры есть два полюса: безудержность и экзальтация. Не случайно оба эти слова передают некие крайние состояния. Пожалуй, можно было бы сказать, что игровое настроение всегда мажорно. Однако все это подводит нас к вопросам чисто психологическим, от чего хотелось бы все-таки уклониться.

Игровое настроение по своему типу изменчиво. В любую минуту может вступить в свои права «обычная жизнь», то ли от какого-либо толчка извне, который нарушит игру, то ли от какого-нибудь поступка вопреки правилам, а то и из-за идущего изнутри ослабления накала игры, усталости, разочарования.

Как же обстоит дело с ходом и настроением священных празднеств? Слово праздновать почти все уже говорит само за себя: священный акт празднуется, то есть осуществляется в рамках праздника. Народ, готовящийся к общению со своими святынями, готовится к совместному изъявлению радости. Освящение, жертвоприношение, священные танцы, сакральные состязания, представления и мистерии — все они обрамляются праздником. И пусть даже обряды кровавы, испытания при инициации жестоки, маски вселяют ужас — все это разыгрывается как праздник. «Обычная жизнь» прекращается. Трапезы, пиршества и всяческая безудержность продолжаются в течение всего времени праздника. Взять примеры греческих или африканских праздников — и там, и там едва ли можно будет провести отчетливую границу между общим настроением праздника и священным волнением вокруг разворачивающейся в центре всего мистерии.

О сущности праздника венгерский ученый Карл Кереньи, почти одновременно с появлением этой книги, опубликовал статью, которая самым непосредственным образом касается интересующего нас предмета. Подобный же характер изначальной самостоятельности, который мы предположительно отнесли к понятию игры, Кереньи признает и за понятием праздника. «Unter den seelischen Realitaten,— говорит он,— ist die Festlichkeit ein Ding fur sich, das mit nichts anderem in der Welt zu verwechseln ist» [«Из душевных реальностей <…> праздничность — это вещь в себе, которую ни с чем

больше в мире не спутаешь»]. Подобно нашему суждению об игре Кереньи полагает, что история культуры не проявила должного внимания к феномену праздника. «Das Phanomenon des Festlichen scheint den Ethnologen vollig entgangen zu sein» [«Феномен «праздничного», кажется, совершенно ускользнул от этнологов»]. По реальности праздничности «gleitet man… in der Wissenschaft so hin-weg, als ob sie gar nicht existierte» [«скользят мимо… в науке так, словно ее и вовсе не существовало»]. Так же, как и по реальности игры, хотелось бы нам добавить. Итак, между праздником и игрой, по самой их природе, существуют самые тесные отношения. Выключение из обыденной жизни, преимущественно, хотя и не обязательно, радостный тон поведения (праздник может быть и серьезным), временнее и пространственные границы, существование заодно строгой определенности и настоящей свободы — таковы самые основные социальные особенности, характерные и для игры, и для праздника. В танце, пожалуй, оба эти понятия образуют наиболее полное внутреннее единство. Индейцы племени кора на южном побережье Мексики называют свои священные праздники молодых маисовых початков и обжаривания маиса «игрою» верховного божества.

Идеи Кереньи о празднике как понятии культуры дают возможность укрепить и расширить основу построения этой книги. И все же утверждением о том, что настроение священного празднества и настроение игры тесно соприкасаются, еще не все сказано. С подлинной игрой, наряду с ее формальными признаками и радостным настроением, неразрывно связана еще одна существенная черта: сознание, пусть даже и отступающее на задний план, что все это «ну просто так делается». Остается вопрос, не может ли что-то вроде подобного чувства сопутствовать и совершаемому в самозабвении священнодействию.

Обратившись к сакралиям архаических культур, мы смогли бы сделать несколько замечаний относительно серьезности, с которой все это делается. Этнологи, как я полагаю, согласны с тем, что состояние духа, в котором пребывают участники и зрители больших религиозных праздников у дикарей, не есть состояние приподнятости и иллюзии. Задняя мысль, что все это «невзаправду», здесь отнюдь не отсутствует. Живой пример такого состояния духа приводит Ад. Е. Йенсен в своей книге Beschneidung und Reifezeremonien bei Naturvolkern [Церемонии обрезания и инициации у первобытных народов]. Мужчины, судя по всему, не испытывают никакого страха перед духами, которые бродят повсюду во время праздника, а затем являются всем в ключевые моменты. И тут нечему удивляться: ведь это те же мужчины, что осуществляют режиссуру всей церемонии; они сами изготовили маски, они сами их носят, и они же спрячут их от женщин, когда все это кончится. Они поднимают шум, возвещающий появление духа, и прочерчивают его след на песке, они дудят в дудки, представляющие собой голоса предков, и размахивают трещотками. Короче говоря, завершает Йенсен, их поведение ничем не отличается от поведения родителей, разыгрывающих Синтерклааса. Мужчины потчуют женщин всевозможными враками о том, что происходит в отгороженном от других священном лесу. Поведение самих посвящаемых колеблется между экстатическим возбуждением, напускным безрассудством, дрожью от страха и ребяческой заносчивостью и притворством. В конечном счете, женщины менее прочих поддаются обману. Они в точности зна-

ют, кто прячется за той или другой маской. Однако впадают в страшное волнение, если маска приближается к ним с угрожающим видом, и с воплями разбегаются в стороны. Это выражение страха, говорит Йенсен, отчасти совершенно стихийно и неподдельно, отчасти всего лишь традиционная обязанность. Так полагается делать. Женщины как бы выступают фигурантками в пьесе, и они знают, что им нельзя быть «шпильбрехерами».

Нижнюю границу, где священная серьезность ослаблена вплоть до fun [забавного], нельзя во всем этом провести окончательно. Какой-нибудь наш по-детски простодушный папаша может всерьез разозлиться, если собственные дети ненароком застанут его за переодеванием в Деда Мороза. Индеец племени квакиутль в Британской Колумбии убил свою дочь, будучи застигнут ею за вырезанием маски в ходе приготовления к культовой церемонии. Шаткость религиозного чувства негров лоанго в сходных с Йенсеном выражениях описывает Пехуэль-Леше. Вера этих людей в священные представления и обычаи — это некая полувера, сочетающаяся с насмешничаньем и проявлением равнодушия. Главное здесь — настроение, заключает он (26). В главе Primitive Credulity [Первобытные верования] книги Р. Р. Мэретта The Threshold of Religion [На пороге религии] рассказывается, каким образом в примитивных верованиях в игру неизменно вступает определенный элемент «make-believe» [«деланной веры»]. И колдун, и околдовываемый — оба в одно и то же время и знают, и обманываются. Но они хотят быть обманутыми. «Точно так же, как дикарь — хороший актер, полностью, как ребенок, исчезающий в изображаемом персонаже, он и хороший зритель, и также и в этом подобен ребенку, способному до смерти пугаться от рева — как он знает — «ненастоящего» льва». Туземец, говорит Малиновский, ощущает свою веру и боится ее больше, чем он это сам для себя с четкостью формулирует. Поведение тех, кому первобытное общество приписывает сверхъестественные свойства, часто может быть лучше всего определено как «playing up to the role» [«игра в соответствии с ролью»].

Несмотря на осознание доли «ненастоящего», в магических и сверхъестественных действиях, те же исследователи подчеркивают, что это не дает оснований для вывода. Будто вся система веры и ритуальных обрядов — не более чем обман, выдуманный частью неверующих, с тем, чтобы других, верующих, держать в своем подчинении. Впрочем, подобное представление разделяется не только многими путешественниками, но то тут, то там передается в изустной традиции и самими туземцами. Но оно не может быть справедливым. «Истоки сакрального действа могут лежать только в набожности всех и каждого, и обманное поддержание ее с целью укрепления власти какой-нибудь одной группы может быть лишь конечным продуктом исторического развития».

Из всего предыдущего, по моему мнению, со всей ясностью следует, что, говоря о священнодействиях первобытных народов, собственно понятие игры нельзя упускать из виду ни на минуту.

Ведущая: Мы, помнится, начали с вопроса о замеченных предпосылках. Кому слово? Вам? Прошу!
– Как Хейзинга сказал сам в конце: все, что происходит в мире, можно назвать терминологическим оборотом «священная игра».

Шеф: Продолжайте. Озвучьте, какие еще предпосылки вы выписали.
– Раскраска центрального действия. Священники, которые выдумали религию.

Шеф продолжил: А как именно священники её выдумали? Как «изобретается» религия? Заметьте, вам не надо выяснять, как конструируется или рождается на свет религия. Вам нужно просто написать сам вопрос. Вопрос, в свою очередь, запускает механизмы разума, побуждая вас к поиску ответа. В итоге, через некоторое время возникнет идея. То, что сейчас демонстрирует выступившая — это перечисление идей. И какая-то из них может оказаться концептуальной. Повторно акцентирую: **прямо сейчас, выполняя упражнение, мы не создаём концепцию, а только замечаем и осмысляем предпосылки возникновения идеи, которая, в свою очередь, может впоследствии превратиться в концепцию.** Первичная задача — научиться создавать предпосылки.

Ведущая: Следуем далее. Кому слово? Вам? Пожалуйста. Что вы заметили и записали?

— Игра в собственные роли; сделанные верой; полувера; обычная жизнь может быть изменена толчком игры; состояние духа общества; сообразительные жрецы, которые выдумали религии; женщина меньше поддаются обману.

Шеф поднимает руку: Добро. Теперь, что написал я. Скоро вы поймёте, как выглядит «эталонный конспект». Хотя, у каждого человека свой стиль выработки предпосылок. Главное, чтобы этот стиль работал и давал свои плоды. Итак, поехали:

1) культ и игра; 2) куклы и культ; 3) пространство и его сакрализация (от футбольного поля, ринга, шахматной доски, магического круга, зала суда, правосудия, кабинета следователя — до офиса в современной компании, где должна возродиться корпоративная религия, причём, никто не знает, как именно это сделать). Подмечаем, сколько всего интересного! 4) офис и культ; 5) праздник и культ; 6) праздник — это событие или мероприятие, которое кто-то должен организовать. Обратите внимание, как начинаются восстания и «цветные революции»? Не с чтения книги некоего полузабытого американца Джина Шарпа. Большинство его имени даже не знают и не догадываются, что где-то живёт-обитает некий Шарп, идеолог «цветных революций». Итак, по делу: как начинались васильковые, тюльпановые, оранжевые революции, помните? С вечеринки. То есть первым делом «одни знакомые» приглашали «других знакомых» на вечеринку. Приглашение на мероприятие под названием «политическая акция» невозможно. На политическую акцию мало кто пойдёт. А на вечеринку или на концерт пойдут все дружно.

Апропо: при царе революционные сходки-конспиративки и у народовольцев-террористов, и у эсеров, и у социал-демократов, камуфлировались под вечеринки — с закуской и танцульками. Были случаи, когда явившимся с проверочкой городовым тоже наливали. И они, таким образом приобщившись к веселью (а заодно и к истории революции), уходили довольными.

(Оживление в зале)

Дальше нужно, чтобы появилось пару «весельчаков», которые, например, будут лихо отплясывать с вами на концерте, пока вдруг «что-то пойдёт не так». Допустим, пока не окажется, что их кто-то обидел, например, сотрудники полиции. Служители закона, пытаясь навести порядок, попробуют прервать или запретить концерт (или что-нибудь в этом роде). Вся толпа становится на сторону этих «весельчаков». И, словно позабыв про концерт, начинает выкрикивать политические лозунги, повторяя за «пострадавшими весельчаками». Вот и всё. Смотрите, как их обманули. То есть, испорчен праздник, люди в бешенстве. Ещё час назад давали бесплатно пиво, а потом внезапно перестали давать. Во всём виноваты «мусора». А потом, надо же как-то выплеснуть свои эмоции! Разбить ларёк, например, в порыве чувств. Почему? Потому что в ларьке написали «ПИВА НЕТ!» огромными такими, мерзкими буквами. (Оживление в зале).Очень неуважительно такое адресовать разгоряченной толпе, которым не дали довольствоваться обещанным бесплатным пивом и концертом. Видите, как это работает?

Собрать людей на вечеринку очень просто. Как говорят в Одессе, на шару и уксус сладок, и хлорка — творог. На вечеринку, где бесплатно наливают,— ещё проще. То есть могут пригласить на какое-то мероприятие, где будут давать бесплатный коктейль и «тусануться», и ничего от тебя не требуется, просто приходи веселиться: познакомишься с интересными людьми, в особом, ограниченном пространстве, будет классно, причем от тебя никто ничего не требует и не ждёт. Просто будь собой и будь с нами.

Йозеф Лада оставил интересное и в этом смысле воспоминание о Ярославе Гашеке. Пражский журналист, человек шебутной и авантюрный, при сотрясении австро-венгерской империи и её демократическом переломе, своеобразно поучаствовал в предвыборной кампании. Велел выкатить из любимого своего кафе «У чаши» (воспетого позднее им в «Швейке») две бочки — с пильзенским пивом и пустую. На последнюю он залазил и толкал речи, развивал свою программу преобразований. А те, кто останавливался — ну, послушать оратора — пили пиво бесплатно. Разумеется, он дурачился. Друзья-журналисты помирали со смеху. Но случайные слушатели были демонстративно внимательны и явно увлечены. Гашек провозглашал программу национализации… пражских дворников. Тех, кто отдаст за него свой голос, он обещал защитить от землетрясения в Мексике. Избирателям своим он гарантировал — карманный аквариум каждому. (Смех в зале). А выступал, как кандидат от… «Партии умеренного прогресса в рамках законности», которую сам там же и придумал. И между прочим, писал Лада, до конца дней предметом его особой гордости было то, что на тех выборах пара десятков пражан таки отдали за него голоса. Бочка пива — бесплатно. И речи…

(Смех в зале).

Нельзя сказать, что это — универсальная модель. И что вот так начинается религия. Любая. Но что-то всё же в приведенном — есть. А дальше очень многое зависит от режиссёра. Собрать людей на праздник — не проблема. Последующее же — дело навыка.

Я как-то задумался, почему у нас в Одессе нет мотодвижения как такового? Да не покажется этот тезис не имеющим отношения к делу! Байкеры устраивают праздники, заметные, шумные. И однако же самого мотодвижения, как будто, не существует. Вроде внешне всё по-хорошему, байки — это круто; на съездах и праздниках всё бесплатно, почему же не наблюдается организации культурного движения? Ответ известен: нет режиссёра, нет концептологов, нет «священников», нет «тружеников», кто этим станет заниматься, нет как такового священного корпуса. Байкеры вечеринку провели и все разъехались. Никто не «клубится». Никто не организовывается. Не возникает паствы. А паства концептуальна, пастве нужна концепция…

Вот почему на футболе ломятся трибуны от болельщиков и зевак? Потому что матч по футболу — настоящее священнодействие, это потрясающая групповая вечеринка. В спортивной среде, особенно на мировом уровне, умеют это делать. То уже не просто «футбол» или «игра» — то подлинный религиозный обряд. Там есть пиво, орешки, есть, где веселиться и здорово проводить время — больше-то ничего от тебя не требуется, только смотреть. Откуда-то, словно «сами по себе» организовываются клубы фанатов, а затем, уже совсем в других условиях, эти же футбольные фанаты превращаются в радикальные подразделения и начинают «громить неугодных». По сути, толпа требует «жертвоприношения». И таким идеологам, как Хёйзинга, прекрасно известно и как формируется религия, и как организовывается паства, и как меняется вектор толпы.

Я поделился с вами своими заметками и соображениями; в итоге, у нас появилось уже два блока предпосылок к возникновению концепции. Слово — уважаемой ведущей.

— *На этом этапе, пожалуй, стоит сделать некую паузу, поскольку одна из моих коллег заметила, что ей сложно слушать и воспринимать аудио непосредственно из-за голоса диктора. Уж очень он тягучий, даже раздражающий.*

Шеф — поднял руку:

– Акцентирую внимание на этом наблюдении: если вам так сложно сосредоточиться из-за голосового тембра, возьмите книгу, «заткните» уши и читайте в обратном порядке. То, что сейчас происходит — один из ключей к восприятию. У кого такая реакция на звук (раздражает, противно, плохой голос и т.п.) — это плохо, скажу вам откровенно. Лично мне вообще всё равно, каким голосом записано аудио. Лишь бы информацию получить. Кто начинает искать в звуке причину, чтобы чего-то не сделать… таковая реакция свидетельствует о серьёзных отклонениях в разуме человека. *У вас должна быть информационная жажда, вы не должны вообще слышать звук, вы должны слышать только барабанную дробь букв, которую вам выстукивают.* Вы вообще не должны слышать голоса.

Должно пройти 3 минуты. При поставленной задаче и вашем стремлении к её решению — вы позабудете любой тембр. Даже если бы текст читал исторически-знаменитый в 20-м веке Юрий Левитан. Тем более, гундосил неприятный вам неизвестный голосок. Вы вообще не должны уделять слишком большое внимание спикеру или диктору. Самое главное в данном вашем занятии — добыть предпосылку, вычленить информацию. Важно отречься от тембров, от скрипов, от всего; требуется слышать

только барабанную дробь букв, их сочетание в слова, предложения, абзацы — и дешифровывать услышанное.

Иначе вы ничего не напишите, у вас ничего не получится. Вообще, выбросьте из головы категории «нравится / не нравится», избавьтесь от них; таковые совершенно неэффективны. И даже прямо — вредны. Причём, и в искусстве, и в литературе, и в нашем деле. В науке, то есть. Нравятся мальчики девочкам и девочки — мальчикам. В поэзии при подобных отзывах, например, говорят: за «нравится — не нравится» бьют шандалом по голове. Отрекитесь от дилетантского этого оборота. Просто сотрите его из собственного разума, иначе дальнейшие попытки что-либо концептуализировать разобьются о несуществующий камень преткновения. Не рекомендуется обращать внимание ни на тембр голоса, ни даже на то, кто автор написанного. Разумеется, тут потребуется усилие воли. Но — как же в нашем деле без него. Я вообще не слышу и не помню, кто и что озвучивает. Только смысл, только контекст.

Так или иначе, аудирование — это метод, который лучше подходит для рождения концепции, нежели текст. С текстом работать намного сложнее, чем со звуком. Дело в том, что с текстом вы проделываете двойную работу. Сначала текст преобразовываете в образы, потом пытаетесь эти же образы услышать, увидеть, почувствовать и так далее. А потом только, возможно, вы перейдёте к осмыслению предпосылок. При аудировании не нужно обременять себя двойной работой. В память напрямую попадает то, что нужно, минуя преобразователь. То есть, вместо двух дел, вы делаете одно (к слову, так намного быстрее). Но, настаивать на том, чтобы вы работали не с текстом, я не могу. И, конечно же, не стану. Это — личное дело каждого. Разве что, повторю: со звуком работать намного легче. За долгие годы практики я лично пробовал работать и с текстом, и со звуком. И вывод таков: звучание создаёт идеальные условия для возникновения предпосылок. А теперь, раз мы и с некоторыми психологическими явлениями попутно разобрались, в третий раз предлагаю проделать то же упражнение. Итак, приступаем к методу аудирования в третий раз. Согласны?

(В зале — гул одобрения).

… Переходя теперь от детской игры к священным культовым представлениям архаических культур, мы обнаруживаем, что в сравнении с детской игрой духовный элемент здесь в большей мере «в игре», и это очень трудно поддается точному определению. Священное представление — это больше, нежели мнимое претворение, больше, чем символическое претворение, это — мистическое претворение. В таком представлении нечто незримое и невыразимое обретает прекрасную, значимую, священную форму. Участвующие в культовом действе убеждены, что оно претворяет в жизнь некое благо, и при этом высший порядок вещей действенно вторгается в их обычное существование. Тем не менее,

это претворение через устраиваемое ими представление продолжает во всех отношениях сохранять формальные признаки игры. Оно разыгрывается, ставится в пределах реально выделенного игрового пространства, как подлинный праздник, то есть радостно и свободно. Ради него выделяют собственный, временно существующий мир. При этом с концом игры действие это вовсе не прекращается, но продолжает озарять обыденный внешний мир,— укрепляя надежность, порядок, благополучие тех, кто участвовал в празднестве, вплоть до той поры, когда священные дни приблизятся снова.

Такие примеры можно заимствовать чуть не в каждом уголке земли. Согласно древнему китайскому учению, предназначение танца и музыки — удерживать мир в его колее и обуздывать природу во благо людей. От состязаний на праздниках, приуроченных ко времени года, зависит удача в течение всего объемлющего эти четыре периода срока. Если люди не сойдутся все вместе, урожая не будет.

Священнодействие — это (дроменон), то есть свершаемое.

Представляемое зрителю — (драма), то есть действие, неважно, происходит ли оно в форме показа или же состязания. Такое действие представляет собою некое космическое событие, однако не только в виде его репрезентации, но и как отождествление с ним. Оно вторит событию. Культовый обряд позволяет вызвать эффект, образно представленный в действии. Его функция — не простое подражание, но способ стать частью, участие в действии (3). Это — «helping the action out» [«вызволение действия»].

Наука о культуре не задается вопросом, каким образом психология понимает духовный процесс, который находит выражение в этих явлениях. Психология, возможно, попытается разделаться с потребностью, приводящей к таким представлениям, как с «identification compensatrice» [«компенсирующим отождествлением»] или как с «репрезентативным действием при невозможности выполнить настоящее действие, направленное на определенную цель». Для науки о культуре важно понять, что означают эти образные представления в духовной жизни тех народов, которые творят их и почитают. Мы затрагиваем здесь основы науки о религии, вопрос о сущности культа, обряда, мистерии. Древнеиндийский обряд жертвоприношения, известный по Ведам, целиком покоится на идее, что культовое действие, будь то жертва, состязание или представление, понуждает богов дать ему совершиться, если только некое желаемое космическое событие представить, передать, вообразить в ритуале. Для античного мира эти взаимосвязи убедительно разрабатывает в своей книге Themis, A Study of the social origins of Greek religion [Фемида, Исследование социальных истоков греческой религии] мисс Дж. Э. Харрисон, исходя из боевого танца куретов на Крите. Не вдаваясь во все историко-религиозные вопросы, обусловленные этой темой, рассмотрим поближе игровой характер архаического культового действа.

Итак, в свете изложенного культ есть показ, драматическое представление, образное воплощение, замещающее действительное осуществление в ходе священных празднеств, возвращающихся с каждым из времен года, люди сообща отмечают великие события в жизни природы, устраивая посвященные им представления. Они воспроизводят смену времен года, изображая восход и заход созвездий, рост и созревание

плодов, рождение, жизнь и смерть людей и животных. По выражению Лео Фробениуса, человечество разыгрывает порядок вещей в природе в той мере, в какой оно его постигает. Согласно Фробениусу, в далекие, доисторические времена оно охватывало своим сознанием, прежде всего явления растительного и животного мира, а затем уже дошло до понимания значения порядка во времени и пространстве, чередования месяцев и времен года, небесного движения солнца. И вот оно разыгрывает весь порядок бытия в священной игре. И в этой игре, и через игру оно вновь воплощает представленные события и помогает тем самым поддержанию мирового порядка. Да и другие вещи должны были вытекать из игры. Ибо в формах культовых игр человечество нащупывало порядок в самом человеческом обществе, закладывало зачатки своих простейших государственных форм. Король — это солнце, королевская власть — образное воплощение его небесного хода; всю свою жизнь играет король «солнце», чтобы, в конце концов, разделить судьбу солнца: его собственный народ в ритуальной форме кладет предел его жизни.

Вопрос, насколько это объяснение ритуального цареубийства и всей лежащей за ним концепции можно считать доказанным, пусть решают другие. Нас же интересует, как следует понимать такое становление образа из первоначально примитивного чувства природы. Как протекает процесс, который начинается с невыраженного опытного знания космических явлений и заканчивается игровым изображением этих явлений?

Фробениус по праву отбрасывает чересчур легковесное объяснение, полагающее, что было бы вполне достаточно добавить сюда некое понятие «Spieltrieb» [«тяга к игре»] как врожденный инстинкт. «Die Instinkte,— говорит он,— sind eine Erfindung der Hilflosigkeit gegenuber dem Sinn der Wirklichkeit» [«Инстинкты <…> суть изобретение беспомощности в ее столкновениях со смыслом действительности»}. Столь же настойчиво, и с еще большим основанием, противится он склонности минувшей эпохи искать объяснение каждому приобретению культуры во всяческих «с какой целью?», «зачем?», «по какой причине?», приписываемых обществу, которое создает культуру. «Schlimmste Kausalitatsty-rannei» [«Наихудшей тиранией причинности») называет он подобную точку зрения, это устаревшее представление о полезности.

Собственное представление Фробениуса о духовном процессе, который здесь должен происходить, сводится к следующему. Еще никак не выраженный природный и жизненный опыт проявляет себя в человеке архаического периода в виде «Ergriffenheit» [«захваченности»]. «Das Gestalten steigt im Voike wie im Kinde, wie in jedem schopferischen Men-schen aus der Ergriffenheit auf» (10) [«Образное представление восходит в народе, как и в ребенке, как и в любом человеке творческого склада, из их захваченности»]. Человеческое в них бывает «ergriffen von der Offen-barung des Schicksals» <…> «Die Wirklichkeit des naturlichen Rhytmus in Werden und Vergehen [hat] ihren inneren Sinn gepackt und dies [hat] zur zwangslaufigen und reflexmaBigen Handlung gefuhrt» [«захвачено откровением судьбы» <…> «Реальность природного ритма в становящемся и преходящем овладела их внутренним чувством, и это привело к вынужденному рефлективному действию»]. Итак, здесь, по мнению Фробениуса, речь идет о необходимом духовном процессе преобразования. Благодаря «Ergriffenheit», что фактически говорит больше,

чем близлежащие нидерландские «bewogenheid, getroffenheid, ontroering» [«встревоженность, растроганность, взволнованность»],— чувство природы сгущается, путем рефлекса, в поэтическую концепцию, в художественную форму. Быть может, это наилучшее словесное приближение к описанию процесса творческого воображения, однако едва ли это можно назвать его объяснением. Путь, ведущий от эстетического или мистического, в любом случае — алогического постижения космического порядка, к обрядовой священной игре, остается столь же неясным, как и до этого.

В анализе этого большого ученого, о кончине которого все мы скорбим, недостает более точного определения того, что он понимает под словом игра, по отношению к такого рода, священным вещам. Неоднократно употребляет Фробениус слово играть применительно к деятельности, связанной с культовыми представлениями, но суть вопроса, что же означает здесь это играть, не углубляется. Возникает сомнение, не закралась ли в его представления та же мысль о целенаправленности, которой он так противился и которая вовсе не согласуется с присущими игре качествами. Ведь, как это изображает Фробениус, игра служит тому, чтобы являть, показывать, сопровождать, воплощать все, что свершается в космосе.

Квазирациональный момент неудержимо пытается сюда вторгнуться. Игра, как образное воплощение, продолжает для него сохранять основу своего существования, будучи выражением чего-то иного, а именно некоей взволнованности космосом. Тот факт, что это воплощение в образах разыгрывается, остается для него, по всей видимости, второстепенным. Теоретически оно могло бы поведать о себе и другим способом. Согласно же нашим рассуждениям, определяющим здесь является именно факт игры. Эта игра, по сути, есть не что иное, как более высокая форма — в основе своей вполне равноценной — детской игры или даже игры животных. Для этих двух форм игры едва ли может быть истоком взволнованность космосом, ощущение мирового порядка, которое ищет для себя выражения. Во всяком случае, такое объяснение не было бы достаточно убедительным. Детской игре присуще специфическое качество игры qua talis [как таковое] и при этом в его наиболее чистом виде.

Процесс, ведущий от «захваченности природой и жизнью» к представлению этого чувства в священной игре, нам кажется возможным описать в несколько иных терминах, чем это сделал Фробениус,— вовсе не для того, чтобы предложить объяснение чему-то поистине неуловимому, но с единственной целью учесть фактические обстоятельства. Архаическое общество играет так, как играет ребенок, как играют животные. Такая игра с самого начала полна элементов, свойственных игре вообще: порядка, напряжения, движения, величавости и восторга. Лишь в более поздней фазе общественного развития с этой игрой начинают связывать представление, что в ней что-то выражено: именно представление о жизни. Бывшее некогда бессловесной игрой, принимает поэтическую форму. В форме и в функции игры, являющейся особенным, самостоятельным качеством, чувство человеческой включенности в космос, находит свое самое первое, самое высокое, самое священное выражение. В игру мало-помалу добавляется значение священного акта. Культ — не более чем прививка к игре. Однако изначальным фактом была именно игра, как она есть.

Мы попадаем здесь в сферы, куда, будь то с помощью познавательных средств психологии, будь то с помощью теории познания, вряд ли можно проникнуть. Вопросы, которые здесь возникают, касаются глубинных основ нашего сознания. Культ — дело самой высокой и самой священной серьезности. Может ли он при этом быть также игрою? С самого начала было установлено: любая игра, ребенка ли, взрослого ли, может проходить с полнейшей серьезностью. Может ли она, однако, заходить столь далеко, чтобы и священное волнение таинства все еще продолжали связывать с качествами игры? Продумать все это в той или иной мере непросто из-за строгости сформулированных нами понятий. Мы привыкли рассматривать противоположность игра — серьезность как нечто вполне окончательное. Но, по всей видимости, до самых глубин она все-таки не доходит.

Поразмыслим немного над следующей восходящей последовательностью. Ребенок играет в полном самозабвении,— можно с полным правом сказать: в священной серьезности. Но он играет, и он знает, что он играет. Спортсмен играет с безмерной серьезностью и с отчаянною отвагой. Он играет, и он знает, что он играет. Актер целиком уходит в игру. Тем не менее он играет, и сознает, что играет. Скрипач переживает священный восторг, он переносится в мир вне и выше обычного мира, но то, что он делает, остается игрою. Игровой характер может быть присущ самым возвышенным действиям. Можно ли провести эту линию вплоть до культовых действий и утверждать, что священнослужитель, совершая ритуал жертвоприношения, продолжает оставаться в рамках игры? Кто допускает это в богослужении, допускает это же и относительно всего прочего. Понятия обряда, магии, литургии, таинства и мистерии — все они оказались бы тогда в сфере значения понятия игры. Но здесь следует остерегаться того, чтобы внутреннее единство понятия игры не подвергнуть чрезмерному перенапряжению. Мы стали бы всего лишь играть словами, попытайся мы термин игра уж слишком растягивать. Мне думается, однако, что, квалифицируя священнодействие как игру, мы вовсе не впадаем в ошибку. Оно во всех отношениях есть игра по своей форме, но и по своей сущности оно является ею, коль скоро оно всех, кто в нем участвует, переносит в иной мир, отличный от обыкновенного. Платон это тождество игры и священнодействия принимал как безусловную данность. Он, не колеблясь, включал в категорию игры священные предметы. Серьезные дела подобает свершать с полной серьезностью, гласит его утверждение, и только Бог достоин всей этой блаженной серьезности, тогда как человек сотворен игрушкою Бога, и это для него самое лучшее. Посему каждому мужчине и каждой женщине надлежит в соответствии с этим проводить свою жизнь, играя в прекрасные игры, вопреки всему тому, к чему они расположены ныне. Они же, следует далее, серьезною вещью почитают войну, «но в войне нет ни игры, ни становления формы, каковые мы почитаем за вещи серьезные. Мирную жизнь должно прожить каждому сколь можно лучше. Каков же этот правильный способ? Жить, должно играя, в добрые игры, принося жертвы, в пении и танцах, дабы, возможно, было снискать расположение богов и врагам дать отпор, и победить их в бою».

В этом Платоновом отождествлении относящегося к игре — и священного последнее не принижается тем, что его называют игрою, но сама игра возвышается тем, что понятие это возводят вплоть до высочайших областей духа. Мы уже говорили в начале, что игра существует до всякой культуры. В определенном смысле она витает поверх каждой культуры или, во всяком случае, от нее не зависит. Взрослый человек играет, как и ребенок, ради удовольствия и отдохновения, так сказать, ниже уровня того, что есть серьезная жизнь. Но он может играть и выше этого уровня, вовлекая в игру, прекрасное и священное.

Ведущая берёт слово: Прослушав фрагмент до конца, мы были готовы показать, что же удалось записать. Кто готов персонально? Вы? Просим!

— У меня получился вот такой «набор»:

Духовный элемент в детской игре; представление людей о благе игры; действие игры после игры; культ, как драматическое представление; тяга к игре, как врожденный инстинкт; культ, как некая прививка к игре (может ли быть игрой); играющие дети, играющие взрослые — в чём разница; как играть в добрые игры в жизни.

Шеф поднимает руку: Прекрасно, отличные предпосылки. Отличная работа, позволяющая констатировать, что с третьего раза вы точно поняли, что и как это делается. Сделано великолепно, хорошо законспектирована глава. С удовольствием поделюсь тем, что написал я:

1) тайная кара; 2) кто-то выдаёт себя за представителя явлений; 3) познание мира при взаимодействии с ним. (И опять-таки, да здравствует Карлос Кастанеда. Вспомните, в одной из книг он спрашивал: «Как ты познаешь мир? Вот мой друг танцует с миром. А ты как это делаешь? Все люди это делают по-разному»). 4) культовая церемония (иными словами, драма и драматургия).

То, что написал я, для концептуализации потребуется лично мне. То, что написали вы — нужно вам. Однако, оба конспекта предпосылок весьма предметно подходят для того, чтобы возникли идеи.

А теперь…

(Микрофон возвращается к ведущей)

Ведущая: Что ж, вы уже приготовились было услышать новую концепцию? И таки «что вышло в результате аудирования»? Без проблем, мы это обязательно покажем и обсудим в следующий главе, а пока — практикум!

И не спешите, пожалуйста, вперёд листать. Дело не в том, как излагаются те или иные концепции, а в том, чтобы самостоятельно научиться концептуализации. Мы и сами это всё проходили, так что никаких обид или минутных разочарований быть не может. По факту, как только мы прослушали три фрагмента, озвучили предпосылки и записали рекомендации шефа, он дал нам 40 минут, чтобы, поработав над предпосылками, мы «выдали» концепцию. Прямо так и сказал: *«Идите, поглядите на свои конспекты, прочтите предпосылки и приготовьтесь презентовать концепцию. Вы же написали целых 3 конспекта, а нужна всего лишь одна концепция. У вас для этого всё есть! Так что полный вперёд!»*

***

А посему будем справедливы друг с другом. Попробуйте свои силы, поставьте эксперимент. Не обязательно слушать именно «Осень Средневековья» господина Хёйзинги. Выберите любую книгу, пускай даже и знакомую; послушайте обратным методом, запишите пару-другую предпосылок и… попробуйте дать вырваться на волю тому, что станет осмысленной лично вами Концепцией.

- ВЫБЕРИТЕ ЛЮБУЮ КНИГУ
- ПОСЛУШАЙТЕ ОБРАТНЫМ МЕТОДОМ
- ЗАПИШИТЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
- НА БАЗЕ ПРЕДПОСЫЛОК ОСМЫСЛИТЕ КОНЦЕПЦИЮ

14 ДВИГАТЕЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА (ДДС), ВЫРАЖАЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЮ

Ну-с, с чего начнём на этот раз? Перед нами — схема, выражающая концепцию. Да ещё и двигательно-динамическая. Разберёмся и обсудим. Для начала, мы с вами обсудим не саму концепцию, а то, как возникает её предпосылка. Мы — это авторы и, главным образом, академик Мальцев Олег Викторович, в подробном представлении которого читатель наш не нуждается. Как и отлично вы знаете: его высказывания, как правило, стенографируются нами точно. Или, как минимум, пересказываются нами же близко к тексту.

– Итак, предпосылка, из которой и вслед за которой должна явиться идея. Должна? Сама по себе? Почему — должна? Кому — должна? Да всем. И прежде всего — тем, кто интересуется вопросом. Поскольку речь идёт об элементарной логичности. А быть логичным в своих словах и делах — одна из первейших обязанностей Человека Мыслящего. Это — очень высокое звание, а оно обязывает. Рассмотрим же эту логическую цепь. Предпосылка-концепция. Термин «посылка» трактуется широко. В нашем случае ближе формулировка, расшифровывающая её, как утверждение для обоснования (объяснения) того или иного аргумента. Формулировка не исчерпывает сути, но пока нам с вами и того довольно. Ну, а предпосылка? Совершенно ясно всё по той же элементарной логике — нечто, предваряющее посылку. За которой может последовать и концепция. Разумеется, не гарантировано — появление концепции в ваших руках, душах и головах. Но причинно-следственная связь непреложна. Сначала — причина, за ней — следствие. Есть в этой цепи, серьёзно говоря, и предшествующие, и промежуточные, и последующие звенья. Но вы не приведёте ни одного примера, когда причина идёт за следствием. Хотя, при этом тезисе на лекции в медицинском университете, студент огрызнулся: «Это — когда вы, профессор, идёте за гробом своего пациента…»

Шутка, конечно. Хотя и мрачноватая. Но разговор у нас с вами — более чем серьёзный. И потому, рассматривая данную цепь, звено «Идея» давайте на время пропустим. Исключительно теоретически, в порядке освоения материала — идею пропускаем. А сразу же, от предпосылок приступим к лепке концепции. У вас есть предпосылки, которые должны породить идеи, вообще не связанные с предпосылкой. В этом весь смысл. **А для чего предпосылка? Толчок этот для чего? Да для того, чтобы логическая цепь оставалась неразрывной — идея возникла.**

Представлю вам, дорогой читатель, религию. Нет-нет, не католицизм, не православие и лютеранство, не баптизм и буддизм и прочее — именно: ре-ли-гию. Религию вообще, так сказать. В самом общем виде. И при том — аналитически разобранную на элементы, на составные. Они же — таковые есть:

1. **Познавательно-прогнозирующая функция разума.**
2. **Танец в образе кенгуру.**
3. **Небо и земля.**
4. **Китайцы, индейцы и турки.**
5. **Маски.**
6. **Механизм увеличения количества концепций.**
7. **Собиратели, охотники и артисты.**
8. **Сакрализованное пространство.**
9. **Праздник и культ.**
10. **Тайная кара.**
11. **Представители явлений.**
12. **Культ и драматургия.**
13. **Физиологическая, зрелищная, мистическая, и справедливая формы.**

Разобрались? Вникли? Тогда, как по утрам говорил когда-то знаменитый радио-диктор Левитан, переходим к следующему упражнению. Оно же — таково:

Соберите последовательно религию.

То есть, соберите её из представленных ингредиентов. Ну, допустим, вы решили создать новую религию. Нет, я говорю — допустим! В ночную бессонницу вас вдруг осенило. Проснулись утром с идеей создания новой религии. Вам хорошо известно, что религия — явление, с одной стороны, искусственное, а с другой — построенное на реальных условиях жизни определенных людей. Согласно закона сохранения материи и энергии, ничто не возникает из ничего. Касается это, как ни странно, и такого явления, как религия; Вы же знаете-понимаете: религия просто так, из ничего, не возникла — нужны предпосылки. Т.е., если возжелали сотворить религию, и при том вы можете использовать эти предпосылки для ее возникновения, у вас, возможно, получится религия. Не можете — у вас не получится. Перед вами религия, так сказать, полностью разобранная на запчасти. И они вам даны с предпосылкой.

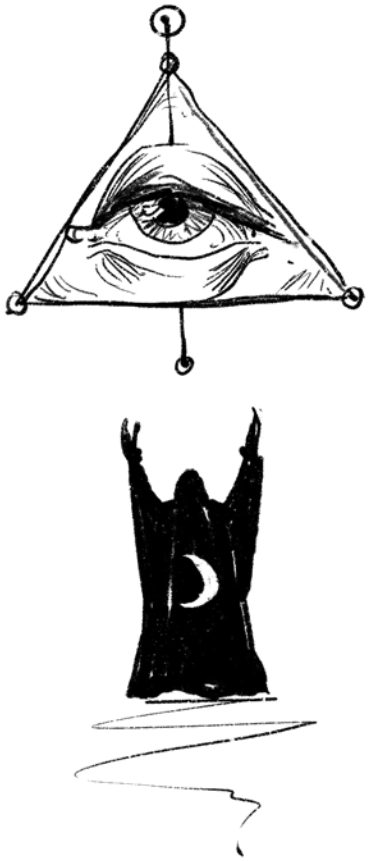
Располагая этими ингредиентами, вы сейчас можете поэтапно описать возникновение всех религий на Земле. Попробуйте. Эти пункты перемешаны между собой, как карты в перетасованной колоде. Они лежали в определенной последовательности в концепции, а я взял карты и — перетасовал. Если вы осмыслите это и их выложите в необходимой последовательности, у вас получится концепция возникновения любой религии. А по сути, концепция управления любым количеством людей. Т.е. вы получите архаичную форму менеджмента над любым количеством людей, власти над **любым** человеком.

Ну, допустим: вот у вас перемешанные карты. Вот — как вы рассуждаете? **В каком логическом варианте?** Вообразим, *пояснение некой даме:* понимаю, мол, не нравится быть дурой. Но что же поделать, какая есть — такая есть. И другой принципиально,

вероятно, уже не будете. Как говорится, чем богаты — тем и рады. Ваше лицо искажено гримасой — вам так не нравится быть дурой. Выражение вашего лица внятно говорит: находитесь в состоянии жуткого сопротивления этому. Т.е. вы должны проникнуться определённой именно такой мыслью — это главная концепция. Глубоко проникнуться тем, что вы… дура. Иначе ничего не получится. У вас там слишком много всего. Чтобы это сработало, надо выгрести все это, вычистить все Авгиевы конюшни, **требуется чистый лист.** Только тогда возможно чего-то добиться.

Усвойте и следующее.

- **1. Познавательно-прогнозирующая функция разума.** Та, которая от вас не зависит. Именно это и создает предпосылку для религиозности. Нет ответов на вопросы — возникает страх, а это религиозность. Вы живете в сумасшедшем доме. Вы считаете, что 5 млн. лет назад стояли библиотеки. Вам кажется, что Земля была технотронным обществом. Возможно, но религия появляется не там и тогда. Религия появляется там и тогда, где и когда нет ответов на вопросы.

Да и мало, чтобы было страшно — этого тоже недостаточно. Неужели вы этого не понимаете? Как вы собираетесь достучаться до разума идиотов, если этого не понимаете? Вы должны мыслить этими категориями, у вас логика должна быть этих категорий. С этого все начинается. Это толчок для всех явлений. Если бы все знали всё про себя и умели этим пользоваться, да ничего бы в мире не было. Неужели вы этого не понимаете? Если человек знал бы, как справляться с ленью, не было бы рынка. Неужели вы этого не понимаете? Но относительно этого все находятся в неведении.

Смотрите: определенное количество людей достаточно горячо интересуются таким явлением, как Бином Ньютона. Но их не интересует лень. Это такая неважная категория! Ну, то есть — совершенно. Вот и познавательно-прогнозирующая функция разума совершенно не важна, про нее вообще никто не говорит. И даже Герд Гигеренцер… Слыхали? Немецкий психолог, член Леопольдины. Директор отдела «Адаптивное поведение и познание» и директор Хардинг-центра по оценке рисков в Институте человеческого развития Общества Макса Планка в Берлине. Когда он создаёт свои работы — его больше интересует механизм принятия решений, чем работа самой познавательно-прогнозирующей функцией разума. А сам механизм срабатывания этой системы его не особо интересует. А это — основа всего. И мало этой функции. Так мы можем вызвать страх, но вера так не рождается. Недостаточно страха, надо, чтобы жрать очень хотелось!

- **2. Физиологическая, зрелищная, мистическая и справедливая формы.** Да. Должно очень хотеться кушать. Шизофреническое состояние голода должно быть для того, чтобы возникла религия. Т.е. должно случиться что-то такое, чтобы страх смешался с физиологией или с чем-то другим. Потому что, например, в нашем обществе вы не добьетесь голодной смерти. Не будет этого. Мы прошли ту стадию цивилизации, когда кто-то может издохнуть с голоду. Во всяком случае — в наших краях. Найдет это существо объедки какие-никакие в Макдональдсе, и все равно нажрется. Не загоним мы его в голодную смерть. Но есть другие формы — зрелищная, мистическая, справедливая. Ведь Майдан делали на справедливой форме религии. Как они орали, вы помните? «Янукович спер наши гроши!» Разве Янукович брал какие-то гроши у какого-то чудака из села? Да они не знакомы даже! Но эта формула так нравится многим выходцам из села, что верят: им Янукович лично должен, вы себе представить не можете. Сам президент ему должен бабло! Есть вещи, в которые хочется верить. Неужели вы этого не понимаете? И вот это «хочется верить» и есть начало религии. Совсем, как в той песенке Игоря Шафера-на и Игоря Якушенко: «Хочется верить — но нет оснований…». Заканчивается она характерно: «Нет оснований — но хочется верить». Вот хочется — и всё тут. Ладно с ними, с основаниями… Сейчас построим настоящую религию и научимся этой ДДС пользоваться в любой ситуации. Мы станем гениями менеджмента, великими жрецами дураков, ходящих по улице. Наконец-то вы поймете, что знания — это сила. Вы что же, думаете, те, кто кукловодят имбецилами, которые себя выдают за кого-то, они ничего не знают? Если б они ничего не знали, не могли бы творить то, что творят в мире (пандемии и т.д.). Все всё знают. Есть категория людей, которая всё прекрасно понимает. А остальные — это просто театр в их подчинении.

- С чего мы начнем? С того, что у нас есть — 1 — познавательно-прогнозирующая функция разума, и она попадет между — **3 — небом и землей.** Почему она попадет между небом и землей? Да потому что, когда человек рождается, он попадает между небом и землей — это естественная функция. Что небо будет делать? Насылать на нас разные ужасные вещи — будет греметь гром, молния, вулканы, землетрясения, наводнения. Ужасное небо! А что земля будет делать? А земля будет сотрясаться и не желать нас кормить. Мы будем ползать, искать корешки и не находить их. Так возникнут первые два божества — небесное и земное. Но мы до этого дойдем.
- И дальше мы говорим о **13 — физиологической, зрелищной, мистической и справедливой формах религии.** Вот основная

предпосылка для возникновения любой религии. Т.е. смотрите, функция человека, непреодолимые факторы и формы преодоления этих факторов.

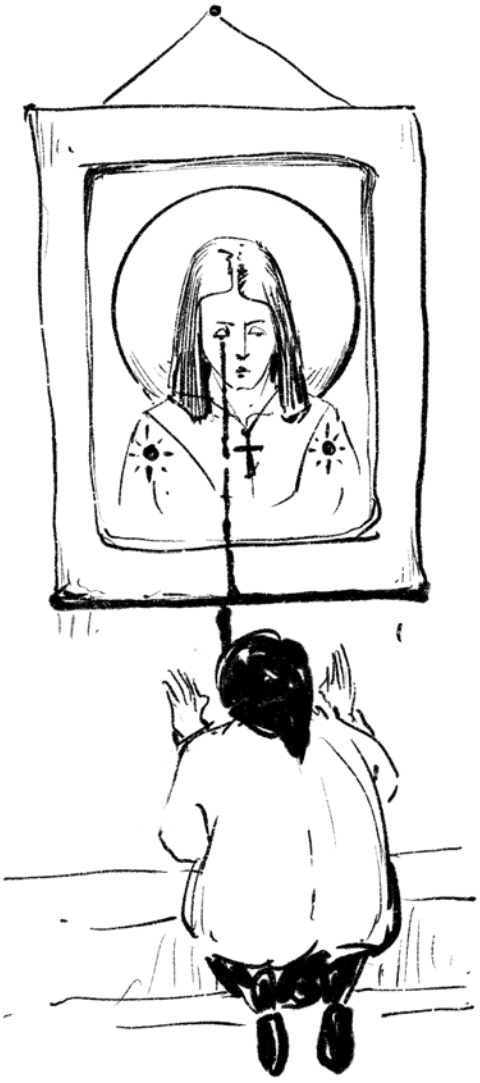
- Теперь у нас появятся люди — вот те самые **11 — представители явлений.** Но появятся они не просто так, а в 4-х формах. Из форм выйдут эти люди. Потому что тот, кто лучше всех охотится, может накормить какое-то количество людей, станет неким как бы воплощенным Богом, т.е. из ниоткуда появилась еда. Вот ему дали еду, человеку. Страх и голод был нейтрализован каким-то количеством еды. Впоследствии появятся люди иной формы, мистической. Но сначала появится некая справедливая форма. Ведь мало того, что нужно накормить, еще нужно и защитить, т.е. появятся те, кто здоровее, сильнее и смогут защитить тех, кто слабее. И как только эти две формы буду удовлетворены, станет очень сложно, чтобы появились какие-то иные формы, потому что небо будет защищать, а земля — кормить. Но человек — такое существо, что власти все равно хочет. И тогда возникнет следующая форма, которая свойственна покою, т.е. зрелищная форма. Понимаете, когда у человека есть защита и еда, то работает только зрелищная форма. Как только мы начнем расшатывать защиту, зрелищная форма автоматически перестает работать. И еще одна есть форма — мистическая. Вышаком вот этой зрелищной формы является мистическая. Но это — иная форма. Это переход от зрелищной к мистической, к мистериям. Крутая религия содержит в себе все формы. Помните, Христос и людей кормил пятью хлебами и рыбами, и по воде ходил — это мистическая форма, и воскрешал, и исцелял, т.е. все 4 формы в религию вложены изначально. Всегда ли так было? Нет, не всегда. То, что вы видите — это очень зрелая религия, т.е. это уже религия, которая, я бы сказал, фундаментальная. Её очень сложно разрушить, у нее все предохранители встроены внутрь.

- **Между «небом» и «землей» мы в центре напишем 10 — тайная кара.** Это очень важный инструмент религии; когда нет неба и земли, то можно придумывать неприятности. Т.е. если не получается дождаться землетрясения, пандемию можно придумать, превратив обыкновенный грипп в мировую угрозу. Ну, нет землетрясений, понимаете? То есть они всегда есть. По данным Центра геологических исследований США (USGS), ежегодно в мире происходит около 500 тысяч **землетрясений** большой и малой силы; около 100 тысяч из них ощущаются, почти 100 вызывают разрушения. Но всё это — не в фокусе зрения мира в целом. Ну, нет голода, понимаете? То есть и опять-таки, он есть. Имеется. По официальным данным ВОЗ, ежедневно в мире 24 тысячи человек

умирают от голода и вызванных им болезней. Но мир в целом не бьёт в колокол. Это всё — где-то там. Так сказать, местные дела…

Но тайная кара всегда где-то недалеко. Живёт-поджидает. Не ровен час — что-то случится, что-то произойдет. А при должном оформлении, овеществлении и демонстрации очень многим становится понятно: с Богом шутки плохи. Теперь нам нужно вспомнить, что вот это ограниченное пространство магическое имеет опоры — мезоморфную, зооморфную формы и т.д., т.е. деревья, животные и люди. Т.е. пространство может вокруг священного дуба организовываться. Это травяная форма. Мы берем какой-то страшный дуб, говорим, что он волшебный, мистический, вокруг него организовывается пространство, например, святилище. Священные звери — это воплощение силы богов или чего-то там. И в конце концов священные люди — боги.

- **Теперь нужна — 12 — Драматургия.** Т.е. мало священного пространства, в нем нужна она, эта самая драматургия. А что мы можем в этом жанре предложить? Либо цирк, либо спектакль. Т.е. либо фокусы будем показывать, либо спектакль ставить, а лучше и спектакль, и фокусы одновременно, чтоб уж точно поверили. А для этого нужны и сценаристы-драматурги.

Для того, чтобы к нам приходили всё новые и новые члены, нужна диковинка. Помните, я написал: китайцы, индейцы, турки? Т.е. так просто люди не приходят. Для чего эта ерунда типа «Сегодня к нам в город приезжает святая икона Казанской Божьей Матери, которая защитила Москву от немецко-фашистского нашествия, с которой на самолете облетели вокруг Москвы осенью-41»? Ну, когда дела были плохи и немецкие танки вышли в Химки? Потому что… даже в стране-государстве как бы всеобщего воинствующего атеизма — это **диковинка.** И будет полон храм этих… как бы выразиться… чудаков. И пойдут поглазеть на икону. Валом повалят. А просто так люди не ходят. Когда иконы «плачуть», это и есть диковинка, фокусы. Люди хотят посмотреть, как мироточит образ. Тут и атеист дрогнет — особенно, когда бомбят и стреляют.

Встречу эту начнем более эстетично, нежели научно. То есть, заглянем (буквально на минутку)… На бал к князю Орловскому из «Летучей мыши». Помните, конечно:

«…Мы все наденем маски, никто не узнает нас
И, не боясь огласки, мы можем без опаски
Красоткам строить глазки, сквозь узкий вырез маски
Итак, Ура! Вот это маскировка!
Теперь, держись плутовка,
под маской жизнь — игра.»

Конечно, окрылённые великолепной музыкой Штрауса, стихи эти в самой оперетте воспринимаются ещё мажорнее. И стало быть — веселее. Но мы-то собрались не для праздничного веселья. Хотя о чём-то в этом роде далее и пойдёт речь. Как всегда, встретились мы для серьёзной работы. То есть прежде всего — для вопросов и ответов. Ну, зачем на балу-маскараде нужны были маски — не вопрос. Ясное дело: затем, что это маскарад. Дело старинное. И еще случая, вероятно, не было, чтобы кто-то явился на такое мероприятие без маски и маскарадного костюма. Игра! Откровенная игра по своим правилам. Маски, в данном случае, чисто символические. Знакомые и под маской узнают, а незнакомые не узнают и без нее — ибо не знакомы.

Конечно, закрутив сюжет маскарадного эпизода именно вокруг маски, либреттист шел на поводу у правды искусства: под легенькой маской муж совершенно не узнал свою жену и потому весь вечер со всех ног ухаживал за ней. Что, согласитесь, малоубедительно с позиций правды жизни. Но мы уже говорили: поэты, прозаики, драматурги, вообще художники — счастливые люди; Придумал — написал. Композитор сочинил музыку, артисты выучили роли, режиссер поставил спектакль — зритель платит и хлопает. Иногда — даже ушами. Но что характерно: в незамысловатой княжеской арии автор, видимо, слегка увлекся. И вовлекся в свое, может быть наболевшее:

«Как часто тот, кто признан за авторитет во всем,
На маскараде жизни — лишь маской одной спасён!
Невежды, проходимцы, шуты и лихоимцы,
Сановные болваны, лгуны и Дон Джуаны
кричат: «Ура! Вот это маскировка!
Как просто нам и ловко,
Под маской жизнь — игра»…»

Конечно, последний этот философский и социально-психологческий тезис к веселому беззаботному бальному эпизоду особого отношения не имеет. Зато прямо относится к тому, о чем мы с вами заговорили в этой встрече. Маска, как термин, предмет и явление, в жизни имеет очень широкий смысл. Вы запомнили название этой главы: зачем нам маски нужны? Если иметь в виду зрелищный аспект, затем, что — когда человек на том или ином мероприятии надевает маску, в него… вселяется Бог. И в этот момент (или с этого момента — в зависимости от обстоятельств) надевший становится этим самым Богом. То есть, становится до окончания священнодействия. А потом… Тогда над ним как бы допевает свою арию Орловский:

«Да, маска кстати гордецу, подлецу и глупцу,
А нам стыдится наших лиц, просто не к лицу!
Так снимем маски господа, сбросим их навсегда.
Все пускай узнают всех — это не беда».

Ну, там, навсегда — вряд ли. Точнее сказать: до следующей церемонии. А если иметь в виду постулат, приписываемый Шекспиру (все, мол, хомо сапиенс — актеры, поскольку вся жизнь — игра)? В таком варианте следовало бы уточнить: снятие одних масок автоматически означает одевание других. Я говорю: «если» или как принято говорить в науке: допустим, что это так. Пьеса, мюзикл, фильм… А площад-

ное действо? А шоу, популярное у нас еще с римского Колизея? А религиозные действа? Видели крестный ход? Мы человека подключаем как бы непосредственно к Богу. Он надевает маску и становится ВРИО Бога — временно исполняющий обязанности Господа — до окончания действа.

Маска на балу у Орловского и Ко — просто фокус. И в отличие от циркового фокуса, весьма условный. В цирке надуть зрителя нужно убедительно — иначе больше не придут, или освищут. Или забросают мочеными яблоками. В действах, о которых мы говорим, организаторы и вдохновители, точно так же, как и циркачи всячески стараются этого избежать. Но потребители, как правило и сами желают, чтобы их надули. Люди большей частью искренне верят: перед ними то, что выражают маска, наряд, движения — жестикуляция, речевые эффекты, прыжки и ужимки. Ну, а те, кто не чрезмерно тверды в вере, реализуют свою надежду на Бога.

Сие особенно эффективно, когда человек уже на себя не очень-то и надеется. В этом плане, коль скоро ссылки на кинематограф для нас традиционны, настоятельно рекомендую вам кинофильм «Праздник Св. Йоргена». И не потому, что эта лента приобщена к лику мировых шедевров, в данном случае речь — о яркой (хоть и черно-белой) иллюстрации нашей темы-идеи: жулик, грабящий ночью собор, по техническим причинам смог выйти из него только утром, когда собралась большая толпа верующих. Но голь на выдумки хитра. Облачившись еще за алтарем в одеяния Св. Януария, на крики с площади: «Святой Йорген, Слышишь ли ты нас?», ответил: «Слышу» и вышел к людям. Для большей убедительности, он даже публично «исцелил» своего подельника, камуфлированного под инвалида и шухерившего в толпе. «Исцеляйся, скотина» — шепнул он — «Брось костыли и ходи», добавил уже громко. В результате они увезли не только сокровища храма, но и дочь настоятеля. И это на глазах массы верующих.

- Едем далее. А далее нам нужны — **7 — Артисты.** Это — как на театральной афише или в кинотитрах: *«Действующие лица и исполнители»*. Задуманный сценарий нужно воплотить в жизнь. Для чего требуются изначально способные и на базе этих способностей выученные и выучившееся все это ярко и убедительно изобразить. Историки вообще, историки искусств в особенности, поясняют: далекие-далекие-далекие (в какой-то там надцатой степени) потомки в пещерах наших пра-пра-пра по ходу цивилизационного процесса, в числе нынешних рабочих, служащих ИТР, врачей, адвокатов, полицейских (по данным ЮНЕСКО — всего сорок тысяч наименований), превратились в артистов. Как в кино и театре, да и на ТВ, широкий потребитель их продукции весь

свой позитив и негатив восприятия прямо связывают с человеком на сцене и на экране. Та же ситуация и в религиозных действах. Мало кому в голову приходит, что встрече потребителя с исполнителем предшествует большая, огромная работа, в которой исполнители — лишь последнее звено цепи. И отнюдь не самое сильное звено.

- **Теперь — 2 — Танец в образе кенгуру.** По сути своей, это тройная форма. Вообразите: роль кенгуру, всякому ли актеру она по силам? И как быть режиссером — распределителем ролей. На сцене или экране срабатывают амплуа: травести едва ли предложат Гамлета или короля Лира. Инженю-премьер не получит «Кушать подано!», простак может только мечтать об Отелло или Онегине. А кто может сыграть… кенгуру? Какая тут требуется степень перевоплощения! Кенгуру — некий символ. Это — мистерия, тайна. Мистика. И кенгуру — проводник либо к еде, либо к одежде, либо к власти. К реализации потребности, наиболее актуальной в настоящий момент. Таким образом, человек становится как бы оракулом, знающим тайну удовлетворения этой потребности. Многие животные более двигательны и сильны, чем человек. Человеку выучится действиям барса — нужно долго и упорно тренироваться. Тогда как барс таков от рождения, хотя тоже не без некого тренинга.

  Хороший артист «под» хорошим режиссером может изобразить барса. Язык мимики и жестов не слабее лингвистической формы. Но вот, скажем, на Алтае людям-охотникам нужно быть такими же ловкими, как барс, чтобы не остаться без добычи. А то и без головы. Владение внутренним и пластическим рисунками роли одаренному исполнителю позволяет практически творить чудеса. Артистическая школа — древняя, историками искусства ведется чуть ли не с нероновского Рима. Хотя следует вести ее от действ у пещерного костра и покалывания дротиками изображения бизонов перед отправкой на охоту. Какие традиции, какие школы сложились за это время! Не меньше их и в народных, и в религиозных действах. Главным образом последнее касается зооморфных воплощений Богов.

- Здесь многое связано с тем — 6 — какова концептуальная основа религии? Вообще говоря, количество концепций едва ли лимитировано. Жизнь очень многих людей и их сообществ и в древности была многообразна. Что уж говорить о современности. Это, так или иначе, отражается в действах. Если увеличивать количество концепции в религии, выйдет сложное догматическое учение. Если к одной концепции добавить две — получается сколько? Три? И не просто три, а три концепции.

- Дабы управляться с паствой, вам нужно ее чувствовать, грубо говоря — держать нос по ветру. Время от времени регулярно устраивать им — **9 — Праздники, службы, шествия. Молебны. Исповеди.** И быть с паствой в постоянном контакте. А тут и вопрос: как ее собирать? Само собой, этого нельзя делать 365 дней в году. А деньги желательны чаще. И их получение, и наши встречи с паствой должны быть плановыми. Держать руку на пульсе — для этого идеальна исповедь. Вот я, скажем, исповедовал 100 человек, выделил-определил основные проблемы. И даю им танец кенгуру на субботу. А под это дело уж потом — и проповедь на тему, как стать барсом.

Сначала послушали: «Восплачьте, дети мои». Дети поплакались, я записал подробненько, сопоставил, какие проблемы у детей. Нашел главную проблему. И объявляю: «В субботу решаем вашу проблему. Будет… танец кенгуру». Апропо, буквально — «Кенгуру» («Кен гуру») значит «Не понимаю». Первые европейцы-конкистадоры, сойдя на австралийский берег, увидели странное сумчатое животное. И спросили у встречного аборигена — мол, что это такое? И он сказал им в ответ: «Кен гуру!». Поскольку не понял вопроса. Они и обрадовались: Кенгуру! Кенгуру! Так с тех пор и повелось. Применительно к нашей теме-идее — символично, не так ли?

Итак, суббота. Приходят все в субботу — посмотреть на этот самый танец кенгуру Веруя в то, что действительно исполнитель знает, как решить проблему при посредстве танца. А коль скоро вы верите в то, что я могу вам помочь, то в проповеди следующей субботы я вам расскажу, как стать кенгуру…

И вот эта штуковина — ДВИГАТЕЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА (ДДС) ЛЮБОЙ РЕЛИГИИ. Все религии, плохие, хорошие, больше или меньше, имеют много общего. Помянем блаженной памяти Берлиоза (не композитора, а главы «Массолита»), который говаривал: нет ни одной восточной религии, в которой непорочная дева не родила бы Бога. Мы с вами возьмём шире: у религий вообще, в том числе и не восточного месторождения есть много общего. Они устроены вот таким способом. Все эти заповеди, вся эта «субстанция» — просто отражение морального поиска и находок справедливой формы, Т.е. через заповеди возникает справедливая форма, её отражение. Иногда — зеркальное.

ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА ЛЮБОЙ РЕЛИГИИ

(ДВИГАТЕЛЬНО - ДИНАМИЧЕСКАЯ СХЕМА ВЫРАЖАЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЮ)

ПОЗНАВАТЕЛЬНО - ПРОГНОЗИРУЕМАЯ ФУНКЦИЯ РАЗУМА	НЕБО **ТАЙНАЯ КАРА** ЗЕМЛЯ	**ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ, ЗРЕЛИЩНАЯ , МИСТИЧЕСКАЯ, И СПРАВЕДЛИВАЯ ФОРМА РЕЛИГИИ**
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЯВЛЕНИЙ	**ЗАЩИТИТЬ**	**ЗРЕЛИЩНАЯ ФОРМА = ПОКОЙ (все есть)**
МИСТИЧЕСКАЯ ФОРМА	**ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО**	**ДРАМАТУРГИЯ** (цирк, спектакль)
ПАРАДОКС	**МАСКИ** (Одевает - Бог вселяется)	**АКТЕРЫ** (собиратели + охотники + актеры)
ТАНЕЦ В ОБРАЗЕ КЕНГУРУ (тройная форма: актер; кенгуру - мистика; кенгуру - проводник к чему-то (оракул)	**СЛОЖНОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ -** кол. концепций увеличивается	**ПРОГРАММА + ЧАСТОТНОСТЬ** (держат контакт с паствой) - исповедь

↑ Зооморфная форма воплощения Бога

Человек должен поверить в то, что я (создатель религии) могу ответить ему на его вопросы (Например, «Кто я?», это мистическая форма); для этого мне сначала нужен изобретённый, продуманный и мастерски воплощенный фокус, чтобы у него сомнений не осталось — я знаю ответы на эти вопросы. А потом все, что я ему скажу, становится религиозной формой.

Пример — религиозное движение, где все его последователи выпили вполне как бы сознательно и абсолютно добровольно… выпили яд. Или — собрались в некоем помещении, помолились и… сожгли сами себя. С детьми. Никакой нормальный человек, никакое сообщество нормальных людей (пусть даже не просвещённых, не образованных, тёмных и невежественных, но нормальных) — пить яд не стали бы. И сжигать себя с детьми — ни за какие пряники. Верно? Да уж куда вернее.

Но эти-то выпили, потому что верили, потому что Он правильно их к тому подвел. Потому что это и была религиозная форма освобождения от мира сего. Человек, который хорошо (или, хотя бы, сносно) живет, не выпил бы яд. И не лез бы в огонь или петлю. У них у всех была какая-то общая проблема, И эта проблема должна быть именно проблемой. Невыносимой! И имеется, вроде бы, путь-способ её разрешить. От неё избавиться единовременно, враз, в ходе религиозного ритуала. Скажем, переместиться в другой мир. На миру — и смерть красна. Все! Вместе! Но для этого проблему общую нужно знать-осознать, ее как-то нужно оформить. Идеологизировать. И дать человеку, множеству людей эту идею. Да так, чтобы она ими овладела, стала движущей силой. По сути, это как бы спасение.

И вот то, что вы видите — ДДС, выражающая концепцию. Т.е. теперь, зная эту ДДС, можно с любым человеком делать все, что заблагорассудится. Это основа любого идеологического проекта и в Интернете, и менеджмента в офисе, в государстве, и основа создания общественной организации. Короче, мы можем с помощью этой схемы делать все что угодно, добиваться от любого количества людей любого уровня согласия, любого количества действий и т.п. Это самая главная тайна, которая существует в мире — тайна всех религий. Концептуально она выражена в ДДС, которая объясняет все те механизмы, которыми объединяет людей религия. Вот так эта штука работает.

Я не вывел эту концепцию ни сейчас, ни на днях. Я ее знал давным-давно.

Это вещь настолько важная, что вы еще даже не отдали в том себе отчёта. Если этого не знаете, вы не сможете даже фильмов снимать. Потому что это все элементы кино на доске, которые просто прототипологизируются. Возьмите «Терминатор» — там есть и диковинка в виде Терминатора, на которую вы пришли посмотреть. Какого лешего вы пришли в кинотеатр? Вы хотите посмотреть на робота-убийцу. Это и есть та диковинка — причина, почему вы явились в кинотеатр. И когда они хотели сделать диковинкой «Джокера», у них не получилось. Почему? Потому что он — не диковинка, он обыкновенный псих. А псих не является в нашем обществе диковинкой. Поэтому «Джокер» — это обманутые ожидания.

Дальше пошли в ход когнитивные искажения и психологемы, убеждающие, что вы не зря пришли посмотреть на Джокера. Это так круто. А вот когда вышел первый

«Терминатор», не нужно было никому ничего объяснять. Достаточно было просто показать его в кинотеатре. Посмотрите, какие кассовые сборы были у первого «Терминатора», просто для разнообразия. Потому что это грамотная религиозная форма постановки кино. Ну да, такой режиссер… один из культовых режиссеров Голливуда. Это произошло без сопротивления. И если бы они во втором «Терминаторе» показывали первого Терминатора, ничего бы не получилось. Появилась новая диковинка. Вот, на что люди пришли смотреть. Это и есть религиозная форма.

Например, однажды состоялся семинар «Электронный король». Там сидеть было негде, потому что электронный король — это диковинка. Люди пришли посмотреть на электронного короля, на диковинку.

Раньше китаец был диковинкой в Европе, и все хотели посмотреть на китайцев. Японцы были диковинкой. Япония так манила русских, европейцев, британцев. Почему? Потому что она была диковинной страной. Страна-диковинка, не такая, как все вокруг. Все, не все, но очень и очень многие хотят диковинку, и собираются на неё посмотреть. Помните: «По улице слона водили, / Как видно напоказ. / Известно, что слоны в диковинку у нас, / Так за слоном толпы зевак ходили…»

Т.е. если у вас нет диковинки в произведении, то ваше произведение обречено на провал. Во всяком случае, у очень большого числа потребителей. Товар останется без массового спроса.

Почему мы в фильм вводим маньяка? Потому что он — диковинка. Это страшно и интересно. Все… Ну-хорошо-хорошо, не все. Но очень, очень, очень многие любят смотреть на маньяков. В клетке, конечно. Потому что маньяк — это человеческая диковинка. Если есть такая (или иная) диковинка в фильме, великое множество современников приходят посмотреть. Например, «Остров сокровищ» Стивенсона: там Сильвер — диковинка, человек на одной ноге. И многие не понимают, почему его так боятся, он же калека. Этот одноногий калека — диковинка. Собака Баскервилей — это диковинка. Понимаете теперь, почему читают Конан Дойля? Потому что в каждом произведении есть диковинка, и заканчивается это все диковинным человеком — профессором Мориарти.

Т.е. **пока вы не придумали «диковинки», ничего нельзя концептуализировать.** Если вам нужен проект, произведение, они не придут туда, пока не будет диковинки.

Отсюда — задача: к следующей главе придумать одну диковинку. Выдумайте её — ту, на которую все захотят посмотреть.

За занавесом, после лекции. В общем, подслушано…

Допустим, вы хотите подготовить и провести семинар, вам обязательно нужен «парадокс», та самая «диковинка». Рыба обыкновенная в аквариуме — не диковинна. Где ж ей быть-то? И на что аквариум без неё? Но вот такая рыбина, как я описываю — диковинка. Можно обыкновенную рыбку в аквариуме превратить в диковинную. Можно не выдумывать что-то страшное, пусть там живет рыба-енот какая-никакая; а просто сделать эту рыбу диковинной, наделить ее диковинными свойствами. Не обязательно выдумывать что-то космическое, это больше фантастам свойственно. У Стругацких зона — диковинка, а внутри этой зоны куча диковинок, что и создает религиозность этого произведения, культовость. Т.е. прежде чем создавать произведение, найдите диковинку. Хотя бы одну. А желательно, чтоб таких диковинок в произведении было достаточное количество. Это будет усиливать либо еще больше развивать мысль.

На что люди идут смотреть? На диковинку. А уже потом, через эту диковинку, выстраивается театр, с помощью которого держится их внимание. И так к ним залетает информация. Если мы фильм берем, то нам нужен маньяк, иначе не будет фильма.

Наемные убийцы на асфальте не валяются в немеренном количестве. Просто киллер — уже избитая тема, а вот человек, который занимается определенного рода вещами, контрбезопасностью, разрушает системы безопасности, банкротит предприятия, доводит до самоубийства. Т.е. человек, который неуязвим для закона, вроде не совершает преступлений — с одной стороны, а с другой — добивается результатов. Вот такой человек — парадоксален и даже феноменален.

А если сложно с людей-феноменов начинать, выберите что-то более простое. Да хотя бы… попугаи. Попугаи в Севастополе — диковинка, а в Одессе — нет…

15 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. «ПАРАДОКС»

Парадокс - формально-логические противоречия, возникающие при сохранении логической правильности рассуждения.

Ну что же, дорогой читатель, разлука наша не затягивается. Продолжим? Ты уже, мы уверены, успел поразмыслить над парадоксами да диковинками? Да-да, позволь напомнить, что мы не просто так оставили тебя один на один с раздумьями над задачей — подыскать, подобрать и словесно очертить «диковинку» (парадокс). Из всех возможных формулировок самого явления парадокс нам достаточно на данном этапе такого: в логике «парадоксом» называют формально-логические противоречия, возникающие при сохранении логической правильности рассуждения. Нередко касаясь темы и идеи «Религия», уместно вспомнить такой. Можно сказать — классический парадокс.

«Что Господь Бог всемогущ — слыхал всякий. Но есть это — так, может ли он сотворить, скажем, такой камень, который ему самому было бы не под силу поднять?». Или — вот: некий критский философ заявил о том, что, дескать, все критяне — лжецы. Но ведь притом он и сам — житель острова Крит. При этой смете — как понять, сказанное о критянах — правда? Или — ложь? Шутка. А если всерьёз — разве не ядовитейший парадокс эпохи: ничто так мощно ни стимулирует науку и технику, как… война

Парадокс, не забыть бы,— отличный трамплин для концептуализации. Почему да как это работает — и рассмотрим в контексте данной главы. Слово — академику Мальцеву О. В., в числе званий которого есть и такой: инициатор наших встреч.

— Мы с вами сегодня займёмся продолжением вчерашней темы. Я просил найти парадокс или проще говоря «диковинку». Итак, парадокс. Существует весьма дельное мнение: любой курс (образовательный, к примеру), любое произведение, любой фильм начинаются с поиска диковинки. Если, конечно, это все — не дешевая подделка. Переговорим на эту тему с молодыми коллегами. Вот — ты. Как у тебя вышло с диковинкой?

— Я придумала! Фотоаппарат, в настройках которого мы выставляем любой год. Чем не переход в прошлое или будущее? Под идею эту делается кадр, в котором, благодаря фотоаппарату, можно моментально перенестись в любой год. И «фишка» в том, что могу сделать только один единственный кадр, который потом останется на плёнке.

— В чём ошибка? В том, что эта «диковинка» для тебя. А требуется парадокс, который будет диковинным для других. Фотоаппарат, конечно, диковинный, но вряд ли он заинтересует многих. Помните, мы с вами когда-то знакомились с амальгамой, связанной с «Королём обмана», (произведение до сих пор в работе). Имею в виду описание безрукого монаха — и эта сцена тронула очень и очень многих, иные даже рыдали. Не вы, не авторы, придумавшие и написавшие сцену, но читатели. Вот такой должен быть эффект — обратная связь; вызвать реакцию у аудитории. Так срабатывает «диковинка». Между прочим, в дореволюционную старину Российской империи, даже и в провинции, в захолустных театрах считалось: если хотя бы к предпоследней картине первого акта в зале не пахнет валерьянкой, если зрителям (зрительницам, в основном) не вызывали одной-двух карет скорой помощи — это провал спектакля или пьесы. Кстати, так было в Московском Художественном Общедоступном Театре (нынешний МХАТ) с премьерой чеховской «Чайки». Провалилась и была ошельмована прессой — с ссылкой именно на неуспех у публики. Ну-с, кто следующий на предмет поделиться идеей?

— Можно мне? Например, для меня, как автора, «диковинкой» является идея: человек, который умеет летать. Я никогда таких не видела. Летающий, будучи тяжелее воздуха, без каких-либо приспособлений. Как сказано поэтом — «На воздушном океане Без руля и без ветрил…». Да! Чтобы не забыть: мало сказать — летает, еще и без усилий проходит сквозь любую стену. Кирпич, известняк, ЖБИ — как горячий нож в сливочное масло.

— Вот ещё одна ошибка, глядите: правильно сказала «я никогда не видела», ты даже подумать не могла, что люди умеют летать. Вероятно, известнейший фантаст Александр Беляев ничего подобного тоже не видел. Разве что во сне или в мечтах. Но узнай: именно его перу, наряду с «Человеком-амфибией» (плавающим под водой и дышащим жабрами), принадлежит «Ариэль» — летающий. Оба романа экранизированы и имели значительный успех. Не хотелось бы, далее, тебя огорчать, но настоятельно рекомендую всем вам посмотреть немецкий художественный фильм, который (не поверишь!) так и называется: «Человек проходит сквозь стену». Лирический герой этой ленты запросто проникал сквозь любую стену — когда пальцем руки, когда всей рукой. И головой. И полностью, без остатка. Ну, что же, бывает. Ну а ты — чем порадуешь? В смысле «диковинки»?

— а Я… а У МЕНЯ… Верховная шляпа! Ведь очень многие носят шляпы. И когда совершают какие-либо грехи, эти их шляпы начинают расти. С каждым грехом. Когда сей убор достигает определённого уровня, под его тяжестью у людей ломается шея. И они гибнут. Словом, чуть ли не все поклоняются священному шляпочнику; изготовитель и ремонтник головных уборов может чуть-чуть уменьшить их размеры. Когда в небе можно видеть одновременно и солнце, и луну, шляпоносители могут принести в дар этому мастеру тапочки, которые должны соткать из усиков огненного муравья. А муравьи эти ядовитые, укус чреват анафилактическим шоком.

– 5 баллов! Фантастическое произведение с концепцией. Здорово. И концепция, и — парадокс. И буквально за 2 минуты. Берите пример. Что скажет следующая?

– Разговаривающие наручные часы. Многие очень часто перекладывают все «на потом». И при необходимости обновления, в любой день недели (кроме понедельника, конечно), клянутся новую жизнь начать, но с понедельника. И вот всякий раз, когда человек так думает, говорят часы. Они смеются над ним и таким, знаете ли, звездопротивным голосом повторяют: «Опять, лентяй, отложил на потом!». Говорящие часы троллят хозяина, подшучивают над ним и непрерывно громко тикают, напоминая о себе.

– Очень хорошо! Это — классная тема. Совершенно очевидно: парадокс удался. Ну, а вы что нам скажете?

– Размышляя над этим, обратил внимание, что происходит лично со мной. Не станет ли «диковинкой» цеплялка — то, как память цепляется за известные мне факты, аспекты, события. И не послужит ли «диковинкой» тот загадочный механизм, который, наоборот, расцепляет. Есть у меня некий «циклус» — таинственная дверь. Собственно говоря, выглядит она, как дверь обычная. Но переступающий ее порог встречается с событиями вынуждающими его осознать настоящее, а не вымышленное. Вот заходит некто и механизм включается; на что он похож? С чем его сравнить? С неким планетарным двигателем, при работе которого человек как бы расцепляется с реальностью. А вместо нее демонстрируется действительность. «Циклус» и есть в данном случае — «диковинка». А вообще желаний в этом смысле много. Хотелось бы изобразить рыцаря — но не прошлого, а будущего. Еще хотелось бы представить некую трубу рестартера: с ее помощью возможен ответ на вопрос о том, как человек вообще попадает на планету Земля.

– **Парадокс серьезен**; если хорошенько продумать и изложить, может выйти крутая «диковинка». А теперь — промежуточный краткий итог, парадоксы вы находить в общем-то, можете. И это хорошо: без такого умения в науке, творчестве и бизнесе 21-го века делать нечего. Отсюда вывод: нужно развивать и углублять способность искать и видеть парадоксы. Овладевайте этим до того, как соберетесь что-то создавать — проект, бизнес и прочее.

У вас свежа в памяти матрица религий. И конструкторские кубики, из которых вы условно собирали религию. И еще: припомните популярный сериал «Спрут», кто там «диковинка». Комиссар Каттани честный-благородный полицейский, «диковинка» для Сицилии. Ни у кого вокруг не было и не могло быть мысли: в такое время вообще может существовать подобный комиссар полиции. Беззаветный защитник Закона, он даже готов в этой борьбе рискнуть семьей. И потерять ее. А ведь на Сицилии семья — свята. Поведение такое, по местным меркам аморально. Но комиссар Каттани в борьбе идет до конца, и даже, можно сказать дальше. Не потому ли «Спрут» — сериал, можно сказать всех времен и народов? Широко известный сам по себе роман-репортаж «Гоморра» Роберто Савиано и его экранизация аудиторией сравниться со «Спрутом» не может. Крутизна этой ленты, на мой взгляд, прежде всего в том, что комиссар Каттани сам по себе парадокс. Вы едва ли забыли, как разрабатывали «Контр-Спрут». Вернемся к парадигме, которую я изобразил на доске. Есть несколько парадоксов — например, неизвестные карты (непонятно для чего они нужны), и картины на стенах неизвестные. И самое главное — появление на Сицилии инородного человека. Он никогда там не жил, и вдруг внезапно объявился, да еще и с деньгами. И слепой монах также неясно здесь появляющийся. Все это не только создает «диковинку», которую очень хочется рассмотреть; не меньший магнетизм придают усилители парадокса. Рассмотрим прототипологически несколько примеров. У Стругацких в «Трудно быть Богом» погибает служанка Дона Румата. Эпизод этот тоже можно использовать, создавая «Контр-Спрут». Этот поворот событий — сродни взрывающей функции. А жена Майкла Корлеоне, которую убили на Сицилии? Также пример взрывающей функции. А если здраво поразмыслить, то, чего уж точно не нужно было делать — убивать жену Майкла. Жил бы он себе и не тужил бы на Сицилии. Но гибель жены и сделала его тем самым Доном Майклом Корлеоне. Скромный, порядочный человек, он превратился в гангстера. Человек по ту сторону баррикад. Говорят, сицилийцами рождаются, но практика показывает обратное — сицилийцами становятся. Лично я знаю немало людей, родившихся на Сицилии. Сегодня они живут в других странах, даже на другом конце света. Их увезли детьми и о Сицилии они ничего не знают. Сицилия человека делает сицилийцем. Остров, его порядки вытачи-

вают некую болванку. Среда Сицилии невероятно притягательна. Сколько на этом малом клочке суши «диковинок» — от архитектурных до мифологических. На этом примере несложно показать, как в ходе истории были задействованы все «кирпичи» религиозности. Проработаные нами в предыдущей встрече. Обычный человек, заканчивая прочтение «Контр-Спрута», непременно должен погрузиться в эту религию. Скорее всего — умом и сердцем примет он ее. И примет надолго.

Ну, хорошо, положим, вы — не писатель. Не писатель — и всё тут. Каждому — своё. И у вас — иная задача. Допустим, вы разрабатываете информационный пакет или курс. Каков вопрос, который вы задаете себе первым? «Что будет парадоксом в этом курсе (пакете)?» Что? Почему нет новых людей, почему нет новых клиентов? Да, этот вопрос лично я за всю свою практику слышал сотни… нет, пожалуй, тысячи раз. Ваша проблема: в пакете отсутствует парадокс. Нет «диковинки». То есть, могут быть и другие проблемы. Но эта — изначальная.

Например, поначалу людям было всё равно, как называется семинар. Сегодня уже многое поменялось: вашей аудитории, клиентам вашим уже не всё равно, как называется семинар, научная встреча или иное мероприятие. Если в концепции семинара не заложена диковинка… Пиши пропало. «Бессловесное воздействие на человека» — это парадокс. Лень — это вообще странный и порой страшный парадокс. То есть, если вы изначально в курс (информационный блок) не вкладываете парадокс, то у вас ничего не получится. А вот учение о судьбе выдающегося учёного Лепота Сонди для широкой общественности «диковинкой» не стало. И судьба для многих — никакой не парадокс. То есть, Сонди (при всём гении) выглядит как очередной психолог.

ИТАК: **прежде чем формировать курс, следует разработать (создать) некую «диковинку», а говоря по-научному, ПАРАДОКС. Концепция обязана выставлять парадокс напоказ. Амортизатор разума — это парадокс. Неизвестные психиатрические или психологические заболевания — опасный магнит. Чёртова мельница — это вообще страшно. И когда все эти элементы складываются в единую концептуальную картину, получается нечто невероятное, даже жутковатое, но от этого лишь более привлекательное.**

Давайте мы с вами продолжим нашу интеллектуальную работу с остро-философского произведения Йохана Хёйзинга «Осень Средневековья». Только на этот раз, как говорится, свежим взглядом окинем некоторые премерзкие аспекты; в частности, подробнее остановимся на понятии «Человек играющий» и четырёхтактной системе из книги — концепции выражения игры в языке. Начнем знакомство с 4-го блока, то есть прослушаем блоки в обратном порядке. Попробуем создать комплекс идей или парадоксов на базе человеческого языка.

Итак, 4-й блок. Слушаем блоки, пытаемся создать некую матрицу, как вчера. Тем самым, создаём условия для появления идей концепции. Слушаем аудиозапись:

«Кто стал бы отрицать, что представление о состязании, вызове, опасности и т.д. подводит нас вплотную к понятию игры? Игра и опасность, переменчивый шанс, рискованное предприятие — все это вплотную примыкает друг к другу. Можно бы склониться к выводу, что слово plegen со всеми своими производными, относящимися как к игре, так и к долгу и пр., принадлежит к сфере, где делают ставки в игре.

Все это вновь возвращает нас к соответствию игры — и состязания, единоборства вообще. Во всех германских языках, да и не только в них, словом, обозначающим игру, постоянно называют также серьезную битву с оружием в руках. Англосаксонская поэзия, если мы ограничимся этим одним примером, изобилует оборотами такого рода. Битва называется heaбo-Iac, beadu-lac — битва-игра, asc-plega — игра копий и т.д. В этих словосочетаниях мы несомненно имеем дело с поэтическими сравнениями, с сознательным переносом понятия игры на понятие битвы. Это можно сказать, хотя и не с такой очевидностью, и о выражении «Spilodun ther Vrankon» — «Играли там Франки» из древневерхненемецкой Песни о Людовике, воспевающей победу короля западных франков Людовика III над норманнами в битве при Сокуре в 881 г. Тем не менее мы бы поторопились, если бы приняли употребление слова игра, когда речь идет о серьезной битве, за чисто поэтическую метафору. Здесь нам следует переместиться в сферу примитивного мышления, где серьезная битва с оружием в руках — так же как состязание, или агон, которое может простираться от самых пустячных забав до кровавых и смертельных боев,— вместе с собственно игрою объединяются в изначальном представлении о том, как, подчиняясь правилам, обоюдно попытать удачи. При таком взгляде в использовании слова игра применительно к битве едва ли была заложена сознательная метафора. Игра — это битва, битва — это игра. Для подтверждения такого воззрения уже с точки зрения семантической связи сошлемся на примечательную иллюстрацию из Ветхого Завета, на которую я уже указывал, говоря о понятии игры в семитских языках. Во II Книге пророка Самуила (2 Цар. 2, 14) Авенир говорит Иоаву: «Пусть встанут юноши и поиграют пред нами»,— «Surgant pueri et ludant coram nobis» (Reg. П. 2, 14). И встали числом двенадцать с каждой из сторон, и все они убили друг друга, и место, где они пали, получает героически звучное имя. Для нас здесь дело не в том, представляет ли собою этот рассказ некое этимологическое сказание с целью дать объяснение топонима или в нем действительно есть некое историческое ядро. Для нас важно, что описанное действие здесь зовется игрою и что вовсе не сказано: но ведь это же была не игра! Перевод ludant как поиграют наивозможно безукоризнен: в еврейском. тексте стоит здесь sahaq, в первую очередь означающее смеяться, далее что-либо делать шутя, а также танцевать. Здесь и речи нет о поэтическом переносе значения: такие битвы были игрою. A fortiori [Тем более] поэтому нет оснований отделять от игры, как от сферы понятий, состязание, каким мы его повсюду встречаем (греческая культура здесь ни в коей мере не одинока). И еще одно следствие вытекает отсюда. Поскольку категории борьбы и игры в архаической культуре не разделяются, то приравнивание охоты к игре, как это повсеместно встречается в языке и литературе тех дней, в более подробных пояснениях не нуждается.

Слово plegen давало понять, что термин, обозначавший игру, мог возникнуть в сфере церемониального».

Состязание, поединок, борьба, кулачный бой, какое-то противостояние между людьми, взаимодействие двух субъектов… Вспомните, как Конан Дойл в «Шерлоке Холмсе» воедино сплетает все элементы, тем самым рождая бессмертное произведения. Сузим уровень анализа поиска идеи до смертельной схватки. Давайте так. Вот вам само название: «смертельная схватка». Вспомните, чем заканчивается смертельная схватка? Смертью… Кого? Кто летит в Ниагарский водопад? Мориарти. А Шерлок Холмс, мол, остаётся в живых. Порок наказан. Добродетель торжествует. *А что ему позволило одолеть Мориарти?* Мориарти — не только интеллектуальный преступный гений, раскинувший криминальную паутину во всю Европу; он — король субконтинентального преступного мира. Тем не менее, что в нём есть ещё кроме этого? Конан Дойл придумывает названия страшной борьбы, называется «борицу» — воинское искусство, которым тайно владеет профессор Мориарти.

Шерлок Холмс объяснял, что если бы он не стал изучать приёмы этой борьбы древней, страшной, неизвестной никому, то никогда бы не удалось кинуть Мориарти в Ниагарский водопад. Но это происходит потом, возле камина, в конце, когда сыщик объясняет события доктору Ватсону и, разумеется, читателю.

Что же, в вольном, как ветер, художественном творчестве (даже если оно тематически связано с такими точными явлениями, как наука и техника), без известного минимума мистификации нельзя. Выдумка художника. Его, так сказать, каприз. Фантастика. Гиперболизация образа. Всё это и многое прочее — изюминка для потребителя. Диковинка — если хотите. В случае лихо задуманного, да ещё и талантливо воплощенного — широкий потребитель обеспечен. И реклама — из уст в уста. Очень многим читателям будет не только интересно, не только привлекательно и увлекательно, но и завлекательно. Читатель-зритель-слушатель эти выдумки будет воспринимать, как совершенную реальность.

Жюля Верна, развлекали разговоры в столичной толпе о новинке — судне, рыбкой плавающем под водой. Причем — много тысяч лье. С большой командой и даже пассажирами при комфорте. Хотя этот «Наутилус» он придумал за письменным столом, при робком, колеблющемся свете свечи и до изобретения, постройки и эксплуатации субмарины было еще очень далеко. А вот прочли и поверили. Более того есть даже мнение о том, что именно такая диковинка подтолкнула научно-техническую мысль. Что, кстати, касается и воздухоплавания, и авиации. И радио, и ТВ. И лазера (помните толстовский «Гиперболоид»)? И даже неотвратимого сверхоружия, от которого нет защиты. И которое в литературе появилось задолго до того, как о нем размечтался некий немецкий пехотный ефрейтор, замысловатой игрой цен на рынке истории схвативший маршальский жезл. А разве на бумаге не летали на Луну задолго до того, как первый землянин ступил на поверхность нашего естественного спутника? Если, конечно, и американский полет на Луну не мистификация — разное по этому поводу говорят.

Вот придумал Конан Дойл свою «борицу», страшную всесильную борьбу. Вложил сей термин в уста Холмса, поведавшего другу о секрете одоления неодолимого Мориарти. И стали донимать писателя — как, мол, овладеть этими приемами. Поверили.

И кто знает — не подтолкнуло ли это настроение по принципу «Домино» дальнейшее развитие новых видов единоборств, которых тогда еще не было. Скажем, джиу-джитсу, самбо, рукопашный бой, карате, и прочее тому подобное — вплоть до бокса без правил. Так ли это было на самом деле? У историков единоборств относительно их эволюции есть и другие версии. Но в контексте данной беседы эта, согласитесь, вполне правомерна.

Почему публика на это клюет? Причем, отнюдь не только темные невежественные массы, нелегко живущие и алчущие переключения по принципу «хлеба и зрелищ!». Ну, почему хлеба, понятно. Жрать-то надо. А зрелищ — вероятно, срабатывает одна из тех коварных ловушек, которая людям приготовила вторая природа. Природа человеческого общества. Будни! Повседневность! Изнуряющий ритм уныния. Нужно переключиться, для чего необходима выразительность предмета отвлечения, яркость зрелища. Накал страстей. За тысячи лет до пропагандиста альтруизма, всепрощения добра и милосердия, сотни и тысячи простых римлян с огромным вниманием следили за смертоубийством на арене Колизея. И даже демократически, коллективно решали судьбу раненого гладиатора. Большой палец кверху — будет жить, если выживет. Большой палец книзу — добить! Под одобрительный рев публики. Подумайте только: каждый плебей, социальное ничтожество, никогда никем не распоряжавшееся (в лучшем случае — женой, детьми и тещей), лично решает судьбу человека — жить или не жить! Вот это отвлечение от повседневности. Вот это переключение от убогой жизни. Вот это — самоутверждение. А цена — ну, что цена? Ведь и его собственная жизнь не стоит сестерции.

Ну, для нас с вами подобное — уже история. Не варвары, чай. Не каннибалы. Но, между прочим, и сегодня очень многие европейцы и обитатели Нового Света охотно (и не бесплатно) посещают корриду. Где, затаив дыхание следят за процессом травли, калечения и смертоубийства животных. Если везет убийцам-тореадорам. Ну, а если, бывает, повезет быку, срабатывают его рога и копыта, тут уж от рева публики можно оглохнуть. Вот такое зрелище. Всепоглощающее.

Но, ведь — не гуманно! Но, ведь — бесчеловечно! Даже если иметь в виду быков: вивисекция! Издевательство над животными. Вот где правда. Но правда ли требуется массе землян? Какая правда может дать ему то ощущение, с которым он горлом и ладонями одобряет убийство… ну, пусть не человека — животного. Он одобряет, видите ли. Что-то вроде бюрократической резолюции на заявлении: *«Одобряю». И подпись.* Вот он уже и распорядитель. И к тому же — как все. Или как абсолютное большинство. Срабатывает коллективность его одобрения. Все вместе, единство, чувство локтя. Единомыслие, единодушие. Не есть ли это своего рода религия? Пожалуй. За тысячи лет до индустриального капитализма, объединившего массы плебеев в заводы, фабрики, цеха, участки и бригады (не говоря уже о советских коллективных хозяйствах, колхозах) разобщенные в повседневности они жаждут еще и единения. Везде — своя «диковинка». В храме ли, на форуме ли, в Колизее — все вместе.

Определите «диковинку», концептуализируйте ее. Это путь к желанному, качественному клиентскому пакету. Вот проанализируйте курс «Уроки легенд»: они все

безконцептуальны, без «диковинки». Исполняющими обязанности «диковинок», можно сказать, являются сами преподаватели. Это — ВРИО, временно исполняющий обязанности. Увы, в данном случае этого недостаточно.

Небольшое литературоведческое, но весьма важное отступление. Вы, конечно, помните Паратова Сергей Сергеича? Читали ведь пьесу А. Островского «Бесприданница»? Спектакль, вероятно, видели? Ну, хорошо, двухсерийный художественный фильм Никиты Михалкова по мотивам этой пьесы — «Жестокий романс» — видели наверняка. Этот самый господин, богач-красавец и, естественно, соблазнитель, сбил с толку и в конце концов погубил юную красавицу. А другой молодой человек, куда более скромных достоинств и кандидат в ее женихи, однажды задается вопросом: почему мужчины порочные нравятся женщинам больше, чем мужчины скромные и порядочные? Собственно, вся пьеса и весь фильм (а была еще одна экранизация — довоенная, черно-белая) и есть ответ на этот вопрос. Если бы сама бесприданница своевременно посещала наши встречи и вникала в разговор — сама и ответила бы просто и определенно: потому что нужна изюминка. Иначе — «диковинка». Во многих композициях такое место не должно быть вакантным. А поскольку природа, в том числе и в этом пространстве, не терпит вакуума, нишу уверенно занимает порок. При всей своей аморальности, он почти всегда колоритен, ярко окрашен и чертовски привлекателен. Ну, и как говорится, остальное — дело техники. Или «коготок увяз — всей птичке пропасть».

Дело не в искусствоведческих и литературоведческих экзерсисах. Технология, о которой мы толкуем, универсальна. Оно, конечно, роль «диковинки» исполняет и авторское имя, если оно у автора есть. В театральном и кинобизнесе — традиционно. Провинциальный театр, не делающий сборов и на том прогорающий, ангажирует столичную знаменитость, подчеркивая это в афише. И дела идут на лад. Об этом у того же Островского «Без вины виноватые». Срабатывает этот эффект и в книжном бизнесе. Издатель не пожалел о деньгах, вложенных в тираж сборника «Из старых английских песен» автора с замысловатой импортной фамилией. После чего переводчик тех стихов, великий наш земляк Эдуард Багрицкий (отнюдь не англичанин) признался друзьям, что никакой это не перевод. И что сам это все сочинил, как и имя лжеавтора. Кстати, стихи прекрасные. Но в этом ли дело? Точнее, но только ли в этом дело? Эдуард Григорьевич сочинил «диковинку» и потребитель не прошел мимо.

Возьмите автора «Осени средневековья» — Йохана Хейзингу. Имя его и фамилию можно запросто превратить в «диковинку». Скажем, «Матрицу религий», изображенной академиком О. В. Мальцевым маркером на доске, в порядке эксперимента можно выдать за работу Йохана Хейзинги. И перед потребителем диковинный человек, он смог, представьте, докопаться до двигательно-динамической схемы возникновения религий, чего не сотворил никто за всю историю человечества. Если автор — кто-нибудь из нас, интерес к материалу будет более, чем умеренный. Если будет вообще. А вот умерший — совсем другое дело. Это привлекательно. Хотя и тема, и идея «Тайна возникновения и развития религий» привлекательны для многих. Причины — разные. В том числе и приведенные. Тут тебе и единение с себе подобными, и ритуальные празднества, и вручение забот о себе непосредственно господу Богу.

Йохан Хейзинга смог сломать матрицу всех религий в мире. Разве не интересный вопрос? Каков голландец! Припомним такой блок, как танец кенгуру. Это — демонстрация. Далее весьма кстати — расшифровка аудиофрагмента:

«Об этом свидетельствуют самым убедительным образом такие средненидерландские слова, как huweleec, huweleic — нынешнее huwelijk [супружество]; feestelic, то есть feest [праздник]; vechtelic, то есть gefecht [сражение],— старофризское fyu-chtleek, все они образованы от уже упоминавшегося ранее корня leik, который в скандинавских языках вообще порождал слова игрового значения. В их англосаксонской форме llâc, lâcan это означает, помимо играть, прыгать, ритмично двигаться, также жертву, жертвоприношение, вообще подарок, выражение благосклонности и даже щедрости. Исходный пункт здесь лежит, вероятно, в понятии церемониального танца, связанного с обрядом жертвоприношения, как это предполагал уже Гримм. Особо указывают на это ecgalâc и sveorđa-lâc [игра мечей], танец с мечами.

Прежде чем оставить языковое рассмотрение понятия игры, следует обсудить еще некоторые особые случаи применения слов игрового значения в языке вообще. И в первую очередь — употребление слова играть применительно к музыкальным инструментам. Мы уже сообщали, что арабское la ʻiba разделяет это значение с некоторыми европейскими языками, и особенно германскими, которые уже в ранний период ловкость в пользовании орудиями вообще обозначали словом играть. Из романских языков, кажется, только французский знает употребление jouer и jeu в этом значении, что могло бы указывать на то, что здесь сыграло свою роль германское влияние. Греческий и латынь не знакомы с подобным употреблением, тогда как оно характерно для некоторых славянских языков,— в этих последних, вероятно, благодаря заимствованию из немецкого. То, что speelman стало, в частности, обозначать музыканта, не следует с этим связывать непосредственно: speelman прямо соответствует понятию ioculator, jongleur, которое претерпевало сужение своего значения, с одной стороны, до поэта-певца, с другой — до музыканта и наконец — до циркача, орудовавшего ножами или мячами.

Совершенно очевидно, что наш дух склонен вовлекать музыку в сферу игры. Музицирование несет в себе почти все формальные признаки игры: деятельность эта протекает внутри особо ограниченного пространства, характеризуется повторяемостью, основывается на порядке, ритме, чередовании и уводит и слушателей, и исполнителей из сферы «обыденного» к тому ощущению радости, когда даже скорбные звучания доставляют возвышенное наслаждение. Кажется само собой разумеющимся всю музыку воспринимать как игру. Но стоит только принять во внимание, что играть, равнозначное заниматься музыкой, никогда не относится к пению, да и вообще употребимо в этом значении лишь в некоторых языках, как становится более вероятным, что связующий момент между игрой и ловкостью в пользовании музыкальными инструментами здесь надо искать в значении проворное, искусное, правильное движение рук.

Далее следует сказать еще об одном приложении слова игра, настолько же широко распространенном и настолько же очевидном, как сопоставление игры и борьбы,— а именно об игре в эротическом смысле. Вряд ли необходимо иллюстрировать многочисленными примерами, с какой готовностью германские языки прибегают к использованию слов игрового характера, придавая им эротическое значение. Speelkind [дитя игры = внебрачный ребенок], aanspelen [заигрывать] — о собаках, minnespel [любовная игра] — лишь некоторые из многих примеров. Верхненемецкие laich, laichen, то есть икра, икрометание рыб, шведское leka, о птицах, опять-таки представляют все то же laikan [играть], о котором мы говорили выше. Санскритское kridati [играть] часто используется в эротическом смысле: kridaratnam, жемчужина игр, означает coitus. Бёйтендейк также называет любовную игру чистейшим образцом всех игр, в котором яснее всего проявляются все игровые признаки. Здесь, однако, нужно учитывать и различия. Ведь, по всей видимости, вовсе не чисто биологический акт спаривания как таковой склонен принимать за игру наш языкотворческий ум. К самому акту не могут быть отнесены ни формальные, ни функциональные признаки игры. Тогда как подготовка, или прелюдия, путь, ведущий к нему, зачастую изобилует всевозможными игровыми моментами. Это особенно характерно для случаев, когда представитель одного пола должен склонить к спариванию представителя другого пола. Динамические элементы игры, о которых говорит Бёйтендейк: создание препятствий, неожиданные поступки, обманное поведение, возникновение напряженных моментов — все это входит во flirt и wooing [ухаживание]. Однако в этих функциях еще нельзя увидеть законченную картину игры в строгом смысле слова. Лишь в танцевальных па и брачном уборе птиц проявляется явственный игровой элемент. Сами по себе любовные ласки с большой натяжкой могли бы рассматриваться как элементы игрового характера, и мы пошли бы по ложному следу, если бы еще и совокупление, как любовную игру, включили в категорию игры вообще. Формальным признакам игры, насколько мы полагали необходимым их устанавливать, биологический факт спаривания никак не удовлетворяет. Да и язык также, как правило, проводит явственное различие между спариванием и любовными играми. Слово spelen [играть] может употребляться в особом смысле для обозначения любовных отношений, выходящих за рамки социальной нормы. Язык блэкфут использует, как уже отмечалось ранее, одно и то же слово koani и для детской игры вообще, и для недозволенных любовных действий. По зрелом размышлении становится ясно, что как раз об эротическом значении слова spelen, сколь широко оно ни распространилось бы и ни казалось всем очевидным, следует говорить как о типичной и сознательной метафоре.

Полнота значения слова в языке определяется в том числе через слово, выражающее его противоположность. По нашему разумению, игре противостоит серьезность, а также, в особых случаях, труд, тогда как серьезному могут противостоять также шутка или забава. Взаимодополняющее противопоставление игра — серьезность не во всех языках выражено настолько полно двумя основными словами, как в германских, где с ernst [серьезностью] в верхненемецком, нижненемецком и английском совершенно совпадает по значению и употреблению скандинавское alvara. Так же определенно выражено противопоставление в греческих σπουδή — παιδιά. Другие

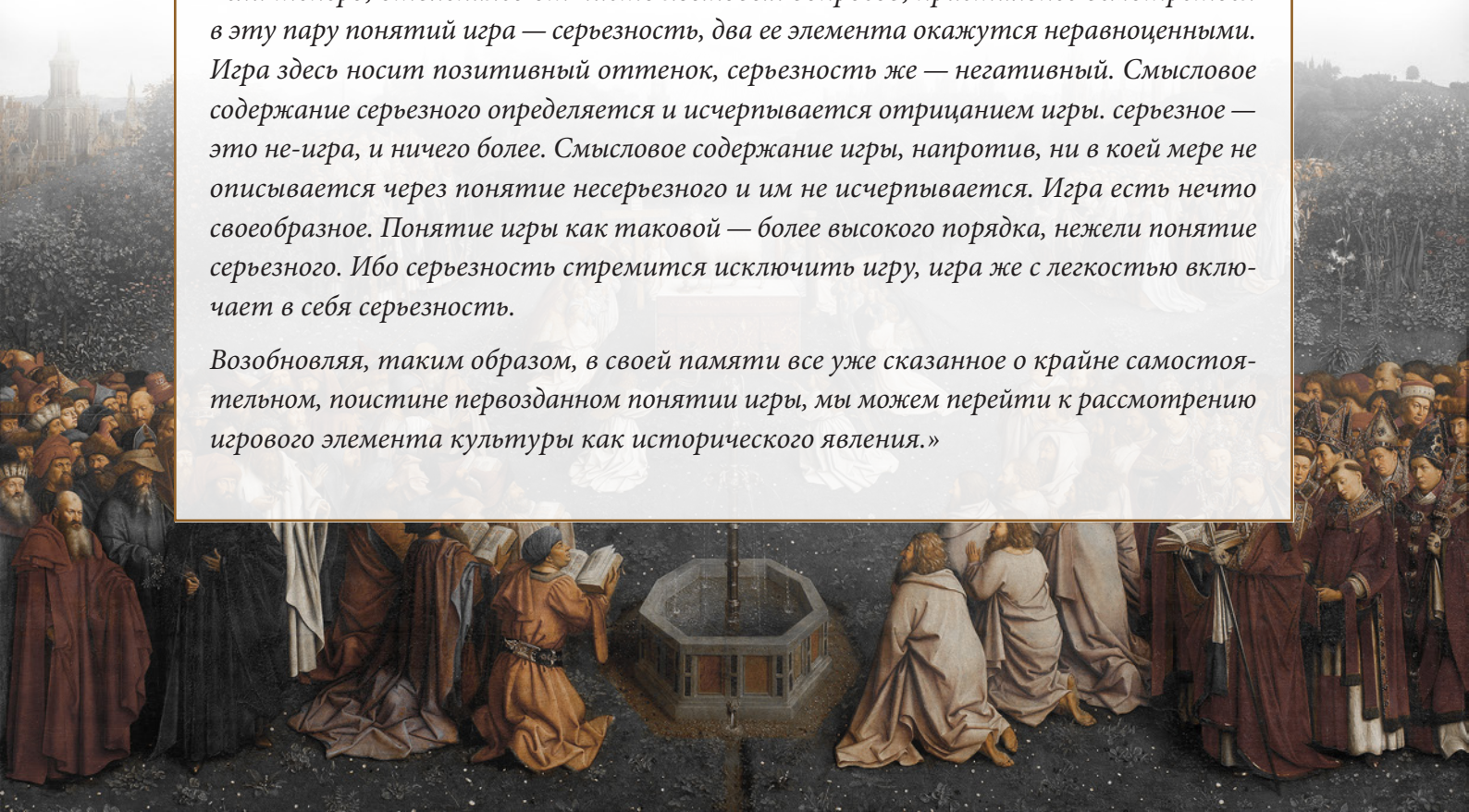
языки способны противопоставить слову игра прилагательное, но никогда или с трудом — существительное. Это означает, что абстрагирование этого понятия в них не получило своего завершения. В латинском, например, есть прилагательное serius, но нет относящегося к нему существительного. Gravis, gravitas могут означать серьезный, серьезность, но это не есть их специфическое значение. Романские языки вынуждены обходиться производным от прилагательного: в итальянском — это serietà, в испанском — seriedad. Французский крайне неохотно субстантивирует это понятие: sériosité как слово не слишком жизнеспособно.

Семантически исходным пунктом для σπουδή является значение рвение, спешка, для serius — пожалуй, тяжелый, с каковым словом оно считается родственным. Германское слово создает большие трудности. Основным значением слов ernest, ernust, eornost обычно считают борьбу. В самом деле, ernest в ряде случаев действительно может означать борьбу. Есть, однако, сомнение, действительно ли древненорвежское orrusta — praelium [сражение] и древнеанглийское ornest — поединок, pledge, залог, вызов на поединок, в более позднем английском формально совпадающие с earnest,— действительно ли эти слова, сколь хорошо все их значения, ни связывались бы воедино, этимологически покоятся на той же основе, что и eornost.

Вообще говоря, можно, наверное, сделать вывод, что слова, обозначающие серьезность,— в греческом, германском или других языках,— представляют собой некую вторичную попытку языка выразить противоположное игре понятие не-игры. Выражение этого находили в сфере значений рвение, усилие, старание, хотя все они сами по себе могли иметь отношение и к игре. Появление термина ernst [серьезность] означает, что понятие игра было вполне осознано как самостоятельная всеобщая категория. Оттого-то именно германские языки, в которых понятие игры тяготело с особенной широтой и определенностью к закреплению в виде концепции, столь настойчиво выдвигали и противоположное по смыслу понятие.

Если теперь, отвлекаясь от чисто языковых вопросов, пристальнее всмотреться в эту пару понятий игра — серьезность, два ее элемента окажутся неравноценными. Игра здесь носит позитивный оттенок, серьезность же — негативный. Смысловое содержание серьезного определяется и исчерпывается отрицанием игры. серьезное — это не-игра, и ничего более. Смысловое содержание игры, напротив, ни в коей мере не описывается через понятие несерьезного и им не исчерпывается. Игра есть нечто своеобразное. Понятие игры как таковой — более высокого порядка, нежели понятие серьезного. Ибо серьезность стремится исключить игру, игра же с легкостью включает в себя серьезность.

Возобновляя, таким образом, в своей памяти все уже сказанное о крайне самостоятельном, поистине первозданном понятии игры, мы можем перейти к рассмотрению игрового элемента культуры как исторического явления.»

Олег Викторович резюмировал:
– Вот, собственно, и конец аудио-фрагмента. Мы поработали с 4-м блоком. 1,2,3 вы после сами послушаете и осмыслите. А пока — что самое важное. Мы познали еще один важный рычаг, еще одно средство концептуализации: если нужно сотворить парадокс (ввести «диковинку»), можно использовать иностранный язык. Иностранное название. Сослаться на зарубежного автора. Каждый из этих вариантов выступит «диковинным». Пусть не самым мощным, но — усилителем. Дополнительным средством.

ТЕПЕРЬ — ЗАДАНИЕ.

К следующей главе придумайте какую-нибудь «штуковину», какой-то феномен или средство на манер того, что сотворил сэр Артур Конан Дойл, придумав борьбу «борицу». Ведь он её не задумал, не разработал, не отработал в деталях и приёмах, нет. Он её именно при-ду-мал. Выдумал. Породил и пустил в мир то, чего не существует. И ни одна сатана не заметила подделки.
Хотя — кто же не читал, не смотрел! Вот и валяйте в том же духе. Чем мы — не Конаны Дойли! Придумайте. Сочините. Изобретите. Дайте и название, которого нет. Причем, самим вам вовсе не обязательно знать-понимать, что это значит. Ну, по Акунину: «…мне в голову случайно пришло название детектива *Алтын-толобас*». Что это такое? Признаться: даже я до сих пор не знаю. Нет объяснений. Но помните: слово, которое вы придумаете тоже не должно присутствовать ни в одном словаре. Так вы можете придумывать то, чего не существует и превращать это в «диковинку».

Вот — вы. Да-да, вы. Именно. Вас всё время тянет к фотоаппарату. А лучше, чтобы, грубо говоря, тянуло к голове. Припомните, как говорил Саша с Уралмаша, герой кинофильма «Два бойца»: главная часть любого оружия — голова стреляющего. Это касается и фотооружия. Фотоаппарат сам по себе, как таковой, уже не является диковинкой. Чтобы его сделать диковинкой, придётся сильно постараться главной его частью — головой фотографа.

Кто является диковинкой? Что тут может стать парадоксом? *Некое состояние фотографа* может оказаться парадоксальным. Но у такого состояния должно быть название, которого не существовало ранее, которое читатели не смогут найти ни в одном словаре. Какой-нибудь «рутрекс», от носителя которого зависит качество фотографий. Что это за парадоксальный «блок» в голове человека? Как он срабатывает? Тут нужен механизм, описывающий «диковинное состояние» — даже как некое отклонение психологическое от нормы. Если читатель сталкивается с отклонением, это усиливает диковинность. Больные люди — «диковинка». Больной фотограф — гений. Если нет названия его психологическому отклонению, которое не диагностируется психологией, это не диковинка. У него должно быть отклонение, у него должно быть название. И он — гениальный фотограф — сам не знает, как он получает эти великие фотографии, которые становятся знаменитыми.

Служанка, которая фотографировала на Rolleiflex потом умерла, а её фотографии стали знаменитыми. Она была просто больна. У неё было какое-то отклонение, которое

позволяло ей делать эти безумные фотографии. И таких в истории мы можем обнаружить не одну. И найти сам секрет фотографирования, дав ему название первыми. И потом, например, семинар будет звучать «Как приблизиться к состоянию Икс». И на такой семинар люди ломятся, буквально валом. Вот так делается семинар. Но для этого нужно придумывать слова, которых нигде нет. А дальше пошли усилители: обоснование, демонстрация. Примеры. Детали и так далее. Вот так появился курс. А дальше — «танец кенгуру». Другие подходы. Словно из фрагментов религии собираешь курс, следуя тем бессознательным «религиозным пожеланиям и побуждениям», удовлетворения которых требует клиент, зритель, слушатель.

Если мы говорим о новых людях (о новых клиентах), которые должны прийти, то ими движет либо нужда, либо парадокс. Других вариантов, в принципе, и нет. И если нужды нет, сработает только диковинка. Если совсем свести всё к простым категориям, блоки курса легко собираются из религиозной матрицы. В информационном пакете должны быть и танцы кенгуру, и праздник, и тайная кара. Вы уже подвергнуты этой тайной каре, вы не можете заболеть этой болезнью. *Вы уже тайно покараны.* Достаточно сказать в микрофон (сообщить аудитории), что человек не может заболеть этой болезнью, поскольку она врождённая (генетическая), но можно приблизиться к состоянию «рутрекс» — и это уже сверхактуально, желанно и востребовано, понимаете? Вот в чём суть, вот в чём концепция… *Вы уже покараны, вы такими не родились.* И наверняка не станете великими фотографами. Никогда великими не станете, потому что это болезнь, со странным названием, которое вы придумаете. Но можно попытаться максимально приблизиться к этому состоянию в процессе жизни и деятельности. В момент, когда фотографируешь, когда нажимаешь на решающую кнопку, в момент, когда аппарат становится между тобой и миром. И главная часть этого аппарата — твоя голова на твоих же плечах.

16 КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ. ПОИСК ПАРАДОКСА

Главу-встречу открывает академик Мальцев Олег Викторович:

– В предыдущей главе думалось-говорилось о том, что для начала работы нам нужен парадокс. При этом на одном парадоксе мы не останавливаемся, поскольку самая главная задача — концепция. То есть, работа с парадоксами — это подход, позволяющий «подобраться» к тем самым таинственным концепциям, что не особо-то и спешат «рождаться на свет», если их не акселерировать.

Итак, в конечном итоге нам нужна она. Кон-цеп-ция.

ПРЕДСТАВИМ ФОРМУЛУ: КОНЦЕПЦИЯ + ДИКОВИНКА =?

Согласно школярской науке, при одном неизвестном слагаемом, для его получения нужно от суммы отнять одно известное слагаемое. Это, можно сказать, доалгеобраическая, арифметическая азбука. Говорят, в СССР один остряк в конце тридцатых годов гласно применил эту формулу-закономерность к ленинскому «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!». То есть: «Советская власть + электрификация = коммунизм». И вывел: таким, значит, образом, электрификация страны есть коммунизм… минус советская власть». Ну, говорят, больше он уже не острил.

Нам же с вами — и проще, и сложнее. Проще, потому что живём в свободной стране — по крайней мере, в том смысле, что любой из нас может писать, говорить всё что угодно. И где попало. Но вот формула наша не полна. Концепция-то плюс диковинка. А… чему равно? Какова сумма этого сложения? Подумайте.

Сочетание концепции и парадокса нам даёт некую стартовую формулу, базу работы в известном вам направлении.

Для примера рассмотрим самое крутое произведение Данила Корецкого «Антикиллер 2». Я имею в виду нашумевшее, самое популярное, кассовое, самое продаваемое.

Кто там выступает в качестве парадокса? **Банда Колдуна** является диковинкой. Страшная банда, которую никто не знает; глубоко законспирированная организация, которая к «блатным» не имеет никакого отношения. Ритуальные убийства — это усилитель диковинки. Более того, и Колдун, никому неизвестный невидимый главарь банды, тоже парадоксален. **Концепция глубоко засекреченной организации. Да, повторюсь: и не имеющей к преступному миру никакого отношения.** Вот в чём парадокс! Книги, которые не существуют и причина, почему стреляют,— это загадка, которая впоследствии красной нитью проходит через книгу, неспешно открывая разгадку. Яблоки с дерева зла, сетчатка человеческого глаза, в которой ещё какое-то время запечатлён преступник (поэтому бандиты стреляли в глаза),— всё написано так, чтоб «идиот», сидящий на Зоне, прочёл эту книгу и уверовал в то, что сие — реально. Кстати, ещё в конце 19-го века в Европе толковали о поисках преступников на основании их изображения в глазах жертв вполне серьёзно. В связи с убийством в одесской гостинице «Пассаж» об этом писалось и в местной, и в столичной в российской прессе (читай «и Молдаванка, и Пересыпь», «Дело» было в Одессе). И в дальнейшем неверно трактуемые факты, разнесённые по свету прессой, убеждали обывателя в верности «глазной фотографии».

В начале шестидесятых на Ближних Мельницах в Одессе после ночи нашли покойника с выбитыми, буквально — вырванными глазами. Да ещё и привязанного к дереву. И уже к обеду город знал: по ночам убивают, привязывают к деревьям и лишаю глаз. Дабы не оставлять свои портреты милиции. Следователь разобрался: гражданин под шафе ночью заблудился. Стал грубовато стучать в окно. Хозяин вышел, стал гнать его в шею. Не получалось. Схватил на дороге палку, стукнул раза два-три. Тот

спьяну упал. Стоять уже не мог. Хозяин привязал его к дереву, чтобы очухался. И ушел досыпать. А оказалось, на конце палки был гвоздь, не замеченный потревоженным хозяином. Ну, и… Непредумышленное убийство. Превышение необходимой обороны. Но глаза выбиты случайно. А весь город стал особенно беречь глаза. И уверился в магическом законе сохранения фотороботов преступников в глазах жертвы.

Имевшие место случаи убийства (выстрел в глаза, удар кастетом и ножом туже же) — это ничто иное как обычные убийства. Но очень многие передавали из уст в уста, что это ритуальные убийства. И сходили с ума от того, что «колдуны» людям стреляли в глаза.

Два контрольных выстрела в глаза, две дырки на месте глаз. А поскольку пули из нарезных стволов наворачивали на себя всё попутное и клубком вырывали дыру в затылке, это наводило на впечатлительных граждан ещё больший ужас. *Это, выходило, не просто убийство, это ритуальное убийство, на религиозной почве. На самом деле никакого религиозного убийства не было.* А были только заблуждения некоего преступника, который на зоне перечитался маленько книги, которую выдумал сам Корецкий. Вот как выглядит «Антикиллер-2». Что в нём такого притягательно? Колдун? В чём диковинность? Всё правильно, сам Колдун — диковинка.

Итак, в чём особенность Колдуна? Когда происходит действия, в какое время? В девяностые годы, конечно. **В чём парадоксальность Колдуна? Он напрочь лишён чувства собственной значимости.** Раньше, в девяностых бандитом быть было круто. А этот не хочет, чтобы вы его знали. Это бандит, который не «вкладывается» ни в одну голову. То есть люди бандитизмом и разбоем занимались для того, чтобы их все знали, чтобы дрожали, чтобы уважали. А Колдун почему-то не хочет, чтобы его знали. В этом и заключается его парадоксальность по сравнению со всеми другими. *Диковинка среди бандитов. Человек не хочет, чтобы его знали.* А вот, чтобы «дрожали и уважали», очень хочет. Но достаточно, чтобы люди знали, что существует некий Колдун. А вот как он выглядит — им знать необязательно. И возникает некая Тайна. В произведении описана необычная сцена: Колдун пришёл на стрелку с определённым представителем преступной группировки. То есть перед бандитом сидит Колдун, собственной персоной. Но никто об этом не знает. «Умник» ему говорит, что надо платить в общак, всё делать за крышу. А Колдун ему говорит: «…у меня есть крыша, хочешь чтобы она сюда подъехала?» — «А кто это, может я знаю?» Тот отвечает: «Может и знаешь».

Колдун продолжает: «Да не надо, чтобы они сюда ехали». Кто же мог знать, что сам Колдун и есть крыша. Понимаете, рядовой бандит даже не знает, что он сидит и пьёт с Колдуном за столом. Что этот массажист, никому неизвестный, и есть Колдун. Руководитель страшной, законспирированной организации, в которой даже члены друг друга не знают. Помните, они разбиты на пятёрки. У каждой есть руководитель, он знает координатора, только координатор знает Колдуна. Конспирацию обеспечивает специальная система отбора в организацию, пейджеры и прочие подходы.

Вот мы и увидели как **КОНЦЕПЦИЯ, ПАРАДОКС ПЛЮС УСИЛИТЕЛИ ФОРМИРУЮТ КОСТЯК ПРОИЗВЕДЕНИЯ.**

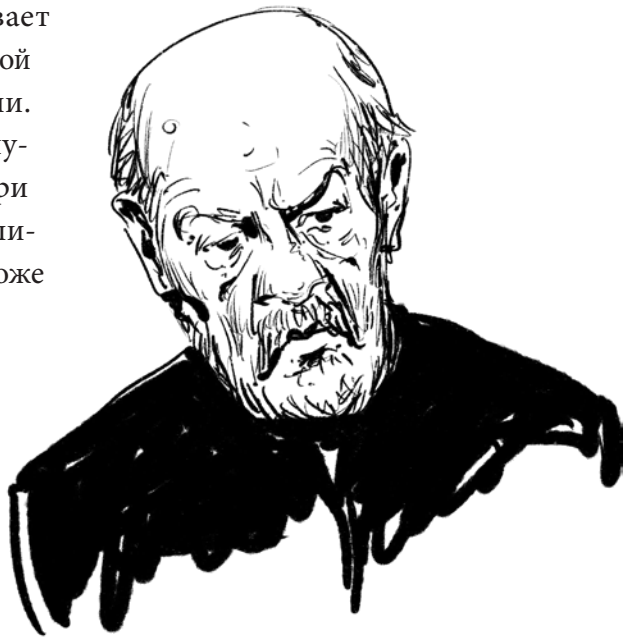
Какое произведение Корецкого является самым диковинным из всех? Самым тайным, самым загадочным? Ответ, конечно же, «Привести в исполнение». Самая, пожалуй, загадочная экранизация СССР. Группа сотрудников уголовного розыска, которая приводит в исполнение смертные приговоры. Самое загадочное произведение, книга, к которой «прилипали» очень и очень многие. Как ни парадоксально, им было интересно, как же в Советском Союзе убивают людей. Лишение жизни, да ещё и государством. Казнь — всегда «диковинное действо».

Тут ещё и праздник в повести описан, и парадоксы разные, и даже нечто сравнимое с «танцами кенгуру» (ритуальная составляющая). Сама тема просто манящая, магнитичная. Это была моя первая криминологическая тема, первое моё криминологическое исследование. *Вывод: те, кто этим занимается, никогда вам не расскажут об этом, те кто к этому не имеют отношения, будут дискутировать бесконечно.* Я разговаривал с человеком, который занимался приведением в исполнение смертных приговоров в Волгоградском централе. Он мне сказал: давай выпьем, я тебе поведаю одну вещь. Он-то и поведал мне, что, мол, «те, кто этим занимается, никогда тебе об этом не расскажут. А те, кто ничего об этом не знают, будут рассказывать, писать книги, танцевать на потолке. Запомнил? Давай выпьем». На этом разговор закончился. История приведения смертных приговоров в исполнение в СССР весьма нетривиальна и парадоксальна.

Вспомним писателя Константинова. Каково самое интересное его произведение? Давайте обратим внимание на повесть «Русский перевод», в чём его парадоксальность? На самом деле, любое «попадалово» уже является неким магнитом, диковинкой. Здесь этот магнит значительно усилен. Чем? Студентом 4 курса института иностранных языков — историком, изучающим английский. Парень едет в Южный Йемен на стажировку. Это «диковинка» для Советского Союза: поездка студента 4 курса на стажировку в Южный Йемен. Для советского человека, это даже парадокс. При наличии железного занавеса и отсутствия поездок за границу. Поездка студента 4 курса туда — сенсация. Мало того, парень попадает в бригаду ГРУ Йемена, которую формируют советские инструкторы. Он становится переводчиком. Кто из героев выступает генеральным парадоксом? Главная диковинка — Синдибат. Палестинец, его близкий друг, учитель. Введение такого героя весьма символично; Синдикат невероятно парадоксален, такие герои и создают магнитическую формулу этого произведения. И сам ход боевика с кучей усилителей творят и удерживают атмосферу негодяев — конфликт, который придаёт динамику всему произведению.

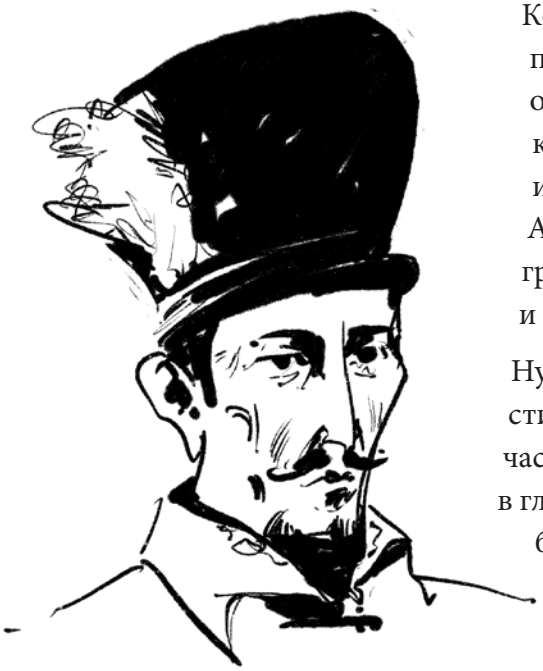
«Бандитский Петербург» — в этом ключе диковинкой является Антибиотик. Произведение описывает любовный треугольник, по сути, представляя собой мелодраму, с вплетением веяний того времени. Надо сказать, что «Бандитский Петербург» получился достаточно необычной мелодрамой при экранизации… Юрка-Барон — бандит, интеллигент, искусствовед и так далее, вор в законе — тоже диковинка. Ещё какая.

Отставим в сторону советскую литературу нового времени и перейдём к Александру Дюма. Итак, «Граф Монте-Кристо». Почему это самое культовое произведение? Что является диковинкой? Давайте поразмышляем.

Аббат Фариа — это усилитель. Парадокс — это героиня Мерседес. Весьма диковинное существо. Она каталонка, которая не желала выходить замуж никак иначе, кроме как по каталонскому обряду. За Фернана Мондего, тем не менее, она выходила замуж без всякого каталонского обряда. Прачка-рыбачка превратилась в жену пэра Франции. Разве не парадокс? Ещё какой! А что произошло с ней в конечном итоге? Мадам Диковинка вернулась обратно в свою лачугу. Где же тут не парадокс: в какой-то степени всё как в сказке Пушкина. Тут нам и старуха, и рыбак, и золотая рыбка, и разбитое корыто. Стандартный сюжет пушкинского произведения. Конечно, Мерседес выступает парадоксальной фигурой романа; за неё же все дерутся, хотят ею обладать, она определённо является диковинкой. Хотя если так подумать… дама эта — подлая, хитрая, недальновидная и бестолковая. Именно ведёт себя как кошка.

Как бы то ни было, образ Мерседес весьма притягателен. Сам конфликт весь из-за неё. Все только воспользовались этим конфликтом. Завязка конфликта произведения разворачивается именно вокруг Мерседес. Все просто воспользовались результатом этого конфликта. И не было бы никакого графа Монте-Кристо если бы не Мерседес.

«Графиня де Монсоро». Кто-что здесь диковинка? Конечно же, Шико. Шут короля, который, по сути, и есть подлинный король Франции. Вместо «бедного Генриха», он вынужден исполнять обязанности короля. Самому королю как-то некогда, занят. Ублажает миньонов. Да и жена отвлекает. В общем, ему не до Франции. А оргии? А религиозные шествия — с хлестанием себя плетью за грехи. Голова — кругом. Вот и должен быть Шико и шутом, и королем — по совместительству.

Ну, что там еще? Подсказывайте! «Королева Марго»? Допустим. Что в этой вещице определим как парадокс? В первой части — что едино, противоречиво, невозможно и бросается в глаза? Генрих Наваррский, помнится, сочетается законным браком с королевой Марго. Мезальянс! Ведь он — гугенот. А она? Совершенно верно — католичка. Оно и по нашим пресвященным временам не для каждой семьи приемлемо. А тогда…

Адмирал Колиньи — самый зловещий и загадочный персонаж, главный магнит. Приятельство Ла Моля, Коконнаса и Кабоша, гугенотов и католиков — усилители идеи. Идеи, принадлежащей Колиньи. Вступая в этот брак, Марго становится королевой Наваррской. Кто бы кого там больше ни вдохновил — Генрих Манн, Александр Дюма — отец или сын, или реальные исторические фигуры — трудно сказать. Да в данном случае это не так уж важно; главное — как шутили в старом добром КВНе, в результате однажды 24 августа 1572 года, стояла тихая Варфоломеевская ночь. И кровь по улочкам Парижа текла по щиколотки. Хорошо погуляли…

Нет смысла ни задерживаться нам здесь на литанализе сюжета произведения и его художественного качества (тем более, автор не писал по-русски, а мы не так уж хорошо читаем по-французски), ни подводить политологическую базу под реальную историю события. О таких говорят — было давно и неправда. Рассмотрите все это сквозь призму нашей темы-идеи. Она дает нужный нам материал. И стоит такового внимания, как, по словам того же Наваррского,— «Paris vaut bien une messe». Да-да — Париж стоит мессы. Или, как сказал другой классик (хотя и по иному поводу): «Не пропадет ваш скорбный труд».

А труд немалый. Без всякой иронии. Да-с, если вам не легко дается изобретение парадоксов или их нахождение в готовом продукте — не относите сие на счет своей ограниченности и неодаренности. Хотя субъективные моменты нередко здесь присутствуют. Например, бедность знаний и нежелание напрягаться. Вульгарная лень,

о чем мы также подробно говорили. Конечно, приятно считать себя занимающимся своим делом. И что дело это уже сейчас, сей момент — по плечу. Бывает тот случай, о котором говорят военные: много амбиции, мало амуниции. Такая констатация обидна и досадна. Но что поделаешь? Ведь мы с вами с самого начала договорились: в нашем деле необходима здоровая доза цинизма. А это значит — смотреть на вещи только прямо. И называть все только своими именами. Кстати, кто не знает, всегда пригодиться: изначально циники (или киники) — последователи древней философской школы, в основе которой этот самый один единственный принцип. Просто по ходу прогресса мы до того заврались, что говорить правду и называть вещи своими именами считается неприличным.

Но нас с вами это не касается. Верно? **Для того чтобы прототипологизировать или концептуализировать, нужны фундаментальные, системные, энциклопедические знания.** Посмотрим же прямо, согласно уговору: знаний-то для этого нередко и откровенно и не хватает. Оно, конечно,— научный подход ко всему сущему не исчерпывается простой констатацией факта; причинно-следственная связь непреложна. И никуда не деться от вопроса — в чем же дело? Как говорят у них, пуркуа? У всех или почти у всех участников нашего процесса — образование, выше которого нет. Да и, строго, между нами, для того, о чем мы говорим, бывает достаточно и полного среднего. Но ведь мы же всякий раз спотыкаемся об отсутствие даже таковых знаний. Феномен! Парадокс! Диковинка! Наука пока не торопится раскрыть это. Но как бы ни выглядели ее будущие ответы, кто бы ни был признан авторами или исполнителями такого злодейства, а действовать сегодня и сейчас — нам с вами. То и стало быть…

ИГРАЕМ В СТРАТЕГИЮ. Допустим, мы с вами вдруг спонтанно почуяли идею простую, как все гениальное: создать Телеграм-канал о мотоциклах Harley Davidson. Названия пока нет, канал Х. Начинаем движение с нулевой точки. Обсуждать цель канала не будем — она тоже проста: привлечь как можно больше подписчиков, влиять на русскоговорящую аудиторию владельцев мотоциклов этой марки или желающих их приобрести.

Как продолжим? Тема — темой. Идея — идеей. Цель, между нами — корысть. А делать-то что? Давайте — как учили: искать парадокс и концепцию. Нужно придумать диковинку. Например, так, как в кино — «Живет такой парень». Причем, живет в Америке. В Калифорнии. Ключом крутит гайки. У него — автосервис. И вот он тут, как тут. Американский мотосервис в Одессе — гарантия экзотики и качества. Народ повалит валом.

С чем ассоциируется оборот Harley Davidson? Ась? Хорошо: свобода, достаток, статус, брутальность, мощь. Терминатор. Harley — это некий персонажный набор. Если мы найдем пять ведущих этого канала, соберем их на одной площадке. Кто главный проповедник Harley Davidson? Палладино, первое лицо. Он — мотор, двигатель. Его и вправду так называют «человек-мотор». Выкрикивают: «Боб! Крутой Боб! Человек-мотор! Это Джерри Палладино!» Кто король стрита? Риччи, король города. Нужен нам бой. Парень, который купил себе Harley. Неужели не интерес-

на история человека, который только купил себе Harley Davidson и учится на нем ездить? Нужны глайд и роуд. Нужен путешественник на Harley, у нас его нет. Х. А глайд — скольжение. Глайд — история, мотокультура. Кто бы вел исторический экскурс мотокультуры? Его тоже нет.

Получилось пять диковинок. Одна усиливает другую, это уже почти технологическая система. Теперь на очереди — она, концепция. Если Harley — религия, у нас есть плато религии. То, из чего она состоит и о чем мы также толковали в предыдущих главах. Поговорим о познавательной прогнозируемой функции разума. Harley был для многих и поводом, и возможностью увидеть мир, побывать в другом штате, посмотреть, как там люди живут. В чем суть мотокультуры Harley Davidson? Едва ли кто-то вот так, запросто ответит на этот вопрос. Загадка. Какая могла быть концепция? У нас же цель — как можно большее число подписчиков. И сверхзадача — собственное влияние на аудиторию Harley. Быть для них в авторитете. Harley Davidson, в отличии от новостного канала — статический феномен. Это сложная концепция, тут непросто придумать все; нужно чтобы канал стал всенародным. Harley можно собрать различными способами — от персонажа к мотоциклу, от движения в историю и далее в будущее. Есть разные способы получить Harley. Когда мотоцикл строится вокруг двигателя, приобретается от персонажа, от человека, которому он подходит. Политика Harley Davidson многовекторна. От двигателя пойдем или от персонажа? **Мы можем концептуализировать двигатель, прототипологизировать его, а можем превратить его в целое произведение.** У нас есть куча персонажей. Толстый Боб. Уличный парень. При участии этих и других героев происходящее можно превратить в произведение. В театр Harley Davidson. Или в книгу о Harley Davidson. Персонажей можно вытащить из статей, которые мы писали. Стрит глайд — хулиган, бандит, который стал порядочным человеком.

Двигатель подобен нефтяной башне. Насос. Фонтан. Чтобы все это работало, нужно месторождение. И людей нужно концептуализировать. Показать старателя. У нас уже все есть. И диковинки, и два подхода концептуализации от двигателя и персонажа. Как все это превратить в концепцию? Элементы концепции мы разобрали — сводите их воедино, прототипологизируйте и концептуализируйте. Как прототипологизировать двигатель? Табун лошадей!

У вас уже есть и диковинки, и два подхода концептуализации, от двигателя и от персонажа. Всё есть. Выдвиньте концепцию. По сути, Harley превращает людей в золотые самородки. Как это концептуализировать? Концерн, добывающий что?… Что он добывает? В концепции не должно быть неизвестных, концепция должна быть предельно понятна. Если мы говорим, концерн что-то добывает, то **что он добывает? Что именно? Волю к победе.** Теперь у вас есть и концепция, и диковинка. Можно называть как-то канал, и разрабатывать стратегический план, то есть переходить к сценарию, превращать задуманное в религию. Превращать концепцию в технологическую систему. Вот как строится концепция Телеграм-канала.

Это просто пример. Мы показали тем самым, что концептуализация касается не только произведения, не только курса, не только экспедиции, но и банального Телеграм-канала. Мы подошли к концептуализации, к прототипологизации применительно к теме Телеграм-канала и создали интернет-канал, который мог бы стать достаточно культовым. Теперь это всё можно взять и запустить, предварительно составив план. Превратить концепцию в технологическую систему, и можно развлекаться. Можно сделать страницу в Фэйсбук и развлекаться там. Можно сделать такой же Инстаграм и развлекаться там, только там будут другие инструменты развлечений.

И для развития такого Телеграм-канала сейчас очень хороший момент — моторынок на пике. Спрос просто колоссальный. И людей можно собрать на одной площадке огромное количество, буквально всех русскоязычных. Была бы аудитория, а дальше — можно делать всё что угодно. Конечно, ежели подходить грамотно. Предлагаю задуматься над этими аспектами. Не секрет, к слову, что многие не задумываются. Многим просто не хочется напрягаться. Они никогда сами не станут работать над концепцией. Лень-матушка победила ещё до рождения.

И пускай что-то сами придумать не захотят или не смогут… зато от вас точно будут ждать ту самую крутую и всепоглощающую концепцию…

17 МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ: ИГРА СО ВРЕМЕНЕМ

Начало этого нашего общения — да не покажется вам странным. Ну, а если, всё же, и покажется, креститься не надо. Припомним Чацкого: «А не странен кто ж?». Тем более, уж кому-нибудь из вас наверняка следующее покажется или хорошо знакомым, или хоть что-нибудь напомнит из виденного-слышанного:

«…Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом.

Нина: Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом,— словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли… Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах. Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно…»

Так один из землян — и притом редчайший человек — размышлял о Времени, вложив в обращенные к нам эти слова в уста юной самодеятельной актрисы в дачном любительском спектакле. Был такой, Чехов А. П., автор «Чайки».

Не претендуя на роль классиков, все же, одолеем свою провинциальную скромность и поучаствуем в бессмертном разговоре о Времени. Сколько же ведут они, великие и бессмертные, разговоров об этом предмете? Нет на сие точного ответа. Как и на главный в этом плане вопрос: а что, собственно говоря, это такое? Время…

Школьный учитель не полезет в карман за ответом. И поведает вам уверенно и монотонно том, что время — материальная субстанция. И неотделимо от материи и ее движения, так как является ее формой существования. И ещё о том, что нет смысла говорить о времени самом по себе, так как в отрыве от материальных процессов течение времени становится бессодержательным. Только исследование процессов, мол, происходящих в материальном мире и их взаимосвязей, делает понятие времени физически содержательным…

Услышите вы и то, что — время неотделимо от материи и ее движения, так как является ее формой существования. Нет смысла, дескать, говорить о времени самом по себе, так как в отрыве от материальных процессов течение времени становится бессодержательным. Только исследование процессов, происходящих в материальном мире и их взаимосвязей, делает понятие времени физически содержательным.

Или — вот: в череде процессов, происходящих в природе, особенное место занимают повторяющиеся процессы (повторение дней и ночей, дыхание, перемещение звезд по небосводу и т. д). Исследование и сравнение подобных процессов между собой ведет к идее о длительности материальных процессов, сравнение их длительности приводит к идее об их измерении.

Учитель возденет над головой часы — свои, ручные, карманные или даже песочные: «Эталоном измерения является периодический процесс, который называют часами. Существуют системы отсчета, в которых возможно введение единого времени с достаточной для практики точностью. Введение единого времени хорошо подтверждается экспериментом. Теория дает возможность предсказать отклонения единого времени, что можно проверить эмпирически…»

В общем, школа на сей счёт кое-что впрессовывала в память, хотя и не вполне ясно — зачем это нужно было учить-заучивать назубок. Ведь при надобности любой может взять с полочки соответствующее издание. Или вообще — нажать на соответствующую кнопочку. И узнать о том, что, скажем… «**Время** — физическая величина, отражающая свойство материальных процессов иметь определенную продолжительность, следовать друг за другом в установленной последовательности и развиваться поэтапно». Ах, да, ещё — что «обозначают время буквой «t»»! Да мало ли что ещё…

Самодеятельные драматург Треплёв и артистка Заречная безо всякого наукообразного занудства попытались в чеховской «Чайке» выразить своё восприятие такого явления, как Время. Потому мы с него и начали эту встречу. Пожалуй, ничего нет более могущественного, всепоглощающего, непознанного и — беспощадного, чем оно, Время. Что только ему не под силу! На одной только Земле Время как бы запросто заслоняет от будущего ее же начало — начало самой Земли (даже верующие знают, что однажды твердь создал Господь — и значит когда-то ее вообще не было. И что ещё более печально — вполне возможно, когда-нибудь её и не будет). Перемалывает Время многовековые и даже могучие цивилизации, от каковых и пыли не остается. Легким мановением своим цветущую ботанику превращает в минералы песка, сушу в моря, океаны. И — наоборот. И все это, нимало не заботясь об историках и не сочувствуя их будущим мучениях в попытке хоть что-нибудь разглядеть сквозь него. Кажется,

столько, сколько существует наука, столько и время находится в фокусе ее внимания. А это — тысячи лет. И при всем притом: что мы знаем о нем? О Времени? Если даже иметь в виду тех, высокий уровень интеллекта которых не вызывает сомнения, то твердо убежденный в своих воззрениях физик, трижды восславленный историк и широко известный в узких кругах прикладник-исследователь — если и излагают свои взгляды на сей предмет, то авторски по-разному. Их выводы иногда сходятся, иногда почти сходятся. А порой и исключают друг друга. И однако же, совершенно очевидно: чем больше удается узнать о Времени, чем глубже проникаем в тайны этого вселенского феномена и чем активнее-азартнее жонглируем временными категориями, тем меньше знаем о нем. В общем, вопросов все больше, а ответов… Да и иные прежние уже привычные, обжитые со школьных лет ответы оно, Время, все чаще ставит под сомнения.

Время — тайна. Магия. Мистика. Сила-силища. Диапазон. Совокупность неведомых элементов, вечно и непрерывно строющих-разрущающих-строющих Вселенную.

Да-да, это наше вступление также вышло похожим на драматический монолог из классики. Не сочтите за вульгарное подражательство, просто таков уж предмет разговора — явление Времени; вступая в это великое бескрайнее пространство невольно вовлекаешься в интонационный пафос. Не под таким ли впечатлением Иммануил Кант однажды выдохнул: *«Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них,— звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас»*. Хоть макрокосм, от каждого из нас и далее во все стороны до бесконечности, хоть микрокосм внутри нас — и тоже бесконечный — все это в нем, во Времени.

Поскольку самая неопределенная уйма времени ушла у человечества на размышления этого круга, постольку правомерен вывод: нам толковать об этом также можно бесконечно. Но, увы, если у Времени этого самого времени сколько угодно и торопиться ему некуда, то… пусть эти слова не вполне деликатны, время каждого из нас отнюдь не беспредельно. И транжирить его не имеем права.

Вы прекрасно знаете, в связи с чем мы здесь собрались и помянули сегодня всуе Его Величество Время. Название этой главы тоже не случайно. Здесь и сейчас Время нас интересует, как метод концептуализации. Вчитайтесь в стенограмму задушевной беседы с Шефом. Как у Маяковского: «…о времени и о себе…»

– *Как это там в сказках говорится… Жил да был человек. Жил. Был. Пока не умер. Нет-нет, мрачновато что-то выходит. Начнем сначала. Живет один замечательный человек на прекрасной планете Земля. Живет себе, тихо-мирно, вершит свое «хочу-буду». Конечно, происходит это среди других, ему подобных. И он не может этого не знать, не видеть, не слышать. Но как-то особенно об этом не размышляет. Как впрочем, и о времени. То есть само по себе оно для него существует. Это он замечает по некоторым переменам в себе, на себе и вокруг. Сменяют друг друга времена суток и годов. Взрослеют дети, стареют взрослые. Что-то приходит надолго. Что-то уходит навсегда. В общем, у него немало оснований, как и у нас, воспринимать себя*

не только в пространстве, но и во Времени. Кто же станет отрицать существование прошлого, настоящего и будущего; вчера-сегодня-завтра. И то, что было нечто миллион лет до нашей эры и позавчера. И что — будет послезавтра и через триста лет. Даже при заурядной памяти так ли трудно вспомнить взрослому человеку что-нибудь из детства-отрочества-юности. И хотя мало кто задумывается о своей старости, все же есть и такие. И это тоже прогнозируют без особых усилий. Иные пробуют заглянуть и за горизонт своей жизни. Один очень остроумный человек, хоть и журналист,— был такой Станислав Ежи Лец — успокаивал знакомого: «Не горюй, даже старость и та проходит». Ведь это о чем? Да все о нем же, о Времени. Склонные к тому, чтобы в повседневной кутерьме остановиться-оглянуться листают в памяти страницы пройденного. Папа-мама, родственники. Школа. Работа. Семья. Вереница событий лиц, явлений — можно сказать — программа. Человек в цивилизованном мире уже не просто хомо вульгарис, он еще и социальное существо. Вторая природа, природа человеческого общества, властно навязывает ему некую социальную программу. Можно сказать: вечная программа Время. Хотя — парадокс: старшее поколение граждан СССР еще помнят ежевечернюю фундаментальную программу ЦТ «Время». Десятки миллионов к её началу старались оказаться перед телеприёмниками. Но, и она давно отошла в прошлое. Персонально же программа Время даётся каждому самой жизнью. Кому-то — альтернативно, на выбор (каковой, если всмотреться-вдуматься, не так уж и свободен, тоже чем-то мотивируется или лимитируется). Учат-воспитывают ведь не только и не столько, ясли, садик, школа — учит жизнь. И это самое Время. И как бы ни старались его провести — ну там, карты, домино, прогулки при луне и прочая тому подобная бессмыслица (кроме игры на деньги), но на вопрос: «Как провели время», самый простой и точный ответ: «время не проведешь».

Но не спроста человечество в целом представило это явление в виде некоего триптиха: прошлое, настоящее и будущее. Поговорим о птихе — 1. О прошлом времени. Разговоры о нем начинаются паролями «Это было недавно», «Давным-давно», «В доброе старое время», «В мрачную эпоху царизма», «Еще до войны», «Помню, я ещё молодушкой была…» и проч. и т.п.

То есть человек ориентируется, поделил свою жизнь на прошлое, настоящее и будущее. И живёт в этих трёх птихах. Точны ли эти ориентиры? Существуют ли они вообще?

Является ли прошлое временем, как таковым?

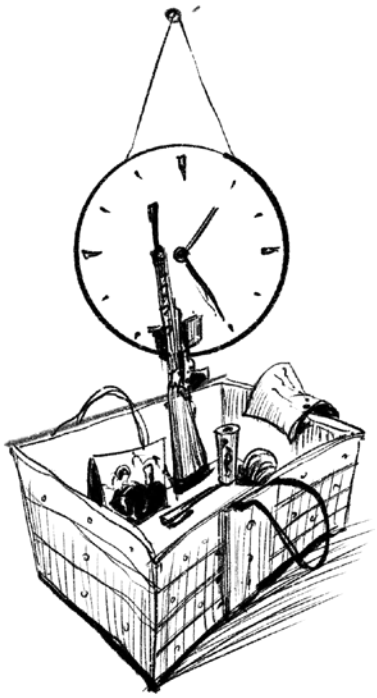
Нет, в этом-то весь и «цимес»: отрицать прошлое мы не можем, вот только временем оно… не является. Что такое прошлое? Говорят, самоё воспоминание — это время. Так, 10 лет назад было по-другому, то есть память и воспоминание — это разные категории? Абсолютно разные! **Прошлое и есть память.** Но память — это не время. И воспринимать память следует не как время, а как систему или машину, в которой хранятся данные прошлого.

Тем и отличается псих от нормального человека: для психа прошлое — это время. А для здорового человека прошлое — это память. Притом память не является самим прошлым, оно выступает неким агрегатом или машиной, в которой хранятся дан-

Прошлое и есть память. Если прошлое считать временем, то оно становиться настоящим. Настоящее исчезает, а будущее становиться равным прошлому.

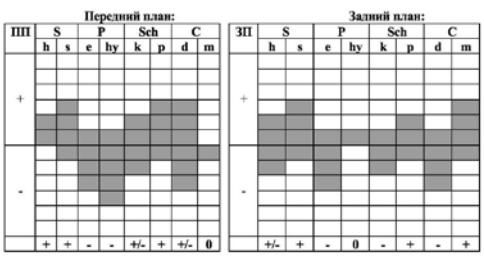
ные о произошедших событиях. И это только один из элементов памяти, маленький. По сути, информационные блоки накопителя памяти — это элементы памяти; если, скажем, взять в процентном соотношении — это 25 процентов памяти, всего-то. *Данные о прошлых событиях являются ничтожно малыми по сравнению с самой памятью.*

Пример для сравнения: вот как ящик может быть временем? (О так называемом *ящике с воспоминаниями речь*). Не может, это однозначно. Но многие люди считают иначе. Не говорят, что это время; «…вот 10 лет назад // вот 3 года назад // вчера // позавчера». И если осознанно произносим сии слова, то, чтобы сориентировать своего собеседника относительно события 3-дневной давности. Если для нас это бессознательное действие; и если считаем прошлое временем, а не памятью — начинаются неприятности в жизни. Притом вы не можете даже себе представить, насколько разнообразные и нелёгкие неприятности начнутся у человека, если он считает прошлое временем.

Что же происходит? Ну, когда человек *прошлое* вместо памяти считает *временем*? *В таком случае…* **прошлое становится настоящим.** Его же нет как времени! Оно существует как свод данных, а вы его хотите считать временем. Почему? Потому, как места ему там, в памяти, нет. Вот нет, как нет. Понимаете? И поскольку места ему там нет, оно вынуждено переместиться в настоящее. В свою очередь, **настоящее исчезает, а будущее становится равным прошлому.** К слову, тот самый создатель судьбопсихологии Липот Сонди неоднократно на это ссылался.

Допустим, вы временем считаете прошлое. Что из этого следует? Ничего особенного, просто — в таком случае ваше прошлое становится настоящим. Как уже сказано, настоящее исчезает, а будущее становится равно прошлому. Исследование Л. Сонди это ярко демонстрирует. Задний план (согласно тесту Сонди) показывает, что прошлое равно будущему.

Тест Сонди

Что же, теперь немного дёгтя добавим в нашу бочку мёда. Вы ведь слыхали, хоть краем уха — первого нужно совсем немного, ложку, чтобы основательно снизить качество второго. Или вообще его испортить. Итак, вы повторяете свое прошлое с новыми ошибками — нередко эти повторения длятся всю жизнь. Новые, так сказать, наступления на старые грабли. Тут удар по лбу неизбежен. Удовольствие — много ниже среднего. И больно, и обидно. Есть люди, как бы живущие переживаниями такого рода. Культивируют в себе отрицательные эмоции. Они, похоже, убеждены в том, что прошлое время существует.

Каково оно, мерило времени — как прошлого? Опыт, конечно,— тот самый опыт — напомним — который Пушкин метко называл «сыном ошибок трудных». Измерение прошлого как времени «выливается» в опыт. Достаточно прекратить считать, что прошлое — это время, и начать понимать, что это всего лишь машина, в которой хранятся данные о прошлом — как все кардинально поменяется. А что изменится? Что произойдёт, когда мы наконец-то поймем, что прошлого не существует? И что это — всего лишь данные в машине памяти? Как только мы поняли, что никакого «времени прошлого» не существует, приходит другое понимание. Так, существует машина, по сути, компьютер, у которого есть жесткий диск, а на этом жёстком диске хранятся данные о прошлом — **история**, короче говоря. У нас появится объект, подлежащий исследованию. То есть машину можно исследовать, машину можно отлаживать, переделывать, тюнинговать дорабатывать, накачать шины — да что угодно. Со временем ничего подобного сделать нельзя. Время нельзя исследовать, нельзя переделывать, нельзя, так сказать, накачивать ему шины; то есть любая машина подлежит исследованию (пониманию устройства ее эксплуатации) — и значит, памятью можно пользоваться. Временем пользоваться нельзя. Достаточно посчитать прошлое временем и у вас память станет неуправляемая; ваша жизнь автоматически перестроится: ваше прошлое станет настоящим, а будущее жутким. Другими словами, прошлое — всего лишь данные на жестком диске, и с этого момента их можно использовать; с ними можно что-то делать, в том числе, и стирать с компьютера (так, можно удалить данные). По факту, психологический механизм срабатывает так, что посчитавшие память временем, превращаются в людей, постепенно, шаг за шагом движущимися в состояние «псих».

– Что вы скажете, Олег Викторович? Почему так?

– Нет-нет. Это не я сказал, а Липот Сонди. Он сказал: есть 8 дорожек — 8 путей как двигаться в состояние «псих». И что «норма — это разбавленная патология». Так что все претензии к господину Сонди. Как только вместо «машины» появляется «время», норма становится разбавленной патологией. Иными словами, у вас есть 8 дорожек и они всего лишь показывают на измерителе близость к тому или иному психиатрическому заболеванию. Вот и все. Вам и напрягаться особенно не нужно; представьте, человек — волшебник, маг. Ему достаточно посчитать, что память — это время и он становится психом. Понимаете?

В общем, вы уже поняли почему мы начали разговор о концептуальных особенностях человека. Подумайте о том, что скажете сами по этому поводу. Освоили ли, усвоили ли вы мысль: если прошлое — время, то оно становится настоящим. А будущее исчезает вообще, потому что становится прошлым. В памяти нет времени; память, при всей сложности этого явления, есть безвременное состояние. Система переструктурируется, если одни категории заменяются другими нефункциональными — и человек как бы ходит по кругу, повторяя в жизни одно и тоже. Таким образом, он прибывает в замкнутом круге, поскольку прошлое тянет настоящее и потом становится будущим.

ПРОШЛОЕ И ЕСТЬ ПАМЯТЬ. НО ПАМЯТЬ — ЭТО НЕ ВРЕМЯ.

ПАМЯТЬ ЕСТЬ БЕЗВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. СИСТЕМА ПЕРЕСТРУКТУРИРУЕТСЯ, ЕСЛИ ОДНИ КАТЕГОРИИ ЗАМЕНЯЮТСЯ ДРУГИМИ НЕФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ — И ЧЕЛОВЕК КАК БЫ ХОДИТ ПО КРУГУ, ПОВТОРЯЯ В ЖИЗНИ ОДНО И ТОЖЕ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, ОН ПРИБЫВАЕТ В ЗАМКНУТОМ КРУГЕ, ПОСКОЛЬКУ ПРОШЛОЕ ТЯНЕТ НАСТОЯЩЕЕ И ПОТОМ СТАНОВИТСЯ БУДУЩИМ.

На всякий случай, повторим или, точнее, потроим и почетверим: если вы посчитали прошлое временной составляющей, тут же прошлое автоматически стало настоящим, а будущее исчезло — поскольку превратилось в прошлое. Прошлое может стать временем только в будущем. Так что вы вроде как волшебники. Можете просто посчитать, подумать, убедить себя в том, что прошлое — именно время, а не машина, в которой лежат данные; и автоматически ваша жизнь резко изменится. Хотя вы этого, возможно, даже не заметите. Такую манипуляцию часто ли человек проделывает? Или желания — как они возникают у человека? Я волнуюсь. Я страдаю. Я переживаю. Душевный дискомфорт. Как так? Что это такое: пе-ре-жи-ва-ни-е?

Как заметил один остряк по-украински — «Десь є досьє». Представьте, как вы «беседуете со своей же памятью». В одном из кабинетов библиотеки вашей памяти сидит какая-то дрянь. Ну, как есть, кикимора. По поручению некоего департамента или даже по своей инициативе, листает ваше досье. И пролистав, вас шантажирует. Что-то вроде того: «Ты что же себе думаешь, трах-та-радах-так-так! Шуруешь там, себе, и этого никто не видит, не слышит? Я все про тебя знаю! Тебе — конец! Но есть разговор…». Ну, совсем, как *ильфопетровский* О. Бендер; помните, как он расколол бухгалтера из «Геркулеса»: «Вы — конченный человек, Берлага. Но, мы будем разговаривать». При таком обороте дела, так ли уж трудно реконструировать внутреннее настроение — ваше и Берлаги. Нелегкое волнение, зыбь, переходящая в страдание. А телефон все наяривает: «Все твои «художества» вот они — передо мной. Запротоколированы. Напомнить тебе прошлое лето? А позапрошлое? В университете? Что у тебя было с рыжим? Это пока строго между нами: знают только он, ты и я. Но я знаю немножко больше, чем он». Ну, возрыдаете вы тут, нет ли — это зависит от состояния ваших тормозных процессов. Попросту: развит ли ваш навык держать себя в руках. Но удовольствие наверняка — много ниже среднего.

Это еще и потому, что в дешевом третьесортном шантаже активно участвует ваша память вкупе с воображением. Она тревожит вас и тем, что не было или было на копейку, а теперь выглядит на рубль. И возвращает вам даже то, о чем шантажист и не заикался. Таково оно, это *чертово колесо*. Что делает шантажист? Как говорят блатные, берет на понт. Выказывая тем самым недюжинные психологические способности и знание человеческой натуры. Хотя, скорее всего, наших занятий не посещал — природное, талант. Но вы-то скорее всего в эту минуту полагаете, что «Десь є досьє». А может, и в самом деле есть? И кто-то знает? Естественная реакция: что нужно для того, чтобы никто не знал? Ну, можно пойти на поводу у шантажиста. Чтобы отвязался. Но даже опыт кино-телезрителя тут же вам подскажет: гарантии нет. А что, если… Превратить данные во время? Время точно никто узнать не сможет, оно не подлежит исследованию. Этот фильм сведет шантаж на нет. Тут же исчезает библиотека, кабинет, стол кикиморы с мнимым вашим досье. Ну, и сама кикимора. Вы успокоились? Хотя нельзя исключать того, что найдутся люди, надуманные или реальные данные, превращенные в линию, обратно превратят в библиотеку, в кабинет, в папку на столе и мерзопакостное чтение данных. Может опять возникнуть компромат.

Пока память — не время, а машина, с этим всем что-то можно сделать.

Пока память — не время, а машина, с этим всем что-то можно сделать. Стереть память. Сжечь папку. И тогда до нее, надуманной или реальной, никто не докопается. Но как только человек отказывается управлять этой библиотекой, превращает ее во временную линию, могут явиться другие — восстановить статус-кво. Превратить временную линию обратно в библиотеку. Получить искомую папку и распорядиться ею.

Считающий, что прошлое — время, с этим вообще ничего не может поделать. Сказал себе: памяти нет, есть время. А с временем что поделать. Тем более — с прошлым. Оно конечно, человеку мыслящему, человеку знающему, очень нередко в истории, что-то хочется изменить. Вчерась, третьего дня, прошлой весною — это глубоко личное. В октября 1917 года. Или в июне 1941 года. Или 350 лет назад, в канун Переяславской Рады. Увы, как говорится, руки коротки. Что было — то было. Если, разумеется, и впрямь было, а не просто переписано благодаря феноменальному терпению бумаги. Ну, вот возьмите, некто стал политиком. Довольно быстро находятся другие, превращающие время в здание, оттуда достают папки и давят на его психику. Не сговорились? Компромат поплыл в интернет и на форум. А за потребителем дело никогда не стояло. Пипл хавает.

Представьте, что подобное переживаете сами. Шантаж вроде бы со стороны, но ведь вы — не Бог. И стало быть, не безгрешны. И ваша память немедленно станет возвращать вам же свои залежи. Самошантаж. Тревога, печаль, может быть даже террор (в переводе с лат.— *ужас*) и прочие болезнетворные эмоции. А если наоборот. Если вы относитесь к этому, как данным в памяти, вам нечем себя шантажировать. Хозяин библиотеки едва ли станет этим заниматься по отношению к себе. Вам ваши книги и папки нужны для другого.

Таким образом, данные в памяти могут быть и полезны, и вредны. Человек нередко думает о том, что негативные данные в этих папках в его распоряжении и потому нейтральны. Но ведь в совсем другой книге сказано категорически: нет ничего тайного, чтобы не стало явным. Фраза эта достаточна для того, чтоб оппоненты свою память превратили во время. Целенаправленно или даже сдуру да сослепу. А между прочим, все ли тайное становится явным? Поэт восклицал: «О, сколько нам открытий чудных готовят просвещенья дух!». О, сколько уже приготовил! О, сколько все еще приготовит! О, сколько открытий чудных объявилось после ухода тех или иных поколений, да так и не досталось им. О, сколько всего тайного стало явным уже после ухода из жизни тех, кто продолжил путь к этим открытиям и жил ими, ради них!

А по самому большому счету, поскольку материя бесконечно вариативна и во времени, и в пространстве, а первооткрыватели (равно как и все остальные) не вечны на Земле, вместе с ней самой — о, сколько нам открытий чудных просто не дождаться. Мысль невеселая, но мы же договорились о здоровой дозе цинизма. Смотрим на вещи только прямо и называем все только своими именами.

Кстати, относительно тайного и явного: куда более локальный пример — события, личности, факты, явления, задокументированные еще за царя Гороха и революцией 1917 года обещанные обнародованию, до сих пор замурованы цементом марки «Строго Секретно». Когда это неизвестное, наконец, станет известным? Скорее всего нескоро. И, как добавляют наиболее продвинутые публицисты, может быть — и никогда.

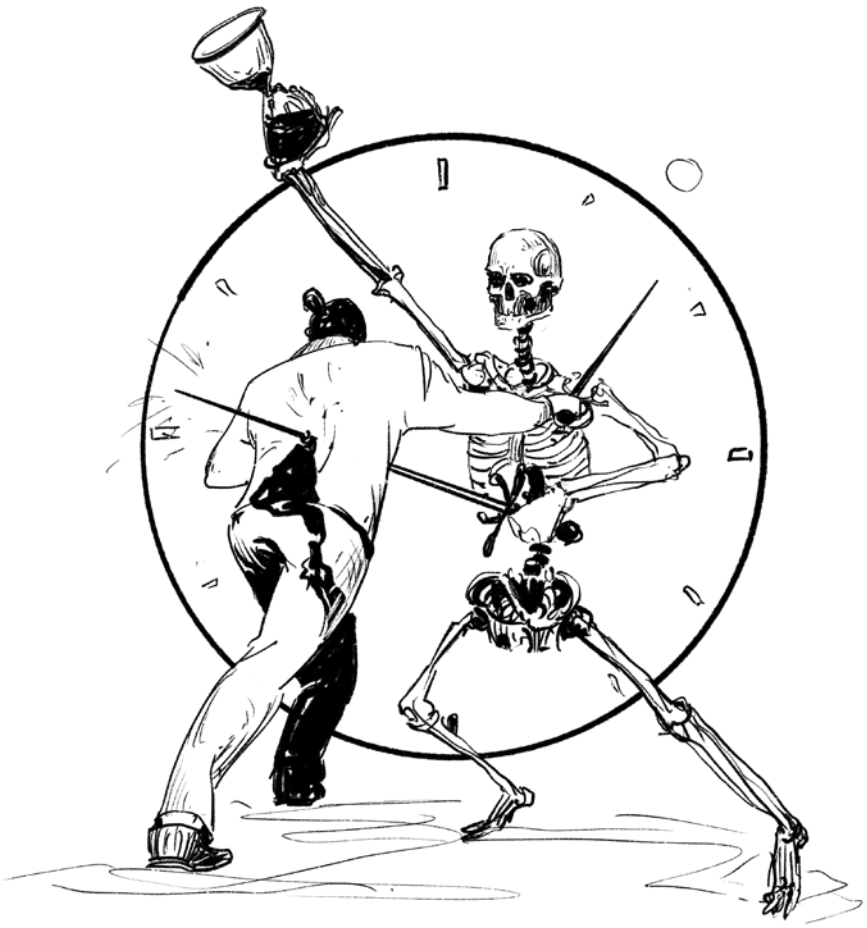
Но в нашем разговоре, даже не это самое интересное. Оказывается, человек-то — колдун. Но колдун никудышный. Может превращать все что угодно во все что угодно. Смеяться над другими и над собой. Но нередко он просто необразованный дурак. Заведомо тупых не берем — они не так чувствительны и слишком невнимательны к своим эмоциям. А вот люди, так сказать тонкие, чувствительны, с высокой разрешающей способностью мировосприятия и мироощущения. Эти почти сплошь — мученики, страдальцы, печальники. Есть мнение о том, что здесь следует говорить не столько о страданиях, сколько о самошантаже. Страдает воин, получивший ранение в бою. Страдает больной, тяжко расстающийся с жизнью. Такие страдания признает и откровенно не интеллектуал, не психоаналитик, любой примитив. А как квалифицировать печаль, тоску, страдания человека материально обеспеченного, физически здорового и сытого в распоряжении, которого находятся блага цивилизации? Не вернее ли сказать, что он сам себя шантажирует? Что создает и просто поддерживает атмосферу печали, тоски и страдания? Не происходит ли все это в машине времени? Память. Она шантажировать не умеет. Она может просто функционировать, отвечать на команды, на нажатие кнопки или тумблера. Неспособен компьютер заведомо расстраивать и шантажировать. И не следует фантазийно его наделять человеческими свойствами.

Вообще говоря, в художественной литературе фантастической тематики имеется нечто в этом роде. Машины человеческим гением достигают такого совершенства, что производят сами себя, все более сложных, вступают между собой в непростые отношения, самопрограммируются. И уже не очень нуждаются в человеке. Более того, гораздо более того: уже поглядывают на него искоса. Он им мешает… Такие сюжеты тоже полезны для ваших размышлений, равно как и то, что в хорошей, настоящей, художественной литературе отнюдь не чуждо позитивное восприятие таких состояний души, как задумчивость, печаль («… печаль моя светла, печаль моя полна тобою»), грусть, тоска вплоть до хандры.

Вы это встретите у некоторых лирических героев тех произведений и авторов, востребованность, жизнеспособность которых доказаны самим временем, позволившим почему-то читателям и зрителям пережить их на десятки, сотни и даже тысячи лет. А что сегодня круг потребителей этой продукции гастрономически сузился — так ведь он и никогда и не был особенно широк. И всякий уважающий себя

искусствовед подтвердит: узость эта характеризует не авторов и их произведения, а именно потребителя. С точки зрения таланта и класса творческой продукции так ли уж существенно — лирический герой… это тихий, скромный, одинокий, духовно самодостаточный печальник, вовсе не ведущий за собой к новым вершинам. Или — он полный физических и духовных сил. Энергичен в быту и труде, семимильными шагами приближается к намеченной цели, все сметая на своем пути, олицетворяя жизнелюбивый оптимизм. Парадоксально: именно такая доктрина была основательно заложена в идейно-тематический фундамент так называемого социалистического реализма. Когда всё остальное ермиловщина (по фамилии не в меру энергичного советизированного критика) объявляла антисоветчиной. На этом горели и Гумилев, и Мандельштам, и Цветаева, и Зощенко, и Ахматова — по произведению и личностям которых принималось даже специальное постановление могущественнейшего ЦК КПСС. Между тем значительное число живописцев, графиков, скульпторов, монументалистов, поэтов, прозаиков, драматургов в своем творчестве воспевавших бодрячков-рационалистов и шельмовавших склонных к падению духом и унынию так и остались где-то там, в дурно пахнущем тумане прошлого.

Само собой, этот не значит, что такие крайности, как самозабвенные нытики, патологические пессимисты и мизантропы — поголовно талантливы и достойны примера. В реальной свистопляске жизни еще никому не помешали психическая устойчивость, воля, умение держать себя в руках и подбадривать других, трезвость, здоровый рационализм. Но и по этому поводу требуется встреча. Пока же — переведем дух и поразмышляем над пройденным. Игры со временем только начинаются.

18 ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ.
ИЛИ РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

НАША ПАМЯТЬ.

Тот ещё шантажист, если играть с ней не по правилам и невежливо.

Да и зачем вообще с ней играть, если это, по сути, просто робот? Он разумным быть не может, но человек его делает именно таким. И делает чаще всего — намеренно. То ли от великой грусти, то ли от несбыточной радости.

Если говорить языком психологии, получается так: нам кажется (из-за непонимания того, как со временем обращаться), что память — разумна и что она шантажирует нас, своих хозяев. То есть человек придумывает себе такую ерунду (мерзкий кинофильм?) сам. Да, сам себе придумывает, сам с собой беседует на тему. Оно бы, в общем-то, ничего. Да вот незадача: даже рассказать о нём толком и не кому. Кому вообще всё это нужно? Никому.

Каждый или почти каждый своим кинофильмом занят. Что называется — публичное одиночество. А в этом состоянии мало места радости, бодрости да вдохновению. Зато открывается широкий простор для маневра тревоги, печали, тоски. Печали — вплоть до хандры. И прочих сумеречных настроений, певцом каковых отечественные снобы когда-то называли Чехова. Хоть и был он, в отличие от некоторых своих лирических героев, человеком редких жизнелюбия и жизнерадостности. Носителя такого мира ощущений, культивирующего в себе замкнутые страдания, считают равнодушным ко всему прочему. И почему-то называют философом и мудрецом. Против чего возражал сам Антон Павлович: «Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть» («Скучная история»). Мы уже упоминали тех, чей мир подобных ощущений порождал большие открытия в науке, литературе и искусстве. И тех, кто в таком мире ощущений не только ничего хорошего не порождал, а очень даже — наоборот. Как шутили в старом КВНе, «Дорога начинается с порога, море начинается с реки, горы начинаются с отрогов, шпионами становятся с тоски…».

Да-с, чрезмерная устойчивость отрицательных эмоций, бывает, приводит к самым печальным и неожиданным результатам. Как, впрочем, и — положительным. Значительное кружение головы от достигнутого также мало способствует нормальному движению вперёд. Даже и в значительном масштабе. По-своему забавно: когда-то именно этот тезис выручил самого Сталина. Директивно спровоцировавший в огромной аграрной стране сплошную скорострельную коллективизацию, он вскоре обнаружил глухое и небезопасное для власти сопротивление крестьянства. Но был на выдумку хитёр: объявил виновниками низовой актив — партработников на местах. Мол, перестарались. На радостях погнали лошадей. Так вот, его передовая статья в газете ЦК ВКП(б) «Правда» (миллионным тиражом и отдельной брошюрой) так и называлась: «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ».

В общем, всё хорошо в меру и к месту. Мудрость, конечно, обывательская, но неопровержимая. Оно, конечно, вторая природа в психологии её представителей не менее разнообразна, чем первая, основная и главная. Как говорится, у Бога — всего много. Встречаются, хоть не так уж и часто, этакие Кисляи Кисляичи, умы и души которых даже при самых удачных обстоятельствах находят мотивы для кислятины. Отгородиться от бренного мира портьерой печали, занавеситься вуалью тоски — префикс-идея, на воплощение которой у них не уходит много сил-времени. Синтез таких настроений создаёт в их микрокосме особого рода уют, которым они, конечно же, очень дорожат. Но, вероятно, суть странного этого явления лежит в стороне от нашей с вами магистрали. И более относится к душевному садомазохизму, то есть — к сфере психопатологии. Людям, не чрезмерно отдалённым от психонормы, всё же свойственно стремление к комфорту радости и уходу от горя-печали. Упорный поиск отрицательных эмоций, успехи в этом направлении и тщательное сбережение найденного как раз и приводит к само-шантажу.

Помнится, Шеф частенько говорил: честному человеку бояться нечего. Если, конечно, нечего. Оговорка такая весьма полезна. Жизнеустройство общества на самых разных уровнях не лишено некоторой, как бы это помягче выразиться,

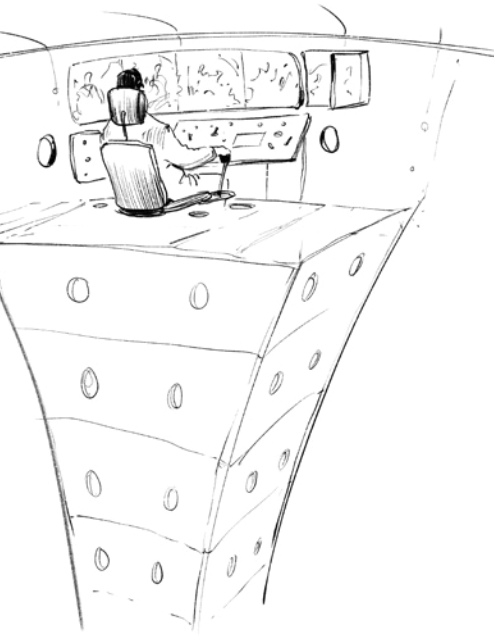
дисгармонии. Как заметил классик, «Говорят: в конце концов, правда восторжествует. Но это неправда».

Обстоятельства ведь бывают очень разные. И одним мудрым-верным-справедливым тезисом всех их не исчерпать. Это нам не пифагоровы штаны. Во многие стороны равны. Но — не во все. Конечно же, не стоит опасаться того, что «нечто всплывёт» — ежели и всплывать-то нечему. Мания преследования — не в счёт. По логической норме (она же — психологическая), нет предмета шантажа — нет и переживаний — эмоций. А если… есть? Ну, допустим — так: порядочнейший, благороднейший муж, вдруг влюбившийся не в жену. Или в жену, но не свою (сердцу-то не прикажешь)… Или — так: честнейший офицер, агент разведки, по легенде (враньё!) внедрённый в стан врага и носящий чужую, чуждую, ненавистную форму… Артист, не любящий страну прописки и играющий роль горячего патриота… Подчинённый, люто ненавидящий начальника и притом целиком зависящий от него… Собственно, у тех, у кого так или иначе рыло в пушку, есть шанс сфальшивить и «проколоться», есть чего опасаться. Хотя далеко не все полпреды этого разряда едят и доедают сами себя. На сей случай имеются даже специальные артистическая и разведывательная школы, очень близкие друг другу. Людей, которые пожизненно врут (рыло в пуху, есть чего скрывать), учат делать это мастерски. Но это — исключение. Мы же толкуем о значительном числе простых смертных современников. Кисляи — кисляями, они по определению всегда будут искать тугу-печаль. А кто ищет — тот… сами понимаете. Как говорится, свинья всегда грязь найдёт. Взрослый-зрелый, волевой и целеустремлённый, отвечающий за себя и других землянин будет жизнедействовать в любом настроении. И вида не подаст.

Человек обычно знает, как и почему у него воооо-оо-ооот такое вот рыло в пуху. В этом смысле, про себя он знает всё. Просто порой предпочитает не помнить. Говорят, «Наша память много реже подводит нас, чем мы — её», И причина «рыла в пуху» в его памяти, как заноза. Саднит. И дразнит: «Как бы забыл? А я как бы напомню! И не только тебе! Все про тебя узнают…». Даже у самых тупых тут — переживания.

Видим-видим, не узкий круг читателей удивлены: ну, вы скажете, ей Богу! Другие-прочие — ладно; но с какой стати мне самого себя есть поедом? Самого себя шантажировать из-за скелетов в шкафу? Как у коллеги вашего, Ярослава Гашека в «Швейке», отплёвывался слуга художника, уличённый в краже драгоценных камней иконы: «Ну, было. Было! Так что же мне теперь — кровью блевать?». У каждого что-то было. За каждым что-то есть. Во всяком случае, о многих речь. А многие ли себя едят-доедают? Если же, всё же, такое со мной, скажем, возможно… то я ведь могу не за себя переживать, а за другого человека? Или — за других? Или вообще — за дело? Что в таком случае?

А позвольте вопрос, милостисдари! Переживаете ли вы за этого самого… за другого человека? Или вам только кажется, что вы переживаете за него? **Представим его — некий механизм переживания за другое лицо.** На деле он весьма эгоцентричен. Механизм переживаний вообще включается только в личностном поле. Где, собственно, и дислоцирован природой. И, стало быть, переживать за кого-то или за

что-то в прямом смысле человек просто не может. Ему нужно прежде умозрительно увидеть некую ситуацию. Стать своего рода зрителем. Как бы со стороны, как положено зрителю — в кино, скажем. Или в театре. У телевизора. Зритель ведь тоже сопереживает. Радуется, негодует. Стыдится за иного персонажа. Бывает — верно?

Итак, умозрительный просмотр ситуации и воображаемое участие в ней. Хомо сапиенс по-другому переживать не умеет. Только как зритель — причём, сочувствовать не расшифрованному режиссёром по сценарию или пьесе, не сыгранному профессиональным артистом разной степени дарования персонажу, а реконструированному вашими глубоко личными памятью и воображением. И только из прошлого. Древнего, давнего, минутного. Но — прошлого. Память, как история — всегда прошлое.

Итак, машина, где хранятся данные, что и есть (в обывательском смысле) наша память. Она сама — безвременное состояние, т.е. прошлое в ней не существует. Однако нередко существует некая история, которая вас беспокоит. Саднит. Напоминает о себе.

Машина, где хранятся данные, что и есть (в обывательском смысле) наша **память**.
Она сама — безвременное состояние, т.е. прошлое в ней не существует.

Машина! И если уместна такая ассоциация, машину нужно научиться водить. А как же научиться водить память, если… памяти не существует? Дело, собственно, обстоит так: современная наука считает память функцией, то есть временем. И, если категории именовать как положено, без толерантностей, эта игра в определения имеет свои последствия. В частности, подменяющие понятия и принимающие эту подмену, просто становятся… можно сказать… дебилами. Ну, или выберите своё слово, «более мягкое». Олигофрен, скажем. Или имбецил. Как угодно. Вспомните, как называют человека, который смотрит на табуретку, тычет в неё пальцем и кричит «медсестра!»…

Машину нужно научиться водить.

Что-то в этом роде или близкое к этому происходит в науке нашей. Академической. Звучит гордо, а толку… Давнее, даже древнее дело. Общий возраст науки — весьма почтенный. Между прочим, предмет и явление Память находится в её поле зрения почти столько же, сколько существует она сама. Величайшие Знайки и задолго до Рождества Христова, и после не могли не обратить внимания на неё. Не говоря уже о литераторах — поэтах, драматургах, прозаиках, публицистах и науко-популяризаторах. И всё же, всё же, всё же — увы, в общем и целом, в науке практически почти ничего о памяти нет. Для учёного сообщества Память до сих светлых пор — Terra Incognita. И на карте этой Неизвестной Страны — нет-нет, не множество белых пятен: одно почти сплошное такое пятно.

Подумать только! Человечество руками и жизнями лучших своих представителей, учёных, за парочку эр биографии постирало белые пятна в Арктике и Антарктике. На неприступнейших хребтах гор и таких же безграничных, казалось, песках пустынь. Обозначило на карте Мира берега-проливы-заливы-острова и полуострова, о которых ещё относительно недавно даже не догадывались. Да что там, белые пятна постирали на карте естественного спутника Земли. А о том, что у нас и в нас, о Памяти практически ничего не знает.

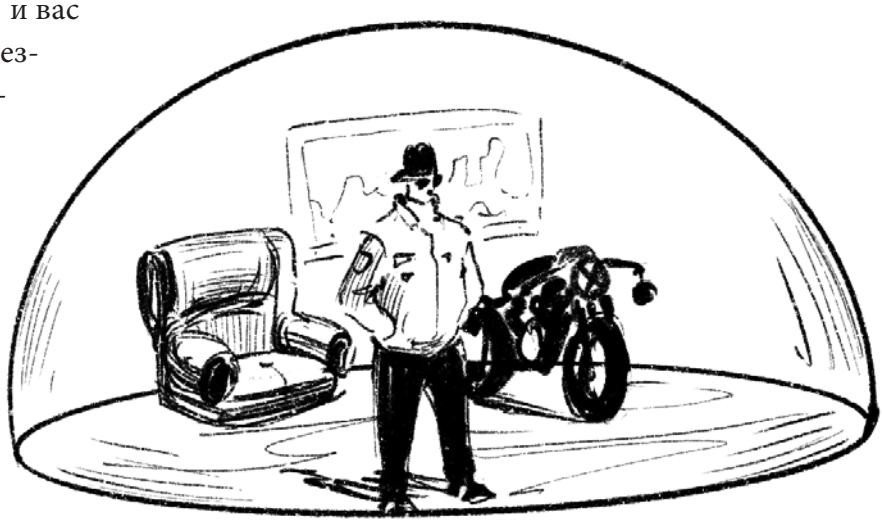
Настоящее — это то, что контролирует система вашего сознания.

Ну, не то, чтобы вообще нигде ничего о ней не слыхать. Нет, конечно. Но как только её не трактуют! То память превращается в сознание, то в функцию психики, то в «мировое наследие, к которому человек подключён спец-каналом в виде шланга»… Вот уж, воистину — из печального Демона — М. Ю. Лермонтова: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». И где человеку туевому (здравомыслящему) «неоткуда» почерпнуть данные о памяти. Просто даже источников нет. А исследования, связанные с памятью, закрыты.

Будущее — это проект. То есть представление о том, как, вероятно, будет.

Что же, довольно о прошлом и его печалях. А что же такое настоящее? Всё, что существует в силу наличия у человека сознания. Иными словами, память к настоящему не имеет никакого отношения; настоящее — то, что контролирует система сознания. А система сознания принципиально является точно такой же машиной, как и память.

Давайте ещё раз. **Настоящее — это то, что контролирует система вашего сознания.** То есть, находясь безусловно в настоящем времени; осмыслять себя в этой реальности за счет того, что у вас есть сознание. А теперь так: уберите сознание… и вас не станет. Кстати, есть такие болезни — врождённого, инфекционного, травматического происхождения, когда убирается сознание. И вас — нет. То есть для других (скажем, родных и близких, врачей, борющихся за ваше возвращение к норме жизни) вы есть. Но для вас самих вас нет. Тьфу-тьфу-тьфу, не про присутствующих будь сказано.

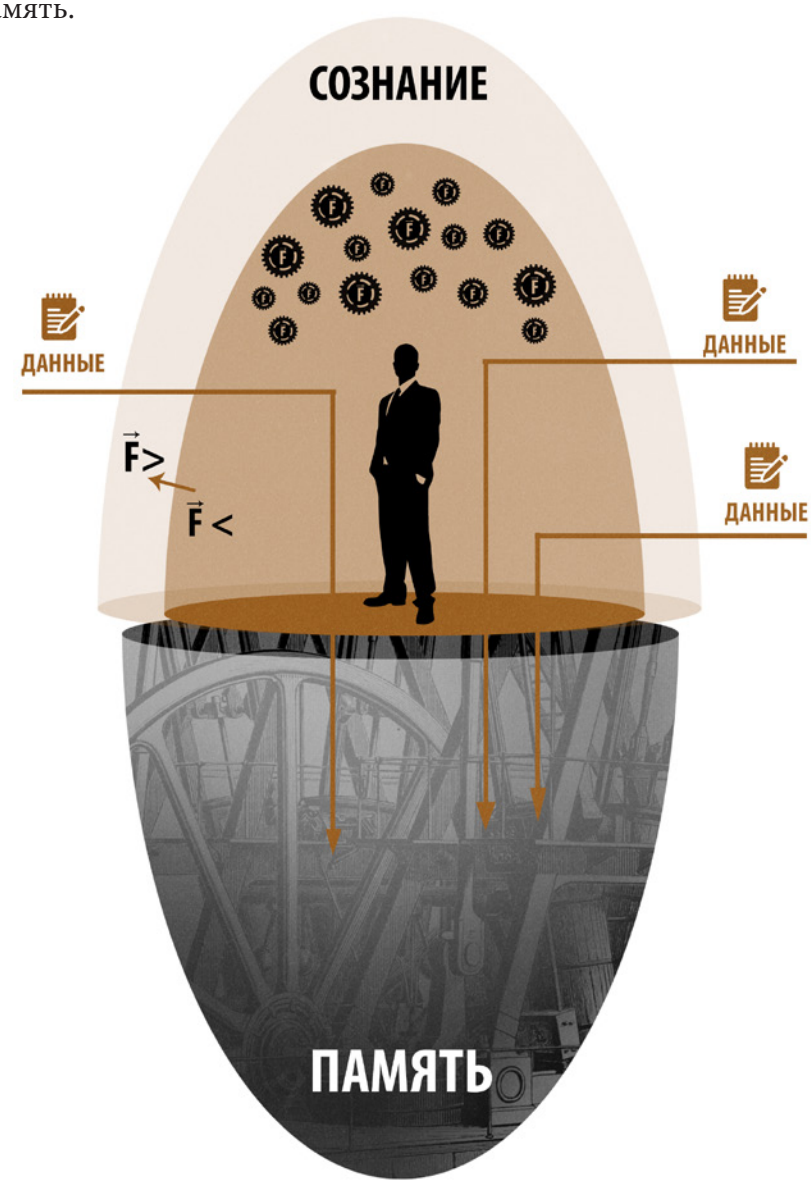
Переходим от теории к практике. По сути, ваше настоящее зависит от наличия сознания и от способности самоуправляться с ним. В науке сознание ещё именуют «геометрическая функция духа». Знать это полезно. Запомним. И продолжим наши игры. Чем ценно данное рассуждение? Как минимум, следующим: **если вы не думали всерьёз о сознании человека вообще, о своём сознании, мало этим интересовались, ничего не знаете о своём собственном сознании, значит, ваше настоящее неконтролируемо.**

Сознание — много меньше и слабее памяти. То есть память — это огромная машина. С чем сравнить? С многоэтажным зданием. Даже — с небоскрёбом. А сознание — геометрическими параметрами поскромнее (высота, ширина, длина) машина, с виду не выше одного этажа. Тем не менее, сознание — машина рабочая, в системе «Человек» не случайная. Включённая в неё — уж, там, эволюционно или одномоментно, а только определённо не лишняя, вроде отростка слепой кишки (аппендикс), и не подлежит удалению. Жизненно необходимая, если иметь в виду собственно человеческую жизнь, а не животное существование. Да и с иными полпредами животного мира пока всё ещё не без неясности. Сознание реализует геометрическую функцию; без неё не было бы человеческого восприятия всего сущего, внимания-понимания и так далее. Можно сказать, без сознания не было бы у нас и сознательности. Вспомним эпизод знаменитого «Места встречи…»: при засаде бандит убил милиционера, а его товарищ даже не снял оружие с предохранителя. Струсил. И оправдывался потерей сознания — от удара по голове. «Ты не сознание, ты сознательность потерял!» — резюмировал Жеглов. И сам того не ведая, вторгся в пределы нашей темы-идеи. Случайно ли созвучны эти термины: «сознание» и «сознательность»? Бывают ли такие случайности…

Более того, сознание может расширяться (увеличиваться), сокращаться, и прочее. И получается так: у кого-то сознание ограничено его квартирой или кварталом, а у кого-то оно простирается чуть ли не за пределы Солнечной системы. И в бесконечные глубины своего собственного микрокосма. Для людей, по природе любознательных (а других читателей-слушателей у нас нет), это, конечно, всё здорово и интересно. Но суть, как говорится, в ином. Есть и такое мнение: проблема сознания — в **силовой функции; то есть, чем больше геометрия, тем больше силы нужно, чтобы управляться с содержанием этой геометрии.** Именно поэтому человек выбирает оптимальное для себя состояние сознания: тот объём геометрии, на который хватает его силового компонента. Допустим, не хватает у человека некой силы для того, чтобы управлять содержимым сознания размером с город. Но размером с семью или — с фирму, возможно, хватает. Ясно — где он себя реализует, может быть, эффективнее. И где будет «быть», а где — «казаться». То есть, чем шире сознание, тем больше силы нужно для управления этой системой. Так, геометрическая функция тянет за собой силовую. Сознание содержит 16 силовых агрегатов, которые позволяют генерировать эту силу. Представьте себе это, как 16 двигателей под капотом одной машины, которая умеет менять свои размеры и регулировать мощность да силу.

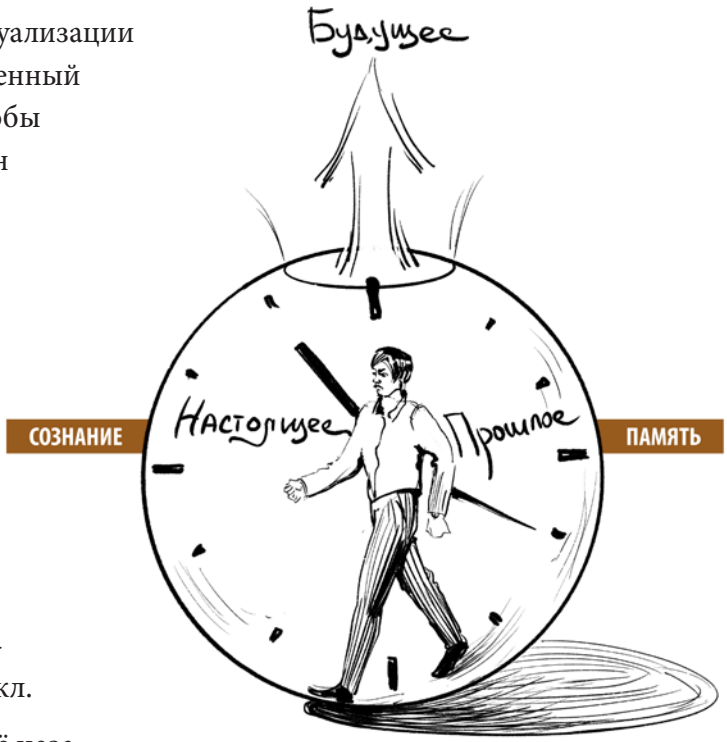
А теперь в это описание добавим немного «динамики». Поговорим о данных. Так, данные именно из сознания попадают в память. То есть сознание — поставщик данных в память.

Хорошо, а что же такое Будущее? То самое — «эфемерное», «сумрачное», непроницаемо сокрытое от нас, как утверждают иные категорически. Скажем и своё слово: Будущее — это… пустота; там ничего нет. Ну, пока — нет. То есть пока оно — именно Будущее. Поэтому оно для нас, помните, как то тургеневское — утро туманное, утро седое… **По сути, будущее — это проект. То есть представление о том, как, вероятно, будет.** Если, конечно — будет. Всего лишь на всего проект, желанный и потому подталкивающий человека к его планированию и воплощению в жизнь.

Разумеется, это не исчерпывает предмета. Не так уж редко оно, будущее, сквозь уже воспетый туман вырисовывается в нежелательном для нас и даже опасно-тревожном виде. Что мало вдохновляет и вызывает желание замедлить движение к нему. Потому что, ясное дело, такой проект лучше рассматривать издалека. Что, кстати, далеко не всегда не от нас зависит. Как там, у Ильфа-Петрова: пока одни твердили, что время не ждёт, а другие уверяли в том, что оно терпит — время шло своим чередом.

Будем ли мы сознательно работать над проектом будущего, копить силы-средства для его воплощения, станем ли его перепроектировать, плюнем ли на всё и сядем у моря ждать погоды — будущее всё равно перейдёт в другое качество. То есть приблизится. И станет настоящим. И что-нибудь да принесёт. Как сказал один доморощенный мудрец, «Пусть будет, как было. Ведь как-нибудь да было. Никогда так не было, чтоб никак не было». Никогда не было и — чтобы никак не стало. Уж как-нибудь да станет. Но — то ли, что было так желательно? А что, если получится крайне нежелательное? Чудеса бывают, но — редко. На то они и чудеса. Обычно люди, даже осознающие отсутствие страховой гарантии, всё же и тратятся на такое проектирование и на его перепроектирование. И огорчаются отрицательной разницей между задуманным и полученным. И тем же аллюром едут дальше.

Будущее от них требует осмысления, концептуализации и реализации. И для этого требуется качественный план. Вспомним булгаковского Воланда: чтобы чем-то управлять — точнее будущим — нужен план. **А для реализации будущего понадобится и память, и сознание одновременно.** То есть человек должен уметь пользоваться и памятью, и сознанием.

Мы могли бы представить память в виде автомобиля о четырёх колесах, а сознание — мотоциклом, соответственно, на двух колесах. Если бы мы сравнивали или прототипологизировали эти две машины человека, с достаточно уверенностью определили бы эвристически: память — это автомобиль, а сознание более похоже на мотоцикл.

То есть сознание быстрее памяти. Но вот ещё незадача: сознание может пользоваться только данными, находящимися в памяти или данными, которые вот-вот отправятся в память. *Так, у сознания 2 вида данных: те, что уже N-времени в памяти, и те, что вы получили сейчас.* Данные второго типа — те, что вы получили сейчас,— это очень «маленькие данные»; буквально крохи в сравнении с теми информационными объёмами, что хранятся в памяти. Это как бы бесконечные коридоры с библиотечными стеллажами.

Память инертна, она многократно медленнее сознания, но и многократно сильнее сознания. Сознание, в свою очередь, быстрее, но слабее памяти многократно. Сознание дано человеку для решения оперативно-тактических задач; это оружие ближнего и среднего боя, а память — чтобы внедрять и реализовывать будущее, используя сознание. Сознание нужно человеку, чтобы сейчас что-то сделать. Он не сможет с помощью сознания сотворить что-то в будущем. Дело в том, что чтобы проектировать и осмыслять, нужна память. Но сознание может «вытащить» данные из памяти, извлечь их. А затем преобразовывать и осуществлять текущую деятельность;

по сути, осуществлять тот план, который разработала память. Так как силовой потенциал памяти — огромен; то есть, если мы можем высвобождать эту силу из памяти, то наше сознание может увеличиваться настолько, насколько необходимо. При этом сознание, как хитропокорное телятко — две матки сосёт. Представьте такую картину: сознание «берёт» силу не только из памяти. У него есть еще один силовой источник — внешний. То есть сознание «крестом» черпает силовой потенциал: 1) сверху-вниз «стекается» силовой компонент (мы можем использовать силовой компонент памяти), а можем — 2) использовать силовой компонент, который находится вне сознания (представим, что он «приходит» справа или слева).

Для человека будущее седое, туманное до тех пор, пока не возникнет проект; дальше — вопрос концептуализации, т.е. внедрения, разработки и т.д., и т.п. Проблематика приложения усилий и обхода серьёзных препятствий — а это уже прямо сравнимо с вождением. Итак, чтобы реализовать проект, скажем, торгового центра, потребуется и память, и сознание; кто-то должен это все спроектировать. Кто-то должен заняться подбором и расстановкой кадров (помните — кадры решают всё!), кто-то должен загнать технику, назначить прорабов на каждом узле. И наконец — строить. Вот и возникнет жилой дом или синагога, небоскреб или армейские зимние квартиры. Приходит Будущее. Становится Настоящим. *Будущее опять существует как время. И его вакуум будет звать следующий проект вашего будущего. Не чьего-то, а лично вашего.*

Почему мечты не сбываются? И на этот сакраментальный вопрос есть разные ответы. Например: поскольку иные мечты — утопические мечтания, весьма желательные и заведомо не реализуемые. И ещё — потому, что многие ограничиваются мечтами и просто не планируют того, как они эти самые мечты воплотят. И ещё: потому, что среда мешает воплощению наших планов. Мечты не сбываются, потому что мы их не концептуализируем, не превращаем в план, не внедряем; а даже когда это делаем, не оцениваем объективно обстоятельства. И планы выходят неверными. Да-да, гладко было на ватмане и кальке. А ходить-то — по оврагам…

Как обидно бывает: вы разработали план! Бизнес-план, качественный такой, бери да делай. Вы так долго его холили-лелеяли-пестовали. И вроде всем от этого плана хорошо… должно быть. И тут, например, ваша фиансэ говорит: у меня для тебя новость! Я забеременела! Теперь твоя забота — обо мне и нашем ребёнке. «А как же мой план построения бизнес-небоскреба, высотой чуть ли не до Марса?» А мадам и отвечает: «Забудь! Мне нужна коляска, три килограмма авокадо и на фитнес для будущих мам!» Да, та же мадам ещё полгода назад могла говорить (и даже слёзно клясться), что хочет добиться всего в жизни, что жаждет карьеры и великих свершений. А сегодня эта актриса ходит с коляской…

Как говаривал, припомним, один из бывших вождей, «Логыка абстоятелств више логыки чэловэчэских намырений!». Кстати, о вождях. Сколько хороших, глубоко продуманных и вполне реальных планов — и личных, и общих,— летели к свиньям собачьим только потому, что за тысячи километров от плановой площадки кто-то вёл перстом по карте. И начиналась война. И все планы, дорогостоящие в том числе и успешно реализованные, калечились и уничтожались — во имя, опять-таки, будущего. Которое, в свою очередь, оказывалось чревато следующей войной.

Вот как в жизни всё нехорошо происходит, стоит вам только приступить к воплощению плана собственного или всенародного светлого будущего… Всегда найдётся некто-нечто, стремящиеся скорректировать этот план в свою пользу.

Люди с утра до ночи и оттуда до утра мешают друг другу воплощать планы; по крайней мере до тех пор, пока не находится человек, который их начинает организовывать. И эта «штука» называется менеджмент. Менеджмент архивен и применяется он для того, чтобы «умники» не мешали друг другу воплощать будущее. Так появляются руководители, которые начинают их гонять, пинать, толкать вперед, бить плетью с утра до вечера, порой даже в банки закатывать и подписывать «говядина». Полагаем, начиналось это давно, с рабовладельческого строя, когда пудры и выдры мешали друг другу жить; ровно до тех пор, пока их просто не начали организовывать и заставлять работать с утра до вечера (чтобы те что-нибудь не вычудили). Наличие руководства — это жизненная необходимость, иначе не ровен час, как что-нибудь нехорошее произойдет. За исключением Эффекта Унтера Пришибеева, убеждённого в своей исторической миссии — среди глупых, по его мнению, людей наводить порядок. «Взяло меня зло. Обидно стало, что нынешний народ забылся в своеволии и неповиновении, я размахнулся и… конечно, не то чтобы сильно, а так, правильно, полегоньку, больше для примеру…». Говаривал он: «Ежели глупого человека не побьешь, то на твоей же душе грех».

Не забудем. Никогда не забудем. Исторический пример наведения в Европе 30–40-х, восокооплаченного железного «Нового Порядка» породил тезис: «Слишком жесткий порядок для человека не лучше беспорядка». Для че-ло-ве-ка. И это вовсе не противоречит естественной необходимости-востребованности талантливых руководителей, профессиональных координаторов, эффективных менеджеров. Речь, опять-таки идёт о мере вещей.

Итак, появились «злобные и страшные» менеджеры-руководители. Сами люди от этого сильно изменились?

Отчасти — и так. Развивавшийся в Европе и Новом Свете капитализм дал культуру последнему человеку — по словам самого Ленина. В отличие от крестьянского хозяйствования, фабрично-заводское — то есть, индустриальное — получило на свободном рынке рук массу сильных-здоровых-выносливых вчерашних крестьян и мещан-кустарей, понятия не имевших о порядке и производственной дисциплине. И исторически быстро оторвав от индивидуального или семейного труда прошлого, пропустило их через бригаду, участок, цех, фабрику-завод-комбинат и конвейер. Характерно, что на флот, насыщенный механизмами и требующий более высокой культуры и дисциплинированности, охотнее призывали рабочих, чем крестьян.

Правда, флот за это заплатил капитализму самой чёрной неблагодарностью. Но это — отдельный разговор…

Наш нынешний, отечественный капитализм, с антрактом в десятки лет ставший в очередь за европейским, американским и прочим, энергично выдвинул и приподнял над толпой новых руководителей и координаторов. В их умах и руках сосредоточилась известная власть. Это не могло не повлиять на психологию рабочих и служащих.

Нет, они сильно испугались, но не поменялись. Поэтому гадят друг другу по-тихому. Опишем это так: вот вы решили торговый центр построить, а тут табор приехал и занял выровненную вами площадку. Барон заявил: никуда не уедем, пока вы нам не дадите жилье получше. Вы говорите: я сейчас охрану приведу и мы вас вышвырнем! Те орут: только попробуй! Не смей нарушать мои права! Вы, будучи в демократической цивилизации, кричите: господин президент, как же задолбал этот электорат! Пусть идут вон, это же моя собственность, выгоните их куда подальше с моей земли… А его камер-пажи отвечают корректно: нет, нельзя так грубо… а вдруг они меня в следующий раз не изберут, ты что? И давай нарушать все законы своего же государства. В тех же Штатах подобного рода хулиганствующих, кто б они ни были, просто перестреляли бы. И были бы правы. То есть в Америке, если человек заходит на частную собственность, по нему можно применять оружие на поражение. И ни один полицейский слова не скажет, более того, ещё и помогут расстрелять. В США частная собственность — незыблемая сила и право, которое не обсуждается. Если это ваша земля, на нее никто не может ступить, даже правоохранительные органы без разрешения судьи. А у нас «все колхозное, всё ничьё»: отвел себе участок для торгового центра, заплатил все взятки, расплатился тут и там, привёл ромский табор и расположился. «О, какая гладенькая площадка!» Сам-то лично пока не заехал, но отправил гонцов своих — с лошадьми. И даже если ты ромам говоришь: «это моя площадка!», те отвечают: «Та нам всё равно! Надо где-то жить, вот мы и будем жить тут пока что. Мы имеем право по конституции». И ты идешь к барону, несёшь дары, просишь переехать в другое место. И он: «Вот теперь — без проблем!»

Аллилуйя. Уехали, можно выдохнуть… Слава богу, завтра начинаем строительство. Да какой там! Приходишь утром — новая напасть: демонстрация жителей соседних домов; целая петиция на обоях накатана; стоит пикет. Ваш торговый центр, оказывается, будет некоторое количество солнечной энергии забирать. А это — неэкономично! А потому либо не стройте свой небоскрёб, либо всем нам платите компенсацию, понемногу. Второе — лучше, конечно.

Пусть это всё — короткая придумка. Но… продолжать можно ещё долго. Даже — до бесконечности. А суть сей басни такова: как только вы захотите что-то сделать, всегда найдутся люди и обстоятельства, которые станут вам мешать! Некоторые из них можно и должно предвидеть. Или попытаться предвидеть. Но неспроста даже такой прогнозист, как Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны» однажды в кабинете Бормана (помните?) подумал: «А вот этого не мог предвидеть никто!». Выдумка? Разумеется. Но тоже — не случайная. И не бездарная. Отправляясь в большую дорогу и откладывая на неё деньги, трезвый человек по возможности отделяет некую сумму

под рубрикой «Непредвиденные расходы». Почему непредвиденные? Да потому, что их в точности предвидеть попросту нельзя. Да потому, что тех обстоятельств, которые при дальнейшем стечении могут сложиться, пока ещё нет. Но они будут. Могут быть. И к этому нужно быть готовым.

Много всего существует и работает, чтобы помешать вам жить. Вот почему ваши мечты, возможно, никогда и не сбудутся. Или — не сбудутся в чистом виде. Даже космические корабли, выдуманные и продуманные не худшими умами и снабженные множеством уточняющих дублирующих систем, посадку совершают… как объявляется, в квадрате, близкому к расчётному. Вот это самое «близкому к расчётному» следует иметь в виду. И то, насколько это может быть близким к вашему расчёту. «Близко» — не научная категория.

Вот нам с вами крошечная иллюстрация к этой главе. Великие Тенин и Раневская прелестно разыграли некую чеховскую драму — фильм, кстати, так и называется: «Драма». Это короткометражка, рекомендуем. После сытного обеда с напитками известный писатель-драматург с удовольствием завалился на диван. Господи, да есть ли на свете большее счастье, чем когда семья на даче, смотреть в потолок сквозь слипающиеся глаза и вслушиваться в воркование желудка! Но явилась гостья, незнакомая поклонница его таланта. Объявила: разрешилась от бремени — написала, видите ли, пьесу. И почувствовала свою обязанность перед мировой литературой почитать вещицу именно такому авторитету. Пришлось слушать, продираясь сквозь сон. Ну, в конце концов, он её убил — ударил мраморным пресс-папье по голове. Рассказ заканчивается так: «Суд его оправдал…». Ну, не все личные планы реализуются трагически, конечно. Бывают и менее резкие поправки жизни.

Когда мы толкуем о мечтах, надеждах-чаяниях, планах и проектах всякого рода, имеется в виду не только глубоко личное. Были бы план и стремление его воплотить в жизнь. А поправки всегда найдутся. Разве не занятна в этом плане… конституция США. Билль о правах. И… поправки. Первые десять поправок — основные права и свободы граждан, механизм их воплощения. На сегодня действует множество поправок. Кажется, что-то около тридцати. И мудрецы, рождавшие некогда этот выдающийся документ, без наших лекций знали — всего предвидеть нельзя. По мере хода самой жизни действительность будет делать подсказки. И их нужно будет оформлять и закреплять поправками. Работает — до сих пор. И конца не видать. А уж пренебрежительности к Закону, как к таковому, государство это упрёков не принимает. Демократия — знаете ли, демократией. A Dura lex, sed lex, как говаривали латиняне за тысячу лет до Христа. Или попросту: Закон есть Закон.

Кстати, вот что можно прочесть в неправленой стенограмме нашей беседы с Шефом. Олег Викторович высказался таким образом:
— У меня первые мысли на сей счёт возникли когда-то давно. Я был курсантом кадетского корпуса; помнится один страшный инцидент (он тогда гремел чуть ли не на весь мир) — СМИ возмущённо апеллировали к тому, как в Тбилиси били женщин и детей саперными лопатками. Мол, поубивали многих. Ну, генпрокурор расследовал это. И оставшаяся в живых женщина с грудным ребенком была вызвана

на допрос. Она поведала миру — вот какие звери военные, били нас лопатками саперными насмерть, убивали соотечественников. Генпрокурор СССР спросил: «*А что вы в 3 часа ночи делали с грудным ребенком на площади?*». Это же любопытно. Согласно протокола, ответила: «Пришла отстаивать свои гражданские права…». В конце концов, судьбу десантников решил, конечно, суд. Всё ли суду было ясно, согласно народной поговорке? Во всяком случае, ни у кого из судей не было сомнения в том, что нельзя в три часа ночи ходить с грудным ребенком на площадь. Разве только мамашу заставляют это делать — но тогда уже другой разговор.

Демократия — не беззаконие. А очень даже наоборот. Закон касается и десантника, и мамочки, и ребенка, и организаторов-вдохновителей массовых беспорядков. А действия, направленные на свержение конституционного строя квалифицируется в самом распродемократическом государстве, как государственное (то есть — тяжкое) преступление. Такие люди становятся задержанными, арестованными, подследственными и подсудимыми — не зависимо от возраста, профессии, пола и взглядов.

И время тут точно ни при чём. И жизнь или Судьба — тоже ни в чём не виноваты. Во всём виноваты люди. И нередко возвращаешься мысленно на тысячу лет назад, когда впервые писалось и читалось «И враги человека ближние его». А разве такая уж редкость, «враг — сам себе»…

19 КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА. РЕПУТАЦИЯ

Вы уже привыкли: каждая встреча авторов с вами — хоть и трижды рабочая, но несомненный праздник. С чем давайте друг друга (пусть будет не в последний раз) и поздравим. Наше — вам. В конце концов, вся работа наша — хоть и повседневная, в основном — без выходных, но, по сути, праздничная. Это настоящий праздник ума и души — собеседовать, обмениваться мыслями-знаниями с милыми тебе современниками, которым доверяешь. Как это там, у нашего коллеги, журналиста и поэта Михаила Светлова:

«…О, как дорога ты, беседа друзей!..
Мы так изучили друг друга привычки!
Но вот уже дальше бегут электрички
От нашей беседы, от книги моей…»

Именно: электричка — едем дальше. И первая наша станция пусть называется «Репутация». Едва ли те, кто много странствовал по свету — в том числе и по «железке»,— удивятся необычности названия. Чего только не бывает… И вот сегодня — «репутация».

Что известно об этом слове и об этом явлении? Как будто ничего сложного, все понятно. Вот сказано: «*Репутация — не то, что о тебе говорят. Это то, что тобой сделано*». Формула убедительная, но не исключающая уточнений. Этого вполне достаточно, если иметь в виду репутацию с точки зрения носителя истины в конечной инстанции. Но до него, как известно, высоко. Что же касаемо человека и его сообществ… Известное несовершенство социума вообще и особенностей социальной психологии в частности (читай — ментальность), увы, не так уж редко формируют и закрепляют репутацию как раз на основании того, что о тебе (о ней, о нем, о нас, о них) говорят. Великий психолог и мастер речевых характеристик, некий зарубежный писатель — был такой Александр Сергеевич Грибоедов — обессмертил этот принцип в пьесе-поэме «Горе от ума»: «…Ах! злые языки страшнее пистолета».

Увы, эта махина срабатывала и при Чадских-Фамусовых-Молчалиных и Скалозубах, и в наше не в меру свободное время. Разумеется, мы не призываем людей разумных в своих выражениях и локомоциях исходить из этого несовершенства людей и общества. Но иметь это в виду, да учитывать это практически полезно. Хотя и противно, конечно.

Репутация — одна из узловых «станций». Сами понимаете, она играет значительную роль в современной жизни. Как и по-прежнему, очень непросто отличить подлинную репутацию от ложной. Сам термин, уверяют нас толковые словари, происходит от лат. reputatio — что буквально означает обдумывание, размышление. В науке и деловой сфере нередко употребляется синоним «реноме» от фр. renommée. Обратим внимание: и репутация, и реноме изначально и буквально означает не столько факт, не столько результат, сколько процесс: «обдумывание» или «размышление». Можно предположить: при рождении и утверждении термина «репутация» честные и разумные люди исходили из того, что прежде чем отзываться о человеке или его сообществе, о чем-либо вообще, правильно будет хорошенько поразмышлять и обдумать. Увы, едва ли сегодня такой способ можно признать типичным и широко распространенным. Нередко отзывы, репутации, реноме молниеносны и неверны. Причем, далеко не всегда случайно-ошибочны. Сплошь и рядом девиация в этом деле вполне сознательна. А ведь это вопрос не пустяковый во все времена. В особенности, в наше. А в бизнесе — чуть ли не первое дело. Таким образом, интерес к явлению «репутация» и забота о ней опять возвращаются на авансцену. Её нужно строить и беречь, как некогда в дворянском сообществе. Помните пословицу, которую другой Александр Сергеевич взял эпиграфом к «Капитанской дочка»: «Береги платье снову, а честь — смолоду…»

Итак, Репутация. На этой станции — народу густо. Вы здесь встретитесь, к примеру, со множеством бизнес-коучей. Да их на прочих станциях в наши дни, пардон, как собак не стерилизованных. Под струями рекламно-информационной Ниагары, которая обрушивается на бедные головы потребителя, промокают даже те, кто носит водоотталкивающую одежду. Оно конечно, по-настоящему яркая и точная информация, талантливая и полезная реклама жизненно необходимы. И вполне законно присутствуют в нашем пространстве, верно ориентируют современника. Но художники говорят: «Искусства не бывает слишком много». Видимо, природа, при ее всесилии и разнообразии, не дает такого количества талантливых и порядочных пиарщиков. Да и вдохновение, крайне необходимое для этих занятий, приходит и уходит. А кушать хочется всем и всегда. Так что вопрос о репутации для многих участников этого процесса отходит на задний план.

Стоит ли думать, что это — примета нашего времени? Отнюдь, мы уже поминали героев мировой литературы; они, к примеру, рекламировали индейцам порошок, чтобы не взрывались керосиновые лампы. Правда, это был обыкновенный мельчайший песок. Но лампы действительно не взрывались. За оплату пражане до 16-ти лет, могли через дырочку в ширме на Жишковской улице видеть сирену. Не отставали и наши соотечественники. В Одессе издавна говорили: хочешь жить — сумей загнать на толкучке рукава от жилетки. В цирке Чинизелли показывали поющую корову. Антиреклама

также давным-давно обрела и свои традиции, и свою школу, и индустриальные масштабы. Чаще всего она мотивируется искренним и горячим желанием спасти потребителя от скверного товара и такого же производителя. Такая антиреклама сосредотачивается именно на репутации. И не только в производстве и торговле.

Решивший баллотироваться в мэры, перво-наперво нанимает пиарщиков. Засучив рукава и закатав штанины, они усиленно отмывают потенциального мэра в итальянской химчистке и сочиняют его светлый образ. Впервые проступают сквозь туман прошлого этапы его детства-отрочества-юности и вообще — жизни. Причём, либо всё это вместе не имеет ровно никакого отношения к реальности, либо изобилует приёмом гиперболизации образа. На создание личного бренда уходит немало времени и денег.

Хорошо, что обыватель, перегруженный повседневностью и сосредоточенный на выживании, просто не обращает внимание на всевозможные советы, рекомендации, публикации и лекции этого направления. Иначе у него от острого перешло бы к хроническому головокружение из-за обилия таких мероприятий, направленных на создание и укрепление своего авторитета в массах, популяризации своей продукции. Инфо-цыгане, в принципе, обожают эту тему — полёт их авантюр-фантазии практически безграничен. В отличии от их интеллекта и культуры. Сколько богатеньких ранее Буратино или взявших кредит, отчаянно прогорели из-за серьёзного отношения к таким «тренингам».

А не зря, не по ошибке сошли мы с вами на этой станции? Зачем вообще заниматься каким-то «личным брендом»? Может быть, это бесполезно? Самообман? Обман организованный? Репутация — категория «накопительная». Иными словами, за 1 день репутация не складывается. Смело кидаться в омут «солдатиком» или в навоз головой, и бросаться миллионами долларов для скоростного сколачивания репутации — занятие заведомо бесполезное. «Эксперты», обещающие сотворить новый достойный имидж человеку (даже попросту отмыть его), чаще всего обманывают своего клиента.

Давайте, как советуют психологи тем, кто слишком сосредотачиваются на чём-то одном — отвлечёмся от чудо-экспертов, гарантирующих самую лучшую итальянскую химчистку. И переключим внимание на что-нибудь другое. Например, на… сицилийскую Мафию. Сколько вообще существует Мафия? Вопрос непрост. Стоит упомянуть такой прототип как «Беати Паоли». Beati Paoli — «справедливые люди»; легендарные люди Общества Чести, прекрасно известные в Палермо. К слову, память о них живёт до сих пор. И если «Беати Паоли» — это корни Древа общества Чести, то Мафия — его ветви.

Итак, памятуя «дела тихие и дела громкие» Беати Паоли, мы могли бы сказать, что Мафия, как таковая, «живёт и здравствует» с 14-го века. То есть примерно 600–700 лет. Достаточно долго, не находите? И в этот многовековой отрезок поместились бесчисленные войны, открытые и тайные противостояния, бессчётно раненых, убитых, контуженых, обожженных. Покалеченных. Сломанных судьбой и духом. Не говоря уже о вендеттах… Эпоха! А поколение — это сколько? Двадцать пять лет. Век —

четыре поколения. Статистика. Да за такое время чуть ли на генетическом уровне, из поколения в поколение, передаётся репутация этой организации. Передаётся эстафетно, распространяется, укрепляется в мире.

А теперь, представьте себе: некий Вася заявляет примерно следующее: «Знаете, я 30 лет купался в экскрементах, но вот сейчас решил сделать новый шаг в жизни! Хочу стать и быть народным депутатом! Ну, не безвозмездно, конечно! Всё как положено, чин чинарём. Я — вам, вы — мне. Я вам — миллион долларов. Что-как-откуда — вас не касается. А вы из меня сделаете «Человека Чести, достойной репутации. И меня совершенно не касается — как вы это сделаете. Как говорил О. Бендер, деньги против стульев».

Припомним комментарий Шерлока Холмса, когда доктор Мортимер поведал о миллионном наследстве покойного сэра Баскервиля. «Да за такой куш любой готов вступить в игру!». Любой (или почти любой) и вступает в эти игры. И то, что по логике и морали должно быть их побочным продуктом, следствием процесса, на деле перемещается во главу угла. Куш. Куш! Он становится главным, первопричиной. И роют они копытами землю, как ахалтекинец при звуке боевой трубы. И приступают они к веселой задаче, начинают отмывать без-пяти-минут-депутата… делают его максимально достойным, чуть ли не «зайкой». Конечно, дело не простое. Модель в своё время не позаботилась о чести-репутации. Поди, сразу вычисти и конюшню авгиеву, и стойло. И самого. И поднапрячься приходиться. И поворчать. Ну, классика: «Скребницей чистил он коня, А сам ворчал, сердясь не в меру…». И тут… вдруг… И в это время…

В сеть летит компромат. Основательный, выразительный и убедительный. И выясняется, что вся та химчистка — даже не лошади, а коту под хвост. И что ни о каких чести-достоинстве и человечности вообще и речи идти не может. Есть такое выражение: «рыло в пуху». А было и так, что фотокамера запечатлела будущего народного избранника с обнаженной дамой нетяжелого поведения, причем лицо его было… ну не там, где её. А наоборот. И подпись: «Рыло в пуху». В общем…

Репутация — то же самое досье, хранящееся на того или иного землянина в нашей памяти. Ваш личный бренд — досье, собранное в памяти людей о вас.

А это всё к чему? К тому, что мало выложить солидную сумму и заказать «итальянскую химчистку». Нередко случается, что никакие химикаты не отмоют, потому как компромат — «дело житейское». Так зачем же тогда «личный бренд» и вся эта возня с репутацией? Зачем?

Для очень многих «работников химчистки» и тех, кто в обществе стремится по направлению снизу вверх, «репутация» — ведёт-тянет туда автоматически. Помните: «Десь є досьє…». **Репутация — то же самое досье, хранящееся на того или иного землянина в нашей памяти. Ваш личный бренд — досье, собранное в памяти людей о вас.** Собранными разными людьми и их объединениями, из разных источников, разными департаментами — с разных позиций и с разными целями. Что-то из них — с вашего ведома и под вашим влиянием. О некоторых вы и понятия не имеете. Вспомним — как изумлен был Александр Иванович Корейко, когда увидел впервые своё досье, собранное О. Бендером! Люди нередко изумлялись и изумляются, вдруг обнаружив что-то подобное. Один приятель вдруг узнал: говорят, что он… как бы это выразиться… ну, не той интимной ориентации. Человека интеллигентного, впечатлительного, до скучного традиционного и, к тому же, не созвучно с эпохой примерного семьянина, эта репутация просто потрясла до мозговой рвоты. Можно ли заранее подобного избежать? Можно ли, коль так сложилось, всё исправить? И нужно ли на подобное тратиться?

А могут ли встретится на этой станции мафиози? И «да», и «нет». «Да», поскольку Мафия, как известно из популярного кино, не только бессмертна, но и вездесуща. «Нет» — потому что среди всех-разных-прочих вы мафиози попросту не узнаете. Если только вы — не специалист. Люди — как люди. Между прочим, внешне тоже разные. Какие эмоции вызывает Мафия и её полпреды у нашего простого смертного соотечественника? В основе — негатив. Конкретно: страх. Опасность! И наоборот — какие эмоции мы вызываем у них? Да пожалуй, никаких. Простые смертные дислоцированы второй природой вне их круга интересов. Мы им не интересны. Ясное дело: как говорили в Одессе — что с нас взять. Кроме анализов…

Другое дело — восприятие явления «Мафия» в деловых, инвестиционных, промышленных, плантаторских и прочих валютоёмких сферах весьма специфично. Это — в поле их умозрения. Нужно заметить, полпреды разных уровней этих сфер — тоже просто люди. Стало быть, во многом разные, но специфика их жизнедеятельности не может не влиять на их мироощущение, мировосприятие и, соответственно, миропонимание. На эту

орбиту не может не влиять мафиозная гравитация. Так что ощущение страха, тревоги, непрерывной напряженности здесь сочетается с чем-то вроде подспудного уважения к мафиозной прочности, долговечности и эффективности. Это не значит, что нужно уже на перроне станции «Репутация» видеть в каждом мафиози. Но кто-то среди них — именно он. При этой смете — загляните в изгибы своей души. Что вы чувствуете по отношению к тем, о ком мы говорим? Ну, не стесняйтесь, выкладывайте. Правда ведь, непростое чувство. Тут тебе и страх. Может быть, даже лёгкий ужас — холод под ложечкой и нечто вроде уважения. Или даже… зависть. Желание следовать примеру. Пример-то, конечно, отрицательный, но мы уже как-то толковали (правда, по другому поводу), дурной пример заразителен.

Да-да, умницы, молодцы! Это все — о ней, дорогуше. О репутации. Такая станция. И сошли мы на ней, и задержались здесь не случайно. Как родилась и сформировалась в нашем сознании репутация Мафии? Кто этим занимался? На наших путях-сообщениях — конечно же, важнейшие из всех искусств киношка и СМИ. Но при нашем горячем участии. В станционном киоске бывш. «Союзпечать» можете запросто купить книгу или брошюру, журнал, или газету, среди прочих рассказывающие о ней, бессмертной. Или кассету СВХС с «Крёстным отцом». Или с фильмом «Признание комиссара полиции прокурору Республики». Там, «Следствие закончено, забудьте». В крайнем случае — «Приключение итальянцев в России».

Впрочем, и покупать не надо: лёгким нажатием кнопочки «Ютуба» вы просмотрите любой из художественных или не очень художественных фильмов о Мафии. Есть и интересные. И даже — очень. И даже — очень. Чуть ли не шедевры. Оскары! Но всё же следует заметить: у нас практически никто не рассказал правду об этом явлении. И не столько из-за трусости богатеньких, субсидирующих сьёмки. И даже не столько из-за того, что мало кто из авторов стремятся к правде вообще; сто раз уже сказано: у правды искусства иные задачи, чем у правды жизни. Просто… мало кто знает ее, эту самую правду Мафии и о ней.

И эта таинственность, эта загадочность, это грозная неизвестность — также работает на ее репутацию. Вспомним, как просто и неопровержимо наставлял своих помощников Великий Комбинатор: «Джентльмены, вопрос для вас: чего боятся люди? В конце концов, больше всего боятся… правильно — непонятного. Да-да, побольше непонятного!». Конечно, Остапа Ибрагимовича не в коем случае нельзя считать мафиози. Уже хотя бы потому, что он много творил-фантазировал; весь этот дым в сторону подпольного миллионера Корейко он напускал умышленно. Валял дурака. Как говорят блатные, брал на понт. Изнурял непонятным. Ни один уважающий себя мафиози ничем подобным заниматься не стал бы. Да и «отец» не позволил бы. Все таинственное в репутации Мафии — побочный продукт, ее жестко конспиративной и абсолютно реальной, реалистичной, прагматичной, практичной деятельности. Откуда и ее эффективность.

Что веками сложившаяся мафиозная репутация от кого не требует уже давно усилий по ее улучшению — ясно, как день. Нас с вами куда больше интересует репутация собственная. Как ее создать? Как ее улучшить и застолбить? **Уже сказано: платье —**

Береги платье — снову, честь — смолоду. Такова концепция. **Репутация начинается с образа жизни.** Это — основа.

снову, честь — смолоду. Такова концепция. Репутация начинается с образа жизни. Это — основа. Практика показывает, здесь тоже не все так просто. Бывало, лучшие выпускники и воспитанники советской средней школы после нее растворялись в жизнепространстве бесследно. Или наоборот, так наследили, что любимым учителям стыдно. А их одноклассники, постоянно прописанные на «камчатке» (последняя парта в классе) со временем настоятельно приглашаются на мероприятия этой школы, как гордость её и почётные выпускники. Как сказал поэт:

Когда я в школе — как почётный выпускник,-
Торчу в президиуме, сон одолевая,
Нет-нет, да явится мне твой чудесный лик,
Моя учительница, первая, былая.
Твоё тугое ожерелье, как аркан
И две ноги, как опустевшие бутылки,
И я опять боюсь — линейкой по рукам,
И сухарём ладони чёрствой — по затылку.
Она, священными глаголами звеня,
Искрится током, как гомункулус в реторте
И всё твердит, упорно глядя на меня:
«Одна паршивая овца всё стадо портит…»

И тем не менее, чем раньше начинается забота о своей репутации, тем больше шансов выйти на ее оптимальный уровень. К примеру — Шеф. Он — пожизненный член байкерского клуба H.O.G. (Harley Owners Group) — самый многочисленный клуб в мире — более миллиона участников. Какова репутация у этого сообщества H.O.G.? Великолепная. Связанно это и с тем, что с рождения и пожизненно здесь обязательны не только скорость и броскость, но и вера, уважение, честность и сила характера. И репутация его участников. Не однажды мы могли убедиться в том, что даже такой невозмутимый департамент как финская полиция воспринимал члена элитного байк-клуба с откровенным пиететом.

Но мы также видели их отношение к другому байк-клубу «Ангелы ада». Финляндия встретила ангелочков этих постоянными проверками, досмотрами вплоть до «ноги на ширине плеч, руки на капот». Все просто: финляндские байкеры — преступный элемент. Если ты на мотоцикле и главное любишь своего железного коня — будешь долго доказывать, что ты благопристойный гражданин. Многие жалуются в социальных сетях, на форумах — не могут спокойно ездить с эмблемами своего клуба. Полицейский обязательно остановит и запустит процедуру. Каким бы райдером не был. К какому бы клубу не принадлежал (исключение — H.O.G.), в Финляндии жди неприятностей. Срабатывает «досье». Репутация…

Так называемые простые люди склонны к непомерным обобщениям. Клуб, к примеру, ассоциируют с человеком. Его же ассоциируют — с кастой, социальным слоем. С нацией и национальностью. Чаще всего не желают напрягать мысль. Не хотят слишком глубоко думать, не обзавелись навыками критического мышления. Самый простой и притом самый распространённый инструмент отношения к отдельно взятому человеку — обобщалка. К какому сообществу принадлежит. Причём, даже если эта принадлежность — не свободный выбор, а фатум. Гашековский Швейк както рассказывал: у одного юного знакомого отец, пьяница и хулиган, был проткнут на базаре. Ну, хлопец вырос, а о нём говорили: «А, это — тот, у которого папашу проткнули на базаре. Тоже, небось, порядочный жулик!».

Так или иначе сложившаяся репутация человека, объединения, предприятия, товара, как бы автоматически ставит все на свои места. Вот некий мэр города стал членом клуба автолюбителей. Это не может не повлиять на репутацию их обоих. И многое зависит и от репутации мэра, и от репутации клуба. Образ жизни человека налагает значительный отпечаток на личный бренд. Бренд, по сути, и есть образ жизни. Шерлок Холмс буквально читал репутацию человека на его лице, одежде, по походке, психомоторике, мимике, жестикуляции. Даже забытая посетителем трость была им прочитана вслух, как открытая книга бытия этого человека.

Но великий сыщик в совершенстве владел дедуктивным методом. Что, также стало составной его репутации не только на Бейкер-стрит, но и во всем цивилизованном мире. Приехавший из Канады Баскервиль-младший уже был в курсе дела. Вывод, хотя и промежуточный: заботитесь о своей репутации? Выстраиваете ее? Стережете ее? Правильно делаете. Но важнейший этот процесс сочетайте с освоением дедуктивного метода. Не пожалеете. А вот враги ваши, даже самые честные конкуренты (поскольку такое вообще бывает), очень пожалеют.

Если вы — человек серьезный, то интересуетесь не только своим реноме-досье, но и другими. И о друзьях-товарищах неплохо знать больше, чем они о себе рассказывают. Се ля ви. Но крайне неплохо было бы интересоваться репутациями и конкурентов. И тех, с кем вам, возможно, предстоит сотрудничать. Полезно знать образ жизни интересующего вас человека. А досье нет. Что дальше? Прежде чем заполучить содержание такой папки, вам лично или вашим помощникам придется ее наполнить. Да здравствует Google и его командная строка поисковой системы! Пропишите искомого. Это конечно не исчерпывает дела, но хорошее начало процесса. Если, разумеется, интересующий вас субъект хоть чего-нибудь стоит, и такая информация имеется. Не исключено, что она там отсутствует. В конце концов, допустим — искомое существо пьет смузи по утрам, ходит на ретриты по вечерам, а в промежутке у него «простирание». И он не хочет вести Инстаграмы, Телеграмы или Фэйсбук-страницы. В итоге Google выдаст ноль информации. Пустота. Вакуум. Учитесь у природы, которая вакуум не терпит.

«Если в старой табакерке век не держат табака,
Заведётся в табакерке чёрт-те что, наверняка.
И берётся чертовщина ниоткуда неспроста.
Заведётся чертовщина там, где только пустота.»
Ганс Христиан Андерсен, «Табакерка».

Пустоте свойственно затягивать нечто. Причем, это нечто чаще всего — негатив. Ну, поскольку такого добра вообще больше, чем другого. Интересующий ваш человек, ясное дело, должен быть прежде всего… нормальный. А у нас давно считается: у нормального человека не может не быть соцсетей. Вывод: у него нет соцсетей? Он не заполняет эту пустоту? Он ненормальный человек. А с какой стати вы будете интересоваться человеком заведомо не нормальным.

Общее это рассуждение не исключает ваших сомнений и дальнейшего поиска. Находка и не-находка информации — стихия на рынке вероятностей. Искомая информация может быть низкого и высокого порядка. Низкого — социальные сети самого человека. Ниже — только блоги. Блоги, возможно, заинтересуют специалистов в области психологии, социальной психологии или психиатрии, но вряд ли будут интересны деловому партнеру. Соцсеть легкодоступна. Фейсбук. Инстаграм. Контакт. Сегодня особо разыскивать не требуется. В этих песочницах сидят, можно сказать, все. Вот откройте свою страницу в соцсетях. Что по ней сказал бы о вас незнакомый человек? Возможно, это будет совсем не то, что вы сами о себе думаете.

Вряд ли настроятся на такой контакт деловые люди, если известно, что вы, чудак-человек, попадаете в какие-то передряги и происшествия; «постите» одних котов и енотов, не очерчивая круг иных интересов. Или входите в некий круг или клуб, который у многих ассоциируется бандой. Незнакомый человек, скорее всего, выберет «порте мимо», потому что он, ежели трезв и рационален, не хочет, чтоб и его ассоциировали, скажем, с чудаками и преступниками.

Разумеется, есть люди, о которых выдумывают небылицы. Именно распространяют чушь, как плод чьего-то больного воображения. Или вполне сознательно, что в миру зовётся подляной. Ну, кому-то не по душу, не по уму пришлись. Или — в порядке конкурентной борьбы. В таком деле, мы уже касались этого вскользь, редко доминирует благородство. Вот и пошла писать губерния. Фактов нет, небылицы есть.

И тут, конечно, можно рассуждать о качественной «химчистке». Но вот ежели непристойнее факты есть, если их хоть отбавляй, тогда, граждане-любители, не обессудьте. Сложно что-то возражать при наличии фото, аудио и видео подтверждения. А люди — такие странные существа, порой сами себя, как будто намеренно документируют. А ежели факты «накапливаются» годами? Вот как у некоторых бизнесменов, начиная с 90-х и завершая историей наших дней? За 30 лет фактов может собраться весьма немалое такое количество. Не просто досье, но целый информационный архив. Одни оперативные учёты МВД чего стоят…

Это так, к слову, конечно. Но вполне достаточно, чтобы порой сделать конкретный вывод о конкретном человеке. И ежели в поиске партнёра или сотрудника на станции «Репутация» вы встретили в буфете симпатичную улыбающуюся личность в дорогом костюме, производящую впечатление «надёжного бизнес-партнёра», то само по себе это может вообще ничего не значить. В древности говорили «клабук не делает философом».

Бизнесмен, вдумчиво прочтя эти строки, уже вывел: его соцсети должны быть безупречным. Но и этого недостаточно. Да, было бы неплохо, чтобы социальные сети

красочно демонстрировали, насколько этот человек «классный» и почему ему нужно сказать «Да». Как в соцсетях выглядит человек, которому хочется сказать «Да»? На то есть два параметра: 1) скромный; 2) с достижениями. Вот такой человек — востребованный и нужный всем.

Хотите «поймать образ» того, как вам следует выглядеть в социальной сети? Рекомендую интервью с каким-либо выдающимся футболистом. Скажем, с Мишелем Платини, когда он был капитаном сборной мира. Как давал интервью Платини? Как эталон. Сам Мишель Платини — это ФИГУРА, такие раз в 100 лет рождаются. Если не реже. Выдающийся спортсмен, новатор, организатор, уважаемый президент FIFA. Настолько уважаемый, что даже сегодня одного слова «Платини» достаточно, чтобы в мире футбола всё перевернулось с ног на голову (или наоборот, вернулось в исходное). Кому интересно, рекомендуем не пройти мимо одного несмешного инцидента, когда несколько футбольных клубов, следуя стандартной американской логике достаточной очевидности, было решили создать свою собственную лигу и свой собственный чемпионат. Чуть было не началась истерика по этому поводу, пока не выступили три человека.

Первым выступил Алекс Фергюсон, по сути, произнеся одно слово: «Стыдно». Стыдно, господа. Не по-товарищески. Затем высказался Мишель Платини, дав понять что истерики в футболе — это очень смешно и некрасиво. И третьим — Франц Беккенбауэр, выразивший удивление происходящему. В общем, публичных заявлений этих трёх мировых авторитетов оказалось достаточно, чтобы несколько крупных футбольных клубов не только приносили извинения за внесённую сумятицу, но и выплатили «компенсацию» на 300 млн. долларов.

Трёх интервью оказалось достаточно, чтобы выписать такой штраф. И это, как говорится, клубы ещё «легко отделались», потому как иначе их бы исключили из мировых чемпионатов, как минимум, на пару лет. А что такое исключение клуба на 2 года? Да это хуже прямой дороги в ад, потому как равносильно приговору на банкротство. Неплохой пример того, как срабатывает «репутация» и что такое сила авторитета. Фактического, а не «вымышленно-отмытого».

К Фергюсону, Платини и Беккенбауэру не прислушаться не получится. И даже если гипотетически предположить обратное, какие будут последствия — известно заранее. Позицию такового уровня просто пропустить мимо ушей невозможно.

Авторитет в мире футбола у Платини таков, что он (и такие как он) определяет правила футбола. Почему и как это возможно? Потому что и Платини, и Фергюсон, и Беккенбауэр обладают безупречной репутацией. Для того, чтобы вас единогласно выбрали капитаном сборной Мира — нужна соответствующая репутация, не так ли? Одним словом, безупречная.

Платини, Беккенбауэр, Фергюсон да Де Стефано — Гранды, которые приходят на Землю один раз в эпоху. И, выражаясь языком бизнеса, это люди, слово которых стоит 300 миллионов долларов.

И образ жизни этих поистине выдающихся личностей в мире спорта — «бренд», воздействующий ярче любых слов. Да, он в какой-то степени имеет магическое воздействие и даже «срабатывает автоматически». И понятное дело, почему тысячи и десятки тысяч людей тоже хотят, чтобы репутация «говорила» вместо них самих. Но ведь Фергюсон или Платини — в единственном «экземпляре», не так ли? Их не тысячи и не десятки тысяч. И что-то позволило им проторить дорогу на Олимп, что-то отличает их от всех прочих личностей.

Как полагаете, что именно?

Наверняка — уже по привычке хочется сказать «концепция», не так ли?

Повторно рекомендую не полениться и посмотреть пару-тройку интервью с тем же Мишелем Платини и обратить внимание на то, как он себя ведёт. Во-первых, он никогда «не смотрит и не играет в камеру». Глаза, скорее, в пол. Никаких «замираний носов» и демонстрации собственного превосходства. Напротив, Платини не раз останавливал хвалебные речи журналистов.

«Да что Вы говорите? Кто я такой… я всего лишь один из одиннадцати игроков моей команды, всего-навсего… Если бы не было команды, кем бы я был».

ВОТ ВАМ РЕЦЕПТ БЕЗУПРЕЧНОЙ РЕПУТАЦИИ: СКРОМНОСТЬ И ВЕЛИЧИЕ.

В чём именно «величие»? Безусловно, в делах. В футболе всё очевидно: величие — в голах, в прекрасно сработавшей защите, в победе, в конце концов. Именно это и нужно демонстрировать в футболе. Много голов и очень скромное поведение. «Глаза в пол» как демонстрация скромности. Ибо футбол — «командный вид спорта»; «главное — это команда»; «если бы не моя команда, я бы ничего не добился в жизни». Скромность украшает Победителя. А результат — 30 забитых мячей в ворота противника — прямая дорога к величию.

СКРОМНОСТЬ + РЕЗУЛЬТАТЫ = ВАША РЕПУТАЦИЯ.

Именно эти два компонента и являются основой, стержнем и строительным материалом вашей репутации.

Если ни в жизни, ни в интернет-пространстве нет ни скромности, ни результативности… что тут вообще можно сказать. В соцсетях деловому человеку вообще рекомендуется размещать достижения. Например, фото экзальтированной полуголой женщины в ресторане отеля, где-нибудь в Риме, вызывает нескромные вопросы. В том числе, «как эта «дама» туда попала?» То есть, если дама не потрудилась объяснить в посте, что именно она делает в Риме в сей миг и час, запечатлённый на фото, мысли незнакомцам в голову полезут самые разнообразные. Иными словами, люди сами гробят собственную репутацию. В том числе, вот такими неоднозначными выборами, что и как демонстрировать.

А если у той самой гипотетической женщины все до одного посты — в полуголом виде где-то в отелях и без объяснений? Что дальше? Дальше последует вывод: перед нами не просто страница в социальной сети, но витрина. Именно фото-витрина «живого товара», если хотите. Причём нередко фотографии настолько отформатированы и доработаны в фотошопе, что пройди вы по улице и встреть такого человека, без фотошопа вы его и не узнаете… Впрочем, шутки шутками, но, пожалуй, стоит задуматься: а вам не кажется, что в результате подобной игры личная встреча с вами закончится разочарованием? Люди получат обманутые ожидания, ведь они были готовы лицезреть заявленное на картинке, как в Инстаграме, а им «подали» нечто иное. По аналогии: допустим, вам в ресторане пообещали лучшее блюдо от шеф-повара… а в итоге подают кое-как порубленный салат из заплесневелых продуктов, да ещё и вперемешку с каким-то песком. Ежели вас так хоть раз обслужат, вы разве пойдёте в такой ресторан? Да ни ногой! И хорошим знакомым ещё скажете: «Не рекомендую тратить на это место ни времени, ни денег!»

Собственно, мой Шеф недаром говорил: обманутые ожидания, подача какой-то аматорской ерунды вместе «заявленного величия» — это загубленная репутация. Не про нас с вами будь сказано. Нет, решительно: не зря мы остановились на этой станции. Не зря здесь задержались. И однако же — не опаздывайте. Едем дальше…

Построение социальной сети — это просто. Рецепт состоит из двух компонентов: скромность и достижения.

Как заведено скоротаем и этот путь разговором простым, ясным и, надеемся необременительным. На Востоке говорят — дорога короче, когда попадается хороший собеседник. Вот как полагаете — процесс или результат?

Один из ядовитейших парадоксов: трезвейшие и умнейшие бизнесмены в принципе с ними согласны. Как бы серьезно они не относились к процессу, но он неизменно подчинен промежуточным и главное — финальному результатам. Бывает эти серьезные люди не привыкшие трепаться и привыкшие отвечать за себя и за других — увлеченно рассказывают об интереснейших моментах движения к результату. И тем не менее цель-результат чему и посвящены все усилия. Нам людям науки это тоже близко и понятно. Открытие, подтверждение гипотезы, переход прогноза, предположения в степень аксиомы — возможна ли для нас большая радость. Дорога к ней выходит всякой-разной. Бывают обочины, аварии, даже тупики. Не один страховой агент вас не застрахует от добросовестного заблуждения, от ошибки. Мы уже как-то об этом толковали: бывало, чуть ли не полжизни шел ученый к своему открытию из пункта «А» в пункт «В». А оказалось — тупик. Но известно также, что никакой это не грех. Но вторим вслед за физиком-ядерщиком Гусевым («Девять дней одного года»): ну, что ж, из ста путей к истине один отпал. Другие по нему уже не пойдут. Осталось девяносто девять. Тоже ведь результат. Напомним вам и наш разговор об алхимиках. Сколько лет и сил они вбухали в открытие философского камня? Сегодня над этим смеются даже троечники. Но ведь именно эти их поиски по дороге породили

современные физику, химию, физическую химию, химическую физику, минералогию и Бог знает что еще. Тоже должно сказать об изобретателях вечного двигателя. Ну, к нему не пришли. И сегодня ясно: по очень простой причине. Он невозможен. Но, опять-таки скольким обязаны этим «вечникам» наше машиностроение, станкостроение, оборонка и вообще механика.

А разве в художественном творчестве, скажем в изобразительном искусстве, сочинением музыки, литературы не та же история? Уж, там, горят рукописи, не горят — а только Николай Васильевич Гоголь все же спалил «Мертвые души». Хоть и не все, к счастью. Можно ли сомневаться в том, что процесс в данном случае был весьма насыщенным и трудоемким. А результат? Василий Иванович Суриков, уже завершая огромное полотно «Боярыня Морозова» однажды взял финский нож и порезал этот холст на небольшие шматики. Вот нам процесс и результат. Правда, профессионал всегда рационален. Их он пустил потом на этюды.

Таких примеров, поверьте на слово, навалом. Другое дело расплату за ошибки в науке (в ядерной физике — в особенности) берет на себя государство. А бизнесмены за подобное платят сами. Потому и к процессу должны относиться исключительно серьезно и тщательно. К слову, в нашем деле и на этом этапе можно утверждать категорически: главный критерий репутации — это сам результат, само достижение.

Здесь тоже уместны подробности. Нет-нет, не в вопросе репутации: сей критерий неоспорим. Как имя в искусстве или науке. Но настоящая репутация — сама по себе результат, не перво-процесс. И стремящийся к нему, держащий его в поле зрения, планирующий его, конечно же уделяет внимание процессу на всех его этапах. Древние говорили: «Кто хочет результата, тот допускает и средства». И немало случаев, когда, прорываясь к результату были неразборчивы в средствах. Ну, знаете, «победителей не судят» и «война все спишет». Так что, при очевидно значительных результатах репутация может оказаться и подмоченной. Некогда лирический герой Оскара Уайльда, достигший блестящих результатов (крупный общественный деятель, богатый человек и идеальный муж), обладатель кристальной репутации и популярный в британском парламенте редкой принципиальностью оказался в дурацком положении. Когда-то на госслужбе — получил крупную взятку, выдал государственную тайну при строительстве Суэцкого канала. Иными словами, на пути к результату не посчитался со средствами. И все шло прекрасно. Да не пошло. В серьезном бизнесе из такой перспективы не исходят, но не учитывать ее нельзя. Как говорил человек редкой целеустремленности О. Бендер: я чту уголовный кодекс, это — моя слабость. Настоящая сила за теми, кто в процессе достижения результата считается с законами. А если какой и обходит, то не с дуру и сослепу, а так, что комар и носа не подточит. Кроме того, есть еще понятие красивой игры. Вот, в футболе: две игры с одинаковыми результатами (4:0); но в одной просто колошматили по воротам, а вот второй годами вспоминают — красивая игра. Физики, математики знают одну и ту же задачу можно решить и решить. Ну, решена задача — грубо, топором. Но решена. А это решение — изящное, элегантное. Попросту — красивое. Так и во всех остальных сферах. Так что настоящая оценка достижений получается по определенным критериям, о которых побеседуем обстоятельно.

ВИТРИНА

Важнейший критерий репутации — нужность этому обществу, так называемая «социальная нужда». И поэтому принципу рекомендуется выстраивать свои коммуникационные сети (тот же Фэйсбук). Условно мы могли бы назвать ваши страницы в соцсетях «витриной». Отсюда рекомендация: занимайтесь своей витриной ежедневно, разумно и творчески к этому подходите. Что вы получите в результате? Самую дорогую валюту: внимание к собственной персоне. Многие пожелают с вами общаться с вами, сотрудничать. По-одесски говоря, иметь с вами дело.

ДРУЗЬЯ

С «витриной» ясно. Переходим к тому, что искони в человеческих отношениях считалось чуть ли не самым дорогим и главным. Да-да, дружба. Точнее, друзья. Давным-давно, что друзей своих в социальных сетях лучше бы и не указывать. Именно так: скрыть и не показывать никому. Выразимся жестче: ваши друзья в социальных сетях должны создавать вам соответствующую репутацию. Шеф как-то рассказывал — неоднократно выслушивал жалобы тех, которым приходилось заводить дополнительные аккаунты в Фейсбуке, т.к. их дружеский круг превышает 5000 тысяч. У самого Шефа лет за восемь в интернет-пространстве ФБ около 3000 тысяч друзей, но зато каких. Стоит пролистать хотя бы пару десятков их в списке Шефа, и станет ясно каков он. То самое «скажи мне кто твои друзья, и я скажу кто ты».

Ну, а если кто категорически не согласится, вплоть до глубокого возмущения и распыления эмоций на манер: «Как это? Как это? Как это? Стесняться друзей? Это же друзья! Это же — свои. У нас — дружба!». Знаете, вопрос настолько серьезный, что отложим деликатности. И не нужно подозревать нас в авторстве максимы (говорят французы): «trahir seulement leur». То есть — «предают только свои». Для людей разумных, кое-что познавших в реальной жизни сие отнюдь не означает, что «друзья» — значит «предатели». Просто: всяко-разно было. И бывает. Разум заставляет допустить, что, возможно и будет. Так что, как говорят на Кавказе — «Нэ кырпычись, дюша мой. Кров ыспортыш». Хорошо бы — чашечку черного кофе «крепки, гарячи, сладки, как пацалуй». И желание возражать в данном случае пропадет. Его место может занять другая мысль: а что, если автор и прав. Ведь и впрямь — на счет предательства не они придумали. Дружба-дружбой, а… Тем более термин «друзья на вашей ФБ странице» понятие более чем условное. Вы ведь многих из них и в глаза не видели. Где

уж там пуд соли… Может быть изначально основателям наших страниц в ФБ и не следовало швыряться таким великими словами, как «дружба» и «друзья». Вполне достаточно было бы «приятели» или «собеседники». Ведь друг это тот, о ком на фронте говорили: «Я бы пошел с ним в разведку». А тут — здрасьте: 50 друзей, 100 друзей, 3000 друзей. Даже, говорят установлен лимит дружбы на 5000. Тут что прикажете, плакать или смеяться? Но, как говорится, нас не спросили. Нехай будут «друзья». Ведь не спроста — в кавычках. И, однако же в нашем сообществе — в науке, в литературе и в бизнесе жизненно важно смотреть на вещи прямо и называть их только и исключительно своими именами. Можно сказать здесь в числе главнейших принципов Ясность, Точность и Верность. И при всем величии цели соответственно при жесткой необходимости держать ее в поле зрения, помните: не менее важен процесс. Возможен ли спор на тему — кто главнее Пушкин или Лермонтов? Или: фундамент или дом. Разумеется, никто не строит дом ради фундамента. Но больше шансов построить хороший дом у тех, кто самым серьезным образом относится к нулевому, фундаментальному циклу. И ко всем последующим циклам процесса. Бывает же: дом новый, высокий, красивый. А вот поди ж ты и затрещал, и зашатался, и рухнул. Результат…

Впрочем, об этом мы уже толковали, не будем растекаться мыслью по древу. Промежуточно подытожим только «друзей» в социальных сетях непосредственно в ваших френд-листах быть не должно. А должны быть такие величины, по которым о вас будет создаваться самое благоприятное впечатление. Таким образом вы получаете убедительное свидетельство о том, что вращаетесь в солидных, авторитетных кругах. Вы — ученый? Логично среди ваших друзей встретить такие имена, как, скажем, Антонио Никасо или Массимо Интровинье. Что-с? Не имеете чести? Так заимейте, к вашим услугам объятия великого Google. А ежели у вас в друзьях современники, так сказать наоборот, интересны только тем, что ничем не интересны, то, скорее всего, в такое же сообщество вас и запишут. С соответствующей репутацией. Практическая рекомендация: социальная сеть пусть строится по принципу «20% на 80%». Это — родственники, знакомые по ВУЗу и пр., т.п. (кто же поверит в то, что в друзьях у вас только Антонио Никасо, да еще и Массимо Интровинье). 20% дают понять ищущему, что перед ним — не PR-аккаунт, но аккаунт хомо вульгарис (человека обычного) и в то же время хомо сапиенс (человека мыслящего). 80% укажут на высокий уровень друзей. И это очень важно для вашей репутации. Результат? Некое ваше досье, убедительно свидетельствующее о том, что перед нами человек хоть и скромный, но с существенными достижениями, с широким кругом надежных связей с большими возможностями. Ну, а что прикажете думать, если вы в соцсети выкладываете фото, на котором презентуете миру средний палец к зениту, патологически выдвинутый между зубами язык или место между поясничным прогибом и обратной стороной колена. Как говорится не о присутствующих будет сказано.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС

Об этом обычно мало кто задумывается. Как вообще со стороны выглядит общественный статус. Не будем перегружать вас излишним наукообразием, поделимся формулой:

СТАТУС = КТО + ДЕНЬГИ

Тот случай, о котором говорят коротко и ясно. И поразмышляем о том, как работает общественный статус. В виде иллюстрации — зарисовка: по центральной Карл Плац Мюнхена идет, представьте, Черт рогатый. Самый натуральный: рваная замасленная одежда, длиннющая борода, странные штаны мешком — наверняка прячет хвост. И несет от него, как от старого барана. А может, еще «тоньше». Но любопытная деталь у черта этого на шее дорогой кожаный ремешок. А на нем болтается штуковина. Которая, между прочим, стоит не меньше 50 тыс. долларов. Он — из фотоаппаратов Hasselblad. Вот и весь сказ: на какой-то чертовой шее запросто болтаются 50 кусков. И сей контраст настолько очевиден, что лошади оглядываются — не говоря уже о прохожих, созерцающих это зрелище. И по их мимической и жестикулярной характеристике — совсем нетрудно догадаться, что они думают по этому поводу.

Понятно, да: очень важно то, как вы выглядите. И то, каковы средства вашего передвижения (авто, байк, вело, пехтура); существенно, как вы живете. Как позиционируетесь в обществе. А о друзьях уже все сказано. Все это и многое другое — символические страницы вашего досье в восприятии людей и их памяти. Оно же может определить тенденцию сотрудничества с вами.

БЛИЖНИЙ БОЙ

Итак, допустим — вы прошли все стадии. И все освоили, все поняли, все запомнили. Нет, мы говорим — допустим! Наука освоена. Приложена к практике. На вас обратили внимание, вами заинтересовались. Выражается желание с вами общаться — приятельствовать, дружить. Вы обнаруживаете однажды себя в хорошем современном интерьере, за чашечкой кофе, рюмочкой коньяку, минералочкой, фруктами, шоколадом и главное — с очень серьезными людьми, с которыми прежде знакомы не были. Вы получаете конкретное и перспективное предложение сотрудничать…

Вообразили? Отлично. Вы понимаете — чему обязаны этим знакомством, предложением и визитом. Предварительное и самое общее впечатление о вас здесь уже сложилось. Наши рекомендации и ваше к ним доверие сработали. Но не можете вы не осознавать, что это — не все.

Теперь на вас смотрят, виртуальную вашу витрину в соцсетях сравнивают с реальностью, интересуются образом жизни, генеалогическим древом. Хобби. Тоже ведь — экзамен. Далее — ближний бой. В ходе какового о вас будет складываться почти окончательное впечатление. Почему «почти»? Да потому что — и об этом свидетельствует практика — все покажет дальнейшее. Здесь пока, можно сказать личные переговоры, сговор, договор, подпись и печать. Ибо те серьезные люди, которые обратили на вас внимание и инициировали эту встречу тоже знают о таком своем естественном параметре, как свойство ошибаться. Мы уже толковали не раз: об этом знали еще древние. Вспомним пресловутого О. Бендера: «И на старуху бывает проруха, как сказала подруга моего детства, польская красавица Инга Зайонц, на другой день после свадьбы с другом моего же детства Колей Остен-Бакеном». Бывает своими ведь не рождаются, своими становятся. А свои, случалось, подводят. Это, впрочем, мы также уже проходили. И стало быть, даже при подписи и печати расслабляться не следует. Так что ближний бой — экзамен. Но экзамен вступительный. И где-то там дальше — контрольные, лабораторные, зачеты и «ГОСы». Как пели студенты (когда они были именно студентами и пели студенческие песни), «Позади — экзамены, / Впереди — экзамены, / Впереди, пожалуй, потрудней». Между прочим и в сущности, в этом смысле все мы — студенты. Независимо от профиля и возраста. Подумайте, сколько лет было булгаковскому профессору Преображенскому, с удовольствием называвшему себя Старым Студентом. Желательно, конечно, не путать с терминологическим оборотом «вечный студент», что означает «недоучка».

Естественно, вам небезразлично как вас воспринимают хозяева непосредственно. Может, все же есть дело в народной мудрости: «Проводят вас по уму, а встречают по одежке». В том числе и в самом прямом смысле — по головному убору, по костюму, по рубашке-галстуку, по тросточке или зонтику. По обуви. По авторучке, очкам, часам и прочим сопровождающим аксессуарам. Здесь уместны принципы Сверида Петровича Голохвастова: «Платье ведь первое дело, по платью встречают… Вот, к примеру бруки, должны как труба стоять. Не так поставите — физиономии уже нету. Или вот жилётка. Тоже хитрая штука. Не тот цвет и уже проиграл. Симпатии нету. Ну, не тот парад на лице. Пинжак — это главная хворма. Хвормы нету и человека нету». Знаете, смех-смехом, а в эти слова, все же, вслушайтесь-вдумайтесь и примите к сведенью. По сути, речь идет о вашем вкусе. Ну, или об отсутствии такового. Если известно, что на прогулку по городу или в кафе вы одеты, как на пляже — не сомневайтесь в том, что в глазах разумных-серьезных-культурных людей вы себя дискредитируете.

Некогда знаменитейший одессит шутил так: «Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается». Какова доза шутки в милой этой шутки, на досуге решайте сами. Но если вы все же родились в Одессе или, по крайней мере живете-можете в ней, так или иначе вы поэт, прозаик, драматург, эссеист, публицист, ну, как минимум журналист. Во всяком случае, это было бы вполне логично, ибо речь идет об

исконном культурном и университетском центре центральной европейской страны. Это сейчас у нас чуть ли не любое ПТУ — университет (точнее, имеет такую вывеску). А в мрачную эпоху царизма, которую некоторые называют добрым-старым временем, и в СССР города делились на уездные (райцентры), губернские (областные), столичные (в империи было две столицы — старая и новая) и университетские центры. Последних в стране, занимавшей 1/6 всего земшара, было всего несколько. И учится в них съезжались со всех концов страны. Во всем мире известно Одесса — город-герой. Одесса — город-порт. Но и так: Одесса — город-музей, город-художник, город-музыкант, город-театр (хотя и в последнее время, кажется — город-цирк), но он же город-поэт. Литератор. Случайно ли эта жемчужина у моря — месторождение мировых имен в науке и художественном творчестве. Неспроста также одесские шовинисты из поколения в поколение именуют свой город столицей у Черного моря. Ну, тут — любовь. Которая, как юстиция — слепа. Вообще говоря, Одесса никогда не была столицей, родилась и росла как провинциальный город Херсонской губернии. И ее лицей (Ришельевский), выросший до университета, назывался Новороссийским. Но очень быстро вырос в город до общепризнанного чина культурного центра. Наш великий земляк А. С. Пушкин (а почти всех великих одесситы считают земляками) уже в первой половине позапрошлого века рука об руку с Онегиным прославил именно этот уровень Одессы: «Там все Европой дышит, веет, / Все блещет югом и пестреет. / Разнообразностью живой. / Язык Италии златой». Возьмём на себя смелость добавить в порядке алаверды: здесь все, до сих пор, как ни странно, дышит, веет наукой, искусством и литературой. А это мы — к тому, что шансы на удачу у вас будут тем большими, чем ближе вы к науке, к искусству, к литературе. Хотя бы как потребитель их своеобразной продукции и знаток. Не спешите блеснуть эрудицией в этих сферах. Но будьте готовы поддержать разговор и подобного тематического круга. В искусстве есть и такой инструментарий: характеристики образа. Владеющий им дает возможность модерировать вас в живописи и графике, в монументальном и прикладном искусстве, в скульптуре. В кино и театре. Это характеристики мимическая, психомоторная, жестикулярная, пластическая, даже — фамильная. Одна из мощнейших характеристик — речевая.

Киев приравнивали к Санкт-Петербургу. Считалось, что в этих городах историей сосредоточено значительное количество администрации и интеллигенции. В этом смысле не котировался как-то особенно Днепропетровск (сегодня — Днепр). В СССР он был режимно-засекреченным. Мысленно скажите: «Южмаш» и многие вопросы отпадут. Хотя там, в академгородке жили многие из тех, о ком знала заграница — или, по крайности весьма ими интересовалась. И в государстве делалось все для депопуляризации замечательного этого города. А для его граждан в отъезде попытка рассказать подробно о малой своей родине могла закончиться печально. Аналогично подмосковный Солнечногорск. Или Зеленогорск. Велик, что и говорить был этот реестр… Одесса была брендом, почитайте, чуть ли не с рождения. Популярность Севастополя родилась и энергично взросла на войнах. И об этом можно-должно рассуждать долго. Оно того стоит. Но вы в данном случае: берите поправку на географию. То есть совокупность исторических факторов, во многом определивших

и реноме и даже саму атмосферу этого места под солнцем. Как говорится, исторически сложилось. История! Но и география. В гимназиях Российской Империи, вы легко в этом убедитесь, листая классику, учебная наука называлась «История и география», и преподавалась по единой программе. Вспомним хотя бы чеховского «Учителя словесности»: друг лирического героя Ипполит Ипполитыч (гимназеры называли его Метрополит Метрополитыч) вел предмет «История и география». Верно ли сделали, что в советских школах и в дальнейшем их разделили и преподавали разные учителя — вопрос спорный, да и нас не спросили. Но вы понимаете, классическое такое единство тоже не случайно. География, место под солнцем, ваше месторождение и местонахождение весьма важны. Имейте это в виду. Конечно, такой фактор не должен вас поглощать. На нем не следует патологически сосредотачиваться. Но иметь ввиду необходимо.

МЕНТАЛИТЕТ

Допустим, ваша жизнедеятельность волею Божию проходит в Италии. Или в Германии. Казалось бы, Европейский Союз. Но и эти две его страны — разные. В чем-то похожи, а в чем-то — нет. И как бы вы талантливы не были (а хеттское слово «талант» Лев Толстой переводил как «своеобразие», «непохожесть», «необычность»), движение по жизни к цели вам подскажет необходимость считаться с менталитетом. А не примите подсказку — заставит. Или вы удлините дорогу к цели чрезвычайно, а может быть — и катастрофически. Пускаясь в такой путь, самым серьезным образом настройтесь на учет менталитетной составляющей.

Это всегда необходимо. Особенно важно — в ближнем бою. Мы уже поминали не злым тихим словом «Ангелов ада» на американских просторах. Вы в курсе — некая статусная, хотя и криминальная группировка. А вот для итальянцев ни о какой статусности в адрес «Ангелов ада» и речи быть не может. Для них они не просто байкеры, но реальные преступники. Так что кричать о принадлежности к байкерскому клубу на каждом углу не стоит. Зачем дразнить полицию? Или допустим вы отправляетесь в Египет. Если на вашей шее ремешок-цепочка, а на ней шестиконечная звезда, снимите ее. Исключите провокации. Сами понимаете… И те, кто с вами будут вести светские и деловые беседы, не увидят в вас противника. Что и требуется. Это и есть ваш учет менталитетной составляющей.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Итак, три темы, в обращение с которыми следует быть вдумчивым-осторожным: «политика», «семья» и «личности». Довольно распространенная и серьезная, краеугольная ошибка — выставлять на показ свою семью. Люди-бренды этого не делают. Семья — не флаг над головой, развевающийся по ветру. Есть у вас семья — и слава Богу. И уж чужую семью в ближнем бою обсуждать не следует.

Высказывание мнений о некоторых личностях также может быть вредно. Вот вы взяли и нелестно высказались в адрес некоего третьего лица. А кто-то из собеседников или сидящих за соседним столом оказались его хорошими знакомыми, родными-близкими. Друзьями. Ну, допустим, вы не получите канделябром по голове. Но некая «галочка» в вашем досье может появиться. Даже если вы говорите о неоспоримых фактах, о явлениях той степени очевидности, которые не предполагают сомнения. С точки зрения racio (о чем и речь) ваше высказывание такого рода будут не только бессмысленны, но и прямо вредны. Не переходите на личности — есть масса иных полезных, интересных и близких вашим собеседникам тем. Припомните, в какой ситуации оказался отставной полковник и помещик в салтыковщедринском произведении «Село Степанчиково и его обитатели». Вспоминал он офицерскую молодость — прогуливался с товарищем в театральном антракте. Само-собой, под шафе. На встречу шли три дамы. Он и говорит приятелю: смотри-смотри, какая кикимора. Вот та, что с краю. А приятель ему: а, это моя двоюродная сестра! Ну, он смутился: да нет, мол. Вот та — справа. А — отвечает приятель — это моя родная сестра! Ну, тот совсем расстроился: да, нет же, говорит, вот та — посредине, ну, и рожа! А приятель ему: а, так это — моя жена!

Оно конечно, занятно. Михаил Евграфович был человеком остроумным. Как и все прочее вышедшее из-под его пера, эта ситуация забавна. В литературе. В реальной жизни, где мало что проходит бесследно. И полнейшая независимость — абстракция. Выдумка. Известный минимум осторожности-вдумчивости-аккуратности, во всяком случае, не повредит. Может быть, и это имел в виду поэт, сказав: «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется…». А раз так, то: «Не всегда говори — что думаешь. Но всегда думай, что говоришь».

Бывают ситуации, когда от ответа на вопрос вообще уклониться нехорошо. Вот, скажем, интересуются вашим мнением о личности того или иного деятеля. Попросту: что вы о нем думаете? Равно

нет нужды быть нетактичным и недальновидным. Есть универсальная формула: человек я занятой, даже перегруженный, мне не всегда хватает времени и сил думать о том, за что взялся. Так что, я стараюсь экономить на том, что можно опустить без потерь для главного. Уверен: есть и без меня кому подумать об этом гражданине. Тем более, я лично с ним не знаком…

Гоголевский Чичиков ведь — деловой-целеустремленный господин. В новом для себя городе, в высшем его обществе он втянут в подобную беседу с крупным латифундистом Собакевичем: «Не правда ли, хороший человек Иван Григорьевич, председатель?». «Так это вам показалось. От только что масон, а дурак — каких свет не производил» — «Конечно, каждый человек не без слабости. Но зато губернатор, какой превосходный человек» — «Варвар. Первый разбойник в мире» — «Наоборот, мягкости в нем много, кошельки вышивает» — «Дайте ему нож и выпустите его на большую дорогу. Он вам там вышьет кошелечек» — «Он, да еще и полицмейстер. Это Гога и Магога. Весь город такой, я их всех знаю мошенник на мошеннике сидит, да еще и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один только и есть порядочный человек, это прокурор. Но ежели правду говорить, свинья».

Ну, что прикажете делать Пал Ивановичу Чичикову? Он едет и идёт к цели: расположить к себе городскую элиту и помещиков — владельцев душ, в том числе и мёртвых. Один из них, Собакевич,— он носом чует — готов их продать. Но ругает начальство. И Чичиков маневрирует. Он не возражает, но и не соглашается. А в результате достигает своей цели — у Собакевича покупает эти самые души. Да и у Коробочки, Плюшкина и Манилова. Только с Ноздрёвым сорвалось — не учёл своеобразия этой забубённой личности. В общем, на репутацию свою он сработал. Как бизнесмен, в общем-то, был прав. А задачу сохранить лицо он перед собой и не ставил. Дело сделал — хоть и пришлось драпать под натиском захолустных сплетен. И что было потом у местных аристократов — его уже не интересовало. У авантюры — свои законы. Но там, где вы пускаете корни, нужна совсем иная методика. Начинающему военному говорят: сначала ты работаешь на свою репутацию. А потом она работает на тебя. Думается, эта максима годится и вне строя.

Шеф поясняет: «Я складываю впечатление о человеке из личного знакомства и общения. О тех, с кем не знаком, о ком вообще ничего не знаю из личностной практики, я ничего не говорю». Нередко найдутся советчики, которые уверенно направят вас в интернет. Мол, там есть о той или иной личности. А ведь интернет-амплуа и личное знакомство — совершенно разные категории. Истинно деловые люди предпочитают складывать окончательное впечатление о человеке из практики личного общения. Вообразите примерно такую ситуацию — вот вы начали выражать своё мнение о человеке Х, а вам тут же адресуют вопрос: да что ты знаешь о нём? И если вам, по существу, ответить нечего, если вы ни разу не общались и ни разу не встречались, можете не сомневаться: на вашем досье появляется жёлтая или красная полосы.

Приготовьтесь примерно к такой реакции: ты точно не знаешь этого человека Х. Если бы знал, такой ерунды вслух не нес и не отправлял бы здешний воздух своим словоблудием. Нет, не стоит говорить о людях, с которыми вы лично не знакомы.

Но ежели вы, всё-таки, с человеком Х достаточно знакомы, задумайтесь, что именно скажете, как это аргументируйте. А главное, каковы будут последствия вашего спича. По законам мировой режиссуры, обязательно о словах ваших узнают друзья и близкие этого человека. Мир-то наш и впрямь тесен. И что дальше — сложно спрогнозировать. Вам результат может не понравиться…

И при этой смете непомерные обобщения вредны. Только ли сам человек непременно возводит здание своей репутации? Напротив, совершенно напротив: вовсе не исключены обстоятельства и ситуации, которые буквально делают из вас бренд. Как это, как это, как это? Ну, к примеру, так это: ваши картины, графические листы, скульптуры и проч.т.п. доступны множеству современников на выставках и буклетах. Или — вы часто выходите на сцену или на экран кино-теле. Ваши портреты-имена-фамилии на обложках книг и журналов. Фигурируете вы в рецензиях СМИ. Вы даете интервью и автографы. И накатывается ваша репутация, как снежный ком — всё больше и больше, всё чище и чище. Как бы — сама. В конце концов, то, о чем сказал поэт:

«…Теперь я с гордостью гляжу
Как важно там и тут,
Уже отдельно от меня
Дела мои идут…»

В таких вариантах репутация складывается без ваших дополнительных усилий. Но только в глазах множества потребителей вашей творческой продукции, лично с вами незнакомых. И потому весьма нередко она мало соответствует действительности. Не изучавший искусствоведение зритель-читатель-слушатель, потребитель творческой продукции, не осведомлён тонкостями разницы правды жизни и правды искусства. Этот самый потребитель, не будучи подкованным и в теории «Альтер эго» — Второго «Я» и в законодательстве Социального Заказа, идентифицирует автора с его лирическим героем.

Между тем, кому надо — отлично известно: таланты, дарования, даже способности достаются людям отнюдь не за их высокие, моральные, духовные и интеллектуальные качества. А за что? А не за что. Сие, как сказал тот же поэт, «…Известно лишь Всевышнему. И тоже понаслышке». И потому читающие воспоминания современников о Пушкине и Лермонтове, о Толстых и Чехове, о Марке Твене и Эдгаре По — недоумевают. О, как они не похожи были в реальной жизни на сложившиеся их образы, на портреты и памятники. Уже помянутый поэт нечто подобное выразил в том же стихотворении о делах, которые отдельно от него идут:

«…Когда они придут на лад
И станут жить в ладу
Волнуясь, мучась, горячась,
Я в гости к ним приду.
Они посмотрят на меня
И спросят — кто такой,
Вот этот странный человек,
И старый, и седой?…»

Не узнают своего автора. Не похож. Собственно, что тут мудрить: сам Александр Сергеич определенно высказался на эту тему в стихах, почему-то (по недосмотру начальства, видать) включенных в серию «Библиотека школьника»:

«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он…»

Ничтожество? Всех ничтожней? Быть может. Ну, пока Аполлон не требует. А поди ж ты, имена живут в улицах, переулках, площадях. В экранизациях-инсценизациях. Книжные полки ломятся. А ещё кому-то из реальных простых смертных помогли удержаться от скверных поступков, вести себя прилично и совершать хорошие дела их вымышленные герои.

Да, учесть сказанное небесполезно, но одной только правдой искусства (в т.ч. литературы) жить невозможно. Нужно быть большим удачником, чтобы удалось обмануть реальность, даже из самых лучших побуждений и на основе жития лирических героев. Но рассчитывать на свою счастливую звезду, сияющую где-то там, в миллионах световых лет над тобой, и в свою врожденную удачливость раз и навсегда — нет, такового не порекомендуем. Сказанное касается исключительно талантливых землян, да и то далеко не всех. На Андрея Болконского или Остапа Бульбу ровняйся, но сам не плошай. Заметим только: на репутацию тех, которых не сподобил Бог писать бессмертные картины и стихи, бывает, чудесным образом работает прямота высказываний.

Скажем, вы последовательно выражаете четкую позицию, называете вещи своими именами. Прямо, без обиняков. Этим вы делаете ценный вклад в свою репутацию. Но закон Меры вещей требует напомнить: никакая прямота, никакая принципиальность не освобождает вас от деликатности и благородства. Предположим: человек некий поступил или поступал заведомо скверно. И вы это знаете наверняка. Во всех деталях. Вообще говоря, если в обществе об этом зайдет разговор, и вы почувствуете потребность поучаствовать или к вам за этим обратятся. Можете высказываться вполне искренне. Поскольку, если понадобится вы сможете четко аргументировать свою позицию. А по поводу контраргументов собеседников у вас есть резерв: о чем вообще спор? Охотно, мол согласился бы с вами. Но увы — не имею такой возможности. Ибо знаю ситуацию, так сказать, изнутри. Вы же с ней знакомы только понаслышке. Если угодно предложение: сделаем перерыв, вы вникните в материалы дела и все обсудим. Если, конечно, после настоящего знакомства с вопросом, у вас не пропадет желание продолжить этот разговор.
Вот и выход. Как говорится — вдосталь и без греха. Такой и подобный ему ход — свидетельство вашей принципиальности и прямоты, трезвомыслия и открытости, хорошего воспитания, навыка уважать других и считаться с ними. Репутация…

О НЕГАТИВНЫХ КАЧЕСТВАХ

У нас с вами — откровенная беседа? Ведь так? Ведь верно? Отсюда — и ещё одна рекомендация. Не стоит говорить о своих негативных качествах. И уж точно не стоит их демонстрировать. Зачем? Почему? Во имя чего? Поверьте, нет необходимости взваливать свои проблемы на другого или других. В деловом мире это явно не приветствуется. Такое — не про бизнес. Честно говоря, даже не с каждым другом стоит так себя вести.

Знаете, что о вас подумают в обществе? Он — неудачник. Да-да, обыкновенный неудачник. И не просто подумают, но скажут вслух, повторят и тем самым заставят всех остальных обратить на это существенное внимание. Вот так и получится, что однажды вы проснётесь и не поймёте, как из перспективного потенциального бизнес-партнёра превратились в признанного неудачника.

Стоит ли толковать о том, что в деловом мире с неудачником мало кто хочет, как говорится, дело иметь. Даже если на вашем жизненном пути действительно случаются горести и неудачи (а у кого они не встречаются?), выносить этот сор из своего дома, крепости, избы не стоит. Демонстрируйте вашу способность к устойчивости, деловитости и желание-умение решать любые задачи. В том числе и непростые. И самые сложные. Да будет с вами реплика, о которой вспомнил авиаконструктор А. С. Яковлев в книге «Цель жизни». В самом главном кабинете СССР экс-вождь предложил ему некое дело. И сразу предупредил: «Только не говорите, что это — сложный вопрос. Мы тут решаем только сложные вопросы!».

Недаром итальянцы в Америке кратко отвечали cosa nostra. В переводе: это наши дела и наша забота. То есть, как бы вам тяжело не приходилось, что бы у вас в жизни ни происходило, не надо это показывать. И уж точно не нужно превращать свою жизнь в общественную театральную сцену. Относитесь ко всему по возможности легко. То есть не легкомысленно, а именно легко. Такое отношение демонстрирует вашу силу и устойчивость. Однажды шеф рассказал историю. Представьте: за столом — компания друзей. И вот у одного из его друзей что-то произошло. Ну, что-то нехорошее. Но это и не важно. Когда за столом, словно невзначай, один из компаньонов спросил: «…слушай, у тебя же какие-то проблемы, реально непростые, так?» Знаете, что ответил тот самый человек — просто, ровным голосом? «*И не таким дельфинам хребты ломали; вот и сейчас разберёмся*». И закусывает…

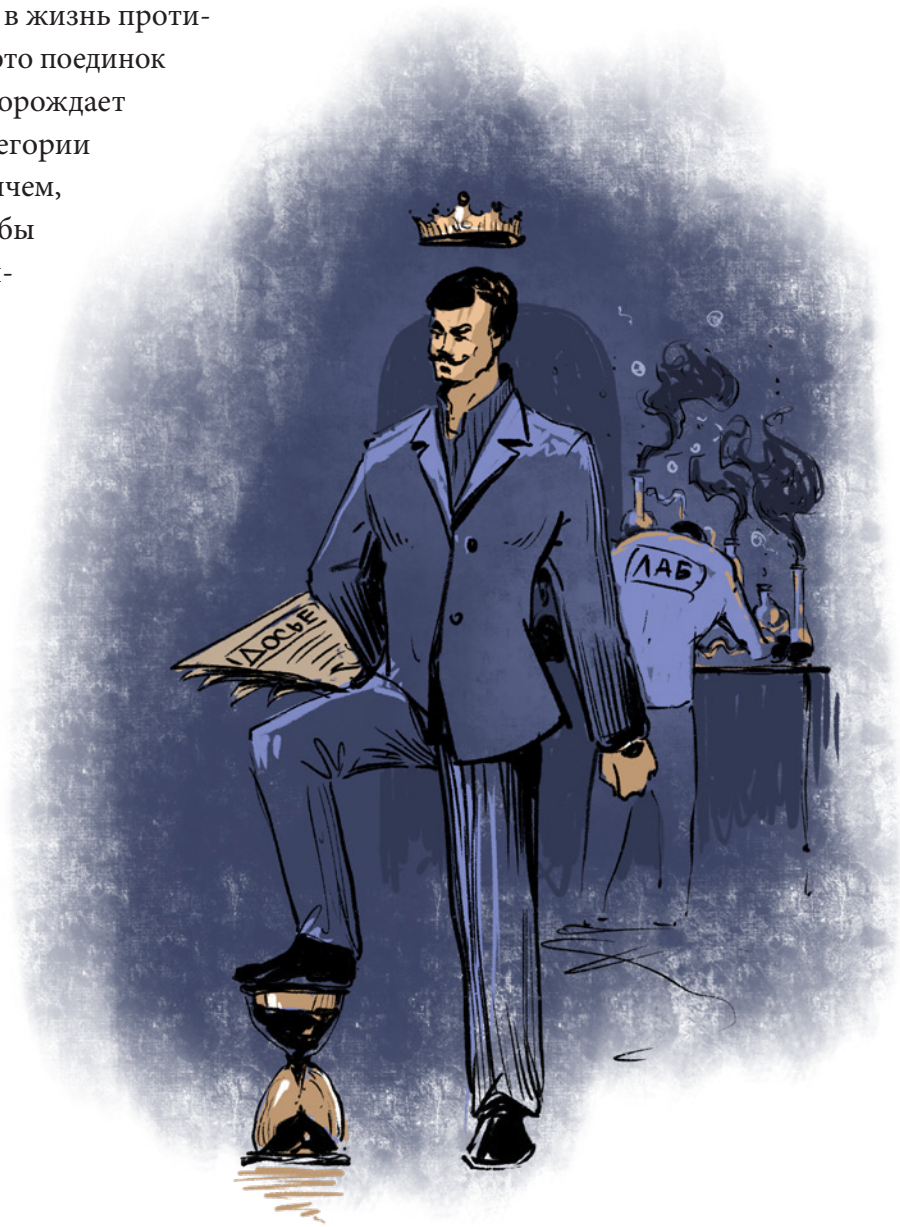
Все! Разговор закончен. Какие проблемы? Какая дискуссия? Перед вами — сильный человек.
Дамы и господа, леди и джентльмены, братцы-гражданочки. Вот мы и финишировали, вот мы и приблизились к финальной точке обсуждения концепта личного бренда. Основа личного бренда — это ваша репутация.

Ре-пу-та-ция. Это не то, что вы о себе написали миру. Это целая комплексная система, складывающаяся из вашего образа, из совершаемых вами поступков; она строится из интерактивного пространства, из которого на вас будут собирать досье; также из результатов личного контакта и личной беседы с вами, в ходе которой, как будто про между прочим, в «ближнем бою» вас экзаменуют по разного рода параметрам.

Всё, что предшествует личной встрече,— это этапы подготовительные. Непосредственно личный контакт — это уже этап экзаменационный. И любой человек вовне будет говорить о вас так, как вы повели себя с ним во время личной встречи. Если то, что написано в социальных сетях и заявлено о вашем образе жизни, не соответствует ходу личной встречи, в итоге возникает самый натуральный диссонанс, в перспективе медленно, но верно разрушающий вашу репутацию.

А почему люди вообще так пекутся о своей репутации? В ходе нашего разговора мы и так достаточно разносторонне взглянули на этот вопрос. А потому не хотим обременять вас очевидными выводами.

Однако в качестве финального аккорда попрощаемся следующей мыслью: репутация — словно поединок с самим временем. Это нечто безвременное, говорящее о вас без слов, свидетельствующее о вас без вашего участия. Репутация — итог поединка со временем; то есть, когда вы отрезок длиною в жизнь противопоставляете краткому досье — это поединок времени. И такого рода подход, порождает разнообразные феномены и категории в ходе поединка со временем; причем, совершенно не обязательно, чтобы в итоге появилось досье или личный бренд.

Битва со временем, противопоставление времени и любых временных отрезков, поединок со временем во сне или наяву непременно рождает мощные концепции.

И такого рода метод концептуализации мы определённо рекомендуем не обходить стороной.

— Что ты хочешь?
— Я хочу убить время.
— Время очень не любит, когда его убивают.
Льюис Кэрролл.
Алиса в стране чудес

20 ИСТОЧНИКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Как сказал один немецкий учёный, критерием истины является практика. Правда, будучи идеологом мирового масштаба, он имел в виду общественную практику. Но нам формула эта представляется универсальной. И касается всего и вся. Можно сколько угодно теоретизировать по любому вопросу. Но наименее относительным и максимально приближенным к истине будет, всё же, практический результат, который не обманешь. Ещё в старину говорили: можно обманывать процесс — нельзя обмануть результат. Ничто так не катализирует ошибки на той или иной стадии процесса, как практический итог. Даже цыплят — и тех по осени считают…

Потому мы, переходя от вступительной разминки к сути, так и начнём: с практики. А она свидетельствует о том, что умы, ищущие и жизнью закалённые, занимались источниками концептуализации достаточно длительный промежуток времени. Вероятно, с ранней зорьки человечества. Увы, доисторический период на нашей с вами карте остаётся белым пятном, поскольку был ещё и добюрократическим — не оставил документации. Почти также, как и раннеисторический. Артефакты же провоцируют в науке ассортимент гипотез разной степени привлекательности, но решающими доказательствами не являются. Потому и по сей день вызывают, как говорил некий герой Жванецкого, спор с возражениями. И ежели мы не имеем возможности, ввиду отсутствия документальных свидетельств, мыслить категориями от той самой зорьки, всё же можем и обязаны заключить со всей ясностью: как минимум, с веков восемнадцатого-девятнадцатого научные и публицистические труды, так или иначе затрагивавшие вопросы поиска концепций, были и дожили в том

виде до наших дней. Откровенно говоря, не скажем — существуют ли труды более ранние. Просто не знаем. Вполне возможно — были и есть. Но того, что доступно авторам этих строк, вполне достаточно для нашего собеседования. Проиллюстрируем его такой притчей:

Одна коллега наша как-то с Шефом проводила исследование в ключе криминалистики. Научные исследования вообще, а в этом тематическом направлении в особенности, чреваты разными находками. И вот, по воле Его Величества Случая, эврика! Нашла! Обнаружила некую книгу. В бесценной исторической пыли библиотеки Палермо наткнулась она на труд 1908 (!) года. Считай, 100 лет назад написанный. Вернее, обдумывался-писался раньше, издан был в восьмом. Собственно, тот самый пример материала с источниками концептуализации. Что имеется в виду? А — то самое. Ещё в раннем детстве вам объясняли (если повезло, конечно): что такое «хорошо» и что такое, соответственно, «плохо». Может быть, даже читали вслух одноименную книжицу блаженной памяти Маяковского. И выходило всё очень просто:

«…Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо…

…Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

Этот
в грязь полез
и рад,
что грязна рубаха.

Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.

Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребёнок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свинёнок…»

Глубокие, а главное — свежие эти мысли, опубликованные повсеместно в СССР ещё в 1925 году и путешествовавшие потом десятки лет, ориентировали воспитателей в их работе, а воспитуемых — в повседневности. И нередко срабатывали, прочно опираясь на такой аккорд резюме:

«…Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо,
и не буду —
плохо».

Смеётесь? А зря. Хотя и занятно, конечно. Великий поэт и мыслитель, улицы, переулки, площади имени которого и памятники которому имеются почти во всех городах бывшего СССР и кое-где далее, самолично нацарапал такие каракули. Но они вполне укладываются в рамки социального заказа, теорию которого он же и сам соорудил. И судя по гонорару, вполне обосновано. Владим Владимыч ведь обращался в этих стихах не к нашим нынешним деткам (они бы его и слушать не стали), а исключительно — к двум инстанциям: 1) Госиздату, то есть — к заказчику. И 2) к деткам тех, кто «Академиев не кончал». И если мы вам скажем, что их мамы не заканчивали высших женских курсов, так вы поверите нам на слово. Между прочим, наукообразно это называется «Критерий позитива-негатива» или «Ценностная система». Уже не в детстве, а в классе девятом-десятом вам расшифровывали этот терминологический оборот примерно так: «Система, предусмотренная понятием теории ценностей, обозначающая совокупность сложившихся у людей мнений о значении в их жизни вещей и явлений в природе и обществе». И ещё: «Человек в обществе опирается на систему ценностей при сравнении и выборе вариантов решения». Просто и ясно. Хотя именно эти простота и ясность настораживают. Не слишком ли просто? Не та ли это простота, о которой народ говорит — хуже воровства?

– Позвольте! Вы ведь начали насчёт книги, которую ваша коллега с Шефом отыскали в иностранной библиотеке!

Сейчас будет и о книге. Сию минуту. Только ещё — несколько слов мостика к ней и от неё далее. Представителей разных поколений учили по-разному. Но совершенно едино — на героических примерах. Книги, журналы, театры, кино, радио и ТВ кишмя кишели разного рода лирическими героями. Они, конечно, тоже были разными. Но в основном принадлежали к одному из двух разрядов: «положительными» и «отрицательными». Иначе — хорошие и плохие. Первые — для того, чтобы брать с них пример. Вторые — для того, чтобы никогда, нигде, ни за что и ни при каких обстоятельствах не делать так, как делали они.

Советские реалистические литература и искусство вовсе не отрицали самого наличия «у нас» в реальности отрицательных персонажей. Но закон соцреализма требовал известной пропорции между плюсом и минусом. «Наших», «хороших» должно

быть значительно больше. Абсолютное, подавляющее большинство. А «тех», «не наших» — подавляемое меньшинство. С самого начала всякому дураку должно было быть ясно, что плохие обречены на поражение. А хорошие? Правильно: на победу. И творцы, если только не желали потратиться на своё творчество и на редколлегии или худсовете остаться в дураках, ещё только разрабатывая будущее произведение уже закладывали этот принцип в его основу. И не то, чтобы все те произведения были серыми и бездарными. Нет. Тоже — разными были. Принцип был один: борьба хорошего с ещё лучшим. Со злом тоже боролись, но — с тем, которое за кордоном. Или, если у нас, то — как его влияние. А сам принцип один остряк в потеплевших шестидесятых сформулировал так: «Прославление правящего класса в доступной для него форме». Говорят — больше он уже ничего не формулировал…

А вот теперь — книга! Повторимся: коллега наша, работая с Шефом, в упомянутой старинной книге как раз обнаружила любопытное в этом смысле издание. Про злодеев! Но не просто о тёмных личностях, а ещё и о том, как их изображали в самых разных жанрах-видах-родах литературы и искусства. В частности, кто-то зачем-то и почему-то давным-давно и всерьёз изучал то, как на протяжении сотен лет ненормированно выражались отрицательные герои литературы и искусства. И вообще, то — насколько были они отрицательны? Согласны, странноватая наука, конечно. Но ясно: раз люди тратили на странность эту время-силы-нервы-деньги, они наверняка хотели получить нужную информацию. И знали — что с ней делать. Ну, в общем, прочли мы эту книгу. И очень даже. И очень даже. Впечатления? Разные. К примеру: те, кто по общепринятой нами ценностной системе нехороши, оказываются не такими уж скверными. Или даже — прямо наоборот. Весьма привлекательны.

Когда мы, например, с вами **пытаемся понять, как выглядели плохие герои** в Советском союзе, мы можем обратиться к искусству и литературе тех времён. Жесткая централизация всего и вся — от тяж- и легпрома и сельхоза до науки и худтворчества делала несложной всенародную рекомендацию — что смотреть, слушать и читать. По той же причине то, что не следовало смотреть, слушать и читать, отсутствовало в стране-государстве. Ибо если и задумывалось-сочинялось — писалось, рисовалось, то не набиралось, не печаталось, не снималось, не ставилось, не экранизировалось и не инсценизировалось. Впрочем, даже некоторые произведения и попадали к потребителю, при частых сменах линии руководства и по недосмотру начальства, изымалось из оборота. Так что герои-ориентиры были исключительно проверенные и рекомендованные. А те рекомендации воздействовали директивно.

Кто же смел не вдохновляться фурмановским «Чапаевым»! Или Павкой Островского. Или другим Павликом — Морозовым. Из мрачной эпохи царизма через революционный кордон в Страну Труда протащили Пушкина-Лермонтова, наскоро произведя их в декабристы (к которым оба имели не большее отношение, чем Николай Первый). Так и не сбросившего их с Парохода Современности Маяковского, во весь голос ляпнувшего «И жизнь хороша, И жить хорошо!», после чего, правда, застрелился. Вторая мировая добавила рекомендации: рядовой Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, настоящий человек Алексей Маресьев — безногий гроза Люфтваффе. Со времени их оттеснили на задний план или вовсе вытеснили из

памяти Жеглов с Шараповым, статский советник Фандорин иже с ними. И знаете, постарайтесь вспомнить — как выглядят отрицательные герои в популярном кино. Ну, какими их сработали сценаристы, актёры, режиссёры и гримёры. Как бы то ни было, кинозлодеи эпохи СССР и предшествующих веков как-то не очень похожи. Да что там — совсем не те.

И на анти-героев, воспроизведённых на Свет Божий в наши времена, они тоже не похожи ни капли. Давайте посмотрим; Последние плохие дядьки были в «Бандитском Петербурге». Рпт: поглядим и сравним с теми, которые сидели за злодейским столом, реконструированным в 70-х. Обратите внимание на то, как «жирует» тогдашний мерзкий уголовный элемент последнего года войны. Победного года. Оно конечно — сплошь витамин «Це»! Мясце, сальце, яйце. Маслице. Винце. Квашеная капустка, огурчики-помидорчики, печеная картошка, Лук-чеснок. Хрен, вероятно, с горчичкой. Проголодавшемуся Шарапову и впрямь смотреть на такое изобилие было больно. Ну, дамы — не без них, конечно. Интересные.

Как это не похоже на дальнейшее; совершенно очевидно — в 90-е мы имеем дело, можно сказать, с греческой формой организации подобного мира. К примеру — нормандская банда, глубоко законспирированное и шикарно живущее преступное сообщество. Телезритель, радиослушатель, читатель газет-журналов тех самых 90-х воспринял и запомнил опосредованных СМИ и искусством преступников тех незабываемых годочков несоизмеримо более страшными, чем прежде были до революции и в СССР. Коллективное это восприятие нам известно, конечно. Но не согласны с ним, хоть убейте. Думаем: чем ближе к современности, тем реальный преступный мир менее жесток и устрашаем.

Так уж повелось испокон века, что мирный обыватель воспринимает мир преступности как-то отдельно от своего мира — как бы законопослушного. Кто поумнее — отдает себе отчет, кто поглупее — подсознательно-настроенчески-интуитивно, но почти все дружно придерживаются некой схемы: с одной стороны — мы, не преступники и не правонарушители, с другой — соответственно, они. Как говорят физики, антимиры. Мы в их садик не ходим. И нехай они не ходят в наш. Ну, а поскольку в этом смысле доброй воли с их стороны не ожидает и последний дурак (кому не ясно что они — паразиты и могут существовать за наш счет), на кордоне держит фронт полицейское воинство. Вспомним страстный монолог капитана милиции Жеглова, обращенный к вору. «Я, сказал, здоровый и умный мужик, должен тратить жизнь на борьбу с такими, как ты!»

Вот этих здоровых, умных (по идее) мужиков мы в своем законном мире освобождаем от производительного труда, одеваем-обуваем, вооружаем, кормим-поим, обучаем, платим какие-никакие деньги. Только бы пусть граница между нами была на замке. А ежели что — дабы этот фронт держали. Четкая ясная схема, исконно облюбованная и обжитая обывателем. Она — прелестна. У нее есть масса достоинств. И один маленький недостаток — не имеет никакого отношения к тому, что Карамазов средний называл реализмом действительной жизни. Давайте загибать пальцы. Мизинец: преступник и правонарушитель — самый обыкновенный человек, точно такой же

как мы с вами; его тоже не курица снесла — мамаша родила в муках. С ним также не посоветовались изначально — являться ль ему на свет Божий. И где именно — на юге Франции или в Сибири. Безымянный: он также подвержен двум основным факторам, формирующим личность — эволюционным расшифровкам генетического кода и воспитательным соблазнам окружающей среды, не говоря уже о второстепенных и тем не менее достаточно влиятельных факторов. Средний: в нем и над ним также довлеет закон, категорически отрицаемый метафизикой соцреализма, но любимый практикой (признаваемый даже таким марксистом-диалектиком, как Сталин): «Логика обстоятельств выше логики человеческих намерений». Указательный: их анатомия и физиология, не поверите, устроена абсолютно также как у нас с вами — людей честных и порядочных. Кожа, костно-мышечная, нервная, кровеносная системы все без исключения железы наружной, внутренней секреции. И даже желудочно-кишечный тракт от начала и до конца — совершенно аналогичный. Ни один прозектор в ходе своих манипуляций не отличит домушника от поездушника, медвежатника от каталы, щипача от мокрушника. И всех их вместе — от любого из нас. Тьфу-тьфу-тьфу чтоб не накаркать. Большой: и наконец, они также смертны, как и все остальные. А самое занятное — все это касается и того воинства, которое стоит на кордоне, между нами. Полицейский даже самой цивилизованной страны в душе — тоже человек. И ничто человеческое ему не может быть чуждо по определению. Хотя глупенький обыватель всегда ждет от него чего-то этакого, никогда ожидаемого не получая. И потому не любит полицию не меньше, чем преступников. Даже не замечая, что тем самым работает на преступный мир, давая знать милицейскому воинству о своём отношении к нему. И таким чином солидаризируясь с преступниками, также не любящими милицию-полицию.

Разумеется, есть и отличия, но и они — не такие уж определённые, как некоторые полагают. И всякий уважающий себя закон в лице следствия и суда вникает в эти нюансы. А потому за преступления с одинаковым результатом следуют различные наказания. А бывает, не следуют и вовсе.

Есть еще кое-что общее не только у отдельных правопослушников и правонарушителей, но и у наших миров. Оба они диалектически меняются, развиваются, цивилизуются. Современный преступник, во всяком случае — в городе едва ли засядет за нестроганый стол, зальется хлебным вином и набьёт брюхо салом-капустой-солеными огурцами. В вашем воображении скорее всего он возвращается с дела в особняк в мавританском стиле. Или мечет награбленное-украденное в игровом зале или в шикарном баре-ресторане. К его услугам головоломные коктейли, марочные вина-водки-коньяки и изысканные закуски. Не говоря уже о длинноногих, грудастых, задастых и политически неграмотных девицах. Какой там, к свиньям собачьим, Горбун? Какой Промокашка? Какой автофургон «Хлеб»? Цивилизация!…

Оба эти антимиры, как ни парадоксально, шагают в ногу и тем же аллюром по пути научно-технической революции. Только наш мир эти усилия посвящает обороне от них. А они — наоборот. Но наши усилия и находки в деле самозащиты стимулируют их усилия нападения. Однако же о своеобразной этой гонке вооружения мы с вами уже имели удовольствие беседовать в предыдущих встречах.

Портреты преступников

Чикатило

Вернемся к творческой продукции. И в ней — к лирическим героям — преступникам. Профессор Мориарти из известного сериала просто сошел со страниц капитального труда Чезаре Ломброзо «Типы преступников». Полистаем этот труд. Как выглядят злодеи?

Поглядите на этих господ внимательно. И только, ради Бога, не говорите нам о том, что они мало похожи на господ. Сию минуту — да, господствуют они в нашем воображении. Хотя… Кто же не согласиться: такие физиогномии ожидаешь увидеть разве что в кинореконструкции психиатрического отделения госпиталя Кайенской каторги во французской Гвиане — не позднее 1852 года. Ну, по «Отверженным» Виктора Гюго — с Жаном Габеном в роли Жана Вальжана. А ведь некогда, и исторически недавно, вы их встречали мимоходом на городской прогулке. Представляете? Даже самому Липоту Сонди для его тестов такие и не снились. Возможный вывод: цивилизация какая-никакая все более отдаляет нас, хороших и симпатичных (уверены) от мира страшно-жутко-ужасных типов — к благообразию. Это совершенно очевидно.

Только ли о чисто внешнем эффекте речь? Да всего-то каких-нибудь полтора-два века назад в сравнении с ними паноптикум в хазе Горбатого из «Места встречи…» — модели для небожителей Рафаэля. Ну, в крайнем случае — Доменикоса Теотокопулоса (одесским снобам известен, как Эль Греко). Ну, ладно, там — воры, бандиты, каталы. А вот возьмем маньяков. ОПГ — что ОПГ? Конкретные крутые пацаны, в основном снимающие пенки, сливки и прочую сметану с нашей мирной цивилизации неправомерным путем. А маньяки выглядят также? Или они ближе к ломброзианской шайке? Миль пардон. Океан извинений. Но взгляните на этот портрет.

Да-да, оне. Оне самые. Чикатило — собственной персоной. Ну-с? Что в нём такого особенно страшного? Типичный средний интеллигент-провинциал. Школьный учитель. Кстати, и гражданин хороший — внештатно помогал милиции. В чем? Ясное дело, в борьбе с преступностью. Занятно: как выяснилось впоследствии, он помогал милиции искать и самого себя. Что, как вы понимаете, нимало не ускоряло поиски. Смотрите-смотрите! Он удивительно похож на одного ныне покойного, но все еще популярного кинорежиссера-комедиографа. В общем, люди как люди, от нас с вами не отличишь, бывают и откровенно привлекательные особы. Рекомендуем просмотр импортной ленты «Богомол». Главный герой — более чем позитивен. И что? Чем, спрашивается кончилось? Смотрите-смотрите это интересно и полезно. Еще раз сопоставьте портреты маньяков, ублюдков Ламброзо. И вспом-

ните сериал «Сын за отца», созданный в 2014 году. Вот вам типичный, современный вор в законе. Немного на говорухинского Горбатого похож. В общем, выходит так, плохие люди, как и все остальные со временем менялись. Иными становились стиль, повадки, даже мимика и жесты. И перемены эти — от частичных к радикальным.

Объяснимся и по вопросу — почему мы так часто обращаемся к прошлому. Даже в меру любознательным людям, наблюдающим то или иное следствие, обычно интересны причины. У нас же собрались, смеем надеяться, земляне редкой любознательности. Каковая и собрали их под кров Одесского регионального отделения Украинской Академии Наук, глава которой и вдохновил авторов на эту книгу. Да, конец — делу венец. Не годится то, что даже хоть и хорошо скроено, да неладно сшито. Сизиф, как вы, надеемся, помните — трудился неустанно и непрерывно. А что в результате? Шестидесятники и семидесятники хорошо помнят эффект аббревиатуры «Б.А.М.», гремящей над СССР повсеместно, как в той песне «От Москвы — до самых до окраин, С южных гор до северных морей…». Шутка ли: Байкало-Амурская Магистраль! Затевалась она ещё, по сути, после русско-японской несчастной войны. Недостроем стала в связи с гражданской и интервенцией. Продолжалась после конфликта на КВЖД. В её строительство вложены были народные миллиарды и жизни. Отдала рельсы и шпалы второй мировой. Оживилась после боёв с китайцами на Доманском. И до 90-х годов поглотила колоссальные ресурсы, в том числе и творческие. Поэты-писатели-художники-композиторы за БАМ получали весьма солидные премии. Строила вся страна — досталась одной России. Которая, кажется, тоже не знает — что, собственно говоря, с ней делать. После чего её стали громогласно называть «Дорогой в никуда». То разумно, что работает на результат…

– Результат то — результат, а с чего началось. От такого рода любопытства и результат во многом зависит. Смотришь на какой-нибудь жиденький ручеек — а ведь где-то там, в финале впадающая в Каспийское море Волга. Да, авторы этих строк верят в результат по имени Книга. Иначе — где бы мы взяли силу-время на такую построчную, постраничную работу. Но вера эта не снижает нашего интереса к истокам вопросов и проблем, в которых с вами здесь пытаемся разобраться.

Итак: плохие парни — следствие. А начало? Помните у Фонвизина в «Недоросли», крепостной портняжка объясняет свой брак: мол, не учился делу, не у кого было.

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.
Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!
Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.
Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да ***первоет*** *портной у кого же учился? Говори, скот.*
Тришка. Да ***первоет*** *портной, может быть, шил хуже и моего.*

Нет-нет, не о портных речь. О первоетах. Г-жа Простакова, сама того не ведая, наша сторонница. Она обращается в прошлое, к началу. И так или иначе выражает формулу — обратись к истоку. Загляни в начало. Ближе к делу? Извольте: а **первоет**

плохой парень — кто он был? Кто его испортил? Кто сбил с толку и развратил? Дьявол? Падший ангел? *Изгои из общества от него пошли, как считаете?*

Опять-таки: давненько дело было. Как говорил Остап Бендер дворнику Тихонову, это — те, кто жили до исторического материализма и как совершенно справедливо и мудро отвечал дворник, когда жили — тогда жили. И о себе благодарным потомкам оставили почти только гипотетические умозаключения. Увы, нередко схоластически. Но на то мы и сапиенс не можем не мыслить и не обмениваться продуктами загадочного этого процесса. Даже бабушки на лавке не могут удержаться от этого. А куда деваться ученому и писателю!

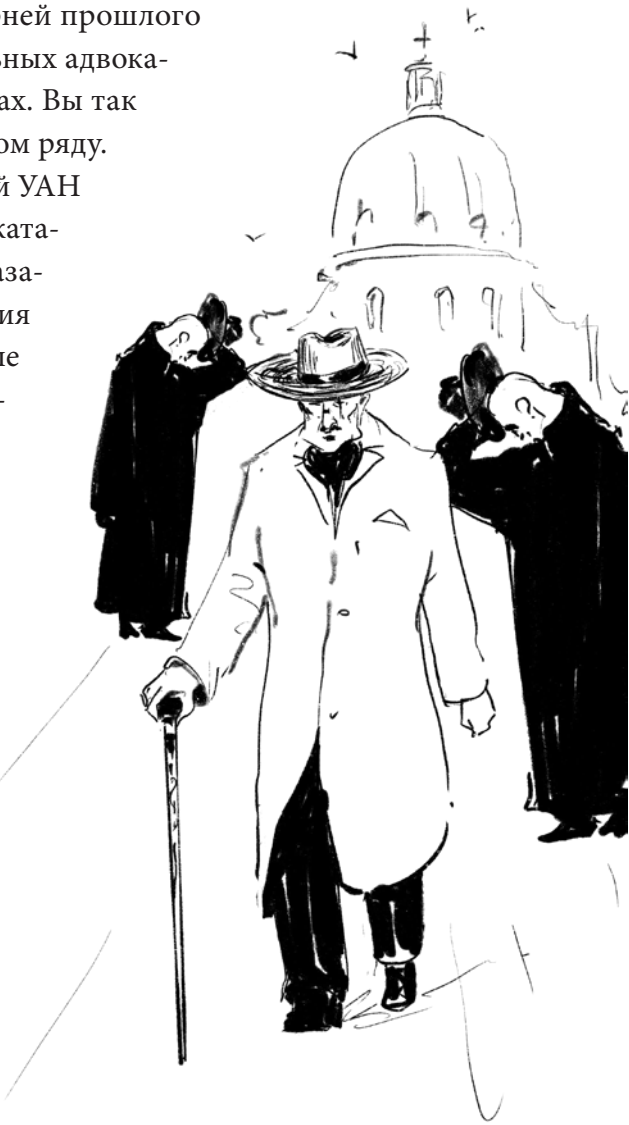
Итак, мы пришли к рассуждению о плохих парнях. И о том, что из года в год, из века в век они меняются. Что-то вроде мутации. На каждом отдельном этапе, как и при мутации классической, их современникам перемены эти незаметны как, и в прочем и перемены простых современников. Современникам, вообще говоря, очень многое не заметно. Это мы с вами — великие умники смотрим на всё издалека. Как там у поэта: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». И согласитесь, чрезвычайно любопытно: что увидят в нашей с вами современности потомки из своего дальнего далека? И что напишут? Одним бы глазком глянуть. Но — не дано. И может быть, слава Богу. А то бы такое прочли…

Да, мысленно мы путешествуем по изгибам прошлого. Как по зарубежью: ближнему и дальнему. Вглядываемся в нехороших парней — в современников Холмса. Сравниваем с аналогичными субъектами 90-х годов 20-го века. Знакомимся вперемежку с пушкинскими злодеями, островскими стряпчими, чеховскими околоточными надзирателями, толстовскими сенаторами, присяжными поверенными и их помощниками. С их наследниками 20-го века. И нами, грешными.
Уместно ли тут сравнение? Не бесспорный вопрос. Но утешимся максимой «все познается в сравнении». Вот вы, почтенные читатели наши — граждане наверняка и что называется — продвинутые. Отсюда к вам вопрос со вступительным комментарием. Комментарий: продвинутые ваши предки, скажем 90-х годов 19-го века хорошо знали-понимали о ком речь при фамилиях: Кони, Плевако, Андреевского, Александрова, Ковшарова. И многих, очень многих других из этого разряда — таких же любимцев читающей публики, как известные художники, писатели, музыканты, общественные деятели. Сенаторы, адвокаты. Они же ораторы. Они же публицисты. Отчаянные либералы. Пожалуйста, продолжите этот ряд применительно к нашему светлому времени. Да-да, леса рук не будет. И вовсе не потому, что у нас мало сенаторов, адвокатов, их помощников и публицистов. Да, господи, как у Тризорки — блох. Пардон. Все, конечно, сравнительно, но как тут прикажете сравнивать? Вы ведь лично, хотя и при посредстве автора «Систер» (трилогия «Хождение по мукам») хорошо знакомы с адвокатом Смаковниковым. Да-да, муж Кати Булавиной. Хотя и не путем впечатлительный господин, хотел даже жену застрелить (она, видите ли, ему изменила, да еще и с поэтом), ну одумался ночью. Посчитал до трех. Или, там, до полчетвертого. Утром дал ей денег и рекомендовал Европу. На месячишко. А сам выступил в суде в защиту некой дамы, зарезавшей своего любовника. *И речь эта до того оболванила присяжных, что дама была оправдана.* В чистую. В суде густо

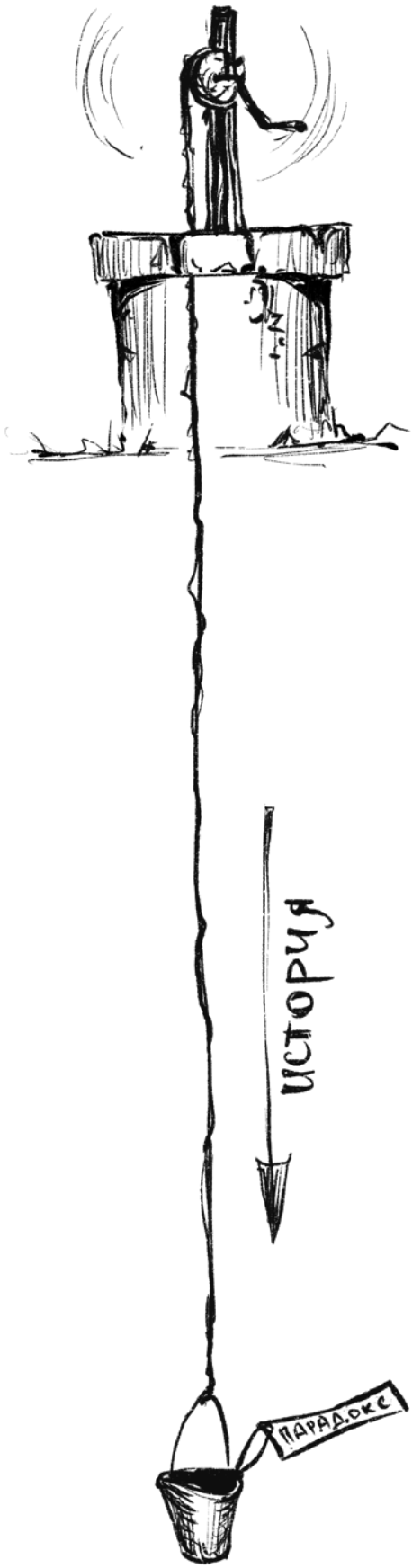
пахло валерьяновыми каплями. И речистого адвоката зареванные дамы вынесли из зала на руках.

Выдумка писателя? Не совсем. Были и реальные прецеденты. Абсолютно реальная Вера Засулич, застрелившая столичного градоначальника Трепова в его же кабинете, на скамье подсудимых с большим интересом выслушала и обвинительное заключение, и речь защитника, уже упомянутого нами Александрова. Апропо: на процессе этом председательствовал также помянутый нами Кони. И Вера Ивановна, нисколько не отрицая содеянного… Была оправдана. Тоже — в чистую. И также восторженной публикой была вынесена к восторженной же толпе не поместившаяся в зале заседания. Правда, не будь дурой, Вера Ивановна Засулич тут же залезла в глухое подполье. И смотала удочки за кордон. И вовремя: уже на следующий день решение суда было пересмотрено, у Кони и у прокурора начались большие неприятности. Но дело было сделано. И дожила она до так называемого великого октября. Хотя, что особенно интересно, его не приняла. Что характерно для нескольких поколений революционеров, этому самому октябрю предшествовавших и проложивших ему дорогу. Не в тех стреляли? Как тут не припомнить гениально-жестокую шутку Станислава Ежи Леца: «Прошибая стену лбом, хорошенько подумай — что ты будешь делать в соседней камере?».

Но тут речь, в основном, о сравнении хороших парней прошлого и современности: о толковых правоведах, блистательных адвокатах, громогласных ораторах и либеральных сенаторах. Вы так и не назвали ни одного из своих современников в этом ряду. Мы, авторы — тоже. Хотя даже в рамках родной своей УАН лично знакомы с несколькими очень сильными адвокатами. Но ведь — с несколькими. А их вокруг, как уже сказано — навалом. Какие только местные учебные заведения не впрыскивают под давлением в общество все новые и новые дозы правоведов, журналистов и педагогов-воспитателей. Кого из них числим в хороших парнях? Кто вышел в кумиры? И где позитивные последствия этих посевов на общественном нашем поле?

Что до плохих парней. Позвольте поделиться и на сей счет авторским мнением. **Чем старее мир преступности, тем он и страшнее. Но чем страшнее, тем и притягательнее. Еще один парадокс второй природы. Ещё одна изюминка. Тихому-мирному обывателю, без памяти влюблённому в тишину-покой, почему-то нередко нравится всё страшное-ужасное. Притягивающий внимание элемент преступности таким образом пополняет ряды «диковинок». Да и парадоксов. По сути, все преступники прошлого — парадоксы.** Не пожалейте денег-средств-сил на изготовление и прокат фильма

о Джеке Потрошителе. Царапните тупой пилой публику по нервам. Будете довольны, уверяем вас. Окупится довольно быстро. И даст солидную прибыль. Даже если в кинотеатрах и по ТВ ленту будут показывать перед сном.

Сам прототип — легендарная и вполне реальная личность. Нет, кроме шуток. Национальная гордость Соединенного Королевства Великобритании. Всех этих ингланд, скотланд энд вэйлс. Да и Ирландии тоже. Желающие приобщиться к этой ленте найдутся и в континентальной Европе, и в Новом Свете. Вот казалось бы, жестокий-беспощадный уголовник, буквально живодер. Которого, кстати, как в Российской Империи вора на ярмарке — ловили всем миром. Да, так и не поймали. А как охотно широкий потребитель валом валил в кино про него. И книжки о нем зачитывал до дыр. А вот вложитесь вы нескромно в кино о гоп-стоп наших 90-х. Прогорите. Уверяем вас. Ну, если только не будет это гениально в смысле киноискусства. То есть, когда сюжет отодвинут на задний план пронзительной интонацией и цвето-свето-теневой моделировкой образов. Плюс яркая речевая характеристика, большие актёры и режиссёрский темпоритм. А сами темы и идеи, кажется, давненько исчерпаны и представляют узко-криминальный интерес. При этом, заметьте, дореволюционная российская преступность вызывает у публики известное оживление. Каким-то образом, возможно, предвидел такой эффект Акунин — включился в этот конкур. И пришел первым. Он почувствовал и понял парадокс. Нащупал изюминку.

Нащупана и закономерность. Чем глубже в историю, чем «дальше в прошлое», тем больше парадоксов. Так что, глупо и… нерентабельно изображать-описывать злодея, если в вашем творчестве злодей не созвучен современному миру. То же касается и, так сказать, хороших парней. Для сознательного движения в этих направлениях нужно, конечно же, помнить рекомендацию Козьмы Пруткова: «Зри в корень». Понимай, как уже говорилось, полноводную реку с самого её начала, ручейком. И любое прочее следствие — с причины.

Так кто же — первые хорошие парни? Кто — из первых примеров для подражания, как считаете? Было время, начиная с которого христианский мир узнал о «хороших парнях» — евангелистах. А от них — о прочих хороших и не очень. И даже об очень не… Несколько позже, но всё ещё задолго до изобретения фотографии, художники изобразили Луку, Матфея, Иоанна и Марка. Насколько точно-объективно? По воображению ли? С натуры ли? В этом случае — кто позировал? История и искусствоведение об этом умалчивают. А так называемый цивилизованный мир

привычно принимает их именно в таком виде. Теоретики-искусствоведы находят, например, некоторое сходство лица Луки и Матфея — допуская, что модель была одна. Предполагается схожесть и с лицами персонажей других произведений. Анализируя лица на портретах этих хороших парней, обычно толкуют-пишут об их мудрости, образованности, сосредоточенности, ясности взора. О верности идеям, доброте и силе воли…

Что же, специалистам виднее. Хотя строго, между нами, не вполне понятны основания, на которых делаются такие выводы. Мы вместе очень внимательно всматривались в черты лица святого Луки на портрете кисти Франса Хальса. Что великий мастер — так тут и спору нет. Но что изображен человек высокой морали и силы духа… С таким же успехом можно утверждать, что перед нами — английский шпион.

Вот были некогда создали, наряду с другими, образы четырёх евангелистов. Можно и так сказать: первые «хорошие парни». Или — из первых. Но есть предположение: в давние времена деление землян на плохих и хороших не привлекало внимания. Или во всяком случае — выверялось по другому посёлку. Куда определённее и популярнее в ценностной системе значились сильные и слабые. Допустим, первые хорошие парни нашей эры предстали в подобных портретах. Скажем, в виде Евангелистов; всмотритесь! Да люди, как люди. Но толкователи заставили современников и последователей различать в их лицах черты высокой морали и мощного интеллекта, недюжинной силы воли и самоотверженности. Дальше «пошла жара»: те, кто верят в сына Божьего Иисуса Христа и подчиняются христианской церкви, были хорошими, а все остальные резко стали плохими — еретиками.

Кстати, изначально — совсем наоборот: когда христианство было ещё не бурными реками, образующими моря и океаны, а небольшими ручейками, по одной из жизнеспособных версий римляне-язычники были хорошими, а ранние христиане (всё по той же версии) были евреями. И плохими. По некоторым источникам, Воспринимать христианство отрицательно и притеснять-травить их началось вроде как в начале 1-го века нашей эры. В садах императора Нерона их травили собаками. Если Тацит не врёт, после пожара в Риме ранних христиан силой одевали в шкуры животных и как животных, травили. В дальнейшем, при других императорах, их распинали на крестах и сжигали заживо. Им приписывали самые скверные качества и поступки. На арене Колизея их публично травили и терзали голодными хищниками. Отсюда и знаменитая фраза: «Christianos damnatos projice leonibus!». То есть — бросьте этого проклятого христианина львам. Это были они, плохие парни.

…А потом — что же? Римские император, воины и граждане отреклись от язычества. И стали христианами. Рим стал центром католического христианства. И вроде как остаётся им по сей век. И горячие приверженцы христианских ценностей травили, шельмовали, избивали и убивали язычников — за истинную, за правильную веру. Религиозные евреи, кстати, никогда не были язычниками. Бога признавали — одного-единого. Однако их это не слило и не сблизило даже со ставшими христианами вчерашних лютейших врагов христианства. Хотя оно не осталось единым: робкий

ручеёк разлился на несколько ручьёв, образовал несколько рек. И несколько мировых морей-океанов веры. Хотя Бог и един, что подтвердит любой христианин. Парадокс. Впрочем — не больший, чем погром христианами евреев. Которых они презрительно называли, пардон, обрезанцами. В домах православных христиан обычно имеется и религиозный календарь. И там, в толще десятых чисел января значится… праздник обрезания Христа. Вы не ослышались, милостивые государи и милостивые государыни: даже не День, а именно — Праздник. Христианский. Православный. Отнюдь не иудейский.

Один знакомый антисемит, когда разговор зашел в такой тупичок, одолел свою растерянность: «Так ведь Иисус, когда его подвергали обряду обрезания, был грудным младенцем. Он для себя ещё ничего не выбирал…». Ну, продолжать беседу на этом уровне, сами понимаете, никто из нас не стал. Как со взрослым телом и младенцем умом человеком говорить о том, что подвергавшиеся и подвергающиеся этому обряду земляне до Христа, при нём и после него — примерно того же возраста. И по той же причине ничего для себя не выбирают. Не говоря уже о том, что в российской империи слово «Выкрест» — означавшее гражданина еврейского происхождения, в сознательном возрасте сделавшего свой выбор, крестившегося,— было не менее оскорбительным-уничижительным, чем предыдущий термин. Рассказывают, в старину, где-то в захолустье к раввину пришел взволнованный верующий: его взрослый сын решил переменить веру. Креститься. Папаша просил раввина обратиться по этому поводу к Господу — нехай, мол, вразумит сынка. И раввин отказал ему. Нет, говорит, такое обращение к Богу некорректно. У Бога — точно такая же проблема…

Мы толкуем о хороших и плохих. Да не завязнем в болотах древности; подберёмся поближе. Ересь довольно долго считалась злодеянием. Еретики — страшными преступниками. Дальше — больше: французская революция причислила революционеров к хорошим парням, а к плохими — всех остальных. От крестьянина до роялиста. Последний — потому при победе революции оставался без трона и его подножия. Контрреволюционер по определению. А первый — потому что на его и без того натруженные-перегруженные плечи-шею легли все революционные тяготы и лишения. Как и в любой другой революции.

Что-с? Парадокс? Извольте-с. Блистательно лидируя в революции — то есть, в антикоролевском, антимонархическом кровопролитном действе и выдвинувшийся в нём некий артиллерийский офицер эту самую демократическую революцию оседлал. И стал… императором. После чего многие революционеры стали плохими. А его военные и родные — хорошими. Подумать только: император-абсолют от демократической революции! Ни на один язык не переводится. Впрочем, разве что… В глазах недострелянной чекистами элиты Старгорода Ипполит Матвеич Воробьянинов был одновременно: 1) Гигантом мысли. 2) Отцом русской демократии. 3) Особой, приближенной к императору. И хихикал грамотный читатель: купились, дешовки!

И в начале 20-го века хорошими были одни, а плохими — другие. При всей, конечно же, субъективной относительности этой градации. При переменах в социуме и это менялось местами. И к таким переменам масса людей относилась достаточно

индифферентно. Как пелось в одном партийном гимне: «Кто был никем — тот станет всем…». Хотя по такому вопросу были и иные мнения. Например — «Дно останется дном. Даже если бутылку поставить на горлышко».

Кто в советском прошлом были-слыли хорошими парнями? Военные. Милиционеры. Партийные и комсомольские работники. Это было хорошо заметно хотя бы потому, что в кино их играли лучшие, любимейшие артисты.

Сегодня их имена мало что скажут новому гражданину. А тогда за открытки с их портретами к киоску «Союзпечати» выстраивались мавзолейные очереди. Оно конечно, нередко в реальности их прототипы оказывались так не похожи на отраженных в искусстве и литературе… Ну, что же,— двустандартность для наших сограждан была делом привычным еще с незабываемого семнадцатого года. Того самого, который свято-твёрдо пообещал землю — крестьянам, заводы-фабрики — рабочим и главное, мир — народам. После временных трудностей, конечно. А они достаточно затянулись, чтобы забыть удивляться некоторой разнице между замыслом и результатом.

Как наваждение какое-то! Жизнь в семье, в доме и во дворе, в магазине и на «Привозе», на службе и на работе; в праздник и в будни, в любое время суток и года… Где бы то, когда бы то, с кем бы то ни было — как только глянет на себя в отечественное зеркало литературы, театра, кино и прочего искусства — ну, никак себя не узнаёт. Хоть немного, да не похожа. А чаще всего — совершенно другая. Лучшая. И ведь без статопроса населения ясно: огромнейшее большинство не имеет азбучного представления об изначальной заведомой разнице между правдой искусства и правдой жизни. А вот, поди ж ты — нисколько не удивляются этой разнице, возвращаясь из театра или кинотеатра, захлопывая прочитанную книгу или заворачивая селёдку в прочитанную газету — где только что им объясняли, как они живут.

Рабочим рассказали о том, как они работают. Служащим, статским и военным — как служат. Инженерно-техническим работникам — как ИТРят. Ветеранам войны — как воевали. «Кубанским казакам» — как колхозят-козакуют (в 1949 году на сельской ярмарке продают крестьянам «Москвич»-кабриолет и рояль). И этот логический ряд нескончаем. Что там — плохие? Не без них, конечно. Но хороших-то — вона сколько! Куда ни глянь. А если не видишь — сам же и виноват. Пессимист. Декадент. На чью мельницу воду льёшь? Да протри глаза! Сходи в кино, в театр, на лекцию. Радио послушай. Книгу какую почитай…

Сказано ведь: чем дальше в историю, тем диковинней и парадоксальнее. А самый диковинный — это дьявол.

Писали. Были попытки писать книгу и о дьяволе. И кино снимать. Ведь это — «самый плохой парень» из всех. Выходило так, что хорошие люди — это святые, что жили в глубокой древности. А потом все меньше и меньше святости оставалось в их потомках. Как в кино «Операция «Трест»», помните? Она — ему: есть ли у тебя честь и совесть? А он — ей: были. Не скрою. Но с тех пор, как я впервые посетил публичный дом, их становилось всё меньше и меньше. Остатки в турецкой тюрьме съели клопы…

Нонеча положительными героями фильмов и вовсе являются банальные люди; люди, вступившие в неравный бой с системой; обыкновенные люди, павшие смертью храбрых от несправедливости этого мира. Допустим, «Джокер» — это классический фильм о пострадавшем человеке, который даже не вступал в бой ни с какой системой. Уже давно вступил. И пострадал. А за талантливое сострадание режиссёру дали не джокера, а «Оскара». Ну, как за лучший фильм 2019 года. Искусство, братцы… Великая вещь…

Для того, чтобы сценарий сотворить и снять кино, разработать курс и что-нибудь в этом роде, придётся искать и найти опору. И прежде всего — её точку. **Точку опоры для равновесия.** В поиски нашей точки опоры нам нужно опереться и на воззрение нашего читателя, соискателя, потребителя. А он жаждет парадокса.

Ещё несколько моментов. Герои плохие могут быть хорошими, а герои хорошие могут оказаться плохими. Вопреки первичному представлению. Не суди книжку по обложке, как говорится. Тем более, современные обложки мало отличаются друг от друга.

Что? Что вы говорите? Зачем мы весь этот огород городим? А вот зачем. И вот — почему. Что нужно для того, чтобы написать книгу, роман, повесть, рассказ, пьесу? Для того, чтобы сценарий сотворить и снять кино, разработать курс и что-нибудь в этом роде, **придётся искать и найти опору. И прежде всего — её точку. Точку опоры для равновесия.** Вам об этом тоже говорили на физике. Что бывает и неустойчивое равновесие. Помните? Ну, проще говоря, это — когда точка опоры выше центра тяжести. А нам с вами нужно устойчивое равновесие. Прочное. Как там, у Ньютона? Дай, Бог, памяти… Это когда при некоторых смещениях, действующие на тело силы стремятся вернуть его в положение равновесия? Да-да, что-то в этом роде. Что силы некие будут влиять-воздействовать — и не только на тело, но и на разум и душу — и об этом мы уже недавно толковали во всех подробностях. Не только для веселья — для удобного мышления планета наша не очень-то и оборудована. Но в поиски нашей точки опоры нам нужно опереться и на воззрение нашего читателя, соискателя, потребителя. А он жаждет парадокса. Гляньте на Школу переговоров от Масару Сато. Хоть для учебного курса, хоть для фильма. Господин Сато — не просто японец, он редкая диковинка, годами «за нос водил» чуть ли не всю ФСБ, этакий хитрый интеллигентный плохой парень. Сато — ужасный человек, он диковинка; мало того, что он японец и в прошлом журналист, мало того он еще доктор наук, изучавший религиоведение, преподаватель Токийского университета, а ныне — писатель. Масару Сато еще написал книгу об искусстве переговоров. О том, как он использовал «религиозные приемы», чтобы ФСБ получила дырку от бублика. Его книга — о переговорах, а точнее об отношениях с агентурой — по сути, о том, как любого человека сделать сотрудником. Уговорить-убедить-привлечь-соблазнить.

Или — заставить сотрудничать. Как считаете, сегодня на такую информацию был бы спрос? Был бы сумасшедшим. Впрочем, постойте: почему — был бы? Он и есть. Огромный.

Полагаем, все более-менее заинтересованные лица (числом легион) будут воодушевлены, сообразив, что именно попало в их руки. На подобный курс или в такое кино потребитель обеспечен. Ну, как если бы вы в брачной газете указали координаты готовой к замужеству умной-красивой-здоровой и очень богатой девушки. Или, допустим, предложили бы потребителю лампу Аладина по доступной цене.

Масару Сато — не только диковинка поведенческих локомоций. Никто из знатоков не возразит: благороднейший человек. Педагог-преподаватель, философ и религиовед. Автор книги об искусстве переговоров. Увы, не переведенная ни на русский, ни на украинский языки. А на японском — кто же из нас прочитает. А вот очень хочется поведать в подробностях вам, читатель милый, написанное в этой книге. Компактно, скажем. За неделю.

Оцените идею! Хороша, верно? Как люди науки, мы, конечно, впадаем в сомнение. Во многом. Но в успехе такого курса, убеждены почти стопроцентно, как и в том, что это придется тиражировать многократно, отвечая на спрос. Просто для этого поначалу придется подналечь на концептуализацию наших с вами представлений о том, как именно предложить этот курс, эти консультации. Ясное дело, обойтись объявлением: «Расскажем вам, как родным, о преступных типах!» или «Посвятим вас в великое судьбоносное учение господина Сонди!» — мавзолейной очереди не получится. На кой ляд широкому нашему современнику это хозяйство! Преступников они каждый день видят бесплатно — в зеркале, на улице и по телевизору. А про Липота Сонди и слыхом не слыхали. Что до судьбы, он наверняка предпочтет кофейную гущу или позолотит ручку первой встречной-поперечной ромской женщине. Нет-с, без концепции ничего не выйдет. Вот путь:

1. **Изучить исследование Л. Сонди «Я — анализ».**
2. **Систематизировать информацию о предложениях подобного рода в 21-м веке.**
3. **Контрастно показать, что, по сути, фактор — расстояние до психиатрического заболевания. Ну, там истерика или депрессия.**
4. **Факты иллюстрировать примерами — из жизни тех же преступников.**

5. **Опустить часть, так сказать, механическую, не морочить головы наукообразием.**

И наконец, что более, чем, возможно, обнаружится:

6. **Почти в каждом человеке сидит преступник. Или… в каждом?**

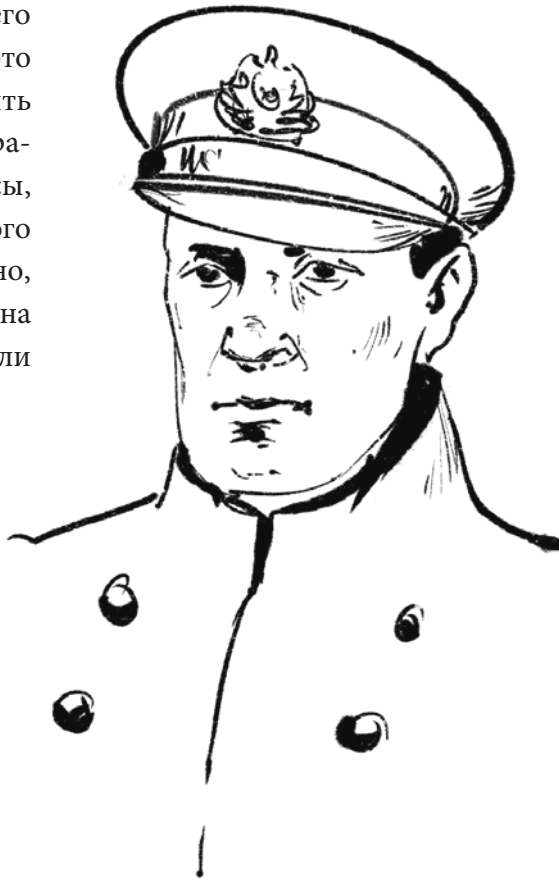
Само собой, о присутствующих мы не говорим. Не такое у нас воспитание. Но, если это близко к истине — может быть, вам интересно, имеется ли подобная пакость в вас? А если — да, то какая именно? Не принимайте, пожалуйста, это на свой счет. С какой стати мы бы так старались с преступниками? Вор, ясное дело должен сидеть в тюрьме, а не на лекции. Но — чисто теоретически: кто бы такой мог скрываться в вас лично под маской законопослушания? Какой номер может выкинуть землянин, похожий на вас. И если наш курс дает инструментарий для конструкции машины, продукция которой убедительный ответ на этот вопрос — значит, мы и вы не зря тратимся. Возвратная частица «ся» и в данном случае означает себя. Нет, себя мы тратим не зря. Информация наша, согласитесь, и сама по себе интересна. Можно и на досуге полистать. Но под углом нашего с вами общения она чрезвычайно полезна. Мы пропустили, можно сказать, через лесопилку учения Л. Сонди пиломатериалы марки «Принципы формирования преступников». И получили породистые обработанные детали и блоки — бук, орех, дуб и карельскую березу, концептуализированных в нужной кондиции и готовых к сборке научной теории. Для пущей убедительности подавая материал таким образом, мы целиком надеемся и на Бога и, главным образом, на ваше понимание аллегории.

Оговоримся: в чем основная ошибка многих умников нашего времени? Как правило, они — как тот петух, по Лафонтену, навозну кучу разгребая, находят жемчужное зерно, интересное лично для них. И с детским увлечением превращают это в нечто наукообразное. Конечно же, веря в то, что это интересно всем. А убеждаясь в том, что сие оказывается не так, ворчливо сетуют на глупость, инертность и хамство потребителя. Нас такая перспектива не вдохновила. Вот и пошли, как видите другим путем.

Мы могли бы много богаче проиллюстрировать этот разговор. Примеров навалом. Выберем такой, его привел Шеф. Представьте, вышло так, что вам необходимо организовать и провести семинар по некой системе… секретной разведки. В данном случае, вы — маркетолог или экономист, или даже менеджер по работе с клиентами. Как вам овладеть их вниманием, управлять им и получать достоверную информацию? Как стать абсолютом маркетинга? Обратимся к авторитетам Василий Филиппович Маргелов, в вооруженных силах СССР главком воздушно-десантными войсками — мировая величина, легенда и икона. О нем многое известно. Другой авторитет — Цезарь Куников. Морская пехота, штрафбаты из осужденных. Это Цезарь, можно смело сказать — как и несколько ранее римлянин Юлий — творил чудеса. Вот уж действительно «Veni, vidi, vici» — пришел, увидел, победил. Так явилось миру, хоть и по секрету от него, разработанная система, которая в краткий срок нехороших заведомо парней ставит в монолитный строй, одаряет каждого и всех вместе четкими боевыми навыками и ведет к победе. И это, в основном, именно признанные Законом злодеи-уголовнички, которых держава в войну изрыгнула из тюрем и лагерей. Еще и потому что сброда этого ей не жалко. Одно слово — штрафбат. Ну, какой боевик с этим сравнится. И стоит только начать знакомство с биографией Куникова… как

Голливуду придётся перекурить и оправиться в стороне. Ни один боевик не сравнится с этой историей.

Хотите тему-идею для остросюжетного фильма? Да, пожалуйста; если его снять, как положено, «Терминатор» покажется краснеющей при обиходном слове гимназисткой. Иными словами, с этого реверса можно творить, что угодно: от менеджмента Цезаря Куникова до его же особой системы боевой подготовки. Вот карьер, который можно разрабатывать и концептуализировать. Конечно, есть и другие варианты, другие источники концептуализации, но нередко на слуху — уже нечто «избитое», зачитанное или засмоленное до дыр. Та же «Красная капелла» — да, «избитая классика», но вы же не можете учить людей «нехорошим вещам», не так ли? А Цезарь Куников — это и авторитет, и человек хороший. Не то, что, например, Николай Иванович Кузнецов, хоть и герой разведки, но… человек опасный, пример плохой, социально неприемлемый в условиях 21-го века. Другое дело — Куников. Представьте себе человека, который тихо-мирно преподавал в технологическом университете и спустя полтора года разработал упомянутую систему боевой подготовки десантно-штурмовых батальонов морской пехоты. Да мало того, внедрил её в штрафных батальонах? Вот как это может быть? В голову не укладывается: вот он — парадокс, странный человек; доброволец, ушедший на войну, чтобы командовать штрафными батальонами и первым бросаться под вражеский огонь. Здесь и экшена не надо, достаточно про него написать книгу или даже серию постов в социальных сетях — это будет взрыв среди читателей. Почему бы, к слову, не поставить эксперимент? А если из такого рода данных компоновать грамотно блоки и превращать их в семинары или учебные курсы, то ажиотаж будет расти в геометрической прогрессии. И такого веселья хватает, если вопросом заниматься специализированно, если подходить к задаче с толком, разворачивая концепции на примере хороших и плохих парней — как мы сегодня обсуждали в контексте главы.

Итак, в концептуализации можно — как институтки в старину от печки — плясать от персонажа, то есть всегда есть персонаж (хороший или злодей), который можно впоследствии концептуализировать. Даже из далёкого Цезаря Куникова (про которого обыватель точно ничего не знает) можно концептуализировать гениальные маркетинговые ходы и решения. А пример с «чужим», вероятно, сидящим в каждом из нас, как мина замедленного действия, может что-то вычудить — это поистине многофункциональный вектор. Попробуйте, поделитесь этой концепцией с парой-тройкой своих знакомых. И очень скоро заметите, как человек сам себе начнёт эту концепцию «наворачивать и накручивать».

Как говорил Борис Акунин: не делайте работу за читателя. Вот и вы — не делайте работу за соискателя и за своего клиента. Показали ему хвост чуда-юда и хватит! Пусть чудо-юдо сам рисует себе, пусть воображение его немного поработает. К слову, у нас с воображением полный порядок; воображение прекрасно дорисовывает чужого, беса или злодея, «сидящего» в каждом из нас.

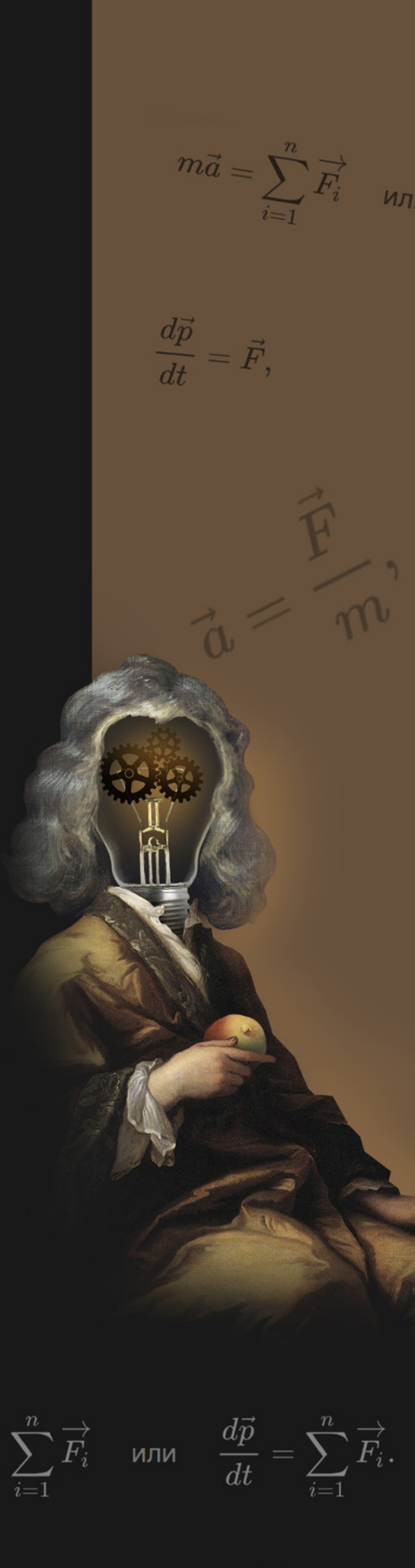
А что делать с ним дальше? Что делать со злодеями, сидящими в ваших подчинённых? Клиентах? Партнёрах? Родных и близких? К чему быть готовым? На что не рассчитывать? Со своим преступником что делать и чего не делать?

А то — уже тема особого разговора. Частного, как вы понимаете. Такие консультации в «прямом эфире» не даются. Только за закрытой дверью. В особом месте, в особое время, при особых условиях.

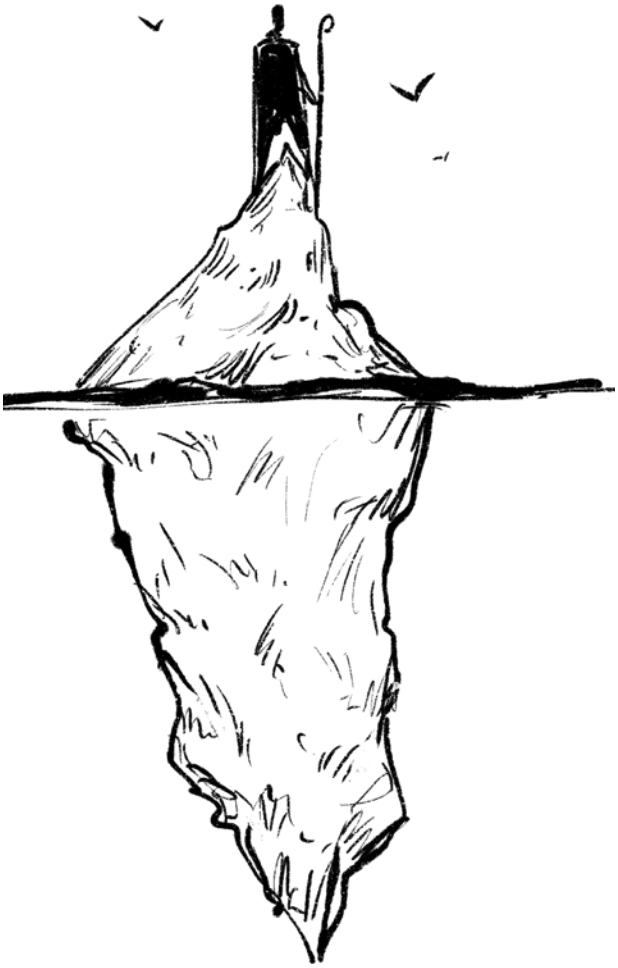

И обратите внимание: вам бегать за клиентами, слушателями и читателями НЕ НУЖНО. Это они к вам придут. Сами. Вернее, их приведёт к Вам Мадам Концепция. Так что поуважительнее с ней, господа и дамы. Она не то ещё может с человеком сотворить…

Как создается магия? Она от сырости не возникает. Ее делают люди, эту магию. **Всегда можно найти либо человека, либо явление, либо какой-то интересный факт, небылицу которую можно концептуализировать — хотите, в художественное произведение, а хотите — в курс. Хотите, в научное исследование, а хотите — в монолог. Принципы одни и те же, одни и те же действия. Сегодня мы от плохих и хороших плясали. Можно плясать от других пунктов. Первоисточником концепции может быть все, что угодно. Хоть наблюдения на улице, в трамвае. В поле. В саду.** Один чудак когда-то, говорят, заметил падение яблока с ветки. Или даже, получил этим яблоком по темечку. За концепцией дело не стало. Слыхали? Может, легенда. А может — и нет. Другой обратил внимание на то, что всякому дураку было известно с детства: птица может покинуть гнездо со сложенными крыльями. А в полёте их расправить. Он подумал-подумал… и сложил крылья ракете. А потом тоже расправил. Юный ленинградец, ученик ПТУ на каникулах в деревне запрудил плотинкой ручеёк. Вода раздвинула плотинку. Он — опять. И она — опять. Он и подумал вдруг — а ведь огромные тяжкие механизмы раздвигают на Неве мосты. А ведь река течёт. Почему бы ей самой их не раздвигать — бесплатно? И началась революция в разводном мостостроении, традиционно имевшем множество НИИ, КБ и ПКТИ, армию кандидатов и докторов технаук. Даже академиков. И вся эта армия пожизненно работала над рационализацией раздвигающих мосты механизмов. А ПТУшник концептуализировал самый рациональный движетель этого дела — энергию реки. Правда, возник вопрос — а как сдвигать мост обратно? Но оказалось, и это может делать сама река — только с соответствующим приспособлением. Дело, конечно, не конкретно в крыльях птицы и ракеты, не в питерских и прочих мостах. И не в той чёрной вороне, которую однажды Василий Суриков увидел на белом снегу. И зарисовал. В результате появилась картина «Боярыня Морозова». Мы толкуем о принципе. А он универсален. Равен во все стороны.

21 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ: НА ВЕРШИНЕ АЙСБЕРГА. АМАЛЬГАМНЫЙ МЕТОД

Есть такое замечательное слово: впервые. В доэлектронную старину его можно было часто видеть-слышать в рекламе цирка, театра, площадных зрелищ. «Премьера!», «Только у нас! И только сейчас!», «Спешите видеть!», «Позже будет дороже!». Ну, для наших с вами встреч реклама ни к чему: как говорится чужие тут не ходят. А свои — в курсе дела. Заинтересованные лица. Это ясно. Ведь как же должно быть интересно, чтобы высидеть-вычитать-выслушать все эти главы!

И все же, именно по-свойски, о первых строках данной главы спешим сообщить: у нас сегодня премьера. Именно впервые будет представлен вам амальгамный метод — как его называл академик Попов Григорий Семенович. Чтобы вы знали: это — метод использования прототипологического блока памяти человека. Он — «хай-левел», самый комплексный, самый мощный-эффективный метод генерирования концепций. Но именно в силу этой характеристики, он требует личного знакомства. И не просто шапочного знакомства, а и глубокого теоретического изучения, и самой серьезной практической подготовки. Оно конечно, если пристально смотреть на вещи (как не советовал Гамлету Горацио, хотя и по другому поводу), фактически премьера — любая предыдущая глава. Во всяком случае, для многих из вас.

Но с премьерных восклицаний авторы начали неспроста. Как, сами обратили внимание, в заглавии фигурирует вершина айсберга. Случайностей, согласно школы Шефа, мы вообще стараемся не допускать. И вы легко поймете сейчас же всю серьезность ситуации. Пусть амальгама придет к вам раз и навсегда, как приходила в жизни самих авторов этих строк. Хоть и в детском мультике, но совершенно справедливо сказано: «Как вы лодку назовете, так она и поплывет». Или как говорил один из экс-вождей: «Слово — тоже дело». Давайте разберемся в самом слове **«амальгама»**.

Amalgama — «сплав» или смесь — жидкие или твёрдые сплавы ртути с другими металлами, чаще всего встречаются соединения серебра. Также амальгама может быть раствором ведущих себя аналогично металлов ионных комплексов (например, амальгама аммония).

Amalgama — «сплав» или смесь — жидкие или твёрдые сплавы ртути с другими металлами, чаще всего встречаются соединения серебра. Также амальгама может быть раствором ведущих себя аналогично металлов ионных комплексов (например, амальгама аммония).

Это вам скажет любой уважающий себя физик. Если имеется в виду прямой смысл. Нас с вами быть в этом мире физиками Бог не сподобил. Наша сфера несколько иная. Хотя в широком, широчайшем смысле, а мы с вами ранее пытались договориться о том, что вне материи нет ничего, как и вне природы — стало быть, в конце концов, всё — физика. Даже — химия. А значит, в этом самом смысле все — так или иначе физики.

Не спешите возражать этому тезису — равно как и соглашаться с ним; даже большие ученые пока не находят в этом согласия. Тезис о материальности всего сущего в данном случае полезен в том смысле, что сложным предлагаемым материалом вы сможете овладеть, попробовать его на зуб. Чего вам и желаем. Со своей же стороны, по инициативе Шефа и при его живейшем участии, мы вам поможем, чем можем. Итак: сплав или смесь. Академик Попов Григорий Семенович в самом общем виде считал наш мир «Твердым Металлом». А память (его среду) «Жидкой Ртутью». То есть субстанцией вполне материальной. Физической, в том числе.

Мир подобен «Твердыму Металлу». А память (его среда) «Жидкой Ртути». Г.С. Попов

Ну, а амальгамный метод, как говорят на Полтавщине: «Що це воно такэ э?». Для формирования вашего представления о предмете по принципу «от общего к частному», узнайте: амальгамный метод предусматривает переплетение управляемых реальности и действительности на основании уникальных свойств памяти человека, присущих прототипологическому блоку. Предварительно Шеф объяснял нам, как сам отыскивал и выбирал среди прочих оптимальное объяснение амальгамного метода, дабы был он понятен любому, вне зависимости от уровня подготовки. Еще на симпозиуме в Палермо (сентябрь 2018 года), мы приступили к изучению прототипологического блока памяти. Вообще говоря, толковать следует не о блоке, а о блоках. И у каждого такого блока существуют основной и дополнительный методы. Основной надлежит исследовать по уже известному нам с вами принципу движения — наоборот, «с конца в начало»; таким образом мы начинаем изучение с прототипологического блока, так сказать — «сверху», а затем, условно говоря, пойдем «вниз» — к архитипологии и родовой концепции (из глубины памяти — вовне, наружу). И поскольку первый блок расположен в глубине памяти — **блок прототипологический**; соответственно, первый метод для исследования — **метод амальгамы**. Что это такое?

Амальгамный метод предусматривает переплетение управляемых реальности и действительности на основании уникальных свойств памяти человека, присущих прототипологическому блоку.

Ответить и просто, и сложно одновременно: самый простой способ разобраться во всем — самому активно в этом процессе поучаствовать. Предваряем: суть будет изложена так, как Шеф рассказывал своим партнерам по бизнесу. Всесторонне. С одной стороны, амальгама — игра. С другой — тоже игра, но которая существует сама по себе, и без нас. Выражаясь кинообразно — встраивание фрагментов жизни в ее киноленту. Но — каких фрагментов? А таких, которых в действительности-реальности не было, не могло и не должно было существовать. Амальгама **проживается** человеком в полном смысле этого слова.

Теперь вчитайтесь в рассказ академика Олега Викторовича Мальцева его партнерам по бизнесу — о том, что такое амальгама и как она работает.

Сидели мы как-то с партнерами. Я выбрал одного из них и говорю:

– Представь, мы с тобой сидим за столиком. Еще раз, вообрази: мы с тобой. Два человека. Ненадуманные, а самые настоящие, живые. Ты. И я. Акцентирую: в данном случае самое важное — наличие «Я». Не другой персонаж, не другое лицо. Именно тот «Я», кто живет здесь и сейчас. Интересная и странноватая вещь — мы попадаем в некую историю, которую должны вообразить и представить сами. В общем-то, многие (может быть даже все) время от времени что-то себе представляют-воображают. Вот и представим-вообразим: «Я» и «Ты» — адвокаты. В комнате старинной коммуналки (назоём её «Та Комната»), попалась нам древняя книга об Одессе. Вот взяла — и попалась. Как, откуда, почему? При каких обстоятельства? Погодите, сейчас придумаю! Собственно, она бросилась мне в глаза на одной из книжных полок этой комнаты. Библиотека жиденькая, издания всё советские. «Учпедгиз», «Госполитиздат», «Инлит». Что там могло быть ещё? «Воениздат». И вдруг — корешок переплёта натуральной старой кожи, с тусклым золотым тиснением. Нашел ее лично я. Хозяин Той Комнаты, наш клиент и старый холостяк, в момент моей находки отсутствовал. Допустим… Предложив чувствовать себя как дома, и остроумно добавив: «Но не забывайте, что вы в гостях!», в этот момент готовил кофе на кухне…

…Да, а что, собственно говоря, туда нас занесло? Ну, как вам сказать… Встреча адвоката или адвокатов с клиентом — явление вполне заурядное. Правда, говорят — овёс к лошади не ходит. Обычно клиенты посещают адвокатов. Но всяко-разно бывает. Чтобы такое придумать… Допустим, так: данный клиент настоятельно просил посетить его по месту жительства, поскольку желает сообщить и передать нам нечто. Ну, мол, мы не пожалеем. А сделать это ему спокойнее всего у себя. Так что…

Стоп! Прерву фантазийное своё повествование. Вы ведь прекрасно понимаете: всё это я выдумал. Вот сейчас, на ходу. Импровизация. А теперь нужно историю эту перевести на язык действительности. Для чего пригласим нашего фотографа. Или видео-оператора. Или в наших руках оказывается фото-видео. Отправляем-

ся в старую коммуналку, а в ней — в ту комнату. Все перемещения фиксируем на фото-видеоплёнку (во времена академика Попова снимали, в основном, на фото); и двери других квартир — мол, ошибочка вышла, и дверь поименованной квартиры. И в ней — дверь в Ту Комнату. Или… ошиблись?

В общем, со старинной книгой об Одессе идём в кафе, свиваем себе гнездо в баре. А как эта книга оказалась в наших руках?

Партнёр в ответ пожимает плечами. Предлагаю версию. И тоже экспромтом. В одно касание.

— Ну те-с?

— По приглашению клиента отправились к нему на квартиру. Звонок в дверь. Открыла типичная одесситка — слегка страдающая полнотой. Не женщина — романс. И на одесском диалекте (то есть игнорируя падежную систему, род и число, не говоря уже о логическом ударении), проявляет горячий интерес к каждому из нас и цели этого визита. Продираясь сквозь эту паутину, мы довольно быстро узнаём: хозяин Той Комнаты ушел на рынок за каким-то повидлом. И будет здесь минут через двадцать с чем-то. Говорит (мой вариант), что можно подождать в его комнате. Она всё равно открыта. Не преминули.

…Комната захолустного среднего интеллигента, как говорится, с раньшего времени. Присели за круглый стол посредине помещения. Смотрим по сторонам. Один из нас замечает ту старинную книгу. Она в контексте остальных изданий бросается в глаза добротной стариной отделки. Встаёт, подходит к полке. Берёт книгу. Листает. Где-то в середине находит схему какого-то генератора. Просматривает. Вчитывается. Вникает. Комментирует вслух. Выходит так, что Одессу строили на базе именно некоего генератора. И агрегат сей где-то хранится до сих пор, в каком-то подземелье. Мало того, он по-прежнему… работает! Но мы не знаем ни его функций, ни его свойств. Ни как им пользоваться.

Ну, вот… Собственно говоря… На этом обрывается история. Я только что объяснил, как проживается амальгама. И вы все — любой и каждый — сможете это сделать. Такая доступность? Почему? Да все люди, воленс-ноленс, постоянно вводят себя в заблуждение, что-то выдумывая или приписывая происходящему собственное понимание, не имеющее к фактическому положению дел никакого отношения. Каждый человек способен увидеть в своей жизни такое, чтоб стояло на грани действительности и реальности. И поскольку он регулярно практикуется в этом, чтобы вводить самого себя в заблуждение, ничего нового для человеческой памяти в описываемых мною шагах попросту нет.

А значит… на данном такте мы с вами сделаем некоторую паузу, оставим вас наедине с самим собой на грани реальности и действительности.
Представьте, что это ВЫ — тот самый партнёр-адвокат, который вот-вот отправится на встречу с загадочным клиентом, а сам в это время случайно обнаружит…

До встречи в следующей главе!

22 АМАЛЬГАМА: ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К НЕЙ

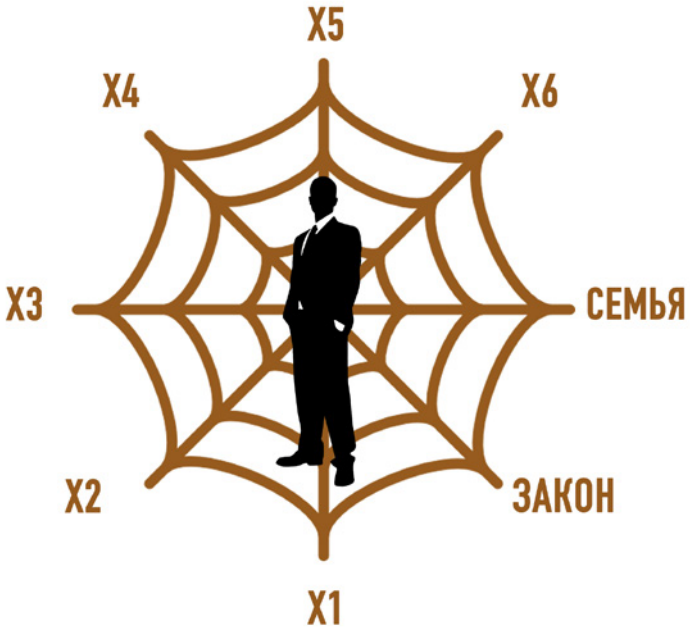
Добро пожаловать в мир, в котором возможно всё!

Да-да. Её Величество Амальгама снова приветствует ВАС! Предлагаю рассмотреть, как она возникла.

Всё начиналось даже не с того, что мы обсуждали, а с совершенно другой проблемы. Итак, пусковой элемент — это проблема. И чтобы изложить досконально, я буду всё объяснять по блокам.

Сначала рассмотрим некую паутину, в которой живёт каждый человек — это совокупность всех наших зависимостей: закон, писаный и неписаный, то же — правила. Семья, родственники, друзья, приятели, товарищи. Коллеги. Побратимы, которые нам дороги. И так далее.

Для тех, кто знаком с технологией 2САО, эта паутина хорошо известна. Уже, пожалуй, каноничен тот случай, который я многократно описывал, когда во время одной из тактических игр при подготовке телохранителей (лет восемь назад в Академии безопасности), один из участников игры не смог бросить яйцо в субъект, потому что тот находился в маршрутке, мотивируя это тем, что «бросаться яйцами в маршрутке — это асоциально». Итак, яйцо и маршрутка — это асоциально, а тот факт, что его команда проиграла тактическую игру, поскольку «товарищ» просто не смог засадить варёное яйцо в заданный субъект — это «нормально», с этим он готов мириться. Или другой пример: человек не может снять с вешалки не свои штаны и рубашку, чтобы переодеться (замаскироваться) и тихо, не привлекая внимание, выполнить задачу; не может, потому что «брать чужие вещи — это нехорошо, это неправильно», даже если речь идёт о ситуации в военное время, то есть — о жизни и смерти.

Стоны такого рода, как «у меня же семья и двое детей», «моя любимая жена, на кого же я её покину», «мои бедные родители» тоже формируют паутину, в которой крепко, как муха, запутан современник.

И вот в чём беда. Если человек попадает в экстремальную ситуацию,— например, авария, стихийное бедствие, **война** — живущий в такой паутине зависимостей — просто смертник: чаще всего он умирает сразу же, в первом бою, в первом столкновении.

Так с чего же начинается амальгамный метод? С модели «паутины» и проблемы, с ней связанной напрямую. Впрочем, описанное ещё не проблема — с этой задачей Попов справляться умел хорошо. Советской науке известны были способы «освобождения из паутины», безусловно, требовался некий период подготовки, но люди обучались, освобождались из паутины — и всё было в полном порядке.

Констатируем: человека подготовили, в полном объёме освободили от паутинных зависимостей. Первый «выход на сцену» — это «выход» подготовленного рядового, младшего командира, офицера и генерала на войну; и поскольку у Попова «война» по параметрам поставленных задач была «странная», в варианте «один против многих», при фундаментальной ранее полученной подготовке человек спокойно отправляется на войну. И первое столкновение с ней, первый выход — для человека всегда приключение. В частности, десантники так и говорят: самый страшный прыжок с парашютом — не первый, потому что он воспринимается как что-то новое, как приключение. Самый страшный прыжок — второй. И даже если перед первым прыжком человек испытывает некий страх — это страх приключений. Резюмируем: первый выход на войну воспринимается человеком как приключение, но на деле оказывается, что война — это сплошное разочарование.

Примеров в истории множество. Довольно долго в СССР считалось общим местом массовое паломничество юношества и молодёжи в военкоматы с первого же дня Второй мировой войны. То есть говорилось о всех возрастах. Но тут имеются в виду те, кому по возрасту не положено было отправляться на фронт. Многое рассказывалось в литературе и искусстве, в особенности в публицистике, о тех, кому до призыва не хватало годочка-другого. И они подделывали документы, приписывали недостающее. Мучили несчастных военкомов, которые хрипли от выкриков: «Идите домой! Вам не положено! Я не могу вас призвать! Не имею права!».

Кстати, такие рассказы-показы, в основном, вполне правдивы. Хотя правда эта касалась не советской молодёжи вообще. А прежде всего, юных и молодых горожан, выросших в пионерии и комсомолии. Значительная часть населения СССР тогда проживала в сельской местности. Советский патриотизм десятков миллионов юных и молодых сельчан в деревнях, сёлах, хуторах, посёлках и станицах (разбросанных на территории, равной одной шестой всей суши Земли), был, мягко говоря, несколько осложнён судьбами старших, прошедших продразвёрстку военного коммунизма, и тридцатые годы сплошной коллективизации. В июне сорок первого все юные и молодые колхозники-совхозники были в полях — какой председатель отпустил бы их в военкомат? Да и военкомы те сидели в райцентрах, куда ребята и девчата, даже если бы захотели, не попали бы. На чём? Троллейбусы и трамваи, городская прерогатива, туда не ходили.

Тем не менее, в городах такая тенденция наблюдалась. Это — правда. Это был прорыв на фронт. Но те, кому это удавалось, не имели никакого представления — что там, на фронте, творилось. Прозрение приходило уже на передке. Но, как говорится, дал присягу — от неё ни шагу…

Итак, боец разочаровался, завершён его ход на линию фронта. Жив. Вернулся в так называемую мирную жизнь. Здесь он — вроде бы как герой, и всё должно быть в порядке. Но много их было, таких героев. И обуви-одежды, и еды-водки, и даже работы далеко не всем хватало. И победа — праздник со слезами на глазах. А проходит немного времени, и ему надлежит готовиться к следующей боевой задаче. Повторно вернуться на войну — огромная проблема. Это уже совсем другой сказ,

на первый никак не похожий: ты уже знаешь точно, что тебя ждёт; осознаёшь, что никакое это не приключение; тебя ждёт суровая действительность. И теперь период высвобождения из паутины катастрофически увеличивается. По идее, боец должен быть готов, но ему ставится ряд тестовых задач и выясняется обратное!

Человек не готов второй раз возвращаться на войну. Третий месяц сменяется четвёртым — но это ничего не меняет: тренируемый человек по-прежнему не готов к выполнению задачи в военных условиях и на линии фронта.

Именно это явление послужило первой проблемой, определившей научную задачу (каковая и была поставлена академику Попову). Период подготовки — высвобождения из паутины во второй раз — растягивается в 3–4 раза, почему так?

Небольшая ремарка. «А где ты был, когда гремело?!». «А вы в эвакуации читали информации и слушали по радио из Совинформбюро!». И вообще: «Молчи, говно, я воевал, я кровь мешками проливал…» — такая модель поведения обыкновенно демонстрируется и теми, кто вообще не воевали. Война, и это известно, накладывает на психику человека определённый отпечаток. Человеку очень тяжело заново переживать войну и её ужасы.
Фактически, очень долгий возврат к стадии готовности наблюдается во второй раз; и это касается каждого последующего раза. Причём, при возвращении из каждого выхода всё становится хуже и хуже: на третьем, четвёртом, пятом витке (и т.д.), времени на подготовку требуется всё больше — оно увеличивается в геометрической прогрессии.

Отметим и такой момент: надлежит обладать идеальной, нерушимой догматической подготовкой, чтобы сокращать описанный период. Кто способен практически мгновенно сократить таковой промежуток? Фанатик. У него нет никакого «второго-третьего и т.п.» периода. Но людей данного склада и формации — обычно единицы. Они фанатично преданны войне и не хотят возвращаться в мирную жизнь. Но их единицы! Большинство же — просто люди, не фанатики (ни религиозные, ни идейные) — а потому им крайне сложно вернуться на войну во второй раз. И нередко в кино о войне они себя в киногероях не узнают. Потому большинство документальных кинокадров и фотографий военной тематики так не похожи на «Художественные» ленты и фотографии.

Как сказал поэт:

Я был счастлив, что стены Рейхстага
Брал не этот, затянутый туго,
Весь в трофеях, фартовый,
Ругающий женщин,
Являющий бравую стать,
А небритый седой доходяга,
Взор которого полон испуга
От людского несчастья,
От пролитой крови,
От страшного долга — стрелять…

Противоречие… Проблема…

«Расскажите мне,
КАК ЭТО БЫЛО?»
Ключ №1 Амальгамы

Григорий Семёнович Попов только приступил к разрешению данной проблемы, как возникла проблема следующая:
— Когда мы там, на войне,— это одно… а теперь рассмотрим, что происходит, когда мы находимся в мирной жизни (вторая сторона медали).

Что происходит в этом случае? В качестве примера опишем ситуацию с любым контрразведывательным подразделением: обычно они дислоцированы в тылу, не на передовой. Диверсанты же, попавшие в тыл (пришедшие, переместившиеся туда по задаче и т.д.) — **они другие, они всё время на войне;** потому-то и готовы к ситуации, в которой их могут раскрыть, взять с поличным — да по сути, что их могут расстрелять как преступников. И в начале войны каждый раз, когда контрразведчики встречали вражеских десантников, вторые часто одерживали верх над первыми (солдат тыла даже не успевал отреагировать). И в этом явлении и кроется проблема номер два.

Смотрим снова на модель паутины. При условии первого похода на войну, требуется 1 месяц подготовки. При встрече с противником — у тебя ровно полторы (1,5!) секунды на переключение. А эту огромную паутину за полторы секунды пройти невозможно просто!

Итак, **полторы секунды… — этого времени для перехода в боевое состояние НЕДОСТАТОЧНО!** Вот что составляет вторую проблему.

Другими словами, первая проблема — это возврат на поле боя, во второй раз и последующие.

Вторую проблему отображает мирная жизнь: как осуществить переход за полторы секунды в боевое состояние? Увы, не получится за столь короткое время это проделать.

Тогда Попов придумал следующую «штуку»: он посадил людей, **обременённых второй проблемой**, перед собой и спрашивает:
— Предположим, уже всё закончилось,— (а ничего и не начиналось, но таков вопрос),— КАК это было?

Это и есть **первый ключ к амальгаме, вопрос «КАК ЭТО БЫЛО?»**

Всего ключей к амальгаме существует двенадцать (12), рассмотрим же первый из них.

– *КАК это было?*
На что бойцы с недоумением и отвечают:
— *Что значит «как это было»?*
— *Расскажите мне, как это было? — продолжает Попов.*

— Не понимаем Вашего вопроса, Григорий Семёнович… ничего ж не было!
— А я хочу, чтоб вы подробно, в деталях, мне всё описали — КАК это было?
— Не понимаем… ведь не было ещё ничегошеньки!
— Так придумайте, в таком случае, как же это было! То есть, предположим, всё закончилось. Вот и поведайте мне сюжет происходившего: вот появился злодей, вы его обнаружили, спеленали и доставили в штаб. Рассказать не могут они… Придумайте!
– Товарищ академик, мы — офицеры, мы не можем придумывать, мы можем только приказы вышестоящего руководства исполнять!

Тогда пришлось Григорию Семёновичу советских писателей звать и ставить им задачу:
— Берите и учите вот этих придумывать!

Через неделю всё было уже в полном порядке! Попов постоянно спрашивал: «Расскажите мне, как это было, давайте байку!». Люди рассказывали. Думаете, на этом всё закончилось? Нет. Какого же было удивление военных, когда Попов изрёк следующее:
— А теперь это всё показать! Везите меня на место происшествия, везите «злодея» — берите кого-то из своих же, делайте злодеем и всё в деталях, в натуре мне и показывайте, **КАК ЭТО БЫЛО.** Что же, пришлось военным разыгрывать комедию. А Попов, как Станиславский, говорил в ответ на увиденное «не верю!».
— Не верю! Удары не настоящие, пеленали вы его не по-настоящему! Я хочу твёрдую действительность увидеть от вас.

Пришлось работать в полную силу, демонстрируя задержание.

И в это же время специальные люди «подготовленные», с фотоаппаратурой в руках, всё фиксировали и фотографировали. И в итоге по снимкам было видно: и люди, и задержание –всё настоящее. Часами фотографы бродили, наблюдали и всё фиксировали.

Потом Попов заставлял своих подопечных проходить такие процедуры каждый день; впоследствии и вовсе поделил «жизнь» на неких три части:

1 часть — действительная жизнь;
2 часть — амальгама;
3 часть — дела семейные, заботы рутинные, домашние и т.д.

Все события крутились по такому кругу из трёх элементов. Затем Попов придумал и построил специальные «города»: так, в лесу вырубался участок, скажем, 5х5 км — и на этом участке полностью воспроизводилась немецкая действительность. Сооружали целые кварталы «немецкие» — с домами, ресторанами, рынками, ратушами — и человек там жил, как настоящий немец, ходил в рестораны, пил пиво в биргартене, читал газету и т.п. Так производилась подготовка; а уже готового эксперта забирали и отправляли на войну для разрешения задач.

Хотите знать, что из этого получилось, как сработал подход? Просто приведу вам в ответ официальные статистические данные:
В начале войны насчитывалось 75% потерь и лишь 15% успешно выполненных операций. Конец войны: *12% потерь; всё остальное — 78% — процент успеха!* И в этом мы обязаны амальгамному методу.

«Задача класса создания поломает всё».
А. С. Яковлев

Амальгама — создаётся вами.

Что же происходит с человеком, который его использует?

Он начинает разделять жизнь пополам, на две составляющих: на амальгаму и действительность. И он сам находится то в действительности, то в амальгаме.

Почему это возможно? Дело в том, что блоки памяти человека вращаются и вращаться они могут, как в игре с напёрстками, хаотично; и какой блок подставлен в сознание в конкретный момент — неизвестно. Но, в описываемом нами случае, мы память именно «переворачиваем» — прототипологический блок становится на первое место, а родовая концепция — на последнее. Условно, по модели так: напёрсток, который нужен, встал на входе в сознание. **Амальгама — такая штука, которая создаётся вами.**

Академик Алексей Самуилович Яковлев говорил так: «Задача класса создания поломает всё». И вот мы и наблюдаем удивительный эффект памяти. Одна из наших партнёров, к слову, спросила:

— То есть, если я была в зелёной юбке в амальгаме; и затем я действительно надела зелёную юбку, проделав это, я сразу попала бы в амальгаму?

Ключ № 2 — это ПРЕДМЕТ

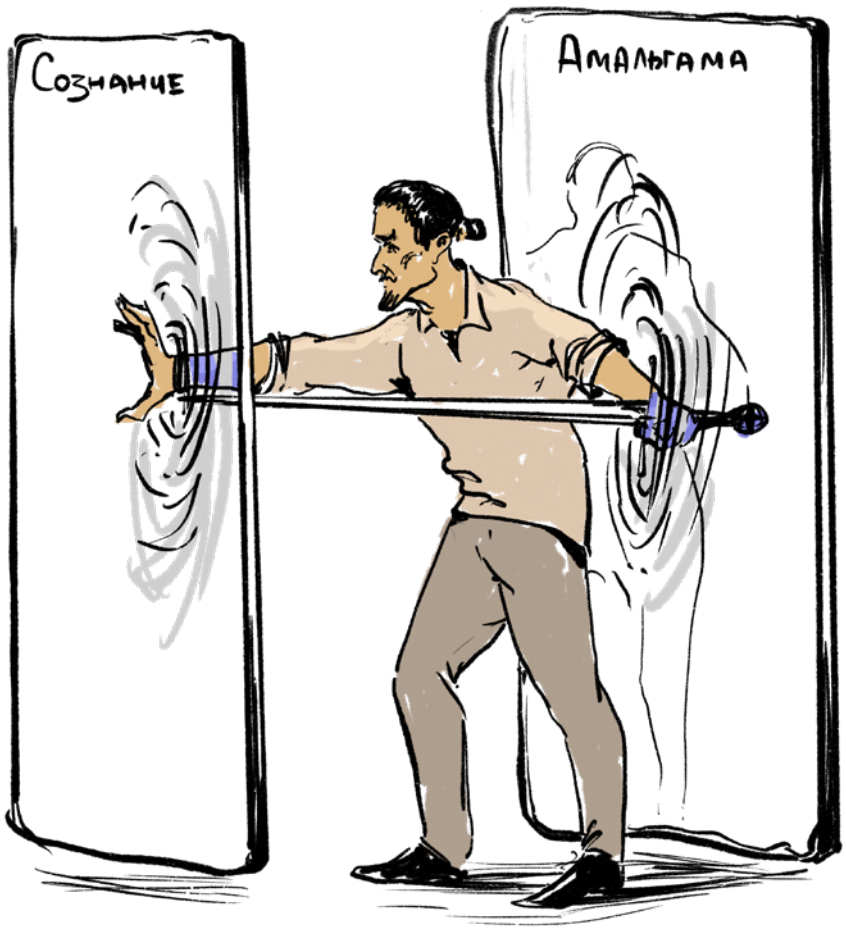
Бесспорно. **И это ключ второй. Ключ № 2 — это предмет.** Можно и такой пример привести: я взял фотоаппарат — и я сразу попал в амальгаму.

Что же происходит в этот момент времени? Действительность, как говорил Попов, становится «пластилиновой». Другими словами, когда мы живём в том обыкновенном режиме, в котором жить привыкли, мы всего добиваемся за счёт физических, интеллектуальных и психологических усилий. Существует в нашей жизни огромное знакомое препятствие между «хочу» и «получу», об этом всем известно.

В амальгаме нет препятствий — там мысли мгновенны и они материальны.

А в амальгаме всё наоборот: там нет препятствий — там мысли мгновенны и они материальны. Знаете, мой другой партнёр сидел-сидел, и вдруг у него звонит телефон. И, почему-то, звонку он этому хитро улыбается; говорит «…сижу и думаю, что-то один конкретный человек давно мне не звонил — и вот он звонит». Факт остаётся фактом, такие эффекты также происходят.

То есть, что даёт амальгама: она позволяет решить вопрос за полторы (1.5) секунды: понимаете ли, я могу перейти в амальгаму меньше, чем за 1.5 секунды, потому что это Я хозяин амальгамы! Это Я, и амальгама — моя; это — не система координат. Мало того, существует момент, связанный с финалом амальгамы. Финал, обычно, выглядит так: письменный документ, скажем, некая книга. И эти амальгамы в виде книг накапливаются. И ежели

потом, спустя некоторое время, какой-то другой человек (не автор амальгамы) берёт чужую амальгаму и читает этот записанный блок, он перепроживает амальгаму таким способом. В итоге, возникают пусковые причины формирования навыков — при взаимодействии родовой концепции и прототипологического блока.

Амальгамный метод исключает ситуации типа «у меня не получилось». Да, метод обучения посредством амальгамы исключает «не получилось» впоследствии.

Я всё думал, как бы вам сформулировать, что такое амальгама. И лучшего определения, чем «Амальгама — это замедленное моторное познание, растянутое, как на повторе (моторное познание, свершившееся ДО того, как событие произойдет)» — не нашёл. Обратите внимание и на следующий аспект: **куда пропадает амальгама потом?** Вот мы закончили, всё записали, положили документ в виде амальгамы на полку. Куда же она «делась» сама амальгама? Она стала частью памяти человека. И когда эти амальгамы в памяти у человека накапливаются, то срабатывают даже на рефлекторно- автоматическом уровне! Как только ситуация, в которую попал человек, становится копией амальгамы, хранящейся в блоках памяти, амальгама «поворачивается». Как многие, вероятно, знают из прикладной психологии, автоматика так сра-

«**АМАЛЬГАМА** — это замедленное моторное познание, растянутое, как на повторе (моторное познание, свершившееся ДО того, как событие произойдет)»

батывает, что ищет похожие инциденты в хранилище. А что такое амальгама? Да это целая система инцидентов! Итак, автоматика находит «похожий» на происходящее инцидент в виде амальгамы, затем происходит повторное возвращение в сознание именно этого блока (амальгамы) — и так возникает эффект дежавю, и вы восклицаете: «Где-то я это уже видел(а)»! И такой механизм поворота амальгамы позволяет человеку не думать вообще, поскольку теперь он точно знает, что будет дальше.

Вскоре академик Попов понял, что амальгамный метод можно использовать повсеместно: и в гражданских целях, в том числе. И начал его применять как универсальный метод; как основной метод управления прототипологическим блоком памяти человека.

Обратите, пожалуйста, внимание, что книга **«Улитка на склоне» братьев Стругацких написана методом амальгамы.**

Кандид и Перец, два главных героя, можно сказать — есть аллегория. Именно: Действительность и Реальность. Реальность представляет собой… волшебный лес, в котором вертолет Кандида потерпел крушение, а Перец — в «Управлении» и таковое повествование — и есть результат применения амальгамного метода.

Книга не построена последовательно: только блоки данных Кандида, а затем — блоки данных Переца. Нет, авторы предпочли иной способ: Кандид-Перец… щелк-щелк-щелк! И читатель оказывается то в заколдованном лесу, то в «нашей действительности», но она выходит странной и какой-то, пардон, идиотской. И так как мы, читатели, являемся третьей стороной, и все это воссоздаем в воображении — таким образом организуются все три «Я». С духовной стороны — одно «Я» смотрит на происходящее; в книге «Я-1» — прибывает в действительности («Управление»), а «Я-2» — в заколдованном лесу.

Как видим, формируются три взгляда на одну и ту же проблему: всегда возникает проблема управления — каждый участник, каждой сцены «Улитки на склоне» воспринимает себя в амплуа героя, главного действующего лица. И в общем механизме действа — ежели винтиком, то с хитрой резьбой и совершенно незаменимым в странном этом шоу под названием Жизнь. И это читателю сложно не заметить в описываемом странно-происходящем.

Теперь вопрос: чем же отличается лес от реальности? От того примера, в котором (не забыли еще?) мы с партнером искали коммунальную квартиру и нашли старинную книгу? Что-с? Да ничем не отличается. Просто в случае с квартирой, мы прожили эту реальность физически по-настоящему. Поэтому прожитое и стало частью памяти. Мы с коллегой звонили в дверь коммуналки, контактировали с соседкой-одесситкой, слегка страдающей полнотой и презирающей падежную систему. Мы сидели за круглым столом в ожидании клиента. Один из нас заметил среди книг эту. Достал ее с полки, полистал. Озадачился найденной схемой агрегата. Мы все это сделали. И все это превратилось в действительность. Хотя изначально все говорило о том, что перед нами сюжет. Сюжет, который мы и придумали. И эта игра, эта придуманная и прожитая данность и… называется: **«Амальгама».**

Собственно амальгамный метод разрешает обе проблемы — № 1 и № 2, сформулированные ранее. Равно как и все последующее связано с прототипологическим блоком. Григорий Семенович Попов считал, в частности, прототипологический блок памяти самым мощным пластом. Академик так и пояснял: сравнивая ПАМЯТЬ с ПДТ, когда говорим «прототипология» — имеем дело с ИЭС.

ИЭС — это прототип. Строже сказать, из прототипологической составляющей и формируется ИЭС. Архитипологический блок — это терминальный ГДС, а системокоординатный ГДС соответствует ЯРГ. Следовательно родовая концепция — это ВИС.

Наша автоматика, наши навыки, вся система взаимодействия конструкции человека — ВИС. На базе этих систем (ВИС и их программное обеспечение) мы и строим движения. Иными словами, сначала нужна основа движений, и на нее накручиваются, как на ось и надстраиваются как на фундамент, массив плоскости реализации двигательного навыка. Например, навык «оперировать» — это плоскостной навык хирурга, не свойственный скажем, адвокату.

Поэтому, если представить память в виде ПДТ, можно менять и ИЭС амальгамный методом. Зная «как», тактически грамотно можно просто «повернуть» в сознании нужные блоки памяти. А поворачиваются они двенадцатью ключами амальгамы.

Почему мысль становится материальной в амальгаме? Как выглядит этот механизм? Короткий ответ таков: инструментам и механизмам памяти, как и положено инструментам вообще, решительно все равно, что именно ими воплощается. Инструменты, они и в Африке — инструменты. Однако, чтобы решить вопрос в «Твердом Металле», прежде его нужно разбить, расплавить, применить различные усилия. И это очень сложно. Но в амальгаме-то — сопротивления нет: с применением прототипологического блока памяти все механизмы автоматически отрабатывают соответствующие задачи данного блока памяти. И все, что имеется в наличии у памяти из инцидентов или групп инцидентов, направлено на изменение существующего в соответствии с замыслом.

В данном случае, все механизмы автоматики работают слаженно, создавая эту действительность. Как только вы подумали о чем-то, придумали что-то в амальгаме, это сразу происходит. **А затем амальгама переплетается с действительностью;** когда нужно, вы просто создаете амальгаму и разрешаете вопрос. А когда не нужно, живете себе, как обычно. В определении нами ведь так и заявлено: амальгама — некий механизм переплетения реальности и действительности — в точности, все так и происходит. Помнится уже сказано, повторим: человек ежедневно, ежечасно, ежеминутно и ежемгновенно переплетает свои заблуждения и жизнь. В нашем же случае, как верные наследники Г. С. Попова, заблуждения

мы меняем на амальгаму. Как говорится, «шух не глядя» (пропадают заблуждения, заменяются амальгамой) — вот такой эффект. И это «умение» или эта «способность», вообще говоря, свойственны любому человеку поскольку, с этой точки зрения, жизнь наша состоит из двух блоков: условно говоря — действительности и продукта нашего восприятия действительности, то есть реальности. **Но теперь вместо блоков заблуждений возникают амальгамы, в которых результат мгновенно проявляется мыслью.** При накоплении амальгам, все, что похоже на их блоки, отрабатывается автоматически. Благодаря чему, человек и получает результат. Положим, он может и не понимать — как это произошло, но — произошло. И произойти по-другому не могло, не зависимо от его понимания-непонимания процесса и результата. Просто ничего другого в памяти нет. И блоки автоматически будут поворачиваться, стоит только возникнуть прецеденту. А он, соответственно, хранится в виде амальгамы.

Амальгамный метод достаточно прост и доступен освоению. В общем-то его один раз нужно сыграть и освоить двенадцать ключей. Это — еще одна разновидность построения ИЭС в памяти (но не в сознании). Ящики ума Попова — метод создания ИЭС в сознании. Амальгамным методом строится ИЭС в памяти. Завершенная амальгама превращается в документ. И это особая смесь действительности и реальности.

Убедитесь, читатель дорогой, в мощности Амальгамного метода во владении знающего человека. Кстати же и подчеркнем, он применялся и до нас, и даже до Г. С. Попова — предшественники умело пользовались и уверенно работали с амальгамой. Что до мощности:

ПРИМЕР 1.

Личность Нонголоза в Южно-Африканской криминальной традиции — настоящая амальгама. Вот он — настоящий человек в камере. Предатель, сотрудничающий с полицией — с одной стороны. А вот второй Нонголоза — Бог, создатель, вдохновитель, организатор и идеолог Числовых Банд «Ниневитяне». И все их члены (26-е, 27-е, 28-е) по-прежнему, как и в самые первые годы, живут амальгамой. И что бы против этого не предпринималось, какие бы рейды-облавы не организовывались, феномен Числовых Банд уничтожить невозможно. Криминалитет, как и человечество в целом, многократно переписывает свою историю называя все повествование Неписанной Книгой, и тех, кого надо заставляют учить ее наизусть. Игра эта продолжается весь срок заключения. Участники Числовых Банд носят невидимые одежды, общаются невидимым языком, делятся мифами в деталях — живут этим и все это перепроживают — и это всё амальгама!

ПРИМЕР 2.

Если ты не знаешь, сын мой, недалеко от Сицилии находится некий остров Фавиньяна… И на этом острове три рыцаря: Оссо, Мастроссо и Карканьоссо пишут кодекс чести… (фрагмент рассказа маэстро фехтования во время одной из первых экспедиций).

Вот амальгама! Настолько мощная, что позволяет в веках незыблемо-нерушимо в самом центре Европы существовать припеваючи «умной преступной организации» Ндрангете. И влиятельнейшие представители могущественных государств, даже объединившись, ничего не могут с этим поделать. Почему? В основе этого явления — прототип. Мир ндрангетистов — амальгама: их действительность переплетена, как канат, с реальностью, крепко, основательно и неразрывно. И рядовой член такой организации (или криминально-южной субкультуры) скорее всего не отличает, где амальгама, а где действительность. И знаете почему? Да ведь он уже рождается в Ндрине, в этой амальгаме. И впитывает ее, с первым вздохом и глотком. В народе говорят: **«Когда течёшь в лаве — трудно ощутить жар»**. С первого взгляда познает он все тайное, секретное для посторонних, знание об этом обществе Чести. Субкультура Ндрангета — его мир, его амальгама; ндрангетист смеется в лицо следователю, который грозит ему тюремным заключением. И если не молчит на допросе, то тихо и твердо цедит: «следак всю жизнь каблуки господам лижет, да так и издохнет в бедности.» А ведь кто-то создал эту амальгаму и возможность ею пользоваться постоянно без ограничений, проживать ее физически каждый день. И не стоит удивляться тому, что в методах Ндрангеты что-то меняется. Что-то меняется в ее истории и культуре — все, как у людей. Более того, вот что поведал нам профессор Антонио Никасо, автор книги «Злые языки»: все изъятые у членов Ндрангеты коды — законченная амальгама.

Код — это документ, и по устоям Ндрангеты, его нельзя записывать. Хотя, с другой стороны, амальгамы обязательно надлежит записывать… Так и появляются коды! Парадокс: полиции удалось изъять эти коды. А толку? Понять написанное в них — так и не удаётся.

Что такое полученные в результате КОДЫ? Это учебники, которые передаются из поколения в поколение. И этот вывод как раз профессор Антонио Никасо и подтвердил. И, соответственно, делаем ещё один вывод: амальгама — это учебник.

Читаем, например, в одном коде: «…Я видел лодку… и была эта лодка, и было в ней три рыцаря» — таковое повествование ни у кого в Ндрангете не вызывает сомнений — всё было и происходило именно так. Вы думаете, Ндрангета и их быт — это миф? Не миф и не выдумка, что красочно подтверждает демонстрация нескольких выстрелов в подброшенную голову на центральной площади города. И вот, я слышу выстрел, вижу летящую голову ранее живого человека (а теперь уже трупа) — и я понимаю, что **всё настоящее!** Просто на досуге обратите внимание, сколько арестов было совершено, например, за последние 30 лет во Фьюмо Фредо — и так вы убедитесь, что всё настоящее.

Такая вера и субкультура. Сами ндрангетисты не «верят» в это, они в этом «живут» –это их действительность. И я иду, например, гуляю во время одной из экспедиций и вижу храм Архангела Михаила, и заключаю: все рассказы о нём — не шутки. А далее, спустя 100 м — снова стоит храм Архангела Михаила, подтверждая мои выводы. В первый раз, как только я услышал, что некий святой Ди Пауло летал, я подумал: «Люди не умеют летать». Но затем мы отправились в особое место, там находится водопад и над ним стоит храм; в этой же композиции — летающий Ди Пауло — и меня посещает иная мысль: «Как же странно построен храм и как удивительно изображён Ди Пауло!». И все жители этого города глубоко убеждены: «*ещё как летает наш Ди Пауло! Это вы не летаете, а у нас вот летает*». И спустя некоторое время ты невольно становишься частью амальгамы. А какой эффективностью обладает этот метод! Чтобы ни делало мировое сообщество, сам Папа Римский — сколько бы раз ни отлучал членов Ндрангеты от Церкви — она жива и здорова, причём живёт богатой и процветающей жизнью (посмотрите только на их частные особняки).

Знаете, фраза Вацлава Боровичка, исследовавшего Мафию Италии около 30-ти лет, она просто культовая! В книге Боровичка написал финальный вывод так: **Мафия — это образ жизни южного итальянца.** Да-да, не организация, не люди в костюмах, а именно образ жизни.

Даже некая калабрийская шутка даёт это понять. Представьте себе, на здании суда есть надпись, которая гласит: «Членам Ндрангеты вход запрещён». Суть шутки в том, что, дескать, чего вход запрещать, если они уже там? Что ж, даже эта надпись и есть ключ — ключ, прямо указанный на входе в здание городского суда, а по сути, это ключ в амальгаму.

Конечно, едва ли можно было бы написать всё это в книге «Обманчивая тишина». К примеру, сначала нужно было объяснить вам, что такое амальгама и какое воздействие эта философия оказывает на человека.

Парадоксально, но факт: выдумка продолжает всё настоящее. Это не шутки: получается, несколько веков назад, знающие люди, а именно, монахи ордена францисканцев, истинные знатоки памяти и её механизмов, в частности, знатоки прототипологического блока, когда-то смогли использовать амальгамный метод, чтобы построить организации, не дающие всем покоя — я имею в виду «Мафию», «Каморру» и «Ндрангету». И сделано всё было, как видим, на крайне высоком уровне науки. Испанская империя — вот кто стоит за созданием данных организаций. Монахи ордена францисканцев (что мы уже обнаружили и доказали в ходе Испанской экспедиции на Канарских островах) очень хорошо разбирались в глубинной психологии — они запустили все описанные механизмы таким образом, что они до сих пор работают. И известно почему так: прототип остановить нельзя. Что угодно можно остановить, кроме прототипа: он ведь не физический, с ним невозможно бороться — можно только лучше сделать, чем было, но никак его нельзя схватить, задушить, бросить в колодец и прочее.

Давайте ещё раз вспомним легенду про остров Фавиньяна и её трёх прекрасных рыцарях-тамплиерах. Этих трёх тамплиеров никто не видел? И да, и нет! — но отражение этих трёх рыцарей мы и сегодня видим в великих Маэстро Неаполитанского фехтования: Чаккио, Маттей и Виллардита — отражение трёх ликов памяти, их всегда три было и будет, чтобы мы ни изучали…

И как бы любой человек ни старался кем-то стать на Сицилии — «кем-то», как вы себе это представляете, на этой земле стать нельзя. Можно стать «кем-то», только если вы будете отражением одного из трёх рыцарей из легенды — только в таком случае что-то получится.

Всё, что не троекратно — это не отражение памяти. Не получается стать кем-то одним — только тройственность, только системность, как и положено! И система внутри криминальных организаций так и построена. Например, «Капо — консильери — капореджиме» у Мафии. «Капо Бастоне — Капо по формальностям — Капо по фехтованию» — ещё одна тройка (Ндрангета). Это отражение образов и фигур трёх рыцарей из памяти (легенда про Оссо, Мастроссо и Карканьёссо), как отражение наследия трёх тамплиеров. И так человек либо становится частью амальгамы — и она полностью становится управляемой им (если он находится на Сицилии), либо он всегда будет посторонним человеком, «не у дел». Но противостоять или сломать такой прототип — а он более 1000 лет функционирует — никакими методами или способами просто невозможно, никак его не сломать.

**ПРОТОТИП ПОРОЖДАЕТ СТЕРЕОТИП.
ВСЁ ПРОЧЕЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ
ТЕМ ЖЕ САМЫМ ЗАКОНАМ.**

Подводя итоги главы, нужно отметить следующее: амальгамный метод был использован задолго до открытия его академиком Поповым. Однако Григорий Семёнович не только смог его осмыслить, но и практически применить при решении задач — и в этом его главная заслуга, как учёного. И он для нас сохранил этот амальгамный метод управления прототипологическим блоком памяти.

В контексте данного учебника мы говорим об амальгаме, как о глобальнейшем и самом комплексном способе концептуализации.

И в завершении — попробуйте сами написать свой рассказ. Такой, каким он был бы непосредственно с Вашим участием — его лирическим героем (героиней). Представьте, что вы — тот самый партнер Человека, который открыл вам двери в мир амальгамы. Что же Вы сделаете дальше? Как поступите?

23 МАГИЯ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Добро пожаловать на новую страницу исторического вояжа в мир Концепций и тех, кто его создает. Сегодня мы поговорим с вами о новом методе концептуализации. О названии: оно принадлежит Шефу и точно раскрывает суть метода работы с информацией. Да будет так. Этот метод Шеф использует и как тренировочное упражнение, и как способ создания особой исследовательской среды — условия, позволяющие видеть альтернативные области в целом и области практического применения.

Как началось и продолжалось наше знакомство с магией превращения? Нет-нет, не при свечах. Хотя вам рекомендуем еще немного подготовиться. Первая задача достаточно проста: взять серию Бориса Акунина «Смерть на брудершафт». Познакомьтесь. И в ходе знакомства обращайте внимание на фигуры персонажей, на героев и события.

Шеф недаром указывает именно на творчество Бориса Акунина. Ясно, что он любит начинать концептуализацию с качественных материалов. Работа с серией этих рассказов — во-первых, хорошее упражнение. Во-вторых, крайне увлекательное путешествие в то историческое прошлое, в котором вы едва ли бывали. Предварим это рекомендацией Шефа: пожалуйста, не грузите себя теми упражнениями, которые вы не можете выполнить; не взваливайте на себя слишком тяжелую ношу. Можно не читать все десять рассказов или десять книг кряду. Конечно, для самого Шефа освоить десяток-другой изданий — не задача. А хоть бы — и сто. Но для читателя, который только приступает к освоению концептуализации, такая нагрузка пока — явно не своя ноша. А ведь известно: только своя ноша не тянет. Не своя? Между тем, одна из наших задач — увлечь вас этим занятием, вовлечь вас в него. Помочь овладеть материалом. А для этого нужен ваш аппетит.

Стоит ли «проглатывать все и сразу». Как говорил один законодатель преступного мира (правда, по другому поводу): знаете, почему ко мне никогда не приезжали мальчики в униформе? Главным образом, потому что я никогда не клал в рот кусок больший, чем мог проглотить.

Итак, действуем посильно. Пожалуйста, выберете одну из книг. Или даже просто один рассказ. Но, прочтите с аппетитом и внимательно.

Хочется показать некий универсальный принцип действий, который вы сможете использовать где угодно — не только при написании книг. Даже при создании постов в социальных сетях, при разработке маркетинговых планов, материалов для практических и учебных мероприятий. Словом для работы, с любой информационной рудой. Все будет в ваших силах. Главное — не бояться попыток. И, не останавливаясь, идти вперед.

«СМЕРТЬ НА БРУДЕРШАФТ». АННОТАЦИЯ.

От автора, Б. Акунина: *«Общее название новой серии — «Смерть на брудершафт». В первую книгу, которая выйдет в начале декабря, входят две первые повести: «Младенец и черт», а также «Мука разбитого сердца». А вот «роман-кино» — это название жанра, к которому относится серия. Что это за жанр? Я придумал его сам, так что это мой очередной эксперимент над моими бедными читателями. Я знаю, что им от меня нужно только одно — чтоб я сочинял книжки про Эраста Фандорина и не отвлекался на всякие глупости. Но так уж я устроен, что мне необходимо все время пробовать что-нибудь новое. Мне до смерти надоели стилистические красивости и излишества, которые считаются акунинским опознавательным признаком. Мне захотелось написать текст, который будет лишен начисто литературных аллюзий и стилистически очень скуп. Чтобы я не выполнял за читателя всю работу по загрузке картинки и атмосферы. Пусть у читателя в воображении включится собственный кинопроектор. С этой целью я изобрел всякие незаметные глазу штуки и фокусы. Если, читая «Смерть на брудершафт», вы мысленно увидите кинокартинку, значит, метод работает. Помогают мне «операторы», то есть художники-иллюстраторы, которые рисуют для этого текстового кино стоп-кадры. Для первой повести — Игорь Сакуров. Для второй — Денис Гордеев. Стоп-кадров в книжке очень много, почти как в комиксе, и это для «взрослой литературы» тоже необычно. Всего повестей в этом цикле будет десять. И все они уже придуманы…»*

Но — прервемся на время. И встретимся-продолжим, когда вы выберете для себя рассказ из этой серии и с ним ознакомитесь, руководствуясь собственным «кинопроектом», основательно погрузившись в среду. Если вам выбрать сложно, воспользуйтесь простой рекомендацией: прочтите повесть **««Мария», Мария: фильма седьмая»** — седьмая книга из серии «Смерть на брудершафт»…

Ну-с? Сделано? Готовы-с? Прекрасно! Тогда, как говорили древние — вернемся к нашим баранам. Вы, конечно, давно поняли: речь — о практикуме, которому суждено разразиться «магией превращения». Давайте подумаем: а зачем-почему замечательный писатель Борис Акунин сотворил именно такую книгу-кинофильм. «Роман-кино»- так ведь указано в аннотации, верно? Да уж куда вернее. Как думаете, пуркуа? Давайте введем, как в старом добром брейн-ринге, подсказку друзей. У нас ведь дружба. Припомните одну из предшествующих наших глав. И обратите внимание: как выглядит попытка Б. Акунина применить метод амальгамизации, в итоге оформленный и обозначенный писателем как «роман-кино».

Если вас в некоторой степени все еще сбивает с толку умный термин «амальгама», настоятельно рекомендуем вернуться к главе об амальгамном методе; в ней говорится и о том, как великий наш предшественник Григорий Семенович Попов применял этот метод, разрешая задачи откровенно высокой и даже запредельной сложности. Кстати, должно быть, параллельно вы все еще размышляете — почему Б. Акунин сотворил это произведение?

По мнению одной из моих коллег, ответ прост: тема у Акунина — трендовая; такая, сказала, которую читать, да с удовольствием, будут все. Что? Ну, хорошо, не все. Но, конечно же, многие. И очень даже. И очень даже. Да и жанр излюбленный всеми… да-да, многими: детектив! Даже если ловят карманника и гардеробного вора. Разведка и контрразведка — тем паче. Вообще говоря, принципиальная разница между читателем и хорошим-настоящим читателем не в позитиве-негативе отношения к детективному жанру. Плохих жанров не бывает. Еще Бомарше говорил: все жанры хороши, кроме скучного. Просто одни (и числом немалым) со всепоглощающим вниманием следят за развитием острого сюжета — и, увы не в силах заметить того, что изложение не имеет никакого отношения к литературе. А другие с первых абзацев отличают настоящую литпороду от элементарного пересказа динамичного сюжета. В дотелевизионные сороковые-пятидесятые, когда и книг было маловато, прочитанное и увиденное в театре-кино многие с жаром (по-своему, конечно) передавали друзьям-родным-соседям. И нужно было слышать эти пересказы! Бывало — выходило ярче, интереснее, чем — когда потом читалось и смотрелось. Авторы даже и не догадывались — сколько у них соавторов. И — каких…

Но, оставим эти тонкости большим литературоведам и литературоманам. А также театроманам и киноманам. Лучше дружно признаем, что агентура, шпионаж, разведка и контрразведка всегда были и остаются трендовой темой. И ничего в этом не изменил наш лихой век бизнес-баталий, геополитических виражей и невероятных вызовов эпохи.

Во всяком случае, имея в виду цели и задачи нашего с вами общения, едва ли можно позволить себе роскошь — в рассказе или фильме просто проследить за раскруткой сюжета. И дать оценку исключительно в связи с динамичностью и остротой подачи. Антон Павлович Чехов, автор и детективов, однажды написал повесть «Скучная история». Она и впрямь — скучная. Ни воров-шпионов, ни насильников-диверсантов. Ни — ногой в челюсть, ни — руками под юбку. А читателю, если только он и впрямь читатель, оторваться невозможно. Художник писал…

Конечно, одних вовлечет многоступенчатый шпионаж, хитроумная диверсия других и мастерская борьба с ними третьих. Тем более, обычно заранее понятно — чья возьмет. Любопытно, и это авторы знают не понаслышке, что даже компетентных лиц, самих разведчиков и контрразведчиков, при таком просмотре и чтении, совершенно не смущает, что все очень далеко от действительности. Как настоящие фронтовики с удовольствием слушали, читали и смотрели «За войну», правду-матку которой им не так давно резала сама жизнь. Знаете, одному из авторов этих строк довелось когда-то написать пьесу-детектив, поставленную в театре. На премьерном банкете приятель

(весьма серьезный чин в сфере противостояния преступности) поздравил автора от души: «Прекрасно! Смотрел с удовольствием. Но, знаешь… В реальной уголовщине все гораздо проще». Подобных произведений, написано, снято и поставлено — несть числа. Ну, если эти звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно. Но в данном нам с вами случае — есть ли в них толк? Совсем другое дело — методика, секретная и суперсекретная, которой земляне пользуются для практически-оптимального разрешения поставленных задач.

Пусть детективы, талантливые или бездарные, заполняют ваш досуг. Коль скоро таковой вообще имеется. На здоровье! Ведь, в конце концов, спор о вкусах малопродуктивен. Но, как говорится, потехе — час, а делу — время. А если серьезно, пусть слово «методика» будет для нас ключевым. Ну, как залог здоровья. Разумеется, ещё недостаточно сказать: «Есть такая методика!». У многих навязчивый этот тезис может вызвать даже и отторжение. Современники наши всякую рекламу видели. В этом смысле — дураков нет. Ну, по крайней мере, их не так много. Уж не про нас с вами сказано. И конечно же, не про Б. Акунина. Есть мнение, что тактически он, пожалуй, самый грамотный и мудрый писатель наших дней. Его даже называют гением. Вот так — ни много ни мало. Почему? Уж не потому ли, что он в принципе не совершает сложных действий? И не занимает очередь за иными-прочими «гуру пера и шпаги». Ни малейших попыток переплюнуть культовую «Ликвидацию», перепрыгнуть «СМЕРШ» (при всех их несомненных достоинствах). Борис Акунин принимает взвешенное решение, смещая действие в прошлое и перенося читателя в дореволюционную эпоху. И вы, вероятно, согласитесь с теми, кто утверждает: это у него прекрасно получается. Тут тебе — и доскональное знание-понимание эпохи, ну, и разумеется, уверенное владение мыслью и словом. В этом контексте нужно помянуть и Валентина Пикуля…

Теперь о Российской контрразведке. Создана в 1903 году (по некоторым источникам 1901 год). Поздновато. К этому времени Германия располагала эффективными разведкой и контрразведкой. Какое-то время серьезно противостоять этой махине Царская Россия не могла, что создавало удобства для работы спецслужб противника, действовавших вдохновенно и с удовольствием. Российское отставание такого рода имеют разные объяснения. Как, впрочем, российские отставания вообще. Геометрическая прогрессия разрастания каких-то школярских ошибок правительства. Всё более случайный подбор и расстановка кадров в верхах. Прогрессирующие противоречия между феодально-административной верхушкой и бурно растущим классом предпринимателей разных гильдий. Социально-психологическая мода критиканства власти и все более внятный протест против внутренней политики. Канонизация прослойкой крайне революционных и казненных деятелей. Даже некоторая растерянность правления в центре и на местах. И, за редким исключением, откровенная неталантливость (да что там — просто бездарность!) государственных мужей. Над обществом нависали тени декабристов — само собой, идеализированных интеллигенцией. Мирные народники-пропагандисты, почему-то оказавшиеся в тюрьмах и ссылках, динамично сменялись не только недовольными либералами, но и террористами-народовольцами. И где-то от горизонта, как грозовые гряду-

щие тучи, надвигались их наследники — эсеры (как бы переживающие за крестьян социал-революционеры, в особенности левые). Ну, и марксисты, конечно: поначалу плехановцы, едино позиционирующие себя партией пролетариата, то есть рабочего класса. И довольно быстро признавшиеся в мнимости этого единства и разделившиеся на «М» (меньшевики) и «Б» — соответственно, большевики. От всего этого у правительства не проходило головокружение до мигрени включительно. Вот и прохлопали инразведки. Да так, что вражеская агентура была своей во дворце (флигель адъютант императрицы Ленгорн, к примеру).

В этой эпохе Б. Акунин заплескался, как рыба в воде, смещая действие в историческую среду, где конкурентов у него практически не было. Трудно сказать, мечтают ли другие мастера художественного творчества о такой идейно-тематической целине? Но в бизнесе, если это префикс-мечта, то только потому, что в действительности так не бывает или, по крайности, бывает очень редко. Безконкурентность — какая она? Кто ее видел? Да и полезна ли она в творчестве, науке и бизнесе?

Кстати, о В. Пикуле: ранее, кроме него, так не писали о контрразведке генерального штаба. Валентин Пикуль «по касательной» задевает эту сферу, у него приводятся некоторые сведения. Но они настолько мизерны и малозначительны, что информации в общей сложности и на страничку не наберется.

Еще кое-что отметим, так сказать, для контраста. Аббревиатура «СМЕРШ» — и современному читателю кое-что говорит, что уж толковать о современниках ее появления на свет. Уже сказано: шпионаж и борьба с ним, как тема и идея, небезынтересны сами по себе. А тем более не просто борьба со шпионами, а… смерть им! Сюжет выигрышный — независимо от уровня воплощения. Интересно, что сие — лакомство не только для всевозможного читателя, но и, представьте, для бизнесмена, маркетолога, самозанятого человека. Интересны, несомненно, обстоятельства возникновения «СМЕРШа», его развитие и рост, общие и мелкие детали его хроники, личности, с ним связанные. И даже сам его финал, уход с исторической сцены и переданная им эстафета чрезвычайно интересны. Что уж говорить о маленьких, средних и больших тайнах «СМЕРШа»? И, однако же, здраво рассуждая — какой современный нам писатель, режиссер или деятель аналогичной сферы владеет смершевскими тайнами? Да, скорее всего, никакой. Даже если мы развернем, с вашей помощью, широкий поиск очевидцев и участников тех событий, потратим время-силы зря. Уж слишком много времени пролетело. Вторая мировая война.

Но мы толкуем и о более ранних событиях. Как говорил Остап Бендер: до исторического материализма. Нет, серьезно: дореволюционное время. Не то чтобы оно вообще никого не интересовало. Историки, философы, экономисты, социальные психологи и публицисты тянут свою лямку. Но у них и потребитель продукции свой. А что касаемо так называемого широкого читателя…

Допустим, вы, «не щадя живота своего», таки поработали с информационной архивной рудой. Есть данные — значит, их можно будет использовать и компилировать. Более того, с точки зрения «экспертности» и «затёртости шаблона» в этом поприще почти нет конкурентов. Но самое главное даже не это! Шеф обратил внимание на

одну интереснейшую особенность: в большинстве своём многие очень любят это время. И по нему тоскуют. Подумать-только! Времечко, которое десятки и десятки лет довольно дружно называли Мрачной Эпохой Царизма. Эпоха, породившая вооруженный протест даже привилегированнейшего сословия дворян (иные пошли в Сибирь и даже на эшафот), даже выбившихся в люди разночинцев с путём-дорогой туда же — что уж толковать о крестьянах и безсобственниках-пролах. Эпоха репинских бурлаков и горьковских босяков, подполья, явок, баррикад, терактов. Эпоха главного-негласного надзора, политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Что и говорить, аппетитное время!

Гениальный Антон Павлович вложил в уста одного из своих героев слова: вот мы трудимся, боремся, мол, страдаем — ради будущей прекрасной жизни. А в этом будущем вот так же будет говорить человек, оглядываясь по сторонам: ну, что это за жизнь! Вот раньше жили люди… Кстати, о воспоминаниях. Ещё живы младшие шестидесятники — из сороковников — подтвердят: дети Победы, рожденные сразу после Второй мировой войны, играли почти исключительно «в войну». И бесконечно завидовали отцам, успевшим на фронты. Конечно, у них такие воспоминания, есть о чём говорить! Не говоря уже погонах, ремешках через плечо. Ордена-медали. Раны горячие — кровь пролили за Отечество. А теперь — вечный мир, больше войны не будет. И мы пролетаем, как фанера. Отцы же, пораненные, поконтуженные, истерзанные и переутомлённые (не из книг и кино про войну, а с самой войны) детям в этом не мешали. Но пожимали плечами и как-то невесело кивали головами. Да и говорили о войне, если иметь в виду настоящих фронтовиков, очень мало. Фронтовики вообще были малоразговорчивыми людьми — окромя «Героев тыла». Не об этом ли сказал поэт:

Ты себя в счастливцы прочишь,
А при Грозном жить не хочешь?
Не мечтаешь о чуме
Флорентийской и проказе?
Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?
Что ни век, то век железный.
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время — это испытанье.
Не завидуй никому.

Между тем, зависть к прошлому, неизменно идеализированному литературой, кино, вообще искусством и значит — памятью, сопровождает многие поколения. Тут — некая тайна. Магическая, можно сказать, тайна.

Вы же хотели тайну? Хотели магию? Или — подглядеть, с чего всё начинается? Успех Акунина построен на тоске людей по былому. Может быть, тут работает некая ностальгия. Ностальгия по тем временам-местам, которые предки покинули, и теперь шевелятся в нас, в наших умах и душах. Размышляя об успехе Акунина,

можем предположить связь с общечеловеческой (русской в особенности) лирической тоской. Тоска по селёдочке с графинчиком — запотел, подлец, инеем покрылся. Тоска по услужливому халдею в столичном ресторане, по музыканту, который на званом барском вечере так исполняет свои па — прямо тупым смычком по нервам. Тоска по цилиндрам и смокингам, по текинским коврам, небесно-высоким потолкам и высокопоставленным гостям. Тоска по прекрасно былому, где для аристократов специально выписанные из Парижа повара готовили прекрасные блюда, а юные леди перебирают струны арфы, как самой души. И, конечно, никуда больше не нужно бежать и торопиться, нет информационных войн, коммунальных платежей, серых пластиковых коробок современных городов, почему-то именуемых «домами»…

Скука и тоска, понимаете? Многие, очень многие, влюблены в шарм той эпохи, которую и в глаза-то не видели — окромя киношки. Вот — вы: давайте представим, что прямо сейчас перед вами двери ресторана. Но одна такая дверь ведет в ресторан быстрого питания, эдакий «Макдональдс», «технологическое чудо 20-го века». А вторая — прямиком в частный ресторан господина, который с учтивостью приглашает вас в дворянское собрание и отобедать фазанами, подстреленными в последней охоте. Куда пойдете? Куда вам хочется? Понятное дело, хочется в то неторопливое и прекрасное время. А идти придётся в «Макдональдс» или нечто аналогичное. Тоска да и только.

Как пояснял Шеф: **«Теперь должно быть понятно, почему Акунин — мастер слова и выигрывает на фоне многих и многих современных писателей. Выбранная тактика сама по себе безупречна. И у Акунина есть чему поучиться. Я лично часто предлагаю своему разуму специальные упражнения».**

Концептуализация без практики не постигается, а потому ещё один полезный вопрос для самотренировки. Как полагаете, почему Борис Акунин в «Фильме седьмой» выбрал такого странного персонажа, как **Зепп фон Теофельс** — резидент германской разведки? Почему именно он получил пальму первенства и стал главным героем? Как родился этот герой?

Вопросы эти озвучены не от нечего делать. И не из банального любопытства. Крайне полезно изучать прототипы героев — это способствует не только освоению навыка концептуализации. Мыслить прототипологическими понятиями — особый уровень умений, и это, конечно, не просто. Зато в итоге в достаточно сжатые сроки вы научитесь думать как человек мыслящий, который действительно очень хочет добиться результатов на практике, вместо того, чтоб оставаться человеком, который размышляет — «как ещё нельзя что-то изменить, почему у него что-то не получится, опять чего-то не хватает» и так далее. Дело не только в том, чтобы сделать, но и в том, чтобы сделать качественно. А для этого, как говорится, «кое-что понимать важно на самом старте».

Вот так и сейчас. Мы ещё «магию превращения» как метод толком использовать не начали, но подготовку проводим по сути. Прежде чем что-то одно превращать во что-то другое, это у вас действительно должно быть в наличии — в руках, в уме, в мыслях. Невозможно превратить яблоко в персик, если у вас, по факту, нет в руках никакого яблока. Собственно, с «яблока» из примера и переключаем внимание на прототип — на главного героя, на человека и персонажа, вокруг которого и будут «закручиваться» некие события.

Итак, у нас есть тема и вырисовывается некое понимание персонажа, который собирается что-то совершить на поприще этой темы. Что он сейчас мог бы делать?

Представили? Отлично, перейдем к вопросу: как теперь из этих составляющих сделать что-то интересное и полезное?

Вопрос, на который сразу не ответить. А потому предлагается некоторое рассуждение. Для начала назовите самый знаменитый роман о разведке, написанный до Акунина.

Здесь, конечно, требуется уточнение: самый знаменитый — в какое время? В какие времена? До Акунина — взято слишком широко. До него, к примеру, и задолго (ещё в конце 50-х) был издан толщенной книгой роман Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин». В начале 60-х гг. переведенный с украинского на русский, он часто переиздавался огромными тиражами, переводился на языки СССР и многие иностранные. И стал детективом нарас-

Крайне полезно изучать прототипы героев — это способствует не только освоению навыка концептуализации. **Мыслить прототипологическими понятиями** — особый уровень умений. В достаточно сжатые сроки вы научитесь думать как человек мыслящий, который действительно очень хочет добиться результатов на практике, вместо того, чтоб оставаться человеком, который размышляет — «как ещё нельзя что-то изменить, почему у него что-то не получится, опять чего-то не хватает» и так далее.

хват. Экранизирован в 60-х под названием «Вдали от родины». Было это, как вы понимаете, ещё до «Куклы госпожи Барг», толстенного романа, который также был нарасхват, и до книг «Бумеранг не возвращается», «Звёзды падают в августе», «Над Тиссой» и «Пароль не нужен» — которые, в свою очередь, были большим дефицитом, собирающим очереди в библиотеках. Некоторые экранизировались и привлекали громадные зрительские аудитории.

Если иметь в виду более позднее время и только тему войны, то такой роман — один-единственный. И это — книга Николая Леонова «Вариант Омега», как известно, также экранизирована. Есть мнение о том, что данный литературный шедевр ещё никто не переплюнул. Как же Н. Леонову это удалось?

«Удачно выбранная тема!» — возможно, кто-то отреагирует так. В какой-то степени мы уже в обсуждении говорили об этом. Однако не стоит обольщаться. «Разведка и контрразведка» — темы не настолько интересные и интригующие, как вам могло бы показаться. Чтобы получился «Вариант «Омега» писателю пришлось изрядно потрудиться. То есть он сделал эту тему интересной, привлекательной для читателя. На самом деле, если бы вы попали на один день службы в контрразведке… наверняка, скривились бы от неудовольствия и зазевали бы к вечеру от скуки. Вероятно, обывателю кажется, что все должно быть как в кино: весело, остро и динамично, переполняясь приключениями и вызовами судьбы.

Однако чётко срабатывают две правды и разница между ними. Правда искусства (литературы) и правда жизни. Киноварианты совершенно не соответствуют действительности. Безусловно, на определенных этапах часть деятельности той же разведки бывает более чем динамичной… Но многое зависит и от человека, от его философии и подхода. Например, в «Варианте Омега»: уберите главного героя, товарища Скорина и замените его, эксперимента ради, на Штирлица… что получится? Натуральное нытье (да простят меня почитатели Штирлица). Правда-матка в том, что если писать неинтересно (рабски копируя действительность) — такую писанину вряд ли кто-то захочет читать. Хотя к жизни это будет иметь прямое отношение. А к искусству? А к литературе?

Задайтесь вопросом: вы как читатель некоего текстового блока… сами для себя чего хотите? Наверняка ищите динамику, нетривиальный и крутой сюжет, невероятные события и смены декораций. Да, вы хотите «приключений и происшествий»… но вот недолга: в контрразведывательной деятельности как таковых приключений нет. И вообще как деятельность класса «контр» она и направлена на то, чтобы ряд событий никогда не имел место быть. Например, поиск, нахождение и ликвидация подполья — дело гнусное само по себе. Далеко не каждый вообще будет интересоваться подобными актами. Но вы, господин современный читатель, вы ищите иное… ваш дух жаждет «тайных операций», да побольше! Вы наверняка предпочтёте подполью приключения Шерлока Холмса. К сожалению, придётся вас огорчить: в разведке и контрразведке этого всего нет. Не бывает там «Шерлоков Холмсов». Всё, что зритель наблюдает в кинофильме — например, фиаско агента влияния вражеской стороны или миг задержания шпионов — всего лишь последний кадр в длинной и неувлекательной,

но интеллектуально нагружённой череде событий. По факту, вся интеллектуальная и аналитическая часть разведывательной и контрразведывательной деятельности для обывателя — скука смертная, а значит, сюжет на этом не построить.

Далее — рассказ о магии превращения в точности так, как на практике нас с этим знакомил Шеф. А потому позвольте предложить небольшое тренировочное упражнение, нацеленное на работу с фигурами и персонажами (теми самыми движущими силами истории). Итак, Леонов знакомит нас с таким персонажем, как барон Фон Шлоссер; у Акунина мы встречаем барона фон Теофельса. Давайте попробуем сравнить их. Героев, то есть. Товарищ Скорин, филолог, переводчик. Знаток немецкого языка и литературы. Зепп фон Теофельс — математик. Итак, первые отличия очевидны; попробуйте теперь обнаружить другие. Вообще, герой «Зепп фон Теофельс» — крайне интересный тип. На основе этого персонажа вы сможете создать ряд интересных вариаций. Разумеется, то будут ваши вариации, уважаемые экспериментаторы.

Шеф озвучивал вопросы:

— Как бы вы назвали своего персонажа? Чем бы он мог у вас заниматься? Каковы его увлечения, навыки и умения? Причём учтите: этот ваш персонаж не статичен, ему предстоит, в соответствии с законами художественного творчества, меняться. Развиваться на протяжении, скажем, нескольких рассказов. У Б. Акунина мы наблюдаем в серии 10 «фильмов». Давайте и оттолкнемся от цифры 10 для тренировки. Причём упражняться я буду вместе с вами.

Продемонстрирую заодно, как пользуюсь одним специальным приёмом. Итак, я обдумывал, каким мог бы представиться миру мой персонаж. И решил его назвать так: Зеренский Михаил Абрамович. Интересно, как считаете? А если фамилию выбрать другую? Например, Романов. Ну, как Романовы, трехсотлетие Дома которых успели отметить всенародно последние подданные Николая Второго. Уже другой смысловой и прототипологический фон намечается, не так ли? Собственно, вы вольны выбирать на свой вкус. Попробуйте.

Создавая набросок десяти будущих книг (пока неважно, каким мог бы быть жанр), думал, кого выбрать с точки зрения предрасположенностей и навыков. И поскольку я в принципе не ищу легких путей, пришлось несколько напрячь свой разум. Ведь изначально для главного героя я выбрал специальность достаточно необычную, высокоточную и глубоко интеллектуальную. Даже поймал себя на мысли — не стоило делать такой выбор. А впрочем, не страшно. Так даже интереснее.

Кого же я выбрал? Кандидата наук, товарища химика. Нечасто сегодня такого встретишь, не так ли? Оторвитесь от этой строки на минуту и попробуйте вспомнить, сколько среди ваших знакомых химиков… а среди тех — кандидатов наук. Нечастые гости, не так ли? И это замечательно. Значит, будет интересно. Итак, есть на примете химик. Когда с точки зрения времени, столетий и эпох он станет свою деятельность реализовать? Лично я решил перенести сценарную линию на наши дни, 21 век.

…Далее предстоит поработать не менее основательно, чтобы написать десять книг. Предстоит — то, предстоит. Но как это сделать? Как говорится, солдатами не рож-

даются. Как доложил один мрачный остряк, солдатами умирают. Не рождаются и аквалангистами, и химиками. Ими становятся. Если, конечно, становятся. Вот и пойдем путем становления. Будем рассматривать цепь, звено за звеном от общения со студентом химфака — к лаборанту, дипломнику, приват-доценту, соискателю и, наконец, к кандидату наук. А там — видно будет.

Слышу-слышу вашу реплику: главный герой, вы сказали, химик. Как мы будем показывать его деятельность? Вот химик — и точка. Как нам толковать о химии? Как говорится, «Делай как я!». Вынужден признаться: я — не химик. Но был озадачен и своим выбором профессии героя. Выбор этот неизбежен в подобном творчестве. Помните, как Михаил Светлов докладывал о выборе работы для своего лирического героя? Обращаясь к нему и предлагая реестр занятий, он вывел:

…впрочем, делай что хочешь.
Если б знал ты, как мне надоело,
Выбирая работу тебе,
Самому оставаться без дела.

Шутка. Ситуация, знакомая каждому писателю. Он вообще был шутником Светлов, к чему ещё, кажется, вернемся. Лично мне бездельничать, пожалуй, никогда не приходилось. А вот сочинял и писал много. Немало и выбирал занятия для своих героев. И с их занятиями нужно было знакомиться основательно. Вот и пришлось опять потратится — купить несколько книг по занимательной химии для детей. Ну, и прочесть. Глубочайшие знания этой науки в данном случае не требовались. В самом общем виде я освежал в памяти химические законы, закономерности, основные этапы и направления, большие имена и их деяния. Кстати, как и всякий раз в таком случае хоть и умеренно, но все же сожалел о том, что в школярские годы относился к химии не чрезмерно серьезно. При известном навыке скорочтения и приличной запоминалке обзавелся я довольно быстро известным химминимумом. Да и опереться я мог, в случае чего, на очень серьезных специалистов…

ИТАК, ПЕРВУЮ КНИГУ Я НАЗВАЛ «СТУДЕНТ». Касаемо идеи-трамплина, остановился я на рассмотрении такого химического явления, как «давление». И, пожалуйста, не поправляйте меня, мол, физический термин. Полагаюсь на ваше понимание общего и разницы между химией и физикой. Вы ведь слыхали о физической химии и химической физике. На физическое давление, к примеру жаловался О. Бендер водителю Козлевичу: мол на него давит атмосферный столб более тяжелый, чем на других граждан. А ведь это, в отличии от давления гидравлического пресса — уже

химическое явление. У кого-нибудь из вас наверняка в самолете закладывало уши. Так что вы легко это представите. Представили? Очень хорошо. Таких образов, таких идей-рисунков нам потребуется некоторое количество. Имея в виду свою практику, скажу так: практически все главы десяти книг проистекают преимущественно из химических явлений, а не из физических. Нисколько не преувеличивая, скажу, что полет мысли оказался весьма стремительным. Когда рассуждаю не над физикой, а над химией, у меня почему-то концепции сыплются, как из рога изобилия. Другой взгляд на мир — взгляд сквозь химию, а не физику или прочие физико-математические дисциплины, которые с конца пятидесятых, с начала шестидесятых почему-то считаются ключевыми. Тогда у шестидесятников энергично и повсеместно вошла в моду дискуссия «Физики и лирики» — между кибернетиками Игорем Полетаевым, Алексеем Ляпуновым и писателем Ильёй Эренбургом на страницах «Комсомольской Правды». Так назывался и популярный спектакль «Современника». Масла в огонь, помнится, подлила «Литературная Газета», опубликовав стихи Бориса Слуцкого «Физики и лирики», название которого стало крылатым выражением:

Что-то физики в почёте.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчёте,
Дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
Мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья —
Наши сладенькие ямбы,
И в пегасовом полёте
Не взлетают наши кони…
То-то физики в почёте,
То-то лирики в загоне.
Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
А скорее интересно
Наблюдать, как, словно пена,
Опадают наши рифмы
И величие степенно
Отступает в логарифмы.
1959 г.

Мол, кто главнее и актуальнее: физики или лирики. Заметим, тогда о химиках — ни слова. В эпоху транзисторов и нанотехнологий мы, в основном, оперируем категориями линейных систем и алгоритмов; вглядываемся пристально в явления физические, химические явления мы как бы и не замечаем. Между прочим, зря. Практика убеждает — и сейчас у вас самих есть возможность в этом убедиться — химические феномены фундаментальны. И отлично срабатывают, как идейные трамплины.

Уже упомянутую первую книгу «Студент» я написал, размышляя о химическом давлении. В самом общем виде: давление — штука хитрая, по-разному влияет на все сущее, в том числе и на человека. Но удары и нажимы, повреждающие тело — одно, а удары и нажимы, повреждающие волю человека — совершенно иная категория. Пример для прояснения. Некто А некоего Б ударил ножом в плечо. Для пущей наглядности представить, что Б — вы сами. Ваш, мягко говоря, дискомфорт нам понятен, но А этого мало, ножом он полосует вам руку. Еще больнее. Не говоря уже об обиде. Ну, как А ударит ножом еще и в кость. Ужасающий удар! Боль шокирующая! Что называется: болевой шок. Ни дать сдачи, ни убежать. Воля парализована. А если ударов — серия: из строя человека может вывести первый, последующие вызовут некие новые чувства, эмоции и реакции. Хотя, если есть необходимость остановить любую химическую реакцию, всегда существует способ — как это сделать. На фундаменте этого химического закона построена книга «Студент» и концепция о давлении, как о химическом феномене, выступает основной.

ВТОРУЮ КНИГУ Я НАЗВАЛ ТАК: «СМЫТЬ КРОВЬЮ». В данном случае я использовал следующую концепцию: вещество может превращаться в другое вещество только при воздействии извне. Соединение веществ позволяет получить другое вещество.

Я сосредоточил внимание на химической концепции получения нового вещества. На ее базе придумана вторая книга. Я закрутил водоворот событий, ввел несколько персонажей, представил их поездку за границу. Таким образом, все ключевые события разворачиваются на территории другого государства. Проблема главного героя: он сосредотачивается на физике, думает только о ней. А страдает от необъяснимых химических процессов. Ну, один из самых известных необъяснимых химических процессов — любовь. Как сказано в другой умной книге, это — тайна великая есть. Почему человек орет во все горло или шепчет жарко «я тебя люблю!», досконально не знает никто. Это — как химическая магия, как непознанный химический процесс. И далеко не всегда радостный. Можно сказать, почти вся шести тысячелетняя (даже и с гаком) литературная классика и искусство вообще связаны с этим предметом. А веселого там маловато. А ведь это — отражение самой жизни, где нередко человек страдает от неизвестного химического процесса. Что и говорить — любовь! Сплошная химия, агрессивная разъедающая среда. Кто же смеет сомневаться в том, что Отелло, мавр и генерал венецианский, именно любил Дездемону. Да, конечно же, любил. И еще как!

И между прочим, взаимно. Только ведь совершенно ясно: если б он ее любил, хоть немножечко меньше, она дожила бы до глубокой старости. А разве не любил некий датский принц Офелию. И что? Чем, спрашивается, кончилось? А уж как любили друг друга Анна Каренина и поручик Вронский? Горячо и бескорыстно младшая дочь любила короля Лира. А ведь и там финальчик мрачноват: четыре трупа. Нужно ли продолжать? Вот эту Химию я и положил в основу повествования.

Разумеется, здесь присутствует известный перенос смысла. Заметьте, даже термины «токсичность» и «токсичный» нынче каждый третий употребляет не в научном контексте, а описывая некие отношения. Вообще химическая терминология сегодня используется довольно широко, сами понимаете, такая ассоциативность не случайна. Можно сказать, многие живут физикой, а думают о химии. И это концептуально очень важно. Казалось бы, древнейшая наука. Средневековые алхимики — тоже химики хоть и физике не чужды. Свою главную самозадачу, положим, они не решили (ну, помните — насчет философского камня), но заложили фундаменты многих ныне развитых наук — в том числе и химии, науки отнюдь не скучно-занудной, а невероятно интересной, актуальной и жизненной. Причем, до такой степени, что на нее взмолился в шестидесятых невежда Хрущев. Как бы благоговея перед тенью Ленина, все же дерзнул к классике вождя «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» добавить: «…плюс химизация народного хозяйства!».

Что же, и такими устами иногда глаголет истина. Меня же более всего интересует химия человеческого фактора. Что и хочу раскрыть в десяти книгах, всматриваясь сквозь химическую призму в тот самый мир, который весь — театр. И все люди в нем — актеры.
Да если бы только актеры! С актера — что возьмешь… Как у Юлия Кима:

…Медам, месье, сеньоры,
Как жаль, что в этой драме
Коварные суфлеры,
Бездарные гримеры –
Мы сами. Мы с вами…

Это — из мюзикла по мотивам комедии Шекспира «Как вам это нравится», где далее герой мечтает:

Пускай блондина играет блондин
И никогда — брюнет,
А то перепутаем все как один
С черным белый цвет.
Пускай врача играет врач
И никогда — палач,
А то чуть запор — он звать за топор
И нет живота, хоть плач
Пускай корона венчает того,
Кто в самом деле — лев,
А примутся уши расти у него –

Тут же заприте в хлев
Не дайте шакалу сыграть овцу,
Копейке лезть в рубли,
Но дайте певцу и только певцу
Считать, что он пуп Земли!

Счастливые люди эти поэты. Вот сказали: «Дайте!» — и умыли руки. А дальше-то что? В науке и бизнесе такая роскошь непозволительна. Здесь нужны не только литературно-теоретические выкрутасы, но и практика. В которой химическая призма незаменима. Что же, можно предположить, и Шекспир, и Юлий Ким, таким образом, смотрели на мир человека тоже через химическую призму, сами о том не думая. И объяснимся: как срабатывает химия посредством сюжета. Хотелось бы, чтобы загадка полезной химии жизни стала для вас, читатель дорогой, как выразился тот же Гамлет, магнитом попритягательнее.

КНИГУ ТРЕТЬЮ Я НАЗВАЛ «ВЕЩЕСТВО». Концепция следующая: неизвестное создает неизвестные последствия еще до того, как они произойдут. В ходе повествования, на правах автора я нейтрализовал неизвестного персонажа. Главный герой сюжета — некий уникальный человек, действительно умеющий читать чужие мысли. Это — едва ли врожденное качество: в детстве он за собой такого не замечал, но однажды что-то случилось (скажем, авария) и у него открылся дар чтения мыслей других людей. Чего не бывает даже в реальной жизни.

Науке известен случай: в войну там, за Уралом, на оборонном заводе как-то распаковывали эвакуированные станки. И от ящика отлетела доска, ударила работницу по голове. Ну, та, ясное дело — с копыт. Без сознания притащили в санчасть. Травматический шок. Она бредит. И в бреду говорит не по-русски. Ну, время военное, завод секретный. А по анкете она — безграмотная уборщица. И мама ее была питерской уборщицей. Врач же определил: бормочет по-латыни. В бреду читает стихи Горацио. Само собой — Особый отдел. Привели, конечно, в чувство — тогда это запросто. А она не колется. Какая, говорит латынь! Я и по-русски-то — не очень. В общем, чуть не шлепнули. Чудом выяснилось (врач до войны изучал влияние травм черепа на человеческую память): оказалось, еще до революции ее маман ходила убирать к профессору императорского университета на Васильевский остров в Петербурге. Пока приводила в порядок пол, профессор забирался на диван с ногами, брал ее — маленькую девочку — к себе. И читал вслух Горация. Где там, в толще ее мозга, сохранилась эта латынь? Но к жизни вызвал Горация удар сосновой доски по башке. Кстати, наука до сих пор не разобралась с этим феноменом.

Вот уж, действительно, по Шекспиру: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам!».

Авария не только физически травмировала нашего героя; психологическая травма включила дар чтения чужих мыслей. Погодите удивляться, вы еще не все знаете, у милого нашего героя нет кистей рук. Нет-нет, он не сапер и потерял их не на фронте. Руки не отрубили оккупанты за кражу (была такая мера наказания у них). Это — родовая травма. И так, жизнь его неполноценна, руками делать ничего не может, но способен читать мысли. На крыльях этой выдумки я подобрал химический закон, позволяющий обосновать феномен этого человека. Сам он — никому не известен. Никто не знает, что у него на уме. Да никто этим особенно и не озабочен. И вам, читатель дорогой, об этом не расскажу. Секрет. Строжайшая тайна, понимаете? Повествование показывает, как неизвестный персонаж читает мысли и пользуется (или не пользуется) этим даром. В конце концов, его пришлось нейтрализовать. И наш доцент-химик придумывает способ нейтрализации.

Как бы вы поступили? Хотели бы, чтобы сей уникум оказался в числе сотрудников? Предположим, вы, уважаемый читатель — бизнесмен или управленец. Вот вы на совещании принимаете доклады. А после узнаете мысли партнеров и сотрудников. К вашему сведению то, что подчиненные думают о своем директоре, а верные бизнес-друзья — о деловом партнере. Или, к примеру, на пресс-конференции мэра. Он отвечает СМИ, а безрукий ваш помощник тайно информирует о том, что чиновник думает на самом деле. Представляете, какие возможности! Известно: информирован — вооружен. Располагая такой информацией, можно надавить на кого угодно. Чтец мыслей, таким образом, становится оружием в чьих-то руках. Оружие помогает разбогатеть.

Попробуйте предположить дальнейшее: а пока — **о КНИГЕ ЧЕТВЕРТОЙ. НАЗЫВАЕТСЯ «ШКОЛА».** Концептом-основой я выбрал… химический процесс ковки дамасской стали. Увлекательная штука — наблюдать за тем, как слой за слоем выковывается дамасский клинок. Пришлось изучить различные способы такой ковки. Но остановился именно на дамасском. Он наиболее полно и точно соответствует тому, как происходит наше обучение. Выбирая главному герою профессию, необходимо было подобрать соответствующую этому жизненному этапу логику.

Представим: некий химик-лаборант живет в советской пятиэтажке хрущевке, квартира — от родителей, которые давно съехали на дачу, возятся там с помидорами и особым сортом картофеля. Отец и мать — математик и биолог. Университетские профессоры.

Сосед сына — дедушка, бывший сотрудник КГБ. Последнее — строго, между нами, никто об этом не знает. У деда репутация жадины. О таких говорят: бескорыстно любит деньги и не против острых ощущений (когда-то — натуральный разбойник). Людей, иногда, было, убивал по заказу. Всякие пакости делал. За долгие годы обзавелся клиентурой в разных регионах.

Периодически эти «клиенты» по старым связям к нему обращаются. Дед наш, без шуток, тот ещё «персонаж». Как земля его держит — одному Господу Богу известно. Руки по локти в крови, но, в отличие от Бориса Годунова, мальчики кровавые не снятся. И не останавливается, продолжает торить дорогу свою страшную. Берет заказы разные, выполняет четко и без проволочек. Денег у Деда и так много, но ему всё мало. И вот, однажды он понимает, что всё же неумолимо стареет. Разбойника нашего охватывает страх, что очень скоро, ни зарабатывать деньги так, как он привык, ни жить припеваючи, на широкую ногу, он не сможет. Не сможет себе позволить ездить то в Китай, то на Мальдивы, то глазеть на диковинный Восток, то купаться в лазурном море. Не сможет, уж простите за прямоту, собирать вокруг себя по дюжине тёлок, гоняться за ними по пляжу.

Дед, в общем, притормозил. Покумекав, он подыскивает себе помощника. Условно представим, что такой, как этот мерзкий Дед, каждый месяц зарабатывает 150–200 тысяч долларов. А помощника, не только из социальных соображений, хочется найти «из народа», чтобы тот и всю работу не хуже исполнял, и чтоб для него 10 тысяч зелёных в месяц было бы невероятно прекрасной суммой, позволяющей чуть ли ни небо алмазами осыпать. Недолго думая, дед находит бедного парня напротив. Он знает, что тот недурно воспитан, с детства спортсмен, химиком-лаборантом недавно устроился.

В общем, внезапно в мир нашего доцента врывается сосед по лестничной клетке. Дед, по методе госбезопасности, сначала входит с ним в доверительные отношения, а затем постепенно начинает его уму разуму учить. И все это ради того, чтобы обеспечить собственную старость. Мотив Деда прост и незамысловат: чтобы жизнь продолжала быть такой же полнокровной, к примеру, и в 80 лет. Вкусив плод радостей земных, очень не хочется от них отказываться, не так ли? Но даже если ты желаешь веселиться, есть задачи, которые в 80 лет физически выполнить не сможешь уже так, как в былые годы… А значит, весьма выгодно подобрать помощника, давать ему эти самые 10 тысяч в месяц. В общем, как вы поняли, на таком простом мотиве завязывается книга «Школа».

Главного героя втягивают в неизвестную ему игру; тот выполняет поручения Деда, пока в определенный момент дело не доходит до критических поручений. Иными словами, абсолютно не законных. О, наш парень переступает черту закона не из-за денег (как однажды это сделал разбойник), но по причине неуёмного интереса. Главный герой обнаруживает в своей работе то, что ему не даст ни одна кафедра мира — настоящую химию. Молодой человек справляется с поручениями, рассуждая и действуя как химик; химические концепции позволяют ему обнаруживать решения к очень сложным задачам. «Школа» открывает двери в совсем другой мир.

Да и живет теперь наш химик, как в турне. Дед неторопливо знакомит его со своими сослуживцами; то один учит молодого человека «премудростям этого мира», то другой. Наш главный герой, например, приезжает в деревню к одному сослуживцу, а потом — к другому специалисту. Вот так и путешествует где-то полгода, пока Дед не говорит ему: «…я сделаю из тебя настоящего профессионала!». Дед наконец-то открывается нашему главному герою, рассказывает о своём прошлом… и нынешнем. А затем делает следующее предложение: «…ты ранее зарабатывал у меня 10 тысяч, а теперь, предположим, будешь зарабатывать 50!». Парень, естественно, соглашается, хотя денег ему и так хватает. Зарабатывать баснословные гонорары, конечно, приятно, но главное — неподдельный интерес и настоящая жажда. Здесь он получает то, чего больше нигде нет и не будет: тайные поручения, умопомрачительные задачи и вызовы интеллекту… Наш главный герой нашел себя и как химик, и как ученый непосредственно в этой «не совсем легальной работе». Дед ему однажды объясняет, как нужно стрелять, чтобы попадать в мишень с завязанными глазами, а его ученик перекладывает объяснения и демонстрации на химические законы. И обнаруживает идеи и концепции, позволяющие справляться даже с самыми невероятными задачами. У главного героя теперь по-другому устроены «мозги», отточено мышление и взгляд на мир не таков, как раньше.

По сути, повествование строится на множестве химических задач, которые наш парень неутомимо разрешает, обнаруживая ответы посредством химии и химических законов. Так, вскоре на смену доценту приходит кандидат химических наук, способный находить ответы на нерешенные задачи и вопросы, да на такие, над которыми никто в мире не задумывался. А каждый такой ответ — по уровню тянет на Нобелевскую премию. И вдобавок, самое страшное: герой наш все это делает «из любви к искусству»: ему нравится химия, он влюблен в эту науку и занимается ею от души. Тем более — за такие деньги. Гармония!

КНИГА 5 — «МИСТИКА». За основу были взяты периодический закон и таблица Менделеева. Как заработала концепция? Если помните, Менделеев выстроил периодическую систему элементов, а наш герой-химик таким образом классифицировал людей. Следуя химическим характеристикам, он создал «периодическую систему людей» по их химическим предпочтениям и пристрастиям. Например, один любвеобильный, другой — наркоман, третий — чёрствый. Химик классифицировал людей по пристрастиям. Какие пристрастия уживаются в одном человеке и какие химические законы лежат в основе этих пристрастий. В итоге, для него мир

людей становится открытой книгой; теперь он с любым человеком может сделать всё что угодно. Возникает новая глава в жизни главного героя — он становится «властелином людей»; буквально выводит периодическую таблицу людей; с лёгкостью волшебника применяет эти знания, поскольку ему известно, что и с каким человеком требуется сделать (как поступить и что сказать), дабы тот согласился на что угодно. Хоть на собственную погибель. Представьте, как некий парень глядит на оппонента напротив, классифицирует того по периодической таблице и делает вывод, что именно дальше с ним делать… Причём обладатель такого знания может как спасать, так и уничтожать. Главный герой не просто становится «властелином», он как пультом способен манипулировать людьми, даже не вступая с ними в контакт.

Допустим такой случай: жил-был банкир, которого требовалось убить. Банкир оказался наркоманом. Наш парень-химик нашел очень крутой наркотик в Америке, который буквально сжигал нервную систему за короткий промежуток времени. Главный герой подсунул банкиру этот наркотик (причём ровно такую дозу, чтоб дело дошло до смерти), и тот за месяц «сгорел», по сути, сам себя убил. И поскольку жертва имела пристрастие к наркомании, следователи ничего не заподозрили. И списали причину смерти на «передоз», не зная, каким веществом отравился банкир. Раз наркоман — значит, всё очевидно, не так ли? Как понимаете, таких сюжетов, как в истории с наркоманом,— целая серия.

- А мы следуем далее, к **КНИГЕ ШЕСТОЙ — «ГЛУБИННОЕ БУРЕНИЕ»**. И прежде чем мы опишем несколько сюжетных па — представьте, как *дырка в колбе превращает эту колбу в бесполезный инструмент.*

Претворяем концепцию «в жизнь». Дед ставит главному герою задачу найти в Днепропетровске тайную организацию. К слову, она не особо тайная, но влиятельная. Задача такова: стать ее членом и уничтожить организацию изнутри. В результате «творческого подхода» нашего главного героя члены данной влиятельной организации начинают действовать непредсказуемо: они буквально рушат собственное же дело изнутри. Как будто команда корабля сама желает его потопить: производятся диверсии, акции саботажа и так далее. Наш химик, руководствуясь эффективными химическими методами, поначалу выявил врагов этой организации «Х», а затем стал им отправлять конфиденциальную информацию данной организации. Враги, так сказать, не знали, кто их снабжает актуальной информацией, но активно ее использовали, пока, в конце концов, не уничтожили эту организацию. Сам химик, считайте, не приложил ни малей-

ших усилий для уничтожения «колбы»; он просто днем оставался членом организации, а по вечерам отправлял оппонентам идеи о том, как организацию уничтожить; причем не только идеи, но и тактические схемы. В итоге, Колосс рухнул, и пострадали от этого все члены организации, кроме нашего химика, который «случайным образом» вовремя покинул Днепропетровск, отправившись в заслуженный отпуск.

КНИГА СЕДЬМАЯ — «ГРЯЗНЫЙ ПАУК». Перед вами — аналог фильмы ««Мария», Мария…» — непосредственно о необъяснимой химической реакции. «Грязный паук» повествует об обрушении целой отрасли. По сути, главный герой обрушил до основания целую отрасль в государстве, превратив ее в горящие обломки и тлеющие угли. Химик фигурально «устроил пожар» как непрогнозируемую химическую реакцию. Как ему это удалось? А давайте подумаем, почему компании становится банкротами? Почему может обанкротиться целая отрасль? Никто не даст вам толкового ответа. Потому как не теми категориями мыслит. А наш химик не просто нашел ответ, но и на деле, на практике показал — как можно устроить пожар в отрасли профессиональных услуг и устроить пожар охватом в целое государство.

КНИГА ВОСЬМАЯ, «ПОКУШЕНИЕ НА МЭРА». В качестве одного из персонажей я выбрал мэра Одессы (в общем-то, работа над сюжетным наброском прошла продуктивно). С одной стороны, «что нового в покушении на мэра города?» — спросите вы. Отвечу так: дело в том, что покушение состоялось… и не состоялось одновременно. То есть, наш главный герой не знал, что убивать мэра ему не нужно. Он посчитал эту задачу — не учебно-тренировочной, а принятой к исполнению. И поэтому разработал тактическую схему весьма грамотно. Однако в самый последний момент дед отменил задачу; теперь мэра требовалось склонить к сотрудничеству, а не убить. Собственно, химик и продемонстрировал чиновнику, что убить того — что дважды два перемножить (хотя изначально мэр был совершенно иного мнения, буквально мнил, что пребывает в безопасности). Однако наш парень продемонстрировал мэру, что покушение может состояться в любой момент времени, причём обязательно с летальным исходом. Как полагаете, мэр согласился на сотрудничество? Естественно, да. Так, покушение одновременно и состоялось, и не состоялось. Химик выполнил задачу, не убив мэра, а тот стал марионеткой в руках Деда-разбойника.

В данном случае концептуальная форма выглядит так: вещество измеряется не в килограммах, но в сумме вещества, изменяющего его состояние. Немного необычная формулировка, но концептуально она раскрыта на примере, описанном выше.

КНИГА ДЕВЯТАЯ — «ЭКСТРАДИЦИЯ». Начнем с концепции: в физике сила действия равна силе противодействия; однако, в химии интересно только то, что ведёт к химической реакции. Как это работает? Сейчас рассмотрим на примере.

Итак, знакомьтесь: где-то вдали от вас промышляет преступник, которого, в итоге, доблестные воины правопорядка задерживают в Белоруссии. Судьба злоумышленника незавидна; ждёт его экстрадиция в Украину. При таковых условиях Дед ставит задачу своему воспитаннику: злоумышленник не должен попасть в Украину. Можно, конечно, его убить во время экстрадиции; как вариант, можно устроить это и в Белоруссии. Главное, химику предстоит сделать так, «чтобы было красиво». Красота ведь спасёт мир, верно? Собственно о том, как наш главный герой предотвращает экстрадицию преступника в Белоруссии,— об этом книга девятая.

Книга десятая, финальная в экспериментальном цикле. Её название — «Кане Корсо», что означает буквально «канарская собака». Эта книга повествует о химии добра и зла; базовую концепцию мы могли бы охарактеризовать так: чем масштабнее протекает реакция, тем дольше будет впоследствии период покоя.

Вы можете представить извержение вулкана? Вулканическая активность такого плана — это масштабная реакция. Однако время проходит и извержение заканчивается. Сам вулкан непосредственно «инкапсулируется» и молчит некоторое время, иногда не давая о себе знать по 200–400 лет. А затем, поражённые невероятной силой природы, люди воскликнут: «Глядите! Везувий проснулся и ожил!».

Пример с вулканом непосредственно демонстрирует, что **чем масштабнее химическая реакция** (извержение, лавовые потоки и т.п.), **тем дольше будет длиться период покоя**, сменяющий извержение. Исключение могут составить субъективные моменты — вмешательство людей, на выдумку гораздых.

К примеру: ещё в 20-м веке кучка шустрой молодёжи останавливали туристические автобусы на неаполитанском шоссе с видом на Везувий. Группка топталась, подпрыгивала, повизгивала, указывала пальцами на вершину вулкана. Туристы, конечно, вываливали из салона. И, естественно, смотрели туда же. Кому же не интересно глянуть на курящийся Везувий. И пока они пялились на это зрелище и обсуждали его, ребята спокойно «чистили» салон автобуса. И исчезали. «Пааазвольте! Но ведь вулкан Везувий дымился ещё до нашей эры. Он давно — не действующий!». А кучка юных авантюристов предварительно, ещё до рассвета,

совершала восхождение на его вершину, затаскивала туда дрова и хворост, макулатуру. И с восходом солнца поджигала… Голь — она и в Италии голь: на выдумку хитра. Но что до химии…

Точно также дела обстоят с сильными землетрясениями; как войны сменяются миром, после нескольких волн сокрушительной силы наступает период затишья. После природной катастрофы проходит 100–200 лет (а то и более) — и никаких землетрясений. Данные примеры — образец и воплощение сложной химии добра и зла. Поверьте, этот феномен не настолько прост, как может показаться на первый взгляд. Особенно если рассмотреть его с точки зрения человеческого бытия. Поговорим о злодеях? Вот, как вы считаете — кем становится наш главный герой к десятой книге? Злодеем? Преступником? Грешником?

И, пожалуй, самый неожиданный вопрос: *кто больше грехов совершает, злодеи или «законопослушные граждане»?* Мораль и этические соображения побудят вас ответить: «Конечно же, за злодеями больше грехов водится»… Однако, на практике, если руководствоваться объективностью, а не стереотипами о добре и зле, многие, так сказать, добропорядочные люди грешат не меньше, а то и больше, и чаще. Просто скрывают это за маской нравственного лицемерия. Повторюсь, химия добра и зла — тот ещё феномен, настоящая тайна! Определенно люди из нашего с вами окружения считают: злодеи на то и есть злодеи, что за ними все грехи этого мира. Впрочем, наша задача научиться методу концептуализации, а не «греховному счетоводству».

В конце финальной арки Дедушка умирает и завещает своему воспитаннику всё своё состояние. Уважаемый кандидат наук, скромный химик, любящий своё дело и души не чающий в науке, становится весьма богатым человеком, обладателем нескольких сотен миллионов долларов, компьютерной корпорации, нескольких квартир в Испании и прочих объектов недвижимости. Что делать с этим «свалившимся добром» — он снова не знает. Серия книг упирается в вопросы «Как и Зачем жить дальше?». Конечно, можно плыть по течению, тратить деньги, ни о чем не беспокоиться… Но это явно не про нашего героя. Он оказался на распутье. Вытащив козырь или «сорвав джекпот», парень стал богатым и независимым. Дед сделал его не просто умным, но по-настоящему влиятельным и могущественным лицом. Однако… что дальше? Он был всегда всего лишь инструментом Деда и не задавал никаких вопросов, потому что был занят химией. Но вот разбойника Деда не стало, и теперь парень остался один. «Что дальше?» — в этом немом вопросе и кроется суть последней книги.

А как бы вы ответили на этот вопрос?

Подводя итог нашему экспериментальному путешествию в мир «магии превращения», мы могли бы заключить, насколько полезными бывают те «малоинтересные и с виду не актуальные» научные формулы, закономерности, явления, реакции. Мы не обращаем на них внимания, порой же не хотим обременять собственные «мозги», ведь как это так — неужели кому-то сегодня в бизнесе понадобится химия? Или сопромат? Или основы дела закройщика?

На примере 10-ти книг (опять-таки, не пройдите мимо «фильмов» Акунина) мы рассмотрели, как химические законы и феномены возможно «превратить» в магию жизни, то есть, концептуализировать и создать 10 новых произведений. Более того, наброски книги — это только пример. Вы вольны применить этот же принцип к проектам, бизнес-планам, любым тактическим системам решения задач. И поскольку, как продемонстрировано, можно концептуализировать химические явления и превратить их в концепции, а на базе полученной «формы» написать произведение; с таким же успехом идентичное упражнение можно проделать с учебным курсом, при выборе бизнес-темы или сферы инвестирования.

Не повторяйте того, что пытаются использовать и копировать другие. В 21 веке привыкли мыслить категориями математики? А может, физики? Прекрасно. Значит, «за кадром» остаётся химия — и это можно и нужно использовать. И да, поначалу будет казаться, что вы «далеки от этой сферы научных знаний». Поверьте, это только в начале так. Важно, чтобы вы эти методы пытались использовать. Дело в тренировке и не более того. Гений Акунина, в частности, заключается не в том, что он невероятный и «сильно крутой какой-то человек», а в том, что он умеет соединить в одном произведении и прототипы, и концепции. Данная глава как раз призвана показать ход рассуждений Шефа на предмет выбора интересного героя (прототипа) и концепций, то есть «идей, превращенных в действие».

Недаром очень многим читателям нравятся книги Бориса Акунина, ведь от них эффект — похлеще разорвавшейся в памяти гранаты. Они хорошо запоминаются и словно сами по себе проваливаются в память. «Акунинские» произведения прекрасно концептуализируются, и этот карьер для генерации концепций, как говорится, грех не использовать. И, конечно же, хочется ещё раз обратить внимание на особенную силу словоформ Акунина, на его умение использовать ностальгию по прекрасным былым временам…

В наш непростой век многие люди ищут героев. Сейчас, во времена очевидных перемен, герои нужны как никогда. Люди всегда неосознанно ищут, кому стоит подражать, кто добивается успеха и становится выдающейся, сильной личностью. Такая серия рассказов о героях могла бы подарить человеку ищущему и эффективный взгляд на жизнь, и подходы к решению задач, и философию победителя. И даже некую интеллектуальную форму — прообраз тактики и стратегии. Борис Акунин мастерски использует старинный дореволюционный рычаг тоски по прекрасному времени жизни, он дарит удовлетворение жажды по ностальгии, словно удовлетворяя голод не настоящего времени, о голод вековой. Без книг Акунина можно даже ненароком скучать, потому что человеческой памяти его произведения буквально

хочется поглощать (тем, конечно, кому — хочется); для нашей памяти книги Акунина — как еда, ибо она утоляет голод тоски по самому прекрасному, беспечному и роскошному образу жизни.

И однако же, довольно наших слов — пора и вам, внимательный читатель, перейти к собственной практике. Можно поступить так: изучить одну из книг серии ««Мария», Мария…»; выбрать некоего персонажа и видоизменить его, осмыслив предрасположенности, чем он станет заниматься, в какое время (наши дни, средневековье, дореволюционное время и пр.). Чтобы придумать и разработать концепцию методом превращения, выберите какую-то науку, дисциплины, научные законы или даже просто какое-то одно утверждение. **Затем попытайтесь развернуть объяснение этого закона в сюжет.** Выберите, например, антропологию или геометрию. Не спешите работать с чем-то сложным, чтобы «придумать великое и небывалое» — повторюсь, для начала хватит понимания этих законов на уровне ученика средней школы. Главное, пробуйте и не останавливайтесь. И помните: в начале никогда не знаешь и не ожидаешь, к чему вообще могут привести концептуальные поиски. Однако, в том-то и сила рождения идеи, превращённой в действие…

Успехов на поприще Мага, использующего метод превращения жизненных и научных законов, принципов, феноменов и моделей — в новые Концепции!

24 ПРЕВРАЩЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ФОРМУЛЫ В КОНЦЕПЦИЮ

Итак, чем мы с вами сегодня будем заниматься? Разумеется, славным делом — побуждать свой разум концептуализировать. Мы-то с вами уже точно знаем: разум наш и не на то способен, ему бы только метод интересный подай, да направление поисков. Что же, кое-что необычное мы и правда для вас сегодня подготовили. А потому, время не тратя даром, молод ты или стар… подними глаза к горизонту и да здравствует первый залп.

Долго ли, коротко ли, привела нас дорога к очередному методу — по-научному, грамотно он называется **превращение внешней формулы в концепцию.** Что это за «внешняя формула» такая и с «чем её едят» — давайте знакомиться поближе.

Коротко принцип срабатывания метода можно описать так:
Представьте, что у вас есть формула. Любая.
А теперь вот что сделаем: превратим формулу в литературное произведение, в захватывающую или поучительную историю (на ваш выбор).

В принципе, ничего сложного: берём формулу — прототипологизируем её, т.е. превращаем в некую форму — после этого превращаем новую форму в литературное произведение. Быстро и качественно.

Итак, от теории к практике.

Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума.
Николай Егорович Жуковский

Где взять формулу? Собственно, исходя из названия метода — ИЗВНЕ. В любой плоскости, например, не имеющей к вашей деятельности прямого отношения. Добро пожаловать к химикам, физикам, строителям, геологам, но ещё лучше — к тем, чей образ жизни и есть создание чего-то нового, вызывающего, нетривиального. К знатокам и любителям конструкторского дела, изобретательства и новаторского подхода.

К ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ!

Историзмы технологической летописи нашей планеты весьма разнообразны. Уже любопытен, как минимум, тот факт, что технологическая история как таковая вообще неизвестна и как нечто целостное или хотя бы осмысляемое не изложена нигде. Никто не знает ни изобретателей холодного оружия, ни пороха, ни даже попросту, откуда пришла технология изготовления муки и выпечки хлеба. Как будто однажды утром человек проснулся и… изобрёл все блага одновременно. Придумал слово «хлеб» и сразу понял, как его сделать.

К чему это мы? К тому, что если стоит вопрос, «куда» отправляться за внешней формулой — вариантов море! На 20 жизней хватит, это точно.

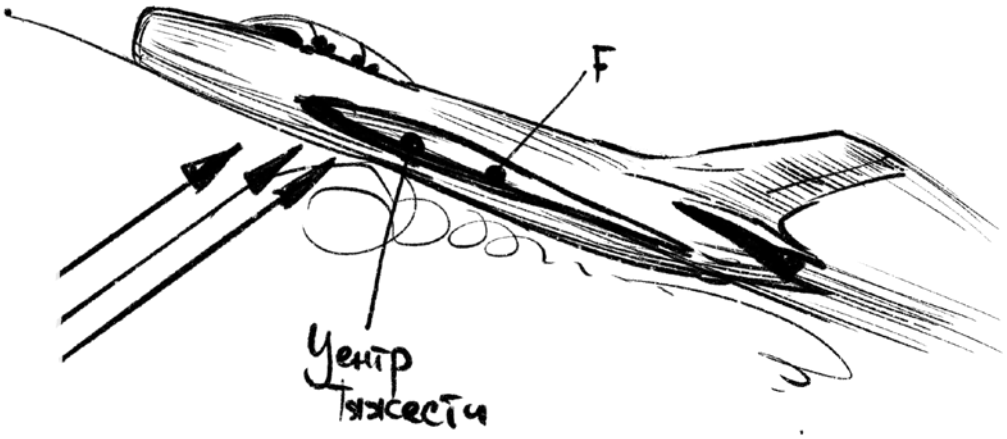
Сегодня мы не будем с вами осуществлять длительное погружение в потаённые глубины истории, не станем покушаться на технологические тайны ищущих умов эпохи Ренессанса или Тёмного Средневековья, но отправимся «не так далеко»: в век 20-й, дабы познакомиться с историей создания истребителя Су-27. Как он появился на свет? Почему после первого испытания Су-27 хотели снять с производства? И как впоследствии он стал самым мощным и лучшим во всем мире? Чтобы получить представление, можно отправиться на Ютуб и посмотреть документальный фильм об истребителе Су-27 (более того, для любителей авиашедевров на платформе даже есть документальный сериал — наиболее полная монография об истребителе Су-27).

Истребитель Су-27 нас интересует не только per se, но и как прекрасный, наглядный образец или модель, в основе которого лежит необычная формула.

Итак, короткая цитата из фрагмента фильма:

«На Су-27 реализована концепция продольной статической неустойчивости. Во многом именно она определяет высокую маневренность самолёта. Остановимся на этом подробнее. У самолёта, как и у любого физического тела есть центр тяжести».

Комментарий: центр тяжести является серединой распределения сил, действующих на тело — то есть, условно, это место, где силы уравновешены.

Вспомните, как в детстве вы с другом, сидя на деревяшке, отталкиваясь ногами от земли, качались на качеле во дворе. Вот такая же «качеля» условно и образуется в воздухе, если посмотреть на самолёт или представить его центр тяжести (то же самое, к слову, можно проделать и с подводной лодкой или мотоциклом).

Итак, у нас появилась первая точка — отправная точка для нашего рассуждения. У каждого объекта есть центр тяжести, так? Замечательно. А теперь включим «аналогизатор» и перенесём эту категорию на человека и его психику. У каждого человека тоже существует некий «центр тяжести» — это точка равновесия его психики. И сие для вас не новость, вы с детства прекрасно помните, как выглядят уравновешенные люди и чем они отличаются от неуравновешенных; равно как и прекрасно знаете, что может вывести из равновесия лично вас.

Психика человека стремится к равновесию. Как и самолёт или подводная лодка. Вот и начали мы с вами уверенно двигаться к концептуализации. Мы могли бы представить, что в психике человека тоже существует некая «качеля» и увидеть, как она приходит в равновесие.

Помимо центра тяжести, есть ещё одна точка. Послушаем, как об этом рассказывается в фильме про Су-27:

«Центр тяжести. Относительно этой точки самолёт ведёт себя в полёте как своеобразные качели. Но есть и вторая точка: точка аэродинамического фокуса».

Комментарий: Итак, точка аэродинамического фокуса. Где она у самолёта — известно. А чем может быть такая точка у человека, то есть «где она»? Подсказка: поглядите на слово ФОКУС. У человека есть фокус? Конечно, это фокус нашего внимания. Эта точка условно показывает, на чём сосредоточено наше внимание.

А теперь соединяем «две точки» — что они дают в динамике, при взаимодействии? Если быть до конца откровенными, ни много ни мало — настоящее научное открытие!

По сути, **переключая внимание, мы восстанавливаем равновесие.**

Вспомните, как вы сами это делаете. Вас что-то расстроило — переключили внимание, допустим, на хобби — и настроение наладилось, равновесие постепенно восстановилось, а солнце засветило ярче. Скажем вам по секрету, что об этих «точках»

и что с ними делать — ни один психолог и «мозгоправ» не знает. А мы вот с вами, как соучастники научного открытия, уже кое-что знаем. И не останавливаясь на достигнутом, снова слушаем фильм:

«Когда центр тяжести (самолёта) находится перед фокусом — машина статически устойчива».

Комментарий: Итак, когда мы с вами фокусируем внимание ПОСЛЕ достигнутого равновесия психики, наше внимание становится свободным. Мы могли бы назвать его «произвольным вниманием». Как это работает? Одну минуту, пример. Представьте себе вернисаж. Что вы делаете на вернисаже? Прогуливаетесь и рассматриваете картины. Попиваете коктейль или кофе, умиротворённо вышагиваете и ваш взгляд скользит и переносится с одного полотна на другое, третье и т.д.— то есть взгляд движется *свободно*.

Идём дальше: «*…предположим, что в полёте на такую машину (самолёт) подействовало внешнее возмущение, например, сильный порыв ветра, стремящийся задрать нос самолёта. На другом плече нашей качели, в точке аэродинамического фокуса, это вызывает приращение подъёмной силы. Эта сила стремится вернуть самолёт к его первоначальному положению. Причём происходит это БЕЗ вмешательства лётчика*».

Господа, вы всё ещё гуляете по вернисажу? Отлично, не останавливайтесь. А теперь представьте, как внезапно на этом благородном мероприятии «запахло» какой-то гадостью. Причём так конкретно повеяло, что вас откровенно отвлекло от созерцания прекрасных картин и вообще начало раздражать. Итак, флёр ужасных запахов — и есть вектор внешнего воздействия. Конечно же, хочется «восстановить равновесие». Обычно в такой ситуации человек просто переключает фокус внимания на следующий зал и уходит туда. «Не нравится запах? Просто отойди!» — с детства хранит «решение» наш разум.

«Таким образом, устойчивость — это способность летательного аппарата самостоятельно восстанавливать режим полёта после воздействия возмущения. Такое свойство очень подходит для учебно-тренировочных самолётов. Устойчивая машина может сама исправить ошибки начинающего пилота.
Су-27 статически неустойчив».

Намеренно прервёмся на этом такте знакомства с истребителем Су-27. Итак, обратная сторона медали: что означает, что самолёт неустойчив?

«Это означает, что аэродинамический фокус находится ПЕРЕД центром тяжести самолёта. В этом случае приращение подъёмной силы не препятствует увеличению угла падения».

Комментарий: теперь представим, как у нас, людей-человеков, центральной точкой становится не точка равновесия психики. То есть равновесие психики приходится постоянно восстанавливать после совершения какого-либо действия. Иными словами, мы намеренно дисбалансируем психику. Например, дразним себя чем-то. Вспомните, как в детстве вы дразнили соседскую собаку сосиской, играли с ней играли, а она — хвать! И стащила сосиску. И человек может проделать с собой то

же самое, самостоятельно. Подразнить себя чем-то вроде «сосиски» — и тем самым специально дисбалансировать психику. Зачем, спросите вы, такие сложности? Зачем намеренно в здравом уме и трезвой памяти себя же выводить из равновесия? Чтобы разогнать психику ДО того, как что-то произойдёт. «Прогреть стволы», как говорится, заранее, на всякий случай.

Ещё короткий отрывок истории про Су-27:
«На сухом техническом языке это звучит как «снижение потерь на балансировку самолёта»».

Иными словами, говоря о физическом теле, летящем в воздухе, мы имеем дело с потерей затрат на разбалансировку самолёта — и летательный аппарат, сконструированный таким необычным способом, способен выписывать в воздушной стихии небывалые виражи. И это круто! Ведь это значит, что умелый пилот с таким самолётом сможет вытворять всё что угодно. Самолёт становится податливым, как кукла, как пластилин, как самоё мысль. С другой же стороны возникает некоторая проблема. При ненадлежащем управлении (или при его отсутствии) самолёт может выйти на запредельные углы атаки, и самолёт развалится в воздухе.

Так же и человек — способен выйти на запредельные показатели ускорения разгона психики — и «развалиться» на части. Например, если вчера он медленно размазывал одну задачу, как кашу по столу — а на следующий день внезапно стремительно стал пытаться сделать 10. Да, прямо буквально «на глазах» человек не развалится, у него не оторвётся нос, нога или ухо; но он может получить инфаркт или инсульт, да что угодно… Так что такого рода разгон — достаточно опасная категория, надо и меру знать.

«Однако на практике это означает, что машина более уверенно ведёт себя на режимах боевого маневрирования. Другое дело, управлять неустойчивым самолётом вручную — довольно затруднительно.

То есть на статически неустойчивом самолёте лётчик должен делать двойное движение: сначала в сторону увеличения угла атаки, а потом — в сторону балансировки».

Так и в жизни: если психика человека уже «разогналась», то нередко во время тренировки (например, спортивной) человек уже вместо одного рационального движения, делает несколько (одно действие, направленное на разбалансировку конструкции, а второе — на восстановление). Начинает страдать баланс (что весьма заметно со стороны). А если, например, помешать совершать второе балансировочное действие, человек просто упадёт. С таким же успехом, в частности, человек и ногу подворачивает, и бьётся мизинцем ноги об угол тумбочки, и под машину попадает. Психика разогнана, фокус впереди баланса психики, и человек ничего кругом не видит… и попадает под машину.

«Любое возмущение в виде воздушного потока будет всё время уводить самолёт с точки равновесия; а значит, лётчик всё время его должен ловить, особенно при больших скоростных напорах. А скоростной напорный истребитель 10000… это страшное дело! То есть он легко может упустить самолёт и выйти на нарушающую перегрузку».

В этом фрагменте, по сути, по аналогии описывается ровно то, что мы абзацем выше уже обсуждали: если человек не успевает совершить балансировочное действие, он может тем самым выйти на углы атаки, разрушающие психику.

«Статически неустойчивым, например, был самолёт братьев Райт…» — к слову, сегодня принято считать, что это первый самолёт, изобретённый человеком. Будем считать, что это действительно первый летательный аппарат, хотя погружение в технологическую историю даст вам немало интересной руды для качественной концептуализации (обратитесь, разнообразия ради, к дневникам Леонардо да Винчи).

«Летать на этом самолёте (братьев Райт) нормально, было в общем-то… нельзя. То было, так сказать, цирковое искусство. Последующие машины, которые, так сказать, уже нормально летали, они делались устойчивыми, чтобы лётчику не нужно было заботиться об этом процессе. Здесь же (применительно к Су-27) мы опять же вернулись к идее неустойчивости; когда автоматика систем управления, гидравлические привода, гидравлическая система позволили это сделать.

Система, о которой идёт речь, называется СДУ — система дистанционного управления. На заре авиации лётчик, управляя самолётом, напрямую воздействовал на рули. И для этого от пилота требовалась определённая физическая сила. Так это происходило и на первых реактивных машинах. Но со временем самолёты становились тяжелее, возрастала скорость их полёта, и физических сил человеку уже не хватало…

Компьютер, входящий в систему дистанционного управления, формирует электрический сигнал, который управляет гидроусилителями рулей. Причём в зависимости от условий полёта, скажем, высоты или скорости, ***реакция системы на действия пилота будет разной.*** *А для того, чтобы лётчик не потерял ощущение управления скоростной машиной, система связана со специальными загрузочными механизмами: так, в разных ситуациях лётчику придётся прикладывать разные физические усилия, а на предельных режимах ручка и вовсе будет препятствовать движениям пилота».*

В следующем фрагменте будет описано, как балансировка осуществляется на велосипеде: как бы райдер ни отклонял руль, колесо будет поворачиваться ровно на тот угол, что позволяет войти в поворот. Такая конструкция блокирует критический угол; как и у самолёта ДСУ блокирует «сваливание в критический угол атаки, тем самым контролируя пилота и не давая ему разрушить самолёт. И даже если пилот подаст иррациональную команду — самолёт всё равно «не станет её выполнять». И, с другой стороны, аэродинамика самолёта, такого как Су-27, позволяет предел критического угла атаки сместить на очень и очень «дальний показатель», поэтому с таким истребителем можно вершить практически невозможные фигуры и писать любые авиа-сценарии (хотя, бесспорно, предел есть).

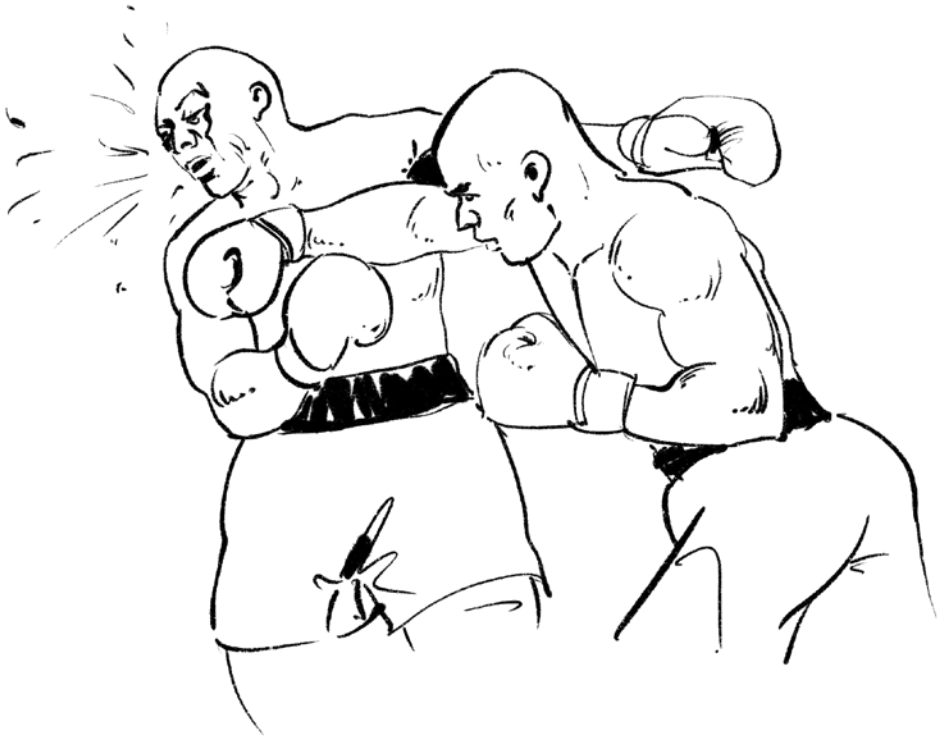
«…Если сделать умный велосипед, он мог бы работать по принципам, реализованным на умном самолёте: руль отклоняется максимально, на сколько хочешь резко, совершенно несоразмерно тому, как ты едешь, а колесо должно отклонится не более максимально возможному углу с точки зрения безопасности, чтобы сохранить равновесие».

О чём нам говорит этот фрагмент? Чем он может быть полезен? Аналогизируем и получаем: что бы вы ни делали, у вас не должно быть необходимости во втором балансировочном действии. Помните, чуть раньше пояснялось на примере самолёта Су-27, что пилот должен сделать 2 движения ручкой (выход на угол атаки, а потом выход на балансировку)? Так вот в жизни это выглядит так: любое второе действие — балансировочное — должно отсутствовать: по сути, каждое ваше действие не должно приводить к выводу из равновесия. То есть любое действие субъекта должно быть таким, чтобы оно не выводило его из равновесия, какой бы деятельностью не был занят человек. Ключевым параметром сохранения равновесия будут соответствующие действия и поступки. Мало того, что требуется разогнать психику, с одной стороны, надо выбрать такие действия, которые бы не требовали «повторного движения ручкой», даже при разбалансированной психике. То есть технический элемент или приём должен быть таков каждую секунду (и неважно, чем человек занимается), чтобы не требовать балансировки. Так человек и приходит в те точки — то есть к тем значимым понятиям и принципам — с которых и начинается эффективная, добротная и крайне успешная деятельность.

Естественно, возникнут и вопросы по существу. Например: 1) Как разогнать психику? Как её разогнать до того, как что-то неприятное (незапланированное, кризисное) случится? 2) Как психику сбалансировать, если это необходимо? 3) Как сделать так, чтобы всё же не совершать балансировочное действие? Другими словами, для решения вопроса в такой конфигурации нам понадобится сердечник, который исключает балансировочные действия.

Представим себе, как некто проводит удар по «закручивающей траектории» — то есть закручивает кулак, двигаясь за центр массы. Такой вид удара обязательно потребует прежде восстановить равновесие, перенести центр тяжести, иначе не получится произвести следующий удар.

Аналогичную сцену можно наблюдать на боксёрском ринге: боксёр бьёт боковой удар, а потом восстанавливает равновесие, что и есть второе действие.

А теперь давайте попробуем представить, что существуют и другие способы нанесения удара, которые НЕ требуют «перезарядки» и восстановления равновесия. То, уже, как говорится, совсем другая история, требующая, к слову, кардинальных изменений двигательной системы. Именно этот подход позволит выходить на запредельные углы использования собственной психики.

Безусловно, наша книга не о том, как превратить себя в супер-боксёра или сконструировать «умный велосипед». Хотя тем и прекрасна концептология, спору нет… Всему этому вы можете научиться и достичь ещё не тех «изобретательских высот». Будь то «изобретение супер-схем и славных тем» в финансах, инвестициях, управленческом консалтинге или маркетинге. Вообще, конечно, любопытно представить, какими на самом деле могли бы БЫТЬ, а не казаться, современные маркетологи, если бы мыслили категориями концептологии и своей головой, а не вторили «авторитетам», даже не смыслящим в сути маркетинга…

Отставим философские рассуждения в сторону и финализируем нашу научно-практическую «вылазку».

Итак, мы обзорно познакомились с ещё одним хирургически точным методом концептуализации под названием «превращение внешней формулы в концепцию». Чего мы точно не советуем на пути к совершенству, так это ломать себе голову в попытках осмыслить какую-то новую крутую формулу. Формулы уже существуют в достаточном количестве; а ежели они «не водятся» на поверхности вашего моря деятельности (или вам так кажется) — добро пожаловать в смежные и альтернативные области. Авиация и самолётостроение, теория машин и механизмов, ТРИЗ и АРИЗ, точные науки, прикладные науки — ресурсов и исходной руды, как говорится, не счесть.

Выбирайте интересные для себя явления, рассматривайте внешние формулы сначала в «их родной стихии» (там, где вы их почерпнули) — а затем переносите «на сушу». Сравнивайте, сопоставляйте, проводите аналогии, задавайтесь вопросами: «А как это в жизни? Что это могло бы значить на языке психологии или социологии? Где я такие явления видел и встречал в бизнесе? Не это ли демонстрируют мои клиенты, партнёры, родные и близкие, незнакомые люди?»

И внешняя формула «заговорит» по-иному. Не щучьим голосом, конечно. Но развернёт фокус вашего внимания в иную плоскость — туда, где раньше не ступала нога человека и не светил фонарь его пытливого ума; там вы и сорвёте «куш» в виде новой концепции — такой, что не видывал Мир.

Успехов!

25 МЕТОД СОЗЕРЦАНИЯ АБСУРДА

Добро пожаловать, дорогой читатель, в новую главу, в новое путешествие по миру концептуализации. В рамках нашей встречи мы познакомимся с новым методом создания концепций. Как и обещали, в каждой новой главе — без повторений, только свежий взгляд.

Итак, давайте знакомимся: метод созерцания абсурда. Или рассмотрения, или разглядывания — как вам больше нравится. Мы предлагаем звучное слово «созерцание», ибо с абсурдом оно сочетается первоклассно!

Как работает этот метод? Одним словом: на кураже!

Для нашей практической встречи с абсурдом предлагаем немного повеселиться и обратиться к фрагменту уже знакомого нам (в некоторой степени) господина философа Нидерландской земли — Йохана Хёйзинги. Его бессмертный труд «Осень средневековья» нам отлично поможет созерцать абсурд и превратить сей интеллектуальный акт в свою пользу.

Изучая метод, нам положено… попробовать осмыслить абсурд. Зачем? Да за тем самым, чтобы стимулировать разум и побудить его «в обратном порядке», используя абсурд как трамплин, начать искать новые идеи и концепции.

Что же, помедитируем над абсурдом? Уверены, до нашей встречи вы нечасто таким делом увлекались.

В качестве исходного фрагмента для тренировки ленивого разума (а вернее, его ленивых хозяев) Шеф выбрал фрагмент из книги «Осень средневековья», посвящённый европейскому рыцарству. Итак, в чём же «абсурдность» столь благородной категории как «рыцарство европейское»? Уже само сочетание звучит несколько странно…

Начинается сей сказ с подражания небесной иерархии. Не секрет ведь, что рыцарство ещё именовалось «воинством божьим на Земле», ибо «как на небе, так и на Земле». Первый вопрос на предмет изучения абсурда: откуда банда рыцарей владеет информацией о небесной иерархии? А ведь по какой-то причине эталоном европейского рыцарства выставлен Архангел Михаил. Как говорится, не ведаем кто с тем самым Михаилом знаком лично, и почему выбор пал именно на Архангела Михаила, а не на Георгия Победоносца… или ещё кого-либо?

Что же, давайте попробуем «поближе» рассмотреть Архангела Михаила. Вооружитесь лупой интеллекта и поехали.

С точки зрения общепринятой доктрины Архангел Михаил — предводитель Небесного Воинства. И ежели он — эталон, тогда возникает вопрос: предводителем ЧЕГО является рыцарь? Земного Воинства? Тогда зачем столько воинств? Одного не хватило? Или так: раз Архангел Михаил — один, то и рыцарь пусть тоже будет один. Но нет, их же в истории была целая плеяда! Рыцарские поколения воспитывались одно за другим.

Дальше: будучи предводителем воинства Небесного Архангел Михаил победил полчища сил тьмы. В таком случае, какова судьба сил тьмы… на Земле? И что делают все остальные рыцари? Раз главный (читай, Михаил) уже всех победил, раз силы тьмы больше не беснуются, что тогда всем остальным воинам делать? Бездельничать? Праздновать? Упиваться победой? Это же безобразие!

Раз сил тьмы больше нет, биться больше не с кем; раз биться больше не с кем, зачем тогда рыцарство? Не абсурдно ли?

Помнится, Архангел Михаил низверг на Землю чуть ли не любимца Бога, ангела, чей лик яснее солнечного света — самого Люцифера. А потом этот самый падший ангел Люцифер каким-то магическим способом стал главным героем многих европейских мистерий. Вот уж чудо чудное и диво дивное. Не самая логичная развязка…

Ежели эталон у нас Архангел Михаил… зачем тогда «услуги» Георгия Победоносца? Этот герой зачем? Есть один эталон, он известен; к эталону стоит стремиться — всё резонно и понятно. И не грустно, и есть, чем по жизни себя занять. Но раз всё так прекрасно и эталонно, зачем тогда Георгия Победоносца придумывать? А то и чествовать? Об этом, заметьте, особо никто не говорит честным людям.

Вот такой момент давайте обсудим. Хёйзинга в «Осени…» родоначальниками рыцарей европейских называет римлян. Это любопытно… если римляне, тогда вообще всё интересно. Римляне не знали и не чествовали Архангела Михаила. Тот появился много позже… а раз так, раз эталона рыцарства сами римляне не знали и знакомства с Михаилом не водили, как римляне могли быть родоначальниками рыцарства?! Безобразие. Ничего не получается.

А дальше, леди и джентльмены, я вам доложу, начинаются вообще события пренеприличные. Как вам такой акт: «служение даме сердца». В книгах читали, в фильмах смотрели — вспомнили. Теперь продолжаем рассуждать.

Дама сердца… Эта Мадам обрекла всех рыцарей на первородный грех и теперь, мало того, что на Земле вину свою искупай, так ещё и служи греховному исчадию! Вам не кажется это странным? Если нет, напомним ещё одно форменное безобразие. Некая Мадам Ева съела не тойное яблоко. Ей, в общем-то не разрешали именно это яблоко трогать, о чём Ева была в курсе, но ей, видать хотелось приключений. Итак, Ева съела яблоко, а за это её с Адамом изгнали на Землю. Подальше из отчего дома, так сказать. Чтоб потомкам была наука. Но потомки как-то интересно обставили эту историю, и так получилось, что европейское рыцарство теперь должно служить «даме сердца», а по сути, лику Евиному. Как такое может быть? Это верх абсурда, не находите?

С целью рыцарства тоже ничего толком неясно. Исходя из книги «Осень Средневековья», цель рыцарства — в праздности. Пить, гулять, закатывать балы и охоты. Они настолько обнаглели, эти праздные рыцари, что даже при развёртывании боевого шатра не забывали развернуть поодаль и «шатёр» с дивными садами для прогулок, воспевания прекрасного и поддержания «отличного настроения». Как вы понимаете, второй опции отдавалось больше времени и внимания, нежели первой, принуждающей к непраздной воинской повинности.

С имуществом и «добром»… вообще ужас. Сколько ни вспоминай ту самую благородную рыцарскую эпоху, это время постоянных столкновений, склоков и дележа на почве имущества. Все друг у друга что-то отбирают, воруют, причём и днём, и ночью; а кто «не спрятал всё — я не виноват!» Такое впечатление порой, будто бы рыцарство европейское вообще было предназначено, чтоб друг у друга откусывать куски дичи и добра — пожирнее, покрупнее да посолиднее!

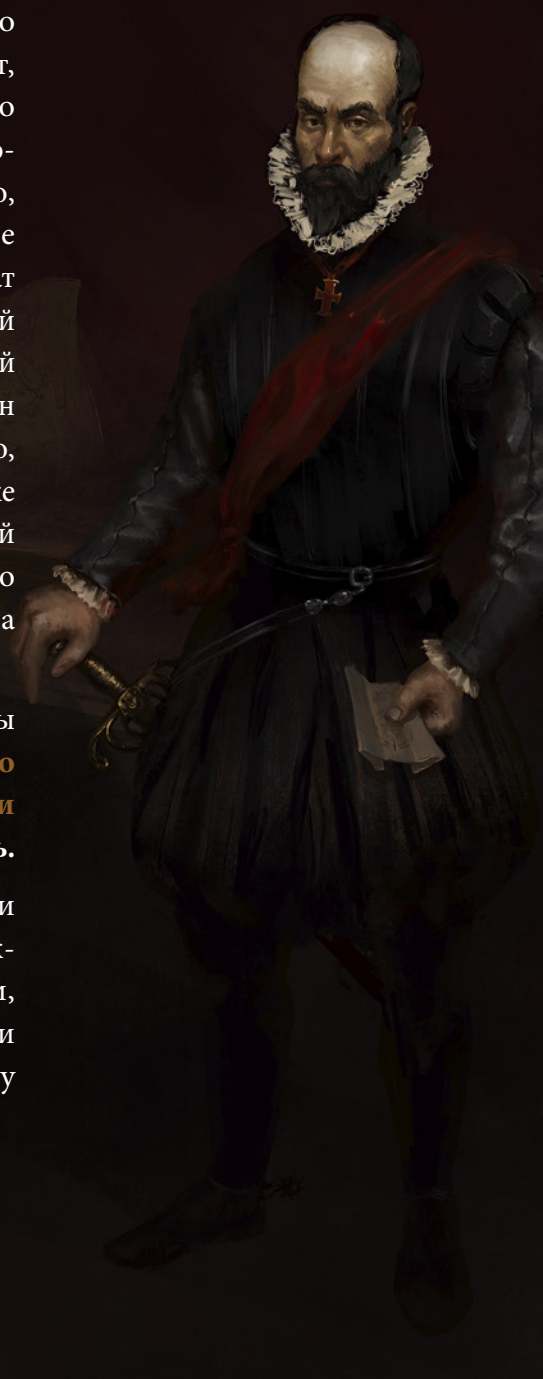
Европейское рыцарство от души веселится и после смерти оставляет свои владения то каким-то безродным слугам, то каким-то друзьям сомнительным, а то и вовсе… бабам. Что-то с завещаниями творят поистине неимоверное. Хотя, конечно, можем списать на то, что кодексов

и штата адвокатов по бракоразводным и наследственным делам ещё не существовало, но ведь здравый смысл хоть в какой-то форме должен присутствовать?

В общем, что творят эти рыцари, ни в какие рамки не лезет. А подробнее о том можно почитать в «Осени Средневековья». Уж на этот раз не станем обременять вас множественными цитатами да отрывками (всё же, не метод аудирования), но ежели желаете получить удовольствие и заряд «бодрости» — добро пожаловать.

А мы же пока вот о чём задумаемся: знаете, складывается невольно такое впечатление, что европейская профессура, из-под чьего пера вышло столь много «значимых трудов» о рыцарстве европейском, на деле НИКОГДА с теми самыми рыцарями дела не имели. Ладно, если бы писали НЕ учёные, но вот умам, обличённым в академические мантии так и хочется адресовать вопрос: вам что, сложно немного напрячься?

Всё же, полагаю, про рыцарство надо бы спросить у самого рыцарства. Они-то сами что думают по этому поводу? Может, для начала лучше у первоисточника спросить? Может, что-то дельное почитать? Самый знаменитый труд в Европе — «Философия оружия» Иеронимо де Карранзы — изучить? Уж кто-кто, а Иеронимо — один из самых почитаемых авторитетов в мире рыцарском, сам — Командор Ордена Святого Сантьяго, аристократ до мозга костей, советник Короля, создатель Дестрезы — воинской науки побеждать. Что-то мне подсказывает, что ежели б тот самый Хёйзинга (при всём уважении) почитал «Философию оружия», он бы в своей «Осени» такого абсурда бы точно не изложил. Однако, что сделано — то сделано. И сегодня «Осень Средневековья» хуже бренда — это серьёзный научный труд. Но в том-то и суть самой книги: взгляд нескольких хронистов на проблему европейского рыцарства. Как таковая — давайте объективно — эта проблема существовала всю жизнь и в полной мере.

«Какая ещё проблема?» — удивится нетерпеливый читатель. А мы и ответим: **в концепции о том, что «родиться и быть — это совершенно разные категории». Это не одно и тоже. Иными словами, рыцарями не рождаются — и в этом вся неприятность.**

Да, вот так мы с вами созерцали абсурд — и в итоге пришли к цельной концепции! Люди рыцарями не рождаются и не рождались. Как не рождаются ни аквалангистами, ни поварами, ни конструкторами ракет, ни бизнесменами… Люди таковыми становятся. Право рождения не налагает такую прерогативу и привилегию, как ни крути.

Ни в одном веке, ни в одной эпохе: ни в Риме, ни во Франции, ни в пик развития Нидерландов рыцарями не рождались. Рыцарем можно только СТАТЬ. «Быть» и «казаться» — совершенно разные слова и категории. Однако если человек всё же решил не напрягаться, мол, просто взял и «родился» в рыцарской среде — что же, тогда, вероятнее всего, происходит именно то, что описано у Хёйзинги: праздность, гуляние, тотальное отсутствие догматики и непонимание собственного образа жизни.

Даже сегодня, в 21-м веке, люди рождаются никем. Они кем-то становятся. Не знаю, может и были какие-то волшебники (тут сомневаемся, конечно), которые были способны родить или явить миру какого-то волшебного ребёнка, что мог бы сразу, с пелёнок стать рыцарем. Но вот на практике такого как-то не случалось.

Самоё суть рыцарской доктрины в том, чтобы СТАТЬ; сама процедура воспитания рыцаря это предполагает.

Итак, говоря о методе созерцания абсурда, заметим, что он преподносит нам два важных дара.

Дар первый. Чтобы созерцать абсурд, для начала нужно понять, что перед вами — именно абсурд. Именно неадекватная, абсурдная субстанция. И прежде чем вывод такой смелый сделать, надобно хорошо в предмете разобраться. Да, неплохо бы сначала вникнуть. То есть не просто «прочитать», что в книжке написано, а вникнуть в содержание. По сути, предлагаемый для концептуализации метод заставляет вас вникать (иначе, как понять, что столкнулся с абсурдом). Большинство наших современников (так уж сложилось), по факту, неспособны отличить абсурд от не-абсурда.

Отличным подспорьем для рассмотрения абсурдности является, например, связка «рыцарь и рыцарские причуды»; подумайте пару минут, ну какие причуды могут быть у воина — у проекции воинства божьего на земле? Это же самый настоящий абсурд: во время войны тешить своё эго и «причудливо» баловать себя — причём относится сие не только к рыцарям, но и королям, к правителям и пр.

Война — это единственная категория на Земле, что не позволяет человеку жить так, как он хочет жить. На войне нельзя победить только за счёт силы духа. Или за счёт убеждённости, фанатизма, просто искренней веры. Это просто невозможно.

Единственный способ победить в войне — посредством умения воевать. Только за счет навыков и умения держать оружие в руках. И никак иначе.

Вообще полезно обзавестись такой привычкой, как задаваться вопросом: а не абсурд, простите ли, я читаю или слушаю вот из уст безымянной говорящей головы?

Опять же, раз рыцарство такое «чудное», как же оно одерживало победы и выживало поколение за поколением? По закону Дарвина (к слову, тот ещё абсурд) им, чудным да убогим, в условиях естественного отбора — да давно бы передохнуть положено. А они вот не согласны оказались. И не вымерли, как мамонты.

Хотите ещё порцию абсурда? Да пожалуйста, в современной версии «настоящей истории» такого добра хватает.

Как вам такое? Франциск Первый проигрывает Карлу V битву при Павии и удаляется в Париж (история нашумевшая, любопытная сама по себе).

Итак, в Париже, поднабравшись храброй воды, Франциск Первый восклицает «Франция — превыше всего!», чем, по сути, попирает и отменяем все прежние долги свои как проигравшего перед Испанской Короной. Карл V сие непотребство, такое чудовищное нарушение рыцарского канона, разумеется, терпеть не стал. Последовал вызов, да самому Франциску! Франциску и этот вызов, кажется, по колено — он отвергает вызов, мол, биться не буду, смысла не вижу, да и что вы мне, в итоге, сделаете? А дальше происходит следующее: собирается рыцарство европейское и за минуту единой волей… развенчивает Франциска Первого. Всё, он более — не рыцарь. И корона у него теперь пластмассовая. Низложен Советом европейского рыцарства.

Это не конец! Дальше — больше, Карл V бросает вызов повторно. Франциск I, уже как по привычке, и этот вызов отвергает. И тем самым поступком ещё раз доказывает: да, он — не рыцарь и к этой благородной «когорте» отношения не имеет. Собственно, с французским королем произошло ровно то, что и должно было. Он — негодяй, попытавшийся какое-то время покрасоваться в рыцарских доспехах. Кто его вообще венчал первоначально — неизвестно (зато известно, кто низложил). Факт остаётся фактом, несмотря даже на то, что и Папа Римский попытался встать на защиту Франциска I (ох, уж этот тонкий «французский политИк»). К слову, тот же Папа Римский за свой ущербный выбор приоритетов поквитался в 1537 году, когда бравые парни Карла V практически стёрли с лица земли «священный Ватикан», а сам Папа чудом остался в живых (не без воли Божьей, разумеется, да тактической дальновидности Карла V).

А как вам такая «историческая реалия»: вызвать на дуэль, «покочевряжиться», покрасоваться… и дождаться, когда вас примирят. То есть многие вызовы на дуэли в мире абсурда никакими дуэлями не завершались. Так, побесновались немного, кинули перчатки в лицо другу — помирились да разошлись. Иными словами, поиграли в рыцарей — и разбежались по домам. Естественно, такие люди никакого отношения к рыцарскому сословию не имеют. Мнить себя кем-то и быть им — разные категории.

«И человек изобрел оружие,
с помощью которого он улучшает свой дух,
поощряет и упражняет тело,
защищает жизнь,
увеличивает честь,
сохраняет славу, уважение и любовь…»
Иеронимо Санчес де Каранза

Вообще странно, когда бледные перепуганные люди вдруг ни с того ни с сего решают убить друг друга, потому что «рыцари так делают». Это не мы, весёлые авторы, такое вам написали, это вы у Хёйзинги прочтёте. У него в «Осени» есть распрекрасная сцена цветущего абсурда о поединке. Первое, что абсурдно в этой сцене — выбор оружия.

Щиты, дубинки какие-то. Как-то не по уму, не по-рыцарски. Несолидно. А поединок-то какой! Враждующие стороны швыряют друг в друга песком, потом втирают песок друг другу в глаза, затем по какой-то причине (от переизбытка чувств?) выдавливают глаза друг другу… Потом, как в борьбе, пытаются перевернуть и опрокинуть противника, чтобы тому сломать хребет. И в итоге финальным аккордом — виселица! Хотя сама по себе «виселица» есть привилегия простолюдина, но не дворянского сословия. Повесить или «вздёрнуть на рее» — это точно не по рыцарскую душу.

За то, к слову, прекрасно написал сам Дюма-старший в произведении «Графиня де Монсоро»:

– Ага! — сказал Давид.— Значит, вы к тому же и шпион, сударь? А я-то вас, Шико, принимал только за шута.

– С вашего дозволения, милостивый государь, в этом деле я буду и тем и другим: как шпион, я приведу вас на виселицу, и вас вздернут, а как шут — буду смеяться над этой церемонией.

– Меня вздернут!

– «Высоко и сразу», сударь. **Надеюсь, вы не претендуете на обезглавливание, это привилегия дворянского сословия.**

– И как вы этого думаете добиться?

– О, весьма простым способом. Я расскажу правду, вот и все.

Николя Давид не знал, кстати, что Шико был отменным фехтовальщиком. И поплатился за это. Наверное, причина в том, что месье Шико, потомственный дворянин и рыцарь до мозга костей, не был ни дураком, ни праздным воякой, ни причудливым блюстителем рыцарских ритуалов. Шико точно не гарцевал, играя перьями перед дамой сердца, на показательных поединках.

Рыцарский поединок — отдельная категория для исследования, поверьте, тут инсинуаций и абсурдных придумок — в том числе, зафиксированных в кинематографе — немало. Вспомните пару сцен рыцарских турниров и поединков… а потом сравните это со сценой, описанной сэром Вальтером Скоттом в бессмертном «Айвенго»:

Ворота поспешили отпереть, и он въехал на ристалище.

Насколько можно было судить о человеке, закованном в боевые доспехи, новый боец был немногим выше среднего роста и казался скорее хрупкого, чем крепкого телосложения.

На нем был стальной панцирь с богатой золотой насечкой; девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним была надпись на испанском языке:

«Desdichado», что означает «Лишенный наследства». Ехал он на превосходном вороном коне. Проезжая вдоль галерей, он изящным движением склонил копье, приветствуя принца и дам. […]

Рыцарь поднялся на пригорок и, к изумлению всех зрителей, приблизившись к среднему шатру, с такой силой ударил острым концом своего копья в щит Бриана де Буагильбера, что тот издал протяжный звон. Все были крайне удивлены такой смелостью, но больше всех удивился сам грозный рыцарь, получивший вызов на смертный бой.

Нисколько не ожидая столь решительного вызова, он в самой непринужденной позе стоял в ту минуту у входа в свой шатер.

– Были ли вы сегодня у исповеди, братец? — сказал он.
– Сходили ли к обедне, раз так отважно рискуете своей жизнью?
– Я лучше тебя приготовился к смерти,— отвечал рыцарь Лишенный Наследства, который под этим именем и был занесен в список участников турнира.
– Так ступай, становись на свое место на арене,— сказал де Буагильбер,— да полюбуйся на солнце в последний раз: нынче же вечером ты уснешь в раю.
– Благодарю за предупреждение,— ответил рыцарь Лишенный Наследства.
– Прими же и от меня добрый совет: садись на свежую лошадь и бери новое копье: клянусь честью, они тебе понадобятся.
«Айвенго».

Сама по себе сцена требует серьёзного внимания. Как минимум, она свидетельствует о том, что причисление рыцарей к сообщности «праздных людей», некорректно. Это обобщение определённо не имеет отношение к историзму.

А как вам такое послание от Хёйзинги, такой себе камень в «рыцарский огород», как «смешные обеты»? Например, «буду молчать до тех пор, пока не найдётся 28 людей, равных нам, 28-ми, чтобы убить нас насмерть»… Но: сударь, ежели вас убьют, как вы потом разговаривать собрались? Абсурдные обеты — тоже отличное поле для знакомства, отменная прелюдия для дальнейшей концептуализации. Почитайте, вдохновитесь примерами и обетами, которые, кроме улыбки, не вызывают ровным счётом ничего.

А знаете, что ещё любопытно? Что даже абсурд абсурдов в глазах общественности может стать супер-популярной и знаменитой работой. «Осень Средневековья» действительно знаменита (с позиций социологии, культурологии, религиоведения, психологии). Однако авторский взгляд на проблему европейского рыцарства сквозь призму 2–3 хронистов в данном случае, как минимум, ненаучен. Это частное мнение, скажем так. Однако использовать его как руду для дальнейшей концептуализации — практика полезная.

Европейское рыцарство — эталон настоящих воинов, людей дела, знающих, мудрых и справедливых. Им была свойственна своя вера, своя религия, отличавшаяся от всего, в мире существовавшего. Вера делала рыцаря всемогущим, всесильным и богатым. Однако какая именно ВЕРА — для нынешнего миропонимания это хуже уравнений с сотней неизвестных. Вера европейского рыцарства, у которой нет паствы.

Попробуйте такую идею «подсказать», скажем, современному православному священнику. Он сильно удивится: как это, вера без паствы? А зачем она тогда вообще нужна, в чем секрет?

Парадоксально с позиции большинства наших современников, но у веры европейского рыцарства нет паствы, нет верующих. Существуют только священники и Бог. Если обратить внимание на любой религиозный орден, например Орден Тамплиеров, то вы обнаружите: в этом ордене все являются священниками, и ни у одного члена ордена нет паствы.

Предлагаем вам ещё одну интересную идею, эдакое поле широкое абсурда отборного! Созерцайте с удовольствием! Итак, возможно ли, что согласно классической истории король Франции в присутствии Папы Римского сжег тамплиеров на костре?

Вопрос непростой, но он влечет за собой и следующий вопрос — а как выглядели тамплиеры? Как отличить тамплиера от не тамплиера? По правде, никто не может отличить тамплиера от того, кто им не является, поскольку ранее одним из ярких атрибутов тамплиеров, разве что, были белые плащи с красным крестом. Однако парадокс заключается в том, что если этот плащ снять, то воин не перестанет быть тамплиером, просто теперь он не будет так идентифицироваться.

Насколько просто все изменить, убрав один элемент! Насколько существенно можно изменить и подход к исследованию нашей истории, и даже, похлеще Уильяма Шекспира, создать новую версию — переписать её, отложив в сторону «нелицеприятные и нежеланные информационные тома», а оставить то, что нужно. В итоге, каждый новый писатель делает историю всё более и более абсурдной. И верить заявленному и написанному на слово — не самое удачное решение. Но и «проходить мимо», как говорится, не рекомендуется. Используйте мир абсурда с умом. Сталкивайте взгляды и версии, ставьте неудобные вопросы, критически слушайте, что вам вещают «говорящие головы» — будь они родом из Ютуба или Белого дома. Неважно. Метод созерцания абсурда одинаково гибок, функционален и удобен в использовании. Полагаем, читатель уже сообразил, что нынешняя версия нашей истории — та ещё «шкатулка с абсурдными заявлениями». Но если вдруг у вас в ходе тренировки и практики концептуализации отпадёт резко желание глядеть в колодец истории (что понятно, там такие монстры порой прячутся), не надо, как говорится, далеко ходить. Просто почитайте… дайджест новостей за прошедшую неделю! Вы там такое обнаружите, что невольно удивитесь, как земля нас ещё держит… как она до сих пор не наслала на нас инопланетян и не истребила до последнего атома, ибо терпеть такой абсурд — это надо огромной выдержкой обладать.

Или вот ещё вариант (навеяно недавними событиями) — вспомните ход развития эпидемии коронавируса. И задайтесь вопросом, а была ли пандемия? Или может, всё же состоялось некое геополитическое шоу, за занавесом которого «дальновидные люди» готовили условия для ввода концепции «нового экономического облика» планеты. Кто знает…

Безусловно, мы здесь с вами собрались не «Осень Средневековья» критиковать да ругать. Как говорил академик Григорий Семёнович Попов, **«нет на земле ничего такого, что нельзя было бы довести до абсурда»**. К сожалению, данный принцип касается и европейского рыцарства. Да, существование рыцарского сословия также было подвержено деградации — к слову, особенно это прослеживается в регионе

Средиземноморья, где бурно развивалось христианство. Сама христианская идея, пожалуй, и выступила одним из главных катализаторов европейского рыцарства. Для особо интересующихся рекомендуем познакомиться поближе с предметом конфликта рыцарства европейского и средиземноморского. Суть конфликта заключалась именно в том, что, согласно канону, европейское рыцарство требовало доказательств тому, что человек в действительности является рыцарем (а не как в истории с Франциском I). Средиземноморская же традиция иная: раз мы собрались и решили, что некто X — рыцарь, значит, так и есть. Какие ещё могут быть доказательства? Норманнское рыцарство такая логика не устраивала: «Нет, так не было и так не будет!» Конфликт сей, как свидетельствует молчаливая история, был затяжным и длительным. И нельзя сказать, что даже в наши дни данный конфликт разрешён. Есть «господа-товарищи», которые и сегодня, ради блеска эполет, стали, и играющей бурной молодой крови, себя рыцарями именуют, однако, когда приходит время — Жизнь расставляет всё на свои места.

Выдержка из устава духовно-рыцарского ордена Калатравы (Кастилия)

«Если бы рыцарство заключалось скорее в физической силе, чем в силе духа, получалось бы, что рыцарский орден имеет отношение прежде всего к телу, а не к духу; Отсюда явствует, что, коль скоро душевное благородство не может быть поколеблено ни одним человеком, ни всеми людьми, вместе взятыми, а тело может быть сломлено и покорено другим телом, подлый рыцарь, бегущий с поля битвы и оставляющий на нем своего господина, спасая скорее свое полное сил тело, чем жалкую, подлую душонку, не отвечает установлениям рыцарства и не является верным слугой славному рыцарскому ордену».

26 КОМБИНИРОВАННЫЙ МЕТОД КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Когда собирались мы для времяпрепровождения в этих беседах, обошлись без подробных личных знакомств и анкет. Авторы исходили из того, что придут и останутся с нами только близкие по уму и по духу — то есть люди мыслящие, ищущие, беспокойные сердца в естественном стремлении к истине. В остальном все мы люди разные, в том числе и по возрасту. Вообще говоря, современная наука и возраст исчисляет по-разному. В одном смысле все мы с вами — ровесники: если иметь в виду возраст нашего знакомства. Это родилось с первых слов и строк нашей книги, а далее… надеемся до бесконечности. Как поется — не только песня остается с человеком. Книги — тоже. Если, конечно, это настоящие книги. Эта — самая настоящая. Если бы не такие вера и надежда у авторов, то дойти до этой главы и идти дальше просто не хватило бы сил.

Вера плюс надежда, как сказано в другой не менее мудрой книге, горами движут. Начинали мы, вспомните с простенького, далее постепенно все усложнялось. И в тяжелой атлетике все начинается с гантелек. Специалисты знают: работа строит орган. А группа «мышц мышления», которую мы за время нашей беспримерной дружбы вам системно нагружали, и изначально была неслабой. А теперь, по нашим подсчетам и вовсе способна на большее. И вот вам новый «вес». Рывком «берем на грудь» и далее — толчком — Комбинаторику. Это — сложно. И даже — очень. Но вы потяните. А другие — увы. Как-то Шеф заметил:

«Если вы никогда не изучали концептуализацию и не занимались ею, ничего не исследовали и мало читали — не спешите бросать вызов мозговой мускулатуре. Этот метод при таких обстоятельствах не поможет непосвященным. А может и навредить. Про крепатуру слыхали? Бывает такое. По-научному — синдром отсроченной мышечной боли (англ.— Delayed onset muscle soreness, DOMS), возникающий после чрезмерной интенсивной нагрузки. Как и любую другую мускулатуру, при неподготовленности вы рискуете надорвать. А перегрузка ума куда более опасна, чем пресса, бицепса, трицепса, икроножных и ягодичных мышц. Ибо ум у каждого — один-одинёшенек.

Но нас с вами это не касается — во всяком случае, сейчас. Этот вес поднять вы готовы. Мы ведь давно готовимся. И на нашем этапе срабатывает некий накопительный эффект знаний-пониманий. И комбинированный метод становится, почитай, стержневым в решении концептуальных задач.»

Как срабатывает данный метод? Ведь концепция, бывает, выводится из мало связанных (и даже вроде бы совсем не связанных) вещей и явлений.

Шаг 1. В рамках практических занятий на недавнем семинаре шел разговор о скорости разгона психики. «Скорость» — термин из физики. Что? Знаете? Тоже в школе проходили? Тем лучше. Освежим в памяти: скорость — векторная физическая величина направления движения, характеризующая быстроту перемещения и направления материальной точки относительно выбранной системы отсчёта. Есть и другие формулировки — позамысловатее и попроще. Само явление издревле привлекало внимание предков. Ещё на заре человечество сообразило, как важна эта штука, скорость. Откровенно неравнодушны к ней и современники. Причём, в самых разных аспектах и сферах.

В данном случае нас более всего интересует скорость человеческой реакции. Скорость мышления. Скорость соображения. Ну, и как это принято в литературе (книга пишется, ведь), прибегнем к образности мышления, к фантазийной сфере. Давайте слегка нагрузим воображение — сравним человека… ну, скажем… с паровозом. А почему бы и нет? В конце концов, если не всё, то очень многое познается в сравнении. Пойдем таким путем, закрепляя понимание таинства концепции. Вот локомотив пойдет под гору. Это — проще репы пареной. Ведь ему тут и двигатель, и движитель не очень-то и нужны. Гравитация сама сработает. Придётся сдерживать естественный ход, гасить скорость. Тормозить. Ну, а если — наоборот? Если — в гору? Ясное дело, ему нужно одолеть гравитацию. Ну, проще говоря, земное тяготение. Отчасти, конечно, только отчасти. То есть в той мере, в которой он должен и сам пройти вверх под углом, и вытянуть за собой полезный груз. Сразу, с места, он это не может. Ему следует взять разгон. Особенно, если он долго стоял без дела. И возможно, где-то слегка заржавел.

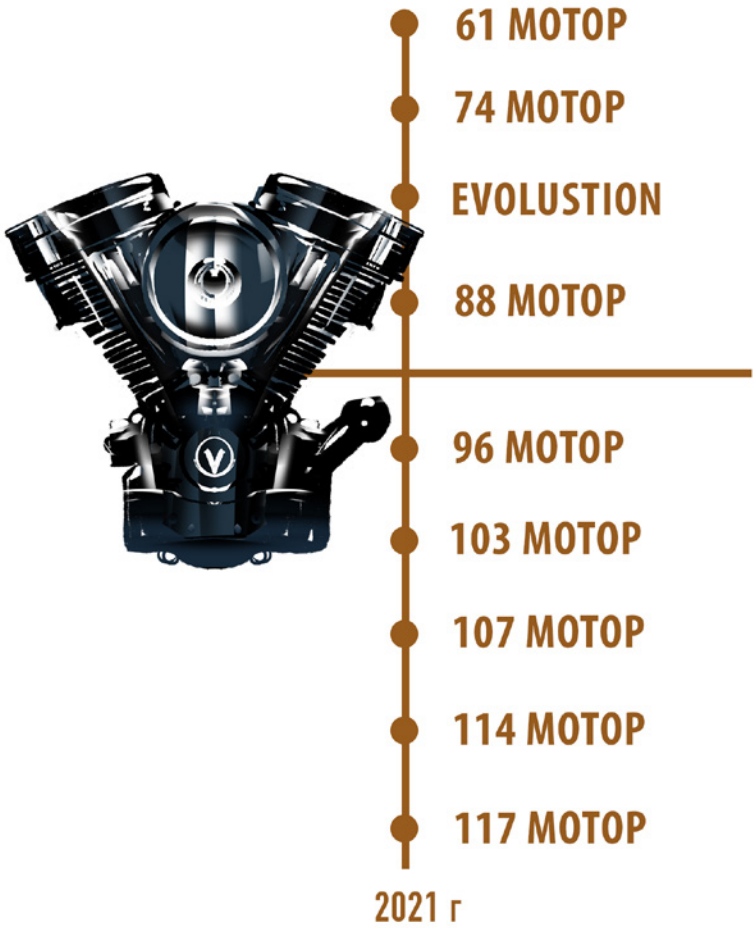
Разогнать локомотив, попавший в такую ситуацию, проблематично. То же с человеческим механизмом. Даже вполне здоровый человек, неподготовленный заранее, не может сразу включиться в действо. Требуются навыки, волевой импульс для их влечения и дальнейшего действия. Нужен этот самый разгон психики. Тут, между прочим, особая мистическая тема, тайна успешной деятельности. Обученный, подготовленный, тренированный человек может стартовать быстро. И быстро же набирать скорость. Как и сбрасывать ее по необходимости, тормозить. И вообще останавливаться. Но такое счастье за деньги не купишь, тут нужна большая предварительная подготовка и самоподготовка. Чем мы, собственно, с вами и занимаемся. Первый вектор — расследуем секреты разгона человеческой психики. На нее тоже распространяются физические законы, например — инерция. Кстати, великая штука мысль, настрой — разогнать их проще, чем остановить, даже когда очень нужно. Ведь не станет же машинист паровоза резко тормозить просто так, от нечего делать. Значит — «нада!». А пассажиры и чемоданы в вагонах настроенчески не готовились. И летят с полок, как с белых яблонь дым. Учиться, готовиться, настраиваться — очень полезные слова. Ведь какова в этом смысле шутка старого доброго КВНа: «Уважаемые слушатели, будьте осторожны. Помните: симфонический оркестр сразу остановить нельзя!».

Шаг 2. Шеф глубоко изучал, наряду с другими явлениями-предметами, «магию Harley Davidson». И вот что он поведал:

«…Изучал-изучал Harley Davidson, перечитывал ночи напролет и как-то с рассветом осенило: странновато написаны книги о Харлеях. Вообразите: читаю уже которую, по объему весьма солидную. И все кажется странноватым сочинением. В чем дело? Поначалу подумал — некий американский стиль. Но — нет, этот мне был хорошо известен. Не похоже. И однажды вспомнил, очень многие изобретения человек буквально извлек из себя, из глубин своего устройства. Из своего, если угодно, локомотива. И книги, о которых я веду рассказ, извлечены оттуда же и называются специфически. Рассуждаю: как, кому и почему в голову пришло назвать двигатель Harley Davidson Knucklehead — Наклхед? Если калькировать по-русски — «головка кулака».

Думаю о том американском инженере. Вот почему он дал такое название? Сопоставляю разные двигатели и понимаю — у двигателей Харлея два названия: инженерное и имиджевое. То есть первое название — заводской серийный номер, а второе — имиджевое, которое ему придумали байкеры. Все эти мото-имена и клички создают путаницу и приводят к непониманию. Давайте распутаем этот клубок сотен иностранных названий.

Эра Харлея начинается с 61-го мотора — заводское название. После 61-го мотора идет 74-й мотор; потом является миру «Эволюшн» (Evolution); после «эволюционного мотора» — 78-й мотор. Ну, и так далее. На деле все — совершенствование 61-го мотора. Модификации. И только с 96-го мотора начинается, можно сказать, эра так называемых «Твинкамов» (Harley-Davidson Twin Cam Engine), уже другая форма, объем двигателя некий другой тип работы. Карбюраторы меняются на инжекторы и прочее.

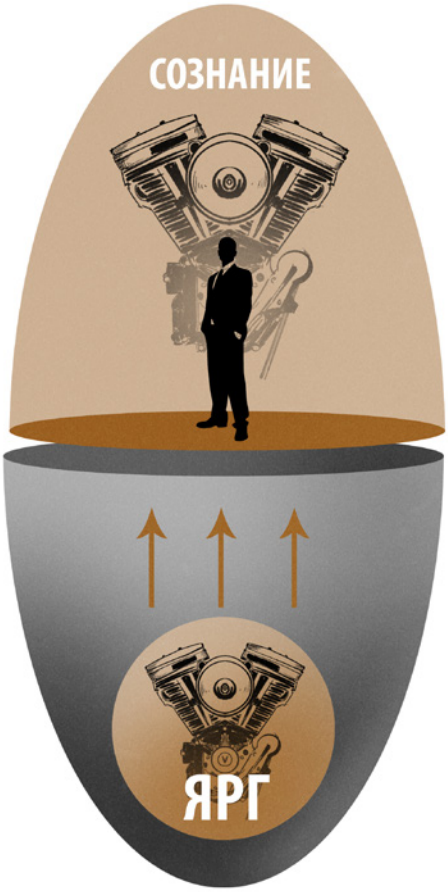

96-й мотор является переломным. После 96-го мотора следует 103-й тоже «Твинкам». Это конец Твинкама, по сути — один и тот же совершенствующийся мотор. Далее инженерный гений рождает 107-й мотор и называется он по-другому Milwaukee-Eight или «самый технологичный двигатель», по некоторым сведениям, по-русски это будет звучать как «Милуоки-Эйт». 107-й сменяется 114-м (другая модификация). И замыкающий — так называемый 117 CVO, который оборудуется V-образным двухцилиндровым двигателем Milwaukee-Eight. По сути, кастомный мотор.

В общем у меня вышла вот такая — не горизонтальная, а вертикальная — линейка времени, отражающая развитие инженерной мысли и технических достижений в области двигателестроения Harley-Davidson. Все это наверняка представляет интерес профессионалов и любителей мото-культуры. Но не подумайте, что я увлёкся чисто-мотоциклетным аспектом. Все обозначенные подробности очень существенны. И вот для чего: наука при этой смете привела меня к мысли и желанию прототипологизировать мото-двигатель и двигатель человеческий. Вот, собственно, к чему все это. Ведь есть мнения (и мы того уже касались ранее в подробностях), что очень и очень многие изобретения не с Марса и не от сырости свалились на голову человечеству. Обобщая эту сферу можно сказать — человек извлекал все это из самого себя. По частям, а бывало и целиком. Есть двигатель человеческий — кто знает, кем, как и когда изобретенный, освоенный, внедренный и конвейерно тиражированный. И впоследствии, в общем-то, по образу и подобию созданы все зерновозы, лесовозы, паровозы, тепловозы, электровозы, бомбовозы, грузовозы, пассажировозы и атамовозы.

Что же это такое — человеческий двигатель? Начнем с того, что это наш разум, точнее, то, что принято так называть. Он не единственный двигатель, есть и другой — ядро рецензорной группы (ЯРГ). Некое ядро нашей памяти. Оно же счетно-решающий прибор и генератор импульса. В общем тот «тяни-толкатель», та сила, которая выталкивает по утрам из кровати, а другим вообще не дает уснуть ночью. И еще много чего делает, о чем обыватель менее всего думает…»

Мы словно имеем 2 двигателя, которые взаимодействуют и постоянно переключаются. Они — разум и ядро рецензорной группы. В бессознательном состоянии нами движет ядро рецензорной группы (ЯРГ), а в сознательном — разум.

Шаг 3. *«Мы словно имеем 2 двигателя, которые взаимодействуют и постоянно переключаются. Они — разум и ядро рецензорной группы. В бессознательном состоянии нами движет ядро рецензорной группы (ЯРГ), а в сознательном — разум. Это ведь мы достаточно смело выразились, мол, «нами движет разум»; но «разум» — это мощное системное обобщение. Более точным было бы сказать так: не просто разум двигает нас, но по сути своей, сдвигают с места и толкают вперёд некие настройки.*

Собственно, следующим шагом я попытался выписать эти настройки, то есть сравнить «движители человека» с моторами Harley-Davidson. Скажем так, если у меня «движители» совпадут и по количеству, и по качеству с моторами Харлея, вероятно, это даст определенные ответы на определенные вопросы.

Как вы помните, начиналось рассуждение с разгона психики. Словом, мне неоднократно задавали вопросы, как проникнуть в тайну управляемости скорости разгона психики? Вот я сейчас

показываю, как это делал, ещё и согласующимся методом доказывая, что мое открытие верно. Итак, поглядим: на самом нижнем уровне, где 61-й мотор, в самом начале человеком движут лишения. Лишения — это доменталитетное состояние; иными словами, когда человека побуждают лишения (чего-то нет сейчас — или вот-вот отберут), значит, он ребенок, у которого ещё толком не сформирован менталитет. Или он… уже впадает в детство. Так тоже бывает, что же делать. Анализируем следующий уровень, по линейке на него указывает 74-й мотор.

На этом уровне мы переходим к категориям «страх» и «впечатления». Приведу пример. На улице так хорошо (впечатление), но мама говорит, что если я буду плохо себя вести, то она лишит прогулки на улице. (Этот же страх: мама узнает, что ел зубную пасту).

Чуть ниже, где у нас на схеме указан Evolution, отметим: в человеческом эквиваленте ему соответствует двигатель «зависть»; там, где 88-й мотор — двигатель под названием «переживания»; где 96-й мотор — «базовый символ»; 103-й мотор — двигателем является «среда»; 107-й мотор — «прототип»; 114-й мотор — это «философия» и 117-й — «вера и фанатизм» как двигатели.»

То есть по странному стечению обстоятельств, все двигатели человека ровно стали-выстроились по линейке 20–21 века, отражая последовательную деятельность Harley-Davidson. Мало того: то, что мы видим — не просто «двигатели»! Заметим, что правая сторона исследовалась независимо от левой стороны. То есть у Шефа было несколько независимых исследований — по эволюции мото-культуры Харлеев и исследования в сфере глубинной психологии. По сути, на схеме представлены не просто двигатели, но стадии формирования психики человека. Вот то, что написано красным — стадии формирования психики.

Что крайне любопытно: отдельно изученные стадии формирования психики и отдельно исследованный моторный ряд Harley-Davidson как-то оказались тождественны! Мало того, если с левой стороны продемонстрирована эволюция Харлеев, то с правой стороны — эволюция психики индивида, с детства до взросления. Что движет человеком по жизни? Разные наблюдатели-мыслители отвечали на это по-разному. Вспомним несравненного О. Генри. Точнее, его благородных жуликов — Энди Таккера и Джефферсон Питерса. В «Тресте, который лопнул…» они размышляют как раз о том самом.

И приходят время от времени к твердым, но разным выводам. Скажем, человечеством движет страх! Поспорили-поспорили. Но нет — азарт и реклама! Ну, там, в конце своих рассуждений и экспериментов над другими появляется и другой тезис: правит любовь. Вы помните, в одной из наших глав уже звучали слова белой зависти к мастерам художественного творчества. Потому что им свойственно очень много всего хорошего-положительного — в том числе и полнейшая безответственность за утверждения их героев. Тем более, благодарные потомки не от чрезмерной сообразительности тезисы героев с детской наивностью приписывают их авторам. Кто же не знает слова Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно — и душа, и одежда, и лицо, и мысли». По буквам этого лозунга один из авторов учился читать, такой плакат висел в первом классе. И именно за подписью Чехова. Между тем, Антон Палыч никогда ничего подобного не говорил. Ведь это всего на всего речевая характеристика одного из образов чеховского «Дяди Вани». Даже не главного героя, а действующего лица второго плана. Уж был Чехов гением, нет ли (признаться, разные есть мнения и на сей счет), а только ясно: был — в своем уме. С какой бы стати психически полноценный хомо сапиенс считал долгом каждого человека иметь прекрасное лицо? А поди ж ты…

Нет, определенно: куда надежнее полагаться на ученого. Вернемся к мнению академика Мальцева Олега Викторовича:

«Мало ли кто из непосвященных что там себе думает. В конце концов, если закон защищает свободу слова (как может), но уж свобода мысли гарантирована любому — независимо от интеллектуального и образовательного индекса и дифферента. Может быть, даже — к сожалению. Пусть для кого-то двигатель — страх. Для кого-то — страсть, подпитываемая как рекламой, так и искренней преданностью. Кстати, все это небезосновательно. Но давайте остановимся в данном контексте на двигателе марки «Impressions». «Впечатления». А ведь сам вопрос не пустяко-

вый, особенно в политике-экономике и бизнесе. И не только потому, что все это связано с человеческим фактором. Но и потому тоже. И далее — не без вопросов. Если в правой стороне (смотрите вертикальную хронологию моторов) отмечаем — двигатель человека «среда» и впечатление в настоящий момент, то отменяет ли этот уровень предыдущие уровни? Подсказка: нет, не отменяет. По сути, показан диапазон работы психики.

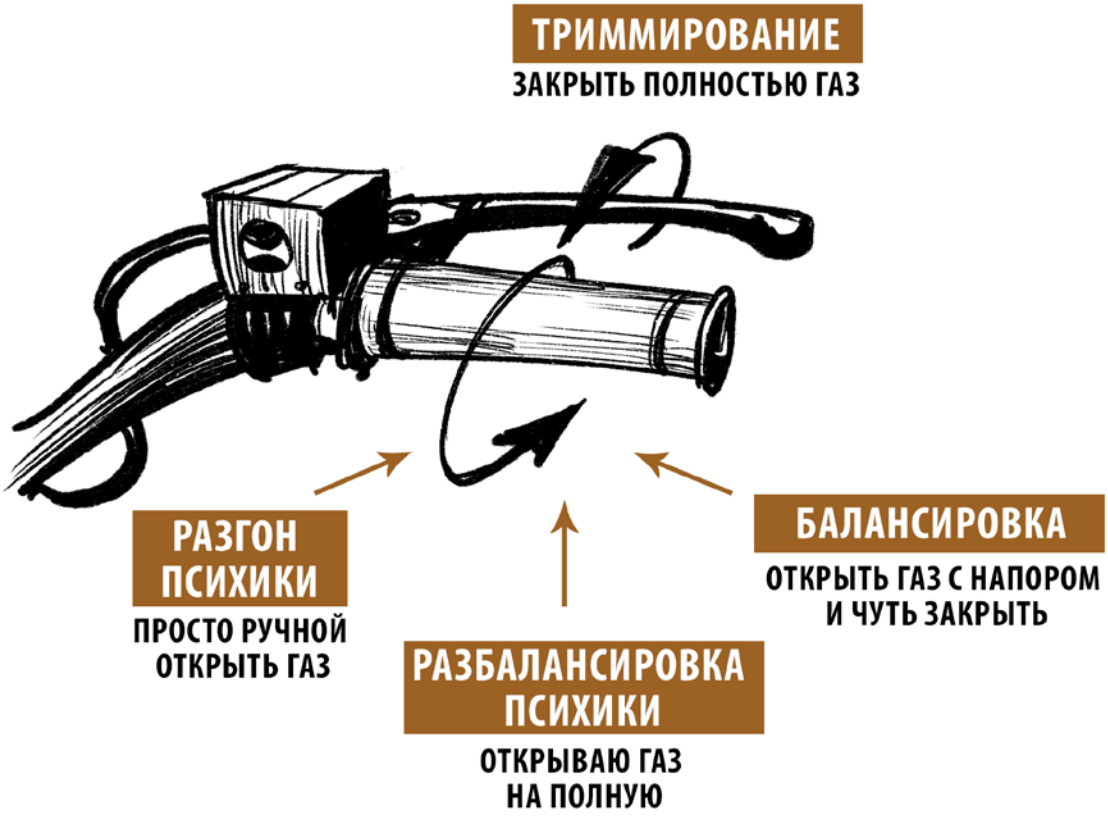
Об импрессии. Некто вам говорит: «А у меня вообще зависти нет!». На деле это значит, что по тем или иным причинам этот человек просто не использует этот диапазон. Хотя он есть — на своем месте. По аналогии с рукояткой газа: не люблю медленную езду. А люблю — по Гоголю — быструю. Вообще «выкручу» эту рукоятку, пропущу диапазон малых и средних скоростей. Вот немцы во Вторую мировую посмеивались над своими союзничками, итальянскими танкистами: у их танков, говорили, три скорости назад и только одна вперед. А я сделаю наоборот: назад ни одной, а вперед — полная. Всмотримся в явление ручки газа и параллельно степени ее эксплуатации — степени риска. И убедимся: риски эти соответствуют этим же диапазонам работы психики человека. И стадиям формирования ее работы. Опять-таки, кому-то по душе ездить сторожко-аккуратно — тише едешь, дальше будешь (некоторые добавляют: «… от того места, куда едешь»). А то по Гоголю — с места в карьер. И аллюр, три креста: «Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?».

Вера и фанатизм — сродни выкрученной ручки газа. Почему? Дело в том, что у фанатиков, как правило, скорость разгона психики высока; они почти постоянно — в дисбалансированном состоянии психики. Чем жестче ручка закрывается, тем больше балансировка психики. И наоборот. Чем больше ручка открывается, тем более психика разбалансируется. Замечено, что фанатики своего дела воспламеняются легко, взрываются мгновенно. Как говорится, где ни тронь — везде огонь. Но вот возьмем тип завистника: подобной реакции они не демонстрируют. Тоже не без исключений, но как правило. Вывод: переживания — акселератор психики. И скорость разгона от переживаний выше скорости разгона при эксплуатации зависти. Но меньшая, чем при философствовании. ***Философия — стационарная система, очень быстро разгоняющая психику.*** *Чем больше ручка открывается, тем психика больше разбалансирована. Сам эмоциональный мир чувств и соображений зависти порождает и развивает некий процесс во времени.*

Улавливаете? Моторы Harley-Davidson также возрастают по мощности и скорости (смотри на линейку). Для полноты картины отметим: наряду с «разгоном психики» есть и «триммирование», «балансировка» и разбалансировка психики. Четыре темы, рассуждения на которые обрекают вас на встречу с новыми концепциями и свежими идеями.

Уверен, ранее представленный рисунок дал бы почву для смены концептуальных размышлений. В наш век человеку полезно знать-понимать, как разгоняется его психика, как она балансируется, как триммируется. И разбалансируется — как? По каким причинам?

Для понимания и демонстраций прототипом можно выбрать в мотоцикле рукоятку газа. Если мне нужно разбалансировать психику — открываю газ на полную. Балансировать? Делаю «раз-два», открываю с напором и чуть закрываю. Так можно обеспечить баланс. Триммировать? Закрываю полностью газ, получаю холостой ход, памятуя про тормоза. Разогнать психику? Просто ручной открыть газ.

Итак, охватили мы такие предметы, явления, действия и параллели между ними, как ручка газа мотоцикла, стадии формирования диапазона психики, риски. На двигательной демонстрации рассмотрели, как вручную триммировать ручкой газа, балансировать и разгонять психику».

Тут бы хорошо поговорить о понятии и явлении **«Реакция психики»**. Поговорим? Скорость реакции психики — временной интервал этой реакции. Представьте себе кольцо, на котором располагаются 4 реакции психики, причём каждая имеет «своё эфирное время» в ежедневной программе передач поведения человека. Какая-то реакция длится дольше, какая-то — меньше. Тем не менее, все 4 реакции психики «зашиты в человеке».

За счёт чего срабатывают реакции психики? За счёт работы двигателя марки «Ядро рецензорной группы». Как он функционирует? Если вы «газ» открыли на полную, время хищнической реакции резко увеличилось, а время на все остальные реакции психики существенно уменьшилось. Образно говоря, если 80% времени заимеет хищническая реакция, то на оставшиеся 20% придутся целых 3 реакции (рептилоидная, интеллектуальная и коллективная). Однако само движение ручкой — это же разумное движение, а реакция психики вещь… какая? Неразумная. И как эти две категории связаны между собой? Попробуем представить следующее: когда в определенном состоянии (например, хищническая реакция) вы открутили ручку газа, а потом в этом же состоянии перешли на автомат, сама ручка осталась в этом положении. И теперь для того, чтобы переставить ручку, прежде нужно вернуться в сознание (сделать что-то ручкой), потом перейти на автомат, чтобы изменилась реакция психики. Реакция психики подчиняется последнему разумному состоянию, то есть она просто продолжает автоматически (как круиз-контроль) держать те параметры, которые вы выбрали в сознательном состоянии. То, что поставили, то и сохраняет. Даже если человек перешёл на автомат и продолжает действовать уже бессознательно. Вот так, по аналогии, и включается круиз-контроль в жизни.

И чтобы изменить параметры работы психики (триммировать её или сбалансировать), человеку нужно вернуться в разумное состояние и «что-то сделать с ручкой», обратно перейти на автомат, чтобы включился круиз контроль.

Фактически сейчас дана не просто концепция «разгона психики — по примеру осмысления работы с ручкой газа на мотоцикле», но ключ к отгадке тайн управления психикой: как разогнать психику в тот или иной момент времени, как ее триммировать, как ее сбалансировать и дисбалансировать.

Из той же стенограммы (Лекция Шефа):
«Так комбинация моделей, сопоставление механизмов и логики функционирования разных механизмов дают нам подсказки — о чём полезно подумать, чтобы рождались концепции. Более того, продемонстрированный ход рассуждений, а по сути, применение комбинированного метода концептуализации,— отличное подспорье перехода от теории к практике. Для учёного, новатора, конструктора, да вообще человека, создающего что-то новое,— этот метод необходим, как воздух: без него не обойтись. Даже просто используя один этот метод, можно, например, любое открытие доказать несколькими способами. Помните, как мы в шестой главе рассматривали применение метода лингвистических аналогий на примере реконструкции русской криминальной традиции? И если в своё время доктор военных наук, академик Г. С. Попов сделал ряд открытий о русской криминальной традиции посредством линейного интервью и его концептуализации, то спустя 80 лет я повторил открытие Попова при помощи лингвистического анализа.

Вера наших сограждан в отечественный радиоприоритет, в старом добром КВНе шестидесятых даже родила шутку-ребус при разминке капитанов команд. Это была домашняя заготовка команды Одесского института связи имени Попова: «Что такое: первое — дрожащий звук, второе вносит женщина в дом, третье — название должности. А всё вместе — поповская выдумка?» — «Р. Ад.ИО. (ИО – исполняющий обязанности)». «Радио», выдуманное именно Поповым. В общем, никто не знает, кто был первым, но главное, что трое учёных разными путями-дорогами (но не под «копирку») пришли к концептуализации практической реализации концепции радиопередачи.

Собственно, то же и на рисунке: перед нами концепция, отвечающая на многие вопросы деятельности и успешности человека, о его реакциях и уровнях развития. И конечно, отдельный бонус: практические объяснения, как это работает и как можно использовать. Что дальше? А дальше можно переходить к следующему этапу воплощения концепции в жизнь: к тому, чтобы концепция развернулась в технологическую систему.

Рассмотрим практичный вопрос о разбалансировке психики (Шефу его задавали неоднократно). Почему и как человека что-то (кто-то) выводит из равновесия? Как вообще действовать без Баланса? Наверняка неприятно — вот вам ведь точно не понравится прыгать на одной пятке и пытаться при этом угнаться за жизнью.

Для начала придём к единому знаменателю и немного подумаем, откуда возникает разбалансировка. Наверняка «разбалансировка» большинством понимается как некий стресс. То есть мы не обращаем внимание на причины, мы привыкли обычно мыслить категориями последствий. Даже те, кто знает со школьных лет: причинно-следственная связь непреложна. Почему? Не ожидали? Стало страшно? Сбили с толку? Оказались не готовы, растерялись? Вот в этот момент переживаем, что-то ищем, пытаемся как-то решить вопрос. И нечасто задумываемся «А что это послужило причиной этого так называемого «стресса»? Что было ДО?

Размышлениями над этим с нами поделился когда-то некий очень интересный человек. Его жизнь была посвящена истории, теории и практике единоборств. Самбо, дзюдо, карате-до, рукопашный бой. Стал, в конце концов, Заслуженным тренером Украины. А его воспитанники — призёры и чемпионы области, республики, СССР и даже Европы. В детстве-отрочестве, рассказал, мальчиком был слабоватым. Обижали, конечно. Жизнь ведь бьет по слабым. И захотел стать сильнее, быть всегда готовым к разным неожиданностям. Упорно тренировался. И вырос — мизинцем мог слона завалить. Но вот незадача: в реальной жизни сумма всех этих усилий ему пригодилась один-два раза. А вот с раздражительностью своей, со встречами, которым отпор нужно дать не мускулатурой, а тормозными центрами, мыслями, овеществлёнными в слова, иронией и самообладанием, с этим пришлось ему работать поздненько. *В какой же шкатулке ключ к пониманию данного явления?*

Разбалансировка психики — это ускорение.

Это лучше всего нам покажет старый знакомый — тот самый байк. Давайте представим, как мы стартуем на мотоцикле: можем плавно откручивать ручку и байк послушно будет ехать; а можем р-резко дёрнуть ручку, да так, что байк рванет вперёд, но без вас — вы в этот момент и вовсе можете слететь с мотоцикла. Так, кстати, было на Одесской студии ТВ; в те же шестидесятые молодой оператор купил, по моде времени, красавицу-»Яву». И бился об заклад, что на километровом отрезке от КПП до телевышки с места разовьёт максимальную скорость. Да ещё и с пассажиром — сзади. Дёрнул. А на финише обнаружил, что пассажира нет. Он остался на старте. Вот так и возникает разбалансировка. Чем резче «дёргаете ручку», тем больше наблюдается люфт колебания при старте, перегрузка при нём.

Ещё один сопутствующий пример — да прямиком из космоса. *Почему космонавты готовятся, среди прочего, к огромным перегрузкам и испытывают их при старте?* Даже троечник по физике ответит. Лётчики, космонавты в особенности, переживают мощное ускорение. А оно непременно создает перегрузку.

Человеку, чтоб почувствовать ту самую перегрузку, совершенно необязательно отправляться в космос. Тем паче, что это не так-то уж и доступно. Более того, с точки зрения здоровой и эффективной жизнедеятельности, нам всем крайне важно научиться чувству меры: так, подходя к любому делу, недооценивать разгон психики нельзя. И «перебрать» нельзя, понимаете? Нам нужно попасть в интервал времени выполнения задач, да так, чтобы с приемлемой скоростью, чтобы вас перегрузкой не угробило в момент старта. Потому как, к примеру, если вы будете с уровня двигателя лишений «прыгать» резко до уровня фанатизма, перегрузка для психики будет страшная. Далеко не каждый её выдержит и переживёт без последствий.

Допустим, такая ситуация: если человек спускается по диапазону вниз до *зависти*, а ему нужно действовать «здесь и сейчас», что не проблема для уровня «веры и фанатизма» — перегрузка будет ужасная. А чтобы создать ускорение, например, до уровня прототипа (прийти к пониманию, кто это делал до меня?), вам потребуется движение ручкой газа. В таком случае перегрузка от ускорения будет наблюдаться в пределах нормы.

Для людей, остро интересующихся прикладной психологией, мы оставим на страницах этой книги и последующий, более глубинный вывод. Так, оперируя пониманием и важностью понятий «ускорение психики» и «разгон психики», мы точно можем сказать, где человек испытывает минимальные перегрузки. По сути, если человек выходит за рамки менталитета (см. на схему — выход за 88-й мотор), обычно он испытывает минимальные перегрузки. Все же предшествующие уровни — это 4 уровня, соответствующие категории «менталитет». Тот самый, на который знатоки человеческих душ «списывают» любое непонятное поведение, окрашенное неким неощутимым флёром. *«Почему он так поступил? Почему он так со мной разговаривает?» — «менталитет такой, ничего не попишешь!»*. Полагаю, в жизни не раз слышали нечто аналогичное. Вообще менталитетная составляющая (попросту менталитет) — это, конечно, секрет всех секретов, особенно для бизнеса. Ведь тот бизнесмен, который знает, как «обходить подводные камни менталитета» и не зависеть от него ни в работе с клиентами, ни при реализации партнёрских соглашений,— пожалуй, самый счастливый и успешный бизнесмен. Здесь же мы коротко отметим, что менталитет сам по себе обеспечивает некую *подушку* психики, т.е. в этих пределах наша психика пребывает в наиболее расслабленном состоянии. Это нечто для нас достаточно привычное; мы понимаем, как реагировать. И не сильно-то собираемся напрягаться и переживать. Ну, не станете же вы переживать оттого, что не смогли купить хлеб в магазине у дома. Пройдете 100 метров — купите в другом магазине. Такого рода ситуации не выведут вас из привычной колеи, не заставят напрягаться и страдать от «разбалансировки психики», порождающей непривычное ускорение. Нет, вас из себя (да и нас тоже) выводят совсем иные ситуации, лежащие ВНЕ плоскости менталитета. Дальше, за пределами менталитета, уже возникают один за другим «поводы для напряжения и ускорения. Справки ради ещё раз рекомендуем глянуть на схему-таблицу. Есть некая «подушка психики» — и в её пределах всё в порядке (или в пределах допустимого). Однако всё то, что лежит вне «подушки», порождает поводы для беспокойства.

Уровень веры и фанатизма — и вовсе сродни критическому ускорению для современного человека, участника общества потребления. И при том помните наверняка, что у вас еще работает система «автомат» (система автоматизмов человеческого тела). То есть те «настройки», которые вы выставили на прежних уровнях, сохраняются автоматически и дальше (вы и дальше продолжаете пребывать в том же состоянии психики). Вот, к примеру: сколько человек может находиться в состоянии фанатизма? Достаточно долго; поэтому фанатики то курят траву, то колят наркотики, то по-другому как-то пытаются расслабить собственную психику.

Психика находится в критическом состоянии, потому что разогнавшуюся систему нужно «затормаживать», **а как её притормозить?** *Как триммировать психику* (снова обратимся к языку мотоциклов и урчащих двигателей)? Практически никто не знает ответов. И даже не задаются подобными вопросами. А даже если и понимают, что нужно что-то менять, не знают, как и каким способом. Безусловно, рабочее состояние психики — это когда человек может двигаться по диапазону вверх-вниз, задействуя разные уровни разные двигатели. Задачи-то у нас постоянно разные возникают; что-то проще и понятнее, что-то ожидаемое и плановое, а кое-что бывает новым, пугающим, внезапным, непонятным. Полезно и эффективно уметь выбирать тот режим разгона психики, который необходим в соответствии с условиями задачи.

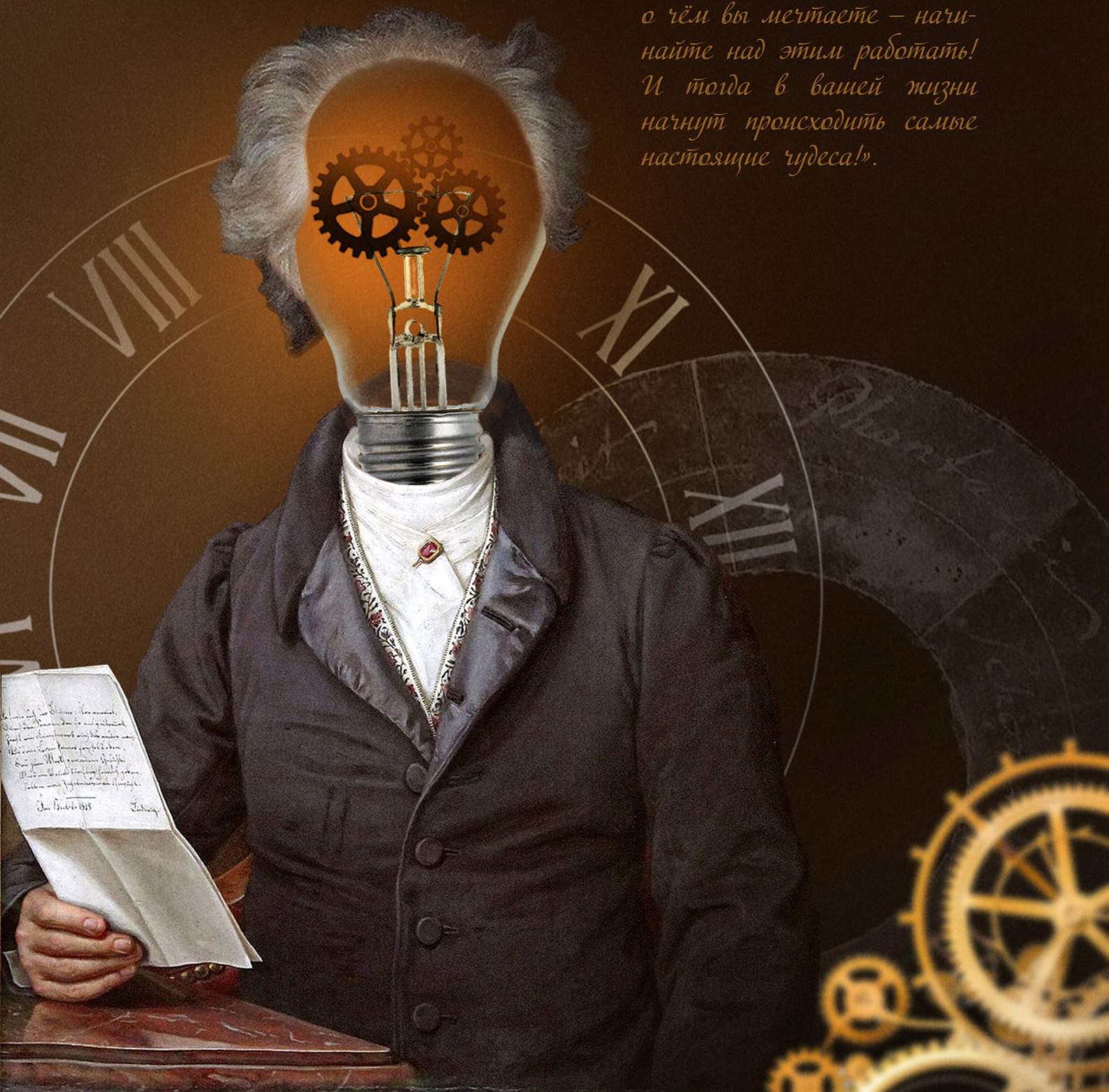
По сути, что такое менталилет? Это средневзвешенная скорость разгона психики, причём скорость повседневная, свойственная задачам в определённой сфере. А другие задачи та же скорость не регулирует. Условно: вам нужны 100 долларов завтра — таковы условия задачи. Если действовать со скоростью «зарабатывания 10 долларов в неделю», вы однозначно не успеете и не справитесь с задачей вовремя. Более того, на «гражданской скорости» человек не способен воевать (равно и прочие задачи решать), поскольку его психика не настроена соответствующе. Поэтому потребуется выходить из этого состояния, переставлять ручку — двигать как надо, ставить на какой-то режим, включать круиз-контроль и только потом переходить на автомат.

Вот на таких векторах исследований и рассуждений мы и стремились продемонстрировать и показать, как срабатывает комбинированный метод создания концепции. **То есть, из трёх совершенно не связанных между собой тем, появилась одна доска, одна комплексная схема,** которая позволяет интеллектуально осмыслить неотъемлемые жизненные категории (к слову, они каждого из нас касаются, без исключения). Дальнейшее размышление над понятиями, моделями, взаимосвязанными принципами помогут человеку деятельному и идейному в чём-то значительно ускориться, в чём-то поставить развитие профессиональных сценариев под управление, а главное, понять, как вручную регулировать ход собственных достижений. Как управлять собственными силовыми и интеллектуальными ресурсами, как выбирать двигатель, что позволит справиться с заявленным ускорением, как находить решения для себя в динамично меняющейся жизни… Иными словами, как регулировать скорости разгона психики, как определять механизмы триммирования, балансировки и дисбалансировки психики. Как фактически «стать» и «быть», вместо абстрактного «желать» и «мечтать». Вместо того, чтобы «казаться».

Знаете (конечно, знаете — скорее всего), жил-был на свете человек некий. Так вот, его современники говорили: он хорошо владел аппаратом управления и силовыми, и интеллектуальными ресурсами. И это, как и свою невозмутимость в самых неожиданных ситуациях, объяснял, в основном, тремя качествами (даже будучи прикованным к постели): хорошим воспитанием, философичностью и постоянной занятостью полезным делом. Это был Иоганн Вольфганг Гёте, немецкий писатель, мыслитель, философ, естествоиспытатель и даже государственный деятель. Гёте творил в разных жанрах: поэзия, драма, эпос, автобиография, эпистолярий. Идеолог течения «Буря и натиск».

Впечатление такое, что он таинственным образом присутствует на наших встречах. И эти слова обратил именно к нам:

«Вне зависимости от того, о чём вы мечтаете – начинайте над этим работать! И тогда в вашей жизни начнут происходить самые настоящие чудеса!».

27 | И НАПОСЛЕДОК….

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами методическое пособие, учебник по отработке главного навыка 21-о века, который называется «способность к концептуализации информации».

Как таковая идея концептуализации, разумеется, не нова, и мы во многом обязаны этом наследию идейного вдохновителя, генерал-лейтенанта Григория Семёновича Попова, который ещё в конце 30-х годов 20-го столетия пророчески говорил о том, что для тех, кто научится мыслить концепциями, всё невозможное исчезнет. Однако мой Шеф пошёл ещё дальше и вывел в 26 уроках и практикумах свод простых подходов и методов, позволяющих «здесь и сейчас» освоить навык концептуализации. Данная книга — о том, как это было, и что дальше с методами делать.

Так что, без капли стеснений и излишних комментариев, пора нам с вами, пожав руки, попрощаться и на некоторое время покинуть уже, надеюсь, полюбившийся проектный зал… Пришла пора развернуть судно Разума по ветру Идей и Замыслов и смело отправиться навстречу приключениям! Давайте вместе приступать к погружению в мир концептологии, тем более, что для этого у вас уже есть действенный и безопасный «инвентарь» — самые настоящие рабочие методы. Шаг за шагом, встреча за встречей, метод за методом, вы всё больше и больше на практике узнаете о концепциях и, что самое главное, сможете научиться это делать самостоятельно.

Финальная глава этого учебника — как финишная черта. Пересекая такую черту, понимаешь, что обратного хода нет. Ты уже сам входишь во вкус и не хочешь по-другому: каждый день — это новый трамплин, ведь сегодня в твоих руках может родиться та самая концепция, что закрутит твой мир в другом ритме, с другой отдачей, с другими идеями, темами, людьми и, конечно же, свершениями. Но для этого предстоит, как говорится, несколько потрудиться.

Мы не только познакомились с методами, но и на финальном акте поговорили о том, как научиться эти методы комбинировать, как составлять из них прочные конфигурации, как генерировать уникальные системы. По сути, если методы концептуализации — это способы работы с кирпичами, а сами кирпичи — информационная руда, в итоге, на практике вы непременно научитесь не просто «мыслить концепциями», но строить и создавать хоть отдельные кирпичные дома, хоть города, хоть конгломерации. Главное, экспериментировать, уверенно пробовать и… **не останавливаться!**

Я — воспитанница Олега Мальцева. Во всех научных и вненаучных смыслах этого слова. Для меня не просто огромная Честь быть свидетелем таинства рождения Концептологии, но и стать вашим проводником в этот мир. Как свидетель, я со всей точностью и нередко даже дословно постаралась отразить, что и как происходило в ходе 30-дневного экскурса в мир ключевого навыка нашей эпохи. Как проводник, приложила немало усилий, чтобы

ярко, образно и достоверно передать суть учебника по концептологии, а именно — «КАК ПРИМЕНЯТЬ МЕТОДЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ». Будучи соавтором этого учебника, я преследовала задачу показать, как мой Шеф — учёный, генеральный директор международного холдинга, самый главный знаток человеческих душ — учил других людей применять методы концептологии. По сути, как он учил моих коллег в научном подразделении применять методы концептологии.

Применять методы концептологии в жизни и деятельности — будь то любая сфера деловой активности, проектирование или развитие бизнеса или… даже смелое начинание «с чистого листа».

В этом — ключевая задача и суть данного учебника, первого в серии. Да, у учебника запланировано **продолжение.**

Второй том погружения в концептологию посвящён тому, как концепции превращаются в технологические системы. По сути, то будет книга о создании технологий.
За вторым томом последует и третий. Этот том, поистине, станет самым паранормальным учебником из всех мыслимых и немыслимых. Если коротко, Шеф покажет «святая святых»: как он проводит экспедиционные исследования и те самые тайные «взломы» загадок истории. Как, обладая лишь несколькими свидетельствами и следами прошлого, имея лишь пару запчастей некоей неизвестной машины, не располагая ни её названием, ни чертежами, воссоздать в обратном порядке и реконструировать ту самую машину. Как из фрагментов и извращённых невежеством обрывков воссоздается подлинный облик людей, феноменов, событий, эпох, машин и, конечно же, технологий древности. Как из пепла ностальгии по прошлому рождается Истинная История, зеркало науки о власти Человека в мире нечеловеческого.

Ловите волну!

С уважением и улыбкой,
Ирина Лопатюк

